

ДЛЯ СЛУЖЕБНЫХ ЦЕЛЕЙ

* **К. К. Звонарев**

АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА

**Русская агентурная разведка всех видов
до и во время войны 1914-1918 гг.**

**Германская агентурная разведка
до и во время войны 1914-1918 гг.**

ИЗДАНИЕ IV УПРАВЛЕНИЯ ШТАБА РАБ.-КР. КР. АРМИИ

**Издано при содействии
Всеукраинской партии "НОВА СИЛА"**

УДК 341.326 + 355.40

ББК 67.401.212

3 - 43

Звонарев К.К.

3 - 43 Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914-1918 гг. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914-1918 гг. - Киев: Издательский дом "Княгиня Ольга", 2005. - 696 с.: ил. - (Спецслужбы в войнах XX века).

ISBN 966-96101-2-5 (общ.)

ISBN 966-96101-3-3

В начале 1920-х годов перед специалистами IV (разведывательного) управления Штаба РККА была поставлена задача "провести обширное исследование, охватывающее деятельность агентуры всех важнейших государств, принимавших участие в мировой войне".

Результатом реализации столь глобального замысла стали подготовленные К.К. Звонаревым (настоящая фамилия Зайгзне К.К.) два тома капитального исследования: том I - об агентурной разведке царской России и том II - об агентурной разведке Германии, которые вышли из печати в 1929-31 гг. под грифом "Для служебных целей".

Книги, написанные на обширном фактическом и архивном материале, а также воспоминаниях непосредственных руководителей и участников тайных операций, во-первых, дают представление о технике и методике агентурной работы и контрразведки, применявшихся до и во время мировой войны, и, во-вторых, изложенные автором взгляды на тот или иной вопрос разведки или контрразведки являются если не официальными, то во всяком случае - официозными.

Настоящее издание представляет интерес не только для историков и исследователей деятельности спецслужб, но и для широкого круга читателей.

УДК 341.326 + 355.40

ББК 67.401.212

ISBN 966-96101-2-5 (общ.)

ISBN 966-96101-3-3

© ЗАО "Издательский дом
"Княгиня Ольга", 2005

Предлагаемая вниманию читателя книжная серия "Спецслужбы в войнах XX века" выходит в свет накануне 60-летия победы над фашистской Германией и окончания Великой Отечественной войны.

Прошло шестьдесят лет с того времени, когда стихли залпы последней, как надеялись люди всей планеты, войны. К сожалению, эти надежды, оплаченные неисчислимыми потерями, не сбылись.

Человечество оказалось не готовым решать свои проблемы мирным путем и языки военного пламени, затухая в одном месте, с чудовищной неотвратимостью, вспыхивали в другом. Бывшие вожди Германии, Италии и Японии, объявленные военными преступниками, покинули политическую сцену, однако другие, им подобные, пришли к власти в странах, разбросанных по всему миру. Холодная война, которая, как казалось, сдерживала насилие в Европе, на самом деле экспортировала его за пределы западного мира.

В XX век человечество вступило войной, разразившейся в Южной Африке между англичанами и бурами, которые хотели отделиться и основать свою собственную республику. И все столетие, завершающее очередной тысячелетний отрезок истории, нашу планету сотрясали две мировые войны и тысячи локальных вооруженных конфликтов.

Традиционно войны принято делить на справедливые и несправедливые. Часто это деление не вызывает сомнений: отражение нападения агрессора всегда было и будет справедливым. Однако, часто случается, что определить правого и виноватого не так просто, а иногда (как в случаях религиозных и этнических конфликтов) - невозможно. Жестокость приводит к жестокости, зло порождает зло. Но всегда конечная цель войны, кем бы и как бы эта война не велась, никогда не бывает достигнута. В истории человечества никто и никогда еще не одержал полной и окончательной победы навсегда. Недавние союзники в одной войне, очень скоро оказываются противниками в другой, непримиримые враги через некоторое время оказываются в одном стане, создаются и распадаются военно-политические союзы.

Рушатся империи, просуществовавшие столетия, и вчерашние соотечественники, а ныне граждане разных государств, начинают смотреть друг на друга сквозь прицел автомата.

Но есть еще один вид войны... Война, которая не прекращается ни на секунду... Война, история которой начинается во времена Адама и продолжается сегодня... Война жестокая, бескомпромиссная и беспощадная. Война, в которой есть победители и побежденные, есть свои герои и жертвы. Это тайная война специальных служб и специальных подразделений... Она не имеет четких территориальных границ, нет конкретно обозначенной линии фронта. Полем сражения служит весь земной шар. Секретная служба проходит за семью замками государственных тайн и ее солдаты погибают молча, как будто растворяясь в небытие....

В книгах серии планируется приоткрыть эту завесу и рассказать о роли и деятельности разведки и контрразведки, специальных подразделений различных стран мира (в том числе и Украины) в войнах и вооруженных конфликтах прошлого столетия, рассказать о выдающихся разведчиках и агентах, известных и неизвестных операциях. Рассказать со знанием дела, максимально объективно, честно и правдиво, без идеологических предубеждений и оценок.

Хотелось бы подчеркнуть еще один аспект.

В настоящее время на фоне глобальных геополитических преобразований: распада СССР, образования новых независимых государств, изменения политической картины мира, демократических преобразований в Украине, как активной участнице этого процесса, - тема разведки и контрразведки, роли спецслужб в жизни государства из сферы детективно-приключенческой перешла в сферу мировоззренческую и моральную.

Выходящая в свет книжная серия призвана не только информировать читателя, но и способствовать формированию в обществе цивилизованного отношения к деятельности спецслужб. Поскольку специальный орган, законодательно наделенный правом осуществления оперативно-розыскной и оперативно-разведывательной деятельности, есть неотъемлемой и обязательной составной частью государственной системы любой страны, ибо вечными были и остаются национальные интересы в вопросах обеспечения национальной безопасности.

Юрий Збитнев,

Председатель Всеукраинской партии "НОВА СИЛА"

Издательский Дом "Княгиня Ольга"

представляет серию

"СПЕЦСЛУЖБЫ В ВОЙНАХ XX ВЕКА"

Руководитель проекта - Збитнев Юрий Иванович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Белов А. Ф. - заслуженный деятель науки и техники, лауреат Государственной премии, генерал-лейтенант.

Бордюжа Ю. Н. - полковник запаса СБУ.

Большаков В. Н. - докторант Национальной академии внутренних дел Украины, канд. юр. наук, подполковник в отставке.

Грушина О. В. - Издательский Дом "Княгиня Ольга", Глава правления.

Запорожец Г. А. - главный редактор журнала "Техника специального назначения" (Международная ассоциация ветеранов подразделений антитеррора "Альфа").

Козленко В. Н. - Киевский государственный университет, кандидат философских наук, доцент, полковник запаса.

Короп Н. А. - полковник юстиции запаса, магистр.

Крутов В. В. - доктор юридических наук, генерал-лейтенант.

Лищук В. Д. - кандидат философских наук.

Мосов С. П. - доктор военных наук, профессор, полковник.

Севрюков Г. И. - ректор Новокаховского гуманитарного института Киевского университета "Украина", кандидат философских наук.

Сидак В. С. - доктор исторических наук, член-корреспондент АПН Украины.

Тимошенко В. А. - ректор Национальной Академии СБ Украины, кандидат юридических наук, профессор, генерал-майор.

Тимошенко И. И. - ректор Европейского университета финансов, информационных систем, менеджмента и бизнеса; доктор педагогических наук, профессор.

Федько В. Ф. - исследователь, автор и разработчик информационно-издательских проектов "Мир специальных служб", "Моя революция", "Спецслужбы в войнах XX века". Зам. гл. редактора журнала "Техника специального назначения".

Черненко В. И. - кандидат технических наук, доцент, полковник запаса.

Шульга В. В. - начальник Управления спецтелекоммуникаций и компьютерных сетей Администрации Президента Украины. Генерал-лейтенант.

При участии информационных партнеров:

Информационно-издательский проект

"Мир специальных служб".

Научно-методический журнал

"Техника специального назначения".

Газета **"Мир специальных служб"** (пилотный проект).

ДЛЯ СЛУЖЕБНЫХ ЦЕЛЕЙ

Содержит сведения о деятельности разведки в войну 1914-1918 гг. и в период гражданской войны 1918-1920 гг. В книге приведены сведения о деятельности разведки в войну 1914-1918 гг. и в период гражданской войны 1918-1920 гг. В книге приведены сведения о деятельности разведки в войну 1914-1918 гг. и в период гражданской войны 1918-1920 гг.

Книга первая

Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914-1918 гг.

В книге приведены сведения о деятельности разведки в войну 1914-1918 гг. и в период гражданской войны 1918-1920 гг. В книге приведены сведения о деятельности разведки в войну 1914-1918 гг. и в период гражданской войны 1918-1920 гг. В книге приведены сведения о деятельности разведки в войну 1914-1918 гг. и в период гражданской войны 1918-1920 гг.

ИЗДАНИЕ IV УПРАВЛЕНИЯ ШТАБА РАБ.-КР. КР. АРМИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ *

Выпуском настоящего труда К. К. Звонарева IV Управление начинает издание серии работ, посвященных истории агентурной разведки до и во время минувшей империалистической войны. Серия эта задумана в форме обширного исследования, обнимающего деятельность агентуры всех важнейших государств, принимавших участие в мировой войне. В настоящий момент тов. Звонаревым закончены составлением два тома этого труда: том I - об агентурной разведке царской России и том II - об агентурной разведке Германии, и производится подготовительная работа по составлению истории агентурной деятельности Австро-Венгрии, Франции, Англии, Японии и других государств.

Основным мотивом, побудившим IV управление взяться за разработку истории агентуры, послужили, главным образом, два обстоятельства: во-первых, отсутствие не только в русской, но и в мировой литературе сколько-нибудь солидного и пригодного для серьезного изучения вопросов агентурной разведки труда и, во-вторых, необходимость дать начсоставу РККА конкретное представление о действительных возможностях и методах работы агентурной разведки и тем способствовать как наибольшему успеху в ее применении, так и принятию мер по предохранению от разведки враждебных нам государств.

Тот факт, что все государства и в мирное, и в военное время используют тайную агентуру в целях наилучшего осведомления о силах и средствах действительных или возможных противников, не может никем быть оспорен. Настоящий труд подтверждает это с особой наглядностью. Но далеко не многим известно то, что агентурная разведка строится на основе широко разветвленной и сложной, постоянно действующей тайной организации, применяющей самые разнообразные и подчас неожиданные средства проникновения в чужие тайны.

Значение исторических исследований по агентурной разведке, основанных на тщательном критическом изучении различных материалов, в том и заключается, что при посредстве их имеется возможность реально ощутить всю мощь этого средства борьбы и вместе с тем развеять существующие на этот счет фантазии и преувеличения.

Труд тов. Звонарева заслуживает, поэтому, полного внимания всех военных работников и может быть рекомендован им как вполне доброкачественное пособие для ознакомления с деятельностью тайной агентуры.

* Предисловие IV (разведывательного) Управления Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

ЧАСТЬ I
РУССКАЯ АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА ДО РУССКО-
ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 гг.

Глава первая
Агентурная разведка разных ведомств

Министерство иностранных дел. Платная агентура. - Послы и консулы. - Рассылка агентурных материалов. - Дипломатические курьеры. - Случай с графом Игнатьевым. - "Черные кабинеты". - Работа русского "черного кабинета". - Покупка шифров и кодов. - Дипломатические разговоры.

Министерство внутренних дел. Департамент полиции. - Интерес к революционным организациям. - Совместная работа полиции буржуазных стран. - Военная контр-разведка. - На что тратились деньги в департаменте полиции.

Министерство двора. Дворцовая агентура. - Система работы, - не деньгами, а подарками и орденами. - Личные адъютанты царей. - Определение их задач Вильгельмом II и назначения.

Министерство финансов, торговли и промышленности. Интересующие их вопросы. - Способы получения сведений.

Хотя целью настоящего труда является рассмотрение агентурной разведки, направлявшейся военным ведомством, мы, однако, для полноты представления, вкратце укажем и на другие ведомства, ведшие самостоятельно агентурную разведку для освещения вопросов, интересовавших эти ведомства.

В царской России не было почти ни одного ведомства-министерства, которое в том или ином виде не занималось бы зарубежной агентурной разведкой или контр-разведкой. Внутри же военного ведомства, несмотря на существование специального органа разведки в Главном штабе, несколько главных управлений военного министерства вели самостоятельную агентурную разведку по узкоспециальным, их интересовавшим вопросам.

*

* *

Министерство иностранных дел имело за рубежом свою

платную агентуру и тратило на нее довольно солидные суммы. Эта агентура должна была добывать секретные сведения дипломатического и политического характера. Этой разведкой ведал и руководил в центре - департамент политических дел министерства иностранных дел, а на местах, за рубежом - дипломатические представители, - послы и консулы. Они имели платных тайных агентов для сбора нужных секретных сведений и документов. В политическом департаменте эти сведения группировались по отдельным вопросам и странам и выпускались отдельными литографированными бюллетенями, рассылавшимся почти всем центральным учреждениям и русским дипломатическим представительствам за границей. Каждое сведение, помещенное в бюллетене, сопровождалось указанием его официального источника (посольства или консульства). Нередко в них помещались без всяких изменений дешифрованные телеграммы послов и консулов. Иногда такого рода бюллетени рассылались заграничным адресатам по обычной почте, правда, с надписью: "совершенно секретно в собственные руки" и в пакетах, запечатанных сургучной печатью. Понятно, что "черные кабинеты" иностранных государств имели полную возможность ознакомиться с содержанием такого рода "совершенно секретных" пакетов... Так называемыми "дипломатическими курьерами" в то время пользовались крайне редко, в особо важных случаях, да притом и состав этих дипломатических курьеров допускал возможность при помощи определенной суммы денег ознакомиться с содержанием порученной им архисекретной и важной почты. До чего плохо обстояло дело в этом отношении, показывает следующий факт, рассказанный бывшим царским цензором С. Майским¹.

"...Про графа Н. П. Игнатьева и "черном кабинете" сохранилось предание, что он, будучи послом в Турции, отправлял свои донесения в простых (не заказных) письмах, заделанных в грошовые конверты, которые пролежали некоторое время вместе с селедкой и мылом, и заставлял своего лакея писать

¹См. С. Майский - Черный кабинет. Изд. "Былое", 1922 г.

адрес не на имя министра иностранных дел, коему письмо предназначалось, а на имя его дворника, или истопника, по частному адресу. Вот такие меры предосторожности, пожалуй, действительно спасали его корреспонденцию от перлюстрации. Прибегал же Игнатьев, по преданию, к таким мерам потому, что, будучи еще русским военным атташе в Лондоне, он получил однажды письмо из Петербурга со следами оттиска почтовых штемпелей всех на одной стороне вложения, хотя на конверте штемпеля были положены одни на лицевой, а другие на клапанной стороне конверта. Оттисками этих штемпелей можно было безусловно доказать, что его письмо было перлюстрировано в Лондоне, или на британских островах, и Игнатьев упрекнул великобританского министра иностранных дел в том, что его подчиненные вскрывают письма члена русской миссии: министр дал честное слово лорда, что в Англии "черного кабинета" не существует, уличенный же оттисками штемпелей в противном, он, смеясь, заметил: "А что же я, по вашему, должен быть сказать? Неужели вы думаете, что нам не интересно знать, что вам пишет ваш министр и что вы ему доносите про нас?"

Но и само русское министерство иностранных дел, в свою очередь, при помощи "черного кабинета", подчиненного министру внутренних дел, извлекло много ценных сведений из переписки иностранных послов со своими правительствами. О том, как эта "операция" производилась, рассказывает тот же Майский в указанной выше брошюре:

"...Эта корреспонденция получилась в Петербурге и отправлялась за границу в особых постпакетах и была большею частью зашифрована с помощью кода и запечатана одной или несколькими печатями. Все эти предосторожности, однако, не спасали ее от перлюстрации, так как, во-первых, она попадала в "черный кабинет" полностью в своем постпакете. Попадала она туда и тогда, когда сдавалась на почту всего за несколько минут до заделки постпакета перед отправлением его на вокзал. Во-вторых, - потому, что в секретной экспедиции имелась полная коллекция безукоризненно сделанных металлических печатей как всех иностранных посольств, консульств, миссий и агентств в

Петербурге и министерств иностранных дел за границей, так и всех послов, консулов, атташе, министров и канцлеров. С помощью печаток вскрывать и заделывать эту дипломатическую переписку, без малейшего следа вскрытия, не представляло никаких затруднений. В третьих - потому, что имелись шифрованные коды всех стран, с помощью которых эта корреспонденция свободно читалась и переводилась уже не в "черном кабинете", а в другом, однородном с ним, учреждении при министерстве иностранных дел, куда попадали копии со всех получаемых посольствами и отправляемых ими зашифрованных телеграмм. В особо важных случаях туда попадали и такие ультра секретные донесения, которые отправлялись со специальными курьерами в кожаных портфелях с замком. Для получения такого рода корреспонденции пускался в ход презренный металл и не было случая, чтобы золото не открывало замка портфеля и не давало возможности всего на несколько минут взглянуть глазом объектива фотографического аппарата на содержание тщательно запечатанных вложений портфеля. В этих делах все сводилось только к тому, во сколько червонцев обойдется вся эта манипуляция. Здесь кстати будет заметить, что все (или почти все) эти курьеры, фельд'егеря, служители и пр. были подкуплены. За весьма небольшую мзду, выплачиваемую им ежемесячно или поштучно, они приносили в указанное место не только все содержимое корзины у письменного стола своих господ, но и копировальные книги из их канцелярий, черновики их писаний, подлинники получаемых писем и официальных донесений и даже целые коды и шифровые ключи. Для достижения этого им приходилось иногда брать у спящих господ ключи от их письменного стола или от несгораемого шкафа, снимать с них отпечаток из воска и заказывать дубликаты ключей, или пускать ночью в канцелярию посольства таких лиц, которые могли бы выбрать то, что было нужно. Поражаться надо было доверию некоторых послов к своим лакеям, которые их продавали за гроши.

Однажды произошел такой случай: вместо одного посла великой державы был назначен другой, который должен был с собой привести весь новый штат служащих, так как прежний

посол старым своим слугам не доверял, но в письме к новому послу очень ходатайствовал за одного, по его выражению "незаменимого" человека, своего выездного лакея, т. е. именно за то лицо, которое за незначительное месячное вознаграждение доставляло из посольства все, что было угодно...."

Шифры и коды, однако, приобретались не только при помощи служащих посольств. Они покупались также в Париже и Брюсселе, где у известных лиц имела открытая торговля иностранными кодами и шифрами.

Приведенная выше довольно длинная выписка подтверждает ту кипучую агентурную деятельность, которую вело царское министерство иностранных дел не только за границей через своих официальных представителей, но и в самой России при помощи "черного кабинета" и специальной агентуры в иностранных посольствах и в других дипломатических учреждениях.

За границей представители министерства иностранных дел пользовались не только специальными тайными агентами, но и всякими встречами и разговорами с разными официальными лицами и общественными деятелями. Например, по словам А. А. Половцева¹ бывший посол в Японии перед войной 1904-1905 гг. Извольский говорил ему, что он сообщал министерству иностранных дел сведения о японских военных приготовлениях, полученные им "от военных агентов иностранных держав и преимущественно Франции".

Кроме того, необходимо также указать, что ни одно ведомство без ведома и содействия министерства иностранных дел не имело возможности послать своих агентов за границу и более или менее сносно их там маскировать. Хотя и неохотно и не всегда, но министерство иностранных дел эти услуги все же оказывало, взамен чего, согласно существовавшим правилам, послы и пр. представители министерства иностранных дел имели право знакомиться с материалами, добытыми агентами других ведомств.

Все это, вместе взятое, ставило министерство иностранных дел в смысле осведомленности в довольно выгодное перед остальными ведомствами положение.

¹См. Дневник А. А. Половцева "Красный Архив", том IV.

Министерство внутренних дел или, вернее, его департамент полиции также имел за границей свою самостоятельную агентуру. Основной задачей этой агентуры являлось освещение русских революционных организаций и отдельных революционеров и их деятельности за границей. Страны, в которых русские политические эмигранты чаще всего находили себе убежище, были наводнены агентами департамента полиции. Эти агенты существовали и "работали" почти совершенно открыто и были известны местным властям. Несмотря на такое выгодное положение, департаменту полиции, однако, казалось, что дело можно устроить на еще более прочных и обширных основаниях, если заключить официальное соглашение с некоторыми правительствами о совместной объединенной борьбе с революционным движением. Проекты такого рода соглашения несколько раз предлагались русскими царями Германии, но не встречали сочувствия. Департамент полиции, однако, не унывал и самостоятельно, на свой страх и риск, входил в частные тайные соглашения с германской полицией. Последняя за плату оказывала услуги русской полиции по преследованию русских политических эмигрантов. Услуги эти оказывались тайком, но все же кое-что из этой области стало общеизвестным. Так, например, запрос германских социал-демократов в рейхстаге 19 января 1904 года о деятельности русских полицейских шпионов и о содействии им германской полицией обрисовал картину весьма сердечной совместной деятельности германской полиции со шпионами русской полиции¹.

Помимо этой деятельности, департамент полиции до 1911 г. имел в своих руках также и военную контрразведку. Но, по сравнению с первой, эта часть его деятельности была в загоне. Заграничная агентура в целях военной контрразведки почти не использовалась. Главная ставка ставилась департаментом полиции на подкуп сотрудников иностранных посольств и

¹См. Азиат - Русские шпионы в Германии. Изд. Ф. Готтгейнера, Берлин, 1904 г.

внешнее наблюдение. Результаты военной контр-разведывательной деятельности департамента полиции были настолько слабы и стоили так дорого, что, после долгих споров, в 1911 году Генеральный штаб взял военную контрразведку в свои руки.

В ведении министерства внутренних дел, как это было уже указано выше, находился также и "черный кабинет", территориально расположенный в главном почтамте.

Как и на что департамент полиции тратил ассигнованные на эту разнообразную агентурную деятельность средства, показывает хотя бы следующий факт, рассказанный А. В. Богданович¹.

"...Галкин тоже говорил, что Черевин и другие дополнили сведения Шишкина насчет безобразий, которые производил Дурново (полиция) в течении пяти лет: посылал своих любовниц агентами тайной полиции в Париж, давал 5.000 рублей на путешествие, и, не бывши уверенным, что там они останутся ему верны, отправлял туда же следить за их поведением настоящих сыщиков. А тут думали, что все это делается с целью государственной охраны".

Можно было бы провести бесконечное количество аналогичных примеров деятельности департамента полиции.

*

* *

Министерство двора также вело самостоятельную зарубежную агентурную разведку. Эта агентура занималась, главным образом, собиранием разных придворных сплетен, выяснением и освещением дразг, склок, и вообще закулисной интимной жизни иностранных дворов. Мимоходом, в зависимости от наклонностей и способностей главного агента, изредка освещались также вопросы политические, дипломатические и военные. Эта агентура по количеству действовавших в ней лиц не была обширной, но за то она была прекрасно обставлена, с большими возможностями и снабжена весьма крупными суммами денег. Руководили этой агентурой специальные доверенные русского царя при дворах иностранных монархов. Официальное назначение

¹См. А. В. Богданович - Дневник. Три последних самодержца. Изд. Л.Д. Френкеля, Москва, 1924 г.

этих высокопоставленных шпионов Вильгельм II определял следующими словами¹.

"Принимая во внимание наши близкие отношения, - писал Вильгельм Николаю Романову, - и частый обмен письмами и сообщениями, чем постоянно и напрасно приводится в движение сложный механизм посольств, не хочешь ли ты возобновить старый обычай, соблюдавшийся нашими предками около ста лет, а именно иметь каждому из нас при своем штабе личного ад'ютанта? Дела более интимного и частного характера могли бы идти, как и в прежние времена, непосредственно через них и сношения благодаря этому значительно упростились бы. Я бы с удовольствием принял в мой "maison militaire" кого-нибудь из лиц, которым ты действительно доверяешь, а ты не желаешь ли иметь Мольтке?"

В другом письме (№ 56, от 6 VI 1904 г.) Вильгельм опять пишет Николаю Романову по тому же вопросу.

"В качестве военного атташе я выбрал майора графа Лансдорфа - моего личного ад'ютанта. Я дал ему инструкции, чтобы он считал себя исключительно состоящим при твоей особе, как это бывало во времена Николая I и Александра II. В своих донесениях он ответственен только передо мной лично, и ему раз навсегда запрещено входить в сношения с кем-либо другим, будь то генеральный штаб, министерство иностранных дел или канцлер. Таким образом, ты можешь доверить ему какие угодно поручения, запрос, письмо и т. д. для меня и пользоваться им в любом деле в качестве непосредственной связи между нами. Если бы ты пожелал прислать кого-нибудь из твоей свиты, кто бы пользовался твоим полным доверием, то я принял бы его с удовольствием, так как считаю крайне необходимым, чтобы во время серьезных событий ты мог бы в случае надобности возможно быстрее сноситься со мной, без громоздкого и нескромного аппарата канцелярий посольств и т. д."

Эти личные ад'ютанты, с такими скромными официальными задачами, имели поручения весьма секретного характера, как это видно хотя бы из дневника Татищева, бывшего до войны 1914-

¹См. Переписка Вильгельма II с Николаем II.

1918 гг. представителем Николая Романова при Вильгельме. Разница в исполнении этих поручений шпионами обычного типа и личными ад'ютантами заключалась в том, что последние прямым подкупом для получения нужных им сведений пользовались в виде исключения и крайне редко. Они предпочитали оплачивать своих вольных и невольных агентов дорогими подарками, выклянчивать для них ордена и т. д. Но главным их излюбленным способом собирания сведений были: кутежи, обеды, интимные чаепития, балы и т. п. Понятно, что такого рода постановка собирания секретных сведений стоила громадных сумм денег и допускала возможность самых беззастенчивых злоупотреблений со стороны этих царских доверенных. Но этим тогда не смущались, лишь бы побольше пикантных и интимных сплетен давал такой агент из жизни двора, к которому он был приставлен.

*

* *

Л. М. М.

Министерства финансов, торговли и промышленности также имели самостоятельные зарубежные агентуры. Интересовались они, главным образом, секретными сведениями финансового, коммерческого и экономического характера. Эти данные добывались официальными агентами указанных ведомств, находившимися при заграничных посольствах. Сбор сведений они производили, главным образом, из официальных и неофициальных периодических и другие специальных изданий, посредством банков, коммерческих и промышленных предприятий и т. д. Для этих целей они старались использовать услуги отечественных коммерсантов и финансистов, имевших дела с заграничными коммерческими предприятиями и банками.

Л. М. М.

Однако, насколько можно судить по имеющимся данным, эти агентуры были довольно слабы, и, как только представлялась необходимость добыть более или менее важные и секретные сведения, все министерства обращались за содействием к министерствам военному или иностранных дел. Так, например, еще в июне 1839 г. командир корпуса горных инженеров обратился к послу в Берлине П. К. Мейендорфу с письмом, в котором писал, что "царь поручил министерству финансов (пути сообщения в то время

находились в ведении министерства финансов. - К.З.) наблюдать за ходом и успехом устройства железных дорог в других странах и для того собирать благовременно все по сей части сведения". От Мейендорфа требовались сведения о железных дорогах Пруссии.

Глава вторая

Взаимоотношения ведомств, ведших агентурную

разведку

Отсутствие объединения разведывательной деятельности разных ведомств. - Преимущественное положение министерства иностранных дел. - Вражда министерства иностранных дел с военным ведомством и трогательное единение и согласие с министерством внутренних дел. - Обсуждение вопросов военной разведки министрами: военным, иностранных дел и внутренних дел. - Протокол совещания забыт его участниками. - Министерство иностранных дел продолжает издеваться над военным ведомством. - Проекты организации агентурной разведки в Германии и Австро-Венгрии.

Разведывательная деятельность различных ведомств объединена не была. Каждое из них работало на свой страх и риск, ничего не зная о том, что делается и что добывается другим ведомством. Все ведомства, ведшие зарубежную разведку, волей неволей вынуждены были иметь постоянный односторонний контакт с министерством иностранных дел по поводу отправки того или иного сотрудника за границу, поддержания с ним связи и т.д. Ввиду того, что сотрудники всех остальных ведомств за границей официально в порядке общей службы подчинялись послу, они вынуждены были показывать или даже давать копии своих донесений и докладов последнему.

Министерство иностранных дел прекрасно учитывало эти обстоятельства и старалось использовать их в своих чисто ведомственных интересах. Больше того, при малейшем отказе исполнить какой либо каприз министерства иностранных дел, оно вставляло палки в колеса разведывательной деятельности такого "смелого" ведомства. Особенно сильно в этом отношении страда-

ло ведомство военное.

Единственно с кем у министерства иностранных дел существовало трогательное единение и согласие - это с департаментом полиции министерства внутренних дел. К этому имелось много разнообразных причин, но главными из них были следующие.

1. В руках министерства внутренних дел находился "черный кабинет", дававший министерству иностранных дел много ценнейших документов из дипломатической почты иностранных государств.

2. При желании департамент полиции мог сильно препятствовать министерству иностранных дел при выдаче сотрудникам последнего свидетельств о благонадежности, необходимым для выезда за границу, как это и проделывалось неоднократно с офицерами, посылавшимся за границу военным ведомством.

3. Министерство иностранных дел для поддержания своих акций за границей было крайне заинтересовано в успешной борьбе с революционным движением внутри России.

"Козлом отпущения" для всех капризов министерства иностранных дел являлось военное ведомство, не сумевшее себя поставить на должную высоту. Оно и шага не могло сделать без того, чтобы не встретиться, в том или ином виде, с противодействием министерства иностранных дел. Этот антагонизм дошел до того, что в июне 1892 г. по приказанию царя понадобилось созвать специальное совещание, состоявшее из министров: военного, иностранных и внутренних дел. Предметом обсуждения на совещания явился вопрос "о своевременном приведении русской армии на военное положение в случае разрыва с нашими западными соседями". Протокол совещания был утвержден царем. В результате этого совещания военное министерство получило следующее задание: "чтобы при объявлении нам войны не быть застигнутыми врасплох, получать из Германии и Австро-Венгрии возможно точные сведения о всех военных приготовлениях от наших миссий, консульств и других агентов".

Для этой цели на военного министра было возложено:

1. Принятие мер к ознакомлению наших консулов в Герма-

нии и Австро-Венгрии с техникой приведения их вооруженных сил на военное положение.

2. Содержание тайных военных агентов при консулах, пребывающих в наиболее важных в военно-политическом отношении пунктах.

Казалось бы, что постановления этого совещания, утвержденные царем, являлись как бы законом для царских чиновников и подлежали немедленному проведению в жизнь. В действительности же дело обстояло совершенно иначе. Вначале военное министерство принялось весьма горячо за создание агентурной сети в пограничных районах соседних государств. Позднее, натолкнувшись на пассивное, а нередко и активное, и даже открытое сопротивление министерства иностранных дел, громадные формальности и канцелярщину, - военное министерство охладело и в конце концов махнуло рукой на постановления совещания и на надпись царя "быть по сему". Министерство иностранных дел в течение 12 лет почти регулярно через каждые два-три года запрашивало военное министерство: "что сделано военным ведомством для проведения в жизнь постановлений совещания 1892 г."? Каждый такой вопрос неизменно сопровождался критикой слабых мероприятий и нерешительности военного ведомства и сообщением, что "министерство иностранных дел слагает с себя ответственность за могущие быть последствия от неисполнения высочайшей воли".

В первое время военное ведомство аккуратно отвечало на эти запросы министерства иностранных дел, не подозревая, видимо, их истинного смысла и цели. Но позднее, когда оно поняло, что министерство иностранных дел своими запросами как бы показывает свою громадную заинтересованность в хорошей поставке военной разведки, а с другой стороны, всеми силами тормозит налаживание этого дела, - оно перестало отвечать.

Приведенная выдержка из постановлений указанного совещания показывает также, что военная разведка была поставлена настолько слабо и военное ведомство было настолько беспомощно, что потребовалось обсуждение вопросов военной разведки в компании министров иностранных и внутренних дел.

Весьма характерный пример из области взаимоотношений министерств военного и иностранных дел приводят в своем дневнике А. А. Половцев¹.

"....Завтракает у нас посланник в Копенгагене Извольский. Рассказывает главные черты своего пребывания посланником в Японии. У него на глазах создавались армия и флот, предназначавшиеся для войны с Россией. О таковых приготовлениях Извольский писал министру иностранных дел Ламздорфу, который не обращал на его донесения внимания, полагая, что это составляет обязанность военного агента, а между тем военным агентом был Ванновский, попавший на эту должность исключительно потому, что он был племянником военного министра. Ванновский ничего не сообщал Извольскому на том основании, что военные приготовления не касаются дипломата, так что Извольскому приходилось собирать эти сведения от военных агентов иностранных государств, преимущественно французского".

Аналогичных примеров имеется бесконечное количество. Они дают убийственную характеристику обоим этим ведомств, не сумевших подняться выше мелких дразг и склок ради общего дела.

Во исполнение постановлений совещания 1892 года министерство иностранных дел решило провести в жизнь следующие мероприятия:

1. Предпринять некоторые новые назначения пограничных консулов.
2. Поручить своей 1-й экспедиции снабдить всех пограничных консулов в Пруссии и Австрии однообразным шифром для сношений с Берлином и Веной, генерал-губернаторами Варшавы, Вильно и Киева, а также для сношений между собой.
3. Предложить посланникам в Дании и Швеции, а также послу в Лондоне, подыскать доверенных лиц, которым консула могли бы адресовать вышеупомянутые телеграммы.
4. Поручить 1-й экспедиции составить словарь условного

¹См. А. А. Половцев - Дневник. "Красный Архив", том IV.

языка для открытых телеграмм.

5. Поручить генеральному консулу в Данциге барону Врангелю главный надзор за единством в действиях прочих консулов в Пруссии.

6. Снабдить последнего особым шифром для сношений с Варшавой и Вильно.

В декабре 1895 года посол в Берлине Остен-Сакен сообщил министру иностранных дел, что из всех указанных выше преднамерений министерства иностранных дел отчасти исполнены лишь первые три пункта, и то не вполне. Так, например, вице-консул в Торне не назначен, несмотря на всю важность этого пункта. Во всей Познанской области, населенной поляками и имеющей с Россией общую границу на сотни верст, - не имеется ни одного русского агента. Из трех русских миссий в Германии только один граф Муравьев ответил Остен-Сакену, что требуемая "личность для передачи депеш им отыскана".

Последние же три пункта оставались неисполненными, Генеральный консул барон Врангель никаких письменных приказаний и инструкций "о главном надзоре за единством действий консулов" не получил и даже не знал, "чего он может требовать от них - ему ни в чем не подчиненных, а тем более от военных агентов в Кенигсберге или будущего - в Торне".

Особого шифра для сношений с генерал-губернаторами Варшавы и Вильно Врангель также не получал.

Далее Остен-Сакен указывал, что выбор кандидатов на пограничные консульские посты в Мемеле, Кенигсберге, Торне и Бреславле, а в особенности в Данциге, - должен производиться, ввиду трудности и ответственности возлагаемых на них поручений, - крайне осмотрительно. При выборе этих лиц такт, знания, опытность и безукоризненное прошлое, по мнению Сакена, - "будут играть важную роль". Он отметил, что Прусское правительство зорко следит за русскими пограничными агентами, понимая их значение, и поэтому "мы должны быть вдвойне осторожны в выборе". Но это исполнялось министерством иностранных дел далеко не всегда. Как на пример неудачного подбора консулов Сакен указал на двух бывших консулов -

Платона в Бреславле и Эбергарда в Мемеле.

Кроме того, он указывал на желательность выбора консулов на пограничные пункты преимущественно из среды бывших военных, поступающих на службу в министерство иностранных дел...

Остен-Сакен считал, что всем пограничным консулам необходимо назначить штатных секретарей или вице-консулов из числа русских чиновников ибо "присутствие и службу в их канцеляриях прусско-подданных я считаю неуместными и опасными. Нельзя забывать, что к пограничным консулам беспрестанно командировются с секретными поручениями чиновники и офицеры разных ведомств и что в делопроизводстве находится масса дел самого доверительного характера. Кроме того, в этих консульствах хранятся шифры трех министерств: военного, внутренних и иностранных дел... Ни Германия, ни Франция этого не допускают в своих консульствах. Так, например, в Данциге и Кенигсберге выяснилось, что эти лица состояли на содержании прусской полиции. Эти же иностранцы должны заменять наших пограничных консулов во время их служебных раз'езда, отпусков, болезни и принимать секретные депеши и разных чиновников и офицеров, командированных в Пруссию..."

Эти выдержки из доклада Остен-Сакена показывают, как мало было сделано министерствами иностранных и военных дел для организации военно-политической разведки на западе.

Министерство иностранных дел ответило Остен-Сакену, что оно с благодарностью принимает высказанные им мысли и на этом успокоилось.

Через девять лет, а именно - 13 мая 1904 года, министр иностранных дел писал Остен-Сакену, между прочим, следующее:

"... Имею честь обратиться к вашему сиятельству с покорнейшей просьбой сообщить мне самым доверительным образом ваш отзыв по нижеследующим вопросам:

1. Снабжены ли наши консула в пограничных местностях инструкцией от Главного штаба и необходимыми сведениями о современной организации и расположении германской армии в приграничных провинциях?

2. Имеют ли означенные консула шифр для сношений непосредственно с Главным штабом и воинским начальством русских пограничных округов?

3. Приисканы ли те частные лица, через которых предполагалось совещанием передавать от консулов Главному штабу сведения чрезвычайной важности, и выработан ли словарь условного языка для сношений этих частных лиц?

4. Организован ли и как контроль посольства над означенной деятельностью консулов?

В том случае, если осуществление указанных мероприятий встретило какие-либо затруднения и по каким-либо соображениям не было еще приведено в исполнение в той или другой части, я просил бы ваше сиятельство сообщить мне, равным образом ваше мнение, признаете ли вы ныне современным возбуждение вопроса о пересмотре условий, выработанных совещанием 1892 года, системы собирания военно-политических сведений, поскольку дело относится к подведомственным вам консулам, или полагаете, что современная организация нашей военной агентуры в Германии в достаточной степени обеспечивает собирание предусмотренных совещанием 1892 года данных..."

На это письмо министра иностранных дел Остен-Сакен ответил (21 мая 1904 г.), что возложить требуемые обязанности на пограничные консульства без предварительной реорганизации их состава было бы делом, по меньшей мере, - рискованным, так как обязанности эти носят специальный и доверительный характер и требуют специальных, тщательно выбранных, агентов, обладающих, кроме военных познаний, утонченным тактом, испытанностью и добросовестностью.

Применение выработанного секретным совещанием 1892 года проекта, - по словам Остен-Сакена, - не состоялось и никаких дальнейших предписаний для осуществления этого проекта получено не было.

Далее Остен-Сакен писал: "не считая себя компетентным в военном деле, я затрудняюсь ответить на предложенный мне вами вопрос, насколько современная организация нашей военной агентуры достаточно обеспечивает собирание предусмотренных

совещанием 1892 г. данных. Скажу только, что при строго добросовестном отношении к своему долгу прусской администрации, добывание секретных сведений предоставляется для наших военных агентов весьма трудным и рискованным делом. К тому же надзор за последними ведется весьма тщательный. Не берусь судить о результате их деятельности, который более известен Главному штабу.

Что же касается до современности пересмотра условий совещания 1892 года, то оно, казалось бы, было в настоящее время нежелательным.

Вряд ли новое устройство собирания сведений военно-политического характера ускользнуло бы от внимания здешнего правительства, что могло бы вызвать весьма нежелательные и даже опасные для нас последствия. Возбуждение подозрения германского правительства против нас ослабило бы добрососедские отношения его к настоящим затруднениям на Дальнем Востоке..."

На этом вопрос о создании агентурной сети на западе согласно постановлений совещания 1892 года - и закончился.

Как видим, дело вперед не продвинулось, и все осталось по старому, т. е. никакой агентурной сети создано не было...

Глава третья

Агентура военного ведомства

Органы агентурной разведки и их штаты в военном ведомстве. - Отсутствие объединения разведывательной деятельности разных учреждений военного ведомства. - Результаты несогласованности и необъединенности в деле разведки, провалы агентов.

Военное ведомство имело специальный орган по ведению военной агентурной разведки в иностранных государствах. Название и подчиненность этого органа менялись соответственно реорганизациям военного ведомства. Например, в 1812 году агентурной разведкой ведал "военно-ученый комитет", непосредственно подчиненный военному министру. В 1815 году этот "комитет"

перешел в непосредственное подчинение начальника вновь созданного Главного штаба. При реорганизации центрального военного аппарата в 1903 году "военно-ученый комитет" был упразднен и вместо него создано VII отделение (статистика иностранных государств) 1-го военно-статистического отдела управления 2-го генерал квартирмейстера Главного штаба.

Согласно приказу по военному ведомству № 133 от 11/IV-1903 г., VII отделение состояло из:

Начальника отделения (полковник Генштаба).....1

Столоначальников (штаб. офицеры Генштаба).....8

Их помощников (обер-офицеры или подполк. генштаба)..8

Всего, таким образом, было 17 офицеров Генштаба, к которым нужно еще добавить писарей, военных чиновников и прикомандированных офицеров.

Задачи "отделения по военной статистике иностранных государств" в том же приказе (§ 13, п. 2) определены следующим образом:

"Сбор, обработка и издание военно-статистических материалов по иностранным государствам. Переписка по военно-агентурной части. Командирование офицеров с научными целями. Рассмотрение изобретений по военной части".

Как видим, здесь полное смешение добывающих (оперативных) и обрабатывающих функций в одном органе, даже без выделения хотя бы небольшого оперативного аппарата. Понятно, что такая структура крайне вредно отзывалась на работе, вносила в дело путаницу и работа хороших результатов давать не могла. Это обстоятельство дало себя почувствовать вскоре же после выхода указанного приказа и было учтено VII отделением. Один из сотрудников этого отделения - капитан Никольский - представил доклад по начальству, в котором указал, что "с первых же дней действий новой организации выяснилась необходимость иметь начальнику военного статистического отдела, в непосредственном ведении, особое делопроизводство по личному составу военных агентов, вместе со всеми делами по негласной агентуре и денежным суммам".

Из дальнейшего доклада капитана Никольского выясни-

лось, что особое делопроизводство, не предусмотренное штатами, было создано "домашним способом", посредством возложения этих обязанностей на двух офицеров из числа 17 штатных сотрудников VII отделения. Таким образом, явочным домашним порядком был создан как бы оперативный орган, непосредственно ведавший официальными и тайными военными агентами. Он ведал их назначением, вел им учет, кое-когда давал задания, высылал им деньги, получал от них отчеты, донесения и доклады, вел с ними переписку, - т. е. являлся исполнительным органом начальника военно-статистического отдела.

Таким образом, разделение функций произошло. Но оно ударило в другую крайность и вылилось в уродливую форму - полной обособленности между добывающим и обрабатывающим органами. Настолько ненормальной была эта обособленность, что начальник обрабатывающего органа Михельсон вынужден был писать, что "вопрос по военной агентуре чрезвычайно важен и сложен, но в VII отделении нет многих данных по этому вопросу, так как все сношения с агентами и даже *посылка инструкций им для разведки* (курсив Михельсона) делалась всегда помимо VII отделения". Другими словами, даже задания вырабатывало особое делопроизводство без ведома и участия обрабатывающего органа - VII отделения.

Бичем особого делопроизводства Военно-Статистического отдела была весьма частая, ненормальная смена личного состава. Так, за время с 1-го мая 1903 г. по 1-ое марта 1905 г. в особом делопроизводстве переменялось 6 офицеров, т. е. весь его состав переменялся три раза. Капитан Никольский объяснил это явление тяжелым материальным положением и полным недостатком получаемого содержания, принуждавшими офицеров искать заработка на стороне, что "сильно вредило успеху всего дела". "При невозможности иметь частную работу, - по словам Никольского, - офицер уходит из Петербурга; невозможность же эта обуславливается частью тем обстоятельством, что занятия, по необходимости, в особом делопроизводстве оканчиваются позднее, нежели во многих других отделениях Главного штаба. Частые перемены в личном составе делопроизводства крайне

нежелательны, так как без надобности посвящают большое число в организацию негласной разведки..."

Местными органами военно-статистического отдела по сбору сведений об иностранных армиях являлись:

1. Официальные военные агенты (атташе).
2. Негласные военные агенты при консульствах, миссиях и посольствах.
3. Офицеры, командировавшиеся за границу под тем или иным благовидным предлогом и
4. Отчетные отделения штабов военных округов (номинально, ибо они не были подчинены военно-статистическому отделу).

Здесь, однако, необходимо оговорить, что помимо VII отделения и его местных органов, указанных выше, военной разведкой совершенно самостоятельно и независимо занимались также и некоторые другие центральные управления и отделы военного министерства, как, например, - искусственное отделение главного инженерного управления, главное артиллерийское управление, главный крепостной комитет, главный морской штаб и т.д.

Никакой координации и объединения разведывательной деятельности этих учреждений не было. Одно учреждение не знало, что делается, что имеется в другом учреждении и что им предпринимается. Сплошь и рядом одна и та же работа проделывалась разными управлениями военного министерства. Так, например, разведчик главного инженерного управления получил сведения о постройке в 1896 году двух фортов в одной из германских крепостей. Разведчики штаба Варшавского военного округа обнаружили эти же форты в 1904 г. Штаб округа, как о чем-то новом, сообщил эти сведения Главному штабу, получившему их уже раньше из главного инженерного управления, тоже случайным путем.

Или следующий пример. Штаб Варшавского военного округа, произведя разведку военных железнодорожных платформ в пограничной полосе Германии, сделал из их расположения свои выводы для отчетной работы. Тоже самое сделал и штаб Виленского округа. Когда же потом в VII отделении свели данные

(без выводов) обоих округов, то получилась совершенно разноречивая картина, ускользнувшая от штабов обоих округов благодаря тому, что между ними не было контакта и обмена сведениями.

Очень часто несогласованность в работе разведки вредила делу и приводила к расшифрованию разведывательной работы. Так, например, случилось в отношении русской разведки в Галиции. Галиция была отведена для разведки штабу Московского военного округа, так как именно там должна была развернуться в случае войны формируемая им полевая армия. Но тот же район входил в сферу разведки штабов Киевского и Одесского военных округов, VII отделения Главного штаба и главного инженерного управления, благодаря чему в этом районе получилось большое скопление разведчиков, главным образом офицеров Ген. Штаба, приезжавших под разными предлогами на рекогносцировки этой местности. Понятно, что это не могло не привлечь внимания австрийской контрразведки, в результате чего провал следовал за провалом...

В таком положении центральный орган агентурной разведки находился вплоть до новой реорганизации центрального аппарата военного ведомства, последовавший после русско-японской войны.

Глава четвертая

Официальные военные агенты (атташе)

Узаконение института военных атташе. - Агентурная работа русского полковника Чернышева. - Запрещение военным агентам заниматься агентурной разведкой. - Подбор военных агентов и его результаты. - Оценка японской армии русским военным агентом, ген. Куропаткиным и ген. Ивановым. - Посылка во главе русской эскадры во Францию адмирала, не знавшего французского языка и мотивы этой посылки. - Взаимоотношения военных агентов с послами. - Оценка германской армии русским послом Шуваловым. - Отпуск средств военным агентам на агентурную работу.

После узаконения в 1864 году института военных агентов (атташе), в первое время считалось, что они должны все необходимые сведения добывать только совершенно легальным путем, не прибегая к подкупу, т. е. шпионажу. Но история этого вопроса показывает, что изредка все же попадались среди военных агентов люди, решавшиеся ради пользы дела рисковать карьерой и развивавшие работу по разведке шире тех легальных рамок, в какие их желало поставить так называемое международное право. Так, известно, что еще задолго до официального признания института военных агентов, а именно в 1809 г., русский полковник Чернышев, состоявший неофициальным военным агентом при Наполеоне, занимался шпионажем в довольно широком масштабе и доставлял России сведения о самых тайных замыслах Наполеона. Последний это знал, но не желая преждевременно раскрывать свои карты, лишь в 1812 году под благовидным предлогом (отвоз письма русскому царю) отправил Чернышева в Россию.

Но среди военных агентов России очень редко появлялись "Чернышевы", которые на свой страх и риск, а в большинстве случаев, особенно в первое время, и на свои собственные средства, взялись бы создавать агентурную сеть. Почти до самого начала русско-японской войны Россия не поручала своим официальным военным агентам сбора сведений тайным образом, а если бы даже такое требование и было пред'явлено, то навряд ли из этого вышло что-либо положительное. Объясняется это подбором людей, назначавшихся на должности военных агентов России за границей исключительно на среды аристократов и придворных, служивших в гвардии. В военные агенты в то время можно было попасть лишь по высокой и солидной протекции. Одни фамилии военных агентов России в конце девятых годов весьма красноречиво говорят об этом. Вот для примера несколько из них:

Флигель-ад'ютант полковник князь Витгенштейн - в Париже; генерал-майор барон Торнау - в Вене; генерал ад'ютант Адельберг 3-й - в Берлине и т. д.

Понятно, что аристократом этого сорта было не до разведки, к ней они способны не были. Они умели блестяще вести

себя в блестящем обществе, ухаживать за дамами, выпивать, танцевать на великосветских и придворных балах и, самое большее, - купить и выслать в военное ведомство один-другой вышедший из печати литературный труд об армии той страны, в которой они находились. Эти офицеры являлись сливками русского офицерского корпуса не по своим знаниям военного дела и способностям к сбору нужных сведений и к изучению армий соседей, а по своему социальному положению. Поэтому даже самые лучшие из них не могли дать ничего ценного своему главному штабу об иностранных армиях.

По словам офицера Ген. штаба полковника М. Грулева¹, лишь в 1908 г. впервые было введено обязательное командирование капитанов гвардии в офицерскую стрелковую школу. До того времени "для офицеров гвардии наука и знания считались предметами совершенно излишними".

Чтобы выйти из такого нелепого положения, когда в определенную страну назначался свыше военный агент, способный описывать только внешний лоск - парады, балы и т. п., т. е. быть не работником, а только представителем своей армии, к некоторым из них в более крупных странах пытались придавать по одному - по два молодых офицера, но тоже обязательно из гвардейских полков. Обычно они рано или поздно заражались настроениями своих шефов и шли по их стопам.

Поэтому не удивительно, если Россия накануне русско-японской войны имела военным агентам в Японии протекже военного министра Куропаткина, полковника Ванновского, который не стеснялся утверждать, что "при всяком значительном усилии японских солдат, у них делается болезнь - опухоль языка"².

Характерно, что даже по возвращении в Россию Ванновский считал возможным писать в своем докладе, что "японская армия далеко еще не вышла из состояния внутреннего неустройства, которое неизбежно должна переживать всякая армия, организованная на совершенно чуждых ее народной

¹См. М. Грулев - Злобы дня в жизни армии. 1911 г.

²См. А. А. Поливанов - Мемуары. Изд. ВВРС, том I. 1924 г.

культуре основаниях, усвоенных с чисто японской слепой аккуратностью и почти исключительно по форме, а отнюдь не по существу, как, впрочем, это замечается и во всех прочих отраслях современной японской жизни. Вот почему, если, с одной стороны, японская армия уже давно не азиатская орда, а аккуратно, педантично организованное по европейскому шаблону более или менее хорошо вооруженное войско, то с другой - это вовсе не настоящая европейская армия, создавшаяся исторически, согласно выработанным собственной культурой принципам.

Пройдут десятки, может быть сотни лет, пока японская армия усвоит себе нравственные основания, на которых зиждется устройство всякого европейского войска, и ей станет по плечу тягаться на равных основаниях хотя бы с одной из самых слабых европейских держав. И это, конечно, в том случае, если страна выдержит тот внутренний разлад, который происходит от слишком быстрого наплыва чуждых ее культуре исторической жизни идей"...

Эта оценка японской армии, видимо, весьма понравилась Куропаткину и он на этом докладе Ванновского написал: "Читал. Увлечений наших бывших военных агентов японской армией уже нет. Взгляд трезвый".

Еще более "суровый и уничтожающий" отзыв о японской армии дал ген. Иванов - начальник штаба 1-го Сибирского корпуса, присутствовавший в 1901 году на маневрах японской армии.

По словам того же Поливанова (см. выше), дело в конце концов дошло до того, что помимо Ванновского, для обследования японской армии был командирован полковник Ген. штаба Адабаш. Но он, однако, ограничился лишь тем, что вошел в контакт с французским военным агентом и пользовался исключительно его сведениями.

Весьма характерный пример того, какие требования предъявлялись офицерам, командировавшимся за границу, передает А. В. Богданович¹:

¹См. Русско-Японская война 1904-1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб. 1910 г. Том I.

"... Тобизен говорил, что когда царь решил послать эскадру во Францию, он приказал дать себе список контр-адмиралов, которые хорошо говорят по-французски и которые хуже. Список говорящих похуже царь снова вернул, чтобы написано было, кто говорят по-французски хуже всех. Оказалось - Авелан. Он и был послан, чтобы меньше там болтал"...

Понятно, что при таком подборе лиц для разведывательной работы за рубежом от них нельзя было ожидать ничего путного.

С другой стороны, большим тормозом являлись также постоянные столкновения военных агентов с послами. Последние никак не могли помириться с полуавтономным положением военных агентов. В инструкции военным агентам², утвержденной военным министром 16-го декабря 1880 года, взаимоотношения между военным агентом и послом определялись следующим образом:

"В официальных своих сношениях они (военные агенты. - К. З.) должны строго следовать указаниям дипломатических наших представителей, к которым должны обращаться также в случае всяких недоразумений и до сведения коих обязаны доводить как общие результаты своей деятельности, так в особенности все данные, имеющие политический характер".

Но этого для министерства иностранных дел было мало. В 1900 г. оно подняло вопрос о полном и непосредственном подчинении военных агентов послам, мотивируя это требование тем, что послы в большинстве случаев являются следующими в военных вопросах.

Военное министерство на это не пошло и в результате дальнейшего спора в силе осталось прежнее положение.

Здесь кстати будет привести один пример, характеризующий осведомленность послов в военных вопросах³:

"19 января 1891 г. Обедал у нас Церпицкий, командир Выборгского полка имени императора германского Вильгельма. Рассказывал, что в Берлине граф Шувалов собрал всех русских офи-

¹См. А. В. Богданович - Дневник. Запись от 27/х-1893 г.

²См. Инструкцию военным агентам, изд. 1880 г.

³См. А. В. Богданович - Дневник.

церов, там находящихся, чтобы узнать их мнение о германской армии и предложил им всем дать письменные ответы, дав на эту работу час времени. Сам он тоже написал. Когда были прочитаны эти ответы, которые очень высоко ставили германскую армию во всех отношениях, Шувалов сознался, что он, как отставший от военного дела, не понимал дела, так что признавал германскую армию хорошей, но не столь блестящей, как сейчас увидел из прочитанных отзывов, что, значит, он вводил правительство свое в заблуждение, не придавая в своих отчетах этой армии никакого значения"....

Средства на секретные расходы военным агентам также отпускались крайне своеобразно. Самая большая сумма была - 3.000 рублей в год. Эта сумма, предназначенная на секретные расходы, отпускалась в безотчетное распоряжение военного агента и в расходовании ее он ни перед кем не отчитывался.

Официальную военную литературу, карты и т. п. военные агенты не имели права закупать без особого в каждом отдельном случае разрешения Главного штаба. На такого рода покупки отпускались особые суммы. О каждой вышедшей военной книге военные агент обязан был давать свой отзыв-рецензию и лишь после этого он получал предложение ее приобрести. Как военные агенты ухитрялись давать отзывы о книгах, не покупая их, остается секретом русского Главного штаба...

Несмотря, однако, на такую своеобразную постановку дела, при которой военные агенты о порученной им наблюдению иностранной армии знали чрезвычайно мало, они все же при составлении описания этой армии имели чуть ли не решающее слово. Технически это проделывалось следующим образом. Обзор в двух экземплярах с широкими свободными полями составлялся кем-либо из офицеров центрального органа разведки. После этого один экземпляр обзора отсылался соответствующему военному агенту, который должен был его проредактировать и внести свои поправки. Таким образом, получилась весьма своеобразная картина: человек, видевший только внешний лоск и блеск армии, имевший только то, что ему считали нужным дать и показать официальные учреждения, - должен был давать оценку обзору

этой армии, составленному в некоторой своей части на основании секретных документов, абсолютно этому военному агенту неизвестных и нередко противоречивших полученным им официально материалам.

Таким образом, ясно, что ценность русских военных агентов в деле разведки и изучения иностранных армий в большинстве случаев была равна нулю. Русское военное ведомство в то время еще совершенно не умело использовать этот институт для изучения иностранных армий и боевой мощи своих соседей.

Такое положение сохранилось в неприкосновенности вплоть до русско-японской войны.

Глава пятая

Тайные военные агенты

Агенты при посольствах и консульствах. - Процедура оформления назначения тайного военного агента. - Маскировка тайных агентов. - Забота министерства иностранных дел о сохранении "добрососедских отношений" с иностранными государствами в ущерб разведке.

Еще до узаконения института военных агентов в 1864 году, почти все крупные государства, особенно перед задуманной войной, старались тайком включить в состав своих посольств по несколько офицеров для освещения военных вопросов. Россия в этом отношении не отставала от других государств.

Известно, что еще в 1810 году, готовясь к предстоящей войне, Барклай-де-Толли просил русских посланников в Пруссии, Австрии, Франции, Швеции и Саксонии - собирать сведения "о числе войск, об устройстве, вооружении и духе их, о состоянии крепостей и запасов, способностях и достоинствах лучших генералов, а также о благосостоянии, характере и духе народа, о местоположениях и произведениях земли, о внутренних источниках держав или средствах к продолжению войны и о разных выходах, предоставляемых к оборонительным и наступательным действиям"... Для облегчения этой задачи посланников военный министр признал нужным иметь при

значительных миссиях офицеров, которые бы "если и не исключительно, то в особенности бы занимались наблюдениями по части военной во всех отношениях". С этой целью уже находились: Брозин - в Касселе, Ренни - в Берлине, полк. Тейльфон-Серакирхен - в Вене, майор Прендель - в Дрездене, поручик Граббе - в Мюнхене¹. Большинство из этих офицеров находилось при указанных миссиях под видом гражданских чиновников и служащих министерства иностранных дел.

С конца же XIX и начала XX веков параллельно институту официальных военных агентов строился институт тайных военных агентов, главным образом, на следующих принципах: в какое либо пограничное консульство под видом консула, вице-консула, или секретаря консульства направлялся рядовой, не именитый, офицер Генерального штаба. В большинстве случаев ему поручался сбор нужных сведений посредством личного наблюдения, разговоров с нужными людьми и т. д., в исключительных же случаях допускался подкуп нужных лиц, покупка секретных документов и сведений. Таким образом, эти офицеры являлись как бы организаторами и руководителями агентурной сети в отведенном им районе.

Вся сеть тайных военных агентов, которую имело особое делопроизводство на западе, состояла из несколько консулов (в Данциге, Черновицах, Бродах) и нескольких служащих консульств - в Кенигсберге, Будапеште и пр.

Но водворение этих офицеров в пункты их деятельности было сопряжено с неслыханными формальностями и канцелярской волокитой, заключившимися в следующем.

Особое делопроизводство отмечало кандидата на пост тайного военного агента. Об этом представлялся доклад Начальнику Главного штаба. Последний представлял этот доклад в перефразированном виде военному министру. Военный министр запрашивал согласие министра иностранных дел, который обычно такие вопросы не решал в Петербурге, а запрашивал мнение соответствующего посла. Если же речь шла о назначении

¹См. Материалы военно-ученого архива Главного штаба. Отечественная война, т.т. I и II

офицера вице-консулом или секретарем консульства, то посол запрашивал об этом также и мнение консула. Ответы всех этих инстанций шли обратно по той же бюрократической лестнице в своем первоначальном порядке.

Когда, наконец, военный министр получал благоприятный для выдвигаемого кандидата ответ, он испрашивал "высочайшего соизволения". После получения этого "высочайшего соизволения" офицеру предлагалось подавать по команде на высочайшее имя прошение об отставке. Наконец, отставка получена. Офицер подает прошение на имя министра иностранных дел о зачислении его на службу по этому министерству. В последнем он числится в "резерве чинов" от 2 до 5 месяцев для ознакомления со своими новыми обязанностями и "убеждение всех, его знающих, в том, что серьезно решил порвать с военной службой и пойти по дипломатической служебной лестнице".

И лишь после прохождения всех этих мытарств и получения согласия того правительства, куда офицер назначался, он мог отправиться к месту новой службы.

С первого взгляда может показаться, что вся эта длинная процедура, тянувшаяся месяцами, а иногда и годами, проделывалась с целью самым тщательным образом замаскировать предстоящую тайную деятельность офицера. Эта цель, однако, не достигалась и вся процедура имела совершенно обратные последствия. Дело в том, что во всех этих бесчисленных докладах и письмах, с пометками "совершенно секретно", "доверительно" и т. д., совершенно открыто писалось о секретном назначении офицеров. Такого рода письма на имя послов, консулов и обратно, запечатанные сургучными печатями и имеющие соответствующие надписи, обычно посылались простой почтой. Понятно, что в "черных кабинетах" эти письма подвергались соответствующей обработке, и не успевал еще офицер прибыть к месту новой службы, как контр-разведка той страны, куда он должен был ехать, уже до мельчайших подробностей знала о его секретных поручениях и истинном его назначении.

Посол в Берлине граф Шувалов находил такого рода маскировку тайных военных агентов шитой белыми нитками еще

и по следующим соображениям, о которых он писал министру иностранных дел 9-го февраля 1898 года:

"... Я смею полагать, что раз на офицеров возложена будет ответственная и сложная обязанность, то необходимо было бы для пользы самого дела поставить этих офицеров в такое положение, которое обеспечило бы их по мере возможности от подозрения германским правительством истинной цели их пребывания в пограничных местностях и рода их занятий.

До сих пор большинство наших консулов имеет при себе в качестве секретарей лиц вольнонаемных, занятых, так сказать, черной работой, отчего и звание это в Германии считают равносильным канцелярским писарям.

Теперь же, если эти должности неожиданно займут люди, принадлежащие к высшим классам общества, с выдающимся образованием и положением, то не изволите ли ваше пр-во допустить, что у местных явится невольное подозрение об истинной причине появления подобных консульских секретарей в пограничных с Россией местностях.

Раз же подозрение здешней полиции, зорко следящей за всеми русскими, будет возбуждено, то за нашими негласными агентами будет учрежден такой бдительный надзор, что всякая деятельность их будет парализована. Хорошо еще, если дело ограничится этим, ибо в противном случае, при малейшей неосторожности со стороны нового секретаря консульства, мы рискуем иметь целый ряд самых прискорбных столкновений с опасностью испортить наши соседские отношения"...

В этом отношении у Шувалова имеется несколько благоразумных мыслей, заслуживающих внимания. Но в последнем указании о "порче соседских отношений" сказывается совершенно открыто точка зрения министерства иностранных дел, вечно мечтавшего лишь о "соседских отношениях" в ущерб всему остальному.

Глава шестая

Командировки офицеров в соседние страны

Благовидные предлоги этих командировок. - Командировки офицеров за границу в разведывательных целях многими управлениями военного ведомства и штабами военных округов. - Отсутствие обмена результатами этих командировок. - Насыщение пограничной полосы командированными и, как результат этого, - провалы. - Провал двух русских офицеров на торжествах открытия Кильского канала и вмешательство в это дело Вильгельма II.

Видя, что ни официальные, ни тайные военные агенты ничего существенного по военной разведке не дают, Главный штаб начал практиковать в весьма широком масштабе командировки молодых офицеров Генерального штаба в соседние страны, под тем или иным благовидным предлогом. Но этим делом занимался не только Главный штаб в лице своего Особого делопроизводства. Офицеров командировали за границу все, кому только было не лень, - почти все главные управления военного министерства, морского ведомства и штабы военных округов. Нередко одни и те же задачи возлагались на офицеров, командируемых различными управлениями. Полученными в результате этих командировок сведениями указанные управления обменивались лишь иногда, и то, как мы уже указывали выше, совершенно случайно.

Командировки офицеров производились под самым разнообразными предлогами, - под видом лечения, отпуска, поездки на охоту, на маневры, к родным в гости, под видом путешествия, усовершенствования в иностранных языках и т. д. Командировались они также под ширмой коммерсантов, ученых, учащихся и т. д. Но все это делалось без определенного плана и системы, без соблюдения должной конспирации, без распределения между разными управлениями районов обследования и задач. В результате получалось, что в одном, более интересном, районе такого рода разведчиков скоплялось громадное количество, в то время, как в других - не было ни одного. Даже отчетные отделения штабов военных

округов, которые тоже весьма широко практиковали такого рода командировки, не согласовывали их с Главным штабом и даже предварительно об этом ему не сообщали. Лишь по окончании такой командировки некоторые (далеко не все) отчетные отделения представляли в Главный штаб копии отчетов по этим командировкам.

В результате такого хаоса получалось, что контр-разведка соседей без большого труда раскрывала этих разведчиков, командированных под ложными предлогами арестовывала, а командированных под благовидными предлогами ставила в такие условия, что при всем желании большинству из них ничего сделать не удавалось.

Арестованных таким образом офицеров обычно судили и после вынесения приговора обменивали на таких же своих неудачников. Нередко в этом обмене осужденных за шпионаж принимали участие даже цари.

В общем можно сказать, что такого рода приемы разведки стоили весьма дорого в смысле денежных средств и в смысле потерь людьми. Никаких ценных результатов дать они не могли, как по условиям и обстановке работы, так и благодаря личному составу офицеров, получавших такие командировки.

Так например, перед русско-японской войной командующий войсками Приамурского округа пробовал отправлять в Японию в отпуск на 2-3 месяца по несколько офицеров, выдавая им небольшую - в размере 300-400 рублей - денежную поддержку и требуя от них представления "какого-нибудь отчета о том, что они видели и слышали". Первые же "отчеты" убедили в совершенной бесплодности этой меры. И это понятно, ибо, что мог видеть, слышать и понимать в иностранной армии юный поручик без всякой соответствующей подготовки и при полном незнании иностранных языков¹?

Следующая выписка из письма (от 10 июля 1895 года) Вильгельма на имя Николая Романова² также дает представление о том, как производилась такого рода разведка и чем она иногда

¹См. М. Грулев - Злобы дня в жизни армии.

²См. Переписка Вильгельма II с Николаем II. Госиздат, 1923 г., письмо № 9.

кончалась:

"... Случилось одно происшествие, о котором, мне кажется, я должен сообщить тебе, так как я уверен, что произошло оно без ведома Алексея, а став известным среди нашего офицерства, оно произвело очень неприятное впечатление. На борт "Грозящего" - судно, на котором я пригласил адмирала Скрыдлова и его капитанов пройти канал (речь идет о торжестве открытия Кильского канала. - К. З.), тайным образом были приняты два инженерных офицера, о присутствии которых ничего не было заявлено нашим властям. Старшим был полковник Бубнов. Офицеры эти вместе с лейтенантом, специалистом этого дела, имевшим большой фотографический аппарат, все время делали снимки с наших фортов и батарей, заметки и рисунки, и наконец, когда Скрыдлов заметил, что мой морской атташе был очень удивлен, видя на судне совершенно незнакомых людей, - они были ему представлены, как два управляющих водными работами и водными путями. В Киле поведение Бубнова сделалось настолько подозрительным, что полиция и жандармы стали за ним следить. Он ходил переодетым в статское платье и шатался вокруг укреплений, что иностранцам строжайше воспрещается.

Я полагаю, что не совсем красиво, будучи приглашенным в качестве гостя и присутствуя на празднике в чужой стране, открывшей вам гостеприимно двери и пустившей вас в свою военную гавань, злоупотреблять гостеприимством, шпиона у своего друга, да еще надевая при этом личину. Последствием этого будет то, что к русским военным судам будут относиться с большим недоверием и создается тягостное настроение, о котором я очень сожалею и которое я надеюсь преодолеть...."

Глава седьмая

Отчетные отделения штабов военных округов

Назначение отчетных отделений - изучение вероятных противников. - Способы сбора сведений. - Результаты работы отчетных отделений за 1903-1904 гг. - Ограбление отчетным отделением Киевского военного округа штаба австрийской дивизии,

спровоцированного австрийцами с целью заставить русских поверить дезинформационным документам.

При штабах Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского, Одесского, Московского, Кавказского, Туркестанского военных округов и Приамурского и Заамурского округов пограничной стражи существовали так называемые отчетные отделения, занимавшиеся разведкой. Официальный штат этих отделений был крайне ограничен. Точно определенного района разведки им не отводилось, а лишь указывалось, что такой-то округ в случае войны должен сформировать такую-то полевую армию, которая займет участок примерно там то. Вот этот примерный участок округа и старались осветить и изучить. Так, например, разведывательный аппарат Петербургского военного округа освещал Скандинавские страны, аппарат Виленского округа - Германию, Варшавский округ - Австро-Венгрию и Германию, Киевский и Московский округа - Австро-Венгрию, Одесский округ - Австро-Венгрию, Румынию и Турцию и т.д.

Подобно тому, как в центральном органе разведки Главного штаба не было определенного, точного и ясного представления о том, как организовать и вести разведку и какие конкретные задачи ей ставить, так и штабы военных округов этими вопросами не задавались. Кое-что делали, кое-кого посылали и кое-какие сведения получали. Приемы и способы разведки практиковались те же, что и в Главном штабе. Лишь изредка, случайно, по своей собственной инициативе, на свой страх и риск, кто-либо из офицеров разведывательной службы штаба того или иного округа предпринимал какой либо самостоятельный шаг по добыче секретных сведений и документов.

Штабы военных округов в своей разведывательной работе пользовались всякими возможностями. Они имели своих постоянных тайных агентов из среды иностранных подданных, командировали на рекогносцировки под тем или иным предлогом офицеров генштаба, организовывали кражи документов посредством подкупа солдат соседей, опрашивали дезертиров армий соседей, купцов, возвращавшихся с полевых работ рабочих

и т. д. Но все это носило случайный характер.

Пристраивать руководителей агентуры штабов западных округов к консульствам или другим официальным русским учреждениям за границей можно было лишь с высочайшего разрешения в каждом отдельном случае.

До 1903 года штабы военных округов не имели также права непосредственно сноситься с официальными военными агентами. В ноябре 1903 года было утверждено новое "положение о письмоводстве в военном ведомстве", в котором вопрос о непосредственном отношении штабов военных округов с официальными военными агентами был изложен в следующей редакции:

"Когда войскам встречается надобность в содействии наших военных агентов за границей, то с просьбами об этом следует обращаться в окружные штабы, начальники которых, в зависимости от содержания вопроса, сносятся с военными агентами или сами непосредственно, или через Главный штаб".

Но, несмотря на это "положение", Особое делопроизводство все время старалось препятствовать непосредственным сношением с военными агентами не только войсковых частей, но и штабов военных округов, настаивая, чтобы все сношения происходили лишь через Особое делопроизводство.

Довольно полную картину результатов разведывательной работы штабов военных округов дает следующая ведомость за 1903-1904 гг., составленная в Главном штабе в марте 1905 года:

Штабы округов	Отпущено денег		Представлено округами	Сообщено округам
	В 1904 г.	В 1905 г.		
	В рублях			
1.Виленского	4.000	4.000	Представлялись результаты тайной разведки и рекогносцировок. Получены были в конце 1903 г. очень ценные рекогносцировки линии Мазурских озер, сделанные полк. Володченко и капитанами	1. Ведомость австр. боевого расписания. 2.Сведения о формировании батальонов запасн. нижних чинов (австр.)

Штабы округов	Отпущено денег		Представлено округами	Сообщено округам
	В 1904 г.	В 1905 г.		
	В рублях			
			Гиссером и Пневским. Из них сделаны выборки и подлинники возвращены в штаб округа Осенью 1904 г. штаб округа предполагал сделать разведку в окрестностях Кенигсберга.	3. О подготовке галицийск. ж. дор. мостов к немедленному взрыву в случае наступления русских войск в пределы Австро-Венгрии.
2. Варшавского	7.000	7.000	Были представлены в 1902 году рекогносцировки линии Вислы полк. Широкова и Лаврентьева и подполк. Монкевина. С 1908 года новых сведений не поступило. Недавно поступило в штаб предложение купить сведения о Кульме. Разрешено было израсходовать около 5.000 руб., но документов еще никаких не получено. Получено: 1. Директива для охранения австрийских телегр. и телеф. линий в случае военной опасности. 2. Общая часть мобилизационной инструкции для австр. ландвера. 3. Указания и расчеты для мобилизации германских корпусов на случай войны с Россией.	Тоже самое.
3. Киевского	7.000	7.000	1. Указания и расчеты по прикрытию мобилизации и сосредоточения австро-венгерской армии в восточной Галиции. 2. Указания для общей мобилизации в округе XI корпуса (Львов). 3. Мобилизационный план 8-й дивизии кавалер (Станиславов). 4. Секретные печатные мобилизационные инструкции и наставления. 5. Секретный ключ для шифрования. 6. Девять рекогносцировок дорог в Восточной Галиции, общим протяжением - 128 верст.	Тоже самое.

Штабы округов	Отпущено денег		Представлено округами	Сообщено округам
	В 1904 г.	В 1905 г.		
	В рублях			
4.Одесского	4.000	4.000	За 1903 и 1904 гг., было представлено только одно донесение, заключавшее в себе сведения, добытые чинами пограничной стражи о возведении румынами укреплений в Гульче.	Тоже самое.
5.Московского	5.000	5.000	Ничего не представлено.	-
6.Кавказского	56.540	56.540	Периодически представляются в Главный штаб сведения о положении дел в Азиатской Турции и в Персии, составляющие сводку донесений наших консулов и негласных военных агентов, а также известий, почерпнутых из иностранных газет. Представляемые донесения заключают в себе сведения политического и военного характера, причем в 1904 г. они большею частью касались деятельности турецкого правительства по усилению боевой готовности войск пограничного с Кавказом IV корпусного округа, что отчасти объясняется армянскими волнениями. В течении 1904 г. в VII отделение Главного штаба всего поступило 22 таких донесения, не считая отдельных телеграфных сообщений о наиболее выдающихся фактах; важнейшие донесения постоянных агентов, находящихся в Малой Азии, а также специально командированных туда лиц, полностью представлялись в Главный штаб издаваемые им военно-статистические труды и картографические материалы.	-
7.Туркестанского	4.500	4.500	Представлялись ежемесячно рапорта со сведениями о сопредельных с округом странах. Эти рапорта представляют собою сводку сведений, полученных штабом округа от: 1. Штаба 2-го корпуса. 2. Н-ка Керканского гарнизона. 3. Н-ка Термезского гарнизона.	Отдельные, отрывочные сведения из донесений военного агента в Лондоне.

Штабы округов	Отпущено денег		Представлено округами	Сообщено округам
	В 1904 г.	В 1905 г.		
	В рублях			
			4. Н-ка Памирского отряда. 5. Нашего консула в Бомбее (иногда). 6. Политического агента в Бухаре (иногда). 7. Офицера генштаба в Кашгаре. 8. Офицера генштаба в Кульдже. Кроме случайных инстанций (5 и 6) остальные представляют свои сведения в штаб округа два раза в месяц. Сведения получают от постоянных и случайных разведчиков, купцов, беглецов, бродяг и пр. Специально подготовленных разведчиков, вроде пундитов, а тем более разведчиков образованных - нет.	могущие представлять интерес для штаба округа.
8. Закаспийской области	4.500	4.500	Вошло в состав сведений, представляемых штабом Туркестанского военного округа.	-
9. Приамурского	12.000	-	Ничего не представлено.	Посланы все издания Воен. Статист. отд. о Японии, Китае и Корее.
10. Квантунской области	3.000	-	Ничего не представлено.	Тоже самое.

Как видим, хотя ничего особо существенного по разведке штабы военных округов и не давали, все же они дали больше, чем непосредственная агентура Главного штаба. Судя по сводке Главного штаба, лучше всех как будто бы работал штаб Киевского военного округа, давший несколько ценных мобилизационных документов австрийской армии. Однако, весь вопрос в том, являлась ли эти документы подлинными или подложными, дезинформационными? Со слов Сухомлинова¹ нам известно, как

разведчики штаба Киевского военного округа попались на следующую удочку австрийской контрразведки.

Недалеко от русской границы, в Злочеве был расположен штаб австрийской кавалерийской бригады, развертывавшейся в военное время в дивизию. Бригада ушла в лагерный сбор из Злочева, оставив для охраны штабного имущества лишь караульную команду, в которой находилось много славян. Караул перепился "замертво", а в это время несгораемый шкаф, в котором хранились секретные документы, был взломан, и все дело по мобилизации похищено русскими разведчиками.

По словам Сухомлинова, "особенно, ценны были, между прочим, маршруты следования австрийских подрывных частей для разрушения наших железных дорог. Конечные пункты оказались избранными, очень удачно, несомненно, по рекогносцировкам опытных австрийских разведчиков.

Материал этот давал возможность значительно пополнить и частично исправить сборники сведений о неприятельской армии. Когда я об этом подробно докладывал, Драгомиров (командовавший Киевским военным округом, а Сухомлинов в то время был его начальником штаба. - К. З.) мне сказал:

- Ну, вот, видишь, разве это не лучше того осетра, которого ты собирался ловить на Урале? Ну, вот что, братишка, - забирай это все и вези в Петербург Сахарову, - утри им там нос и пусть увидят, как в Киеве умеют работать...

Это ликование Драгомирова и посылка начальника штаба в Петербург показывает, как редки были такого рода секретные документы в жизни русского военного ведомства.

Как в штабе Киевского военного округа, так и в Главном штабе все были так обрадованы этой добычей, что никому даже в голову не приходило поинтересоваться, подлинные ли это документы. Обстановка их добычи была настолько реальна и правдоподобна, что ни у кого никаких сомнений не вызывала.

Уже после войны 1914-1918 г. мы случайно узнали от одного из участников с австрийской стороны в этой комбинации,

¹См. В. Сухомлинов - Воспоминания. Изд. "Русское Универсальное издательство", Берлин, 1924 г.

что австрийская контр-разведка подготовила все содержимое нескораемого шкафа из дезинформационных документов и незаметно помогла русским разведчикам устроить нападение на этот шкаф, с целью создать большую правдоподобность этого нападения, чтобы русские поверили похищенным документам.

Как видим, расчеты австрийцев вполне оправдались.

Глава восьмая Расходы на агентурную разведку

Ассигнования на агентурную разведку до русско-японской войны.
- Распределение ассигнованных сумм. - Расходование денег не по прямому назначению, несмотря на мизерность ассигнований.

До русско-японской войны Главному штабу отпускалось на ведение разведки по 113.650 рублей золотом в год, по статье сметы военного ведомства, носившей название - "на известное его императорскому величеству употребление" и 149.420 руб. золотом по интендантской смете на содержание официальных военных агентов, их путевые, телеграфные, почтовые, канцелярские и пр. расходы.

Сумма (113.650 руб.), отпускавшаяся на ведение, агентурной разведки, распределялась следующим образом:

Штабу Кавказского военного округа.....	56.890 руб. ¹
Штабам остальных военных округов.....	51.000 руб.
Консулу в Бомбее.....	1.200 руб.
На содержание военной голубятни в Дании.....	3.000 руб.
На приобретение случайных сведений.....	1.560 руб.

Помимо этих сумм, штаб Туркестанского военного округа получал ежегодно на разведку по интендантской смете еще 20.000 рублей.

¹В 1895 году командующий Кавказским военным округом получил "высочайшее соизволение" на выделение этой суммы в свое распоряжение на ведение разведки в Турции и Персии. Таким образом, 50% из всей секретной сметы шло только одному округу. Главный штаб, а потом и Генеральный штаб, несколько раз пытались добиться отмены этого нелепого "соизволения", но ничего из этого не вышло.

Казалось бы, что суммы эти были до того мизерными, что их никак не могло хватить на расходы по агентурной разведке. На самом же, деле была совершенно иная картина. Почти во всех округах получались остатки, несмотря даже на то, что деньги расходовались иногда не по своему прямому назначению (бывали расходы на содержание часовен, покупку венков для умерших архимандритов и пр.).

* * *

Такова в общих чертах была постановка, организация и работа разведки и результаты этой работы до начала русско-японской войны. С такой разведкой русская армия выступила на войну с Японией. Русская армия не знала Японии, не знала ее армии. Больше того, она имела о ней совершенно ложное, извращенное представление. Только благодаря ложным и бравурным донесениям официальных и тайных агентов русской разведки и могла зародиться уверенность в легкости победы над японцами, в том, что "шапками их закидаем".

Виновным в этом был русский Главный штаб. Он не позаботился об упорядочении дела разведка, о сборе верных сведений, не позаботился также о создании разведки на театре военных действий.

Можно смело сказать, что до русско-японской войны Россия военной разведки в Японии не имела, в других же странах эта разведка также была крайне слабой. То, что было - нельзя назвать разведкой. Это был, какой то хаос, какая то неразбериха. Военное ведомство старалось свалить вину на министерство иностранных дел; наоборот, министерство иностранных дел ссылалось на военное ведомство. В результате никто ничего достоверно не знал. Пользовались слухами и случайными сведениями случайных сомнительных источников, но о своем противнике не имели даже приблизительно верных данных.

Такая беззаботность тем более поразительна, что последняя русско-турецкая война уже дала почувствовать результаты отсутствия хорошо поставленной агентурной разведки. Заблуждение, в которое русские были введены имевшимися до этой войны сведе-

ниями о турецкой армии, имело одинаково печальные последствия на обоих театрах военных действий. Как на Балканском полуострове, так и на Кавказе, русские встретили сверх ожидания сильнейшего противника и заплатили тяжелыми разочарованиями за неточность сведений, которые они имели от своей разведки¹.

¹См. Чернозубов, полковник Ген. штаба - Служба генерального штаба. Разведывательные органы армии. I. Служба в военное время. Изд. В.Березовского, 1901 г.

ЧАСТЬ II

РУССКАЯ АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Глава первая

Организационные мероприятия и источники сведений

Сведения о японской армии, дававшиеся Главным штабом частям, уезжавшим на театр военных действий. - Организация разведки на театре военных действий. - Нежизненность этой организации. Отсутствие сведений о противнике. - Рухнувшие надежды на кавалерию. - Безрезультатная работа войсковой разведки.

Когда началась война, Главный штаб был вынужден снабжать отправляющихся на театр военных действий офицеров и целые войсковые части данными о противнике.

О том, каковы были эти данные, рассказывает Е. И. Мартынов¹:

"Желая перед отправлением в Манчжурию получить некоторые сведения о противнике, я обратился в военно-ученый комитет Главного штаба, где мне дали соответствующую часть "Сборника новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств".

Эта небольшая желтая книжка заканчивалась общими выводами относительно действий крупных отрядов, причем из приведенных в ней четырнадцати пунктов впоследствии подтвердился лишь один (относительно преследования.); все же остальные оказались ложными".

Далее Мартынов говорит, что "до войны в русской армии господствовало пренебрежительное отношение к японцам. Даже будущий наш полководец ген. Линевиц, который во время похода на Пекин, казалось бы, имел возможность познакомиться с японскими войсками, называл их не иначе, как "япошками", и в продолжений указанной экспедиции при каждом удобном случае третировал их начальника, выдающегося ген. Фукушиму. Правда,

¹См. Е. И. Мартынов - Воспоминания о японской войне командира пехотного полка. Г. Плоцк, 1910 г

после Пекинского похода стали изредка проскальзывать в печати и благоприятные отзывы о японцах, принадлежавшие более дальновидным людям, но высшее начальство усмотрело в этом опасность для духа русской армии, и вскоре заскрипели послушные перья, выставлявшие японские войска в неблагоприятном и даже комическом виде".

В другой брошюре тот же автор¹ пишет, что "слушателей Академии Генштаба спрашивали о том, сколько золотников соли на человека возится в различных повозках германского обоза, каким условиям должна удовлетворять ремонтная лошадь во Франции, но организация японской армии оставалась для нас тайной до такой степени, что перед моим отправлением на войну главный специалист по этому предмету категорически заявил мне, что Япония не может выставить в Манчжурии более 150.000 человек".

Тот же Мартынов рассказывает, как в обществе ревнителей военных знаний некий вице-консул, долго проживший в Японии, сделал сообщение, в котором доказывал, что "японцы, как истые представители желтой расы, храбры лишь при успешном ходе дела; наоборот, малейшая неудача возбуждает в них неудержимую, безграничную панику."

Одной из слабых сторон японской армии Куропаткин находил "отсутствие религиозного чувства: в военных школах никакого религиозного образования и воспитания не дают; храмов при школах не имеется; будущие офицеры всевышнему не молятся ни в горе, ни в радостях. То же явление наблюдается и в армии. В этом и заключается большая слабость японской армии. Без религии и без веры в промысел божий выдержать тяжелые испытания войны, вынести тяжелые потери и лишения могут лишь отдельные лица"

После назначения ген. Куропаткина главнокомандующим русскими войсками против Японии, он представил Николаю

¹Е. И. Мартынов, ген. штаба ген-майор. - Из печального опыта русско-японской войны. Изд. в Петербурге, 1906 г

²См. Боевая работа русской армии в войну 1904 - 1905 гг. Часть I. Изд. кн. Абамелек-Лазарева, 1912 г.

Романову доклад, в котором высказывал свою уверенность в быстрой и легкой победе и придавал весьма ничтожное значение японской армии. При составлении плана предстоящей кампании исходили из полной уверенности в том, что никакого серьезного сопротивления русская армия не встретит. Заканчивался доклад, - по словам А. С. Лукомского¹, - указанием, что "после разгрома японской армии на материке должен быть произведен десант в Японии, должно быть подавлено народное восстание и война должна закончиться занятием Токио."

Одним словом, все сведения из всех русских источников о японской армии говорили о том, что японцы ничего серьезного из себя не представляют и война с ними при помощи икон и молебнов будет равной прогулке на параде.

Вера же в иконы и молебны была так сильна, что назначенный командующим Маньчжурской армией ген. Куропаткин, вместо ознакомления с вооруженными силами противника и изучения театра военных действий, читал "лекции" великому князю Михаилу Александровичу о "росте и аллюрах японской лошадки" и занимался сбором икон и молебнами:² Видя это, недаром говорил известный остряк ген. Драгомиров, что "столько набрал Куропаткин образов, что не знает, каким образом победить"³.

Спустя месяц после прибытия на театр войны, а именно 15 апреля 1904 года, Куропаткин об'явил войскам армии свои первые указания, озаглавленные - "указания начальникам маньчжурской армии до ротного и сотенного командира включительно и всем начальникам штабов".

В этих "указаниях" он давал блестящую характеристику японской армии, заявляя, что сильные стороны этой армии преобладают и что "в японцах мы, во всяком случае, будем иметь очень серьезного противника, с которым надо считаться по

¹См. Ген. А. С. Лукомский - Воспоминания. Том I. Изд. Кн-ва Отто Кирхпера и Кох. Берлин, 1922 г.

²См. А. Н. Куропаткин - Воспоминания. "Красный архив", т.V.

³См. Барон Врангель - Воспоминания (от крепостного права до большевиков), изд. "Слово", Берлин, 1924г.

европейскому масштабу... Но мы имеем над японцами огромное преимущество в нашей религиозности, в вере в промысел божий".

Кроме того, оказывается, что по сведениям Куропаткина - "японцы любят есть по утрам и, не поевши спокойно утром, чувствуют себя весь день слабыми", а поэтому Куропаткин приказывал: "этим пользоваться и мешать правильному питанию японцев по утрам"¹.

Вот так в потемках, в слепую блуждал командующий русской армией, впадая из одной крайности в другую, из одного необоснованного преувеличения в другое...

*

* *

С переходом на военное положение организация разведки, как таковой, представилась в следующем виде.

Согласно "Положения о полевом управлении войск в военное время"², которое действовало во время русско-японской войны, в управлении генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего было сосредоточено "делопроизводство по всем распоряжениям, касающимся стратегических операций, по сбору и содержанию сведений о расположении и действии армии, о неприятеле и о местности, и вообще по службе Генерального штаба".

В ст. же 57 того же "положения" говорилось:

"Сосредотачивая в своем управлении сведения, получаемые от полевых управлений о неприятеле и о местности, он со своей стороны принимает меры к собиранию таковых и распоряжается их обработкою и приведением в удобный для пользования вид. Сообщение сих сведений полевым управлениям армий лежит на непосредственной его обязанности..."

Об управлении генерал-квартирмейстера штаба армии в том же "положении" говорилось следующее:

"Ст. 199. Управление состоит из четырех отделений: оперативного, отчетного, разведывательного и топографического."

¹См. Л. Н. Соболев - Курапатская стратегия. СПб., 1910 г.

²"Положение о полевом управлении войск в военное время". Изд. 1890 г.

"Ст. 202. К предметам занятий разведывательного отделения относятся: а) соби́рание сведений о силах, расположении, передвижениях и намерениях неприятеля; б) соби́рание статистических сведений о театре войны и содержание их в постоянной исправности; в) отыскание надежных лазутчиков (лазутчик - агент-ходок. - К. 3.) и проводников из местных жителей, содержание тех и других и распределение их по назначению, согласно получаемым указаниям; г) опрос пленных и лазутчиков, проверка их указаний по собранным всеми путями сведениям о неприятеле, обработка всех этих сведений, составление общего свода и сообщение из них войскам того, что будет признано необходимым для облегчения частных соображений и д) заведывание военными корреспондентами, находящимися при армиях."

О начальниках штабов корпуса и дивизии в том же "положении" сказано следующее.

"С разрешения командира корпуса (дивизии), он осматривает лично и сколько возможно чаще расположение неприятеля; при этом он принимает на себя начальствование над войсками, для того назначенными".

"Он представляет командиру корпуса (дивизии) о мерах к сбору сведений о противнике и испрашивает его разрешения на производство расходов по содержанию шпионов, лазутчиков и пр."

Из приведенных выписок из "Положения о полевом управлении войск в военное время" видно, что разведывательный аппарат, в виде отделения управления генерал-квартирмейстера, полагался лишь при штабе армии.

Характерно также, что, согласно "Положению", штаб главнокомандующего фронтом не должен был объединять и руководить разведывательной деятельностью штабов армий, а лишь получать от них материалы, обрабатывать их и сообщать штабам армий. Аппарата же для этого тоже не было предусмотрено.

Генерального штаба полковник Чернозубов утверждал¹, что "служба эта будет возложена на одного из офицеров Генерального

¹См. Чернозубов, полк. ген. штаба. - Служба генерального штаба. Разведывательные органы армии. I Служба в военное время. Изд. В.Березовского, 1901 г.

штаба".

При составлении "Положения" 1890 года по словам Чернозубова, основной идеей было освободить главнокомандующего от мелочных забот и дать ему тем полную возможность вникнуть в главное. Вследствие такого характера деятельности штаба главнокомандующего, мелкие детали разведывательной службы ступают и подаются уже в готовом виде разведывательными отделениями подведомственных армий. "В виду этого, - по словам Чернозубова, - и не ощущается необходимости в особом отделении. Вполне достаточно, если делопроизводство по этой части будет возложено на одного из двух офицеров Генерального штаба".

Как известно, до октября 1904 года все русские войска, находившиеся на театре военных действий, составляли лишь одну Маньчжурскую армию. В октябре было произведено разделение их на три армии. До того момента каждый корпус и отдельный отряд (а таковых было несколько) был в полном смысле слова предоставлен сам себе в области добычи сведений о противнике. Штаб армии издавал свои разведывательные сводки, но до штабов корпусов они редко доходили. Для кого печатались эти сводки, - неизвестно. Каждый штаб корпуса на свой страх и риск начал организовывать свою агентурную сеть; каждый делал это по своему. Результаты, конечно, были самыми плачевными. Обмена имевшимися сведениями о противнике между корпусами не было. В первое время пытались ограничиться исключительно войсковой разведкой. Но первые же попытки показали, что это - вещь трудная, чтобы не сказать - для русских невозможная, потому, что японцы очень хорошо охраняли свои позиции. Пройти через них можно было только с боем, на что, в то время, русская армия не была способна. Кинулись на фланги, но и здесь японцы были на чеку. Верных карт не было. Местность - неровная, пересеченная, и незнакомая войскам. Налицо были: незнание языка противника и местного населения, двусмысленное отношение этого населения к русским, крайне скудные и подчас неверные сведения об организации, численности и свойствах армии противника и т. д. Приходилось действовать при помощи китайцев-проводников, но, пока их разыскивали, японцы уже знали, где именно

предполагается набег и принимали контрмеры.

А. Свечин¹ рассказывает, что разведка велась не кавалерией, а по преимуществу охотничьими командами (команды пеших и конных разведчиков при полках и даже батальонах), которые работали добросовестно. Но, в общем разведка велась крайне неумело. Особенно неопытны и неумелы были не младшие начальники-исполнители, а высшие, руководившие разведкой. Крайне робкое в серьезных действиях, наше управление в организации разведки отличалось и большой смелостью, и непрактичностью. Разведочные команды получали странные задачи. Обследованием фронта противника не довольствовались; стремились войсковыми частями обследовать тыл противника, расположение его главных сил, открыть планы и намерения врага. Как сквозь сито, гнали через неприятельские аванпосты наши охотничьи команды. Из полков выбирались лучшие нижние чины, лучшие офицеры; им давались самые туманные инструкции; собранные команды угонялись за 100 верст на гибель, тем более верную, чем отважнее были офицеры. Сотни пропавших без вести оплачивали совершенно нестоящие сведения, принесенные одним удачником. В июне месяце 1904 года это преступное уничтожение лучших сил Восточного отряда достигло самого большого напряжения... Примерно около 8-го июня была выслана масса команд охотников - от всего Восточного отряда свыше 10 команд; никто не возвратился; В безрезультатных охотничьих предприятиях было загублено не менее 15% офицеров отряда и 10 % солдат... В этих разведочных делах мы теряли не только лучших людей Восточного отряда, мы теряли веру в себя, мы постепенно приучали всех к неудачам, постепенно разучивались одерживать победы"...

На организацию агентурной разведки на театре военных действий в начале войны вообще смотрели сквозь пальцы. Главный штаб полагал, что многочисленная русская кавалерия великолепно справится с задачами разведки. Е. И. Мартынов подтверждает это мнение Главного штаба, говоря, что "перед войной все полагали, что благодаря огромному перевесу в числе и качестве

¹См. А. Свечин. - В восточном отряде. Варшава, 1908 г.

кавалерии мы будем знать каждое движение противника, последний же будет бродить впотьмах".

На деле же произошло обратное: русская кавалерия не могла проникать вглубь расположения противника и потому не доставляла никаких ценных сведений. Между тем японцы, пользуясь своей малочисленной кавалерией лишь для ближней разведки, все важнейшие сведения о группировке и направлении русских сил получала от агентурной разведки.

Капитан французской службы Рауль-де-Рюдеваль, со слов ген. Штакельберга, еще более определенно передает эти рухнувшие надежды на кавалерию¹:

"...У нас было много кавалерии и мало шпионов и мы были все время плохо осведомлены. Наш противник имел мало кавалерии и много секретных агентов и знал все своевременно"...

Вот несколько примеров. По словам комиссии по описанию русско-японской войны², "11 и 12 марта 1904 года ген. Мищенко получил, главным образом, от американского миссионера первые более или менее достоверные сведения о противнике. Выяснилось, что в первых числах марта между Анчжю и Пеньяном было собрано 17.000 японских войск, что ген. Мищенко считал вполне правдоподобным... Это сведение, ставшее известным через Сеульскую газету и американского миссионера, было первым за все время похода, вносившим некоторое понятие о составе сил противника. Высадка у Гензана японского десанта подтверждалась, но сила его оставалась неизвестной"...

16 марта ген. Мищенко отошел к Сенчену и, "в виду достоверных сведений о занятии Кусена японским отрядом до 400 человек конницы и пехоты с 5 орудиями, где на самом деле никого не было, решил отступить к. р. Ялу".

"Как видно было, этот конный отряд Мищенко, пользуясь исключительно сведениями, добывавшимися от лазутчиков и опросом местных жителей, - не мог дать сколько-нибудь ценных

¹См. статью Рауль-де-Рюдеваль - "Разведка и шпионаж", напечатанную в журнале "Военное дело за границей", №27, 1911 г., Изд. штаба Варшавского военного округа.

²См. Русско-японская война 1904-1905 гг. Том.1.

по достоверности сведений ни о силах, ни о группировке японских войск в Корею".

Надеялись в отношении добывания сведений и на пленных. Но и эти надежды не оправдались, ибо пленных брал тот, кто наступал.

В середине 1904 года, когда русские войска терпели поражение за поражением, приток пленных совершенно прекратился. Тогда Куропаткин приказал платить за каждого пленного японского солдата по 100 рублей, а за офицера - 300 руб., независимо от обычной награды за военное отличие¹.

Но такая своеобразная мера количества пленных увеличить не могла, а наоборот - вызвала недовольство в рядах русской армии, считавшей эту меру "глубоко противной с точки зрения общепринятой морали при открытой войне между двумя равноправными воюющими сторонами"².

Через разведывательное отделение штаба 1-й армии за время с 26 октября 1904 г. по 1 сентября 1905 г. прошло всего лишь 366 пленных японцев, а через штабы шести корпусов той же армии за тоже время - 15 офицеров и 808 солдат. При этом необходимо отметить, что большинство офицеров попали в плен тяжело ранеными и вскоре умерли от ран. Значит, оставались пленные солдаты. Они, по мнению руководителей русской разведки, "в громадном большинстве обладали значительным умственным развитием, вполне сознательно и с большим интересом относились к вопросам своей службы, обстановки и действиям своих войск в широком смысле. Обладая большою способностью к пониманию чертежа вообще (в частности чтение карт) и к изложению своих показаний с помощью схематического чертежа, солдаты враждебной нам армии всегда были в состоянии дать показания несомненной ценности".

Необходимо отметить, что японцы, по-видимому, возвели в принцип возможно широкое и полное ориентирование войск до рядовых солдат включительно, а эта система в связи с интелли-

¹См. Е. И. Мартынов - Воспоминания о японской войне командира пех. полка.

²См. М. Грулев - Злобы дня в жизни армии.

гентностью народа давала то, что каждый рядовой солдат был более или менее хорошо осведомлен относительно состава, группировки и действий не только своего полка, но и дивизии, и "очень часто, даже армии". В частности, японские кавалеристы были всегда лучше осведомлены и в общем интеллигентнее пехотинцев.

Но вся беда то заключалась в том, что этих интеллигентных пленных было до смешного мало и что "далеко не все пленные охотно давали показания, ясно отдавая себе отчет в важности соблюдения военной тайны. Прирожденная вежливость, доходящая до угодливости, свойственная японскому народу, заставляла большинство отвечать на вопросы, но почти на каждый вопрос ответом была ссылка на незнание или явно неправдоподобное показание".

В первое время на это не обратили особого внимания и принимали обычные русские меры "развязывания языков" - удары по лицу, насмешки, издевательства и т. д. Но видя, что это не помогает, начали искать другие средства. Под конец войны додумались, наконец, до изолирования более интересных пленных от остальных (с целью изъять их из под влияния унтер-офицеров и старших вообще) и стала пользоваться агентурным опросом, т. е. среди пленных сажали переодетого под японца китайца, подслушивавшего разговоры пленных.

До чего взятие японца в плен было редким явлением в жизни русской армии, показывает также рассказанный Е. И. Мартыновым факт, когда начальник дивизии ген. Добржинский незадолго до конца войны так обрадовался пойманному войсками его дивизии пленному японцу, что "воссев на коня, водил его в штаб 3-й дивизий, в штаб корпуса и по соседним бивакам".

В общем и целом, войсковая разведка, благодаря вышеуказанным причинам, а также благодаря полному отсутствию какой либо организации и систематичности этого дела, - ничего существенного не давала.

Была надежда еще на один источник сведений - на захват разного письменного материала, т. е. разных официальных документов, частных писем, газет и т. п. Однако, во время русско-

японской войны русские и здесь не имели успеха. В официальном отчете штаба 1-й армии по этому поводу говорится следующее:

"...Случаи захвата официальных документов были очень редки и захваченные документы имели только исторический интерес"...

В 1-й армии за все время войны было лишь два случая захвата официальных документов. Первый - это документы канцелярии 2-го резервного японского полка, захваченные в январе 1905 года и второй, - диспозиция, захваченная на офицере 42-го резервного пех. полка.

Эти документы дали интересный материал для ознакомления с бытом и деятельностью противника (журнал военных действий 9-го резервного полка), но сведений о современной группировке противника в нем почти не оказалось.

Тот же отчет признает, что "официальная переписка является наиболее ценным документальным материалом, но благодаря, обстоятельствам кампании, он захвачен и использован быть не мог".

Частные письма японцев доставлялись как войсковой, так и агентурной разведкой в довольно большом количестве, но в большинстве случаев их содержание никакой ценности не представляло. Более или менее ценные данные давали лишь адреса и почтовые штемпеля на конвертах этих писем.

Хотя единичный факт находки в данной деревне конверта с адресом данной войсковой части не давал возможности установить, что эта именно часть и расположена в деревне, - говорит автор отчета штаба 1-й армии, - но ряд таких адресов, совпадающих с другими признаками, уже достаточно обеспечивал правильность предположения, что войсковая часть, указанная на нескольких конвертах, действительно расположена в полном составе в данном пункте. Значительно содействовало этому способу определения то обстоятельство, что противник усиленно избегал дробления своих нормальных единиц и части его армий, дивизий и бригад в громадном большинстве случаев располагались совокупно".

Важные данные давали также почтовые штемпеля частей

(преимущественно армий) на конвертах. По ним можно было с полной уверенностью заключать о принадлежности данной дивизии или бригады к той или другой армии, а также и устанавливать переход части из состава одной армии в другую.

Однако, русской разведкой были обнаружены случаи, когда японцы с целью введения русских в заблуждение разбрасывали подложные конверты и письма.

Получение русскими японских газет организовано не было. Лишь изредка в руки русской разведки попадали отдельные разрозненные номера.

Вот почти и все те источники сведений и приемы русской разведки, коими пользовались войсковые части до штабов армий включительно.

Комиссия по описанию русско-японской войны¹ также подтверждает, что в мирное время агентурной разведки в Японии и Корее организовано не было. Попытка создать агентурную сеть была сделана в 1902 году штабом Приамурского военного округа, но встретила отрицательное отношение Главного штаба к этому вопросу. Организовать агентурную разведку сразу по объявлении войны, конечно, можно было, но результатов от нее, по крайней мере в ближайшее время, ожидать было нечего. Все остальные способы разведки, применявшиеся русскими, не могли дать сведений о сосредоточении и плане действия японцев. Наспех созданная некоторыми корпусами агентурная разведка давала сбивчивые и противоречивые сведения. Количество японских войск исчисляли по количеству занятых японцами в селениях под постройкой войск помещений, не зная даже приблизительно, сколько человек помещалось в каждом дворе.

15 апреля, 1904 года Куропаткин телеграфировал военному министру, что он "все еще в неизвестности, где 2-я японская армия". Он указывал, что "по некоторым сведениям, можно предполагать, что часть 2-й армии высадилась в Корее. Крайне желательно выяснить это достоверно. Не представляется ли возможность, жертвуя большими суммами денег, выполнить это

¹См. Русско-японская война 1904-1905 гг. Том II, ч. I.

через наших военных агентов более положительным образом, чем ныне", - спрашивал Куропаткин. Нечего конечно говорить, что и военный министр не смог помочь Куропаткину в этом вопросе...

Тогда Куропаткин поручил начальнику транспортного отдела своего штаба ген. Ухач-Огоровичу создать агентурную разведку. Ген. Л. Н. Соболев¹ признает, что "разведывательная служба в штабе Куропаткина была деятельна, но не была поставлена на должную высоту и наши сведения о численном составе армии противника были недостаточно точны"...

Тем временем успешное наступление японских войск продолжалось, куропаткинская армия терпела поражение за поражением и штаб Куропаткина от недооценки японской армии ударился в сторону ее переоценки, или, как говорит А. Свечин² - "штаб Куропаткина обнаружил тяготение к преувеличенной оценке японских сил. Раздутое нами представление о японском перевесе в силах тягостным бременем ложилось на управление войсками".

Глава вторая

Агентурная разведка штабов армий

Организация и работа агентурной разведки штаба III армии. - Вербовка, подготовка, отправка и оплата агентов. - Количество отправленных и возвратившихся агентов. - Ценность доставленных сведений. - Расходы. - Агентурная деятельность штаба I армии.

В октябре 1904 года, когда все русские войска были разделены на три армии, штабы этих армий приступили к организации агентурной разведки. Как она была организована, как работала и какие давала результаты, - мы постараемся иллюстрировать выдержками из довольно сумбурных отчетов двух армий - III и I.

Авторы отчета III-й армии утверждают, что ни инструкций

¹См. Л. Н. Соболев - Курапаткинская стратегия. С.П.Б., 1910 г.

²См. А. Свечин - Тактические уроки русско-японской войны. Изд. Офицерской Стрелк. школы, 1910 г.

по организации разведки, ни руководителей и агентов, ни сведений о том, как поставлено дело сбора сведений о противнике и указаний, в каком направлении должен был работать вновь сформированный штаб армии - штабом главнокомандующего дано не было.

А между тем эти указания были особенно необходимы, ввиду того, что III-я армия занимала центральное положение. От передовых ее укреплений противник находился в расстоянии от нескольких десятков сажен до двух верст. Высылка агентов-ходоков прямо на фронте представлялась невозможной и не могла принести желанных результатов.

В состав вновь формируемого штаба не поступило ни одного лица, уже порабатывавшего в разведывательных органах на театре военных действий и сколько нибудь знакомого с характером китайцев и выработавшего приемы обращения с ними.

Наиболее близкое соприкосновение с населением имел военный комиссар Мукденской провинции. По своему служебному положению он мог иметь среди китайцев известное значение и влияние. К его помощи вынужден был обратиться штаб армии и от него получил первых шесть китайцев, которые не имели никакой подготовки и могли быть использованы лишь как агенты-ходоки. Ожидать от таких агентов особо ценных сведений было трудно.

В силу этого вскоре же, по рекомендации Мукденского отделения русско-китайского банка, было заключено условие с одним мелким чиновником-китайцем, который служил в этом банке. Этот чиновник обязался подыскивать, нанимать и несколько готовить агентов, задачи которым ставил штаб армии.

Агенты этого чиновника селились под видом торговцев в указанных им наиболее важных пунктах ближайшего тыла расположения противника для наблюдения на месте за этими пунктами. От себя они должны были высылать помощников, которые, проходя по дорогам в различные, заранее намеченные пункты, должны были собирать сведения о числе и роде расположенных там войск,

орудий, обозов, о местах расположения складов, магазинов и пр.

Эти агенты-резиденты, собирая сведения, пересылали их через агентов связи своему патрону-чиновнику, который должен был доставлять эти сведения не менее одного раза в неделю в штаб армии.

В первое время доставлявшиеся сведения можно было считать мало надежными. Они были отрывочны. Тем не менее при сопоставлении получаемых этим путем сведений с другими источниками, они все-таки помогали воспроизвести общую картину как расположения противника, так и тех перемещений, которые совершались в указанном районе.

Кроме разведки этого "подрядчика шпионажа", в тылу противника была создана еще одна крупная агентурная организация во главе с русским офицером. Он разместил своих агентов по четырем постоянным дворам, дав им задачу производить опрос проезжающих (незаметный, конечно).

Для создания возможности перекрестной разведки двое из хозяев этих постоянных дворов также были завербованы без ведома поселенных у них русских агентов.

Этим же офицером периодически высылались агенты-ходоки для сбора сведений о передвижениях войск противника, о подходе к нему укомплектований, а после падения Порт-Артура - о движении армии Ноги.

В самом Мукдене для "опросной" разведки в городе были наняты китайцы, на обязанности которых лежало посещение курилен опиума, постоянных дворов и гостиниц. Таким путем предполагалось, с одной стороны, вести опрос приезжих с юга, а с другой - следить за шпионами противника.

Вопрос о вознаграждении за разведку был поставлен следующим образом.

Китайцу-чиновнику был выдан заимообразно аванс в 5.000 руб. и 500 руб. безвозвратно для устройства мелких торговых предприятий в тех пунктах, в которых были поселены постоянные агенты-резиденты. Затем он должен был получать ежемесячно от штаба армии 1.800 руб. и уже сам расплачивался с агентами по своему усмотрению.

Упомянутый выше офицер для своей агентурной организации получал ежемесячно от штаба армии 1.000 руб., что, при наличии у него 10-15 агентов-ходоков, составляло плату каждому от 40 до 100 руб. в месяц.

В отношении отдельных агентов, посылавшихся для доставления или проверки тех или иных сведений, вознаграждение соразмерялось со степенью опасности предприятия и с ценностью добытых сведений. Обычно уплачивалось от 15 до 50 рублей.

В общем на агентурную разведку во время нахождения III армии на реке Шахе было израсходовано около 12.000 руб.

Отсутствие централизации в организации разведки, конечно, являлось отрицательной стороной этого дела. В последнее время нахождения армии на позициях у Шахе, в штабе III армии были получены негласные сведения о том, что практические китайцы создали в Мукдене собственное центральное бюро сведений о японцах, из которого получали сведения и агенты штаба III армии. Этим устранялась возможность взаимной проверки агентов и одно и то же сведение продавалось в различные русские разведывательные организации. Надо полагать, что в таком бюро некоторые сведения фабриковались при участии японцев.

Определить общее число работавших для III армии агентов всех видов и наименований, а также количество ценных донесений за этот период, не представляется возможным, так как соответствующие дела штаба армии при отступлении от Мукдена были утеряны.

Вследствие неожиданности и спешности этого отступления, вся организация агентурной разведки разрушилась, так как агенты принадлежали к местному населению. Только с остановкою армии на Сыпингайских позициях и с прибытием штаба армии в дер. Чанцзваци, т. е. около 16 марта 1905 года, началось вновь налаживание агентурной разведки.

Расположение штаба армии в уединенной деревне, удаленной от крупных центров, делало выбор и отыскание агентов крайне трудным.

К этому нужно еще прибавить, что и желающих заняться этим делом после мукденской катастрофы было очень мало.

Престиж японцев поднялся, а русских пал. Все население ждало, что с минуты на минуту русские отойдут далее к северу, и поэтому предполагалось, что за каждую услугу, оказанную русским, японцы, по принятому ими правилу, жестоко отомстят.

Переводчики штаба армии из студентов Восточного института имели недостаточный навык в разговорном языке, не знали многих терминов и являлись малоопытными в отношении с китайцами.

На случай дальнейшего отхода III армии к северу, в наиболее важных населенных пунктах необходимо было подготовить агентурную сеть заранее, дабы не повторилось положение какое было после Мукдена, когда во вновь занятом противником районе не осталось ни одного агента русской разведки.

И здесь вербовка агентов для высылки их в район расположения противника была поручена уже упомянутому выше чиновнику-китайцу. Вербовку он производил среди местных сельских грамотных жителей, а частью отыскивал агентов в ближайших к расположению штаба армии городах. Подавляющее большинство завербованных агентов работало из-за денег и лишь несколько человек, которыми руководило чувство мести за насилия, причиненные японцами их родным, была добровольцами.

По явке в штаб каждый агент ознакамливался старшим ад'ютантом, через переводчика, с приемами тайной разведки и с различными военными приметами, касавшимися способа узнать ту или другую часть. Все это производилось наскоро и в общих чертах.

Как только агент хоть немного усваивал нужные сведения, ему ставилась известная задача и он высылался в район расположения пр-ка.

Каждому высылаемому давалось удостоверение за подписью старшего ад'ютанта, с приложением гербовой печати. Удостоверение выдавалось на строго определенный срок, соответственно расстоянию, которое агент должен был пройти. В удостоверении указывалось, что агент имеет право пройти в сторону против-

ника и обратно только по одному разу, а сам он предупреждался, что может идти только по указанному ему маршруту, так как на других пунктах удостоверение было недействительным.

Этой оговоркой надеялись избежать передачи удостоверения японской контрразведке, которая могла бы их использовать в своих целях.

Фамилия агента записывалась при отправлении в особую книгу; в ней же отмечалась поставленная ему задача, время высылки, а также приблизительный срок его возвращения.

На путевые расходы каждому агенту выдавалось по 50 коп. в сутки.

Строго определенного жалованья агентам не назначалось, так как опыт показал, что при таком способе оплаты ни один агент более или менее добросовестно не служил. Хотя бы условной добросовестности можно было достигнуть только системой выдачи наградных, увеличивая постепенно размер их, в зависимости от ценности доставленных сведений.

Агенты-ходоки высылались обыкновенно сериями по известным маршрутам серия за серией с промежутком в 2-3 дня. Делалось это, с одной стороны, для того, чтобы "вести разведку непрерывно", а с другой, чтобы иметь "возможность проверять работу одних агентов работой других".

Каждый агент обязывался принести из какого-либо пункта своего маршрута (обыкновенно - конечного и наиболее интересного) какое-либо вещественное доказательство своего пребывания в этом пункте. Такой мерой русская разведка надеялась хоть отчасти гарантировать себя в том, что агент был именно там, куда его посылала.

Из числа завербованных агентов некоторые стали после месячной работы более осмысленно относиться к выполнению поставленных им задач. Они приносили все, что могло дать хоть какую-нибудь возможность напасть на след группировки сил противника. Часто приносились письма, конверты, бандероли газет, бирки с ружей, части одежды с штампом части и пр.

Штаб III армии в то время верил в возможность нападения японцев со стороны Монголии и очень сильно этого опасался.

Поэтому для наблюдения за Монголией была создана специальная агентурная организация, во главе с офицером пограничной стражи, знавшим китайский язык. По словам авторов "отчета", этот офицер давал довольно сносные сведения о передвижениях японских раз'ездов поблизости от монгольской границы.

Подготовка контрразведки в районе III армии выразилась в следующем.

В пяти пунктах в тылу армии были посажены агенты-резиденты. На большой маньчжурской дороге был открыт маленький постоянный двор; на этой же дороге имелись два агента, которые периодически обходили все постоянные дворы этого важного участка и следили за проходящими китайцами.

Таким путем, с одной стороны, подготовлялись агенты-резиденты разведки на случай отхода армии к северу, а с другой, - устанавливался надзор за населением и появлением подозрительных личностей, служивших шпионами противника.

Одному из помощников старшего ад'ютанта была поручена организация второй линии наблюдения за тылом армии и в Монголии.

Отсутствие верных карт не позволяло контролировать движения агентов-ходовков, на которых, помимо их прямой задачи - сбор сведений о японцах, - возлагалось также составление маршрутов пройденных путей. Как люди совершенно неподготовленные для этой цели, они не могли дать правильного отчета о пройденных ими путях, почему совершенно не представлялось возможным составить более или менее правильную схему дорог, по которым проходили агенты. Все, что делали агенты, приходилось принимать на веру. Несколько лучше обстояло дело с назначением агентов-резидентов, ибо пункты выбранные для их постоянного местопребывания, имелись на русских картах и районы, которые обслуживались ими, были известны.

По смете на 1905 год на ведение агентурной разведки и контр-разведки в течении первого полугодия было отпущено для III армии: 100.000 руб. и на наем переводчиков - 80.000 руб. Из этих сумм за все время существования армии было израсходовано на наем переводчиков - 12.000 руб. и на агентурную разведку и

контр-разведку - 18.000 руб., причем из них 12.000 руб. были израсходованы за время стояния армии на позициях по р. Шахе

Число агентов-ходоков и их вознаграждение за второй период видны из следующей таблицы:

Год и месяц	Число выслан. агентов	Сколько раз каждый из них ходил в течении месяца.	Сколько им уплачено	Сколько из них вернулось	Во что обошелся каждый в среднем	Сколько ценных донесений доставлено	Во что обошлось кажд. ценное донесение
1905 г.							
Март	4	по одному	200	2	100	2	100
Апрель	9	1	280	2	140	2	140
Май	6	два по два	170	5	34	4	42
Июнь	18	по одному	465	12	38	8	58
Июль	20	-	530	15	35	10	53
Август	33	-	850	10	85	8	107
Сентябрь	31	-	870	10	87	10	87
Итого	121		3.365	56	ок. 60	44	76

Количество агентов контр-разведки и их оплата видны из следующей таблицы:

Из первой таблицы видно, что число высланных агентов-

Год и месяц	Число резидентов	Их оплата	Число высланных ходоков	Уплачено ходокам
1905 г.				
Май	1	60	5	150
Июнь	4	260	13	526
Июль	8	442	8	365
Август	8	667	20	420
Сентябрь	-	-	-	-
Итого	21	1.425	46	1.461

ходовиков далеко не соответствует числу вернувшихся. Объясняется это тем, что многие из них попадали в руки японской контр-разведки, многие же предпочитали ограничиться получением аванса и, не подвергая себя риску, оставаться в тылу противника.

Что же касается ценных донесений, то их в общем было немного. Объясняется это отчасти тем, что японцы, после ряда неудач русских, стали пользоваться среди китайцев большим престижем, отчасти скрытностью и умением японцев охранять свои секреты, а также и неподготовленностью русских агентов.

К этому следует добавить, что, по мере постепенного расширения своего территориального влияния, японцы немедленно брали в свои руки - и при том весьма энергично - гражданское управление в районе своего тыла. Они без всякого стеснения сменяли китайскую администрацию и водворяли на места сменных своих сторонников. Все это помогало им бороться с русской агентурной разведкой.

Имея в своих руках администрацию и принимая на службу китайских солдат занятого им района, они могли без особых затруднений вести самый точный учет и надзор за населением, доходивший до того, что ими была устроена перепись всех деревень, занятых их войсками. Хозяин каждой фанзы имел особое удостоверение, в котором было указано число обитателей фанзы.

Наблюдение японцев за русскими шпионами дошло до того, что каждый китаец, не имевший удостоверения от местного старшины, не имел права появиться в поле. Малейшее подозрение влекло за собой арест. Если же китаец не мог вывернуться и доказать легальность своего появления в известном районе, его без всякого суда казнили, до зарывания в землю живым включительно.

Понятно, что при таких условиях число агентов-ходовиков, желавших служить русским, с каждым днем уменьшалось. Некоторые из них, сходяв один-два раза, отказывались от дальнейшей службы; другие же, довольствуясь получкой путевых денег, - исчезали.

Некоторые агенты, в большинстве случаев терроризированные японцами, не ходили вовсе в тыл противника, а предпочита-

ли собирать сведения от прибывших с юга китайцев или от получивших оттуда письма.

Один из приемов, гарантировавших, по мнению руководителей агентуры штаба III армии, деятельность разведки, а впоследствии рекомендованный и штабом главнокомандующего, заключался в требовании счета из какой-либо лавки промежуточного или конечного пункта маршрута агента-ходака. Однако, после нескольких случаев приноса действительных счетов, агенты начали печатать поддельные счета. Обнаружена эта фабрикация была в Чженьяньтуне.

Подобный факт указывает, что по крайней мере 50%, если не больше, агентов были вредны для дела. Остальная же половина служила более или менее добросовестно. К ним в большинстве случаев принадлежали те, за которых ручались богатые китайцы землевладельцы, рисковавшие своим имуществом и подбиравшие действительно надежных людей.

Для получения сведений о противнике требовалось 14-20 суток.

*

* * *

Постановка разведки в I и II армиях в общих чертах была такой же, как и в III армии. Так, например, штаб I армии получил при сформировании лишь 3-х агентов, из коих один находился в Японии, один в Китае и один - в Корее. Агенты эти давали сведения лишь о том, что делалось в тылу противника, а так как эти сведения шли окружным путем, через Китай, то всегда запаздывали и никакой ценности не представляли.

Штаб I армий в своем отчете указывал, что недостатка в агентах он не ощущал. Их можно было не только найти, но они сами предлагали свои услуги по разведке. Среди влиятельных китайцев (крупных коммерсантов, высокопоставленных чиновников и пр.) было, во-первых, много лиц, относившихся к японцам враждебно. Тут были представители семей, члены которых погибли в японо-китайскую войну 1894-95 гг. и которые предлагали русским свои услуги из чувства кровной мести; были представители крупных китайских торговых фирм, интересы

которых настолько тесно были связаны с русскими интересами на Дальнем Востоке, что они готовы были содействовать, конечно, за хорошую плату, русским военным успехам. Так например, весьма крупный китайский коммерсант Тифонтай предлагал организовать агентурную разведку, но требовал за это несколько миллионов рублей, не давая при этом никаких гарантий в успешности этого дела. Такие лица, по словам отчета штаба I армии, были хорошо известны русской местной военной администрации. Обширные связи их с населением всех провинций и всего Китая делали их участие в агентурной разведке особенно желательным и полезным. Но штабу I армии в первое время отпускали на ведение агентурной разведки ограниченную сумму денег, и он не мог даже попытаться поставить работу при помощи этих лиц, ибо для этого требовалось сразу с самого начала затратить громадную сумму.

Разведывательное отделение штаба I армии, в отличие от штаба III армии не сочло нужным непосредственно заниматься агентурной разведкой, имея для этого, во-первых, что-то вроде посредников или вернее - подрядчиков, а во-вторых, взвалив всю тяжесть этого дела на штабы корпусов. Известно, что такими посредниками или подрядчиками, или как их официально называли - заведывающими тайной разведкой, - при штабе I армии состояли три офицера-восточника. Они работали по непосредственным указаниям разведывательного отделения штаба армии и посылали ему свои донесения. Однако, ничего существенного агентурная деятельность этих офицеров не дала.

После отступления русских от линии р. Шахэ к Сыпингаю, агентурная разведка штаба I армии совершенно развалилась и ее начали создавать опять заново. Развал этот штабные разведчики объясняли тем, что неожиданность отступления, якобы, помешала оставить в тылу противника агентов-резидентов, в то время, как разведывательные органы I армии и раньше таковых имели лишь в двух или трех пунктах. Кроме того, это внезапное отступление, якобы, так отразилось на симпатиях местного населения, что оно от готовности, служить русским перешло к готовности служить против русских - японцам.

Но и вновь организованная агентура I армии, с совершенно новым составом агентов (старые агенты во время отступления исчезли), давала крайне неудовлетворительные результаты. Донесения, отрывочные и противоречивые, не давали почти никакого материала для каких-либо выводов и могли служить лишь слабым подтверждением данных, добывавшихся войсковой разведкой и установленных документами. Так, например, одно время агентура армии довольно долго утверждала, что за армией Куроки стоит армия Нодзу. Этому в штабе армии поверили и приняли было соответствующие меры. Потом все это оказалось ложью.

Хотя разведывательные органы русской разведки и давали своим агентам задания доставлять японские газеты, выполнить это последним удавалось крайне редко. Следовательно, почерпнуть какие либо ценные сведения из японской прессы разведка не могла. Правда, здесь играло роль также и то обстоятельство, что японские газеты были крайне сдержанны и русская разведка, даже достав их, едва ли смогла бы почерпнуть из них что-либо ценное.

Разведывательное отделение штаба I армии и входящие в ее состав корпуса за время с 26 октября 1904 года по 1-е сентября 1905 года израсходовали на агентурную разведку 49.768 рублей.

Глава третья

Агентурная разведка штабов корпусов

Стихийная организация агентурной разведки. - Сверху никаких указаний, никаких инструкций. - Изобретательность некоторых корпусов. - Руководители агентурной разведки корпусов. - Приемы работы. - Количество агентов. - Расходы. - Изобретательность агентов-китайцев. - Результаты.

В начале войны, когда выяснилось что штабы армий и главнокомандующего не в состоянии обеспечить войска необходимыми сведениями о противнике, корпусам было предложено организовать свою собственную агентурную

разведку. При этом никаких указаний, инструкций, разграничений районов и пр. корпусам дано не было. Каждый должен был действовать по своему усмотрению.

Мы попытаемся здесь дать краткое описание приемов и результатов агентурной работы, более деятельных в этом отношении корпусов.

В 5-м корпусе (III армия) заведование агентурной разведкой было возложено на подполковника Генштаба, прикомандированного для этой цели к штабу корпуса. Этот подполковник предпочел не заниматься сам организацией и непосредственным руководством агентурной сети, а, хотя с и большим трудом, подыскал для этой цели специального переводчика. Дело в том, что имевшиеся при штабе корпуса переводчики предпочитали быть посредниками между войсками и местным населением при разного рода хозяйственных заготовках, что было для них гораздо более прибыльным. С переводчиком подполковник заключил условие, по которому тот обязывался поставлять агентов-ходоков и руководить их деятельностью под свою личную ответственность, выражавшуюся в том, что, если агент принесет заведомо ложные сведения или будет задержан в притоне русских агентов, то в первый раз переводчик лишается половины своего месячного жалованья, а во второй раз - всего и передается русским властям для суда по обвинению в мошенничестве. Для обеспечения добросовестного выполнения взятых переводчиком на себя обязательств, удерживалось его жалованье за один месяц.

Для проверки добросовестности службы агентов-ходоков подполковник принимал со своей стороны, помимо уже известных, еще следующие меры.

1. На выдаваемых агентам от имени штаба корпуса удостоверениях должны были иметься расписки офицеров с указанием времени, когда агент прошел линию сторожевого охранения и вернулся обратно.

2. Сведения, не подтвержденные приносом вещественных доказательств, оплачивались ничтожными суммами (10-15 руб.).

3. Агенты высылались с таким расчетом, чтобы они никогда не встречались в штабе корпуса и не знали бы друг друга в лицо.

Каждому агенту-ходоку ставилась особая задача. От посылавшихся в глубокий тыл требовались обычно сведения о деятельности железной дороги, о расположении складов, о настроении населения и о передвижении крупных войсковых частей.

Посылавшимся в ближайшие районы давался определенный маршрут, следуя которому агент должен был записать каждую деревню по пути своего движения, запомнить все, что он по пути видел, и принести вещи японских солдат (куртки, гетры, нагрудные знаки, фуражки, - одним словом все, на что кладутся клейма). На практике это требование почти никогда не выполнялось, вследствие изолированности японских войск от китайского населения. Более добросовестные агенты и не принимали на себя такого поручения.

Необходимо отметить, что в доставке японских вещей было обнаружено следующее ловкое мошенничество. Агентом 5-го корпуса была принесена гетра с клеймом 27-го пех. полка, поднятая, по его словам, в Каньпинсяне. Спустя три дня после этого агент штаба III армии принес поднятую им якобы в Цзиньцзяньтуне гетру с клеймом того же 27-го пех. полка. Оказалось, что обе эти гетры принадлежали одному и тому же солдату 6-й роты 27-го пех. полка и были приобретены обоими агентами в упомянутом выше центральном бюро русских агентов.

Таким образом, к доставке японских вещей нужно было относиться с такой же осторожностью, как и к доставке счетов от торговых фирм. Изобретательные китайцы быстро применились к русским требованиям и стали торговать вещами японцев, как торговали счетами торговых фирм. Вещи эти покупались у японцев, или же случайно находились и затем доставлялись в центральное бюро русских агентов. Одно такое бюро было обнаружено в Дава.

5-й корпус имел всего 28 агентов-ходов, из коих 5 чел. пропали без вести. Израсходовал штаб этого корпуса за время с 1-го июля по 1-е октября 1905 года всего 1.095 руб., из коих лишь 885 руб. пошли на оплату агентов, а остальные - на содержание переводчиков.

В 6-м корпусе (III армия) агентурой с ноября 1904 г. ведал личный адъютант командира корпуса. Он привлек в качестве агентов-ходоков известных ему китайцев, а также имел доверенного, который вербовал и посылал агентов в тыл противника. Всего агентов-ходоков у него было 27 чел., из коих некоторые состояли на месячном жаловании, остальным же оплачивались доставленные сведения. В общем, каждый агент в месяц обходился в среднем около 70-80 рублей. Всего корпус получил на агентурные расходы 10.000 руб., а израсходовал лишь 2.082 руб.

Штаб 17-го корпуса (III армия) приступил к созданию агентурной сети в начале сентября 1904 года. Это дело было поручено капитану Генерального штаба, создавшему при штабе корпуса целое разведывательное отделение в составе: начальника (сам капитан), одного вольноопределяющегося, двух студентов института восточных языков и нескольких китайцев - в качестве переводчиков.

Кроме того, в кавалерийских частях, приданных корпусу, находились специальные офицеры, уполномоченные разведывательным отделением, которые также вербовали и высылали агентов в тыл противника.

Возложенная на китайцев-переводчиков вербовка агентов производилась, главным образом, среди жителей окрестных селений (но не городов), обязательно из числа владельцев земли или фанз, имевших родственников и умевших читать и писать по-китайски.

Переправка агентов в тыл противника производилась следующим образом. Агенту выдавалось официальное удостоверение для свободного пропуска через линию фронта русских войск. После этого он сдавался конным охотникам, конвоировавшим его 15-20 верст в указанном ему направлении, причем по пути следования агенту запрещалось с кем бы то ни было разговаривать.

Несмотря на простые задачи, ставившиеся агентам, исполнялись они крайне поверхностно и недостаточно. Объяснялось это тем, что агенты были напуганы японцами, а также отсутствием контроля над агентами, неподготовленностью их и вообще труд-

ностью сбора сведений. Практика корпуса показала, что только одна треть агентов возвращалась со сведениями. Из остальной же части только незначительный процент попадал в руки японцев (3 из 30), а остальные, получивши задаток, скрывались.

Всего штаб корпуса за всю кампанию имел 78 агентов и израсходовал 7.600 руб., из коих на оплату агентов пошло всего лишь 3.062 руб.

Заведывающим агентурной разведкой штаба 1-го корпуса (I армия) состоял строевой ротмистр.

Для вербовки агентов при штабе корпуса находились два китайца, родители коих имели в Мукдене значительные торговые предприятия. За все время ведения агентурной разведки штаб корпуса имел всего 13 агентов-ходоков. Они не были постоянными. Лучшие из них удерживались более продолжительное время; те же, которые оказывались малоспособными, отпускались нередко после первого же исполнения поручения. Высылались агенты в тыл противника в большинстве случаев с флангов расположения корпуса. Продолжительность пребывания агентов в тылу противника колебалась от 6 до 45 дней, в зависимости от данной задачи.

Агенты получали 60-120 руб. в месяц на всем готовом; кроме того, при каждой посылке в тыл противника выдавалось до 30 руб. на разные расходы и за хорошо выполненное поручение - наградные в размере до 25 руб. Расходы агентов оплачивались в том случае, если они превышали выданный при отправке аванс.

Неиспытанным агентам вместо месячного жалованья выдавалась сдельная плата в размере 30-50 руб. за выполненное поручение; помимо этого оплачивались также дорожные расходы и еда, но не свыше 15 руб. и выдавались наградные в размере 10-25 руб.

Агенты-резиденты за каждое присланное ими письмо получали по 10-15 руб. Связь с ними поддерживалась обыкновенно через их родственников, которым они пересылали письма в Мукден, а оттуда уже в штаб корпуса. Агентов-резидентов было крайне мало, да и пользоваться ими начали лишь в последний период войны.

Никаких документов, кроме конвертов от японских писем, агентами доставлено не было.

В *Таулуском отряде* (I армия) ведение агентурной разведки было возложено на офицера Генерального штаба, который к этому делу привлек лектора и студента института восточных языков, одного казачьего вахмистра, знавшего китайский язык, и китайца-переводчика.

В первое время вербовкой агентов занимался переводчик или лектор, а затем сами агенты вербовали других.

Оплата агентов производилась следующим образом: подневно по 50-100 коп. и сверх того за каждое донесение, в зависимости от его ценности. В среднем каждый агент, таким образом, за один рейс получал от 5 до 30 рублей.

Агентов одновременно имелось от 5 до 10 чел. Донесений было получено всего 75, документов - ни одного.

Провалов было довольно много, но известна участь только двух агентов: один из них был японцами закопан живым в землю, другой - повешен.

Штаб 2-го Сибирского корпуса (I армия) с октября 1904 года по апрель 1905 г. не имел ни определенного района разведки, ни специального руководителя агентурной разведкой. Между делом разведкой занимался начальник штаба корпуса. Агенты набирались случайно. Постоянных агентов был только 1 чел. Агентами доставлено было всего 5 донесений и ни одного документа. За каждое донесение платили агентам 5-100 рублей.

После 20-го апреля 1905 года заведывающим разведкой был назначен офицер Ген. штаба. Этот офицер определил сам себе район разведки перед фронтом корпуса и разделил его на ближний и дальний. За первым было установлено непрерывное наблюдение и, по словам этого офицера, ему ежедневно было известно количество японских войск в более крупных пунктах этого района.

Во второй район высылались особо надежные агенты, якобы, доставлявшие весьма ценные сведения. Иметь постоянное наблюдение за этим районом не представлялось возможным из-за недостатка агентов.

Этот офицер делил своих агентов на три категории.

1. Агенты-резиденты.

2. Агенты-ходоки и

3. Агенты связи.

Агентов-резидентов он имел 6 чел., расположенных в шести разных пунктах. При каждом из них находилось по три агента связи и столько же при заведывающем разведкой корпуса. Назначение их было следующее. Как только от резидента приходил агент связи, к нему же немедленно высылался другой агент связи из штаба корпуса. Благодаря такому порядку, якобы, удавалось достичь того, что донесения не задерживались, поступали регулярно, и резидент также регулярно получал руководящие указания. Резидент имел несколько осведомителей, которые шныряли по всему району и собирали нужные сведения.

В общем, по словам этого офицера, такая система давала хорошие результаты и от резидентов получались даже документы.

Агентов-ходоков, высылавшихся из штаба корпуса, этот офицер делил на два разряда: на получавших постоянное жалование, суточные и наградные и на нанимавшихся для исполнения какой-либо определенной задачи со сдельной оплатой.

Практика показала, что агент-китаец, получавший определенное, хотя и небольшое, месячное жалование, чувствовал известную зависимость от нанимателя и относился к своему делу с большей добросовестностью. Поэтому, более или менее подходящих и способных агентов старались переводить на постоянное месячное жалование.

Кроме того, высылались агенты для следования вместе с крупными неприятельскими войсковыми частями. Наиболее подходящими для этого оказались мастеровые. Так например, при одной из дивизий армии Куроки имелись в качестве агентов данного корпуса - кузнец и плотник.

Наиболее трудную задачу для агентуры этого корпуса представляла вербовка агентов. Нужно было вербовать таких лиц, которые имели бы родственников в тылу противника. Им легче удавалась проникнуть в тыл противника и проживать там более продолжительное время, ибо родственники ручались за их

благонадежность. Необходимо отметить, что к агентам-резидентам ходили только их родственники, или же выдававшие себя за таковых.

Агентов держали много, так как китайцы обычно довольствовались небольшим заработком, почему, накопив некоторую сумму денег, в большинстве случаев, временно отказывались работать.

В самом начале агентуре удалось завербовать ученого китайского врача и его родственника. Благодаря тому, что они оба пользовались большим почетом среди местного населения, с их помощью удалось завербовать достаточное количество агентов в тылу противника. Завербовать агента без посредства влиятельного китайца - было вообще задачей трудно выполнимой.

Хорошие результаты получались, если опрос агентов производил кто-либо из офицеров, знавших китайский язык, так как агенты никакого доверия к переводчикам-китайцам не питали. Кроме того, последние требовали от агентов вознаграждения, вернее - взятка. Секретно

Хотя, в общем, агенты давали правдивые сведения и признавались, когда им не удавалось проникнуть до указанного пункта, но все же на их честность положиться было нельзя и приходилось посылать специальных агентов для проверки их донесений.

Посылать агента так, чтобы другие этого не знали, не представляло особых затруднений потому, что сами агенты тщательно друг от друга скрывали свою работу по шпионажу.

При опросе, когда сведения агентов сильно расходились, устраивались очные ставки. Обычно в таких случаях один из агентов признавался, что он, почему-либо не дошел до указанного пункта и дал неверные сведения. В таких случаях виновный подвергался наказанию, но не за неисполнение задачи, а за неправдивость.

Под конец войны некоторые агенты сильно усовершенствовались. Так, например, при наступлении японцев они во время боя прибегали и точно сообщали о силах наступающих и о направлении их движения.

Постоянное жалование агентов, не считая наградных,

доходило до 60 руб. в месяц; простые агенты получали от 15 до 30 руб. в месяц. За документы платилось особо, например, за конверт - 5 руб., за конверт с письмом - 10 руб. и т. д. За все время такого рода документов было доставлено около 200 и около 100 донесений.

В штабе 3-го Сибирского корпуса (I армия) агентурной разведкой ведал офицер Генерального штаба с несколькими помощниками из студентов института восточных языков.

Агенты вербовались, что называется, прямо с улицы. Проверяли их благонадежность и способности тем, что в первое время им давали простые задания. В зависимости от их исполнения, выносилось решение о пригодности или непригодности каждого данного лица для разведки. Процент непригодных был весьма велик. В общем, количество агентов колебалось от 10 до 25 человек одновременно.

Найти подходящих людей было крайне трудно. Охотников отправиться в тыл противника было мало. Прием же - брать заложниками отца или брата агента и казнить их в случае невозвращения последнего или доставки неверных сведений, как это, якобы, практиковали японцы, - агентура корпуса не пользовалась. Количество совершенно бесценных донесений было громадно.

Оплачивались агенты в зависимости от ценности донесения, его достоверности и своевременности. Если к донесению были приложены вещественные доказательства (письма, ярлыки и пр.), то платилось по 25-30 руб., за маловажные 3-5 руб.

В штабе 4-го Сибирского корпуса (I армия) агентурой ведал офицер-восточник, под непосредственным руководством начальника штаба корпуса.

В этом корпусе, благодаря отсутствию разграничения района разведки, агенты высылались с таким расчетом, чтобы определить расположение противника впереди фронта корпуса и двух с ним соседних корпусов (вправо и влево). Агентов было 1-5, ибо после каждого поражения русских они разбегались и новые весьма неохотно шли на службу. В большинстве случаев проход

через линии фронта был невозможен; можно было пробираться лишь на флангах.

Оплата агентов производилась в зависимости от ценности принесенных сведений и документов. Надежные агенты получали жалование ежемесячно - от 25 до 75 руб., сдельно - от 5 до 25 руб. за донесение.

В штабе 7-го Сибирского корпуса (был сформирован из отряда Ренненкампа и вошел в состав I армии) агентурой ведал армейский офицер. Он редко находился при штабе корпуса, а почти всегда ютился где-либо вблизи передовых позиций, сам ходил на разведку и т. д., объясняя это желанием быть в курсе дела и иметь возможность лично проверять сведения агентов. По крайней мере, так он писал в своем отчете.

Агентов он также вербовал, якобы лично во время поездок по окрестным деревням, главным образом из местных жителей-китайцев, которым ему удалось оказать те или иные услуги и, следовательно, на благодарность которых можно было рассчитывать. Вербовал также и переводчик-китаец, вербовали испытанные агенты, главным образом своих родных и знакомых, за которых давали ручательства.

В первый период, т. е. ноябрь 1904 г. - февраль 1905 г., корпус имел, кроме случайных, 40 агентов. В марте-мае 1905 г. их было 36 чел., в июле-сентябре - 38 чел.; всего через корпус прошло 139 агентов. Этими агентами было доставлено 152 донесения и 75 документов.

Плата агентам колебалась в месяц от 5 до 45 руб., в среднем каждый агент получал около 20 руб. Кормовые деньги, выдававшиеся в первое время в размере 2-5 руб., под конец по разным причинам дошли до 20 руб. в сутки.

При посылке агентов им внушалось не ходить с русской стороны в компании с кем бы то ни было, не надевать хорошей одежды, не выдавать своей грамотности, говорить, что идет с юга, живет неподалеку, иметь всегда наготове правдоподобный предлог, объяснявший его присутствие в данном районе, в противном же случае - прикинуться кретином. Если у агента не было в тылу противника родных или близких знакомых, ему

предлагалось таковых приобрести и совершить с ними обряд "Кэ-тоу", т. е. побратимства, который свято чтился между китайцами. Агент должен был просить этих новых знакомых сообщить ему в следующий его приход все интересовавшие русскую разведку сведения о противнике. Агенту внушалась необходимость не только не избегать японцев, но, наоборот, стараться встречаться с ними возможно чаще и, если возможно, наняться к ним на работу, если не слугой к офицеру, то хотя бы на земляные работы, перевозку тяжестей, в интендантский обоз и т. д.; обязательно посещать курильни опиума, игорные дома и т. п. притоны и с содержателями их установить хорошие отношения, часто ходить под видом торговца-разносчика с мелочными товарами; стараться заводить знакомство с китайцами - японскими переводчиками, с прислугой японцев и т. д. Агентам также предлагалось не брать с собой русского удостоверения-пропуска, а прятать его, куда либо под камнем между позициями русских и японцев.

По возвращении из тыла противника агенты на день-на два размещались все вместе в особой фанзе. Отлучаться далеко им было воспрещено и никто из посторонних китайцев к ним не допускался. Все эти мероприятия объяснялись заботой об их безопасности. Опрос агента никогда не производился в присутствии постороннего китайца или другого агента. Разговор между агентами о делах, касавшихся их шпионской деятельности, категорически запрещался; за соблюдением этого запрещения следил живший вместе с агентами китаец-переводчик.

Агентов-резидентов в этом корпусе не было. Были попытки пользоваться ими, но они не дали хороших результатов.

*

* *

На этом мы и ограничимся в описании агентурной деятельности отдельных корпусов. Приведенными примерами исчерпываются почти все "новые", "оригинальные" и "своеобразные" приемы агентурной разведки, практиковавшиеся штабами армий и корпусов.

Необходимо лишь еще раз подчеркнуть ту зависимость от переводчиков, в какой находились не только войсковые части, но

и высшие штабы русской армии во время русско-японской войны. Своих надежных переводчиков не было. Приходилось прибегать к услугам китайцев, иногда очень плохо говоривших по-русски. Наличие таких переводчиков в армии составляла хотя и неизбежное, но большое зло. Большинство из этих переводчиков являлись людьми мало интеллигентными и мало надежными. Они могли служить лишь проводниками, или же посредниками между населением и войсками по покупке жизненных припасов. В последней роли переводчик-китаец, пользуясь, так сказать, привилегированным положением, обращался в китайского чиновника, обострявшего отношения русских с населением принудительными покупками и %%-сборами. Еще во время стояния на р. Шахэ и затем после отхода из под Мукдена штаб главнокомандующего сообщал войскам, что из ряда следственных дел о шпионаже обнаружилось, что среди переводчиков были подкупленные японцами.

Как посредник в деле разведки и опроса пленных, а также при изложении заданий агентам-китайцам, китаец-переводчик оказался малопригодным: он не имел никакого понятия об организации сил противника, не был совершенно знаком с военными терминами.

Русских, знавших китайский язык, было мало: несколько офицеров, прослуживших много лет на Дальнем Востоке, и солдаты, преимущественно приамурских казачьих войск. В числе последних большие услуги оказывали казаки-буряты своим знанием монгольского языка. Но все эти лица знали только простонародный разговорный язык, письменности же и официального литературного языка они не знали.

Еще в 1899 году во Владивостоке был открыт восточный институт, куда командировались и офицеры, но военному ведомству он принес мало пользы. Лица, окончившие этот институт, знали язык теоретически и без практики в качестве переводчиков были крайне слабы.

Глава четвертая **Агентурная разведка военного комиссара, его** **помощников, начальника транспортов штаба** **главнокомандующего, подрядчика Громова и штаба** **начальника тыла**

Задачи военного комиссара и его помощников в мирное время. - Их бездействие. - Незнание административного деления Мукденской провинции. - Отсутствие верных топографических карт. - Агентурная деятельность военного комиссара. - Вербовка и подготовка агентов. - Школа для подготовки агентов. - Оторванность агентурной деятельности военного комиссара от действующих войск. - Результаты. - Агентурная деятельность начальника транспортов и подрядчика Громова. - Ликвидация этой деятельности в июле 1905 г. и создание разведывательного отделения при штабе главнокомандующего. - Назначение начальником разведывательного отделения быв. начальника транспортов ген. Ухач-Огоровича.

Помимо штабов армий и корпусов, агентурной разведкой на театре военных действий занимались: так называемый военный комиссар и его помощники, начальник транспортов при штабе главнокомандующего ген. Ухач-Огорович, подрядчик Громов и штаб начальника тыла.

Сейчас посмотрим, как вели агентурную разведку указанные лица, по всем признакам никакого отношения к разведке не имевшие.

Задача военного комиссара и его помощников в мирное время заключалась в том, чтобы "следить за развитием и организацией различных китайских войск в трех маньчжурских провинциях, а также в наблюдении за китайскими властями в смысле строгого исполнения ими договора 1902 года".

Были ли даны военному комиссару какие-либо задания для подготовки к войне в смысле изучения страны (ее средств, склонения на свою сторону влиятельной китайской администрации, выбора и подготовки преданных и надежных агентов) - нам неизвестно. Однако, судя по некоторым данным, задачи эти не входили

ли в круг деятельности военного комиссара. Так, например, ни к началу войны ни в начале ее не было составлено карты административного устройства Мукденской провинции. Общепринятая населением и нанесенная на китайских картах граница ее с Монголией не была известна русскому военному ведомству. Не было известно также то обстоятельство, что к Мукденской провинции принадлежат округа: Ляоянчжоу с областным городом Чженьцзяньтунем и Дурухуан.

События показали, насколько китайская администрация оказывалась всегда осведомленной обо всем и даже о предстоящих действиях японцев. При том влиянии, которым пользовался по своему служебному положению комиссар, он мог бы, конечно, заблаговременно подготовить вопрос о негласном содействии русским со стороны некоторых китайских чиновников.

В еще более широких размерах могла проявиться деятельность комиссара в мирное время по выбору и подготовке сети агентов в различных пунктах провинции, особенно в таких торговых центрах, как г. г. Инкоу, Ляоян, Мукден и пр.

Но подготовки такой не было. Китайская администрация, сочувствуя японцам, умела ревниво оберегать тайну тех сведений, которые до нее доходили, и, быть может, принимала участие в заблаговременных заготовках припасов для потребностей японцев.

Разведывательная деятельность военного комиссара и его помощников началась только с открытием военных действий и, повидимому, с такими же случайными и совершенно неподготовленными средствами с какими пришлось иметь дело всей русской армии. Правда, количество людей, имевшихся в распоряжении военного комиссара, было довольно большое, но степень их надежности и полезности для разведывательной работы оставляла желать лучшего.

Серии ходоков высылались в район расположения противника; сведения, ими доставлявшиеся, взаимно проверялись при большом числе высылаемых агентов. Но сами-го высылаемые агенты-ходоки не были совершенно подготовлены к той работе, которую они на себя принимали.

Поэтому сведения, собиравшиеся комиссаром, сводились к чрезвычайно гадательному определению числа японцев, занимавших тот или другой пункт, без указания, к какому времени эти данные относились и к составу какого войскового соединения принадлежали обнаруженные японские войска. Агенты комиссара не сумели или не смогли, например, дать сведений о готовившемся, а затем и начавшемся обходном движении армии Ноги в феврале 1905 года, о сборе запасов в Синминтине и т. д.

Все такие сведения, которые получались от военного комиссара, конечно, не могли дать ни картины группировки сил противника, ни их общей численности.

Были у военного комиссара и агенты-резиденты, но сведения, доставлявшиеся ими, ничем не отличались от сведений агентов-ходоков.

Разведывательная деятельность военного комиссара совершенно не связывалась с разведывательной деятельностью штабов армий. Комиссар не знал районов и целей разведки армий, а штабы армий не были посвящены в деятельность комиссара.

Общей руководящей идеи и разграничения обязанностей и работы между органами, ведавшими агентурной разведкой, установлено свыше не было; следовательно, нельзя было вести перекрестной разведки, которая давала бы возможность проверить правильность приносимых агентами сведений.

После отступления русских от Мукдена разведка комиссара прекратилась, так как и он, по-видимому, лишился своих агентов. Только в конце апреля 1905 года опять стали войсками получаться от него отрывочные сведения.

В это время военным комиссаром была открыта школа для подготовки агентов-ходоков. В этой школе преподавались приемы разведки и изучалась организация японских войск. Во главе школы был поставлен студент владивостокского восточного института, состоявший редактором издававшейся военным комиссаром газеты "Шин-цин-бао", - человек, не знавший организации японской армии, и вообще едва ли знакомый с приемами агентурной разведки. В результате школа не оправдала возлагавшихся на нее надежд и в конце июля была

ликвидирована.

При разведывательном отделении военного комиссара существовала еще и другая школа, более упрощенного типа, деятельность которой оказалась более удачной. Подготовленные в ней агенты-ходоки стали давать более ценные сведения.

Кроме комиссара агентурной разведкой занимались также и его окружные помощники, работа коих, однако, не дала никаких существенных результатов.

Как мы выше уже указывали, агентурной разведкой занимался также начальник транспортов при штабе главнокомандующего ген. Ухач-Огорович и подрядчик Громов. Оба они были подчинены штабу главнокомандующего и как бы заменяли разведывательное отделение управления генерал-квартирмейстера, которого в штабе главнокомандующего не было почти до самого конца войны. Когда же незадолго до конца войны это разведывательное отделение было создано, во главе его был поставлен тот-же Ухач-Огорович. Почему дело агентурной разведки было поручено начальнику транспортов и подрядчику, - лицам, не имевшим к нему никакого отношения, - остается секретом главнокомандующего.

Понятно, что ничего ценного и толкового эти лица по разведке дать не могли и не дали.

Согласно того же "Положения о полевом управлении войск и т. д.", в Харбине был создан "штаб тыла" с отделом генерал-квартирмейстера, состоявший из строевого, отчетного, разведывательного и топографического отделений¹. Нам неизвестны подробности разведывательной деятельности этого штаба. Известно лишь то, что когда русские войска стояли под Мукденом, он, наравне с агентурой военного комиссара и начальника транспортов, давал сведения, заставившие главнокомандующего ожидать опасности совсем не с той стороны, откуда она грозила в действительности.

*

* *

ИРК 1915

¹См. А. Филатьев, ген. Штаба полковник. - Полевое управление войск. Наше "Положение" 1890 года и применение его в войну 1904-1905гг., изд.1912 г.

В июле 1905 года, когда уже для всех стало очевидным, что ведение агентурной разведки совершенно посторонними учреждениями и людьми ничего хорошего не дает и не обещает дать в будущем, было приказано упомянутые разведывательные учреждения ликвидировать. Начальник транспортов предложил своих агентов штабу III армии. Последний согласился их принять, но, когда дело дошло до передачи, то оказалось, что все агенты состояли на определенном месячном жалованье и отказались работать при сдельной оплате. Штаб III армии отказался принять эти условия агентов. Соглашение не состоялось и агенты начальника транспортов были уволены.

После этого начальник транспортов ген. Ухач-Огорович получил новое назначение - начальника вновь формирующегося разведывательного отделения штаба главнокомандующего. Пока новое отделение вошло в курс дела, война кончилась и оно фактически проявить себя не успело.

Понятно, что при такой постановке дела не могло быть и речи о правильном руководстве и объединении разведывательной деятельности в войсковых частях фронта. Каждый работал по-своему, сам собирал сведения и сам пользовался ими. Бывали случаи, когда агенты одного разведывательного органа одновременно служили у других, или, прогнанные одним органом, поступали на службу к другим и т. д. Штаб III армии пробовал бороться с этим злом следующим образом. Он фотографировал своих агентов, и фотографии их рассылал по подчиненным ему корпусам. Но этот прием из пределов одной армии не выходил и, понятно, никаких реальных результатов дать не мог.

Глава пятая

Агентура Главного штаба

Запоздалое задание военным агентам заняться разведкой против Японии. - Ассигнование средств. - Результаты. - Тайный агент на заводах Круппа. - Его информация. - Вмешательство Вильгельма. - Агентурная охрана эскадры Рождественского. -

Провокационные сообщения известного провокатора Гартинга-Ландезена и Гульский инцидент.

Накануне и в самом начале войны Главный штаб как будто бы забыл о существовании военных агентов, которым можно было бы поручить наблюдение за деятельностью японцев, за покупкой вооружения, и пр. в нейтральных странах. О военных агентах в европейских странах, правда, вспомнили несколько раньше, о военном же агенте в Китае вспомнили лишь после разгрома под Мукденом. Как только грянула Мукденская катастрофа, военный агент в Китае получил категорическое предписание организовать агентурную сеть. Но уже было поздно и предписание в жизнь проведено не было.

Военным агентам в европейских странах впоследствии были отпущены следующие суммы на разведку против Японии:

Военному агенту в Берлине	10.000 руб.
- " - " - в Лондоне	15.000 руб.
- " - " - в Париже	10.000 руб.
- " - " - в Брюсселе	10.000 руб.
- " - " - в Вене	5.000 руб.
- " - " - в Риме	5.000 руб.
- " - " - в Вашингтоне	10.000 руб.

Таким образом, всего было отпущено 65.000 руб., израсходовано же всего лишь 32.000 руб. Из этого можно заключить, что средств у военных агентов было вполне достаточно, но они не нашли им применения. И это понятно, ибо агентурную сеть нельзя создавать в один день, это делается месяцами и годами.

Кроме того, Главный штаб имел самостоятельных и непосредственно ему подчиненных агентов - двух в Японии и одного в Китае, которым в начале войны было отпущено в их безотчетное распоряжение 52.000 руб. на организацию и ведение агентурной разведки против Японии.

О том, какие результаты дали все эти мероприятия, подробных данных нет. Имеющиеся же косвенные отрывочные данные показывают, что в общем ничего ценного разведка Главного штаба не дала и, по существу, как созданная наспех и

совершенно оторванная от театра военных действий, - дать не могла.

Весьма красноречивую иллюстрацию того, что Главный штаб не сумел использовать даже те данные, которые он имел, дает факт, рассказанный Мих. Лемке¹.

"... Во время японской войны у нас был шпион из старших служащих завода Круппа, сообщавший нашему военному агенту в Берлине о дне и часе каждой отправки орудий японцам, месте погрузки и перегрузки, сроков проходов портов и пр. За это он получал по 1.000 руб. в месяц. Эти сведения наш военный агент своевременно сообщал Генеральному штабу - и хоть бы один транспорт был бы уничтожен..."

На основании сведений этого агента, русское министерство иностранных дел выразило свое недовольство Германии. В дело вмешался сам Вильгельм, стараясь доказать Николаю Романову, что Германия помогает только России. В письме от 6-го февраля 1905 г. он писал ему²:

"... Расследование, произведенное в конторах гамбургско-американской пароходной кампании, показывает, равным образом, что слухи о том, будто бы она на своих пароходах перевозила пушки и снаряды для Японии, совершенно неосновательны; ни оружия, никаких других военных материалов она в Японию не перевозила и для Японии не брала. Видимо, тучи французских и английских агентов, осаждающих адмиралтейство и военное министерство, рассерженные на наши фирмы, которые снабжают ваше правительство хорошо и лучше, чем это делают французские и английские фирмы, распускают бесчисленное количество разных уток. Я посоветовал бы поменьше верить им и сверх того дать им пинка, чтобы они слетели в Неву..."

Кому поверило русское военное ведомство, - своему агенту, или же Вильгельму, неизвестно. Известно только, что протест больше не возобновлялся.

При правильной и своевременной постановке дела разведки и при соответствующем подборе весьма ценные услуги

¹См. Мих. Лемке - 250 дней в царской ставке.

²См. Переписка Вильгельма II с Николаем II.

мог бы оказать военный агент в Лондоне. Но работа этого военного агента была поставлена до такой степени слабо, что, например, командовавший эскадрой адмирал Рожественский вынужден был пользоваться провокационными сведениями небезызвестного агента-провокатора департамента полиции Гартинга-Ландезена¹. Морское министерство вынуждено было ассигновать на это дело 300.000 рублей и просить департамент полиции дать кого-либо из своих агентов для агентурного охранения эскадры Рожественского. Департамент полиции выделил для этой цели И. Ф. Манасевича-Мануйлова, получившего за это дело даже Владимира IV степени². Как известно, в результате сведений этих двух "знаменитостей" департамента полиции, Рожественский в ночь на 21-ое октября 1904 г. у Доггер-Банк открыл огонь по английским рыбацким судам, приняв их за японских истребителей. Этот инцидент тогда вызвал громадное негодование в Англии и едва не повел за собою разрыва с Россией. Кое-как его удалось затушевать, заплатив Англии 60.000 фунт ст.

Если вспомнить стремление Германии во что бы то ни стало посорить Англию с Россией и, таким образом, расстроить "Entente Cordiale" ("сердечное согласие"), то станет совершенно ясным, откуда, из каких источников шла информация Гартинга и Манасевича о присутствии японских истребителей в Северном море. Прямым подтверждением, на наш взгляд, этого мнения является телеграмма Вильгельма Николаю Романову от 17 (30) октября 1904 года, в которой он пишет:

"... Слышал частным образом, что гульские рыбаки уже заявили, что среди своих судов они видели чужой пароход, не принадлежащий к их рыбацкой флотилии и им неизвестный. Значит тут была измена. Думаю, что английское посольство в Петербурге должно знать эту новость, которую доселе скрывают от английской публики из боязни "blamage" ("шума").

¹См. А. П. Извольский - Воспоминания. Изд. "Петроград", 1924 г.

²См. К. Бецкий и П. Павлов - Русский Рокамболь. Приключения Манасевича-Мануйлова. Изд. "Былое", Ленинград, 1925 г.

Глава шестая

Военная агентура департамента полиции

Задания Морского министерства по агентурной охране эскадры Рождественского и поручение их выполнения Мануйлову. - Сведения Мануйлова. - Оценка работы Мануйлова департаментом полиции.

Нам остается сказать еще несколько слов о той помощи, которую старался оказать военному ведомству департамент полиции.

Из книжки Бецкого и Павлова мы узнаем, что с начала военных действий Манасевичем-Мануйловым была создана, по поручению департамента полиции, непосредственная внутренняя агентура при японских миссиях в Гааге, Лондоне и Париже. Мануйлову, якобы, удалось установить наблюдение за корреспонденцией этих миссий, осветить настроение и намерения японцев "причинить повреждения судам второй эскадры на пути следования на восток". Кроме того, Мануйлов, якобы, достал также дипломатические шифры Америки, Китая, Болгарии и Румынии. Тот же Мануйлов, якобы, перехватывал письма японского военного агента в Стокгольме - Акаши.

От морского министерства Мануйлов имел поручение охранять Балтийский флот, получив на это дело 300.000 руб. Для артиллерийского управления военного министерства он покупал какие-то чертежи новых орудий и т. д.

В общем, вся эта агентурная деятельность Мануйлова, кроме "охраны Балтийского флота", обошлась за время с 19 октября 1904 года по 14 июля 1905 года, т.е. за 9 месяцев - 52.628 руб.

Все эти, добытые Мануйловым, материалы, однако, были раскритикованы самим департаментом полиции и признаны никуда негодными. Вот что писал департамент полиции:

- " 1. Мануйлов берет слишком дорого за свои сообщения.
2. Мануйлов совершенно не церемонится с фактами. Они (факты) показали, что выписки и фотографии, которые Мануйлов

выдавал за копии и фотографии японских шифров, просто-напросто взяты из китайского словаря, что военные чертежи и планы, которые заинтересованные агенты иностранных держав всучили Мануйлову, работая не в пользу, а против России".

После такой оценки работы Мануйлова со стороны департамента полиции, конечно, не приходится говорить о ценности ее для русского военного ведомства.

Глава седьмая Заключение

Отсутствие достоверных сведений о японской армии. - 25% прибавка. - Мнение "эксперта" о японской армии и его постепенное изменение. - Признания Куропаткина. - "Важная причина неудач - малая осведомленность о противнике".

Итак, можно сказать, что русская армия начала и кончила войну с Японией без разведки, без знания своего противника.

До какой степени плохо было поставлено дело разведки во время русско-японской войны, показывает хотя бы тот факт, что русское командование, неуверенное в достоверности имеющихся и доставлявшихся разведкой сведений о численности японской армии, прибавляло к имевшимся данным о численности еще по 25% надбавки. Даже сам Куропаткин после заключения мира приоткрылся весьма неприятно пораженным этой своеобразной надбавкой. Он писал¹ о прибавке в 25%, которая, "как только заключили перемирие, вдруг исчезла и японцев оказалось менее, чем мы считали по данным разведки, ожидая боя..."

Когда война кончилась, Куропаткин в том же "отчете" высчитывал одного из русских "экспертов" по японским делам, который "утверждал во Владивостоке до начала войны с Японией, что мы можем считать одного русского солдата равным трем японским". После первого поражения он умерил свой тон и допустил, что, пожалуй, можно противопоставить каждому японцу одного

¹См. Отчет главнокомандующего русскими войсками во время русско-японской войны.

русского. К концу следующего месяца он объявил, что "если желаем одержать победу, мы должны выставить на каждого японца по три русских..." Вышучивая задним числом легкомысленные суждения сомнительного "эксперта" в японских делах, сам Куропаткин, также болевший этим общим недугом по оценке сил японцев, - принял эти суждения все-таки за чистую монету. На этом основании при выработке плана кампании войны бывший военный министр и впоследствии главнокомандующий принял в основание возможность "сбросить японцев в море", даже при численном превосходстве с их стороны...

В своих "записках"¹ Куропаткин признает, что "мы не оценили материальных и особенно духовных сил Японии и отнеслись к борьбе с нею недостаточно серьезно". Куропаткин обвинял в этом "проглядении" ему неподчиненный долгое время Главный штаб...

В апреле 1905 года опомнился также и генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего. Он написал длинный доклад главнокомандующему о необходимости разведки. В этом докладе он, между прочим, говорил, что "одной из важных причин наших неудач в столкновении с японцами является неуверенность в своих силах, даже в своем численном превосходстве. Неуверенность эта происходит, отчасти, от малой осведомленности войск о данных, добытых уже разведкой..."

Это показывает, что даже те жиденькие сведения, которые имелись в русских штабах, не были известны соответствующим войсковым начальникам.

¹См. Ген. Куропаткин - Записки о русско-японской войне. Итоги войны. Изд. 2-ое. Берлин, 1911 г.

ЧАСТЬ III**РУССКАЯ АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА С 1906 г. ПО 1914 год****Глава первая****Планы реорганизации агентурной разведки**

Приказ о новой организации центрального органа разведки. - Критика прежней организации разведки - доклады Никольского, Михельсона и др. - Попытка министерства иностранных дел забрать агентурную разведку в Азии в свои руки. - Сведения о постановке агентурной разведки в иностранных государствах - доклад военного атташе в Турции полк. Хольмсена. - Расчет и дислокация тайных агентов. - Идея реванша и попытка Ген. штаба объединить агентуру всех ведомств на Дальнем Востоке. - Проект Лехмусара о поддержке революционного движения в Корее против Японии. - Отчет о результатах агентурной работы в 1907 году

В начале 1906 г., в результате работ разных компаний и совещаний по реорганизации управления армий, был издан приказ по военному ведомству с опубликованием новых штатов разных военных учреждений, в том числе и вновь созданного Генерального штаба. К последнему перешли также и разведывательные функции.

Согласно приказа по военному ведомству от 22/IV 1906 года за № 252, было создано 5-ое делопроизводство части 1-го оберквартирмейстера, в которое перешли оперативные-добывающие функции разведки. Личный состав этого делопроизводства должен был состоять из 5-ти штатных делопроизводителей - полковников или подполковников Генштаба и 6-ти их помощников в тех же чинах.

Обработка добытых этим делопроизводством сведений и материалов об иностранных армиях была сосредоточена в шести делопроизводствах части 2-го оберквартирмейстера следующим образом:

В 1-м делопроизводстве	- по Азиатской Турции, Персии, Афганистану, Японии, Китаю и Америке;
------------------------	--

Во 2-м	- " -	- по Германии;
В 3-м	- " -	- по Австро-Венгрии;
В 4-м	- " -	- по Румынии, Болгарии, Сербии, Черногории, Греции, Европейской Турции;
В 5-м	- " -	- по Швеции, Норвегии, Дании и Европейской Англии;
В 6-м	- " -	- по Франции, Швейцарии, Италии, Голландии, Бельгии, Испании и Португалии;

Как видим, тут уже налицо разделение добывающего и обрабатывающего органов разведки, при чем бросается в глаза весьма своеобразное распределение стран между обрабатывающими делопроизводствами; так например, Турция делится между двумя делопроизводствами. По каким соображениям был установлен такой порядок, нам неизвестно.

Новый орган разведки взялся за дело весьма горячо и энергично еще до официального объявления штатов и положения о 5-м делопроизводстве. Почти весь старый личный состав был отстранен от дела и заменен новым. Деятельность прежнего аппарата разведки подверглась всесторонней критике, в которой участвовали даже те лица, кои до того стояли к разведке очень близко и имели на ее деятельность известное влияние.

Мы вкратце остановимся на более ценных критических замечаниях, ибо они дают возможность заглянуть в закулисную сторону русской агентурной разведки.

Капитан Никольский, на которого мы уже выше ссылались, написал "Краткий очерк положения нашей негласной военной агентуры в настоящее время и желательные общие условия ее правильной организации". В этом очерке он, между прочим, указывал, что русская агентурная разведка военных сил и средств иностранных государств, не имея никакой определенной программы, "представляется совершенно случайной и всегда получает не то, что надо, а лишь то, что доставляет слепой случай".

Причину такого положения автор "очерка" видел, главным образом, в отсутствии организации службы разведки. Он сам признавал, что почти полная неосведомленность русской разведки о состоянии вооруженных сил Японии показывала, насколько мало в действительности Россия знала о своих соседях.

Хотя Никольский и допускал, что сведения, имеющиеся об европейских государствах должны быть несравненно полнее, но, судя по тому, что они в большинстве случаев добывались лишь случайно, без определенной системы и притом устаревшими, - он предполагал, что эти сведения были далеко неудовлетворительными и не могли представить истинной картины о силах соседей.

По мнению Никольского, "в настоящее время (т. е. к концу 1905 г.) сравнительно сносно поставлена разведка лишь на Ближнем Востоке¹, где мы имеем под видом консулов, ряд негласных военных агентов в Эрзеруме, Ване, Хаме и в Персии. В Европейских государствах негласная разведка, главным образом, производится военными агентами, официальными представителями нашей армии. В силу официального положения, военным агентам крайне неудобно вести негласную разведку на широких началах и каждый из них постоянно рискует в случае обнаружения его разведывательной деятельности отчислением от должности".

"При усиленном негласном надзоре, каковой обыкновенно установлен за военными агентами, последним приходится ограничиваться лишь случайно приобретаемыми, с большим риском для себя, сведениями, т. е. другими словами, - военные агенты поставлены в невозможность систематически вести негласную разведку, почему и все сведения, ими добываемые, суть случайные и требующие проверки".

Предложения разных случайных лиц, коими пользовалась русская разведка - являлись, по мнению Никольского, источником совершенно случайным и притом еще более ненадежным, если принять во внимание, по его словам, что "в некоторых иностранных государствах принята система фабрикация самими штабами заведомо ложных документов, которые и предлагаются к покупке

¹Дальше мы увидим, что мнение Никольского не соответствовало действительности.

при посредстве подставных лиц".

Никольский полагал, что для правильной постановки дела разведки необходимо принять следующие меры:

1. Выработать определенную программу разведки;
2. Отпустить достаточное количество средств;
3. Сохранить в полной тайне структуру как общей организации, так и самых разведок;
4. Установить непрерывность негласного наблюдения за известным районом иностранного государства.

В заключение Никольский указывал, что соблюдение выдвинутых им условий уж не так трудно. Некоторые затруднения, по его мнению, могли встретиться лишь при ассигновании необходимых средств. Но и здесь он видел выход в том, что уж если сочли возможным субсидировать Черногорию в размере 331.000 руб. в год, "то, надо полагать, что для более полезного назначения тоже найдут возможным отпускать ежегодно приблизительно ту же сумму".

Сохранения в тайне общей организации, а также и "самых разведок", по мнению Никольского, можно было достигнуть при выполнении следующих условий:

1. Руководство разведкой всех видов должно быть централизовано;
2. Во главе разведки должны встать лица, продолжительное время работающие в этой области и подчиненные непосредственно одному из высших начальников;
3. Негласные агенты, производящие сбор сведений, должны быть вполне независимы друг от друга, и один другого совершенно не знать.

Соблюдение первого и второго условий, по мнению Никольского, дало бы возможность посвятить в дело разведки весьма ограниченное количество лиц, что более гарантировало бы сохранение тайны и сделало бы менее возможным повторение таких случаев, как, например, дело поручика Леонтьева в Варшаве в 1903 году (Леонтьев служил по разведке в штабе Варшавского военного округа и одновременно состоял агентом германской разведки).

Никольский надеялся, что при полном сосредоточении управления всей агентурной разведкой в одних руках - в разведывательном отделении, - все военные учреждения, которым необходимо получать секретные сведения об иностранных государствах, будут обращаться непосредственно к лицу, возглавляющему разведывательное отделение и последнее будет совершенно самостоятельно добывать требуемые сведения при посредстве своих агентов, известных лишь отделению.

Соблюдение третьего условия, по словам Никольского, дало бы возможность контроля над действиями каждого агента путем сопоставления добываемых ими сведений. Кроме того, этим гарантировалось бы сохранение в тайне всей системы организации разведывательной службы в случае измены или провала агента.

Непрерывность наблюдения дала бы возможность представить полную и истинную картину состояния сил противника в любой момент. Примером подобного непрерывного и полного наблюдения, по мнению Никольского, могла бы служить японская организация разведки в Приамурской области, где задолго до войны японцы, якобы, не только следили постоянно за перемещениями или увеличением войск, но даже вели у себя, в Главном штабе, именные списки офицеров русских пограничных гарнизонов, отмечая каждого прибывшего и убывшего.

Значительным подспорьем к ведению агентурной разведки, по мнению Никольского, могла бы служить организация этой разведки на основаниях, принятых в некоторых государствах (Франция, Япония), где особо назначенные лица предлагают и продают иностранцам сфабрикованные сведения и документы, получая за них деньги, идущие затем на содержание личного состава агентуры. Кроме материальных выгод, подобная организация направляет деятельность иностранных агентов в направлении, желательном для применяющих этот способ, в то же время показывая, чего именно иностранцы не знают про данную страну.

Мы так подробно остановились на "очерке" капитана Никольского для того, чтобы показать, какой сумбур и

непонимание царили в организации русской агентурной разведки после русско-японской войны. Хотя большинство из того, о чем пишет Никольский, являлось самыми элементарными, азбучными истинами и правилами разведки, все же, оказывается, они не были известны русскому Генеральному штабу.

Мнение Никольского о царившем в русской разведке хаосе подтвердил также в своем "всеподаннейшем" отчете и командующий войсками Киевского военного округа за 1904 год. Он, между прочим, писал:

"... Война с Японией дала наглядные доказательства, какое громадное значение имеет правильная организация разведки вероятного противника предстоящих театров войны. Дело это носит у нас чисто случайный характер и правильной организации не имеет. Мы не только не принимаем мер, чтобы проникнуть в замыслы наших врагов и изучить их средства для ведения войны, но не можем уберечься от сети тех разведочных органов, которые они распространили в наших пределах.

К каким печальным последствиям ведет такое положение этого дела с открытием военных действий, не приходится пояснять ..."

В начале 1906 года помощник начальника военно-статистического отдела полковник Михельсон, убедившись на горьком опыте русско-японской войны в недееспособности русской агентурной разведки, представил по команде доклад, дошедший до начальника Главного штаба, в котором рисовал картину положения русской разведки "в настоящее время" и давал советы, как ее нужно организовать в будущем с точки зрения органа, обрабатывающего добытые сведения. Как всякий доклад того времени по этому вопросу, он начинался ссылкой на печальные события на Дальнем Востоке. Доклад весьма обстоятелен и дает полную картину того хаоса и неразберихи, которая существовала в деле разведки того времени, почему мы на нем остановимся несколько подробнее.

Михельсон считал, что при сложности современного военного дела возможный неприятель не сможет полностью скрыть всех своих приготовлений к войне. Дело разведки неприятеля по

своему характеру походит на диагнозы врача по внутренним болезням, или на судебное следствие по искусно скрытому преступлению.

Из этого следует, что дело разведки мирного времени требует продолжительной подготовки и специализации служащего ей кадра офицеров Ген. штаба и выполнения следующих условий:

1. Объединение работы всех офицеров Ген. штаба, изучающих данное государство, в одно общее, стройное и планообразное целое;

2. Возможно долгого удержания опытных работников на систематизации и обработке сведений по данной армии.

"В настоящее время, - писал Михельсон, - дело разведки мирного времени находится в следующем положении.

"Разведкой занимаются четыре органа: VII отделение Главного штаба, военные агенты, отчетные отделения штабов округов, искусственное отделение главного инженерного управления. Сюда надо прибавить еще: агентуру главного артиллерийского управления и случайные командировки (например инженерно-строительная часть). Нельзя не держать связи и с главным морским штабом.

"Деятельность всех этих учреждений совершенно не объединена и одно учреждение не знает, что делается в другом, часто одна и та же работа делается параллельно в разных местах. Благодаря этому, общий итог работы этих органов разведки и обработки добытых сведений едва ли может считаться сколько-нибудь удовлетворительным.

"Сверх того, все эти органы разведки, кроме своего прямого дела, заняты еще другими обязанностями, к делу разведки совершенно не относящимися.

"Так как деятельность VII отделения заключается в систематизации и обработке получаемых из разных источников сведений, то характер делопроизводства в нем таков, что результаты деятельности могут быть видны только в местах работы. Между тем до сих пор, благодаря стремлению подвергнуть ее бумажному отчету, установлено было требование разных срочных докладов и отчетов. Так как они представлялись начальнику Главного штаба,

военному министру и восходили до всеподаннейших докладов, то они требовали весьма тщательной редакции внешности и иногда по несколько раз заключали в себе одни и те же сведения (например, сведение, извлеченное в штабе из газеты "Berliner Tageblatt", представлялось в рапорте военным агентом, из этого рапорта делалось извлечение для доклада, затем об этом писалось в так называемых "отчетах о деятельности военных агентов" по третям - раз и за год - второй раз). Кроме того, в отделение присылалось для перевода много писем и бумаг на иностранных языках, хотя бумаги эти с деятельностью данного стола ничего общего не имели. Из всякого рапорта военного агента, занимавшего более двух страниц, независимо от его содержания, делалось "извлечение" и т. д. Все это в такой степени раздвигало и кромсало по частям время, что настоящей работой по изучению иностранных государств приходилось заниматься по собственной инициативе во внеслужебное время".

Относительно удержания опытных в деле разведки офицеров на этого рода службе надо заметить, что введенная с 1-го мая 1903 г. новая организация Главного штаба нанесла этому вопросу такой удар, что в течение уже первого года Главный штаб вынужден был брать чуть ли не всякого, кто сам сообразовал согласиться на службу в Главном штабе ("на имеющую ныне открыться вакансию послан запрос 7-ми офицерам. От 5-ти получен отрицательный ответ. 2 еще не ответили") - (доклад Михельсона).

Об'яснялось это главным образом тем, что реформа Главного штаба 1903 года поставила офицеров, служивших в Главном штабе на один уровень с чиновниками, выслужившимися из писарей. Работа офицеров Ген. штаба, требовавшая зачастую самостоятельного мышления, творческих, новых комбинаций, вызываемых быстро изменяющеюся общественной жизнью, была поставлена на одну доску с канцелярской рутинной.

Такое положение - (по мнению Михельсона), - в связи с положением материальным, само собой являлось принуждением к уходу из Главного штаба, ибо "понятно, что штаб-офицеры Ген. штаба, сверстники которых состоят начальниками штабов диви-

зий и пользуются правами полковых командиров, не могут довольствоваться положением, равным чиновнику столоначальнику".

Нарисовав печальное положение дела, полковник Михельсон предложил следующие меры для улучшения его постановки:

Во первых - объединить деятельность всех офицеров Ген. штаба, работающих над данным государством.

Во вторых - обеспечить достаточное число опытных работников.

На докладе Михельсона 2-ой ген. -квартирмейстер Поливанов написал, что он проекту сочувствует, но "данное время неблагоприятно для организации мероприятий в смысле штатных изменений, а потому возможно ограничиться лишь некоторыми компромиссами".

Министерство иностранных дел внимательно следило за реорганизационными мероприятиями военного ведомства, особенно в области разведки. Видя, что в это ведомстве идет долгое писание всевозможных докладов и проектов, некоторые "горячие головы" из министерства иностранных дел сделали довольно скромную попытку - прихватить к министерству иностранных дел разведку всех видов, на первых порах, во всей Азии. Эта попытка зафиксирована в "проекте учреждения при первом департаменте министерства иностранных дел разведочного бюро", сводившемся к следующему предложению:

1. Деятельность бюро охватывает Малую Азию, Аравийский полуостров, Персию, Афганистан, Тибет, Индо-Китай, Индию, Китай, Японию, Корею, все английские колонии на востоке и Монголию.

2. Агенты этого бюро делятся на две категории: на постоянных и инспекторов. Агенты постоянные должны жить в каком-либо пункте, заранее им указанном и заниматься самыми разнообразными профессиями, по указаниям бюро. Инспектора, преимущественно офицеры Ген. штаба, дважды в год об'езжают постоянных агентов и доносят о желательных изменениях.

3. Каждому агенту отводится строго ограниченный район действий, который он должен изучить до мельчайших

подробностей.

4. Желательно войти в соглашение с ведомством торгового мореплавания, дабы оно предписало капитанам коммерческих судов по приходе из в какой либо порт отсылать в разведочное бюро краткое донесение о слышанном и виденном в предшествующем порту.

5. Желательно также войти в соглашение с духовным ведомством для ежегодной посылки, за счет разведочного бюро, православных миссионеров в Персию, Китай, Корею, Афганистан и Японию. Обязать этих миссионеров вести ежегодный журнал своих впечатлений и один раз в год отсылать краткий конспект этого дневника начальнику разведочного бюро.

Стоимость всего этого предприятия его инициаторы определяли в размере 800.000 руб. в год, т. е. "равной стоимости одного миноносца", причем они утверждали, что "разведочное бюро принесет России значительно более пользы, чем миноносец".

В министерстве иностранных дел этот "проект" подвергся детальному обсуждению, но в конце концов решили сдать его в архив, даже не предложив вниманию военного ведомства.

В Генеральном штабе долго ломали головы над всеми этими бесчисленными докладами и проектами и, наконец, решили, что нужно попытаться получить сведения о том, как дело агентурной разведки поставлено в иностранных государствах и сообразно с этим решить вопрос. Во исполнение этого решения всем русским военным агентам за границей было разослано циркулярное письмо, предлагавшее срочно собрать соответствующие данные.

Однако, этот циркуляр остался гласом вопиющего в пустыне. Из всех военных агентов откликнулся лишь один, - военный агент в Константинополе - полковник Хольмсен. Он писал, что, несмотря на его "весьма близкие и дружественные отношения с коллегами", ему "не удалось привести в точную известность, сколько именно денег тратится различными государствами для таковой цели".

"... Относительно постановки этого дела в Турции, - писал Хольмсен, - можно сказать, что этот вопрос совершенно не разработан, тайная разведка в сопредельных странах целиком

предоставлена усмотрению находящихся в этих странах военных агентов, которым, однако, для этой цели отпускаются деньги в самом ограниченном размере.

Далее Хольмсен сообщал свои наблюдения о приемах тайной разведки иностранных государств на ближнем Востоке.

Сообщенные данные показались, однако, слишком сложными для русского Генерального штаба. Все изложенные им комбинации и приемы не укладывались ни в какие схемы и штатно-тарифные таблицы. А русский Генеральный штаб все зло и все причины неудач искал именно в том, что его агентурная служба до сих пор не поддавалась схематическому и штатно-тарифному изображению. Поэтому он отбросил в сторону все, на что указывал Хольмсен и другие, и приступил к составлению схемы агентурной сети на всем земном шаре и к выработке штатов и окладов агентам.

По схеме, относящейся к концу 1906 г., было намечено, что Генеральный штаб должен иметь в Германии агентов в следующих пунктах: в Берлине, Магдебурге, Ганновере, Касселе, Штутгардте, Страсбурге и Мюнхене. Каждому из этих агентов ставилась (теоретически по штату) определенная задача. Штаб Варшавского военного округа должен был иметь агентов: в Торне, Кульме, Лейпцене, Познани, Бреславле, Кротошине, Оппельне, Глогай, Кюстрине, Лейпциге и Дрездене. Виленский военный округ: в Мариенбурге, Данциге, Кенигсберге, Тильзите, Инстербурге, Лике и Алленштейне. При этом, помимо указания пунктов и количества агентов, было указано, что "территориальным разграничением сфер разведки Генерального штаба и военных округов будет служить Берлинский меридиан; линия разграничения между Варшавским и Виленским военными округами будет лично установлена впоследствии по сношении с названными округами".

В Австро-Венгрии агенты Генерального штаба, по схеме, должны были находиться в следующих пунктах: в Вене, Граце, Инсбруке, Аграше, Сараеве, Праге и Иосифштадте.

Агенты Варшавского военного округа: в Кракове, Перемышле и Львове.

Агенты Киевского военного округа: в Паша, Германштадте, Темешваре, Будапеште, Пресбурге, Коломне и еще в четырех пунктах обозначенных буквами А, Б, В и Г.

Агентов Генерального штаба предположено было, по схеме, иметь:

В Швеции	минимум	7	максимум	10
" Норвегии	"	2	"	3
" Дании	"	1	"	1
" Финляндии	"	7	"	9
" Париже	"	1	"	1
" Лондоне	"	1	"	1
" Вашингтоне	"	2	"	2
" Брюсселе	"	3	"	3
" Швейцарии	"	4	"	4

По мысли Генерального штаба, все эти лица должны были "комплектоваться из интеллигентных людей, по возможности - из военного общества, на оклад 8.000 руб. в год. Одни нанимаются в тех государствах, где не предположено устроить сеть агентуры и где выбраны такие центры, которые имеют по тем или другим причинам важное значение для международного шпионажа. Их назначение - вербовать агентов преимущественно среди офицеров, попавших в затруднительное материальное положение, добывать секретные документы и, кроме того, держать Генеральный штаб в курсе современного состояния дела разведки в Европе и Америке (ее приемы, организация, меры борьбы и т. п.). Во время войны эти лица могли бы служить для связи..."

В Турции и Румынии, по схеме, Генеральному штабу полагалось иметь агентов в Константинополе и Бухаресте. Но агенты должны были быть и в Браилове, Адрианополе, Яссах, Галлиполи, Галаце и Монастыре.

На Дальнем Востоке (Китай и Япония), по схеме, полагалось иметь 138 разных наименований агентов и тратить на их содержание в год 64.800 рублей.

Всех этих агентов предполагалось иметь "образованными" и в совершенстве знающими свое дело. Для их подготовки намечалось открытие пяти специальных школ.

Для проведения этого плана в жизнь нужны были деньги. Генеральный штаб разработал смету расходов в сумме 1.007.600 рублей в год, т. е. на 823.050 руб. больше, чем до этого времени. В объяснительной записке к этой смете, между прочим, говорилось, что "расход на внешнюю разведку определен примерно, в предположении, что потребуется иметь: главных тайных агентов Генерального штаба - 15, а каждому штабу округа по 2; вспомогательных тайных агентов Ген. штаба - 10, а каждому штабу округа - 4-5.

По данным опыта, расход на главных тайных агентов колеблется от 6 до 18 тысяч руб. в год, а на вспомогательных - от 2 до 4 тысяч руб. в год ...".

Смета была предоставлена по команде, но "наверху" подверглась сильному сокращению, так что в конце концов было отпущено лишь 385.000 руб. Конечно, нельзя сказать, чтобы эта сумма была бы велика или достаточна. Однако, при верном определении возможного противника и сосредоточении на нем "главных" финансовых ресурсов, кое-что сделать было бы можно. Но Ген. штаб решил вопрос по своему. Он никак не мог опомниться от удара Японии и, что самое важное, оказался зараженным идеей реванша. Не успела улечься еще реорганизационная лихорадка, как все остальные вероятные противники были оставлены, если не совсем без надзора и изучения, то на попечении пограничных военных округов, а сам Генеральный штаб со своей "главной" агентурой начал ломать головы вокруг вопроса как бы забраться в секреты Японии.

Выше мы уже отмечали, что некоторые из чинов министерства иностранных дел еще раньше предлагали объединить всю разведку на Востоке при министерстве иностранных дел, создав специальное разведывательное бюро для этой цели. Военное ведомство тоже пришло к заключению о необходимости объединить разведку всех ведомств на Дальнем Востоке, однако, с той лишь разницей, что этот объединенный орган должен был находиться при Генеральном штабе. Из этого предложения Генерального штаба ничего не вышло потому, что каждое из ведомств, ратававших за объединение разведки на Востоке, хотело подчинить это

объединение обязательно себе. Так как ни одно из них уступить не хотело, то на разговорах дело и закончилось.

Единственно, что удалось Генеральному штабу выторговать от министерства иностранных дел, это несколько консульских мест на Дальнем Востоке.

Разные предприимчивые дельцы учитывали растерянное настроение Генерального штаба и засыпали его самыми сногсшибательными и заманчивыми предложениями, проектами и планами. Не имея возможности привести их все, мы остановимся на одном, весьма характерном для царского правительства, проекте штабс-капитана Лехмусара (2 октября 1910 г.).

Лехмусару казалось, что русское правительство могло бы очутиться в весьма выгодном положении, если бы оно не ограничивалось одними "простыми разведками", т. е. сбором сведений, а обратило бы внимание, "на поддержание в корейцах того враждебного к японцам настроения, которое господствует теперь среди большинства корейского населения". Он указывал, что один видный корейский деятель уже просил русские власти во Владивостоке оказать некоторую поддержку корейскому национальному движению, но тогда мысль эту нашли опасной и даже не решились подвергнуть ее обсуждению.

Лехмусар указал, что в 1909 году корейцы получили из Петербурга от бывшего корейского посланника принца И-Пом-Чин'а 10.000 руб., "но эти деньги попали в неблагонадежные руки и растаяли по чужим карманам". В 1910 г., после аннексии был организован сбор денег между корейцами Уссурийского края, но арест русскими властями главных деятелей помешал делу.

Программа действий Лехмусара вкратце была следующей.

1. Лехмусар, по указанию высшего русского начальника, должен был действовать через какого-нибудь верного корейца, который от своего имени под руководством Лехмусара действовал бы через других корейцев.

2. Среди корейцев должна была распространяться специальная литература, направленная против японцев, ибо "таким именно способом японцы возбуждали против нас корейцев перед последней войной".

3. Нужно было оказать поддержку инсургентскому движению, которое за последнее время почти что заглохло, вследствие отсутствия средств. "Что касается ныне принятого способа борьбы инсургентов, - писал Лехмусар, - посредством вооруженных нападений на японских жандармов и на маленькие войсковые отряды, то такой способ надо признать не достигающим цели; вместо этого необходимо направить действия инсургентов главным образом на разрушение железных дорог, телеграфных линий и опытных японских ферм, чтобы расстроить японскую экономическую жизнь в стране".

4. Сумму расходов на поддержание такого рода деятельности в Корее Лехмусар на первое время определял в 20.000 руб. в год.

В заключение Лехмусар заявлял, что, в случае обнаружения такой его тайной деятельности, он согласен взять всю вину на себя лично, как будто "действовавший по своей собственной инициативе из симпатий к корейскому народу".

Этот удивительный проект скорее всего был направлен в сторону активной (разрушительной), чем информационной разведки. Но заслуживает внимания не сам этот "проект", а те резолюции верхов царского ведомства, которых он удостоился, и та переписка, которая возникла по этому вопросу между военным министерством и министерством иностранных дел.

Проект доклада по этому вопросу от имени начальника Генерального штаба был составлен для военного министра. В этом докладе довольно подробно излагалась история этого вопроса и разногласия между разными ведомствами. Из доклада мы узнаем, что военный министр уже ранее просил министра внутренних дел указать Приамурскому генерал-губернатору ген. Унтебергеру на необходимость создать благоприятную почву для использования Кореи, в случае нужды, в целях русской государственной обороны, "поскольку таковая цель достижима путем твердого, но благожелательного и внимательного отношения русской государственной власти к нуждам и интересам населяющих Южно-Уссурийский корейцев, в рядах которых насчитывается не мало влиятельных и преданных России политических эмигрантов".

В таком же духе было написано и министру иностранных дел с просьбой поддержать военное ведомство.

Однако, как министр внутренних дел, так и министр иностранных дел категорически восстали против каких бы то ни было комбинаций с корейцами.

В этот спор вмешался председатель совета министров Столыпин, который указал министрам - военному, внутренних и иностранных дел, что "ввиду наших новых отношений с Японией, вытекающих из последнего договора, намеченная вашим высокопревосходительством (военным министром. - К. З.) мера утратила свою прежнюю остроту и важность и, во всяком случае, могла-бы подлежать осуществлению лишь с особой осторожностью". Вместе с тем Столыпин обращал внимание Приамурского генерал-губернатора на то, что "означенная мера может почитаться практически приемлемой лишь постольку, поскольку она совместима с теми ограничениями в отношении к корейцам, которые установлены в виде противодействия наплыву в наши владения желтой расы".

Идея реванша, который был проникнут проект Лехмусара, вообще господствовала в умах и настроениях военной головки, что видно также из следующего отчета 5-го делопроизводства части 1-го обер-квартирмейстера о своей деятельности за истекший (1907) год.

Отчет начинался ссылкой на то, что "1907 год внес в область сбора сведений о вероятных противниках новое начало", заключавшееся в том, что "все мероприятия в названной области были предприняты на основании выработанного плана и строгой системы".

Автор доклада считал нужным "сознаться", что в прежние годы "большая часть мероприятий в указанной области носила характер случайный и прерывчатый, причиной чему являлось отсутствие как особых разведывательных органов, так и строгой системы в деятельности тех органов, на которые, между прочим, была возложена разведывательная работа, последствием этого являлась та недостаточная осведомленность о вероятных противниках, даже в пределах отпускавшихся весьма скудных средств,

так рельефно сказалась в минувшую войну".

Уроки этой последней, по словам автора - и побудили Генеральный штаб обратить серьезное внимание на реорганизацию разведки.

Какими же предпосылками Генеральный штаб руководствовался в этой своей "реорганизаторской" работе?

На этот вопрос дает ответ автор указанного отчета.

"... Генеральный штаб пришел к заключению, что дальневосточные государства приобретают в настоящее время значение важных в международной политике факторов...", а поэтому Ген. штаб "преимущественно сосредоточил свое внимание на возможно лучшей организации сбора сведений именно о наших дальневосточных соседях".

Как видим, идея реванша еще в 1907 году тянула руководителей царской разведки на Дальний Восток и приковывала к себе их сугубое внимание.

Указав на недостаточность средств и трудность ведения агентурной разведки на Дальнем Востоке и перечислив достигнутые результаты, автор отчета подчеркнул, что "общее положение разведки не может быть признано удовлетворительным", по следующим причинам:

1. Недостаточность отпускаемых средств.

2. Отсутствие помощи и поддержки со стороны остальных ведомств, особенно министерства иностранных дел, которое, при желании, могло бы оказать военному ведомству громадные услуги, хотя бы в смысле насаждения агентурной сети. Но этого на самом деле не было.

"При наличности существующей у нас междуведомственной обособленности, - говорит автор отчета, - разведка, в особенности на Востоке, даже при больших средствах, никогда не достигнет надлежащей высоты, так как в силу непреодолимых для военного ведомства трудностей, фундамент ее - сеть неподвижных агентов-резидентов - никогда не будет иметь необходимых для сего очертания и густоты".

Такова оценка работы разведывательных органов со стороны самого Генерального штаба.

Глава вторая

Отпуска денежных сумм на агентурную разведку

Увеличение ассигнований после русско-японской войны. - Распределение ассигнованных сумм. - Переход военной контр-разведки в ведение Ген. штаба.

Сейчас несколько слов о самом больном вопросе всех разведок - денежных отпусках.

После русско-японской войны и вплоть до 1909 года русский Генеральный штаб ежегодно получал на секретные расходы 344.140 рублей. В 1909 году Государственная дума вотировала еще дополнительный ежегодный отпуск сроком на три года в размере 160.000 рублей.

В 1910 г. военное министерство возбудило ходатайство об увеличении отпуска денег на секретные расходы с 1 января 1911 г. еще на 1.143.720 рублей сроком на 10 лет. Это ходатайство было уважено. Таким образом, начиная с января 1911 года Генеральный штаб начал получать на секретные расходы всего 1.947.850 рублей ежегодно.

В 1913 году министерство финансов пыталось уменьшить эту сумму. Тогда Генеральный штаб представил об'яснительную записку, в которой указывал, что ассигнования на секретные расходы в иностранных государствах выражаются в следующих размерах:

В Германии	392.500 марок.
Во Франции	530.000 франков.
В Австро-Венгрии	500.000 крон.
В Японии	319.000 иен.

Эти цифры были взяты из бюджетов за 1913 г. и, конечно, явно не соответствовали действительности. Суммы на секретные расходы иностранных государств всевозможным образом маскировались, отпускались по сметам других ведомств или по другим, совершенно невинным, статьям. Известно, например, что в Германии по смете военного ведомства на секретные расходы

в 1913 году было отпущено 392.500 марок, а по смете министерства иностранных дел - 1.300.000 марок.

С другой стороны, в объяснительной записке доказывалось, что Россия находится в особых условиях по протяжению своих границ и по количеству соседей. Протяжение одних сухопутных границ Генеральным штабом исчислялось в 17.017 верст, из коих 3.555 на западе, 1.217 на Кавказе и 12.245 в Азиатской России.

Число самостоятельных государств, граничивших с Россией достигало 11-ти.

При отпуске 1.917.850 руб. в год тратилось на разведку на западе 305.000 руб., на востоке - 317.000 руб. Кроме того, с 1911 года к Генеральному штабу перешла и военная контр-разведка, на которую на западе тратилось около 395.000 руб. и на востоке - 204.000 руб. в год.

Интенсивность своей разведывательной и контр-разведывательной деятельности Ген. штаб иллюстрировал примером Варшавского военного округа, который, якобы, имел 57 агентов за границей и 68 внутренних контр-разведывательных пунктов.

После таких "убедительных" доводов смета генерального штаба, конечно, было утверждена и на 1913 год в размере 1.917.850 рублей.

Интересно распределение этой суммы по отдельным пунктам расхода.

Военная субсидия Черногории.....	600.000 руб.
Штабам военных округов на разведку:	
Петербургскому.....	15.000 "
Виленскому.....	25.000 "
Варшавскому.....	45.000 "
Киевскому.....	35.000 "
Одесскому.....	15.000 "
Кавказскому.....	57.000 "
Туркестанскому.....	17.000 "
Омскому.....	4.000 "
Иркутскому.....	8.000 "
Приамурскому.....	25.000 "

Заамурскому округу пограничной стражи.....	14.000 "
На "развитие разведки" штабов военных округов.....	30.000 "
Всего.....	290.000 руб.

Военным агентам на ведение разведки и на приобретение мелких секретных документов.....85.000 руб.
из них:

Военному агенту в Германии.....	3.000 "
- " - " - в Австро-Венгрии.....	5.000 "
- " - " - в Дании, Швеции и Норвегии.....	3.000 "
- " - " - в Англии.....	1.500 "
- " - " - в Бельгии и Нидерландах.....	2.000 "
- " - " - в Швейцарии.....	2.000 "
- " - " - в Румынии.....	2.000 "
- " - " - в Болгарии.....	2.000 "
- " - " - в Турции.....	8.000 "
- " - " - в Черногории.....	2.000 "
- " - " - в Сербии.....	3.000 "
- " - " - в Франции.....	0.500 "
- " - " - в Китае.....	30.000 "
- " - " - в Японии.....	3.000 "
- " - " - в Америке.....	0.500 "

Офицеру на правах военного агента, состоявшему при генеральном консульстве в Мешхеде.....7.000 "
На "развитие разведки" военных агентов.....10.500 "

На содержание "негласной агентуры", непосредственно подчиненной Генеральному штабу всего.....211.000 "
из них:

На содержание агентурных организаций:
№ 6 в Корее.....9.300 "
№ 14 в Манчжурии.....10.500 "

№ 15 в Корее и Манчжурии.....	29.800 "
№ 20 в Монголии.....	13.000 "
№ 23 в Азербайджане.....	13.500 "
№ 30 в Германии.....	34.000 "
№ 31 в Японии.....	35.000 "
На содержание отдельных негласных агентов:	
№ 12.....	1.200 "
№ 17.....	9.600 "
№ 18.....	4.950 "
№ 87.....	2.800 "
№ 102.....	2.300 "
№ 103.....	1.500 "
№ 104.....	1.500 "
№ 106.....	0.500 "
На содержание секретарей консульств:	
в Урумчи.....	5.400 "
в Шара-Суме.....	5.100 "
На "развитие" всей, непосредственно подчиненной	
Ген. штабу, агентуры.....	30.250 "
На приобретение секретных документов.....	50.000 "
На ведение контр-разведки.....	630.000 "

На расходы, связанные с подготовкою и использованием по разведке офицеров, знавших иностранные языки:

На выдачу пособий офицерам-восточникам, работавшим по разведке.....	22.100 "
На подготовку офицеров в знании языков и на увеличение числа офицеров-восточников, работавших по разведке.....	7.900 "
На заграничные командировки в целях разведки.....	30.000 "
На канцелярские и почтовые расходы.....	1.800 "
Добавочное содержание двум помощникам военного агента в Китае.....	8.600 "
Добавочное содержание вр. исполн. должность военного агента в Испании.....	1.200 "

На содержание секретаря при военном агенте в Германии.....	2.436 "
На расходы по должности помощника 1-го Оберквартимейстера и делопроизводителя Особого делопроизводства гл. управ. Ген. штаба.....	2.400 "
Добавочное пособие старшим адъютантам разведывательных отделений штабов Варшавского, Одесского и Приамурского военных округов.....	2.520 "
На непредвиденные расходы.....	7.894 "

Так была распределена вся, ассигнованная на секретные расходы военного ведомства, сумма в размере 1.947.850 рублей.

Если к этой сумме прибавить еще 224.130 руб., расходовавшихся ежегодно на содержание официальных военных агентов (см. выше), то получается довольно внушительная цифра - 2.171.980 руб. Однако, как это видно из подобного перечня распределения, не вся сумма расходовалась на агентурную разведку.

Из нее нужно выкинуть субсидию Черногории, расходы на контр-разведку, на выдачу пособий офицерам и т. д., что составляет 1.280.050 рублей. Таким образом, на разведку в прямом смысле этого слова оставалось всего лишь 891.920 руб. Из этой суммы военные округа расходовали в год 290.000 руб., военные агенты - 309.180 руб., а Ген. штаб непосредственно - 292.800 руб.

Нельзя сказать, чтобы такое распределение отпускавшихся на разведку кредитов было целесообразным. Сумма, отпускавшаяся штабам военных округов не соответствовала тем задачам, которые ставились последним, она была чересчур мала, ибо к тому времени Ген. штаб старался всю тяжесть разведки перевалить на плечи военных округов. Ген. же штаб в своем распоряжении оставлял непомерно большую сумму денег, которую не знал как и на что израсходовать. Нельзя признать целесообразным, также крайне мизерные отпуска средств некоторым военным агентам, которым не только было разрешено, но и приказано заниматься агентурной разведкой, как например, военному агенту в Лондоне.

С другой стороны, отпускавшиеся на агентурную разведку

средства не всегда расходовались по своему прямому назначению. В этом отношении грешили не только местные органы, но и сам Генеральный штаб, пользуясь тем, что расходование этих сумм фактически никем не проверялось. Например, Генеральный штаб ежегодно тратил по 3.040 руб. на "содержание в Сан-Стефано храма-усыпальницы и причта при нем". Некоторые военные округа из отпускаемых на разведку сумм выдавали пособия разным лицам, ничего общего с разведкой не имевшим, строили памятники когда-то павшим воинам и т. д. Военные агенты покупали на агентурные суммы венки на могилы умерших попов и т. д.

Генеральный штаб пытался вести с этими ненормальностями борьбу. Но, так как и сам он был погрешным в такого рода махинациях, то, понятно, борьба эта цели не достигала.

Глава третья

- Руководящие указания и мероприятия Ген. штаба в отношении официальных военных агентов (атташе) -

Разбивка всех государств земного шара на 4 разряда. - Жалование военным агентам и прочие расходы. - Подотчетные суммы на агентурные расходы. - Совещание по выработке заданий для военных агентов. - Спор Ген. штаба с некоторыми Главными управлениями военного министерства о праве последних на самостоятельный сбор необходимых им сведений. - Срочное задание военному агенту в Париже - выяснить пригонку ружья у французского барабанщика. - Покупка документов в пределах сметы Ген. штаба "с высочайшего соизволения". - Взгляды Начальника Ген. штаба на приемы и способы работы военных агентов. - Положение о порядке ассигнования, расходования и отчетности по суммам, отпускавшимся Ген. штабу на секретные расходы. Попытки улучшить качественный состав военных агентов. - Четыре требования. - Вопросы связи с военными агентами в мирное время. - Казенные пакеты военных агентов и русская таможня и цензура. - Разъяснения Ген. штаба о "прикосновенности" квартир военных агентов. - Осведомитель германской контр-разведки в русском посольстве в Берлине. - Порядок хранения секретных документов. - Нижние чины полевой жандармерии в роли личных слуг военных

агентов. - Взаимоотношения военных агентов с послами и консулами. - Запрещение военным агентам выступать в прессе без разрешения Ген. штаба. - Попытка Ген. штаба дать оценку донесениям военных агентов. - Указания Ген. штаба военным агентам - пользоваться не мелкими агентами, а крупными. - Просьба к военному агенту в Австро-Венгрии - помочь Ген. штабу создать свою агентурную сеть. - Ген. штаб и шпионы-профессионалы. - Регистрационные карточки тайных агентов, скомпрометировавших себя. - Новая инструкция военным агентам и лицам, их заменявшим.

Помимо Дальнего Востока, Генеральный штаб уделял также не мало времени и энергии введению раз'единенных, разбросанных разведывательных ячеек в определенные рамки. Так, в организационном отношении, Генеральным штабом была составлена "штатная ведомость распределения военных агентов и их помощников по разрядам".

В упрощенном виде эта "штатная ведомость" рисуется следующим образом:

1. Военные агенты в государствах, отнесенных к 1-му разряду, - в Англии и Америке, получали: жалованья - 1.628 рублей, столовых - 4.342 руб. в год, квартирных - 1.500 руб. и на служебные расходы в год - 800 руб.

2. Военные агенты в государствах, отнесенных ко 2-му разряду - в Австро-Венгрии, Германии, Франции, Китае и Японии, жалованья получали по 1.628 руб., столовых - 3.799 руб., квартирных - по 1.200 руб. и на служебные расходы - по 700 руб. в год.

3. Военные агенты в государствах, отнесенных к 3-му разряду - в Бельгии, Дании, Италии, Турции и Черногории, получали жалованья по 1.628 руб., столовых - 2.713 руб., квартирных - 1.200 руб. и по 600 руб. на служебные расходы.

4. Военные агенты в государствах, отнесенных к 4-му разряду - в Швейцарии, Румынии, Болгарии, Сербии и Греции, жалованья получали по 1.628 руб., столовых - 2.171 руб., квартирных - 1.200 руб., на служебные расходы - по 400 руб. в год.

5. Военные агенты в государствах, отнесенных к 5-му разряду - в провинции Хоросан и Персии, получали жалованья по

1.178 руб., столовых - 1.682 руб., квартирных - 900 руб., на служебные расходы - 400 руб.

На военного агента в Бельгии были возложены также агентские обязанности по Голландии, а на военного агента в Дании - по Швейцарии и Норвегии.

Помощников имели военные агенты в Англии, Китае (два помощника) и Японии.

Жалование военные агенты получали не по чину, а по занимаемой должности.

Сумма "на служебные расходы" отпускалась в полное и безотчетное распоряжение военных агентов и их помощников и предназначалась на содержание верховой лошади, канцелярии, на приобретение приказов, инструкций, уставов, газет и журналов для личного пользования военного агента.

Кроме этих сумм, каждый военный агент еще получал ежегодно в свое безотчетное распоряжение раз'ездные деньги в размере:

В государствах I и II разряда	по	500	руб.
В Бельгии, Дании и Черногории	"	500	"
В Италии	"	200	"
В Турции	"	900	"
В государствах IV разряда	"	300	"
В государствах V разряда	"	200	"

Все эти суммы, отпускавшиеся военным агентам, исчислялись золотом, считая один рубль равным 1/10 полуимперIALа или 4 франкам.

Эти суммы, однако, не исчерпывают все отпуска военным агентам. При назначении на должность каждый военный агент получал так называемую "курьерскую дачу" (равную стоимости 3-х билетов первого класса до места назначения) и 500 червонцев (5.000 руб.).

При отчислении военного агента он получал ту же курьерскую дачу и 1.000 руб. кредитными.

Что из себя представляли "курьерские дачи", показывает тот факт, что в 1907 году на эту надобность было ассигновано 24.800 руб.

Таким образом, военный агент в стране 1-го разряда, помимо "курьерских дач" и червонцев, получал в год 7.270 руб.

На агентурные расходы все военные агенты вместе получали до 45.000 руб. в год. Но в 1907 году такой безотчетный отпуск военным агентам сумм на агентурные расходы был признан нерациональным, ибо выяснилось, что эти суммы не расходовались по своему прямому назначению, а являлись как-бы дополнительным содержанием военных агентов. Поэтому впредь было решено отпускать военным агентам эти суммы на агентурные расходы под отчет.

Вообще же содержание военных агентов (без отпусков на агентурные расходы) обходилось в год 148.420 руб. золотом или 224.130 руб. кредитными, причем сюда еще не входили расходы на оплату телеграфа и почты, которые также относились на интендантскую смету.

Считая организационные вопросы так или иначе введенными в штатно-тарифные нормы, Генеральный штаб приступил к урегулированию вопроса работы военных агентов по существу.

Прежде всего необходимо было дать указания относительно того, чем именно интересуется Ген. штаб. До этого времени всем посылавшимся за границу официальным и тайным военным агентам вместо точных, ясных и определенных заданий, периодически освежаемых, ставилась лишь одна общая задача - освещать данное государство в военно-политическом, экономическом и статистическом отношениях. Расшифровки этой всеобъемлющей формулы не давалось. Лишь в 1906 году была осознана необходимость детализировать даваемые общие задачи. Для этой цели в начале 1906 года при Генеральном штабе было созвано специальное совещание "по составлению программы для военных агентов". На совещании были представлены почти все главные управления военного министерства. Собралось всего 5 генералов и 4 полковника Генерального штаба. На этом совещании Генеральному штабу пришлось выслушать много неприятных истин. Агентура Генерального штаба беспощадно критиковалась представителями главных управлений военного министерства и некоторые из них требовали создания собственной, самостоятельной и незави-

симой от Генерального штаба, агентуры. Так, например, представитель главного артиллерийского управления заявил, что "до сих пор артиллерийское ведомство не имело и не могло иметь постоянных агентов за границей и должно было получать нужные сведения через Генеральный штаб от военных агентов. Однако, такой порядок оказался на практике совершенно неудовлетворительным, вследствие слабой организации нашей военной агентуры и неподготовленности лиц, ее составляющих". Ежегодные командировки по 3-4 офицера за границу, с целью, главным образом, технического усовершенствования, также не могли дать нужных артиллерийскому управлению сведений. Когда же представители Генерального штаба заявили, что не может быть и речи о создании специальной агентуры артиллерийского управления, представитель этого управления внес предложение "пересмотреть организацию военной агентуры и включить в ее состав офицеров-артиллеристов. В тех же случаях, когда в составе военной агентуры не будет специалистов, периодически командировать таковых для совместной работы с военными агентами по разбору и собиранию сведений по артиллерийской части".

Кроме того, представитель артиллерийского управления настаивал на предоставлении этому управлению "некоторой самостоятельности и независимости в собирании специально-технических сведений, для чего в бюджете этого управления должны быть особые денежные средства как для специальных командировок, так и для покупки в исключительных случаях ценных документов и чертежей.

Однако, последнее требование руководителя главного артиллерийского управления было категорически отвергнуто начальником Генерального штаба. Видя такое отношение начальника Генерального штаба к вопросу о децентрализации агентурной разведки, представитель главного инженерного управления ограничился тем, что представил совещанию специальную "декларацию", в которой, между прочим, указывалось, что это управление много сведений получает через посредство иностранных фирм, но эти сведения должны всегда тщательно контролироваться, так как

"фирмы очень часто предлагают то, что за границей при испытании оказалось непригодным для дела". Далее "декларация" указывала, что наиболее ценные сведения возможно получать только через посредство военных агентов, но что практика показала, что донесения военных агентов по техническим вопросам инженерного ведомства носят совершенно случайный характер и не основываются "на строгой и вместе с тем необходимой по существу дела программе".

Представители Генерального штаба указывали в ответ на все эти упреки, что в будущем работа агентурной разведки улучшится, что вся беда в том, что до сих пор ни одно из центральных управлений не представляло своих требований на нужные сведения.

В результате этого совещания все главные управления военного министерства представили громадные ведомости с перечнем необходимых им сведений. Генеральный штаб из этих отдельных ведомостей составил общую сводку и разослал их своим 12 военным агентам. Но самое характерное здесь то, что эта сводка вышла до того обширной и, следовательно, невыполнимой, что сам Ген. штаб, препровождая ее военным агентам для исполнения, счел нужным заявить следующее:

"... Различными отделами военного министерства представлены требования сведений, которые им необходимы и которые должны быть вами исполнены. Сведения эти до известной степени сокращены в особом совещании, но все таки представляются весьма обширными. Прежде чем приступить к исполнению заявленного, предлагаю вам составить себе программу и постепенность исполнения. То, что может быть добыто непосредственно вами, то вы исполните, то же, что потребует помощи посторонних лиц и специалистов, должно быть вами выделено и заявлено."

"В интересах дела я считаю необходимым сообщить вам, что помощь в этом отношении может быть оказана лишь в ограниченном размере ..."

Таким образом, вместо того, чтобы ясно и определенно заявить военным агентам, что вот, мол, вам программа минимум с

перечнем наиболее важных и необходимых в первую очередь сведений и программа максимум с перечнем сведений общего, но более второстепенного характера, Генеральный штаб препроводил им всю кипу заданий и заявил, - "разберитесь в них и составьте себе программу действий". Понятно, что военные агенты "составили себе программу", но эта программа как раз шла в разрез с потребностями военного ведомства. Ясно, что ни один военный агент не включил в свою программу вопросов, освещение которых сопряжено с трудностями. Он себе наметил для исполнения более мелкие вопросы, не требовавшие особого труда, но маловажные для военного ведомства. Следовательно и здесь Генеральный штаб не мог подняться до уровня руководителя и свалил решение такого важного вопроса в агентуре на плечи исполнителей - военных агентов.

Необходимо отметить, что в смысле постановки конкретных задач своим подчиненным исполнительным органам и в настаивании на их исполнении Генеральный штаб хромал на обе ноги. Он, видимо, был бессилею отличить важные вопросы от мелких, первоочередные от второстепенных. И, когда читаешь иногда мелочные до смешного задания, создается впечатление, что все крупное, большое и важное в жизни иностранных армий русскому Генеральному штабу было уже известным, оставалось лишь выяснить второстепенные вопросы и разные мелочи. Так, например, в конце 1906 года военному агенту в Париж летит задание: "Срочно выяснить порядок пригонки ружья у барабанщиков французской армии, достать рисунки и фотографии, уясняющие эту программу". Легко себе представить, сколько труда и энергии военный агент затратил на освещение этого "архи-важного" вопроса.

Таким образом, снабжение военных агентов вышеуказанной кипой заданий нельзя рассматривать как разрешение вопроса руководства и направления разведывательной деятельности военных агентов. Изменений в это вопрос не было внесено до начала войны 1914-1918 гг. Каждый военный агент доставлял то, что ему случайно попадало в руки, но доставлял это лишь тогда, когда добыча и этих случайного характера сведений не требовала

затраты денег. Если же за эти сведения нужно было платить деньги, даже в пределах сметы военного агента или Генерального штаба, - решение вопроса передавалось... царю. Чтобы не быть в этом вопросе голословным, мы приведем два из многочисленных примеров.

От военного агента в Париже капитана графа Игнатьева был получен рапорт (от 6 сентября 1906 года № 115) следующего содержания:

"Один из тайных агентов, работающих у меня, предложил мне приобрести копию секретного плана мобилизации итальянской армии и, как образец, принес мне первые 50 страниц II тома. Копия сделана фотографическим способом...

"Я первоначально ответил, что данные эти не могут особенно интересовать мое правительство, на что агент мне объяснил, что весь документ заключает в себе около 1.000 печатных страниц и что Россию может интересовать план сосредоточения итальянской армии к швейцарской границе для совместных действий с германскими армиями против Франции.

"Из дальнейших расспросов выяснилось, что документ этот уже был в руках бывшего начальника русской тайной полиции в Париже г-на Мануйлова, который, якобы, предлагал его приобрести военному министерству, но получил отрицательный ответ.

"Со своей стороны предполагаю, что означенный документ был уже продан французскому правительству и агент мой, сохранив копии, желает получить вторично за него деньги в России.

"Зная однако трудность получения каких-либо сведений от французского Главного штаба и не будучи осведомлен о степени интереса к плану сосредоточения итальянской армии, считаю долгом об изложенном довести до сведения вашего".

I-й обер-квартирмейстер ответил на это предложение, что "начальник Генерального штаба приказал отклонить приобретение плана мобилизации итальянской армии".

В данном случае такое решение вопроса вполне понятно, так как русский Генеральный штаб получил этот мобилизационный план итальянской армии от французов.

Но совершенно непонятен и нецелесообразен порядок, изложенный ниже в предложениях военного агента в Лондоне, особенно испрашивание разрешения царя на расходование суммы из им же утвержденной сметы.

Военным агентом в Лондоне до апреля 1907 года был свиты его величества генерал-майор Вогак. В августе 1906 года один из его агентов предложил ему купить следующие документы (см. доклад военного министра на высочайшее имя от 15 апреля 1907 г. за № 26):

1. Хранимый под строгим секретом и трудно добываемый военный "Газеттир" Афганистана.
2. Укрепления Афганистана и их вооружения.
3. Новый план войны лорда Китченера, включающий действия Японии.
4. Военный договор с феодальными индийскими князьями, с замечаниями лорда Китченера.
5. "Газеттир", касающийся Персии и Малой Азии.
6. "Monthly minutes of India office", т. е. ежемесячную сводку всех распоряжений и сведений индийского правительства.
7. Секретную дорожную карту Афганистана с укреплениями.

Дальше Вогак писал:

"Приобретение всех этих документов вызывает расход в 13.000 рублей, не считая денег на выписку № 6.

Ввиду того, что у нас сведения, подобные вышеприведенным почти вовсе отсутствуют, то приобретение таковых является в высшей степени желательным.

В настоящее время добыт документ чрезвычайной важности, а именно: "Новый план войны лорда Китченера, включающий действия Японии".

За означенный документ просят 250 фунтов стерлингов (около 2.500 руб.). Расход этот предлагается произвести из сумм сметы Главного управления Генерального штаба по параграфу "на известное вашему императорскому величеству употребление".

Испрашивается: благоугодно ли будет вашему императорскому величеству соизволить на изложенное".

Этот документ показывает, во-первых, чему равнялась самостоятельность Генерального штаба и военного министерства в вопросах ведения разведки; во-вторых, из него вытекает роль Николая Романова в вопросах разведки; в третьих же, становится ясной и подтверждается бюрократическая волокита в решении оперативных вопросов разведки.

Результаты этого странного порядка налицо и характеризуются следующим документом - рапортом преемника на пост военного агента в Лондоне ген. Вогака - ген. Ермолова (от 3 апреля 1907 г. за № 12). Он писал относительно указанного выше предложения агента следующее:

"§ 1 - приобретен ген. Вогак, § 2 - поздно, случай упущен, § 3 - приобрести сейчас стало неудобным, § 4 - лицо, предлагавшее нам, продало его Франции за 4.000 франков (160 англ. фун.), мы предлагали только 50 англ. фун., § 6 - приобрел ген. Вогак за 100 англ. фун., § 7 - приобрел ген. Вогак за 250 англ. фун."

Такой порядок, как видим, неизбежно приводил к тому, что упускался случай и возможность приобрести тот или иной документ. И это совершенно понятно. Ведь человек, который решился на продажу другому государству вверенных ему секретов своей страны, в большинстве случаев, делал это из-за запутанности своего финансового положения. Обычно ему нужно было достать определенную сумму к определенному сроку. Он, следовательно, не мог ждать "высочайшего соизволения" в течение нескольких месяцев, а вынужден был искать более состоятельного и самостоятельного покупателя, который бы сразу взял "товар" и заплатил условленную сумму.

Благодаря этому, у русского Ген. штаба нередко из-под носа ускользали самые ценные документы.

На абсурдность такого положения вещей указывали все. В частности, командир сводного корпуса в Маньчжурии в своем рапорте на имя военного министра (от 20 октября 1906 года, № 342-798) писал:

"Наш военный агент в Японии Ген. штаба полковник Самойлов по прежним штатам получал, кроме своего содержания, в полное и безотчетное распоряжение еще три тысячи рублей в

год на секретные расходы. Ныне, со введением новых штатов, эта статья вовсе уничтожена и на секретные расходы не полагается по штату ничего, а установлено, что в случае необходимости приобретать какие-либо секретные сведения, необходимо об этом представление и тогда могут быть отпущены деньги.

"Такой порядок представляет то громадное неудобство, что между предложением и получением разрешения проходит слишком много времени; обыкновенно же люди, предлагающие свои услуги, не ждут, они идут на такую деятельность, в особенности японцы, лишь под давлением каких-либо экстренных обстоятельств, вроде крупного проигрыша, уплаты по векселю и тому подобных случаев, требующих немедленно достать денег, а не ждать их 4 месяца ...".

Начальник Генерального штаба, в оправдание этого положения ответил следующее:

"Сколько мы бы ни тратили этим путем денег, мы только ими обогатим японцев, а взамен получим то, что они пожелают нам дать. Это положение вполне нормальное для полковника Самойлова и до поры до времени выйти из него он не будет в состоянии. Чтобы парализовать это положение, мною была установлена еще до отправления Самойлова к месту назначения особая организация, которая постепенно будет расширяться. Средства, данные в распоряжение начальника Генерального штаба, по размерам задач не велики и приходится иметь необыкновенную экономию и осторожность, желая тратить их производительно. Было бы весьма легко распределить всю сумму между агентами, но нахожу такой способ непрактичным и ныне, в особенности по отношению к Дальнему Востоку.

"Наши военные агенты за время войны привыкли к таким безгранично широким тратам, что те суммы, которые пришлось бы на их долю теперь, показались бы им ничтожными. Их надо приучить работать с меньшими деньгами, самим изучая страну, следя за жизнью, вращаясь в обществе, а не при помощи продажных людей, в большинстве случаев достающих сомнительный материал.

"Я очень сожалею, что военному агенту в Токио были, как

то мне было передано ген.-майором Орановским, отпущены сравнительно большие суммы".

Вот это - действительно классический, по своей неграмотности и непониманию существа дела разведки, взгляд начальника Генерального штаба на приемы ведения агентурной разведки. Таковы были в России начальники Генерального штаба.

В таком положении этот вопрос оставался до августа 1912 года, когда военным министром было утверждено "Положение о порядке ассигнования, расходования и отчетности по суммам, отпускаемым Ген. штабу на секретные расходы". Согласно этого "положения", все без исключения суммы, предназначенные на секретные расходы по Ген. штабу, должны были заноситься ежегодно в смету Ген. штаба и основанием для их расходования служил высочайше одобренный проект сметы секретных расходов в наступающем году.

Проект этой сметы составлялся ежегодно на основании следующих данных:

а) утвержденных начальником Ген. штаба докладов о развитии разведки и контр-разведки;

б) частных предположений окружных штабов и вообще всех исполнительных разведывательных органов, непосредственно подведомственных Ген. штабу, о желательном развитии их разведывательной деятельности и вытекавших из этого изменениях в расходах;

в) кратких предварительных сведений о произведенных в текущем году расходах и ожидавшихся к началу нового года остатках от ассигнований текущего года, сообщавшихся по телеграфу к 1-му декабря в Ген. штаб;

г) особых распоряжений по расходованию секретных сумм на некоторые специальные секретные мероприятия.

По утверждению сметы царем, Ген. штаб сообщал по телеграфу штабам военных округов и вообще всем подведомственным ему разведывательным органам размер открывавшегося им кредита на новый сметный год и переводил полностью или частями, в зависимости от потребности средств, окружных штабов назначенные им кредиты. Суммы, ассигнованные остальным разведыва-

тельным органам, непосредственно подведомственным Ген. штабу, переводились на их имя в местные банки.

Расходование секретные сумм, согласно этого нового положения, должно было производиться следующим образом:

а) в Ген. штабе: все расходы в пределах отделов высочайше одобренной сметы секретных расходов в данном году производились по общим указаниям начальника Ген. штаба распоряжением генерал-квартирмейстера. Расходы, вызывавшие перемещения ассигнований из одного отдела сметы в другой, производились лишь с особого каждый раз разрешения начальника Ген. штаба по письменным докладам отдела генерал-квартирмейстера.

б) в окружных штабах: все расходы в пределах отделов смет, утвержденных начальниками окружных штабов, производились распоряжением окружных генерал-квартирмейстеров;

в) разведывательные органы, непосредственно подведомственные Ген. штабу, имели право расходовать ассигнованные им суммы своей властью в пределах всей утвержденной сметы, донося, однако, о каждом случае перемещения ассигнований из одного отдела сметы в другой с мотивировкой такого перемещения.

Отчеты всеми без исключения учреждениями и лицами, коим отпускались суммы на секретные расходы по смете Ген. штаба, должны были представляться последнему.

По получении в Ген. штабе денежных отчетов от подчиненных ему органов, они докладывались начальнику Ген. штаба, после чего через военного министра представлялся на высочайшее одобрение общий денежный отчет по секретным суммам за истекший год.

Русский Генеральный штаб решил после своего возникновения также улучшить *качественный* состав военных агентов, как разведчиков. Уж очень была в глаза полная непригодность для изучения иностранных армий личного состава существовавшего института военных агентов. Но положение Генерального штаба в этом вопросе было больше, чем щекотливое. Назначать на должность военного агента в первоклассных странах хорошего разведчика, но не именитого, не гвардейского офицера, - было невоз-

можно. Назначать же графов и князей - полковников и генералов "свиты его величества" - не составляло никакой пользы для изучения армий иностранных государств.

Про одного из таких военных агентов в Лондоне - ген. Ермолова, русский морской агент капитан 1-го ранга Рейн писал в 1911 года начальнику Морского Ген. штаба, что "он (Ермолов) для своего поста мало подвижен и с ленцой. Помощник его, излишний по сущности работы здесь военного агента, подполковник Голеевский, карикатура офицера Ген. штаба, не слишком далекий, мало образованный и несколько arrogantный человек. Пользы какой либо Ермолов мне принести не может по своей малой осведомленности и тяжести на под'ем. К подп. Голеевскому мои отношения вежливые, но совершенно безразличные, так как в серьез его брать нельзя ...".

И вот, Генеральный штаб решил комбинировать, искать среди этой придворной камарильи лиц, которые бы совмещали в себе все условия, - и разведывательные способности, и знатное происхождение и положение, и принадлежность к гвардии. Источником, снабжавшим Ген. штаб военными агентами по прежнему был оставлен Петербургский военный округ.

31-го октября 1906 года генерал-квартирмейстер генерального штаба ген.-майор Дубасов писал (№ 846) начальнику штаба Петербургского военного округа следующее:

"По приказанию начальника Генерального штаба. Главное управление Ген. штаба, стремясь поставить вопрос разведки вообще, а военной агентуры в частности, на более прочных основаниях, просят сообщать для внесения в список кандидатов на должность военных агентов и их помощников нижепоименованные сведения о тех офицерах Ген. штаба, которые желали бы и могли бы с успехом быть назначены на вышеупомянутые должности:

Начальник Ген. штаба пред'являет этим офицерам следующие требования:

1. Воспитанность, тактичность и умение держать себя в обществе.
2. Любовь и склонность к разведке.

3. Владение иностранными языками.

4. Желательно, чтобы названные офицеры были материально обеспечены помимо службы.

По понятным причинам офицеры, которые обременены долгами или предаются разного рода излишества (кутежи, карты, женщины и т. д.), должны быть, конечно, исключены ..."

Несмотря, однако, на благия намерения которые этими четырьмя требованиями преследовал Генеральный штаб, ему их в жизнь провести полностью не удавалось. Военными агентами в более крупные и интересные европейские страны приходилось назначать тех из офицеров Ген. штаба, которые имели высокие протекции. Понятно, что разведка от этого только проигрывала. "Четыре требования" сводились к нулю и из них соблюдались лишь 1, 3 и 4.

С другой стороны, русско-японская война так напугала власть имущих, что они начали придумывать всевозможные причины своей неосведомленности об истинном состоянии и положении японской армии и свои выводы начали обобщать.

Весьма характерным объяснением такого рода являются рассуждения начальника штаба войск Дальнего Востока ген. Орановского на имя военного агента в Китае полковника Огородникова (отношение от 9 июля 1906 года за № 4341).

По мысли этого начальника штаба, военный агент, находясь долго на одном месте, усваивает "свой определенный взгляд, который может получить предвзятое направление. Ярким примером такого явления может служить бывший военный агент в Японии полковник Ванновский, который с самого начал внушил себе чувство презрения к японской армии и к японским порядкам, стараясь убедить в этом всех остальных и работал все время в таком вредном для нас направлении ...".

Значит, по мысли ген. Орановского, военных агентов нужно было, по возможности, чаще сменять, чтобы они не могли "усвоить свой определенный взгляд" на армию и порядки данной страны. Начальник же Генерального штаба писал, что военных агентов "надо приучить работать с меньшими деньгами, самим, изучая страну, следя за жизнью, вращаясь в обществе". Тут два

противоположных взгляда, друг друга исключаящих и оба одинаково неверных, не жизненных и вредных для дела разведки. Ибо, если "почаще сменять" всех военных агентов, то они, не успев войти в "общество", должны будут уезжать и из "личного" изучения страны ничего не получится. Изучение страны и армии только посредством "вращения в обществе" и "слежки за жизнью" дает именно такие результаты, какие дала деятельность злосчастного родственника Куропаткина - Ванновского ...

Выше мы указали, что главное артиллерийское управление военного министерства добивалось права на ведение самостоятельной агентурной разведки за границей. На это Генеральный штаб не согласился. Тогда было выдвинуто требование - назначить помощников военных агентов по технической части. На это Ген. штаб согласился, но лишь в 1910 году, когда стала очевидной необходимость обратить серьезное внимание на техническую разведку. В виде опыта было решено назначить помощников военных агентов по технической части при военных агентах во Франции и Австро-Венгрии. Однако, министерство финансов на этот вопрос смотрело иначе и в соответствующих ассигнованиях отказало. Генеральный штаб на этом успокоился и вопрос загдох до начала войны 1914-1918 гг., когда стало возможным не считаться с мнением министерства финансов ...

Большим вопросом в деятельности разведки являлся вопрос связи в мирное время с официальными военными агентами и офицерами-разведчиками, прикомандированными под ложными предлогами к посольствам и консульствам. Казалось бы, что этот вопрос является самым легким и несложным, но на деле было иначе. Если бы военное ведомство надеялось на дипломатических курьеров министерства иностранных дел, то оно получало бы почту от своих военных агентов, особенно находившихся в восточных странах, в год два-три раза. Кроме того, нужно иметь в виду, что надежность этих дипломатических курьеров было весьма проблематичной и возможность их подкупить не представляла для иностранной контр-разведки большого труда и даже не требовала особенно больших денег. И, как в старое

"доброе" время, когда деятельность "черных кабинетов" казалась крайне ограниченной и неусовершенствованной, Генеральный штаб до самого начала войны 1914-1918 гг. продолжал вести со своими военными агентами самую секретную переписку по обыкновенной почте. Бывали случаи, когда военные агенты против этого протестовали, указывали что "вся входящая и исходящая корреспонденция военного агента (телеграфная и почтовая) подвергается перлюстрации" (см. рапорт военного агента в Вене полк. Марченко, от 29/IV 1907 г., № 135). Но это не помогало. Легкомысленное отношение Генерального штаба к этому важнейшему вопросу агентуры доходило до того, что он считал возможным сообщить военному агенту в Китае следующую ересь (6 октября 1907 г. № 631):

"... Пересылка корреспонденции вам будет производиться не через министерство иностранных дел, ибо это затрудняет наши миссии, а через Петербургский почтамт заказною бандеролью непосредственно на имя военного агента в Китае ...".

Значит, из-за нежелания "затруднять наши миссии", Ген. штаб сознательно облегчал противнику возможность проникать в его агентурные дела. Из переписки, довольно обширной, по вопросам связи видно, что даже на упаковку и заклепку корреспонденции не обращалось должного внимания. Так, военный агент в Вене в апреле 1907 года вынужден был донести Генеральному штабу (№ 331), что "печати на конверте № 901 были треснуты и конверт имел подозрительный вид. Испрашиваю особо секретные бумаги в синей обертке заклеивать предварительно в конверте с помощью "Syndetikona (особо приготовленного гумми-арабикума, не растворяющегося на пару)".

Военный агент в Болгарии полковник Леонтьев дополнял эту картину предложением (13/III 1907 г., № 53):

"... Необходимо ввести взаимное извещение о полученных номерах, так как некоторые донесения посылаются почтой, где пропажи составляют обычное явление, да и телеграммы не всегда доставляются по адресу ...".

Командир сводного корпуса в Маньчжурии ген.-лейт.

Дембовский в рапорте на имя военного министра (21/X 1906 г., № 8880/811) писал:

"... Несмотря на неоднократные просьбы в посылке пакетов, адресованных на имя нашего военного агента в Японии, не иначе, как через штаб крепости Владивосток, полковник Самойлов продолжает получать пакеты по японской почте с надписями: "секретно" и "совершенно секретно", что вполне в расчетах японцев, читающих нашу корреспонденцию ...".

Комендант Владивостокской крепости, писал 19/I 1907 г. (№ 29), начальнику Генерального штаба:

"... К сожалению, не все пакеты, имеющие назначение военному агенту в Японии, предварительно посылаются и поступают в штаб крепости. Так, зарегистрирован случай сдачи секретного пакета в Харбине, имеющего следующую надпись: "Секретно. Военному агенту в Японии, полковнику Самойлову. Токио, через крепость Владивосток".

Согласно этой надписи, наша почта, не сдавая пакета в штаб крепости, направила его обычным порядком и, как предполагает полк. Самойлов, этот пакет и еще другие пять поступили к нему, побывав в руках японцев и с явными следами, что они были вскрыты ...".

У читателя, не посвященного в "тайны" Владивостокской крепости, может создаться впечатление, что если бы пакет посылался через ее штаб, то это значило бы, что он не мог попасть в руки японцев. В действительности же дело обстояло следующим образом. Штаб крепости, получив с русской почты секретный пакет для военного агента в Японии, ждал прибытия русского парохода и сдавал его капитану для отвоза в какой-либо порт, где имелось русское консульство. Гарантий же, что японцы на пароходе не имели всего человека, конечно, никаких не было.

Характерно, что когда Ген. штаб запросил министерство иностранных дел - нельзя ли как-нибудь связать с агентами Ген. штаба в Персии и Бомбее поддерживать через посредство этого министерства, - последнее ответило, что "все сведения, поступающие из Персии, могли быть пересылаемы в штаб Кавказского военного округа при посредстве шахской почты", а из

Бомбся "еженедельно шифром по английской почте через Порт-Саид на Батум".

Русский морской агент в Америке (капитан 1-го ранга Васильев) в своих отчетах за 1911 г. и 1912 г. приводил весьма характерный пример того, как чиновники русского министерства иностранных дел относились к упаковке и пересылке дипломатической почты.

Он писал, что "в присутствии секретарей посольства однажды, в виде опыта, были вынуты пакеты из посольского вализного мешка, не трогая печатей, замков и не разрезая наружного шва у мешка".

"О легкости и простоте вскрытия запечатанного конверта, снятия копий или фотографий с документов говорить не стоит. Между тем, министерство иностранных дел, посылая для сведения своих представителей заграницей литографированные копии секретных и несекретных депеш их коллег, под общим названием "дипломатический салат", а также и шифры, совершенно не подозревает, что с документов этих могут снять копии на почте в Вашингтоне ... Мой рассказ о важно-комической роли, которую исполняют курьеры-чиновники министерства иностранных дел, развозя по Европе донесения своих шефов, видимо, произвел должное впечатление, так как наше посольство в Вашингтоне получило грозный запрос по этому поводу. Однако посольство, подтвердив справедливость всего вышеизложенного, высказало сомнение, чтобы вашингтонское правительство так интересовалось русскими делами.

"Так как последнее заключение основано лишь только на святой наивности и на доверии, которые едва ли могут быть приемлемы в подобных случаях, то и для полноты картины позволю себе добавить, что в вашингтонском почтамте заведывающим отделением иностранной корреспонденции состоит г. Milas, служивший ранее в министерстве иностранных дел и лет пять тому назад бывший вторым секретарем американского посольства в Петербурге. Неужели он случайно находится на службе в почтамте? Неужели случайно нами получаются заказные письма и пакеты вскрытыми со штампом "Opened by mistake"? Неужели

также случайно французский посол тому же Кудашеву при мне говорил, что написал официальную ноту с протестом против вскрытия его писем? Ведь не секрет также, что почтмейстеры в Париже, Бухаресте, Галаце, Берлине и т. п. состоят на огромном жаловании у министерства внутренних дел (русского. - К. З.) и вся нужная для нас корреспонденция доставляется в наши миссии, посольства и консульства для перлюстрации писем тайными агентами, состоящими при них ...".

Связь с военным агентом в Константинополе также поддерживалась посредством капитанов русских пароходов. Здесь все как будто бы шло хорошо, пока одного из таких капитанов не накрыла русская же таможня в Одессе. Привезенные капитаном для штаба Одесского военного округа газеты были таможней переданы в цензуру, которая так "процензуровала" эти газеты, что когда они, наконец, попали в штаб округа, то оказалось, что самые интересные места в этих газетах замазаны до неузнаваемости цензорской кисточкой. Поднялся громадный скандал, в результате которого действия таможни и цензуры в прошлом были оправданы, но впредь было предложено пакеты в адрес штаба округа пропускать, не задерживая и не подвергая цензуре...

Штаб Черноморского флота в сентябре 1906 года тоже писал начальнику Морского Ген. штаба, что Севастопольская таможня начала задерживать и подвергать вскрытию и таможенному досмотру адресованные на имя штаба морским агентом в Константинополе казенные пакеты, запечатанные гербовой печатью посольства и с надписью "Expedition officielle", причем присылавшиеся агентом еженедельно номера турецких газет, а также книги на иностранных языках, отправлялись в цензуру. Таможенные чиновники заявили, что они будут вскрывать даже пакеты с надписью "секретно".

На запрос Морского Ген. штаба министр финансов ответил, что действия Севастопольской таможни были вполне правильными, так как от вскрытия освобождалось только то, что везли фельд'егеря.

Через два месяца министр финансов изменил этот взгляд и сообщил начальнику Морского Ген. штаба, что "как выяснилось

из сношения с главным управлением по делам печати, казенные посылки, препровождаемые из Константинополя от нашего морского агента на имя штаба Черноморского флота, не должны подлежать рассмотрению цензуры".

Положение в вопросе связи усугублялось еще и тем обстоятельством, что вся переписка с военными агентами велась на официальных бланках с указанием на конверте полного адреса (названия учреждения, должности, чина и др.). при этом пакеты распределялись на простые, секретные и совершенно секретные, в зависимости от их содержимого. Следовательно, иностранная контр-разведка могла безошибочно, по одному наружному виду, определить, какой из пакетов представлял для нее интерес и над которым стоило поработать по его перлюстрации. Военные агенты все это видели и знали. Они писали в Ген. штаб, указывали на все это.

В начале 1913 года некий П. Брандт написал в "Русском Инвалиде" (№ 142, от 29/V) статью "К борьбе со шпионажем", в которой доказывал всю ложность надежд на сохранение секрета при существовавших тогда образцах конвертов, прошивании и наклеивании сургучных печатей. Но Ген. штаб счел лучшим не обращать внимания на критику и указания со стороны.

Он не понимал того вреда, который наносил этим своей же собственной агентуре, и никаких мер предосторожности не принимал, - ибо нельзя считать за таковые приказ по военному ведомству 1908 г. № 15, с приложением весьма неудачных образцов конвертов, - и лишь удивлялся, когда секретные сотрудники его и военных агентов проваливались один за другим...

Другой вопрос, который Ген. штаб, под напором военных агентов, все же заинтересовался, это - вопрос о неприкосновенности жилищ военных агентов и вопрос относительно прислуги военных агентов.

Особенно в этом отношении волновался военный агент в Японии. В 1906 году он доносил в Ген. штаб следующее: "из секретного источника имею сведения, что за мной установлен самый строгий надзор. Мне даже известны некоторые лица,

приставленные чтобы следить за мной, но вероятно есть и другие - мне неизвестные. В последнее время было несколько случаев, заставляющих меня удвоить внимание и принять все меры к надлежащему хранению бумаг, что и заставляет меня возбудить вопрос о разрешении сжечь ненужные дела ...".

Военный агент в Австро-Венгрии, после того, как ему стало известно, что австрийцы читали его и Ген. штаба шифрованные телеграммы, и, следовательно, находились в курсе русских агентурных секретов, писал:

"... Вот уже месяц, как я стал получать письма от неизвестных авторов и визиты подозрительных лиц. № 25-й, с которым я несколько раз встречался в обществе, тщательно меня избегает.

"Боятся вступать со мной в разговоры и все офицеры ниже генерального чина ...".

В 1911 году в русском Берлинском посольстве всплыл совершенно случайно весьма пикантный случай, доказывающий, как в царских учреждениях охранялись государственные тайны.

Военный агент в Швейцарии в декабре 1910 года сообщил в Генеральный штаб, что из подслушанного разговора двух германских дипломатов он понял, что немцы в русском посольстве в Берлине имеют своего агента по фамилии Рехак.

Генеральный штаб запросил мнение военного агента в Берлине по этому вопросу. Ответ последнего раскрыл кошмарную картину безалаберности, беззаботности и халатности царских чиновников.

Он доносил, что Юлиус Рехак действительно служил около 20 лет в русском посольстве в должности старшего канцелярского служителя. На его обязанности лежала уборка помещения канцелярии посольства, покупка и выдача канцелярских принадлежностей, отправка почты, заделка курьерской почты, сдача и получение этой почты на вокзалах и пр. Кроме того, Юлиус, как его называли в посольстве, являлся комиссионером по каким угодно делам. Осведомленность его было поразительна. Во всех учреждениях и заведениях Берлина у него имелись "задние ходы".

Ясно, каким удобным для русской беззаботности человеком являлся Юлиус. Для того, чтобы чины посольства и "высокие путешественники" еще более ценили Юлиуса, германские власти вообще и полиция в особенности помогали Юлиусу во всем. Он мог достать билеты на железную дорогу или в театр, когда они уже были распроданы, получить беспошлинно с таможни вещи или переслать их и т. д.

Когда военный агент поинтересовался у первого секретаря посольства, как они не боятся держать исключительно немецкую прислугу вообще и такую личность, как Юлиус - в особенности, тот с грустной улыбкой бессильного человека ответил: "Это невозможно. Если мы уволим Юлиуса, то германское министерство иностранных дел нас за это с'ест... Ведь мы его с поличным еще не поймали...".

У Юлиуса на руках находились ключи от помещений канцелярии посольства. Когда происходила уборка, а также ночью, все шкафы посольства находились в его распоряжении. В посольстве имелось несколько хороших шкафов с секретными, но не шифрующимися замками. Ключи от этих шкафов находились в заделанной в стене кассетке, которая открывалась простым ключем. Потом ключи переложили в один из секретных шкафов. Однако, вскоре у этого шкафа испортился замок. Никто не знал, как быть, Юлиус сразу пригласил слесаря, ему одному известного, который, как привычное дело, открыл шкаф в одну минуту... Осенью 1909 года двое из чинов посольства, под'езжая около 11 часов вечера к посольству, увидели ночного сторожа посольства, стоявшего у приоткрытых ворот. Как только сторож заметил под'езжавших, он быстро шмыгнул в ворота и захлопнул их за собой. Чины посольства стали звонить, ибо своих ключей не имели. Только через порядочный промежуток времени тот же сторож, с заспанным лицом, открыл им дверь. "Вероятно, в канцелярии посольства шел обыск и надо было дать время захлопнуть шкафы и скрыться" - добавляет военный агент.

Только после этого случая Юлиус был заменен бывшим русским матросом, которого немцы начали бойкотировать.

"По слухам, - пишет военный агент, - у Юлиуса

образовалось уже большое состояние. Он получал жалованья 100 марок в месяц, больше этого "на чай" на комиссионерство и контрабанду. Полагаю, однако, что главный источник его доходов - разведка...

"Главное управление Ген. штаба усмотрит из настоящего донесения еще раз, почему я упорно не хотел сдавать своих шифров и секретных дел на хранение в посольство".

О таких же порядках писали и другие военные агенты. В результате всех этих рапортов Ген. штаб начал принимать кое-какие меры.

Во-первых, он циркулярно разъяснил всем своим военным агентам, что их квартиры не пользуются правом экстерриториальности и поэтому шифры и секретные дела военной агентуры предложил им хранить в соответствующих помещениях посольств, миссий и генеральных консульств, а "отнюдь не в своей квартире, хотя бы и в секретных нескорогораемых хранилищах...".

Во-вторых, Ген. штаб предложил военным агентам заменить своих вольнонаемных слуг русским подданными военнослужащими, лучше всего из состава нижних чинов полевой жандармерии, причем Ген. штаб в данном случае соглашался покрыть расходы по отправке в экипировке такого "нижнего чина", а оплату для него на месте помещения и продовольствие - возлагал на личные средства военных агентов.

В третьих, всем военным агентам был разослан следующий циркуляр:

"Имеются сведения о случаях ненадежности частной прислуги некоторых из наших военных агентов. Замечено:

1. Стремление прислуги точно выяснить, кто посещает военного агента и с какой целью, хотя-бы это и не вызывалось требованиями службы.

2. Рытье в бумагах, брошенных черновиках и т. п.

3. Вхождение, более частое, чем нужно, при шифровке бумаг.

4. Пропажа ключей от секретных шкафов и т. д.

Изложенное сообщается для сведения и принятия мер

предосторожности - даже от прислуги, вывезенной из России, и уже долго состоящей на службе".

Таким образом, оба этих вопроса теоретически как будто бы были разрешены, но фактически осталось в силе старое положение, ибо посольства, миссии и генеральные консульства крайне неохотно предоставляли военным агентам помещения для хранения секретных документов, а если и предоставляли, то сопротивлялись принятию необходимых мер предосторожности. "Нижних чинов из состава полевой жандармерии" также не везде и не всегда высылали.

Далее, одним из вопросов, волновавших военных агентов и мешавших их работе, был вопрос о взаимоотношениях с послами и консулами.

Вот несколько примеров.

Военный агент в Австро-Венгрии полковник Занкевич в 1911 году писал генерал-квартирмейстеру Ген. штаба об отношении к нему посла Гирса. "Уже из отзывов лиц, близко знающих Гирса, - писал Занкевич, - я знал, что он принадлежит к числу тех послов, которые не только не признают совместной работы с военным агентом, но и стараются облечь деятельность подведомственных им канцелярий и свою собственную в покров тайны от него. Всегда ориентируя посла в представляющих для него интерес военно-политических вопросах, я, не получая от него каких-либо ценных указаний, до последнего времени все же не замечал в нем желания играть со мной в прятки.

Получив сведения о раскрытии нашего агентского шифра австрийцами, посол счел возможным сказать мне об этом лишь через два дня ...".

Далее Занкевич указывал, что вся беда, по его мнению, в том, что Гирс боится, как бы Занкевич не использовал его сведений для своих донесений.

В другом рапорте тот же Занкевич сообщал Ген. штабу, что некоторое время тому назад он обратился к полковнику Артамонову (военный агент в Сербии) с просьбой помочь ему организовать наблюдение в Боснии и Герцеговине через Сербию. Артамонов почему-то уведомил об этом посла Гартвига, который

счел нужным и возможным послать в министерство иностранных дел с курьером депешу политического характера, в которой упоминает и о просьбе Занкевича. В министерстве иностранных дел все такого рода депеши литографировались и рассылались во все посольства и миссии.

Занкевич умолял Генеральный штаб принять меры, чтобы его просьба к Артамонову не попала бы в этот литографируемый материал.

Такого рода фактов можно было бы привести довольно много. Но нам кажется, что и приведенных достаточно для характеристики отношений между представителями министерства иностранных дел и военного ведомства.

В 1907 г. Генеральный штаб разослал всем своим официальным военным агентам циркуляр, из которого вновь приходится сделать вывод о весьма слабой осведомленности Ген. штаба в отношении своих соседей. Суть циркуляра заключалась в следующем. Начальник Ген. штаба приказал всем официальным военным агентам донести, помещают-ли они свои статьи по вооруженным силам соответствующих государств в "Русском инвалиде". Далее его именем приказывалось, что "во всяком случае, такие статьи, во избежание того, чтобы печать располагала бы более подробными сведениями, нежели имеются в управлении Генерального штаба, - должны предварительно их помещения, представляться начальнику Генерального штаба для прочтения ...".

Увеличилась ли от этого мероприятия осведомленность Ген. штаба об иностранных армиях, - нам неизвестно...

В 1908 году 5-ое делопроизводство Ген. штаба, наконец, пришло к заключению, что "... наши разведывательные органы, представляя свои донесения, в большинстве случаев не знают, как оценена их работа. Почти совершенно нет и обмена сведениями между названными органами, большинство которых не знает, на что направлена работа других разведывательных органов".

Исходя из этих соображений, 5-ое делопроизводство предложило ежемесячно составлять перечни важнейших донесений с сжатым изложением последних и указаниями, по каким вопросам

следует продолжать работу, что необходимо проверить, на что обратить особенное внимание, какие работы начать вновь и т. д.

Такого рода перечни предполагалось рассылать всем военным агентам и штабам военных округов, которые "таким образом будут знать, как оценены их донесения, в каком направлении желательна их дальнейшая работа по каждому вопросу. Зная, кроме того, что доносят соседи, военные агенты и окружные штабы будут обмениваться необходимыми донесениями, проверять друг от друга свои сведения, - следствием чего будет более согласованная и производительная работа".

Однако, эти благие рассуждения 5-го делопроизводства в жизнь проведены не были. Никто из местных разведывательных органов так и не получил оценки Ген. штабом своих донесений. Единственно, что Ген. штаб провел в жизнь, это то, что делало и министерство иностранных дел, - донесения в Ген. штабе копировались и рассылались всем местным органам без оценки или пояснений Ген. штаба. Местным органам разведки этот порядок никакой пользы не приносил. Наоборот, увеличивалось количество "входящих" и разбухал секретный архив. Кроме того, вместо проверки добытых сведений, ленивым разведчикам этот порядок представлял широкие возможности вводить Ген. штаб в заблуждение, т. е. перефразировать донесения своих коллег и представлять в Ген. штаб, как что-то новое.

В 1910 году Ген. штаб нашел, что его местные разведывательные органы совершенно нерационально расходуют большие суммы. В денежных отчетах показывалось изрядное количество агентов, сведений же поступало мало.

В виду этого, всем военным агентам было сообщено, что "ген.-квартирмейстер Ген. штаба выразил пожелание, чтобы для ведения негласной разведки в важнейших соседних государствах они пользовались бы услугами не мелких отдельных агентов, а крупным лицом, оплачиваемым соответствующим содержанием (примерно до 10.000 руб. в год), которое само являлось бы руководителем агентурной сети в своем государстве".

Этого, однако, оказалось недостаточно. Ген. штаб захотел и

сам непосредственно заполучить таких крупных агентов-подрядчиков и руководить ими.

В делах военного агента в Австро-Венгрии, оставленных во время войны на хранение голландского посольства, мы нашли письмо подполковника Энкеля от 23 января 1912 года на имя военного агента Занкевича, в котором Энкель указывал, что одной из главнейших задач Особого делопроизводства является организация за границей тайной военно-осведомительной службы в целях:

"1. Доставления Главному управлению Ген. штаба в мирное время документальных данных, раскрывающих стратегические предположения наших вероятных противников на случай войны.

2. Заблаговременного раскрытия признаков частичного осуществления указанных выше предположений в период обостренных дипломатических отношений, в предвидении возможного разрыва.

3. Всестороннего и своевременного осведомления Главного управления Ген. штаба о ходе осуществления тех же предположений с наступлением разрыва, а равно о военных действиях наших противников в период войны".

Энкель находил, что этими задачами определенно намечалось, во-первых, территориальное начертание необходимой Главному управлению Ген. штаба агентурной сети, - в центральных учреждениях военного министерства; во-вторых, определялись те требования, которым должны были удовлетворять входившие в состав агентурной сети лица ("готовность при всяких обстоятельствах служить в пользу России или во вред данного государства, соответствующее общее развитие и компетентность в военном деле, соответствующее общественное положение, занятие или связи, обеспечивающие лицу возможность выполнять взятые им на себя осведомительные функции и т. д.").

По мнению Энкеля, важность указанных задач не допускала возможности ограничиться лишь пассивным использованием благоприятных случайностей для насаждения агентурной сети, а требовала "широкого применения в этом направлении активного начала".

По этим соображениям Энкель и обращался к военному агенту в Вене с просьбой, "не отказать в содействии". Последнее, по словам Энкеля "могло бы выразиться в указании чинов из числа служащих в центральных учреждениях военного министерства или войсковых штабов Австро-Венгрии, "отличающихся нравственной неустойчивостью и беспринципностью, падких до денег или женщин, а равно и обремененных долгами", лиц различных национальностей, положений и профессий, пригодных для осведомительной службы в мирное и военное время, в отношении которых имеется уверенность, что попытка привлечь их в агентурную службу могла бы увенчаться успехом. "Лица этой категории предпочтительно не должны принадлежать к национальности, недружественной той политической группе, в которую входит Австро-Венгрия, и, вместе с тем, не должны подлежать призыву на родине, в случае войны, в ряды армии".

В заключение Энкель уверял Занкевича, что попытки привлечения на осведомительную службу указанных выше лиц будут проводиться со "всей необходимой тщательностью и осторожностью" и что участие Занкевича в этом деле "будет сохранено в полнейшей тайне".

Наконец, все военные агенты получили циркулярное письмо от имени начальника Генерального штаба в котором говорилось:

"В виду того, что Париж, Брюссель и Цюрих, как значительные центры международного шпионажа, являются и местопребыванием крупных агентов этого рода деятельности, было бы в высшей степени желательным, если бы вам удалось узнать адреса подходящих лиц, которым можно было бы поручить ведение разведки в широких размерах".

Последний абзац циркуляра показывает, что русский Генштаб считал самым выгодным пользоваться шпионами-профессионалами, превратившими разведку в своего рода коммерческое предприятие. Эти шпионы-профессионалы в лучшем случае продавали добытые ими тем или иным путем документы всем, кто только давал больше денег; в худшем же случае они сами фабриковали документы или входили в контакт с разными контр-разве-

дивательными органами, от которых получали за мизерную плату сфабрикованные документы для продажи их определенным странам. Хорошо поставленные разведки услугами этого рода спекулянтов пользовались, главным образом, лишь для того, чтобы ввести в заблуждение своих вероятных или воображаемых противников, но не в целях осведомления о вооруженных силах последних.

Так, например, в 1912 году стало известно, что германская контр-разведка открыла в Цюрихе целую контору по продаже фальшивых документов. Фальшивки, по словам русского Ген. штаба, были до того искусно сфабрикованы, что французская разведка приобретала их в продолжении довольно долгого времени.

Из практики русского морского Генерального штаба известен случай, когда французы, желая проверить - ведут ли русские против них агентурную разведку, - подослали к русскому консулу в Генуе некоего Т. Ганри. Последний вручил консулу запечатанный пакет с просьбой переслать в морской Ген. штаб. В этом письме Ганри предлагал продать секретные документы о французском флоте. Морской Ген. штаб догадался в чем дело и сообщил французскому морскому агенту, что "по агентурным сведениям, некий Ганри имеет французские документы и предлагает их купить".

Французы, конечно, знали, что это за документы, кто их продавец и для какой цели их предложили русскому морскому ведомству.

Как мы видели, с одной стороны русский Ген. штаб предпочитал иметь дело с крупными агентами-подрядчиками и шпионами-профессионалами; с другой же стороны он боялся стать жертвой мошенников. Дабы избежать последней опасности, Ген. штаб придумал следующую комбинацию.

В 1911 году генерал-квартирмейстерская часть Ген. штаба разослала всем военным агентам и штабам военных округов циркуляр с приложением 5 регистрационных карточек на "лиц, предлагавших свои услуги по разведке или контр-разведке". Вот образец такой карточки:

"Мишо, проживает в г. Льеже. Состоял негласным сотрудником у нашего военного агента в Брюсселе и Гааге. Рассчитан последним, так как давал сведения или не представляющие интереса, или не вполне военные. В настоящее время требует еще денег, угрожая разоблачить свои сношения с нашим военным агентом".

Все остальные карточки составлены в таком же духе и по такой же форме. Цель рассылки карточек - "предоставить военным агентам возможности иметь в своих делах справки о лицах, уже предлагавших свои услуги представителям русского военного ведомства".

Нечего, конечно, доказывать, что такого рода "регистрационные карточки" цели не достигали. Ведь агент мог явиться под другой фамилией, с другим паспортом и подданством, с другими сведениями и тем самым свести данные "регистрационный карточки" на нет. Русский Ген. штаб вскоре сам понял, что "карточкой" цели не достигнешь и уже в 1913 году прекратил их рассылку...

Наконец, в августе 1912 года была введена в действие секретная "инструкция военным агентам и лицам их заменяющим". В этой "инструкции" были суммированы все те распоряжения и директивы, которые были даны военным агентам, начиная с 1905 года.

Как главная обязанность, на агентов "инструкцией" возлагалось:

- а) Всестороннее изучение устройства и военного могущества тех государств, которые поручены их наблюдению;
- б) Сбор и обработка возможно полных, точных и современных сведений о военных силах и средствах иностранных государств, согласно особо установленных программ;
- в) Своевременное донесение поименованных сведений Главному управлению Ген. штаба.

Политических вопросов военные агенты в своих донесениях обязывались касаться лишь в пределах необходимости, поскольку эти вопросы влияли на ту или иную степень военной готовности или способствовали выяснению группировки госу-

дарств в случае вооруженного столкновения их между собою или с Россией.

К 1-му июня каждого года военные агенты обязывались представлять обзоры главнейших явлений за истекший год в военной жизни государств, порученных их наблюдению. Военным агентам в Германии и Австро-Венгрии, кроме того, поручалось представлять немедленно по выходе один экземпляр всех официальных уставов или проектов их, инструкций, военных законоположений, военных и железнодорожных смет и т. д. Военные агенты в Швеции, Германии, Франции, Англии, Турции, Румынии, Болгарии, Китае и Японии обязывались высылать немедленно по выходе в свет лишь главнейшие уставы, инструкции, военные законы и сметы, причем определять, что являлось главнейшим, - предоставлялось на усмотрение самих военных агентов. В остальных же странах военные агенты обязывались лишь присылать сообщения и рецензии на вышедшие новые уставы, инструкции и т. д., а сами уставы и инструкции имели право высылать лишь по специальному в каждом отдельном случае заказу Главного управления Ген. штаба.

На обязанности военных агентов также лежало быть всегда в курсе всех военно-технических изобретений и новейших усовершенствований в области военной техники. Однако, доносить о таковых изобретениях и усовершенствованиях военные агенты обязывались "со строгою разборчивостью и по возможности с точным раз'яснением всех, даже мелочных, подробностей, составляющих сущность дела". Образцы изобретений можно было высылать без предварительного запроса Ген. штаба лишь в том случае, если это не было сопряжено ни с какими расходами.

На военных агентов возлагалась также обязанность следить за прессой той страны, в которой они находились, и периодически представлять обзоры прессы, а военные агенты в Австро-Венгрии, Англии, Германии и Франции должны были также представлять и вырезки из газет и журналов.

Военные агенты обязывались сообщать особо важные из собранных ими сведений соседним военным агентам,

непосредственно в них заинтересованным.

Военные агенты обязаны были руководить деятельностью тех офицеров, которые во время заграничной командировки состояли в их ведении и следить за исполнением возложенных на них поручений.

Взаимоотношения военных агентов с чиновниками министерства иностранных дел определялись следующей редакцией соответствующих параграфов инструкции:

"Военные агенты являются полноправными членами наших дипломатических представительств. В своих служебных действиях, а равно и в отношении придворного этикета и общественных обязанностей, они обязаны руководствоваться общими указаниями дипломатических представителей, если только они не идут в разрез с особенностями их военного звания и специальными инструкциями".

Военные агенты обязаны были предварительно докладывать дипломатическим представителям все полученные ими сведения политического характера, а также сообщать общие данные о военной мощи государства и сообщать все те сведения военного характера, которые могли понадобиться дипломатическому представителю.

В то же время военные агенты должны были просить у дипломатических представителей ознакомления их с общим направлением русской политики в данной стране.

Во всех официальных случаях военные агенты должны были занимать место за советниками в посольствах и за первыми секретарями - в миссиях.

Обращаться к иностранным военным властям за всякого рода справками военные агенты имели право лишь в том случае, если они были убеждены, что не получат отказа. Об отказах в исполнении их просьб военные агенты должны были немедленно доносить Главному управлению Ген. штаба.

"Инструкция" весьма подробно излагала также правила почтовой и телеграфной связи между военными агентами и Ген. штабом. Согласно этих правил, военные агенты в особо важных случаях должны были адресовать свои донесения непосредствен-

но начальнику Ген. штаба, в менее важных - генерал-квартирмейстеру, менее важные, но секретные - в виде личных писем в собственные руки ген. -квартирмейстера. Все прочие донесения - в отдел ген. -квартирмейстера по соответствующему делопроизводству.

В виде исключения, военным агентам разрешалось сообщать особо-важные и спешные сведения непосредственно начальникам штабов тех военных округов, к которым эти сведения относились.

Свои донесения военные агенты обязывались отправлять: спешные, но несекретные - через курьеров министерства иностранных дел (за исключением военного агента в Турции, который все свои донесения был обязан отправлять по русской почте с пароходами "РОПИТ'а"), спешные секретные - шифрованными телеграммами. В исключительных случаях разрешалось отправлять секретные спешные донесения также заказными письмами, но непременно в зашифрованном виде, или с особо доверенными и лично известными агентам лицам, случайно проезжавшим в Петербург, а также специальными курьерами, или иными способами по усмотрению военного агента. Всю свою корреспонденцию военные агенты должны были запечатывать своею гербовою сургучною печатью.

Адрес для телеграмм военным агентам был дан следующий: "Петербург, Огенквар (отдел генерал-квартирмейстера)".

Эта "инструкция" отменила наконец, существовавший до того порядок предварительного запрашивания разрешения на покупку тех или иных секретных документов. Пункт этот в "инструкции" изложен в следующей редакции:

"В случаях необходимости произвести крупный расход, превышающий размер ассигнованных на секретные расходы сумм, военные агенты обязаны входить в Главное управление Ген. штаба с представлением об ассигновании необходимых для сего денежных средств.

В исключительно важных случаях военные агенты могут производить таковые расходы без предварительных сношений с Главным управлением Ген. штаба из своих личных средств, входя

затем с представлением о возмещении им произведенных расходов".

На этом, можно сказать, и заканчиваются все те мероприятия по улучшению дела агентурной разведки в мирное время, которые предпринимались Главным управлением Ген. штаба.

Глава четвертая

Агентурная работа официальных военных агентов

История. Работа военного агента в Японии. - Присылка газетных сведений под видом агентурных. - Трудности агентурной работы в Японии. - Работа военного агента в Китае. - Нелады военного агента с его помощниками. - Отсутствие агентуры у военного агента в Америке. - Любезность американского военного министерства. - План Владивостокской крепости в американском военном министерстве. - Агентурная сеть военного агента в Лондоне. - Официальное запрещение заниматься агентурной разведкой и неофициальное требование давать секретные данные о германской армии. - Содействие другим разведывательным органам. - "Весенние ласточки". - Провал полковника Базарова в 1914 г. - Арест секретаря военного агента. - Дезинформация военного агента немецкой контр-разведки. - Затруднительное положение военного агента в Вене. - Разведка посредством бинокля. - Вербовка агентов для Ген. штаба. - Агенты Ген. Штаба. - Покупка планов австрийских крепостей. - Как русский Ген. штаб погубил своих агентов - австрийских полковников Редля и Яндржека. - Военный агент в Италии.

Ниже мы вкратце остановимся на агентурной деятельности некоторых военных агентов и на результатах этой деятельности.

В Японии военным агентом состоял полковник Ген. штаба Самойлов. Его сведения о развитии военного дела в Японии Ген. штаб находил мало удовлетворительными, отрывочными, не систематичными, случайными и почерпнутыми, главным образом, из газет. Но главная беда заключалась не в этом. Всякий раз, когда на заключение военного агента в Японии ставился какой-либо серьезный вопрос, Самойлов никогда не давал определенного ответа: да или нет, знает он или нет. Ответы обыкновен-

но получались такие, что начало заключения не согласовывалось с его концом, или, наоборот, выводы, помещенные в одном месте, сводились на нет последующими замечаниями и т. д.

5-е делопроизводство Ген. штаба вынуждено было неоднократно указывать военному агенту, что сведения, помещенные им в рапортах и обозначенные "секретными", были ранее известны в Ген. штабе из газет и притом из японских официозных органов печати.

Такое положение подрывало веру к сведениям, сообщавшимся военным агентом, к его выводам и заключениям.

Сам Самойлов в ноябре 1908 года докладывал русскому послу в Японии, что "в Японии разведка является делом особенно трудным и рискованным". К причинам таких неблагоприятных условий он причислял:

1. Патриотизм японского народа, воспитанного в строгих правилах преданности "престолу и отечеству" и в очень редких случаях идущего на измену. Но тут же следовало добавление, что "в последнее время замечен упадок нравственности в этом отношении и все чаще являются предложения услуг иностранцам; однако к подобным предложениям приходится относиться с большой осторожностью. Предлагающие свои услуги обыкновенно бывают принуждены к этому денежными затруднениями вследствие игры или кутежей, а так как в Японии игры запрещены, то много шансов за то, что данное лицо уже находится под наблюдением полиции и за каждым шагом его следят, следовательно, он легко может попасться, что обыкновенно и бывает довольно скоро".

2. Скрытность и недоверчивость японцев. Их "никоим образом нельзя обвинить в болтливости. Многое из того, что в европейских странах является предметом обыденных разговоров офицеров и чиновников и пр., - никогда не обсуждается вне присутственных мест, следовательно, уничтожается возможность кому бы то ни было услышать и воспользоваться этим для каких бы то ни было целей".

3. Широкое понимание слова "секрет". "В Японии секретными считаются многие вещи, которые в европейских

странах появляются в печати и продаются для публики: большая часть карт, все учебники военных училищ, штаты и пр. секреты. Только в недавнее время опубликована дислокация японских войск, составлявшая доселе секрет. Все приказы, распоряжения и пр., кроме публикуемых в официальной газете "Кампо", - считаются секретными; никогда не об'являются сведения о формировании, передвижения частей и пр."

4. Хорошо организованная служба жандармов и тайной полиции. "Укоренившаяся среди японцев привычка шпионить и подсматривать друг за другом выработала из них отличных агентов тайной полиции. В Японии не считается позорным ремесло шпиона и доносчика. Жандармы проходят, кроме того, особую школу и, как известно, в военное время употребляются для надобностей тайной разведки".

"С другой стороны, в Японии легче, чем где бы то ни было, следить за каждым иностранцем, ибо скрыться "белому" никак нельзя. На каждого иностранца прежде всего смотрят с предубеждением, что он шпион и сразу же его окружают надзором. Корреспонденция его прочитывается, за каждым шагом его следят, замечают всех, с кем он видится и пр. и пр. Только по прошествии некоторого времени, когда убедятся, чем он действительно занимается, можно рассчитывать, что его сравнительно оставят в покое, но и то за ним остается надзор при помощи прислуги и т. п. Без преувеличения можно сказать, что за всеми официальными лицами, живущими в Японии, по пятам следует агент полиции. Иногда он даже не скрывается и в случае вопроса о том, зачем он неустанно следует, обыкновенно дается ответ, что это делается для безопасности и т. п. Японцы не стесняются осматривать вещи в отсутствии владельца, прочитывать письма, подслушивать и т. пр."

5. Малое знакомство иностранцев с японским языком. "Многие распоряжения, исправления, отмены и пр. редактируются, например таким образом: "к такой строке, или слову прибавить то-то". Следовательно, необходимо иметь в руках прежнее и новое распоряжение, иначе ничего понять нельзя. Шифры японцев очень хороши и часто меняются".

6. Трудность найти агентов для тайной разведки, по словам Самойлова, обуславливалась - "вышеуказанными причинами, с одной стороны, а с другой - тем, что большинство живущих в Японии иностранцев обставлены так хорошо теми фирмами и учреждениями, где они служат, что редко кто из них рискнет за небольшую сумму вступить на крайне опасный путь, так как большинству из них известны трудности этого дела и они достаточно напуганы известными 2-3 случаями поимки европейских шпионов. Следовательно, нужны какие-либо исключительные обстоятельства или особенно крупное вознаграждение, чтобы можно было бы рассчитывать купить услуги европейца. Что касается агентов-японцев, то только сравнительно недавно появились подобные предложения, выступают большей частью люди неопытные и их пока всегда ловила полиция".

7. "В Японии совершенно неприменимы некоторые общеизвестные приемы разведки, имеющие место в европейских странах: переодевание, подкуп женщин, угощение спиртными напитками и пр. Всякий, применяющий подобные способы, попадется прежде всего сам и ничего не узнает".

По словам Самойлова, по этим причинам до сих пор ни одно из европейских государств не имело в Японии хорошо организованной и приносившей удовлетворительные результаты разведки. Исключение составляли китайцы. Они имели в Японии много шпионов и могли бы быть осведомлены лучше других. К сожалению, этого нет, по крайней мере в отношении разведки с военными целями. Причина этому та, что китайцы до сих пор мало образованны в военном отношении, а потому получаемые ими сведения не имеют большой цены.

Словом, впечатление от доклада военного агента таково, что в Японии никакая разведка невозможна.

Однако, Самойлов делает другой вывод. Он говорит, что для организации в Японии правильной и плодотворной по результатам разведки необходимо: 1. Большие деньги. 2. Тщательный выбор агентов, причем никоим образом разведка не может быть поручена лицам, прибывающим впервые в Японию,

ибо за ними-то и учреждается самый тщательный надзор; нельзя также поручать этого дела лицам, не имеющим какого либо другого занятия, это только выдает их. 3. Учреждение какого-либо бюро вне пределов Японии, куда могли бы безопасно являться предлагающие свои услуги лица, так как в Японии их приход куда бы то ни было будет замечен после первого же посещения. 4. Необходима оценка получаемых сведений экспертом на месте, иначе будут доставляться, под видом секретных сведений, переводы из газет, вымышленные известия и т. п. Возможно также получение сведений, сфабрикованных в японском главном штабе, где для этого существует особое бюро и что имело место уже не раз".

Как видим, выводы крайне туманны и тоже склоняются к тому, что вести разведку изнутри на Японию невозможно.

В начале мы указывали, что доклад этот Самойлов почему-то представил послу. В результате, министерство иностранных дел сообщило военному министру (3 января 1909 г., № 8) о "нежелательности при настоящих условиях участия наших консульских агентов в Японии в каких-либо военных разведках". Это единственный вывод, на который было способно царское министерство иностранных дел.

Однако, это не первое и не последнее, наводящее панику, донесение Самойлова. Этот офицер Ген. штаба, вместо того, чтобы обдумать, как приладить к местным условиям разведку, жаловался, что "общеизвестные приемы разведки в Японии неприменимы". Новых же, особенных приемов разведки он не знал и, следовательно, занимался лишь обработкой газетных сведений, действительно, в Японии ничего существенного для разведки не дававших.

Кроме военного агента в Японии и его агентурной сети, Ген. штаб получал сведения по военным вопросам от своего агента № 1, но, начиная со второй половины 1909 года, приток сведений из этого источника прекратился. Кроме того, этот агент (№ 1) доставлял Ген. штабу не те сведения, в которых последний нуждался, а те, которые ему "угодно было доставлять", т. е. не Ген. штаб руководил агентом, а агент - Ген. штабом. Ценность этих

сведений, понятно, была не велика. Это были преимущественно переводы из газет, снабженные многословными рассуждениями и замечаниями от себя.

По словам авторов доклада, - "этот источник не мог давать что-либо существенное уже по одному тому, что был хорошо известен японцам, равно как и псевдоним "japonicus", под которым это лицо помещало свои корреспонденции в "Новом Времени".

Относительно военной деятельности японцев на материке военная агентура давала очень мало сведений. По отдельным вопросам были даны "очень хорошие сведения командированным в Японию поручиком Панчулидзевым", из чего авторы доклада делают вывод, что "этот принцип наглядно показывает, что если бы мы имели более деятельную и энергичную военную агентуру, более подвижную, то, несомненно, наши сведения о японской армии вскоре пополнились бы весьма ценными данными".

Русское посольство в Токио и подчиненные ему лица министерства иностранных дел не дали по военным вопросам никаких сведений, заслуживавших внимания.

Военный агент в *Китае* полк. Корнилов имел двух помощников, - одного в Мукдене, другого в Шанхае.

По словам 5-го делопроизводства Ген. штаба, сведения военной агентуры о развитии военных реформ в Китае и о различных организационных мероприятиях военного характера, предпринимавшихся китайским правительством, были вполне удовлетворительными, зачастую обширными, полными и обстоятельными. Наиболее ценные, полные и обстоятельные донесения получались от военного агента. Он давал сведения преимущественно об общих руководящих указаниях, дававшихся на места центральным правительством в Пекине. В огромном большинстве случаев эти общие сведения сопровождались переводами указов, приказов, повелений и пр.

Мукденский помощник военного агента подполковник Афанасьев вел разведку в пределах мукденской провинции на средства, уделявшиеся ему военным агентом. На 1910 год последние были ограничены ничтожной суммой в 1.300 рублей.

На эти средства он содержал:

- Служившего русским еще во время русско-японской войны, якобы, весьма способного и испытанного агента-китайца в Андуньяне, получавшего по 40 кит. дол. в месяц.

- Агента в Дальнем, который помимо разведки в войсках занимался также сбором сведений военно-стратегического характера, получая за это по 40 кит. дол. в месяц.

- Агента-чиновника в штабе войск Маньчжурии, еще во время русско-японской войны работавшего с подполковником Афанасьевым и доставлявшим, кроме военных сведений, также сведения о путешествовавших по Маньчжурии и Монголии японцах. Оплачивался этот агент сдельно, но не выше 10 кит. дол. за каждое сведение или документ.

Кроме этих агентов, подполк. Афанасьев в экстренных случаях усиливал разведку путем посылки на места двух бывших русских агентов, которые вследствие недостаточного развития не могли быть использованы ни как агенты-резиденты, ни как постоянные агенты для поручений.

В целях разведки подполковник Афанасьев использовал также французского консула в Мукдене.

Афанасьев, как и все остальные разведывательные органы на местах, занимался изучением китайской и японской печати. Хотя в этом отношении ему не везло, ибо военный агент полковник Корнилов не отпускал ему средств на наем переводчиков.

Кроме того, Корнилов запретил Афанасьеву сообщать добытые сведения кому бы то ни было помимо него. Вообще Корнилов, по словам Энкеля, сильно мешал разведывательной работе Афанасьева. Так например, бывали случаи, что полк. Корнилов внезапно пред'являл Афанасьеву требование немедленно уволить агента за его, якобы, непригодностью, тогда как в действительности работа того же агента, более видная подполк. Афанасьеву, представлялась по его мнению, и продуктивной и ценной.

Весьма слабо освещался средний Китай, порученный наблюдению помощника военного агента в *Шанхае*. Те сведения,

которые от него получались, были недостаточно систематизированы, нерегулярны, случайны, получены преимущественно из газет. Еще менее удовлетворительными были сведения о войсках Южного Китая.

Военный агент в *Америке* ничего существенного по агентурной разведке не давал. Главным источником его сведений была официальная пресса. Иногда он пользовался "любезностью" американского военного министерства и получал оттуда кое-какие сведения о других армиях. Так, например, во время русско-японской войны в этом министерстве ему показали план Владивостокской крепости, якобы составленный английским капитаном Эрсом, который попал в плен к японцам и отдал им копию этого плана. По другой версии, английский коммерческий атташе Швабе купил этот план за 1.200 руб. и перепродал японцам за 15.000 иен. Штаб же войск Дальнего Востока сообщил, что "все планы Владивостокской крепости на месте и ни один из них не пропал". Ген.-квартирмейстер Ген. штаба на это резонно ответил, что "в настоящее время достаточно взять документ на 15 минут для снятия точной фотографической копии".

По сравнению с остальными довольно хорошо работал военный агент в *Лондоне* ген. Вогак. Сеть его состояла из следующих агентов:

1. Главный агент, по кличке "Долговязый", получавший месячное жалованье в размере 15 англ. фунтов стерлингов.
2. Второстепенные агенты в министерствах иностранных дел, индийском и военном. Эти агенты оплачивались сдельно. Военный агент несколько раз возбуждал вопрос перед Ген. штабом об установлении им месячного жалованья, "за уведомления о текущих делах", но Ген. штаб на это не соглашался.

Во время русско-японской войны этот военный агент "установил возможность получить копии протоколов совещаний между Главными штабами Лондона и Токио по разработке общих военно-морских планов Англии и Японии в развитие пункта IV англо-японского договора, а также сущность соглашений между Англией и Японией по делам Афганистана, Китая, Персии и Турции". Все эти документы осведомитель предлагал за

35.000 франков. В отпуске этой суммы Ген. штабом было отказано, с указанием, что "связь терять не следует, а предложить осведомителю обождать".

Это показывает, что военный агент в Лондоне имел довольно хорошие связи, но благодаря странной системе отпуска средств, существовавшей в Ген. штабе, он этих связей эксплуатировать как следует не мог. Ген. Вогака в начале 1907 г. сменил ген. Ермолов, характеристику которого мы приводили выше, и все агентурные возможности "исчезли".

Военный агент в *Париже* фактически никакой систематической агентурной разведки не вел. По всей вероятности, русский Ген. штаб на этом и не настаивал, так как считал Францию союзницей России. Однако, если кто либо предлагал какие-нибудь случайные сведения о Франции - Ген. штаб от них не отказывался. Так, например, в конце 1906 года военный агент сообщил, что на французских курсах генерального штаба обучается несколько офицеров болгарской армии и что болгарский военный агент в Париже предложил ему частным образом ознакомиться со всеми академическими курсами, которые он легко может достать через указанных офицеров.

Генеральный штаб дал задание достать курсы "по тактике полевой деятельности войск, отдела сообщений, устройству тыла, статистике и военной географии".

Но таких случайных предложений документов было крайне мало. Сам же военный агент инициативы, в смысле углубления разведки, не проявлял. Как он смотрел на свое назначение, показывает следующая выдержка из его письма от 19-го апреля 1913 года на имя генерал-квартирмейстера Ген. штаба:

"Моя "консульская" деятельность снова началась, так как вместе с листьями на деревьях прилетели летние ласточки - бесчисленные наши генералы и офицеры, и отнимают массу времени".

Военный агент в *Берлине* находился в особых условиях. Работать ему вообще было крайне трудно. Контр-разведка немцев было поставлена хорошо и за каждым шагом иностранных военных агентов следили весьма внимательно, а за сотрудниками

собственных военных учреждений была установлена очень тщательная слежка. Официально военному агенту в германских штабах и учреждениях давали крайне мало сведений.

Согласно официальной инструкции военный агент в Берлине не должен был заниматься агентурной разведкой, но Генеральный штаб неофициально требовал от него представления именно секретных сведений. Больше того, Ген. штаб требовал от военного агента направления шпионов в пограничные пункты и устройства там конспиративных квартир для свиданий с офицерами разведки пограничных военных округов и Ген. штаба.

Несмотря на то, что Берлин представлял из себя действительно весьма важный и интересный центр военной мысли, работа военного агента, особенно в первое время обычно заключалась, главным образом, в приеме и устройстве разных "весенних ласточек" - бесконечного количества русских военных сановников, приезжавших в Берлин на лето "сбавлять жир" и т. д. Правда, не все военные агенты занимались только этим. Бывали и такие, которые, помимо этих своих "прямых" обязанностей, ухитрялись часть времени уделить и агентурной разведке. Но это всецело зависело от личных качеств военного агента, от его любви к делу разведки и от умения работать.

Например, военный агент в июне 1909 года доносил в Ген. штаб, что ему удалось "негласным путем" достать на несколько дней "Kriegsbasoldungs-Vorschrift" с приложениями "Gebuhren-Nachweisungen". Он пробовал их сфотографировать, но испортил массу фотографического материала, не получив "годных результатов". Книги были взяты из неприкосновенного запаса одной из частей берлинского гарнизона. Через два дня ожидалась проверка в этой части и книги к этому времени должны были быть на месте. Военный агент сел сам, посадил секретаря и свою жену и в течении двух суток они втроем эти книги переписали...

Последний русский военный агент в Берлине перед войной 1914-1918 гг., - полковник Базаров, - так увлекся агентурной разведкой, что провалился и 22 июня 1914 года вынужден был покинуть пределы Германии. Провал этот произошел следующим образом. Базаров завербовал чертежника германского главного

инженерного управления Поля. Последний только-что женился, сильно нуждался в деньгах и продал Базарову план крепости Пихлау за ... 20 марок, а план крепости Летцен за 400 марок. Базаров вел с ним переговоры о покупке еще кое-каких секретных документов. После одной такой встречи с Базаровым Поль на обратном пути встретил своего сослуживца и разговорившись с ним, раскрыл свою связь с Базаровым. Тот предложил работать совместно, а потом выдал Поля. Суд присудил его к 10 годам каторги. Узнав об этом, Базаров спешно выехал в Петербург, а вечером после его отъезда в берлинских газетах появился чистосердечный рассказ Поля с подробным описанием всех обстоятельств его преступления и с указанием на Базарова.

Заместитель Базарова по агентуре остался его секретарь некий Гломбиевский. Немцы арестовали его 20 июля 1914 года на улице в тот момент, когда он садился в экипаж с секретарем ген. консула Субботиным. В кармане у Гломбиевского находились три последних зашифрованных телеграммы из русского Генерального штаба, которые он, однако, успел передать Субботину. Продержав Гломбиевского под арестом полтора часа, немцы его освободили¹.

Такой же участи, как Базаров, подвергся и его предшественник - полковник Михельсон.

Иногда германская контр-разведка использовала русского военного агента в целях дезинформации. Так, например, в 1908 году она передала русскому военному агенту фальшивую "записку о распределении германских вооруженных сил в случае войны", о которой мы более подробно говорим в томе II нашей книги.

В конце 1910 года генерал-квартирмейстер представил начальнику Генерального штаба доклад, в котором жаловался на германскую и австрийскую контр-разведки, не дававшие возможности русским военным агентам в этих странах заниматься агентурной разведкой.

Он писал, что "элемент болезненной раздражительности и крайней подозрительности, внесенный событиями 1908 года в

¹См. Мих. Лемке - 250 дней в царской ставке.

взаимоотношения России, с одной стороны, и Австрии и Германии - с другой, с особенной силой развился, как то и следовало ожидать, на столь благодарной почве, каковую представляет собою разведывательная деятельность названных государств. Органическое недоверие к России за границей в этой области за последнее время вспыхнуло с такой силой, что наши соседи склонны в каждом появляющемся в их пределах русском подданном видеть прежде всего военного шпиона, из категории которых, конечно, не исключены и наши официальные военные агенты".

"Положение последних при таких обстоятельствах ныне представляется тем более трудным, что, не ограничиваясь вполне законными и лояльными мерами предосторожности, германские государства, - избравшие, повидимому, борьбу с военным шпионством щитом, из-за которого они с успехом и без риска могут наносить укол за укол русскому самолюбию, - в последнее время стали в широких размерах пользоваться для сего провокацией".

"При таких условиях представляется совершенно необходимым освободить наших военных агентов в Австро-Венгрии и Германии, хотя-бы на время, от выполнения каких бы то ни было негласных поручений по разведке и предложить им впредь уклоняться от сношений с лицами, обращающимися к ним с предложениями указанного характера".

В заключение генерал-квартирмейстер предлагал ввести как правило, что разведка против Австрии и Германии и покупка секретных документов этих стран должны возлагаться в виде основной обязанности на военных агентов в Бельгии и Швейцарии, "в соответствии с чем должен производиться выбор лиц на означенные должности".

Начальник Генерального штаба, однако, нашел, что проектируемые мероприятия не оградят военных агентов от попыток их скомпрометировать и дело осталось в прежнем положении.

Военный агент в Вене находился в аналогичном положении с берлинским. Еще в сентябре 1906 года полковник Марченко

писал генерал-квартирмейстеру, что "вследствие письма вашего от 12 сентября, докладываю, что приложу все усилия и умение, дабы исполнить желание начальника Генерального штаба по сбору сведений о крепостных маневрах.

"Считаю, однако, нравственным долгом доложить, что я лишен почти совершенно орудий действий".

"Честолюбие и корыстолюбие являются теми человеческими слабостями, на которых агент может строить систему своей разведки. Орден и рубль являются главными факторами реальной добычи материалов. Один дает, считая не позорным и удобным приобрести орден и сохранить свой внешний престиж (это обыкновенно наиболее ценный источник), другой просто берет. Как купец. Причем в этом в последнем случае он или хронический, постоянный, или мимо прошедший, случайный сбытчик.

"Я осенью прошлого года докладывал о желании одного, крайне ценного лица, у источника дел стоящего, за определенную месячную сумму открыть тайны оперативных секретов Австро-Венгрии. Это предложение было отклонено. Лицо это, по моим сведениям, теперь работает за счет Италии".

Далее он пишет, что денег ему отпускают на агентурную разведку крайне мало, что он не имеет возможности содержать даже одного постоянного агента. Поэтому он решил работать при помощи русских орденов. Но и здесь Марченко постигла неудача - в выдаче этих орденов ему было отказано. Марченко особенно волновался по поводу отказа наградить русским орденом ад'ютанта военного министра Австро-Венгрии майора Клингспора и поручика артиллерийского полка 27 дивизии Квойко, оказавших ему ценные услуги.

В октябре 1911 года военный агент полковник Занкевич, сменивший Марченко, телеграфировал генерал-квартирмейстеру, что для получения определенных и вполне точных сведений о военных приготовлениях Австро-Венгрии необходимо "прибегнуть к содействию негласной разведки, к организации которой и приступаю. Считаю нужным доложить, что подвергаюсь опасности быть скомпрометированным".

Ген.-квартирмейстер ген. Данилов счел возможным поддержать это паническое настроение Занкевича, ответив ему, что начальник Генерального штаба, признавая необходимым возможное усиление наблюдения за происходящим в Австро-Венгрии, "рекомендует, однако, вам полную осторожность".

Понятно, что получив такой "добрый совет" начальства, военный агент пошел по пути "наименьшего сопротивления". Но и здесь было больше неудач, чем удач. Так, в том же 1911 году Занкевич писал генерал-квартирмейстеру, что на больших австрийских маневрах участвовало довольно много "батарей с разобранными орудиями", приспособленными "для перевозки в гористой местности и по дурным дорогам". Однако, "подробно ознакомиться с устройством приспособлений для перевозки орудий в разобранном виде не удалось: состоящие при военных агентах австрийские офицеры принимали все меры, чтобы не допускать нас близко к этим батареям".

"Тем не менее удалось рассмотреть в бинокль такую батарею на походе и получить довольно ясное представление о способах перевозки орудий в разобранном виде".

Этот же военный агент в Австро-Венгрии в 1912-1913 гг. (полковник Занкевич) играл активную роль в деле вербовки агентов и в частичном поддержании связи с завербованными агентами, которыми руководило особое делопроизводство генерал-квартирмейстера Генерального штаба, старавшееся, как мы выше указывали, вести непосредственно разведку в соседних странах.

Из письма делопроизводителя Особого делопроизводства полковника Энкеля от 6/19/IX 1912 года на имя Занкевича мы узнаем, что лейтенант австрийской службы чех Э. Навратиля имел на национальной почве "дело чести" и вынужден был покинуть военную службу. После этого он поехал в Белград и предложил сербам свои услуги в качестве осведомителя. Он рассчитывал быть полезным сербам, ибо знал австрийские мобилизационные распоряжения на случай войны против Италии и Сербии. Сербское военное министерство его предложения отклонило, направив его к русскому военному агенту полковнику

Артамонову. Навратилия не имел совершенно денег. Сербь выдали ему на дорогу один франк... и посоветовали обедать в бесплатной столовой общества Красного Креста. Он пошел и на это унижение. При разговоре с Артамоновым Навратилия наивно по этому поводу заявил, что "в Австрии всегда дают на обратный проезд тем, которые являются с предложением подобных услуг, но почему-либо бывают не приняты". Артамонов выдал ему 50 франков и отправил в Вену.

Делопроизводителя Особого делопроизводства Ген. штаба Энкеля заинтересовал этот австрийский лейтенант. Узнав от Артамонова о нем все вышесказанное, Энкель дал указания Занкевичу. Он писал, что давно озабочен приисканием заграничей таких осведомителей, которые могли бы в военное время, с отъездом военных агентов, служить "нашими глазами и ушами на местах", а в мирное время следить за жизнью войск и проведением в жизнь на местах различных военных мероприятий и этим пополнять "нашу и вашу ориентировку", особенно в настоящее время".

Далее Энкель предлагал Занкевичу "осторожно прошупать" Навратилия, навести о нем кое-какие справки, выяснить его компетенцию и пожелания. Энкель полагал, что такой "бедняк охотно согласится поселиться там, где ему укажут, и работать в качестве осведомителя за 150-200 крон в месяц". Энкель был согласен даже никаких документов от него не требовать, лишь бы "от его глаза и ума в известном районе не ускользало бы ничего, что для нас имеет значение в предмобилизационный период и в военное время, и, конечно, и в мирное время".

В заключение Энкель просил Занкевича сообщить, в каком из узловых стратегических пунктов на албанском или сербском фронтах лучше всего поместить Навратилия. Последнему должны были быть поставлены следующие условия: 1) Принимается он пока на испытание без определенного срока, а вопрос о постоянной службе решается, в зависимости от результатов работы, через несколько месяцев. 2) Писать он должен возможно чаще (конечно, по обыкновенной почте), не подписываясь и соблюдая крайнюю осторожность при посылке своей корреспонденции. 3) Особо

секретные сведения должны писаться между строк лимонной кислотой.

Несмотря, однако, на эти инструкции, Энкель пожелал сам встретиться с Навратилем и вызвал его в Петербург. Свидание состоялось в начале октября. Навратиль произвел на Энкеля очень выгодное впечатление и Энкель запретил ему при каких бы то ни было условиях впредь обращаться к Занкевичу, а поддерживать все сношения исключительно с Энкелем по обыкновенной почте - письмами, написанными лимонной кислотой.

Но уже 29 октября 1912 года Энкель писал Занкевичу, что "гость от Артамонова давно уже сидит у вас после свидания со мной здесь, но пользы пока не принес никакой, денег же кланчит усердно..."

На этом, как можно судить по переписке, и кончилось дело с Навратилем...

Аналогичная картина получилась и с другим, почти таким же образом завербованным, агентом под литерой "Я". Этого "Я", однако, эксплуатировали по двум линиям - Энкель и Занкевич. "Я", конечно, таким двойным подчинением был поставлен в крайне глупое положение. Энкель, например, приказывал ему сидеть на месте и собирать по заданиям сведения. Занкевич же приказывал ему отправиться в "осведомительную поездку". Агент терялся, не знал "какому богу" в конце концов служить. В результате раздумья он решил сообщить Энкелю по почте посредством лимонной кислоты, что Занкевич приказывает ему совершать поездки и спрашивал, как ему быть. Энкель увидел, что создалось пиковое положение и решил выйти из него следующим образом. Он в весьма вежливой форме написал Занкевичу, что "препятствий против поездок "Я" не имеет и что "он чрезвычайно рад, что выбор Занкевича пал на "Я", ибо до сих пор причин жаловаться на него у Энкеля нет, что у "Я" масса доброго желания, что он добросовестен, скромн, хотя и несколько легкомыслен, упоминая например, в своих письмах к Энкелю военного агента и т. д.

Давая разрешения "Я" совершать для Занкевича "осведомительные поездки", Энкель в то же время просил передать "Я", что

он "с нетерпением ждет от него обещанных данных о жел. дорогах и особенно продолжения плана крепости Перемышль", для чего "отдано распоряжение Берлину купить и выслать ему фотографический аппарат и высланы авансом 6.000 рублей.

Спустя некоторое время Энкель уже начинает волноваться. Хваленый "Я" прислал лишь часть плана крепости Перемышль и уже требует новых авансов. Энкель пессимистически замечает: "... подбодрите его так, как повидимому, он склонен к лени и ... попрошайничеству...".

В начале 1913 года Энкель уже приходит в ярость. Дело опять касается "Я", который "ведет себя как мальчишка", - пишет Энкель Занкевичу. Во-первых, он "будирует за не высылку дополнительного вознаграждения за план Перемышля и со своей стороны задерживает высылку планов М-а (Миколаева. - К. З.) и жел. дорож. документов. Между тем я твердо решил не сдавать в этом вопросе, ибо считаю, что мы вознаградили его по-царски (в общем 6.000 руб. за Перемышль), а во-вторых, убежден, что он в конце концов все-таки запросит пардона, так как сбыта своему товару не найдет, а в деньгах будет нуждаться. Позволю себе лишь просить вас при случае, если вы с ним увидите, заявить ему категорически, что наше решение непоколебимо и что вымогательство - дело не офицерское".

С целью заставить Энкеля пойти на уступки, "Я" сообщил ему, что он через посредство одного офицера австрийского Генерального штаба может доставить план стратегического развертывания австрийской армии на случай войны с Россией, на следующих условиях: за весь план 50.000 крон, из них 25.000 крон по высылке Энкелю документа. Энкель восклицает: "Неужели "Я" настолько наивен, что серьезно считает такие условия приемлемыми? Если увидите с ним, то не откажите его обругать и разъяснить ему всю глупость его предложения. Мы, конечно, не отказываемся приобрести предлагаемые документы и даже ничего не имеем против общей суммы, если он окажется годным и полным. Но, конечно, деньги за него мы заплатим лишь тогда, когда произведем соответствующую экспертизу, а для этого документ необходимо вывезти из Австрии на нейтральную почву.

В виде аванса - обеспечения интересов продавца - мы согласны непосредственно перед экспертизой дать ему до 1.000 рублей, - но и только. Далее, мы ставим следующие условия в обеспечение наших интересов: документ передается нам по частям, в зависимости от того, как он составлен, т. е. по дням или по корпусам. По каждой части производится отдельная экспертиза и отдельный расчет, исходя из общей суммы в 50.000 крон за все. Если он не будет считаться с этими положениями, то мы не задумаемся выпустить его в трубу, так как свет, слава богу, еще не сошелся на нем клином"...

"Я" не уступал и настаивал на выполнении своих первоначальных условий. Казалось бы, что Энкель проведет свои угрозы относительно "выпуска в трубу" - в исполнение. Вместо этого он в феврале 1913 г. писал Занкевичу, что полагал бы желательным продолжать переговоры с "Я" с тем, чтобы "получить от него некоторую часть документов, по которой действительно можно было бы судить о достоинстве последних. Эта операция, однако, должна быть совершенно самостоятельной, безотносительно к вопросу о приобретении нами всего документа, т. е., другими словами, цена, которую вы уплатите за полученное, должна соответствовать реальной стоимости документов, как таковых, а не как части всего документа в совокупности".

Далее Энкель просит Занкевича указать "Я", что ему уже выдана сравнительно крупная сумма за совершенно негодные документы, а потому дальнейшим сношениям с агентом уместно было бы придать характер "требования реабилитировать себя и оправдать оказанное ему доверие, не неся с нашей стороны сколько-нибудь крупных дополнительных расходов".

По поводу же недоставки "Я" обещанных железнодорожных документов и плана Николаева, Энкель просил Занкевича передать ему, что "неприсылка этих документов может угрожать ему совершенным прекращением каких бы то ни было дел с ним, т. к. эти поставки были условлены заранее и даже приняты во внимание при определении вознаграждения за Перемышль. Последний им действительно доставлен нам

полностью, но внушает некоторое сомнения".

Как видно из письма Энкеля от 2 марта 1913 года к Занкевичу, "Я" действительно доставил часть плана "развертывания австрийской армии", предварительный осмотр которого дал такие результаты: "печати на документах, внушают серьезные сомнения, ибо носят... явные следы пера. Линии при наложении каучуковой печати, могут сливаться, но раздваиваться - едва ли"...

Как мы видели, эта почти двухлетняя игра "в агенты военного времени" дала Энкелю за сравнительно крупную сумму денег - "совершенно негодные документы". Понятно, кроме того, что для военного времени ни один из указанных агентов не сохранился...

Необходимо, однако, отметить, что помимо указанных агентов Генеральный штаб имел в Австро-Венгрии незадолго до войны 1914-1918 гг. четырех весьма солидных агентов. Двое из них спокойно до сих пор проживают в Австрии и во время войны занимали там крупные военные посты. Мы их раскрывать не станем, тем более, что они с началом войны от русской разведки отошли.

Полковники же австрийского генерального штаба - Редль и Яндржек были раскрыты австрийской контр-разведкой задолго до начала войны.

Полковника Редля на почве его извращенных наклонностей завербовал русский военный агент Марченко и связал его с русским Генеральным штабом. Редль давал сведения 3-4 раза в год, но за то вполне исчерпывающие и по всем интересующим русский Ген. штаб вопросам. Деньги ему нередко пересылались из одной нейтральной страны в Вену на почтовый ящик. Эти деньги, о которых получила сведения австрийская контр-разведка, и погубили Редля, занимавшего в то время уже должность начальника штаба корпуса в Праге. В 1913 году его служба в русской разведке была раскрыта и ему было предложено застрелиться, что он и сделал¹. Работал он в русской разведке около 7 лет.

¹См. Эгон Эрвин Киш - Падение полковника австрийского ген. штаба Редля.

Полковника Яндржека, работавшего в мобилизационном отделе Австрийского Генерального штаба, завербовал военный агент Занкевич. Встречи они устраивали в нейтральных странах. Яндржек проработал около трех лет и оказал русской разведке очень ценные и крупные услуги. Поручавшиеся Яндржеком крупные суммы денег вскружили ему голову. Он начал швыряться деньгами, благодаря чему попал на подозрение у контр-разведки. Занкевич, желая спасти положение, вызвал Яндржека в нейтральную страну и пригрозил, что если тот не бросит швыряться деньгами, то он ему денег в руки не даст, а будет вносить на имя известной фирмы в заграничный банк. Однако, было уже поздно. В это время в Будапеште провалился агент русского Генерального штаба Бравура, что заставило австрийскую контр-разведку насторожиться и произвести обыски у заподозренных лиц. Во время обыска у Яндржека под половицей нашли книжку, в которой им были отмечены все суммы, полученные им за разведывательную службу. Его присудили к пожизненному тюремному заключению...

О деятельности военного агента в *Италии* можно судить по имеющемуся в нашем распоряжении отчету за 1910 год. Из этого отчета видно, что военный агент агентурной разведкой не занимался. Так, в отчете не указано ни одного документа, ни одного сведения, которое можно было бы отнести к категории секретных.

Вообще в Италии военные агенты довольно часто менялись и, следовательно, не могли войти в курс дела даже разведки "посредством бинокля". Причины смены их были довольно разнообразны, а иногда и анекдотичны, как, например смена князя Волконского.

В 1913 году полковник князь Волконский был сменен за следующее "преступление". Во время празднования трехсотлетия дома Романовых Волконский находился в отпуску в Москве. Здесь "старинные" дворяне решили преподнести Николаю Романову верноподданнический адрес, который начинался словами "самодержавному". Волконский выступил на собрании этих "верноподданных" дворян и заявил, что Николай Романов - не самодержав-

ный, ибо манифестом 17-го октября он законодательные свои права уступил государственной думе и что Россия - конституционная монархия. Ему "доказывали", что это не так, но он все же остался при своем мнении и отказался подписать адрес. На другой день появилась соответствующая статья в "Земщине" автору статьи фамилия "преступника" была неизвестна, он лишь установил, что этот "красный" был полковником Генерального штаба. Генеральный штаб начал поиски "преступника" и напал на его след, когда Волконский был уже в Риме. Ему предложили дать объяснения. Он подтвердил все наложенное в "Земщине" и добавил, что остается при своем мнении, т. е. что Николай Романов не самодержец. Тогда ему предложили подать в отставку. Волконский отказался. В дело вмешался Николай Романов и приказал прогнать Волконского с военной службы без "мундира и пенсии".

И лишь накануне войны 1914-1918 гг. в Рим прибыл новый военный агент - полковник генерального штаба Энкель.

На этом можно закончить обзор агентурной деятельности официальных военных агентов до начала войны 1914-1918 гг. Эти агенты, были, конечно, и в других, более мелких государствах, но их разведывательная деятельность там была до того незначительной, что останавливаться на ней не стоит.

Глава пятая

Агентурная разведка штабов Дальневосточных военных округов

Обследование агентурной разведки представителем Ген. штаба. - Работа Иркутского военного округа. - Агентурная работа Заамурского округа пограничной стражи. - Министерство финансов против агентурной разведки пограничной стражи. - Освещение хунхузов. - Офицерские раз'езды. - Полевые поездки офицеров на территорию Китая. - Платные и бесплатные агенты. - Расходование денег не по прямому назначению. - Непосредственная агентура начальника штаба округа и исчезновение 13.000 рублей. - Агентурная разведка штаба Омского военного округа. - Пассивность русских консулов.

В начале 1910 года Генеральный штаб командировал на Дальний Восток делопроизводителя 5-го делопроизводства полковника Энкеля для обследования на месте постановки дела агентурной разведки. После возвращения из поездки Энкель представил подробный доклад, из которого мы приводим наиболее интересные данные.

Докладывая о разведывательной работе штаба Иркутского военного округа, Энкель писал, что инициатива и решение вопросов разведывательного характера всецело принадлежат окружному генерал-квартирмейстеру. Собственной агентурной сети за границей штаб не имел вовсе, если не считать двух казаков-торговцев, проживавших у южной оконечности озера Косогол (т. е. в районе, где не имелось никаких объектов разведки) и причисленного к Ген. штабу под'есаула Тонких, командовавшего для ценза сотней в Урге. Энкель считал характерным показателем отношения окружного генерал-квартирмейстера к вопросу организации разведки в том, что последний интересовался исключительно Монголией, в ущерб Маньчжурии, и в то же время не дал под'есаулу Тонких никаких инструкций, не отпустил ему ни одной копейки денег на разведку и совершенно не руководил его деятельностью.

Окружной генерал-квартирмейстер утверждал, что он принимал меры к подысканию агентов среди влиятельных монгольских князей и чиновников и таковые, якобы, были даже намечены, но заключение с ними условий до момента приезда Энкеля тормозилось недостатком денег, ибо эти лица требовали громадные суммы за свои услуги. Дабы выйти из этого положения, окружной генерал-квартирмейстер решил разведки не вести, а накапливать денег и заключить договор с намеченными монгольскими князьями, когда наберется соответствующая сумма.

Таким образом, источниками сведений о соседях для штаба округа являлись:

1. Русские правительственные агенты за границей, как-то: посланник в Китае, военные агенты в Японии и Китае, консула в Урге, Цицикаре, Гирине и Улясутае, Заамурский округ погранич-

ной стражи и пограничный комиссар в Кяхте. Со штабом Приамурского округа связи не существовало.

2. Заграничная печать. Изучение последней, за исключением японской, для чтения которой имелся переводчик, было поставлено, по словам Энкеля, "весьма неудовлетворительно", ибо переводчиков китайского и монгольского языков при штабе не имелось, а чтение повременных изданий на европейских языках, вследствие заваленности отчетного отделения вопросами прямого его ведение, поневоле носило случайный, прерывчатый характер.

Изучением заграничных театров возможных военных действий штаб округа не задавался вовсе. Командировок офицеров на рекогносцировки пограничного района не производилось, так как, по мнению окружного генерал-квартирмейстера, штаб округа, якобы, не имел на то права; "в действительности же, - писал Энкель, - просто потому, что необходимость изучения маньчжурского театра была совершенно упущена штабом из виду". В подтверждение такого мнения может быть приведен случай совершенно бесполезного в военном отношении командирования в северо-западную Монголию в 1907 г. Ген. штаба капитана Михеева, в составе научной экспедиции, с огромными расходами из средств, отпущенных на разведку. Командировка эта, с одной стороны, указывает на совершенно превратное понимание цели заграничных командировок, а с другой - противоречит вышеупомянутой мотивировке окружного генерал-квартирмейстера.

Штаб округа, получая в год на агентурную разведку лишь 3.000 руб. - ухитрился к 1-му января 1910 года с'экономить 6.150 руб.

Агентурную работу Заамурского округа пограничной стражи Энкель признал весьма и весьма слабой. Причины этого явления он видел, во-первых, в резко выраженном несочувствии широкой разведывательной деятельности округа со стороны министерства финансов (пограничная стража находилась в подчинении этого министерства), во-вторых, - в крайней недостаточности средств, отпускавшихся округу на разведку, и в третьих, - в трудности выполнения некоторых разведывательных задач при тогдашнем положении дел в Маньчжурии и при

отношении китайских властей к русским.

В ответ на ходатайство штаба округа об отпуске ему соответствующих его задачам средств на агентурную разведку, министерство финансов в просьбе отказало, указав на желательность ограничить разведку округа пределами надобности по охране железной дороги от налетов хунхузов; трату же отпускаявшихся округу средств на военную разведку в широком смысле этого понятия министерство финансов считало излишней. Хотя начальник округа это последнее указание оставил без внимания, тем не менее выяснившийся взгляд министерства финансов неблагоприятно повлиял на агентурную работу штаба, так как, получив отрицательный ответ министерства финансов, штаб округа приступил к увольнению агентов по военной разведке, имевшихся у него со времени русско-японской войны.

От Управления Китайско-Восточной железной дороги штаб Заамурского округа пограничной стражи получал на ведение агентурной разведки ежегодно по 7.000 рублей. Из этой суммы большая часть уходила на освещение хунхузов и на наем переводчиков.

Ко времени приезда Энклея штаб округа собирал сведения следующим образом.

К разведке были привлечены офицеры округа, снабженные соответствующими инструкциями и материалами для изучения страны. Кроме того, все начальника раз'ездов, даже из солдат, непрерывно об'езжавшие в целях охраны прилегающую к дороге 25-ти верстную полосу, обязаны были представлять как своему непосредственному начальству, так и в отчетное отделения штаба округа, отчеты о виденном и слышанном.

В Мукдене и Куанченцзы были учреждены небольшие разведывательные бюро, во главе которых были поставлены лица из числа чинов округа, зарекомендовавших себя способными к разведке, любящими это дело и знающими китайский и японский языки. Этим лицам отпускались небольшие денежные суммы на ведение разведки.

В случае необходимости конвоировать кого-либо из сотрудников русского консульства, служащих Китайско-Восточной

железной дороги или русско-китайского банка вглубь страны, во главе конвоя ставился соответствующий офицер, которому придавалось несколько специально подготовленных солдат-разведчиков.

Для разведки в районах, прилегающих к р.р. Сунгари и Нонни, во время навигации привлекались крейсера округа.

Изучались наиболее серьезные и осведомленные газеты, издававшиеся на Дальнем Востоке на корейском, японском, английском, немецком и французском языках.

Для подготовки разведчиков (войсковой разведки) из рядовых солдат был введен соответствующий отдел в курс существовавших в округе школ китайского, японского и монгольского языков.

Для обеспечения возможно полной осведомленности обо всем, совершаемом вне пределов непосредственного наблюдения чинов округа, штаб установил обмен сведений с русскими военными агентами в Китае и Японии, с консулами в Гирине, Цицикаре и Инкоу, со штабами Приамурского и Иркутского военных округов и с коммерческим отделом Китайско-Восточной железной дороги.

В частности, для сбора военно-статистических и военно-географических сведений о Маньчжурии принимались следующие меры.

Всем офицерам округа были разосланы инструкции и анкетные листы по сбору статистических данных о всех населенных пунктах, лежавших в полосе отчуждения железной дороги.

Была установлена связь с гражданскими учреждениями в Маньчжурии, в которых сосредотачивались статистические материалы.

Несмотря на неизменные протесты китайцев, каждую весну организовалась массовая посылка офицерских раз'ездов (до 30) на 150-200 верст вглубь страны для рекогносцировки различных путей и сбора статистических сведений.

Почти ежегодно организовались полевые поездки офицеров округа в районе железной дороги.

Штаб *Приамурского* военного округа, по словам Энкеля,

агентурной сетью за границей вовсе не располагал. Разведка в пограничной с Китаем полосе была им возложена на станичных атаманов, но никаких результатов не давала. Энкель объяснял безрезультатность агентурной работы этих атаманов тем, что дело это для них являлось совершенно новым, что штаб округа никаких инструкций им не дал. Кроме того, ведение разведки было вменено им в служебную обязанность, а потому "являлось по идее бесплатным", хотя и было предположено возмещать произведенные атаманами расходы и выдавать денежные премии за выдающиеся по ценности сведения.

Для сбора сведений по Корее в распоряжении штаба округа имелись два агента из корейских эмигрантов, - по словам Энкеля, "настолько скомпрометированных, что для активной разведки за границей они являлись совершенно непригодными". Один из них, - бывший переводчик русского консульства в Сеуле, - официально числился переводчиком штаба округа. Другой, - бывший офицер корейский войск, - находился постоянно во Владивостоке и работал по агентуре сдельно. Оба эти агента находились, якобы, в близких отношениях с руководителями партизанского движения в Корее, пользовались там популярностью и большим влиянием, как у себя на родине, так и среди корейского населения южно-уссурийского края. Исходя из этого, штаб округа предполагал, что они являются весьма полезными, как посредники между русскими и партизанами, как сборщики сведений не только опросным путем, но и через своих корреспондентов за границей, а также как вербовщики.

Помимо этих платных агентов, штаб округа имел агентов бесплатных в лице известного в то время корейского патриота Липомьяна - организатора партизанского движения на севере Кореи, снабжавшего это движение деньгами и оружием, а также в лице одного из наиболее выдающихся предводителей партизан в том же районе.

Статистической разведкой заграничных театров военных действий штаб округа не занимался. Командировки офицеров, преимущественно восточников, в Корею и Маньчжурию никакой связи с указанной задачей не имели и с точки зрения разведки

являлись совершенно бесцельной и непроизводительной тратой средств.

Изучение дальневосточной печати было поставлено крайне слабо, вследствие отсутствия переводчиков и загруженности разведывательного отделения штаба округа посторонней работой.

Штаб округа обменивался материалами со штабом Заамурского округа, с консулами в Цицикаре и Гирине и с военными агентами в Китае и в Японии.

В смысле снабжения средствами этот штаб округа находился в блестящем положении. За время с 27 марта 1896 г. по 31 декабря 1909 года он получил на ведение разведки 51.000 руб. Однако, из этой суммы было израсходовано всего лишь 25.610 руб. по прямому назначению; 15.639 руб. были израсходованы на надобности, ничего общего с разведкой не имевшие, и 9.735 руб. оставались в кассе.

Отношение к деньгам, отпущенным на разведку, характеризуется следующим фактом. Начальник штаба округа ген. Дебеш из'ял из кассы в свое полное и безотчетное распоряжение около 13.000 рублей. Как хранились эти деньги, на какие надобности и сколько из них расходовалось, - ни генерал-квартирмейстер, ни старший ад'ютант не знали. В ноябре 1909 года ген. Дебеш с должности был снят и донес Главному управлению Генерального штаба, что "из сумм, отпущенных штабу округа на ведение разведки, к 1-му января 1910 г. остается не более 500 руб.", фактически же, не считая сумм, взятых ген. Дебеш, остаток составлял 9.720 руб. Сдавая окружному генерал-квартирмейстеру этот остаток, ген. Дебеш передал ему и свою прихода-расходную тетрадь по суммам на разведку, в которой обращали на себя внимание нижеследующие обстоятельства:

Из наименований статей расходов явствовало, что в целях разведки ген. Дебеш одновременно пользовался услугами восьми агентов, из коих большинство состояло на весьма крупном ежемесячном содержании, получая по 160-170 рублей. Те же статьи расходов давали основание предполагать, что временами некоторые из этих агентов вели довольно интенсивную и, якобы, плодотворную работу по агентурной разведке. Так, например,

один из них (№ 4) на протяжении меньше месяца трижды получил по 160-165 руб. Между тем, о существовании этих агентов ни генерал-квартирмейстер, ни разведывательное отделение совершенно ничего не знали и ни одного сведения этих агентов к ним не поступило. Выводы напрашиваются сами собою: ген. Дебеш прикарманивал деньги, отпущенные на ведение агентурной разведки...

Штаб Омского военного округа, - по словам Энкеля - благодаря исключительному интересу и энергии, проявленным во всех вопросах разведки начальником штаба округа, лично руководившим этим делом, был "превосходно осведомлен о всем происходящем в пределах порученного ему наблюдению района", даже несмотря на отсутствие негласной заграничной агентуры. Эта осведомленность объяснялась тем, что штаб округа привлек к сбору сведений пограничных чинов всех ведомств, русских правительственных агентов в западной Монголии и Синьцзяне, наиболее видных представителей купечества, имевших в указанных областях крупные торговые интересы, а также всех лиц, направлявшихся за границу. По заявлению начальника штаба округа ген. Тихменева, лишь русские консула реагировали на его обращения к ним за сведениями настолько слабо, что, по его мнению, некоторое "нажатие на них свыше было бы крайне желательным"...

Глава шестая

Агентура Ген. Штаба на Дальнем Востоке

Консул в Цицикаре и его агентурная сеть. - Кяхтинский пограничный комиссар. - Недоверие к нему министерства иностранных дел. - Агентура Ладыгина и Попова. - Консул в Гирине и его агентурная сеть. - Агентура Бирюкова в Корее. - Выводы представителя Ген. штаба.

Кроме перечисленных органов разведки на Дальнем Востоке, Генеральный штаб имел там еще и свою собственную разведку, непосредственно ему подчиненную. К этой сети относились следующие лица:

I. Консул в Цицикаре, кандидат Ген. штаба подполковник Ген. штаба Манакин.

Консул этот на сбор и обработку сведений и на канцелярские расходы получал:

От министерства иностранных дел:

На агентурную разведку.....125 руб.

На наем переводчика.....75 руб.

На канцелярские расходы.....125 руб.

От Главного управления Генерального штаба:

На агентурную разведку.....250 руб.

Таким образом, он в месяц получал всего.....575 руб.

На эту сумму он содержал девять агентов, тратя в месяц около 500 руб. На прочие расходы, как например, на командировки агентов, оплату случайных сведений, покупку мелких документов, карт. и пр., оставалось только 75 руб.

Кроме того, консул в Цицикаре использовал в агентурных целях станичных атаманов по р.р. Аргуни и Амуру, "охотно сообщавших свои сведения" а также и всех русских граждан, проезжавших через г. Цицикар.

Все сведения, добытые этой агентурой, консул сообщал штабам Иркутского и Приамурского военных округов и Заамурского округа пограничной стражи, консулу в Гирине, военному агенту в Китае и его помощнику в Мукдене, военным губернаторам Амурской и Забайкальской областей, Амурской флотилии, военному комиссару в Благовещенске, посланнику в Китае и Управлению Китайско-Восточной железной дороги.

Помимо освещения китайских войск, деятельности японцев и военно-политических вопросов, консул изучал свой район и в военно-статистическом отношении, как непосредственно через своих агентов на местах, так и по документальным данным, конечно, вполне легальным.

II. В 1909 году Кяхтинским пограничным комиссаром был назначен полковник Хитрово. Министерству иностранных дел почему-то это назначение не понравилось; оно отобрало заведование своей агентурой от пограничного комиссара и

передало его драгоману генерального консульства в Харбине Г. К. Попову, отпустив ему на агентурную разведку в год 6.000 рублей.

Этим назначением не преминул воспользоваться Ладыгин, незадолго перед тем из'явивший свою готовность сотрудничать с Главным управлением Генерального штаба по разведке на Дальнем Востоке и получивший для этой цели на первый год 6.000 руб. Пользуясь дружественными отношениями с Поповым, Ладыгин обратился к нему с предложением слиться частным образом воедино на началах единства кассы и труда; предложение это было Поповым принято, как явно для него выгодное.

Благодаря энергии вышеуказанных лиц, хорошему знанию Ладыгиным Китая и китайцев, а главным образом, благодаря исключительно удачному подбору личного состава агентуры вольнонаемным драгоманом, агентура в первый же год широко раскинула свою сеть и по полноте добываемых документальных данных о деятельности китайского правительства в Монголии, была признана Энкелем "весьма удовлетворительной". Однако к моменту приезда Энкеля положение резко изменилось к худшему. По его словам "ныне, в силу некоторых побочных обстоятельств, а отчасти на внутренней организационной почве, согласие руководителей агентуры несколько пошатнулось и угрожает перейти в полный раскол, каковое обстоятельство, однако, ни в какой мере не отразится на интересах военного ведомства, к которому в этом случае нераздельно перейдет не только обязанный и преданный нам всецело Смольников (драгоман), но и наиболее ценные агенты. Тем не менее, подобный исход нужно признать неблагоприятным фактором, как для общего дела, так и для развития агентуры в будущем, почему мною были приложены все усилия к уважению возникших несогласий".

Агентура Попова и Ладыгина, специализировавшись на монгольском вопросе, прежде всего задалась целью включить в свою сеть все китайские правительственные учреждения, причастные к этому вопросу, дабы путем документальной разведки в них осветить монгольскую политику Китая и современное положение Монголии. Ко времени от'езда из Харбина Энкеля, эта организационная задача считалась почти

выполненной. Агентура к этому времени состояла из следующих агентов:

1. Три агента-вербовщика, через посредство которых была укомплектована почти вся сеть. Руководители надеялись через их же посредство насадить и всю местную сеть в Монголии. Энкель был в восторге от этих лиц, характеризуя их следующим образом: "не служащие у нас в качестве переводчиков, сяньшинов и т. д., следовательно, не скомпрометированные в глазах китайцев и японцев, ловкие, смелые и преданные нам идейно; двое из этих агентов вполне пригодны к выполнению ответственных поручений и в военное время".

Получали эти агенты-вербовщики каждый по 100 рублей в месяц.

2. Чиновник в министерстве внутренних дел в Пекине. Он давал в копиях наиболее интересные документы по монгольским и маньчжурским делам, коими обменивалось центральное китайское правительство и местные власти. Чиновник получал за свою работу по 30 рублей в месяц.

3. Чиновник в монгольском бюро в Мукдене, в котором сосредотачивалась вся переписка по вопросам, касавшимся восточной Монголии. Этот чиновник получал за свои услуги по 100 руб. в месяц.

4. Начальник топографического отдела при управлении вице-короля в Маньчжурии, доставлявшего картографический и статистический материал по Маньчжурии и Монголии (при его посредстве были добыты секретные 12-ти верстные карты восточной Монголии, составленные китайцами по новейшим с'емкам, а также карты уездов Чжеримского сейма в масштабе 2 версты в дюйме и описания названных уездов). Этот агент имел трех помощников, служивших в Монгольском бюро, двое из коих были топографами, а третий - драгоманом для сношений с монгольскими князьями. Сам агент получал по 100 руб., а его помощники каждый по 30 руб. в месяц. Кроме того, имелось еще пять агентов в разных пунктах и в китайских учреждениях.

Все эти агенты, за исключением шести, были монголы по национальности, но "по внешности несколько не отличавшиеся от

китайцев, языком которых они владеют в совершенстве", - повествует Энкель. Остальные были китайцами.

На содержание всей этой сети и переводчиков Попов и Ладыгин тратили в месяц около 850 руб. Остальные деньги расходовались на командировки агентов, на покупку случайных сведений и пр.

Ладыгин сообщал весь добытый материал только Главному управлению Ген. штаба и лишь в исключительных случаях штабу Заамурского округа пограничной связи.

III. Консулом в *Гирине* состоял Ген. штаба подполковник Соковкин, который вел разведку на всем пространстве гиринской провинции, за исключением лишь полосы отчуждения железной дороги.

На сбор и обработку сведений консул получал от Главного управления Генерального штаба по 3.000 руб. в год и такую же сумму от министерства иностранных дел. На эти средства он содержал двенадцать агентов разных наименований, тратя на них около 320 руб. в месяц.

IV. Заведывающий разведкой в Корее - Н. Н. Бирюков вел разведку по всей Корее и в Нангане, на что ему отпускалось по 5.000 руб. в год.

Он имел агентов: в северо-восточной Корее, в Циндао и в Пенъянском районе.

Все эти агенты ни постоянного местожительства, ни определенных занятий, ни каких бы то ни было прочных связей и интересов в порученных их освещению районах не имели и на постоянном жалованье не стояли. Получали они в среднем по 40-50 руб. в месяц.

В *Сеуле* агентом Бирюкова состоял бывший секретарь китайской миссии в Петербурге, поддерживавший сношения со старым китайским императором. Определенных занятий он не имел, сведения давал случайные и оплачивался сдельно, в среднем до 50 руб. в месяц.

Несколько агентов для поручений, также оплачиваемых сдельно, находились в Генгане.

Переводчик из бывших учеников Бирюкова, который

являлся также и вербовщиком агентов, получал в месяц 75 руб.

Кроме того, Бирюков пользовался бесплатно сведениями, доставлявшимися ему переводчиком консульства в Фузане и некоторыми корреспондентами в Японии.

Все агенты Бирюкова были по национальности корейцами, из них многие являлись его бывшими учениками.

Из дальневосточной печати Бирюков черпал лишь сведения военного характера.

Все собранные сведения Бирюков сообщал в Главное управление Генерального штаба, а также частично генеральному консулу в Сеуле и по запросам - штабу Приамурского военного округа.

"Считая рискованным доверять свои донесения почте, - писал Энкель, - или пересылать их через своих агентов-корейцев, Бирюков лично возил их периодически во Владивосток или Нагасаки".

У Энкеля создалось впечатление полной неупорядоченности и бессистемности руководимого Бирюковым агентурного дела, которое, по-видимому, всецело держалось на его переводчике и добросовестном отношении к своим обязанностям агентов последнего. Энкель заявил, что он "считает с одной стороны невозможным доверить намечаемую организацию разведки в северо-восточной Корее и Нангане Бирюкову, по-видимому, лишенному организаторского таланта и крайне болезненному, а с другой - полагая нежелательным совершенно отказаться от услуг названного лица, весьма популярного и любимого в Корее, я полагал бы настоятельно необходимым принять решительные меры к насаждению в возможно непродолжительном времени офицера Генерального штаба в Нангане или Чончжине, с возложением на него обязанностей по организации и ведению разведки в северо-восточной Корее и Нангане; Бирюкову же поручить те же функции по отношению к северо-западной Корее, с подчинением его в разведывательно-организационном отношении Мукденскому помощнику военного агента в Китае".

Вот и все те разведывательные органы, которые военное ведомство имело на Дальнем Востоке и которые подверглись

обследованию подполк. Энкеля.

В своем докладе Энкель остановился также на отдельных фактах и возможностях ведения разведки на Дальнем Востоке.

Он указывал, что на личное его обращение к заведывающему отделом по сношению с китайскими властями управления Китайско-Восточной жел. Дороги - Даниэль, имевшему в своем распоряжении небольшую негласную агентуру, последний "чрезвычайно любезно ответил полною готовностью предоставлять Главному управлению Генерального штаба впредь все, могущее его интересовать, в военно-политической области".

Суммируя свои впечатления, Энкель отметил неупорядоченность изучения дальневосточной печати. Он писал, что все русские разведывательные органы выписывают иностранные газеты - почти всюду одни и те же, "большая часть которых, однако, даже не разворачивается, а если и читается, то лишь урывками".

Энкель указывал, что при посещении им цидикарского консула, последний предложил ему несколько экземпляров последней китайской карты Хэйлунцзянской провинции, продававшейся по 20 коп. за экземпляр в неограниченном количестве. Между тем штабами Заамурского округа пограничной стражи и Приамурского военного округа та же карта была приобретена агентурным путем в одном экземпляре за сравнительно высокую плату и считалась секретной. Получив эту карту, штаб Заамурского округа немедленно приступил к ее переводу и переизданию. Почти одновременно и штаб Приамурского военного округа, не зная о затее Заамурского округа, задался той же целью - перевел и напечатал эту карту на русском языке. Не говоря уже о непроизводительно потерянном времени, труде и деньгах, в результате получились две карты, сильно разнящиеся друг от друга в отношении русской транскрипции китайских названий одних и тех же местностей...

Несогласованность работы отдельных органов разведки проявилась также в том, что, несмотря на наличие в Мукдене военного агента, штаб Заамурского округа тоже вел там агентурную разведку, правда, довольно примитивную, через посредство

начальника консульского конвоя - вахмистра, которому отпускались на эту цель некоторые незначительные суммы денег.

Как видим, обследование постановки дела агентурной разведки на Дальнем Востоке дало весьма печальную картину. Энкель представил свой доклад по начальству, последнее читало и пожимало плечами, но что сделать, что предпринять, чтобы поправить положение, видимо, не знало. Энкель тоже не сделал из обнаруженного никаких конкретных выводов, не внес никаких практических предложений. Поговорили, почитали и ... забыли о том, что творится в деле разведки на Дальнем Востоке...

Глава седьмая

Агентура штабов военных округов Европейской России, ближнего и среднего Востока

Агентурная разведка Виленского округа. - Тайные агенты при консульствах. - Покупка документов. - "Сборники сведений о Германии". - Агентурная деятельность Варшавского военного округа. - 120 секретных германских и австрийских документов. - "Военное дело за границей". - Агентура Киевского военного округа. - Доступ к австрийской дипломатической почте. - Агентура Одесского военного округа. - Слухи о румынской мобилизации. - Агентура на Балканском полуострове. - Тяготение к официальным военным агентам. - Агентурная деятельность Кавказского военного округа. - Самостоятельность этого округа. - "Высочайшее соизволение". - Столкновения с Ген. штабом. - Район разведки. - Ложные сведения о готовившемся турецком нападении. - Новое "наступление" Ген. штаба и победа штаба Кавказского военного округа. - Агентура Туркестанского военного округа. - Жалобы на закрытие доступа в Афганистан. - Отсутствие агентов. - Источники информации. - Совет министра иностранных дел. - Расходы на разведку. - Критика Ген. штаба.

Начнем с *Виленского военного округа*. О результатах его разведывательной деятельности подробных данных не имеется. Известно, однако, что отведенный ему район (Германия) освещался сравнительно удовлетворительно. Он имел своих секретных агентов при пограничных консульствах, использовал

разных лиц, переезжавших по тем или иным надобностям в Германию, русских пограничных властей, а также пользовался разными случайными предложениями по покупке германских документов.

В целях популяризации среди войск округа сведений о германской армии, ген.-квартирмейстер штаба округа начал с ноября 1909 г. издавать неперiodические "Сборники сведений о Германии". "Сборники" эти содержали в себе сведения германской прессы и официальных изданий.

Более интересными представляются результаты разведывательной деятельности штаба *Варшавского* военного округа. В нашем распоряжении имеется "список германских и австрийских документов, полученных агентурным путем с 1907 г. по 1910 г. включительно" Варшавским округом. Этот список содержит в себе названия 120 документов, среди коих имеются документы по развертыванию полевых, запасных и ландверных войск на 1910/1911 г., мобилизационные планы некоторых германских корпусов, планы некоторых крепостей, схемы инженерной обороны и пр. Правда, вопрос о том, сколько из этих документов было настоящих подлинных и сколько - дезинформационных.

Штаб Варшавского военного округа издавал военно-научный иллюстрированный журнал "Военное дело за границей". В нем помещались сведения иностранной прессы и прочих несекретных изданий. Этот журнальчик продавался всем желающим и, конечно, никакого секрета из себя не представлял. Секретные же агентурные сведения помещались в совершенно секретных разведывательных сводках, рассылавшихся весьма ограниченному числу лиц.

Разведывательная деятельность штаба *Киевского* военного округа считалась слабой и не отвечавшей стоявшим перед ней задачам. Сколько Ген. штаб не нажимал на этот округ, все же заставить его работать по разведке с большим успехом не удавалось.

По словам ген. Иванова¹, штаб Киевского округа имел

¹См. "Падение царского режима". По материалам Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства Том. VI, показания ген. Иванова.

доступ к австрийской дипломатической почте, шедшей из Петербурга в Вену. Но эта почта давала лишь контр-разведывательные материалы.

О разведывательной деятельности штаба *Одесского* военного округа и говорить не приходится: она была ниже всякой критики. Еще в 1905 году штаб этого округа писал в Главный штаб, что русско-японская война "отразилась чрезвычайным сокращением личного состава офицеров Генерального штаба в Одесском округе", ввиду чего не представлялось возможным командировать кого-либо из них для продолжения дела разведки в Австрии и Румынии". Лишь в 1905 году когда пограничная стража распространила слух, что Румыния начала мобилизацию, туда для проверки был командирован подполковник Ген. штаба Черемисинов. На него же, кроме того, была возложена проверка степени готовности некоторых железнодорожных линий и проверка слухов о новых укреплениях в Галаце.

Наконец, в конце 1907 года штаб *Одесского* военного округа сообщил в Ген. штаб, что на Балканском полуострове он имеет несколько тайных агентов. Летом во время навигации он поддерживал с ними связь через посредство русско-дунайского пароходства, но зимой, когда навигация по Дунаю прекращалась, прекращалась и связь с агентами. Для того, чтобы избежать впредь таких казусов, штаб округа просил разрешения пользоваться для пересылки корреспонденции тайных агентов в штаб округа и обратно посредничеством официальных военных агентов в Румынии и Болгарии. Необходимо отметить, что вообще штаб этого округа все время имел сильное тяготение к использованию официальных военных агентов, то для посредничества, то для вербовки и пр. Вначале Ген. штаб соглашался на такого рода комбинации, но потом, когда убедился, что штаб *Одесского* военного округа базирование на официальных военных агентов превратил в систему своей работы, - отказал ему в этом праве.

Несколько больший интерес представляет разведывательная деятельность *Кавказского* военного округа, во-первых - потому, что этот округ работал совершенно самостоятельно, ни перед кем не отчитываясь, а во-вторых - потому, что начиная с 1885 го-

да получал с "высочайшего соизволения" ежегодно по 56.890 рублей на ведение разведки. Понятно, что благодаря такому исключительному положению, этот округ никого и близко не подпускал к контролю постановки и результатов разведки. Генеральный штаб почти каждый год восставал против этого, ничем необ'яснимого, привилегированного положения Кавказского военного округа, но не могло добиться никаких положительных результатов.

Штаб Кавказского военного округа вел разведку на всю Азиатскую Турцию и на прилегавшие к ней и к Кавказу области Персии. Генеральный штаб признавал эту задачу непосильной для штаба округа. Он находил, что такой порядок противоречит "установившемуся взгляду, согласно которому задачи штабов округов по разведке должны быть строго согласованы с оперативными задачами и не простираются за пределы детального изучения свойств будущего противника, а равно условий стратегических, тактических и статистических - приграничной полосы, вплоть до рубежей, за которыми развитие военных действий войсками округа в начальный период войны представляется маловероятным". Исходя из этих соображений, Ген. штаб предлагал ограничить район разведки Кавказского военного округа "войсками IV турецкого корпуса, пограничной территорией Турции, примерно до меридиана Сиваса на западе и параллели Битлиса на юге и пограничной полосой Персии, примерно до параллели Урмии, так как последняя, в случае войны с Турцией, легко может стать театром военных действий".

Вся же остальная территория Турции и Персии, по мысли Генерального штаба, должна была остаться за ним.

Настаивая на таком ограничении района разведки штаба Кавказского военного округа, Ген. штаб исходил из тех соображений, что если удастся провести ограничение района разведки, то удастся обрезать отпускавшиеся округу суммы.

Когда все же прибрать штаб Кавказского военного округа к рукам не удалось, Ген. штаб задался целью раскритиковать его разведывательную деятельность. К этому подвернулся хороший случай. Зимой 1907-1908 гг. агентура штаба Кавказского военного округа забила тревогу о том, что по всем данным Турция готовит

внезапное нападение на Россию. Штаб Кавказского военного округа еще больше раздул эти ложные сведения своих агентов и сообщил их в Петербург в такой форме, что "война уже на носу". В Петербурге поднялась тревога, заработал, готовясь к войне, весь тяжелый бюрократический аппарат.

Когда тучи рассеялись и ложность данный агентуры штаба Кавказского военного округа стала очевидной, ибо все остальные агентурные источники и вся политическая международная обстановка говорили совершенно об обратном, Ген. штаб решил действовать. В коллективном докладе частей I и III оберквартирмейстеров на имя начальника Ген. штаба от 25 сентября 1908 года, между прочим, говорилось следующее:

"... Обсудив совместно причины, с одной стороны, влекущие за собой дорого стоящие для государства недоразумения, а с другой - вынуждающие нас, за отсутствием реальных данных, во многом основываться на гадательных предположениях, ближайшим образом заинтересованные в скорейшей постановке разведки в Азиатской Турции на должную высоту, части I и III обер-квартирмейстерств ныне полагают, что вполне удовлетворительные результаты в этом отношении могут быть достигнуты с весьма незначительными дополнительными затратами, но при неперменном условии:

1. Безотлагательной реорганизации всего разведывательно-го дела в Азиатской Турции.

2. Постановки его на начала разумной экономии и под фактический контроль Генерального штаба и т. д.

Штабом Кавказского военного округа в то время был разработан план разведки на военное время. Части I и III оберквартирмейстерств нашли этот план "неразумным" и Ген. штаб 23 октября 1908 г. разослал своим подчиненным органам подробно разработанный проект организации разведки на Ближнем Востоке. В этом проекте он, между прочим, писал, что "к сожалению, действительные результаты двадцатилетней разведывательной деятельности штаба Кавказского военного округа, а равно современное состояние его разведки далеко не соответствуют... идеалу. Пограничная полоса, как о том свидетельствовал сам

штаб округа минувшей зимой, изучена недостаточно, а некоторые ее области - не обследованы вовсе; условия производства десантной операции на побережье Черного моря, вследствие незнакомства с последним, - не выяснены; о VI турецком корпусе представление у нас пока существует весьма туманное; сведения о V корпусе - недостаточны; наконец, постановка разведки в непосредственно граничащем с нами районе IV корпуса едва ли может быть признана удовлетворительной, раз возможна столь дорогостоящие государству недоразумения, каковой оказалась преувеличенная тревога, возникшая минувшей зимой...".

Далее Ген. штаб в своем проекте приводит следующие цифровые данные об агентурной сети Кавказского военного округа: штаб округа должен иметь в Турции 13 тайных агентов, а Ген. штаб непосредственно - 10 тайных агентов, с отпуском денег - первому - 30.000 руб., а второму - 37.000 руб. в год.

Получив эту критику, штаб Кавказского военного округа встал, что называется на дыбы. Начальник штаба от имени главнокомандующего писал (18/XII 1908 г.):

"... Главнокомандующий не нашел возможным согласиться с мнением Ген. штаба о недостаточности результатов военной агентуры относительно пограничного с Кавказом передового турецкого театра и считает их вполне достаточными и в высшей степени ценными; равно достаточными признаны и результаты военной разведки в V и VI корпусных округах, сравнительно, конечно, с их отдельностью и затраченным на них средствами..."

Далее начальник штаба Кавказского военного округа по пунктам разобрал предложения Генерального штаба и пришел к заключению, что они не выдерживают никакой критики и совершенно неприемлемы.

Капитулировать Ген. штабу перед штабом округа не хотелось. 1-й обер-квартирмейстер составил ответ на имя начальника Ген. штаба, в котором указывал, что "...своим возражениям по поводу сообщенного ему проекта организации разведки, штаб Кавказского военного округа предпосылает обнимающее две страницы заявление полемического характера, в котором противопоставляет мнению Начальника Ген. штаба о

разведке округа - совершенно противоположное мнение о ней - наместника. Заявление это, как по содержанию, так и по форме, является крайне опасным посягательством штаба округа - из-за спины безответственного наместника - на авторитет ответственного за оборону государства Начальника Ген. штаба, а потому требует решительного отпора во избежание создания крайне опасного прецедента, могущего повлечь за собой крайне неблагоприятные для работы Ген. штаба последствия. Необходимо иметь в виду, что проект реорганизации разведки штаба Кавказского военного округа явился последствием наглядно обнаружившейся в минувшем году и дорого стоившей государству несостоятельности штаба округа, как организатора и руководителя разведки в Азиатской Турции, и, кроме того, полного отсутствия у него бережливости и сознания необходимости разумной экономии..."

Генерал-квартирмейстер, однако, с этим мнением не согласился и приказал оставить разведку штаба Кавказского военного округа на прежних основаниях. По всей вероятности, при решении этого вопроса играли решающую роль какие-то закулисные интриги.

Части обер-квартирмейстерств Ген. штаба на этом, однако, не успокоились и в 1910 году опять подняли вопрос о разведке штаба Кавказского военного округа. Часть III обер-квартирмейстерства в своей оценке разведывательной деятельности штаба Кавказского военного округа, между прочим, писала: "...штабом Кавказского военного округа представляются не копии донесений негласных агентов в Азиатской Турции, а лишь сводки этих донесений с обозначением корпусного округа, которого сведения касаются.

Наиболее обильные донесения поступают из района IV турецкого корпусного округа (до 120 донесений), но главная масса их касается разных мелочей, касающихся жизни войск IV корпуса... Все эти донесения, отличаясь иногда большими подробностями и всеми деталями, не дают однако широкого освещения войск корпуса.

В донесениях по различным вопросам нет последователь-

ности или определенной системы пополнения необходимых сведений, не видно общего плана разведки... Большинство донесений имеют характер как бы случайно полученных сведений, а не преследующих определенную цель по заранее намеченному плану пополнения пробелов нашей военной агентуры в Азиатской Турции.

То же самое можно сказать о районе V корпусного округа. Многочисленные донесения, касающиеся возможных сторон жизни войск V корпуса, отличаясь подробностями, не дают достаточно полной картины его боевой готовности. Большинство их также носит характер случайных сведений, не связанных общей идеей возможно полного и яркого освещения вопроса о том, что этот корпус может дать в случае войны Турции с Россией.

Наиболее скудными по своему содержанию надо признать донесения о войсках VI корпуса. Большая часть их касается политического положения в районе корпуса и мелких экспедиций против некоторых арабских и курдских племен. Важные же вопросы об общем состоянии войск VI корпуса и готовности их для движения в подкрепление турецкой армии, сосредотачивающейся, в случае войны с Россией, против Закавказья, - остаются мало освещенными".

В заключении автор доклада признавал разведывательную деятельность штаба Кавказского военного округа неудовлетворительной и предлагал принять следующие мероприятия:

"1. Предложить штабу Кавказского военного округа разработать для каждого агента определенную программу тех сведений, которые необходимо агенту стараться добыть. Программы эти должны иметь целью всестороннее и полное освещение боевой готовности турецких войск.

2. Указать на необходимость представления военными агентами, кроме постоянных донесений о текущих делах их районов наблюдения, подробных отчетов два раза в год о выполненной ими части программы и о всех данных, могущих пополнить характеристику турецких войск, каковую им уже предложено составить Ген. штабом.

3. Поставить агентам районов V и VI корпусов задачу обследования возможных путей следования этих корпусов к границам Закавказья, для чего периодически вызывать этих агентов на Кавказ с предписанием следовать туда и обратно сухим путем по тому или другому направлению. Таким путем, в течение 3-4 лет может быть пополнен важный пробел наших сведений об Азиатской Турции и расчеты сосредоточения турецкой армии будут базироваться на более прочном основании".

Понятно, что такого рода нереальный план могли предлагать лишь люди, которые не имели никакого понятия об агентурной разведке и о технике ее работы. Такого рода нелепые выступления официальных лиц Ген. штаба делали позицию самого Ген. штаба в этом споре крайне неустойчивой. Поэтому не удивительно, что из всей этой полемики, тянувшейся целое десятилетие, ничего не вышло: штаб Кавказского военного округа в своей разведывательной деятельности остался, как и был, вполне самостоятельным и неподконтрольным Ген. штабу. Дело разведки, конечно, от этого не выигрывало.

В указанную выше полемику был, втянут также и официальный военный агент в Константинополе. Каждый раз после провала проектов и планов Ген. штаба в отношении разведки штаба Кавказского военного округа, друзья из "Особого делопроизводства" извещали его об этом частными письмами и просили его поддержки. Военный агент, в то время полковник Хольмсен, всегда откликался на эти письма официальными докладами и "соображениями", правда, иногда довольно дельными и верными, - элементарными правилами и истинами о постановке дела разведки. Заслуживает быть отмеченным доклад его от 18 февраля 1910 года, весьма ярко показывающий, как, впрочем, и другие его доклады, что в Ген. штабе пренебрегали даже самыми элементарными правилами организации и ведения разведки.

Хольмсен начал с указания, что "...неудачное начало кампании 1877-78 гг. объясняется исключительно неточными сведениями о противнике. "Мы упустили из виду необходимость тщательной разведки в Турции. Последняя японская война 1904-1905 гг. от начала до конца обличает нас в полнейшем незнании

противника и театра войны, в то время как японцы прекрасно были осведомлены о всем происходящем у нас, благодаря налаженной уже в мирное время хорошей тайной разведке, на которую они денег не жалели".

Хольмсен, видимо, знал, что "исторические призраки" лучше всего действуют на психику русского Ген. штаба...

Далее Хольмсен поучает Ген. штаб о том, как должны быть организована разведка.

"... Существование нашей негласной агентуры за границей, - писал Хольмсен, - должно быть известно лишь крайне ограниченному числу лиц и агентура должна быть так организована, что арест или измена одного агента не влечет за собой обнаружение существования еще других агентов, или всей нашей организации разведки..."

"... Существующие специальные официальные органы для сбора военных сведений у соседа - военные агенты и консула из военных чинов - должны доставлять таковые сведения о соседе, действуя не только гласно, но и негласно. Наши военные агенты, таким образом, являются руководителями более или менее густой сети тайных агентов. Нельзя не принимать такое положение крайне опасным в отношении содержания организации в тайне. При желании соседнему государству более чем легко выследить всем известного военного агента и его деятельность. Не раз нашим военным агентам приходилось оставлять свои посты вследствие обнаружения их тайной деятельности.

"При ныне существующем у нас положении вещей и при скудости отпускаемых на разведку средств, надо считать нормальным положением то, что с объявлением войны у нас вовсе не окажется организованной разведки в соседней стране. Так оно до сих пор всегда и оказывалось. Таким образом, явствует, что военный агент в силу официального положения не должен являться в роли начальника тайной разведки в стране, где он аккредитован. Он может служить прекрасной контрольной инстанцией над деятельностью прочих органов нашей разведки.

"В дополнение к деятельности нашей заграничной военной агентуры у нас допускается еще и самостоятельная разведка

пограничных округов. До самого последнего времени эта разведка велась, главным образом, временно командированными офицерами и всегда с малыми денежными средствами, так что организации сети тайных агентов на неприятельской территории и думать нельзя было. Можно, поэтому, наперед сказать, что в случае войны нам придется импровизировать организации, т. е. вероятно, что армии в начале кампании будут иметь сведения о противнике только через свою кавалерию.

"Начальники разведывательных отделений штабов военных округов и военные агенты смотрят разное на эти вопросы, иначе нельзя себе объяснить явление, что между ними обыкновенно нет связи, и что они считают себя конкурентами, а не деятелями, служащими одному и тому же делу.

"Дальше оставаться при такой дешевой организации, или, вернее, без всякой организации, - никак нельзя. Это обойдется нам слишком дорого в случае войны и нужно реорганизовать все дело нашей разведки.

"Так как официальное наше представительство с военным агентом должно покинуть соседнюю страну в момент объявления войны, то государство должно иметь в соседней стране органы, которые могли бы оставаться в стране после объявления войны, т. е. тогда, когда сведения о противнике более всего ценны. Очевидно, что эти органы могут быть лишь строго тайные.

"На надежную доставку донесений агентов должно быть обращено самое серьезное внимание, и никоим образом не следует допускать, чтобы донесения предварительно собирались на неприятельской территории, так как захват такой корреспонденции обнаружил бы сразу всю организацию. Органы, разбирающие донесения, должны, по возможности, жить вне неприятельской территории, лучше всего на нейтральной почве. Как известно, Франция и Германия пользуются Бельгией и Швейцарией для таких целей; в этих же странах комплектуется большая часть агентов..."

Генерал-квартирмейстер Ген. штаба нашел нужным реагировать на эти азбучные истины резолюцией следующего содержания:

"Не могу не согласиться со справедливостью всех высказанных здесь мыслей, не являющихся, впрочем, новыми. Но одно - теоретическая схема, а другое - ее проведение в жизнь. Последнее и представляет наибольшую трудность"...

С разведкой штаба *Туркестанского* военного округа дело обстояло еще хуже. В отчете на имя царя командующий войсками округа за 1904 год писал:

"...Относительно разведок, этой важной отрасли деятельности окружного штаба, приходится отметить, что, к сожалению полное закрытие доступа в Афганистан, лишает нас возможности получать мало-мальски верные сведения об этой стране, представляющей при настоящем политическом положении особенный для нас интерес. Приходится довольствоваться для разведок исключительно туземцами, среди которых не имеется подготовленных для этого дела людей, но зато несомненно есть не малое число лиц, готовых служить одновременно и нам и противнику. Принимая во внимание всю трудность такого положения, когда нам при столкновении с Афганистаном придется во многих случаях, особенно на первых порах, действовать с закрытыми глазами, я считаю долгом просить ваше императорское величество, дабы были предприняты меры к устранению ненормального здесь пограничного положения, при котором доступ в Афганистан нам совершенно закрыт. Посему желательно добиться открытия для нас этой страны хотя бы в той мере, как-то предоставлено иностранцам-европейцам и даже самим англичанам в Туркестанском крае и в Бухаре. (Против этого сообщения Николай Романов написал: "К министру иностранных дел").

"Ненормальность этого отношения к нам Афганистана тем более неудобна и обидна, что в наши пределы афганцам открыт свободный доступ и они пользуются правом переходить нашу границу, даже имея при себе оружие для охраны торговых караванов от разбоя и грабежа. Эти торговые сношения и вообще свобода пребывания афганцев в наших пределах, давая, правда, и нам лазейку для разведок, широко эксплуатируются афганцами для производства разведки у нас. Большие услуги им в этом

отношении оказывают афганские евреи, при содействии русских евреев, побуждаемых к тому не столько денежным вознаграждением, сколько угрозами и насилиями, притеснениями и поборами, а также и приманкою предоставления льгот и привилегий в торговле, - метод для нас, конечно, неподходящий. Нашим немногим агентам приходится быть очень осторожными, даже и в наших пределах, ибо и здесь они не в безопасности от наблюдения афганских шпионов. Таким образом, невозможное, неестественное и нигде в свете несуществующее, можно сказать "азиатское" положение вопроса о границе нашей с Афганистаном, эксплуатируется афганцами с чисто азиатской же проницательностью и неразборчивостью в средствах...

"Все, практикуемые нами в настоящее время, способы добывания сведений в Афганистане сводятся к трем источникам: 1) печать, 2) рекогносцировки офицерами и 3) сведения, доставляемые шпионами.

1. Печать. По доступности этого источника использование его не встречает особых затруднений и не требует принятия трудно осуществляемых мер.

2. Производство рекогносцировок офицерами. Этим путем добыты самые ценные сведения. К сожалению, будучи применим в Китае, Персии и отчасти в Индии, по отношению к Афганистану он мало доступен и возможен лишь в приграничной полосе... Для улучшения его постановки необходимо открыть для нас границу Афганистана, т. е. добиться возможности легального пребывания в Афганистане русских поданных, в качестве консулов или политических агентов, или для иных, например, торговых дел...

3. Собираение сведений через шпионов. Сведения, добываемые этим путем, составляют преобладающую часть всего получающегося разведками. В тоже время эти сведения являются и наименее удовлетворительными по недостоверности, по неполноте и по несвоевременности.

"В безотчетное распоряжение вышеперечисленных начальников ассигнуются суммы на разведывание, которые они расходуют по своему усмотрению.

"Для непосредственного заведования производством разве-

док в настоящее время в распоряжении перечисленных начальников пограничных гарнизонов нет специального лица или органа. Они, следовательно, должны принять это на себя лично при содействии подведомственных им штабов. При таких условиях успешность производства разведки в указанных пунктах слишком подвержена случайностям..."

Генеральный штаб сообщил эту выписку министру иностранных дел. Последний ответил, что афганское правительство запрещает въезд в страну европейцев, за исключением англичан, к которым благоволит сам мир. Далее он указывал, что Россия не имеет непосредственных нормальных дипломатических сношений с Афганистаном в силу "ограничительных обязательств, принятых нами по этому предмету перед Англией". Во время англо-бурской войны Россия пыталась освободиться от этих обязательств, но из этого ничего не вышло.

В заключение министр иностранных дел Ламздорф писал, что "при таких условиях, оставаясь на почве международных отношений, министерство иностранных дел не видит другого способа действий, кроме систематического продолжения наших стараний пользоваться удобным случаем, чтобы повторять попытки непосредственного сношения по пограничным делам с афганскими властями, оставаясь строго в пределах наших обязательств перед Англией, и всемерно развивать экономические связи с Афганистаном при содействии туземцев. Если командующему войсками Туркестанского военного округа известны какие-либо новые способы для достижения этой цели, то я был бы крайне признателен за сообщение таковых и не преминул бы высказаться по их содержанию с точки зрения международного положения России".

Понятно, что военному ведомству никаких "новых способов" известно не было.

В отчете за 1906 год, командующий войсками Туркестанского военного округа сообщал, какими средствами он располагает для ведения разведки и через посредство кого он ее ведет:

Штаб округа.....4.500 руб. в год.

Начальник Закаспийской области и

командир 2-го Туркестанского корпуса.....	5.000	"
Комендант крепости Кушка.....	1.800	"
Начальник 5-ой Туркестанской стрелковой бригады (Керки).....	2.000	"
Начальник 4-ой Туркестанской стрелковой бригады (Термез).....	2.000	"
Начальник Памирского отряда.....	3.500	"
Офицер ген. штаба при консульстве в Кашгаре.....	1.790	"
Итого в год.....	20.590	руб. в год.

Что же штаб округа получал за эту сумму?

Штаб округа свои 4.500 руб. расходовал главным образом на выписку иностранных газет, журналов, книг и карт, на печатание результатов рекогносцировок, военно-статистических описаний и других подобных трудов и на "подарки полезным для нас туземцам приграничных стран".

Результаты работы своих вышеуказанных контрагентов сам штаб округа признает "далеко ниже стоящими, чем то было желательно, в особенности по отношению к Афганистану и Индии".

Получив такой пессимистический доклад, генерал-квартирмейстер Ген. штаба решил командировать в штаб Туркестанского военного округа специального офицера для информирования, как "дело разведки поставлено в других военных округах". С этим офицером была послана Начальнику штаба Туркестанского военного округа бумажка, в которой, между прочим, говорилось:

"...Из представленных мне штабами округов отчетов об организации разведки усматривается, что наблюдение за соседними странами и изучение их с военной точки зрения в большей части пограничных округов поставлено далеко неудовлетворительно, значительно ниже того, что можно было бы ожидать в зависимости от средства, отпускаемых для этой цели казной. Замечается, главным образом, отсутствие руководства в деле ведения разведки по данному фронту, отсутствие постоянства и непрерывности разведки, системы в собирании сведений и их надлежащей обработки; замечается недостаток надлежащим образом подготовлен-

ного кадра разведчиков; наконец, в некоторых округах допущено употребление денег, отпускаемых на разведку, на расходы, не имеющие никакого отношения к делу разведки, например, на выдачу пособий, постройку памятников и прочее...".

Это все, что ген.-квартирмейстер Ген. штаба нашел нужным и возможным сказать о постановке разведки. Как именно поставить это дело, какие меры предпринять - об этом ни слова. Понятно, что при таком положении нечего и говорить, что дело разведки штаба Туркестанского военного округа оставалось до последних дней его существования в таком же не налаженном, хаотичном состоянии.

Такова общая картина постановки и ведения разведки царским Генеральным штабом до войны 1914-1918 гг.

Когда в 1912 году русский Ген. штаб составлял "разбор французской записки 1911 года", он вынужден был сам сознаться, что "...ни у французов, ни у нас нет точных сведений о числе (германских) резервных дивизий..." Единственное утешение русского Ген. штаба состояло в том, что и французские данные, касавшиеся вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии, их состава и мобилизационной готовности, не были, подкреплены ссылками на какие-либо достоверные документы и, по-видимому, основаны только на более или менее вероятных предположениях".

Глава восьмая

Подготовка агентуры к войне

А. *На Западе*: План "или, или..." - Главная база - официальные военные агенты. - Несколько вариантов схемы связи с официальными военными агентами. - Несоответствие ни одного из них действительности. - Отсутствие мобплана агентурной сети.

Б. *На Дальнем Востоке*: План организации агентурной разведки. - Штаты и тарифы агентурной сети мирного и военного времен. - "С предметом доклада я был совершенно незнаком..." - Беспечность Ген. штаба. - Австрийский план войны в русском Ген. штабе. - Его несоответствие действительности в 1914 г.

А) На Западе

Несмотря на слабую организацию и результаты работы агентурной разведки, русский Ген. штаб все же решил не допускать повторения упущений русско-японской войны и принялся за разработку плана организации агентуры и связи с ней на военное время. Но в этой попытке он натолкнулся на почти непреодолимые препятствия. Здесь сказались отсутствие тех необходимых достоверных данных о комбинации сил союзников и противников в будущей войне, какие были необходимы для создания хотя бы приблизительного теоретического плана развертывания агентурной сети на военное время. Генеральный штаб нашел выход в том, что составил этот план гадательно на или, или...

План этот, о котором мы говорим, относится к концу 1912 года, и называется "Организация связи военных агентов с Главным управлением Генерального штаба на случай европейской войны с участием России".

Авторы этого плана писали, что "первостепенная важность для нас быть во время европейской войны с участием России возможно полнее осведомленными о действиях не только наших противников, но и союзников, выдвигает на очередь вопрос о заблаговременном принятии необходимых мер к обеспечению связи наших военных агентов с Главным управлением Ген. штаба".

Из этого заявления можно понять, что во время такой войны Ген. штаб предполагал вести разведку, главным образом, посредством официальных военных агентов.

Но уже далее начинаются гадания Ген. штаба:

"Условия, в которых должна осуществляться означенная связь, будут определяться, во-первых, участием или неучастием того или другого государства в войне, а во-вторых, - политической группировкой воюющих держав. Ввиду сего представляется необходимым предусмотреть способы организации связи в каждой из тех обстановок, вероятность или лишь возможность возникновения которых в случае войны в Европе допускается современными политическими группировками и интересами европейских госу-

дарств".

Рассмотрение этих данных заставило русский Ген. штаб остановиться на нижеследующих разновидностях возможной группировки европейских государств в случае возникновения войны с участием России.

Первый случай: а) Державы тройственного согласия и примыкающие к ним: Россия, Франция, Англия, Болгария, Сербия, Черногория и Греция;

б) державы тройственного союза и примыкающие к этому союзу: Германия, Австро-Венгрия, Италия, Румыния, Швеция и Турция;

в) нейтральные: Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Греция, Испания, Португалия и Швейцария.

Второй случай: Группировка государств подобна предыдущей, но Италия нейтральна или примыкает к державам тройственного согласия.

Третий случай: Группировка та же, что в первом случае, но Швеция нейтральна.

Четвертый случай: Группировка та же, что в первом случае, но Италия и Швеция нейтральны.

В зависимости от положения, занятого тем или другим государством по отношению к прочим участникам войны, военные агенты, находившиеся в этих государствах должны были или остаться на своих местах или переместиться туда, куда это оказалось бы по обстоятельствам возможным и наиболее выгодным. Сопоставляя эти условия с принятыми выше возможными группировками государств, Ген. штаб наметил места пребывания русских военных агентов на время европейской войны с участием России следующим образом:

1. Военный агент в Германии - должен был переместиться в Данию, а в случае невозможности - в Норвегию.

2. Военный агент в Австро-Венгрии - должен был переместиться в Сербию.

3. Военный агент в Италии - в случае враждебного отношения Италии - должен был переместиться в южную Францию или Швейцарию.

4. Военный агент в Румынии - должен был переместиться в Болгарию.

5. Военный агент в Швеции - в случае враждебного отношения Швеции - должен был переместиться в Норвегию.

6. Военный агент в Турции - в случае враждебного отношения Турции - должен был переместиться в Болгарию.

7. Военный агент в Бельгии и Голландии - в случае невозможности оставаться на месте - должен был переехать во Францию.

8. Военный агент в Швейцарии - в случае невозможности остаться на месте - перемещался во Францию.

9. Военные агенты во Франции, Англии, Болгарии, Сербии, Черногории и Греции - должны были оставаться на своих местах.

Таким образом, военные агенты в случае европейской войны должны были, по мысли Ген. штаба, составить как бы три группы в различных частях Европы, а именно:

1. Северную (военные агенты в Германии и Швеции).

2. Западную (военные агенты во Франции, Англии, Швейцарии, Бельгии и Италии).

3. Юго-Восточную (военные агенты в Австро-Венгрии, Румынии, Болгарии, Сербии, Черногории, Греции и Турции).

Весьма интересно проследить, как предполагал Ген. штаб поддерживать связь с этими, перемещенными при разных комбинациях, военными агентами.

При первой политической комбинации, указанной выше, Ген. штаб находил, что по воздушной (надземной) телеграфной линии поддерживать связь с военными агентами первой группы будет невозможно, так как за исключением Норвегии все прямые телеграфные линии должны быть "отрезаны враждебными силами".

"Вследствие этого, - пишет Ген. штаб, - окажется необходимым, отказавшись от сухопутных телеграфных линий, воспользоваться морскими телеграфными кабелями. При этом, однако, необходимо заметить, что рассчитывать для сношений военных агентов западноевропейских государств с Россией на кабели, пролегающие в южной и средней части Немецкого моря, в Балтий-

ском море и проливах между этими морями, было бы неосторожно, вследствие возможного господства здесь германского флота, могущего испортить эти кабели. Равным образом, для сношений Балканских государств с Россией нельзя будет воспользоваться морским кабелем, пролегающим через Дарданеллы и Босфор. Таким образом, приходится искать или более кружных, но зато более обеспеченных от покушений со стороны противника, кабелей, или вообще иных способов передачи по телеграфу (комбинированных, т. е. частью по воздушному, сухопутному телеграфу или по морскому кабелю, частью на судах)".

Генеральный штаб намечал следующие линии связи с разными группами военных агентов.

А. Телеграфная связь с Россией военных агентов северной группы (местопребывание в Норвегии или Дании). Ввиду невозможности пользоваться для связи из Норвегии (Дании) линиями, проходившими через Швецию, а равным образом пользоваться кабелем, пролежавшим через Балтийское море до Либавы, оставалось единственное круглое направление - Христиания (Копенгаген) и вдоль скандинавского берега Атлантического и Ледовитого океанов до г. Александровска в России и далее на Петербург. Линия эта могла считаться вполне обеспеченной, кроме кабеля в Скагерраке.

Б. Телеграфная связь с Россией военных агентов западной группы, по мысли Ген. штаба, должна была базироваться на Лондон, как на центр многочисленных телеграфных линий (морских кабелей).

Из этих линий предполагалось возможным использовать следующие:

1. Скандинавская линия: кабель Питерхэд (английский и датский кабели) в Англии, Экерзунд - в Норвегии и далее сухопутная линия по скандинавскому берегу Атлантического и Ледовитого океанов до Александровска и далее на Петербург. Порчу германским флотом кабеля на участке Питерхэд - Экерзунд, Ген. штаб считал возможной, но маловероятной из предположений, что "британский флот сохранит за собой господство в северной части немецкого моря".

2. Индоевропейская линия (английские кабели): Порткерно - Гибралтар - Мальта - Александрия - Суэц - Аден - Бомбей; отсюда воздушная линия сухопутного телеграфа на Карачи - Рабат - Керман - Испагань - Тегеран - Тавриз - Джульфа - Тифлис; или же от Карачи - кабель: Карачи - Джаск - Бендер - Аббат - Бушир, а оттуда по воздушной линии сухопутного телеграфа на Шираз - Тегеран - Тавриз - Джульфа - Тифлис.

Индоевропейская линия вообще считалась Генеральным штабом обеспеченной, исключая лишь некоторую опасность в Средиземном, море, где можно было ожидать покушений на нее со стороны австрийского, итальянского и турецкого флотов.

3. Трансатлантическая линия: кабели: Валенча (американские и английские кабели) - (Ирландия) или Брест (французские кабели) - Вашингтон и воздушная сухопутная линия оттуда до Сан-Франциско; далее кабель на Гонолулу - Маниллу - Шанхай и датский кабель Шанхай - Владивосток или воздушная линия сухопутного телеграфа - Пекин - Урга - Кяхта - Верхисудинск - Иркутск.

Генеральный штаб считал эту линию "чрезвычайно кружной" и не вполне обеспеченной в пределах Китая и в Корейском проливе, но находил, что "все же пользование ею вполне возможно".

4. Южно-Африканская линия: Английский кабель Порткерно - остров Мадейра - о. св. Елены - Кентоун, далее сухопутная линия на Дурбан и кабель на Занзибар - Аден - Бомбей; оттуда - как указано выше - через Персию в Тифлис.

Эта линия значительно короче трансатлантической, но Ген. штаб считал менее надежным участок в пределах Персии, хотя все же допускал возможность использования этой линии в случае порчи кабелей в Средиземном море.

Вторым вариантом той же линии от Дурбана предполагалось использовать английский кабель через Батавию (Зондские острова) в Сингапур и далее кабель, и сухопутную линию на Мадрас - Бомбей - Персия - Тифлис, или же английский кабель на Шанхай и сухопутную линию на Пекин - Верхнеудинск.

Из всех перечисленных направлений первое, т. е. сканди-

навское, являлось кратчайшим и, по мнению русского Ген. штаба, - наиболее надежным. Но, как известно, действительность зло насмеялась над русским Ген. штабом именно на этой "надежной линии" (см. подробнее мою книгу о германской разведке).

Сделав, таким образом, своеобразную экскурсию по всем воздушным и подводным телеграфным линиям всего земного шара, Ген. штаб все же этим не ограничился и предусмотрел в своем плане "зафрахтование нескольких пароходов в распоряжение военного агента в Англии для установления рейсов с целью перевозки телеграмм от Питерхэда к Экерзунду, или же установления таких рейсов распоряжением нашего морского генерального штаба".

Кроме того, в этом плане предусматривалось, чтобы военные агенты западной группы посылали бы все свои донесения по двум, а наиболее важные - даже по трем направлениям одновременно.

Центром сосредоточения всех донесений военных агентов западной группы намечался Лондон, откуда военный агент в Англии должен был, в зависимости от обстоятельств, направлять их и Россию по той или иной линии связи. Но боязнь перегрузить военного агента в Лондоне работой заставила Ген. штаб сделать следующую оговорку: "...военный агент во Франции и пребывающие на территории этой страны военные агенты из Италии и Швейцарии могут (в предположении, что французский флот будет господствовать в Средиземном море) направлять все свои донесения, с одной стороны, на Марсель - Бон (в Алжире) и Мальту и далее по индо-европейской линии на Бомбей, а с другой - на Лиссабон и далее на южно-африканской линии на Сингапур - Шанхай и лишь важнейшие донесения, кроме того, еще и в Лондон".

Военному агенту во Франции, кроме того, разрешалось пользоваться радиотелеграфом Париж - Бобруйск и Бизерта - Севастополь.

В. Телеграфная связь с Россией военных агентов юго-восточной группы:

а) Болгария была связана с Россией морским кабелем от

Варны до Севастополя и линией радиотелеграфа Варна - Одесса, по которым военный агент и должен был направлять свои донесения. В целях предосторожности, на случай порчи этих линий, предполагалось с началом военных действий постоянно иметь в Варне, в полной готовности, одно или несколько военных посыльных судов.

б) Сербия была непосредственно связана с Болгарией сухопутным телеграфом. В виду этого предполагалось, что телеграммы будут передаваться из Белграда или Ниша в Софию и далее на Варну, а оттуда, как указано выше, - на Севастополь или Одессу.

в) На регулярную связь с Черногорией Ген. штаб не надеялся, ибо она была "со всех сторон окружена территорией неприязненных ей государств".

г) Греция была связана морскими кабелями: а) с Италией; б) с островом Мальта от Пирея через Патрос и о. Цанте и в) с о. Критом (последний в свою очередь был связан кабелем с Александрией) от Пирея же. Из этих линий в рассматриваемом случае военный агент мог бы воспользоваться лишь двумя последними. Генеральный штаб, однако, допускал, что "оба этих кабеля могут быть испорчены австрийским, итальянским и турецким флотами" и в этом случае "Греция окажется совершенно отрезанной от России и связь ее с последней станет совершенно случайной".

По мысли Ген. штаба для обеспечения телеграфной связи военных агентов с Россией, при наличии в военное время любой из указанных выше политических комбинаций, необходимо было озаботиться заблаговременной организацией передаточных инстанций в 16 пунктах (не считая тех, где имелись военные агенты). В 8-ми из числа этих пунктов имелись штатные русские консулы, об использовании которых в качестве передатчиков Ген. штаб запросил разрешения министерства иностранных дел; для остающихся восьми пунктов Ген. штаб сам взялся подыскать соответствующих лиц.

Параллельно с телеграфной связью Ген. штаб также наметил поддержание связи с военными агентами при помощи парохо-

дов. Для этой цели предполагалось зафрахтовать в Англии несколько морских пароходов, на которых раз'езжали бы специальные курьеры.

В заключение авторы плана говорили следующее:

"Донесения военных агентов в военное время, естественно, должны будут передаваться по телеграфу в зашифрованном виде. Опыт мирного времени показывает, насколько часто телеграммы, передаваемые шифром, доставляются адресату в искаженном, не поддающемся расшифрованию виде. В виду сего, в военное время необходимо:

1. При отправлении шифрованных телеграмм выбирать направления с наименьшим числом передаточных станций.
2. Телеграммы, посылаемые по длинным, кружным направлениям, передавать по преимуществу по условному коду.
3. Обязать отправителей шифрованных телеграмм посылать таковые с обратной проверкой по различным направлениям".

Одновременно с приведенным планом "организации связи" Ген. штабом был разработан также "условный телеграфный код на французском языке". В проекте имелась разработка такого же кода на немецком языке.

Все это в конце 1912 года было разослано всем военным агентам "для руководства".

Мы привели этот длинный план "организации связи" почти полностью с целью документально показать, как русский Ген. штаб подготавливал агентурную разведку к военному времени, чтобы показать, что русский Генеральный штаб и в 1912 году не знал еще возможных противников и союзников России. Весь план был построен на предположениях и знаменитых "или", "или", бывших, как показала война 1914-1918 гг., совершенно неверными. Поэтому неудивительно, что весь этот план, как мы увидим из дальнейшего, во время войны оказался для проведения в жизнь совершенно непригодным и о его существовании забыли даже его авторы.

Таким образом, мы имели возможность ознакомиться с планом "организации связи между военными агентами и Ген. штабом", а также с фактом существования "условного телеграфного

кода на французском языке". Но в архивах Ген. штаба мы не обнаружили ни плана мобилизации агентурной сети мирного времени на случай войны, ни указаний военным агентам, как и какими путями им собирать сведения для передачи по вышеуказанной "связи по условному телеграфному коду". Этот факт, а также то обстоятельство, что в начале войны 1914-1918 гг. Ген. штаб фактически никакой заблаговременно созданной агентурной сети среди противников России не имел, - заставляют нас предполагать, что об этом основном вопросе разведки Ген. штаб, видимо, позабыл.

Б) На Дальнем Востоке.

Единственно, что мы обнаружили в архиве Ген. штаба, - это план организации агентурной сети военного времени на Дальнем Востоке. Начальник 5-го делопроизводства Ген. штаба 10 октября 1909 года представил по команде доклад-план, в котором писал, что после минувшей войны, наглядно показавшей, сколь необходима правильно и широко организованная в мирное время разведка о вероятных противниках, на эту отрасль подготовки к войне не было обращено должного внимания Главного штаба. Рядом мероприятий, а именно: привлечением штабов дальневосточных военных округов и военных агентов к планомерной разведке, постановкой во главе консульств в Цицикаре и Гирине офицеров Генерального штаба, переводом одного из помощников военного агента в Китае на постоянное пребывание в Мукден и насаждением на Дальнем Востоке хотя и редкой, но по своим качествам весьма удовлетворительной, сети негласных агентов, было якобы, достигнуто то, что, несмотря на относительную незначительность расходовавшихся средств, Главное управление Генерального штаба могло считать себя своевременным и весьма широко и обстоятельно осведомленным о всех, достойных внимания, событиях дальневосточной жизни.

Однако, генерал-квартирмейстер считал, что этим задача Генерального штаба в отношении организации разведки на Дальнем Востоке отнюдь далеко еще не была решена.

По его мнению, основная задача военной разведки заключается в обеспечении государству непрерывной и возможно

более полной осведомленности о вероятном противнике, как залог победы над последним в решающие моменты вооруженной борьбы. "Принимая во внимание, что в подготовительные к последним периоды военных действий государство лишено возможности пользоваться для ведения разведки своими правительственными агентами на местах, и что войсковая, не только стратегическая, но и тактическая разведка при современных условиях ведения войны в указанные периоды отнюдь не способна дать исчерпывающих результатов, приходится из вышеприведенного определения задачи военной разведки заключить, что она окажется достижимой лишь при условии наличия у государства в день объявления войны обширной, надлежаще укомплектованной и сообразованной в своем начертании с потребностями военного времени агентурной сети".

Оказывается, что таковой сетью русский Ген. штаб в то время не располагал, почему и осведомленность его, по мнению генерал квартирмейстера, в случае возникновения войны с Японией или Китаем "ныне подвержена большому сомнению".

По мнению автора доклада, целесообразной может быть признана лишь агентурная сеть, соответствующая задачам, предстоящим ей в военное время. Последние заключаются в своевременном выяснении количества, группировки, направления движения укомплектования и снабжения сил, выставленных противником в поле, а потому "ясно, что, прежде всего агентурная сеть, надлежащим образом укомплектованная, должна густо покрывать вероятный фронт стратегического развертывания наших противников на будущем театре войны, а равно отходящие от него операционные и коммуникационные их линии, а также ведущие к нему пути сосредоточения".

Дальше автор доклада оговаривается, что наличием такой сети не исчерпывается задача организации разведки военного времени. Последняя может считаться выполненной лишь при условии хорошей связи, при которой наблюдения сети будут своевременно становиться достоянием руководящих операциями инстанций, а эта задача, ввиду ее исключительной трудности,

может быть удовлетворительно разрешена лишь путем разработки ее во всех деталях и проверки на опыте (опытная мобилизация разведки) еще в мирное время.

Эти две задачи автор доклада находил "весьма значительными по объему" и не по силам одному Генеральному штабу. Для их разрешения он полагал необходимым привлечь под общим руководством Ген. штаба все разведывательные органы на Дальнем Востоке, а именно: штабы Иркутского и Приамурского военных округов, Заамурского округа пограничной стражи, консулов в Цицикаре и Гирине, помощника военного агента в Мукдене, негласного агента ген. штаба Ладыгина и заведовавшего разведкой в Корее. Автор доклада, предлагал поручить каждому из указанных разведывательных органов и лиц организацию агентурной разведки в определенном районе, "определив начертание последних на основании совокупности современных стратегических данных, заранее позволяющих с достаточной долей вероятности предусмотреть вероятный ход развития военных действий в начальный период нашей войны на дальневосточном театре....

Дальше автор доклада развил свою теорию о разных категориях агентов и их взаимоотношениях.

Он утверждал, что разведывательные организации в военное время не могут ограничиться одним лишь агентом-резидентом потому, что последний, особенно в крупных узловых пунктах, не может единолично уследить за прибывающими в эти пункты и расходящимися из него по различным направлениям войсковыми группами и транспортом средств снабжения противника. Поэтому в распоряжении некоторых агентов-резидентов "должно находиться определенное в каждом отдельном случае количество помощников для одного лишь наблюдения за неприятельскими действиями".

Однако и этого мало, ибо, по словам автора доклада, агент-резидент и его помощники способны лишь учесть количество, составив направление движения войсковых групп в момент прохождения последних через данный пункт. Для достижения полной осведомленности о группировке и передвижениях

неприятельских войск, необходимо в составе "звеньев разведывательной сети, расположенных в исходных пунктах предполагаемых операционных направлений отдельных неприятельских групп, иметь особую категорию так называемых подвижных агентов тыла, кои, будучи приданы к этим группам, преимущественно в качестве маркитантов, кули и т. п., и прочно связаны как со своим агентом-резидентом, так и с внешним центром разведки, постоянно доносили бы последним о составе и передвижениях данной группы".

По мнению автора доклада, крайняя бедность усовершенствованных средств сообщения на Дальнем Востоке и совершенная неуверенность в возможности использования их в военное время "вызывает необходимость принять в основание организации связи выше упомянутых категорий агентов, как между собою, так и с Россией - способ личной передачи сведений. Отсюда вытекает необходимость иметь еще одну категорию лиц - так называемых агентов связи. Число последних в составе каждого отдельного звена автор доклада поставил, в зависимость от важности и объема задачи последнего, а именно, - "от вызываемой обстоятельствами степени оживленности сношений агента-резидента с внешними центрами разведки, величины расстояния между пунктами их расположения, количества высылаемых звеном подвижных агентов тыла, а равно от тех же данных в отношении связи последних с агентами-резидентами или же непосредственно с внешним центром разведки".

Но и это еще не все. Оказывается, что в составе каждого звена "необходимо иметь еще и некоторое количество запасных агентов, для немедленного замещения убыли в той или иной категории".

Кроме агентов, входящих в состав районных организаций, должно иметься некоторое количество агентов для поручений, для выполнения в военное время особых задач по разведке, для проверки наиболее важных сведений, доставляемых агентами-резидентами, а равно для усиления связи с последними или замещения их, если бы какое либо звено было захвачено целиком неприятелем. Эти агенты для поручений должны состоять на лицо

уже в мирное время, комплектоваться из наиболее верных, ловких и смысленных людей, и с объявлением войны вместе с заведывающими районной организацией войти в состав внешнего центра.

К докладу-мобилизационному плану были приложены штаты и тарифы мирного и военного времени, дававшие следующую картину:

	В мирное время	В военное время
Агентов-резидентов.....	54	54
Их помощников.....	33	38
Подвижных агентов тыла.....	30	31
Агентов для поручений.....	21	21
Агентов связи.....	-	198
Запасных агентов.....	-	68
Итого.....	138	410

В мирное время на их содержание требовалось 64.800 руб.

Генерал-квартирмейстер счел возможным представить этот, с позволения сказать, "мобилизационный план" начальнику Генерального штаба со следующим заключением:

"Представляя настоящий доклад вашему превосходительству, по детальном его обсуждении, докладываю, что на проектируемые мероприятия нельзя смотреть иначе, как на примерную общую схему, в которую могла бы вылиться разведывательная деятельность нашей агентурной службы в Маньчжурии и Корее.

Ввиду тревожных слухов о военных приготовлениях Японии, нам надлежит быть особенно чуткими в отношении проявления этих приготовлений в сопредельных с нами районах и сделать нашу разведку более интенсивной на случай возможного разрыва...".

Начальник Генерального штаба в ответ на это заявил, что "с предметом доклада я был совершенно незнаком, а потому затрудняюсь сказать что-либо определенное. Казалось бы, план выработан целесообразный; вероятно, применение его на деле укажет на необходимые поправки...".

Таким образом, доклад был утвержден, на чем и закончи-

лись приготовления агентурной разведки военного времени на Дальнем Востоке.

Беспечность русского Генерального штаба в отношении подготовки разведывательной службы к военному времени вообще была прямо поразительной. Так, например, в 1912 году русскому Ген. штабу удалось через ад'ютанта австрийского начальника Ген. штаба получить австрийский план войны. Неловкость Ген. штаба тотчас же дала возможность австрийцам узнать о нахождении этого плана в руках русских. Несмотря на это, русский Ген. штаб решил почивать на лаврах, в надежде по всей вероятности, что австрийцы оставят этот план войны без изменений и Россия будет в случае войны "играть с открытыми картами". На деле же в 1914 году оказалось иначе, Ген. Ю. Н. Данилов¹ (бывший ген.-квартирмейстер Ген. штаба за несколько лет до войны и ген.-квартирмейстер Ставки в первый год войны) пишет:

"...Однако, к этому времени (23/VIII 1914 г.) выяснилось, что наши сведения мирного времени, касавшиеся формы стратегического развертывания австро-венгерских армий, оказались неточными и что развертывание австрийцев в действительности произошло значительно западнее, чем мы ожидали...".

Эта беспечность русского Ген. штаба тем более странна и непонятна потому, что Австро-Венгрия, ведя захватническую политику на Балканах, в начале 1912 года сумела совершенно секретно мобилизовать свою армию против России². Это показывает, что русский, Ген. штаб, имея агентурную сеть, не чувствовал не только биения политического пульса, но даже неспособен был улавливать такие крупные события, как мобилизация армии своего ближайшего соседа:

Заканчивая эту главу, можно сказать, что:

1. Русский Генеральный штаб не имел в мирное время

¹См. Ген. Ю. Н. Данилов - Россия в мировой войне 1914-1918 гг. изд. книгоиздательстве "Слово", Берлин, 1924 г.

²См. Зайчонковский - Подготовка России к мировой войне (планы войны). ГВИЗ, 1926 г.

систематически организованной агентурной разведки, хотя об этом все время говорил и писал;

2. О своих противниках он имел самое смутное и подчас совершенно неверное представление;

3. Никаких реальных мер для заблаговременной организации и насаждения агентурной сети на случай войны русским Генштабом принято не было.

ЧАСТЬ IV**РУССКАЯ АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ
1914-1918 гг.****Глава первая****Фронтная (оперативная) агентурная разведка армий**

Отсутствие указаний, и инструкций свыше. - Вместо определенной системы - изобретательность низовых начальников разведки. - Агентурная разведка V армии - ее организация, вербовка, подготовка, отправка и оплата агентов. - Количество агентов. - Качество доставленных сведений. - Расходы. - Трудности разведки. - Конкуренция между штабами армий при вербовке агентов. - Издевательство над агентами.

В начале войны штабы фронтов и армий никаких инструкций или указаний для ведения фронтной агентурной разведки свыше не имели. Лишь на втором году войны начали появляться разные инструкции, наставления и руководства, указывавшие как вести разведку, как вербовать и готовить агентов, как их переправлять в тыл противника и т. д. Первые указания по этим вопросам исходили от самих штабов армий, позднее вмешались в это дело штабы фронтов, а еще позднее (конец 1916 г. - начало 1917 г.) и Ставка Главковерха, выпустившая несколько инструкций и наставлений по агентурной и войсковой разведке.

Поэтому неудивительно, что фронтная агентурная разведка в первые годы войны не ладилась, велась очень бессистемно и в большинстве случаев зависела от изобретательности низовых начальников этой разведки. Вообще же во время позиционной войны вести фронтную агентурную разведку крайне трудно, ибо пробраться в тыл противника стоит многих трудов и жертв.

Чтобы лучше уяснить эту работу и в то же время не удлинять наш труд, мы остановимся для примера более подробно на агентурной работе одной лишь из действующих армий. Лучше всего, как нам кажется, эта работа была поставлена в штабе V

армии, агентурную деятельность которой мы и рассмотрим.

Из схемы № 1 видна организация самого разведывательного отделения, при чем надо иметь в виду, что организация эти не была предусмотрена "Положением о полевом управлении войск в военное время", а была выдвинута самой жизнью.

На этой схеме мы видим, что в стороне от всего колоссального аппарата разведывательного отделения стоял "заведывающий тайной разведкой" имевший в своем подчинении войсковые приемные пункты, школу агентов, денежную отчетность и канцелярию. На заведывающего школой агентов было также возложено фотографирование всех агентов и слежка за теми из них, которое почему-либо внушали подозрение. Для этой цели заведывающий школой имел в своем распоряжении пять филеров наружного наблюдения. Кроме того, на него были возложены обязанности переводчика с латышского и литовского языков.

Заведывающий тайной разведкой имел помощника, ведавшего проверкой документов вновь поступивших агентов, их записью в агентурные книги и ведением ведомости по их содержанию.

В распоряжении заведывающего тайной разведкой находилось пять агентов-вербовщиков, которые, об'езжая тыловой район армии, знакомились о беженцами и из их среды вербовали пополнение сильно убывающему комплекту агентов-ходовоков.

Эти вербовщики жили каждый отдельно на конспиративной квартире; вместе с ними проживали также вновь на вербованные агенты, которым вербовщики внушали необходимые для работы агента-ходока указания. Вербовщик обязан был, кроме того, наблюдать за поведением живших у него агентов.

На тех же конспиративных квартирах помещались агенты, прибывавшие с той стороны фронта. Обычно стремились разместить агентов не более 3-4 человек на одной квартире; принимались меры, чтобы агенты, жившие на разных квартирах, друг с другом не встречались.

За всеми являвшимися со стороны и предлагавшими свои услуги по агентуре, устанавливалась слежка. Слежке подверга-

лись также лица, завербованные старшими агентами, но не имевшие достаточных удостоверений личности, или вообще почему-либо возбуждавшие подозрение.

Свободные от слежки филеры вели наблюдение за помещением разведывательного отделения в целях охраны его от контрразведки противника.

Кроме обучения старшими вербовщиками, в Двинске существовала специальная школа для агентов-ходовков. В распоряжении заведывающего этой нештатной школой находились три агента-вербовщика, доставлявшие ему нужных людей. Позднее школа была переведена в Люцин и состояла из заведывающего школой, трех инструкторов, двух вербовщиков и 20 обучаемых ходоков. Обучение производил сам заведывающий и оно заключалось в изучении по имевшимся таблицам и фотографиям и образцам различных форм германского обмундирования, в умении распознавать на разных расстояниях состав и силу различных колонн, а главным образом - в усвоении всевозможных приемов по выяснению полной обстановки в тылу противника и способов остаться незамеченным или, во всяком случае, - не уличенным. Кроме того, обучавшиеся основательно натаскивались по карте, каждый для вполне определенного района, в зависимости от его бывшего места жительства и национальности.

По истечении недельного срока агент отправлялся на переправочный пункт при записке, в которой указывался район, назначенный ему для разведки. Число агентов, выпускавшихся школой ежемесячно, определял заведовавший тайной разведкой, в зависимости от убыли агентов-ходовков, от количества лазеек через неприятельское расположение и от т. п. причин. Во всяком случае, число это приближалось к 15 человекам ежемесячно.

Обычно заведывающий школой получал от заведывающего тайной разведкой письменное предписание, в котором давались директивы по работе на ближайшее время.

Так, например, 17-го мая 1916 года (№ 383) заведывающий школой получил предписание в течении мая вербовать литовцев и поляков и готовить их для "центрального и южного участков" с таким расчетом, чтобы к 14 июня выслать в Бреслав 3-х в

Шарковщизну - 2-х вполне обученных агентов-ходовоков. Людей, незнакомых с местностью в тылу противника, вербовать запрещалось, так как "опытом установлено, что из таковых людей могут принести пользу только двойники". Разведка в тылу противника производилась с временных или постоянных пунктов глубокой разведки.

Временные пункты были созданы в сентябре и октябре 1916 г. в Бреславе, Опсе и Якубове. Этими пунктами было за указанное время переправлено в германский тыл до 60 агентов-ходовоков и резидентов.

Постоянные переправочные пункты имелись в Двинске, Якобштадте, дер. Яш-Мыза и мест. Грива. Обслуживавшего персонала на каждом пункте имелось в среднем по 7 человек.

По существовавшей инструкции заведывающий переправочным пунктом был непосредственно подчинен заведывающему тайной разведкой штаба армии, но мог быть, кроме того, в отношении деятельности, затрагивавшей интересы войсковых частей, находившихся в его районе, подчинен начальникам штабов или заведывающим тайной разведкой этих частей.

Заведывающий пунктом имел в своем распоряжении нескольких (3-5) старших агентов-разводящих; на попечении у каждого из них имелось не более трех агентов-ходовоков.

На агента-разводящего возлагалась вся ответственность за поведение, продовольствие, перевозку, обучение агентов-ходовоков и за прохождение ими линии фронта. Агенты-разводящие должны были выбирать квартиры в различных селениях, наблюдая за тем, чтобы агенты, находившиеся на их попечении, не встречались и не знали бы разведчиков других агентов-разводящих.

Ежедневно в определенные часы агент-разводящий должен был заниматься с агентами-ходаками, проверяя их в знании германских форм обмундирования, в определении родов оружия на разных расстояниях, во всевозможных практических приемах, облегчавших агентам пребывание в тылу германского расположения и в умении замечать и запомнить все то, что могло оказаться важным для военных операций.

Заведывающий переправочным пунктом должен был

собирает два раза в неделю агентов-разводящих и внушает им воздержание от спиртных напитков, картежной игры и пр. Посылку агентов-ходоков он должен был производить через фронт с таким расчетом, чтобы агент не ходил более двух раз в месяц и, кроме того, после каждой разведки имел бы отдых от 7 до 10 дней.

Пропуск агентов-ходоков через фронт в числе более одного человека мог быть произведен только по телеграмме или письменному приказанию заведывающего тайной разведкой. Агент-разводящий, получив ходока от заведовавшего пунктом, лично должен был отвести его на передовые позиции, где, предъявив свои и привезенного им ходока документы, сдавал последнего в указанный ему штаб, прося на своей препроводительной бумаге сделать отметку, что им тогда-то сдан такой-то агент с документами.

Во время поездки на передовые позиции разводящему приказывалось зорко следить за ходоком, чтобы тот не смог видеть ни проходивших войсковых частей, ни отдельных воинских чинов. Для этого предлагалось завязывать ему глаза. Во время проезда в вагоне рекомендовалось усаживать ходока так, чтобы тот через окно вагона не мог видеть, что происходит снаружи, а особенно за этим следить на станциях и вокзалах, никуда не выпуская агента.

Перед отправкой ходока агент-разводящий должен был лично обыскать его и убедиться, не имеется ли при ходоке каких либо бумажек, могущих его выдать, а также чертежей русских укреплений и т. п. документов, газет и пр. для передачи немцам. Ходоку воспрещалось иметь при себе более 5-10 руб. денег, да и то старыми трепаными бумажками. Рекомендовалось снабжать агентов-ходоков хлебом и теплым, но, безусловно, потасканным, платьем.

Задание ходоку обязан был лично давать заведывающий пунктом, согласно особым указаний заведывающего тайной разведкой. Маршрут должен был заучиваться наизусть. Ходок мог вернуться не обязательно в том же месте, где прошел фронт, а там, где это позволяло ему редкое расположение и отсутствие бдительности противника.

Доклад от возвратившегося ходока принимал лично заведывающий пунктом и о результате опроса немедленно телеграфировал заведывающему тайной разведкой, сообщая также о результатах разведки в штаб дивизии или корпуса, на участке которого работал агент-ходок.

В случаях получения особо важных сведений предполагалось, независимо от телеграммы, отправлять ходока в штаб армии к заведывавшему тайной разведкой.

За сообщение о своей работе частным лицам агенты подлежали немедленному увольнению и высылке в отдаленные губернии, а иногда и более строгому взысканию.

На правом фланге армии, в Якобштадском районе, имелось несколько резидентов в тылу противника. Связь с ними поддерживалась агентами-ходаками по установленному паролю.

Помимо сети, действовавшей в тылу противника на случай отступления, насаждались также резиденты в тыловом районе своей армии. При вербовке резидентов для этой цели требовалось долговременное их проживание в данном пункте, отличное знание всего района, категорически выраженное решение остаться на месте при отступлении русских войск и относительные развитость и хитрость. В конце 1916 года в одном Двинске таких резидентов было завербовано 7 человек. До отступления русских армий эти резиденты использовались службой контр-разведки.

В августе 1917 года разведывательное отделение начало применять агентурный опрос германских пленных. Для этой цели из среды последних были выбраны два солдата, по своей национальности и взглядам не сочувствовавшие войне и "германскому милитаризму" и согласившиеся выяснить вопросы, которые не могли быть выяснены путем обычного опроса пленных. Этих солдат посадили на армейском этапе среди военнопленных, где они подслушивали разговоры пленных, задавали им вопросы, наводящие на интересующую разведывательное отделение тему и получали ответы.

Штабы корпусов (а тем более дивизий) V армии признавались сами, что с организацией и сколько-нибудь удовлетворитель-

ным ведением агентурной разведки им не справиться. Поэтому разведывательное отделение штаба армии взяло на себя также подготовку и руководство корпусными агентами.

Количество агентов штаба V армии за время с 1/IX 1915 года по 1/IX 1916 г. видно из следующей таблицы:

Командировано в тыл противника.....	138 чел.
Вернулось со сведениями.....	23 "
Не вернулось.....	72 "
Не прошли фронта.....	43 "

Вернувшиеся агенты доставили сведения:

Простые агенты-ходоки: важных - 4, маловажных - 16;

Двойники: маловажных - 3 сведения.

Сравнительная таблица движения агентов-ходоков по месяцам:

Месяцы и год.	Командиров.		Вернулось		Не прошли фронта	Не вернулись
	Прост.	Двойн.	Прост.	Двойн.		
1915/16 гг.						
Сентябрь	52	1	8	-	14	31
Октябрь	36	-	7	1	6	22
Ноябрь	7	1	3	-	2	3
Декабрь	3	1	-	-	3	1
Январь	8	-	-	2	3	3
Февраль	5	-	-	-	3	2
Март	6	-	-	-	4	2
Апрель	4	-	1	-	2	1
Май	1	-	-	-	-	1
Июнь	8	-	-	-	4	4
Июль	3	-	-	-	1	2
Август	2	-	1	-	1	-
Итого	135	3	20	3	43	72

Как видно из этих двух таблиц, из 138 высланных агентов-ходоков, возвратилось со сведениями лишь 23 агента, принесших всего только 4 ценных донесения.

Содержание этой сети, помимо официального руководящего аппарата, обходилось в месяц в среднем около 6.000 рублей, а в год 72.000 руб. Таким образом, одно ценное донесение стоило 18.000 руб.

В конце 1916 года положение ухудшилось еще больше и работа агентов-ходоков стала еще более затруднительной. Ухудшение было вызвано тем, что немцы приняли ряд мер против деятельности русских агентов и ходоков. В населенных пунктах, лежавших около линии фронта, немцы поселили своих агентов контр-разведки, на фронте было усилено количество секретов, все гражданское население из тыловой десятиверстной полосы было выселено, всех жителей вне этой зоны сфотографировали и переписали; запрещалось без особых разрешений переходить из одного населенного пункта в другой; за обнаружение лиц, не принадлежавших к местному населению, выдавались крупные денежные награды, за скрывание же таких лиц виновные предавались военно-полевому суду и т. д.

Руководители разведки штаба V армии решили принять следующие меры против германских предосторожностей.

Переправка агентов-ходоков через линию фронта только в ветреную или снежную погоду, часов в 9-10 вечера с таким расчетом, чтобы они до наступления утренней зари успели бы пройти более опасную 10-15 верстную зону и попасть в глубокий тыл противника.

Снабжение агентов перед отправлением теплой одеждой, дабы холод не вынуждал их заходить в первые попавшиеся жилые дома, лучше же всего считалось воздерживаться от высылки агентов в сильный мороз.

В тех же целях предписывалось снабжением агентов, отправлявшихся в тыл противника, продовольствием на 5 суток, (фунтов 7 хлеба и фунтов 5 вареного мяса).

Предписывалось снабжать всех агентов-ходоков компасами, обучив их предварительно обращению с ними. Зимой, пока лежит

снег, предлагалось выдавать всем агентам белые халаты.

Кроме того, предписывалось практиковать "короткие агентурные набеги", т. е. давать агенту на путешествие туда и обратно не более 4-7 дней. По мнению начальника разведывательного отделения, при точном соблюдении указанного выше и наличии "смелых и физически крепких разведчиков безусловно получится возможность последовательно осветить тыловой район находящихся перед нашей армией немцев".

Однако и эти мероприятия не дали ожидаемых результатов и после февральской революции ближняя агентурная разведка почти совершенно прекратилась.

Отсутствие инструкций, наставлений, а также объединявшего и направлявшего руководства со стороны штабов фронтов над агентурной деятельностью штабов армий приводило к постоянным недоразумениям.

Так, например, когда во Львове стало ясным, что русским армиям после недолгого пребывания придется оставить город, представители нескольких армий (VIII и III) в этом городе начали лихорадочную вербовку агентов. Дело при этом доходило до того, что более подходящие для агентурной разведки лица буквально перекупались друг у друга представителями этих армий. О вреде и даже гибельности такого приема в агентурной разведке говорить не приходится. Избежать его было бы не трудно, если бы штаб фронта распределил между армиями район агентурных действий, к чему и пришли позднее, когда армиям некоторых фронтов было приказано вербовку агентов производить только в пределах своего армейского района. Лишь в случае невозможности или недостатка подходящих для этой цели лиц разрешалось пользоваться районом фронта, но не паче, как в полосе продолжения своего района, с ведома штаба фронта и посредством высылки офицера, с указанием каждый раз пункта, куда он едет.

Во время войны нередко целые армии передвигались и перебрасывались с одного участка фронта на другой. Отсутствие руководства свыше, объединявшего армейскую агентуру, приводило в таких случаях к тому, что перебрасывавшиеся армии забирали с собой своих агентов. Таким образом, литовцы,

латыши, поляки и пр. хорошо знавшие местные условия и язык населения района Северного фронта попадали в Галицию или в Румынию и, конечно, никакой пользы агентурной службе принести не могли.

Обращение русских офицеров с агентами было в высшей степени хамское. Они считали последних низшими существами, разговаривали с брезгливостью, руки при встречах не подавали и т. д., на каждом шагу напоминали агенту, что он - низшее, презируемое существо. Денежные расчеты с агентами носили форму торгова, причем торговались и спорили из-за каждой копейки.

Агенты, возвращавшиеся на русскую линию фронта, подвергались со стороны русских войск совершенно незаслуженным оскорблениям. Нередко их до штаба дивизии водили под усиленным конвоем и плакатом на спине и груди с надписью "германский шпион" и т. д. Им предъявляли совершенно невыполнимые требования, например, - показать удостоверения личности, которых, они, приходя из тыла противника, естественно, иметь не могли. Коменданты штабов дивизий и корпусов нередко требовали от агентов назвать фамилию и гордились тем, что могли эту фамилию поместить в препроводительной бумажке.

Вместо того, чтобы перешедшего линию фронта агента, встретить ласково, по-товарищески, накормить, обогреть и под видом сопровождения, чтобы он не заблудился в лабиринте окопов и подземных галерей, отправить в тыл, - такого агента грубо объявляли арестованным, подвергали унижительному обыску и под конвоем, с завязанными глазами отводили в тыл. Агент должен был иногда пройти несколько десятков километров с завязанными глазами. На квартире, отведенной агенту для отдыха, он находился под самым грубым арестом, чувствительным для него на каждом шагу.

Понятно, что при такой постановке дела не могло быть и речи о том, чтобы в русской разведке работали честные, способные и преданные люди.

Отрешиться от этих приемов обращения с агентами русское офицерство не сумело. К концу 1915 года почти все штабы фронтов и армий начали выпускать бесконечное количество всевоз-

можных инструкций и наставлений по агентурной разведке. Но и в них на эту важную сторону вопроса не обращалось почти никакого внимания, если не считать указаний, что "с агентами нужно обращаться сдержанно". На фронте слово "сдержанно" поняли по-своему, т. е. что к агентам нужно относиться еще более подозрительно и грубо.

К концу 1916 года, как мы уже отмечали, агентурная разведка через линию фронта стала почти невозможной: число желавших работать в русской разведке сильно сократилось и прохождение линии фронта стало весьма затруднительным.

Некоторые штабы армий начали изыскивать "новые" способы переброски агентов в тыл противника.

Так, например, держали агента некоторое время в тюрьме с целью ознакомления его с внутренним положением и распорядками тюрьмы, после чего он должен был появиться в тылу противника под видом бежавшего из русской тюрьмы¹. Однако, ввиду того, что тюремщикам нельзя было раскрывать истинной причины содержания агента в тюрьме, - тюремщики применяли к ним свой режим в полном объеме, после чего агенты нередко предпочитали рассказать противнику всю правду, лишь бы вторично не испытать прелести русских тюрем.

Пробовали также вербовать военнопленных австрийцев и немцев и переправлять их в тыл противника под видом бежавших из плена, после чего они должны были поступить на службу в какую-либо войсковую часть противника, уговорить там нескольких человек к переходу на сторону русских и отправить с ними донесения, а в случае перегруппировок, подготовки наступления и т. д. - перебежать самим обратно. Это "изобретение" принадлежит штабу Западного фронта и о нем были оповещены все русские и союзные армии, так как такого рода перебежчикам не возбранялось, переходить границу на любом фронте.

Какие результаты дало это "изобретение" нам неизвестно.

¹См. "Пособие для следователей", составленное офицерами австро-венгерской контрразведывательной службы Алонсом Поберингом, фон-Иоковским и Ф. Норденом.

Глава вторая

Агентура Ген. штаба в начале войны

Отсутствие в начале войны агентуры Ген. штаба. - Игра в счастье. - Циркулярное задание всем военным агентам. - Удача военного агента в Италии. - История повторяется. - Мероприятия по созданию агентуры в нейтральных странах. - Основная база - официальные военные агенты. - Агентурная сеть военного агента в Италии. - Расходы. - Результаты. - Агитация и пропаганда военного агента. - Подкуп итальянских общественных деятелей и редакторов газет. - Агентура военного агента в Румынии. - Количество агентов. - Расходы. - Результаты. - Столкновения с послом. - Агентурная сеть военного агента в Сербии. - Неудачи. - Исчезновение всех агентов. - Нежелание военного агента заниматься разведкой. - Передача денег сербскому командованию взамен разведывательных сведений. - Агентурные попытки военного агента в Греции. - Экономия выше всего. - Агентурная сеть военного агента в Бельгии и Нидерландах. - Предписание Ген. штаба сократить сеть. - Главные объекты агентуры - железнодорожные узлы. - Пенсии семьям погибших агентов. - Агентурная деятельность военного агента в Болгарии. - Агентурная сеть из 48 агентов разного назначения. - Расходы. - Результаты. - Агентурная сеть военного агента в Швейцарии. - Помощники из России. - Организация прапорщика Ленкшевича ("Брут"). - Первоисточник лжи о подкупе В. И. Ленина немцами. - Расходы. - Результаты. - Агентурная деятельность военного агента в Дании. - Предписания Ген. штаба. - Организация сети. - Методы работы. - Агитация и пропаганда. - Посреднические функции. - Неудачи и сомнения военного агента. - Расходы. - Результаты. - Подозрения англичан в шпионаже военного агента Потоцкого в пользу Германии и странная позиция Ген. штаба в этом вопросе. - Агентурная деятельность военного агента в Швеции и Норвегии. - Отсутствие системы. - Работа от случая к случаю. - Покупка сведений у секретарей русского консульства. - Нежелание военного агента заниматься разведкой. - Расходы. - Результаты. - Агентурная деятельность военного агента во Франции. - Единственный случай. - Выдача пособий "заблудившимся" агентам русской разведки. - Агентурная деятельность военного агента в Англии. - Покупка случайных сведений. - Посреднические функции между английским и русским Ген. штабами. - Турецкие шифры у англичан. - Работа англичан над раскрытием германских шифров. -

Агентурная сеть военного агента в Америке - 140 человек. - Слабые результаты работы. - Заигрывание с американским Ген. штабом. - Агентурная сеть военного агента в Японии - один раз'ездной агент. - Обследование агентурной работы специальной комиссией Ген. штаба. - Запутанность денежных дел военного агента. - Агентурная сеть военного агента в Китае. - Путешествующие агенты. - Отсутствие сведений. - Работа негласного агента Ген. штаба в Цицикаре. - Агентурная сеть офицера (на правах военного агента) в Хорасане. - Специальные задания по Афганистану. - Сотрудничество с английской разведкой. - Агентурные организации, непосредственно подчиненные Ген. штабу. - Организация полковника Раш в Дании. - Жалобы Раш на неудачи и большие расходы. - Попытки Ген. штаба создать такие же организации в других нейтральных странах.

Говоря о русской агентурной разведке до войны 1914-1918 гг., мы уже указывали на те мероприятия, которые принимались русским Генеральным штабом на случай войны. Мы видели из изложенного, что Ген. штаб знал о необходимости еще в мирное время что-то предпринять и как-то подготовить агентурную службу на случай войны. Но как это сделать и что делать - этого, по всем данным, русский Ген. штаб как будто бы не знал.

Весьма характерный в этом отношении пример привел в объяснительной записке к одному из своих денежных отчетов военный агент в Италии полковник Энкель (от 29/II 1916 г, № 6). Он писал:

"... Перед началом войны на военной агентуре в Италии не только не лежало каких-либо разведывательных задач в Австрии и Германии, но военному агенту даже было категорически воспрещено заниматься тайной разведкой иначе, как по особому на то указанию (предписание Огенквара от 9/VII 1914 г., № 664). Вследствие сего война застала военную агентуру совершенно неподготовленной в этой области..."

В ночь на 20/VII 1914 года Энкель получил циркулярное приказание - "во что бы то ни стало, не жалея средств, выяснить к 25/VII направление движения группы центральных германских корпусов, причем доставившему в срок эти сведения было

обещано 20.000 рублей¹.

В виду короткого срока, выполнение этого приказа нужно было бы поставить под знаком вопроса даже при наличии налаженного агентурного аппарата, ибо даже при нормальном движении на проезд в скором поезде из Рима в Берлин и обратно требовалось четверо суток. Но в то время движение пассажирских поездов в Германии было прекращено; переход границы и получение германских виз были крайне затруднены. Энкель не имел даже на примете людей, которым можно было бы поручить выполнение этой задачи.

Однако Энкель решил попытать счастья. За 20/VII (воскресенье) ему удалось найти трех лиц, которых он решил отправить в Германию на автомобилях по трем разным маршрутам: австрийского подданного, серба - на Констанцу - Мюнхен - Дрезден; редактора одного из издававшихся в Риме изданий, итальянца, бывшего офицера - на Зинген - Штутгарт - Нюрнберг - Лейпциг; итальянца, владельца одного из римских бюро путешествий с подручным - на Ала - Инсбрук - Мюнхен - Хоф - Дрезден.

Первому из них вовсе не удалось проникнуть в Германию; второй был задержан в Штутгарте и выслан в Швейцарию.

Третий, благодаря полученному от советника германского посольства в Риме - Хинденбурга рекомендательному письму, пробрался в Германию и утром 25/VII условной телеграммой (коммерческого характера) сообщил из Дрездена, что IV, XII и XIX корпуса переводятся против Франции.

Вся эта операция обошлась в 35.200 итальянских лир (лира - 37,5 коп.) и 20.000 рублей.

Здесь, как видим, отсутствие организации сгладила находчивость Энкеля и крупная сумма денег.

Война началась. Официальные дипломатические представители, в том числе и военные агенты, были высланы из вступивших в войну стран. Русский военный агент в Германии - Базаров, как мы уже указывали выше, был уличен в шпионаже и

¹Это приказание получили все русские военные агенты, находившиеся в европейских странах.

выслан из Германии еще в июне 1914 года. Предусмотренная в приведенном выше плане "связи" перегруппировка военных агентов, конечно, не состоялась. Даже те отдельные агенты, которых русский Генеральный штаб имел накануне войны в странах своих противников, "забыли" о своей службе в русской разведке, оставшись без связи и руководства. Разведки на Германию и Австрию из нейтральных стран в мирное время создано не было.

Итак, с началом военных действий, русский Ген. штаб остался совершенно без информации о Германии и Австрии. Вновь повторилась история, имевшая место во время русско-турецкой и русско-японской войн.

Генеральный штаб заволновался и начал принимать экстренные меры по созданию в странах противников агентурной сети из нейтральных стран. Руководство агентурной сетью из нейтральных стран было возложено, главным образом, на официальных военных агентов, хотя в некоторых странах Ген. штаб старался наладить агентуру, непосредственно им руководимую и ему подчиненную.

Остановимся вкратце на агентурной работе официальных военных агентов.

Начнем с агентурной деятельности военного агента в Италии.

4/VIII 1914 года полковник Энкель получил приказание Огенквара - во что бы то ни стало насадить в Германии и Австро-Венгрии агентуру для наблюдения за переброской германских войск с западного фронта на восточный, причем были указаны линии, которые нужно было взять под наблюдение: Страсбург - Нюрнберг - Прага - Нейссу, Мец - Франкфурт н/М - Лейпциг - Бреслав и Франкфурт - Халле - Котбус - Лисса.

По словам Энкеля, лишь благодаря счастливой случайности им были найдены подходявшие для выполнения этой задачи люди среди безработных служащих международного общества спальных вагонов - подданных Германии, Австрии и Швейцарии. Эти лица представились германскому посольству в Риме, в качестве решивших оказать помощь Германии и Австрии

посредством ввоза в эти страны контрабандным путем продуктов, запрещенных к вывозу из Италии.

Вопрос о беспрепятственном их пребывании в Германии и Австро-Венгрии был разрешен, якобы, благодаря содействию германского посольства в Риме, которое, весьма сочувствуя этим мнимым целям, с величайшей готовностью снабдило агентов рекомендательными свидетельствами и разрешениями телеграфировать в Италию и Швейцарию.

Энкель на первых порах нанял шесть агентов на следующих условиях: каждому по 100 итальянских золотых лир в сутки, 5.000 лир по окончании первого месяца и по 2.500 лир - за каждый последующий месяц, - в виде обеспечения семьи агента на случай его провала, и 1.000 лир подъемных.

14/VIII шесть агентов отправились в пункты своего назначения - Нюрнберг, Пильзен, Халле, Лейпциг, Дрезден и Котбус (кроме того, во Франкфурт н/М был командирован завербованный отдельно и на других условиях коммерсант-итальянец, который в конце года, ввиду его мало полезности был уволен).

Для связи с этими агентами Энкель создал три приемных станции в разных городах Италии, откуда телеграммы передавались по телефону в Рим главному посреднику. Для телеграмм был выработан условный код коммерческого характера. Этим кодом сообщалось число поездов и средний их состав (число крытых вагонов с войсками и платформ с орудиями и пулеметами), категория перевозившихся войск (полевые, резервные) и маршрут движения. Для обозначения последнего было установлено перечисление номеров соответствующих линий по карте официального германского путеводителя с прибавкой к каждой цифре этих номеров, какого либо заранее условленного, однозначного числа. Для сообщения номеров перевозившихся частей рода войск существовал более сложный код, но им воспользовался один раз лишь Пильзенский агент.

Для более подробных донесений агентам было предложено пользоваться почтой, но они от этого категорически отказывались, якобы, из боязни провала.

Энкель пробовал посылать к агентам специальных доверенных для перевозки от них сведений. Однако эта попытка чуть не повела к провалу одного из таких доверенных. Ввиду невозможности запомнить большое количество специальных данных, агент их записал. Когда же его на австрийской границе начали расспрашивать об этих записях, он еле выпутался.

Для того, чтобы руководитель знал, чем вызвано долгое молчание агента (провалом, затишьем, болезнью и пр.), всем агентам было предложено посылать один раз в неделю телеграмму личного или семейного характера.

Наконец, для контроля, - все ли посылавшиеся телеграммы дошли по назначению, агентам, по получении от них донесения, сообщалось об этом по телеграфу в условной форме.

Для выяснения австрийского сосредоточения на русской границе Энкель наметил упоминавшегося выше редактора, бывшего итальянского офицера. Последний имел связи в австрийском посольстве в Риме и в самой Австрии. Сделка была заключена в сумме 20.000 лир (золотых), из коих половина уплачивалась вперед. Редактор поездку совершил, но никаких данных не привез. Позднее он устроился военным корреспондентом при австрийской главной квартире, но своих обязательств по отношению к Энкелю не выполнил.

31/VIII 1914 года Энкель получил новое приказание Огенквара - организовать разведку в Австро-Венгрии, ибо организация разведки Ген. штаба, существовавшая до тех пор в Швейцарии, провалилась.

4/IX в Вену, Будапешт, Краков и Кашау Энкель отправил четырех агентов, завербованных на тех же основаниях, как и посланные ранее для наблюдения за перевозками в Германию. Способом сообщения, собранных сведений этим агентам была указана бандерольная посылка на условные адреса австрийских газет, на полях которых донесения должны были писаться лимонной (!!) кислотой. Однако, австрийцы в скором времени прекратили пропуск в Италию газет в бандеролях и донесения посылались условными телеграммами.

Энкель стал затем поддерживать сношения со своими

агентами через Швейцарию, откуда телеграммы передавались сначала на промежуточные станции в Северной Италии, а оттуда по телефону в Рим. Но весной 1916 года международное телефонное сообщение было прекращено распоряжением итальянского правительства. С этого времени все телеграммы перевозились курьерами в Милан, в местное отделение Международного общества спальных вагонов, здесь они одним из служащих облакались в форму служебных сношений с конторой в Риме, вручались проводнику спального вагона в прямом поезде Милан-Рим и передавались им в последний пункт служащему того же общества, встречавшему поезд на вокзале.

Несмотря на сложность такой организации, донесения агентов, по словам Энкеля, получались в Риме в среднем через одни, много - двое суток после отправки их из Германии и Австро-Венгрии.

К январю 1916 года агентурная сеть Энкеля уже насчитывала в своем составе 22 агентов-резидентов, причем упомянутый выше владелец бюро путешествий, играл главную роль в этой организации. Но тут случилось "несчастье". В Ген. штабе сделали сводку из всех донесений этой организации "22-х" и установили, что все ее сведения о германских и австрийских перевозках "совпадают с началом операции, а не предшествуют им". Сопоставив это обстоятельство с тем, что германское посольство в Риме "с величайшей готовностью снабдило агентов рекомендательными свидетельствами и разрешениями телеграфировать в Италию и Швейцарию", Ген. штаб пришел к заключению, что организация, названная "Римской", является "провокационной", т. е. состоящей на службе у немцев и передающей Энকেлю сведения, сфабрикованные германской разведкой. С другой стороны, не могло не броситься в глаза и то обстоятельство, что организация работала с точностью часового механизма - за 1 1/2 года работы не было ни одного провала, ни одной пропажи или задержки посланных ее агентами телеграмм. Кроме того, организация пожирала колоссальные суммы денег - около 100.000 итальянских золотых лир в месяц.

Приняв все это во внимание, Ген. штаб 10 января ст. ст. 1916

г. предписал преемнику Энкеля - полковнику кн. Волконскому ликвидировать "Римскую" организацию. Однако, не успел Волконский ее ликвидировать, как в Рим приехал из Парижа руководитель агентуры штаба юго-западного фронта подполковник граф Игнатъев и с радостью забрал ее к себе, *против чего Ген. штаб вначале и не протестовал.*

На этом мы прервем описание "Римской" организации и вернемся к ней, когда будем говорить об агентуре Игнатьева.

Агентурная деятельность Энкеля не исчерпывалась только "Римской" организацией, но остальная его работа также не была особенно удачной.

Ген. штаб в начале войны послал в распоряжение Энкеля для разведки в Австро-Венгрии некоего Эшкичевича. Энкель назначил его резидентом в Загреб. Забрав 2.000 лир, Эшкичевич исчез...

Затем Энkelю под руку подвернулся некий Горичар, уроженец Словакии, быв. австрийский консул в С.-Франциско, а в начале войны прикомандированный к ген. консульству в Берлине, бежавший оттуда к брату-монаху в Рим. Энкель получил от него два довольно ценных донесения и на этом, кажется, и кончилась агентурная деятельность Горичара.

В начале 1915 года к Энkelю явился некий Василий Теодореску, румынский подданный. Из представленных документов Энкель усмотрел, что он "агент контр-разведки и для связи" разведывательного отделения австрийского военного министерства в Вене и принадлежит "к австрийской масонской ложе". Теодореску долго водил за нос Энкеля, обещая ему и разведывательные и контр-разведывательные сведения об Австрии, но, конечно, ничего не дал и в конце концов Энкель выдал его итальянской полиции, которая предложила Теодореску покинуть пределы Италии.

Много внимания Энкель уделял также разведке против Италии. В самом начале войны он добился приказание посла на имя русских консулов в Италии сообщать Энkelю по телеграфу через посольство поступавшие к ним сведения о военных мероприятиях итальянского правительства. Так как консула не

имели шифра, то Энкель сам составил таковой. Характерно, что посол отказался оплачивать эти телеграммы и Энкель вынужден был производить с ним сложные денежные расчеты. Однако вскоре итальянское правительство запретило обмен шифрованными телеграммами между посольством и консульствами. Энкель пытался получать донесения консулов по почте в шифрованном виде, но из этого тоже ничего не вышло.

Энкель пробовал также заняться агитацией и пропагандой против Австро-Венгрии и Германии. Сам он об этом рассказывает следующее:

"...В начале войны, когда Германия и Австрия, стремясь завладеть общественным мнением Италии, не жалели средств на подкуп печати и распространение всеми способами огромного количества сведений лживого и тенденциозного характера, - я полагал крайне необходимым для наших интересов бороться с ними тем же оружием. Поэтому, и принимая во внимание совершенно пассивное отношение к этому вопросу нашего посольства, я в тех скромных пределах, кои признавал возможными, оказывал материальную поддержку начинаниям, задававшимся целью - посредством издания даровых или весьма дешевых летучих листов - распространять в массе низшего населения правдивые сведения о ходе войны и обличать лживость сообщений наших противников и противные понятиям элементарной порядочности приемы их борьбы.

"...С самого начала войны в ряду военных обозревателей итальянской прессы, большею частью весьма посредственных, резко выделился редактор-издатель военного органа "La Preparazione" ("Подготовка") - бывший полковник Ген. штаба и профессор военной академии и вместе с тем известный в Италии писатель Бароне, проникнутый убеждением в неминуемой конечной победе тройственного согласия и горячий сторонник выступления Италии против Австрии.

Ввиду относительно малого распространения газеты "La Preparazione" и огромного влияния в этом партийном государстве, как Италия, газеты "Giornale d'Italia", в коей перепечатывались статьи Бароне, французское посольство, возымев мысль

использовать последнего для активной пропаганды идеи выступления Италии, предложило моему английскому коллеге и мне принять участие в расходах по ее осуществлению.

"Сделка с Бароне была заключена в сумме 30.000 ит. лир, из коих 10.000 лир пришлось на долю вверенной мне военной агентуры. За это вознаграждение им были сделаны во всех крупных центрах Италии публичные сообщения, имевшие несомненный успех, принесший свои плоды.

"Секретарю редакции газеты за его труды в этом деле было выдано личное вознаграждение в размере 500 лир".

Когда Италия вступила в войну, агентурная деятельность русского военного агента свелась к получению итальянских разведывательных данных о противнике и передаче их в русский Ген. штаб.

В Румынии агентурная разведка велась военным агентом, по его словам, согласно особым на каждый случай инструкций Ген. штаба. В общем же этот военный агент должен был: освещать вооруженные силы Румынии и вопросы, связанные с ними; обеспечить в агентурном отношении свободное плавание по Дунаю экспедиции особого назначения свиты его величества контр-адмирала Веселкина; освещать вопросы об экспорте Румынией бензина, металлов, автомобильных шин и пр. военных материалов в Австрию, о контрабандном транзите через Румынию снарядов и пр. военных материалов в Турцию, вопрос о контр-разведке и разведке австро-германцев в Румынии и т. д. Кроме того, он должен был вести разведку в Австро-Венгрии, Турции и Болгарии.

Технику всей этой обширной агентурной деятельности военного агента в Румынии нам по имеющимся в нашем распоряжении документам установить не удалось. Однако проследить рост его организации - можно. Так, мы видим, что до начала войны военный агент в Румынии имел всего двух агентов. С началом войны он почему-то лишился их. В августе же 1914 года замечается громадный прирост агентов - сразу их появляется 7 человек, из них трое работающих по Австрии, остальные - по Румынии. В сентябре прибавилось еще 4 агента, в октябре-декаб-

ре еще 7 человек, причем одному из них "удалось обнаружить в Бухаресте тайную германскую радиостанцию и достать с нее несколько зашифрованных радиogramм". Таким образом, к началу 1916 года имелось уже 18 агентов. Распределение расходов по эксплуатации этой сети на 1914 год по подразделениям даст следующую общую картину приемов работы военного агента в Румынии:

1. Содержание существовавшей агентурной сети и служебные расходы по ней.....	20.364 лев.
2. На развитие агентурной сети.....	11.945 "
3. Путевые расходы по агентурной сети.....	4.200 "
4. Приобретение секретных документов и оплата случайных сведений.....	3.450 "
5. Наем переводчиков.....	2.750 "
6. Почтовые расходы.....	50 "
7. Случайные и непредвиденные расходы.....	4.285 "
Итого.....	47.034 "

В первой половине 1915 года агентурная сеть военного агента в Румынии потерпела довольно чувствительные неудачи: несколько человек агентов провалились, а несколько человек оказались "недоброкачественными" и состоявшими на службе у немцев и австрийцев. Но, как видно, военный агент развил усиленную вербовочную деятельность и в августе 1915 года число агентов достигло максимальной цифры - 31. Потом это число начало опять падать, спустившись до 14 чел. в январе 1916 г.

За 1915 год на содержание и эксплуатацию сети было израсходовано 130.392 румынских леи и 4.944 болг. лева.

После вступления в войну Болгарии, 8/II 1916 года военным агентом в Румынии был назначен Ген. штаба полковник Татаринов, бывший перед этим на той же должности в Болгарии. Пробыл он на этой должности в Румынии с 8/II по 20/XII 1916 года. Сеть его к декабрю 1916 года состояла из 13 агентов, на оплату которых было израсходовано 32.304 франка.

С декабря 1916 года военного агента полковника Татаринова сменил полк. Палицын, но его агентурная работа совсем разла-

дилась. С первого же дня у него началась склока с управлявшим русской дипломатической миссией в Румынии - Мосоловым. Последний, ссылаясь на свой быв. военный чин, настаивал, чтобы Палицына ему подчинили. Кроме того, он требовал от Ген. штаба присылки офицера на должность своего личного секретаря.

Начальник Ген. штаба Аверьянов очень вежливо и дипломатически ответил, что "полковнику Палицыну дано предписание руководствоваться в своей работе указаниями вашего превосходительства и сообщать вам для сведения копии своих донесений в ставку и в Огенквар".

Из этого Мосолов сделал вывод, что Палицын и весь его аппарат ему подчинены. Он начал распоряжаться подчиненными Палицына даже без ведома и согласия последнего. Палицын, не желая мириться с таким положением, подал в отставку, которая принята не была. Аверьянов еще раз пустился в дипломатию, телеграфируя Мосолову: "...Не найдете ли ваше превосходительство возможным ваши поручения лицам, состоящим в распоряжении полк. Палицына, передавать через сего последнего".

Но Мосолов "не понимал" этих "толстых намеков на тонкие обстоятельства" и продолжал распоряжаться военным агентом и его аппаратом.

Понятно, что при таких условиях не могло быть и речи об успешном ведении Палицыным работы по агентурной разведке.

В общем же результаты работы агентурной сети военных агентов в Румынии оценивались Ставкой неважно, не только по Австрии, Болгарии и Турции, но и по самой Румынии.

В Сербии до начала 1916 года военным агентом состоял Ген. штаба полковник Артамонов. Это - один из многих русских военных агентов, искавших оправдание своему бездействию "в трудной обстановке". Он писал в Ген. штаб, что с объявлением Австро-Венгрией войны Сербии разведка была совершенно парализована австрийцами, не останавливавшимися перед принятием таких мер, как поголовное заключение в тюрьму, а часто и расстрел всех более или менее видных народных деятелей южного славянства (священников, учителей, литераторов, журналистов и т. д.). Якобы, благодаря этим мерам, все,

принадлежавшие к сети Артамонова, агенты "исчезли бесследно".

Непосредственное соприкосновение армий в период от вторжения австрийцев в Сербию и до окончательного изгнания их 2/ХІІ 1914 г. давало Артамонову достаточно подробные сведения о войсках противника, находившихся на сербском фронте.

"Развращенный" этими сведениями сербской войсковой разведки, Артамонов находил организацию новой сети разведки в военное время "нелегкой по трудности подыскания надежных лиц, не являющихся австро-германскими агентами, распространителями ложных сведений".

Однако, когда сербская армия была изгнана австрийцами с сербской территории, войсковая разведка стала давать все меньше и меньше сведений о противнике, а так как русское верховное командование требовало этих сведений, Артамонов воле-неволей вынужден был с половины апреля 1915 года приступить к созданию своей агентурной сети. Он приступил к организации агентурной сети через Бухарест и Турн-Северин до Будапешта, избранного им главным пунктом наблюдения, причем предполагал разместить агентов в Гросвардейне, Араде, Темешваре и Сегедине. Агентов для этой цели он, конечно, сам не вербовал, а обратился с просьбой к Сербской верховной команде дать ему сербских офицеров и чиновников, что последняя и сделала.

Но уже в конце апреля 1915 года Артамонов "передумал" этот вопрос и решил, что ему не для чего вести самому разведку, ибо сербская верховная команда имеет своей разведывательный отдел. С апреля 1915 года Артамонов начал выдавать этому разведывательному отделу суммы, получавшиеся им на ведение агентурной разведки, получая взамен от разведывательного отдела агентурные сведения о противнике.

Таким образом, Артамонов обошел "трудные обстоятельства" в деле ведения агентурной разведки. В начале 1916 года он был переведен в Салоники, где, как мы ниже увидим, опять таки старался свалить ведение агентурной разведки на других, в данном случае на французов и англичан.

В Греции, во время войны русским военным агентом был Ген. штаба полковник Гудим-Левкович. По всей вероятности, он

попал на эту должность по чьей либо протекции, не зная, что с этой должностью связана и агентурная разведка. К последней его "душа не лежала", он ее боялся и не знал как ее вести. Он писал в Генеральный штаб о своих "терзаниях" следующее:

"...Наученный в предыдущие годы тяжелым опытом, не только своим, но и наших союзников, имевших гораздо более средств, лично им преданных людей их национальности, а главное - подготовленных заранее в мирное время агентов, я, соблюдая казенные интересы, с особой осмотрительностью и осторожностью решался тратить казенные деньги на эту разведку".

Как видим, Левкович полагал, что его задача не разведку вести, не собирать столь необходимые сведения, а лишь "соблюдать казенные интересы", экономя деньги.

Дальше, его пугала "полная оторванность Турции, немецкий террор, немецкая систематичность в контролировании как внутреннего управления империи, так и особенности деятельности полиции", которые якобы делали даже "попытки разведки почти безнадежными".

Совершенно отказаться от ведения разведки он также боялся, ибо в его распоряжении имелись "специально отпущенные средства". Исходя из этих соображений, он, "несмотря на убеждение в малой целесообразности подобных попыток" (вести разведку), все же старался "наладить по возможности сбор сведений о Турции".

Но когда он приступил к сбору этих сведений, то опять наступило "смущение". Его "смущало главным образом то, что нас интересует преимущественно Босфор и прибосфорский район, что как раз наиболее оберегалось германо-турками от шпионажа".

В результате всех этих "смущений" и "боязней", Левкович заболел манией экономии, забыв, что во время войны не о деньгах плачут, а об отсутствии сведений о противнике. Ген. штаб требовал этих сведений, игнорируя манию экономии Левковича, и под этим нажимом он, с болью в сердце, решил, в конце концов, взяться за разведку. Как он это делал, пусть лучше сам расскажет:

"...Итак, в 1916 году мною было предпринято следующее:

1. Прошлогодний агент в Константинополе, как переставший давать ценные сведения, был ликвидирован.

"2. Был ликвидирован также и посредник для сношений с другим агентом ввиду подозрения, что последний выехал из Константинополя и сведения набирались от случайных приезжих.

"3. Был нанят агент в Салониках (с уплатой по 300 драхм в месяц, драхма - 37,5 коп.), который должен был собирать в Салониках и в восточной Македонии сведения о Турции и Болгарии.

"В первое время он давал интересные сведения, но, по мере возрастания трудностей сообщения Греции с Болгарией, - сведения становились все скуднее. Ознакомившись с положением дел в Салониках на месте, я решил отпустить этого агента, продержав его 4 1/2 месяца.

"4. В Салониках мне предложил рекомендованный болгаро-грек быть посредником между мной и известным ему лицом в Дарма, - имевшим дело с контрабандистами. Путем посылки их через Ньюильджина во Фракию предполагалось организовать сбор сведений по Турции.

"Большие расходы (агенту в Дарме - 1.000 тур. лир в месяц, посреднику - 400 лир, аванс в 100 тур. лир и наградные за каждый "рейс") в связи с ненадежностью организации побудили меня, прежде чем согласиться на предложение, сделать пробу.

"Я предложил 600 драхм за доставку в виде опыта таковых сведений. После ряда переговоров, наконец, опыт был произведен и дал весьма скудный результат; посреднику пришлось выдать за хлопоты 150 драхм.

"Захват впоследствии болгарами восточной Македонии все равно прекратил бы эту организацию, и это оправдало мое нежелание тратить деньги.

"5. Все время, подыскивая надежное лицо для отправки в Константинополь или в Малую Азию, я, наконец, нашел, совместно с морским агентом, бывшего греческого консульского чиновника из Малой Азии, согласившегося ехать в Константинополь и заручившегося лучшими рекомендациями не только от греческого

министерства иностранных дел, но даже от афинских немцев. Ему удалось проскочить с поездом, коему болгары разрешили отойти от греческой границы в Константинополь...

"Он должен был вернуться через 2-3 месяца, но мы о нем ничего более не слыхали. Прошел слух, что, он пойман и повешен...

"6. Мне рекомендовали одного грека, родившегося в Болгарии и имевшего там родных, который был не прочь поехать туда за хорошие деньги. Я его выписал из Патроса, но нашел его мало подходящим к роли агента, как не знающего вовсе военного дела и бывшего, по натуре, мало расторопным и трусом.

"7. Мне горячо рекомендовали студента-грека, который заявил мне, что его друг в Бернском университете сообщил ему через третье лицо, что, видя как кругом наживаются агенты, он не прочь был бы попытать счастье на этом поприще, зная хорошо Константинополь.

"После долгих переговоров я решился на это, так как путь через Австрию был наиболее надежный. Дав подробные инструкции, я отправил студента, в Берн, причем для контроля он должен был явиться к известным лицам, кои мне условно сообщат о его приезде. Студент согласился было ехать, но захотел предварительно проехать в Вену, чтобы собрать сведения. Пробыв в Вене 4 дня, он вернулся в Берн и наотрез отказался от работы, будучи запуган формальностями в Вене и рассказами греков о терроре в Константинополе. Неудачная посылка студента - путевые, суточные и наградные (! ?) обошлись в 1.500 драхм.

"Бернский студент потребовал было 500 драхм, но, в виду моих угроз, удовлетворился оплатой билета в Вену и обратно.

"8. Мне предложили обратиться к известному лицу в Измиде для получения сведений об этом районе и по железной дороге. Поручение должен был передать, по всем данным, турецкий агент - его родственник, возвращавшийся через Малую Азию. Он должен был послать поручение за 10 тур. лир, а лицу в Измиде надо было дать в виде задатка такую же сумму. Он исполнил поручение и я получил сведения из Измида, но с большим опозданием и весьма общие и сбивчивые.

"Большая проволочка и малая ценность сведений заставили меня прекратить и эту организацию.

"9. Я вошел в сношение с главным организатором разведки греческой военной агентуры в Константинополе, вынужденным спешно покинуть Константинополь. Он согласился, получая 800 драхм в месяц, войти в сношения с преданным ему лицом в Константинополе, которому я должен был платить по 500 драхм в месяц.

"Доверенное лицо его отправилось в Константинополь, но перерыв сообщений путем дипломатического греческого курьера и германофильство греческого посланника в Константинополе нарушили всю организацию.

"10. Ко мне явился наш консульский чиновник в Константинополе И. с предложением пробраться в Смирну, а оттуда - куда угодно для целей разведки. Для обеспечения успеха его надо было высадить на Инглессониз, снабженного легкой лодкой и привинтным мотором. Предложение показалось заманчивым мне, морскому агенту и англичанам.

"Все было устроено и приобретено, но, к сожалению, англичане покинули Инглессониз и он был занят турками. И. вернулся обратно через Афины в Салоники, доложив, что с занятием острова турками все предприятие пало. Просьба его доставить на материк на аэроплане была отвергнута англичанами.

"11. В Салониках по рекомендациям я выписал из Самоса одного контрабандиста с целью послать его через Смирну по линии железной дороги. Он не особенно охотно соглашался, требовал большую сумму и мало внушал мне доверия. Заплатив ему за вызов и расходы 260 драхм, я его отпустил".

На этом и кончается повествование самого Левковича о его попытках вести разведку в Турции. Сам он ее тоже называл "неудачной". Но за то Левкович гордился своей разведывательной деятельностью в самой Греции. Чтобы нас не могли обвинить в пристрастном отношении к этому "неудачнику", мы опять даем слово ему самому:

"...На месте, в Афинах, мне удалось заполучить на службу доверенное лицо турецкого военного агента, бывшего турецкого

офицера. Он сообщал мне довольно интересные сведения, я ему платил 200-250 драхм в месяц, плюс наградные, и по отъезде в Салоники передал его морскому агенту. Большинство его сведений получалось, от этого агента.

"Затем были случайные сведения от редких проезжих из Турции, с заднего хода греческого министерства иностранных дел и т. д.

"В самой Греции, в виду германофильствующего короля, его клики и немецкой пропаганды, надо было держать агентов-осведомителей. Таковой и был у меня за 300 драхм в месяц. Осенью я его отпустил, но 18-го ноября опять нанял.

"Я был единственный, у кого были агенты, ибо все другие у моих коллег разбежались и перетрусили. Он мне доставлял ценные сведения... У него же есть родственники в лиге резервистов.

"В эту лигу я заставил поступить и другое доверенное лицо, но через полтора месяца ему пришлось спастись в Салоники в виду подозрений логистов.

"Кроме того, я посылал для объезда и сбора сведений о войсках и резервистах особых агентов в Пелопонесс, Калабаку и Фессалию.

"...Одно лицо устраивало мне свидания с агентами путем поездок на его автомобиле, спасая меня от выслеживания агентов, а другое предоставило свою квартиру для переговоров..."

В общем, за 1914-1916 гг. Левкович истратил на "попытки разведки" 81.848 драхм.

Этот, совершенно безграмотный в отношении разведки, полковник Ген. штаба был сменен в начале 1917 года. Вместо него был назначен ген.-майор Муханов. Однако, этот генерал ударился в еще большую панику и уже в апреле 1917 года доносил в Ген. штаб, что все его попытки организовать разведку по Турции и Болгарии дали весьма ничтожные результаты. Он писал, что никакой организации разведки он там не нашел, а "создавать ее теперь вновь - не представляется возможным".

К причинам, не позволявшим организовать разведку заново, Муханов причислял "до крайности затрудненные сношения с турецким побережьем", незнание им греческого языка, недостаток

людей, годных для службы агентами и пр. Поэтому Муханов предпочел "работать по разведке вместе с нашим морским агентом".

Эта совместная работа, по словам самого Муханова, производилась следующим образом:

"...Работа у нас общая. Совместно мы ищем агентов, даем задачи, отправляем куда нужно и вместе платим за услуги их. Непосредственную работу по сбору сведений, подысканию агентов и все переговоры ведет лицо, которое работало и для Гудим-Левковича. Донесения наши, поэтому тождественны. Попытки Гудим-Левковича послать людей в Турцию не увенчались успехом и он совершенно отказался от повторения их. Не видя другого способа получения сколько-нибудь надежных сведений, мы решили вновь заняться этим. В данное время у нас командировано в Турцию три агента, толковых и, нужно думать, - надежных.

"Для разведки болгар пока ничего не удалось сделать..."

Описав, таким образом, свою агентурную деятельность, Муханов пришел к весьма пессимистическому выводу:

"Принимая во внимание: 1) Создавшиеся условия для разведки здесь и в связи с этим ничтожность результатов работы; 2) Необходимость работать вместе с морским агентом; 3) Опытность капитана 1-го ранга Макалинского, - не могу не чувствовать свое пребывание здесь совершенно излишним".

Когда Ген. штаб убедился, что Муханов действительно там является "лишним", он дело агентурной разведки поручил другому генералу - Артамонову, состоявшему в то время комендантом Салоник и известному уже нам по его агентурной работе в Сербии, судя по которой от него, конечно, никаких результатов нельзя было ожидать и здесь. Так и вышло. Как только Ген. штаб поручил ему ведение агентурной разведки, он немедленно написал, что для него "выяснилась бесполезность и почти невозможность" в данных условиях организации "здесь особой русской разведывательной сети, ввиду наличия здесь разведывательных и охранных организаций французской и английской армий, располагающих значительным личным

составом и неограниченными средствами". Артамонов утверждал, что "отдельная русская разведка бесполезна, ибо все источники осведомления названными штабами использованы, серьезных предложений не поступает, покупать же фабрикуемые сведения нежелательно. Мне уже дважды пришлось предупреждать Муханова, что сообщаемые им из местных источников сведения о противнике сплошь неверны. Вместе с тем русская агентурная разведка была бы затруднена недоверием французского командования здесь к славянам вообще, а к русским после революции в особенности и опасением о наших сношениях с противником. Да и трудно было бы при наличии французской и английской армейских организаций доказать названным штабам необходимость русской организации. Между тем, во избежание немедленного ареста высылаемых агентов, пришлось бы входить со штабами в сношения и давать объяснения, как это требовалось мне сделать для капитана Сурина, посланного Одесским округом в Грецию для связи с агентами южной Малой Азии, каковую деятельность я считаю безуспешной. Недоверие французского штаба и препятствия с его стороны затруднили сербскому штабу разведку до такой степени, что за год пребывания здесь сербы израсходовали на это дело менее 5.000 франков..."

Один из генералов Ген. штаба - Потапов на этом рапорте Артамонова глубокомысленно написал: "Нужно обождать, что будет сообщать ген. Артамонов в ближайшее время. В случае если сведения эти окажутся неудовлетворительными, придется категорически предложить организовать агентурную сеть".

Нам неизвестно, какими оказались сведения Артамонова за "ближайшее время" и что предпринял Ген. штаб.

Из приведенных фактов ясна лишь та неразборчивость, с какой Ген. штаб выбирал своих резидентов на местах...

Военным агентом в *Бельгии* и *Нидерландах* состоял полковник Ген. штаба Майер. Он тоже, как и военный агент в Италии, получил 20/VII 1914 года предписание Ген. штаба - во что бы то ни стало выяснить, куда будут направлены внутренние германские корпуса. Майер в срочном порядке отправил в Германию одного агента, израсходовав на это 7.500 рублей и 6.500

бельг. франков, но, как видно, задания в срок не выполнил.

В начале войны Майер развернул довольно кипучую агентурную деятельность. Его сеть состояла из 22-х агентов. Но уже в сентябре 1914 года он получил предписание Ген. штаба - сократить агентурную сеть. В феврале же 1915 г. Ген. штаб предписал Майеру "всеми мерами ускорить поступление агентурных сведений и возможно бдительнее наблюдать за переброской войск противника". Не успев выполнить первого предписания, Майер, вместо сокращения сети, начал ее опять расширять и увеличивать, дабы выполнить второе предписание Ген. штаба. Русский Ген. штаб, по всей вероятности, считал такое постоянное противоречивое дергание руководством работой своих местных органов...

Майер обращал главное внимание на железнодорожные узлы Бельгии и Западной Германии, т. е. старался учитывать германские войсковые переброски. Но удавалось это ему крайне плохо. Этот военный агент тоже, как видно, в первый раз в своей жизни столкнулся непосредственно с разведкой и поэтому от его деятельности Ген. штаб хороших результатов ожидать не мог.

Так, например, в его сети видное место занимали какие-то почтальоны; он платил им не только жалованье и суточные, содержал квартиры, оплачивал раз'езды, но некоторым из них даже покупал автомобили...

Понятно, что такого рода "тарифная политика" вызывала большие накладные расходы, которых не могли оправдать результаты работы. Но этого еще мало. В июле 1917 г. Майер телеграфировал в Ген. штаб, что "организация "Аргус" и "Гермес" просят его гарантировать пенсии тем бельгийским семействам, которые могут лишиться своих кормильцев на службе по разведке". Для большей убедительности он добавлял, что "подобные пенсии уже выплачиваются французским военным агентом". "Забыл" он добавить лишь одно, что французский военный агент эти "пенсии" выплачивает при помощи удержанных из жалованья агента сумм. Ген. штаб все же дал свое принципиальное согласие - пообещать им выплату этих пенсий.

Результаты агентурной работы Майера Ген. штаб считал

слабыми.

Военным агентом в *Болгарии* до ее вступления в войну состоял Ген. штаба полковник Татаринов. Он освещал Болгарию, Турцию и Австро-Венгрию, причем его турецкой сетью руководил русский вице-консул в Деде-Агаче; сам же он все внимание сосредоточил на Болгарии и Австрии. Здесь мы видим самую разнообразную деятельность Татаринова: то он наблюдает за германской контрабандой, то за безопасностью флотилии контр-адмирала Веселкина на Дунае, то взрывает склады бензина и керосина в Бургасе, то ведет пропаганду в болгарской военной лиге, то содействует бегству болгарских офицеров в Россию, то покупает венки на гроб иеромонаха Ферапонта и пр. и пр.

Татаринов оказывал также всевозможное содействие разведывательной организации Ген. штаба, возглавлявшейся неким Шварцем; снабжал деньгами и "добрым советом" заблудившихся агентов агентуры VII-го русского корпуса, поддерживал агентов дунайского пароходства и пр.

Как видим, Татаринов проявлял самую кипучую разностороннюю деятельность, большей частью ничего общего с его непосредственной задачей, и даже с агентурой вообще не имевшую.

Если верить денежному отчету Татаринова, то в течение 9-ти месяцев 1916 года он имел в составе своей сети 48 агентов разного назначения, среди них даже целые организации неизвестной численности, как, например, "армянская колония" в Константинополе, причем содержание их стоило 163.347 бол. левов.

Однако, несмотря на такую обширную сеть, результаты работы ее оставляли желать гораздо лучшего.

В *Швейцарию*, после того, как в начале войны там провалился Турко, военным агентом был назначен ген.-майор Головань.

Швейцария во время войны являлась одной из тех нейтральных стран, из которой все воевавшие старались вести друг против друга разведку. Русский Ген. штаб в этом отношении не являлся исключением. Но в то время как остальные страны имели в Швейцарии руководителями своей агентуры молодых и способных офицеров Ген. штаба, русский Ген. штаб поручил это

дело генерал-майору, совершенно не подходившему для такого живого дела, как агентурная разведка. Эти основные недостатки Голованя русский Ген. штаб старался компенсировать посылкой помощников из молодых прапорщиков в качестве руководителей отдельными разведывательными организациями. Так, например, в начале 1917 года в распоряжение Голованя был послан прапорщик Ленкшевич, работавший там под кличкой "Брут". По словам Голованя, "Брут" "немедленно по приезде весьма энергично взялся за дело", но миссия отказалась без разрешения министерства иностранных дел легализовать его перед швейцарскими властями.

В сентябре же 1917 года Головань об этом прапорщике писал в Ген. штаб следующее:

"...В настоящее время работа организации "Брута" стала еще менее продуктивной. Один, казавшийся способным, агент этой организации, повидимому, уклоняется от работы, быть может, удовлетворившись заработанной суммой. Второй агент, по сведениям Союзнического Бюро в Париже, был заподозрен в состоянии на службе у противников, а третий агент, как доложил мне теперь "Брут" заявил, что его помощник якобы по недоразумению рассказал одному лицу, оказавшемуся германским агентом, систему работы и сотрудников у того третьего агента.

"В тоже время, по дошедшим до меня сведениям, личные денежные дела "Брута", повидимому, еще более запутываются. При этих условиях дальнейшая деятельность "Брута" представляется совершенно бесполезной и может грозить полным крахом".

Мы на этой характеристике организации "Брута" так подробно остановились потому, что именно она в 1917 году дала "сведения" о том, что, "Владимир Ильич Ленин - подкуплен немцами". В Ген. штабе ухватились за эти сведения, но все же запросили у Голованя подтверждения их. Головань подтверждения не дал, но, как известно, это не помешало Ген. штабу поднять в

¹Подлинная телеграмма с этими сведениями и многочисленными резолюциями высокопоставленных лиц правительства Керенского нами передана в 1923 г. в Истпарт при ЦК ВКП (б).

газетах кампанию против тов. Ленина. Характеристика же, данная Голованем организации "Брута" и ему самому, показывает, что это была за организация и какую веру можно было придавать ее сведениям.

Помимо организации "Брута", Головань имел еще кое-что. Так, в 1914 году он оплачивал трех постоянных агентов (10.535 франков), пять раз покупал случайные сведения у "случайных лиц" и купил у шести лиц "секретные документы". В общем же на такого рода агентуру за весь 1914 год он израсходовал 93.910 франков, 1.000 руб. и 100 германских марок.

В 1915 году он израсходовал "на агентурную работу", уже 198.843 франка.

В 1916 г. агентурная сеть Голованя как будто бы увеличилась, но расходы почему-то уменьшились (48.461 франк). В денежном отчете за 1916 год у Голованя фигурирует две агентурных организации и 13 отдельных агентов.

Нам кажется, что нет надобности доказывать, что работа этих организаций и отдельных агентов и вся вообще агентурная работа Голованя, как разведчика, не оправдала произведенных расходов.

В Дании, военным агентом состоял Ген. штаба полковник Потоцкий. В мирное время русский Ген. штаб разведки на Германию из Дании не вел. Одно время там лишь содержалась небольшая голубиная станция, предназначенная в случае войны для поддержания связи с агентурной сетью в Германии. Однако за несколько лет до начала войны, эта голубиная станция была ликвидирована.

Потоцкий, как почти и все остальные военные агенты в европейских странах лишь 28/VII 1914 года получил предписание Ген. штаба - в срочном порядке создать агентурную сеть в Германии. В августе 1914 года Ген. штаб повторил свое предписание, предложив развивать, елико возможно, агентурную сеть. Для начала Ген. штаб передал Потоцкому двух своих агентов - Юргенсона и Смокова. Сам Потоцкий к концу 1914 года уже имел 14 своих агентурных организаций, конспиративную квартиру, держателя группы почтовых адресов и пр., израсходовав

на все это 83.047 датских крон (крона - 52 коп.).

В 1915 году агентурная сеть Потоцкого получила еще большее развитие. Постоянных организаций с разным количеством агентов у него было 11. В стадии формирования находилось 9 организаций, одна из которых была предназначена специально для работы по контр-разведке, два держателя почтовой сети, несколько конспиративных квартир, контор, телефонов и пр.

В том же году Потоцкий приступил к покупке разных документов. Так, например, им был куплен "дневник германского дезертира", сведения о железных дорогах, сведения по морской части, сигнальная лампа с чертежами и пр.

В том же году Потоцкий начал "поддерживать" журнал "Скандинавский Торгово-промышленный Вестник", выдавая ему по 6.690 крон, в год. Он подкупал также представителей прессы нейтральных стран, в том числе редактора одного датского журнала.

В общей сложности расходы Потоцкого за 1915 год достигли колоссальных размеров, выразившись в сумме 270.233 кроны.

Кроме того, в 1915 году на Потоцкого были возложены посреднические функции по поддержанию связи между штабами некоторых фронтов и округов и их агентурными организациями, работавшими против Германии из Дании. Так, например, он поддерживал связь с организациями штаба северо-западного фронта, выдав им за 8 месяцев 162.489 крон, а когда этот фронт был разделен на два фронта - северный и западный, все агентурные организации перешли к последнему и Потоцкий за два месяца выдал им еще 60.844 кроны.

Потоцкий поддерживал связь также между штабом Одесского военного округа и его агентурной сетью, работавшей из Дании против Германии.

В начале 1916 года сеть Потоцкого еще больше расширилась, достигнув 20 отдельных организаций; правда, некоторые из них насчитывали в своем составе лишь по одному человеку. Однако к концу года из этих 20 организаций осталось по разным причинам лишь 9 отдельных агентов, тративших в месяц до

12.000 крон. Эти оставшиеся агенты, якобы, имели свои шупальца в Берлине, Гамбурге, Шлезвиге и т. д.

В том же году Потоцкий купил рецепты каких-то новых взрывчатых веществ, фотоснимки каких-то документов, чертежи проволочных заграждений, карты Киперта, какую-то польскую брошюру, социал-демократические брошюры и книги и пр. В этом году его агентурные расходы достигли уже суммы 298.811 крон.

В сентябре 1917 года Потоцкого постигло несчастье. Он получил сообщение, что в Берлине раскрыта "большая разведывательная организация союзников", в том числе и русских. Арестовано было 20 человек. В это дело были замешаны английский, русский, французский и голландский военные агенты в Дании. Потоцкого беспокоило сообщение, что немцы "желают это дело предать широкой огласке". Почти одновременно с этим донесением огласка началась. В Датской газете "Социал-демократен" появилась статья, в которой был перечислен "ряд руководителей русской разведки, как-то "Гектор" (организация полковника Ген. штаба Раш, непосредственно подчиненная Ген. штабу), причем была названа его фамилия и кличка, Энгельгард-Кациволков - агент Фальковского (последний глава одной из организаций штаба Западного фронта) и другие, с перечислением их агентов и других подробностей".

С этого момента агентурная сеть Потоцкого начала рушиться и восстановить ее ему уже больше не удалось до конца войны.

Генеральный штаб считал агентурную работу Потоцкого одной из лучших, хотя, если беспристрастно отнестись к ней, навряд ли ее можно назвать даже удовлетворительной.

Но был ли виноват в этом только Потоцкий? В одном из своих писем на имя Огенквара он еще в октябре 1915 году писал:

"...Я бы хотел получить хоть какие-нибудь руководящие данные для дальнейшей моей работы: на чем больше надо сосредоточиться, как размежеваться с органами фронта, и вообще - надо ли развернуться, преследуя активные выступления, рассылку прокламаций и пр."

Но напрасно Потоцкий взывал о "хоть каких-нибудь руководящих данных", от Ген. штаба не только он, но и никто из русских разведчиков их не получал...

Необходимо отметить, что в 1916 году англичане заподозрили Потоцкого в шпионаже в пользу Германии. Они об этом сообщили русскому морскому агенту в Лондоне, который донес в Морской Ген. штаб, а последний сообщил начальнику Ген. штаба. Начальник Ген. штаба, не отрицая такой возможности, просил дать доказательства и в заключение добавил, что по своим служебным обязанностям "Потоцкий должен сноситься с Берлином". Чем это дело кончилось, нам неизвестно.

В Швеции и Норвегии военным агентом состоял полковник Кандауров.

Его агентурная деятельность была крайне слабой и бессистемной. Сам он объяснял это тем, что "при нынешних обстоятельствах, когда события меняются с огромной быстротой, организация постоянной агентурной сети в Швеции, в стране с явно германофильской политикой, не отвечала бы интересам дела и подобная организация неминуемо очень быстро была бы раскрыта. В общем, были бы лишь огромные расходы, которые не окупились бы полученными результатами. Поэтому было гораздо целесообразнее пользоваться услугами хотя и одних и тех же лиц, но, не придавая их работе характера постоянной организации".

Исходя из этих, мы бы сказали, весьма странных и неубедительных, предпосылок, Кандауров занимался разведкой от случая к случаю. Он имел шесть агентов: одну американку, одного шведа, двух нештатных секретарей русского ген. консульства в Стокгольме, дезертира - германского летчика Мюллера и финна Нильсена.

Американка два раза съездила по поручению Кандаурова в оккупированные немцами русские области, получив за это 1.130 шведских крон.

Швед, живший в г. Лунд, доставлял Кандаурову сведения о "германо-финской пропаганде на юге Швеции": "Один раз он также ездил в Германию, с целью ознакомления с деятельностью там финнов и общим положением".

Нештатные секретари русского ген. консульства за плату (?! К.З.) давали Кандаурову сведения о лицах, визирующих в нашем ген. консульстве в Стокгольме паспорта и наводили другие подобного рода "мелкие справки". Один из них, кроме того, "организовал наблюдение за деятельностью германо-финнов в Хапаранде".

Финн Нильсен выполнял какие-то специальные задания Огенквара. Мюллер три раза ездил в Германию и привез оттуда кое-какие сведения. Кандаурову этот агент причинял много "головных болей", ибо отказывался давать расписки в получении денег. Кандауров, наконец, поставил его дальнейшую службу в зависимость от дачи расписок, после чего Мюллер сдался.

Кандауров имел еще нескольких случайных агентов. Так, например, у него был финн "Харанен", доставлявший "в течении шести недель сведения об организации финно-немецких вербовочных бюро в Стокгольме" и другой финн, "не желавший назвать себя даже условной кличкой", дававший "адреса различных германо-финских агентов в Швеции".

Кроме того, Кандауров интересовался также и Швецией. Но там его разведка носила невинный характер, ибо в Швеции, "где печать отличается поразительной откровенностью даже в области государственной обороны, можно, при внимательном изучении этих материалов, почерпнуть такие сведения, которые далеко не всегда может дать даже очень хороший агент тайной разведки".

Как видим, Кандауров всеми правдами и неправдами старался уклониться от ведения агентурной разведки. Ген. штаб тоже почему-то воздействовал на него в этом отношении крайне слабо.

Однако, несмотря на почти полное отсутствие у Кандаурова агентурной сети, он все же израсходовал за 1910 год 17.515 шведских крон.

Во Франции военным агентом состоял Ген. штаба полковник граф Игнатьев.

20 июля 1914 г., как и все остальные военные агенты, он получил известное предписание-запрос Ген. штаба относительно сосредоточения внутренних германских корпусов. Как и все

остальные военные агенты, и он решил исполнить это предписание и послал специального агента в Германию, уплатив ему 2.500 франков, но результатов не добился.

На этом агентурная деятельность Игнатьева и закончилась. Он лишь время от времени выдавал пособия "заблудившимся и прогоревшим" агентам других русских разведывательных центров. В 1915 году прекратилась и эта его деятельность и он, что называется, с головой ушел в дела военных заказов русского военного ведомства во Франции, а агентура всецело перешла к его младшему брату подполковнику Игнатьеву II-му, о деятельности которого речь будет ниже.

В Англии военным агентом состоял ген.-лейтенант Ермолов. Его "агентурная" деятельность в 1914-1915 гг. выражалась в "оплате случайных сведений", посылке агента Рабиновича в Германию для установления сосредоточения внутренних германских корпусов (75 англ. фун.) и выдаче "восемью агентам штабов фронтов 444 англ. фунтов на возвращение в Россию¹". В 1915 г. и эта "деятельность" прекратилась.

В 1915 году Ермолов принимал деятельное участие в поддержании связи между английской и русской разведками по обмену разведывательными данными. Англичане довольно хорошо специализировались на добыче разных турецких шифров. Так, в январе 1915 года Ермолов сообщал Ген. штабу, что "английский Ген. штаб вручил мне секретный турецкий шифр великого визиря, захваченный в Египте".

Через несколько дней после этого сообщения, Ермолов от имени английского Ген. штаба просил русский Ген. штаб прислать возможно больше перехваченных и не разобранных германских телеграмм "для практики разбора здесь". При этом Ермолов добавлял, что "между английским Ген. штабом и адмиралтейством существует сильный антагонизм" и поэтому о том, что получается от первого, нельзя говорить второму и наоборот.

¹6 из этих агентов были агентами Западного фронта. В Ген. штабе недоумевали: "Зачем Базаров командует их в Англию? Очевидно, дело это на фронте обстоит нехорошо";

Другие два агента служили в агентуре штаба Северного фронта.

Получив эту телеграмму Ген. штаб затребовал от барона Палена, ведавшего в русском министерстве иностранных дел дешифровкой шифровок других стран, все разобранные и не разобранные германские телеграммы.

Пален ответил, что у него 17 не разобранных германских шифровок, а для того, "чтобы иметь надежду разобрать шифр, нужно не менее 50". Ген штаб посоветовал Палену снять копии с этих 17 шифровок, а подлинники отправил англичанам.

14 января 1915 года Ермолов передал Ген. штабу следующий запрос "отделения секретной разведки английского Ген. штаба":

"1. Доволен ли Огенквар передаваемыми сведениями?"

Ответ: да.

"2. Встречается ли нужда в большем количестве сведений и какого рода?"

Ответ: если можно, в частности по английский армии и о боевых действиях.

"3. Не являются ли передаваемые французские сведения повторением известного уже?"

Ответ: да, но французские сведения приходят с пропусками, иногда ошибками, сведения же английской разведки их дополняют".

В заключение Ермолов просил довести до сведения английского Ген. штаба о "ревностной деятельности англ. майора Кампбеля на пользу русской армии". В ответ на эту просьбу русский Ген. штаб задал Ермолову вопрос: "Поблагодарят ли его (Кампбеля) за это англичане?"

Этот маленький вопросник вскрывает закулисную подоплеку взаимоотношений "союзников".

Кроме того, эта переписка показывает также нетактичность русского Ген. штаба, требовавшего сведений от английской разведки об английской же армии (ответ на вопрос 2-ой).

17 января того же года Ермолов по просьбе английского Ген. штаба просил "прислать германский шифр, если таковой оказался на подбитом русскими цеппелине". Кроме того, Ермолов сообщил, что англичане надеются в скором времени передать русским

еще один турецкий шифр.

22 января 1916 года Ермолов послал в Ген. штаб полученные от англичан шифры:

1. Два экземпляра шифра турецкого военного министра Энверпаши;

2. Один экземпляр шифра турецкого великого визиря.

Русский Ген. штаб распределил эти шифры между министерством иностранных дел и штабом Кавказского фронта.

28 апреля 1915 г. Ермолов сообщил, что "с ночи 9 на 10 мая н. ст. германский показатель для сношений армий на русском фронте с флотом по-немецки "Neun milliarden".

Маленькая деталь. В официальном аппарате Ермолова состоял шифровальщиком великий князь Михаил Михайлович. Последнему очень хотелось проникнуть в разные секреты Ермолова. Выведенный из себя постоянными приставаниями своего "высокопоставленного" шифровальщика, Ермолов запросил Ген. штаб. Последний ответил:

"Представляется безусловно нежелательным посвящать великого князя в дела агентуры".

Этим, можно сказать, и исчерпывалась "агентурная" деятельность военного агента в Лондоне...

В Америке военным агентом состоял ген. Николаев. Оценку его разведывательной деятельности дает начальник разведывательного делопроизводства Огенквара в следующих выражениях: (см. его доклад от ноября 1916 года № 50.305):

от "...В заключение необходимо оказать, что весь перечисленный материал, доставленный военным агентом в Америке, являясь совершенно несистематическим и даже случайным, совершенно не обрисовывает положения дел в Америке и не дает понятия о круге деятельности нашей военной агентуры в Америке.

"Так, в материалах упоминается о работе около 140 агентов-наблюдателей на заводах, выполняющих русские заказы, но донесений их совершенно не имеется, также как совершенно не освещены вопросы о посредниках, комиссионерах, о причинах невыполнения в 1914-1916 гг. наших военных заказов и пр..."

При самом большом желании, мы не могли бы по имеющимся у нас материалам дать более убийственную оценку агентурной работе военного агента в Америке, чем это сделал начальник разведывательного делопроизводства.

В августе 1917 года Николаев сообщил начальнику Ген. штаба, что "начальник американского Ген. штаба ген. Скотт, высказываясь о необходимости полной и сердечной кооперации в деле военной разведке между русскими и американскими военными агентами, просит меня довести моему правительству, что военное министерство Америки желает, при посредстве своих военных агентов, действовать с нами сообща, в полнейшей мере, во всех вопросах, касающихся военной разведки..."

Ген. штаб приказал русским военным агентам "поддерживать с американцами связь, давать им сведения на почве взаимности", но "не раскрывать наших организаций".

В Японии во время войны военным агентом состоял полковник Ген. штаба Морель.

О его агентурной сети фактически нечего говорить, ибо имел он всего навсего одного агента. Этот агент "осведомлял" Мореля о жизни Токио. Он же раз'езжал и собирал "информацию" по другим городам Японии, например, Моджи, Осаки, Кобе и пр.

Расходовал Морель на этого агента около 1.500 иен в год (иена - 97 коп).

Отсутствие разведки в Японии, конечно, нельзя объяснять не заинтересованностью царской России в японских секретах. Наоборот, эта заинтересованность была слишком велика, ибо русские верхи допускали, что Япония, воспользовавшись "занятостью" России на европейских театрах войны, может захватить Манчжурию и часть Сибири. Объяснение отсутствия русской разведки в Японии во время войны нужно искать в многочисленных неудачах и крушениях попыток русского Ген. штаба создать агентурную сеть в Японии.

Ген. штаб до того сильно волновался вопросом отсутствия агентурной сети в Японии, что в декабре 1916 года поручил специальной комиссии проверить агентурную деятельность Мореля. Но что могла "проверять" эта комиссия, если никакой

агентурной деятельности, как мы видели, фактически не было. Однако, комиссия выяснила пару характерных мелочей. Во-первых, что агентурные суммы военного агента хранились в "русско-азиатском банке" в Иокогаме на имя "русского военного агента", т. е. в банке, операции которого в любое время японцы могли проверить. Во-вторых, комиссия установила, что военный агент "даже не имел прихода-расходной книжки и поступления и расходы комиссии пришлось устанавливать по прихода-расходной книге банка".

В Китае сеть военного агента насчитывала шесть агентов (в Пекине - 3, в Калгане - 1, Цзинаньфу - 1, Ханькоу - 1 и в Шанхае - 1). Эти агенты, по установленному военным агентом порядку, не сидели на одном месте, а разъезжали чуть ли не по всей стране. Так, например, в 1916 году такие путешествия были совершены агентами по Калганскому и Долониорскому районам, по провинциям Шэньси и Шаньсу и по провинциям, расположенным по долине реки Янцзы.

Военный агент очень "сожалел", что его секретным сотрудникам в 1916 году не удалось совершить такого путешествия по югу Китая, так как последний "был охвачен продолжающимся революционным движением". Агенты, как видно, у него тоже были неважные, ибо двум он "вынужден был уменьшить жалование в виде наказания за неаккуратность донесений". Единственно агент в Шанхае давал, по словам военного агента, ценные сведения "о немецко-корейской организации в Китае".

Военный агент в Китае занимался также пропагандой посредством рассылки пекинским газетам оперативных сводок штаба русского Главковерха.

В общем, эта жиденькая и слабенькая, с позволения сказать, агентурная сеть стоила в год около 10.000 китайских долларов (кит. доллар - 1 руб. 37 коп.).

В Цзицикаре (Китай) Ген. штаб имел негласного военного агента в лице консула С. В. Афанасьева. Он, почти за такую же сумму денег, как военный агент в Пекине, имел сравнительно обширную агентурную сеть, состоявшую из 10 агентов.

В Цицикаре он имел агентов в управлении китайского губернатора, в штабе главнокомандующего, в артиллерийском складе и еще двух без определенного места. Всех этих пятерых агентов объединял цицикарский резидент.

Кроме того агенты-резиденты были в городах: Далайеяне, Суихуасяне, Мэргэне, Хайлунсяне, Аньдасяне, Маосинчжане, Тацзычене и Баяньсяне; "под агенты" были в городах: Бояне, Хайлуне, Далане и Мэргэне.

Результаты работы этой сети по имеющимся в нашем распоряжении документам - не видны. Однако, можно предполагать, что Ген. штаб ими был удовлетворен.

В *Хорасане* (Персия) находился офицер Ген. штаба на правах военного агента. Он был обязан освещать северную часть Персии и частично Афганистан.

Сеть его в 1916 году состояла из шести тайных агентов (в Мешхеде - 1, Кабуле - 1, Герате - 1, Кандагаре - 1 и Мазар-Шерифе - 1); она стоила в год 9.000 рублей.

В 1915 году этот военный агент имел еще двух агентов, находившихся в Хафе, но "они начали давать сведения неверные" и были уволены.

В Афганистане русскую агентурную разведку в то время интересовали находившиеся там немцы и турки, русские туркмены и вообще "неустойчивое настроение этой страны".

Связь с агентами в этих бездорожных странах поддерживать было крайне трудно и требовало много времени. Например, агент, выехавший в Кабул в августе 1916 года, в начале февраля 1917 года еще не возвратился оттуда.

Выполнил ли этот военный агент возложенную на него задачу и как, - из имеющихся в нашем распоряжении материалов не видно. Однако, необходимо отметить, что и здесь русских выручала английская разведка, передававшая часть своих материалов русскому Ген. штабу.

По этому краткому описанию агентурной деятельности официальных военных агентов мы познакомились с системой и методами работы русского Ген. штаба во время войны. Мы видели также полное отсутствие руководства, или, вернее - наличие

сумбурного руководства со стороны Ген. штаба агентурной деятельностью военных агентов. Каждый из них работал, как хотел или как умел. Особенно поразительна по своей "академичности" оплата агентов. Для того, чтобы выдавать наградные агентам, *не выполнившим* поручения (Греция), - нужно иметь особые понятия о ведении агентурной разведки.

Слабость и недостатки агентурной сети, возглавлявшейся военными агентами, Ген. штаб старался компенсировать созданием в нейтральных странах параллельных агентурных организаций разного назначения.

Одну из таких параллельных агентурных организаций, существовавшую под названием организации "Гектора", возглавлял полковник Ген. штаба Раш. Что эта "организация" из себя представляла, - пусть лучше расскажет сам Раш (см. его доклад от 26/III 1916 года):

"...Сеть существует уже один год. Общее число агентов ныне:

в Германии - 3. Из них только один является пока вполне надежным; два других лишь недавно начали работу и удастся ли из них что-нибудь сделать, сказать сейчас не представляется возможным.

В Швеции - 2 агента. Из них один дает надежду на сносную работу, другой послан лишь недавно.

"Общее число лиц, прошедших через мои руки за минувший (1915 год) год, было 18.

"Из них: призван на военную службу и лишен возможности давать сведения - 1.

"Арестован в Германии - 1 (ныне выпущен за недостатком улик, но для работы пропал);

"Высланы из Швеции по подозрению - 2. Без вести пропало и, видимо арестовано в Германии - 2.

"Вынуждены были прекратить работу в виду установленной слежки - 2 (ныне работают как вербовщики, держатели адресов, по контр-разведке и пр.).

"Оказались германскими провокаторами - 2.

"Скрылись бесследно или просто не поехали по назначе-

нию, удовлетворившись полученными авансами - 3.

"Общая сумма расхода за год - около 120.000 датских крон; в эту сумму входят расходы по контр-разведке".

На этом "откровении" Раша, ген. Леонтьев глубокомысленно "начертал":

"Здесь, конечно, необходимо ввести какие-то коррективы. Как мне кажется, результаты не вполне отвечают потраченным усилиям и деньгам, хотя необходимо признать, что ясного и определенного материала для суждения у нас нет. Может быть, необходимо дать Рашу одного-двух помощников и вообще усилить личный состав надежными агентами из России? Все это вопросы ближайшего будущего и их необходимо разобрать и наметить теперь же".

Мы к этому можем лишь добавить, что это писал оберквартирмейстер Ген. штаба, на обязанности которого лежала организация и руководство агентурной разведкой.

В частном письме на имя своего друга ген.-майора Романовского 30/III 1916 года) Раш, между прочим, писал.

"Сравнивая добытые сведения с истраченными деньгами, я не могу отделаться от назойливой мысли, что расходы мои несоразмерно велики и что я уже и теперь стою перед перспективой упрека в слишком неэкономном обращении с доверенными мною средствами. Безотказное предоставление их - утешение весьма слабое.

"А чем дальше, тем хуже: связь с Германией настолько теперь затруднена, меры немцев в области контр-разведки наводят такой ужас на едущую к ним публику и контингент отходящих для разведки лиц вместе с этим настолько стал ограничен, что расходы грозят увеличиться (тут ведь все сводится к деньгам), а надежды на результаты все уменьшаются.

"Все дело то, ведь, приходится вести исключительно или с первоклассными негодьями, вся мечта которых - сорвать возможно больше с минимальным или без всякого для себя риска, или с людьми, имеющими целью выяснить и тебя, и систему и уже налаженные связи".

Начальство Раша в Ген. штабе не могло найти этих "каких-

то корректив" и Раш продолжал тратить десятки тысяч народных денег и "горевать, что его могут упрекнуть в неэкономном отношении к средствам" до тех пор пока Октябрьская революция не освободила его от этого дела.

Известно также, что Ген. штаб пытался создать параллельную организацию в Швейцарии. О ее деятельности мы в делах Ген. штаба ничего не нашли, это дает нам основание предполагать, что и эта организация работала не лучше Раша.

Кроме того, были еще попытки со стороны Ген. штаба создать агентурные организации в некоторых других нейтральных странах, но они уже с самого начала кончались неудачей и поэтому мы на них останавливаться не будем.

Работу организаций Ген. штаба, созданных для специальных целей, например, агитации и пропаганды, активной (диверсионной) разведки и пр., мы постараемся ответить ниже.

Сейчас же рассмотрим агентурную деятельность штабов фронтов и Ставки верховного главнокомандующего.

Глава третья

Зарубежная агентурная разведка штабов фронтов

Ст. 117 положения о полевом управлении войск в военное время.

- Организация разведки через нейтральные страны.
- Помощь Ген. штаба в получении паспортов, валюты и получении права пересылки телеграмм и писем через военных агентов.
- Агентурная деятельность штаба Северного фронта.
- Разложение целой группы агентов.
- Предложение русскими агентами своих услуг Германии.
- Жалобы одного из агентов Керенскому.
- Агентурная деятельность штаба Западного фронта.
- Работа через Данию, Швецию, Голландию и Швейцарию.
- Русские офицеры во главе агентурных организаций.
- Корреспондент "Курьера Поранного" - агент русской разведки.
- Войцех Корфанти, Сигизмунд, Марьян и Владислав Сейды - агенты царской разведки.
- 11 агентурных организаций.
- Агентурная организация в Америке.
- Характеристика работы всех этих организаций и их руководителей.
- Агентурная деятельность штаба Юго-Западного фронта.
- Агентурная сеть в первый год войны (схема).
- Специальное агентурное бюро в Париже.
- Недоумение французов.
- Восемь агентур-

ных организаций со старыми охранниками во главе. - Результаты работы этих организаций. - Контр-разведывательная работа бюро. - Семь контр-разведывательных организаций.

Оказавшись в начале войны без каких бы то ни было источников сведений о противнике, штабы фронтов приступили к созданию своей собственной агентурной разведки. Никаких указаний сверху, никаких руководящих и направляющих директив штабы фронтов по этим вопросам ни от кого не получили. Единственным указанием можно считать лишь соответствующую статью "Положения о полевом управлении войск в военное время", появившегося в начале войны.

Статья 117 этого "положения" возлагала на генерал-квартирмейстера штаба фронта следующие обязанности по разведке.

"Генерал-квартирмейстер по общим указаниям начальника штаба организует и руководит делом разведки о противнике и местности, а также принимает меры для борьбы со шпионством... По общим указаниям начальника штаба он расходует ассигнуемые по штабу на разведку и борьбу со шпионством суммы и наблюдает за ведением отчетности по ним".

Штаг разведывательного отделения штаба фронта тем же "положением" определялся: начальник отделения - полковник Ген. штаба - 1, его помощники штаб-офицеры - 2 (из них 1 - Ген. штаба, 1 - может быть отдельного корпуса жандармов для работы по контр-разведке).

Вот и все те основные директивы, которые имелись у штабов фронтов относительно сбора сведений о противнике. Никаких инструкций, никаких указаний относительно районов разведки и способов ее ведения штабы фронтов ни от кого не получали. Поэтому каждый из них решал эти вопросы по-своему.

Нечего, конечно, и говорить, что разведывательные отделения штабов фронтов с первых же дней войны сильно разрослись, насчитывая в своем составе по несколько десятков офицеров, чиновников и солдат.

В первые дни войны пытались обойтись сведениями войсковой разведки и показаниями пленных. Когда же убедились,

что эти данные дают о противнике весьма смутное представление, штабы фронтов настояли, чтобы штабы армий начали высылку ходоков через линию фронта. Вскоре же и эти мероприятия оказались недостаточными, ибо они могли обеспечить лишь сведениями о первых линиях фронта противника и о ближайшем его тыле. Для решения же стратегических задач, даже в масштабе фронта, этого было недостаточно.

Тогда в штабах фронтов начали обсуждать вопрос о глубокой агентурной разведке. Вопрос этот был решен в положительном смысле, ибо ни Ген. штаб, ни Ставка в то время никаких сведений о противнике для решения стоявших перед штабами фронтов задач не давали. В связи с этим решением встал вопрос: как вести глубокую агентурную разведку? Насажждать резидентов в тылу противника и поддерживать с ними связь через линию фронта было крайне трудно, если не совсем невозможно. И вот, все взоры обратились к нейтральным странам. На таком решении вопроса остановились штабы всех фронтов.

Они старались вербовать на русской территории людей, подходивших, по их мнению, для роли руководителей отдельными агентурными организациями. Этих людей они отправляли по русским заграничным паспортам в нейтральные страны, где они должны были создавать агентурные организации и направлять агентов в страны противников. В первое время получить заграничный паспорт в России больших трудностей не представляло, но уже в начале 1916 года, агенту фронта становилось невозможным выехать за границу без того, чтобы не раскрыть своих карт. Кое-как, при помощи Ген. штаба, штабы фронтов преодолевали эти паспортные трудности. Но с первых же шагов возникали и другие препятствия: вопрос пересылки агенту денег, получения от него донесений, передача ему директив и пр. Нужно иметь в виду, что без соответствующего разрешения посылать за границу деньги было невозможно: вся корреспонденция, как почтовая, так и телеграфная, подвергалась цензуре. Все эти препятствия мог устранить только Генеральный штаб и с этого времени Ген. штаб и его официальные военные агенты в нейтральных странах превратились в посредников и передатчиков между штабами

фронтов и их агентами. Агенты в нейтральных странах получали через официальных военных агентов деньги, задания, директивы. Через них же они пересылали добытые сведения, посылали в свои штабы фронтов телеграммы, зашифрованные шифром военного агента и за его подписью. Таким образом, помимо своей прямой деятельности, военные агенты были завалены чисто технической, не творческой работой по указанному посредничеству. В случае провала кого-либо из агентов фронта, тень бросалась и на военного агента, ибо все нити вели к нему.

Вот вкратце те общие условия, одинаковые для всех фронтов, в которых протекала их агентурная деятельность.

Сейчас посмотрим, как отдельные штабы того или другого фронта выполняли в одинаковых условиях эту одинаковую задачу.

Агентурная деятельность штаба Северного фронта.

Этот штаб фронта при своем формировании (в начале войны этот фронт назывался "Северо-западным") получил от 11-й армии одну агентурную организацию в Копенгагене. В конце 1915 года штаб фронта отправил в Германию еще одного агента, уроженца Финляндии, англичанина по происхождению, имевшего родственные связи в Германии.

Кроме того, штаб этого фронта завербовал некоего поляка Залесского Владислава Петровича¹, который был отправлен в Скандинавию. Последний рекомендовал еще двух поляков, из которых один был командирован в Швецию и Данию, а второй - в Швейцарию. Им ставилась задача: завербовать в этих странах подданных нейтральных государств и из них создать агентурную сеть в Германии. Несколько позднее штабом фронта был отправлен через Англию в Германию еще один агент с передатчиком в Голландии.

С протеже Залесского - Вильгельмом Швамбергом, отправленным в Швейцарию, штабу фронта не повезло. Он оказался не-

¹Этот Залесский в польском военном журнале "Беллона" (октябрь 1921 года) поместил статью о русской разведке во время мировой войны.

пригодным для выполнения возложенной на него задачи. Штаб фронта потребовал его возвращения в Россию, но Швамберг приказание исполнить отказался.

Вообще у штаба Северного фронта дело с глубокой агентурной разведкой не ладилось. Так, еще в 1915 году военный агент в Дании писал Ген. штабу, что целая группа агентов Северного фронта в Копенгагене "ведет себя настолько неосторожно, посещая увеселительные места и вращаясь в обществе подозрительных лиц, что обращает на себя внимание местных жителей. Такое поведение повело к расшифровке их перед германской контр-разведкой, которая, воспользовавшись стесненным материальным положением этих агентов и отсутствием над ними твердого руководства, переманила их на службу в свою организацию".

Далее выяснилось, что вербовка агентов штабом Северного фронта производилась недостаточно серьезно и разборчиво. Среди его агентов оказались опороченные ранее охранники, поддельватели векселей, продавцы поддельного коньяка и т. д. В начале 1917 года военный агент в Бельгии сообщил, что агент штаба Северного фронта (из организации "Брауна") - Эльмерс, "под фамилией" "Helmas", предложил свои услуги германской разведке.

В сентябре 1917 года агент того же фронта Рублев подал Керенскому жалобу на штаб фронта за неуплату ему 4.453 руб. Керенский приказал Ген. штабу удовлетворить претензию Рублева. По отзыву штаба же фронта, Рублев "измотал громадную сумму денег и ничего не дал почти целый год".

Такого рода фактов в истории агентурной деятельности штаба Северного фронта имеется немало. Но они характерны не только для Северного фронта, а для всех русских фронтов, для всей русской агентурной разведки.

Понятно, что при таком ведении агентурной разведки хороших результатов ожидать от нее нельзя было. Да их и не было.

*

* *

Агентурная деятельность штаба Западного фронта.

Агентура этого фронта старалась работать против Германии через Данию, Швецию, Голландию и Швейцарию. В отличие от штаба Северного фронта, Западный стремился поставить во главе своих агентурных организаций в этих странах офицеров русской армии. Известно, например, что в Дании он имел в качестве руководителей прапорщиков Шершевского и Шилковского, в Швейцарии - прапорщика Арбатского с женой.

В 1915 году агентура штаба Западного фронта через своего сотрудника, штабс-капитана русской армии Боцьковского, завербовала некоего познанского поляка Ковальчика, Яна Яковлевича, германского подданного. В Дании он состоял корреспондентом некоторых польских газет. Этот Ковальчик вошел в Познани в связь с тремя видными по общественному положению поляками. Связь с ними он пытался поддерживать через Шишковского, корреспондента "Курьера Поранного", который в свою очередь для связи имел какую-то женщину.

В июне 1915 года Ковальчик начал жаловаться Боцьковскому на трудность связи с Германией. В одном из своих писем он писал:

"...Не имеете понятий, как трудно что-нибудь сделать. Германцы стерегут границы очень хорошо. Попасть в Германию очень трудно, выехать оттуда еще труднее. Мою доверенную особу, которая имела войти в связь с г. Максимильяном, не пропустили через границу и предупредили, что после в'езда на территорию Германии она будет арестована на время войны".

В письме от 15/IX 1915 года Ковальчик писал:

"...Известный вам г. Ш. (Шишковский) отправил в Познань какую-то женщину. Пришла она в редакцию газеты "Курьер Познанский", но, не застав там г. Максимильяна, отправилась на квартиру к его матери и предложила целый план. Мать г. М. со страха чуть не умерла. На следующий день случайно из г. Катовиц приехал брат г. М.- г. З. Увидевшись с матерью, г. З. узнал, что была здесь какая-то женщина, требовавшая известной вам акции.

Во время этого разговора пришла опять эта женщина и предложила г. З. известный вам план. Он ей не только отказал, но даже после рассказывал, что какой-то провокатор прислал какую-то бабу, чтобы целую партию (народно-демократическую, которая имела большинство в польском коло Прусского сейма и рейхстага; г. З. - член прусского сейма) - скомпрометировать".

Без пояснений Боцьковского эта выдержка из письма Ковальчика несколько непонятна. В письме на имя начальника разведывательного отделения штаба фронта от 29/IX 1915 года Боцьковский давал следующие пояснения к письму Ковальчика:

"...Член Прусского парламента К., о котором говорилось в письме Ковальчика, это известный силезский польский деятель и агитатор Войцех Корфанти, который создал польское народное движение в Силезии и был первым поляком - членом немецкого парламента из Силезии.

"Г. З. в письме - это член Прусского сейма Сигизмунд Сейда; г. Максимилян - редактор "Курьера Познанского" Марьян Сейда; есть еще третий Сейда - Владислав - их дядя, вице-председатель польского коло в немецком парламенте..."

Ковальчик имел очень широкие планы и, быть может, возможности по вовлечению в агентурную работу в пользу России некоторых польских общественных деятелей. Все отзывы о нем русских разведчиков того времени довольно хорошие. Ковальчик старался всеми силами оправдать эти отзывы. Так, в 1915 году он в Копенгагене встретил своего друга, а потом врага Войцеха Корфанти. Оба они с 1902 года по 1905 год издавали и редактировали в Силезии газету "Гурнослиознак". В 1905 году за какие-то политические дела немцы посадили Ковальчика на шесть месяцев в тюрьму. Корфанти воспользовался этим к в противовес "Гурнослиознаку" начал издавать свою газету "Поляк", приведшую "к полному финансовому краху" Ковальчика. "Прошло десять лет, - писал Ковальчик, - и мы снова встретились в Копенгагене. Будьте уверены, - я бы к нему не подошел, если бы не надежда: что-нибудь от него для нас добуду или постараюсь в будущем использовать, его, как постоянного нашего сотрудника". Но, когда Ковальчик уже начал "под'езжать" к Корфанти, то

испугался, что последний может отказаться от службы в русской разведке и использовать предложение Ковальчика, как козырь против него же. Поэтому Ковальчик пошел к русскому военному агенту в Дании Потоцкому и советовал ему подослать к Корфанти некоего Каро, бывшего корреспондента газет "Матэн" и "Таймс" и состоявшего корреспондентом газеты "Новое Время". Сделал ли это Потоцкий - нам неизвестно.

Затем организация Ковальчика начала давать перебои. Дело в том, что Ковальчика нанял начальник разведывательного отделения штаба Северо-Западного фронта Батюшин. Когда из этого фронта были созданы Северный и Западный, Батюшин перешел к первому из них, а Ковальчик - ко второму. Начальником разведывательного отделения штаба Западного фронта был назначен Базаров, человек весьма несамостоятельный, малоэнергичный и нерешительный. Он соответствующим образом доложил генерал-квартирмейстеру об организации Ковальчика, а последний приказал "прекратить высылку Ковальчику денег, так как от него получается слишком мало или запоздалые сведения... В дальнейшем посылать деньги при условии, что от него начнут поступать сведения, заслуживающие оплаты его трудов по разведке". Базаров пошел еще дальше и разъяснил Ковальчику, что "его должна поддерживать та политическая партия, для которой он работает помимо разведки...", т. е. в органах прессы с которой он сотрудничал.

Понятно, что при такой постановке вопроса не могло быть и речи об искренней и усердной работе Ковальчика. Сам по себе он большой ценности для разведки не представлял; связи же его обещали очень много ценного и интересного. И вот, в конце 1916 года для эксплуатации этих связей в Париж был отправлен некто поручик Быховец, на которого было возложено руководство всеми агентурными организациями штаба Западного фронта в нейтральных странах "под непосредственным руководством" графа Игнатьева 2-го.

Что же из себя представлял этот Быховец? Официальная характеристика, данная разведывательным отделением штаба Западного фронта была следующей: "Заведовал удачно

агентурной разведкой на фронте полтора года; имел некоторое касательство к заграничной агентуре; в счетах умерен. Несколько ленив, но может работать хорошо. По профессии присяжный поверенный. По свойствам характера - ловкий, пытливый, быстро сходится с людьми. Первое впечатление производит невыгодное, но в дальнейшем это сглаживается. Воспитанный человек, с начальством дисциплинирован. Несколько хвастлив и болтлив; последнее перед командировкой ему поставлено на вид, хотя болтливость его безобидная. Происходит из дворянской польской семьи, помещик гродненской губернии, жена живет в России".

Условия оплаты Быховца были прямо, как говорится, "царскими": ежемесячное жалованье - 800 рублей, прогонных - 1.200 руб. (кроме того, разрешен перевод через кредитную канцелярию собственных денег - 19.000 рублей), если будет хорошо работать - обещано увеличение жалованья до 1.000 рублей. Жалованье по офицерской должности за ним сохранялось и выдавалось жене. Расходы по агентуре, если бы он таковую вел от себя, должны были оплачиваться на общих основаниях с резидентами по... "представлении оправдательных документов и железнодорожных билетов".

Оправдал ли Быховец эту характеристику - видно из всей "работы" штаба Западного фронта. Особенно же интересен конец карьеры Быховца. Приехав в Париж, Быховец начал работать под руководством Игнатьева 2-го. "Работа" эта никаких результатов не давала. Быховец начал пьянствовать. Наконец, в 1917 году Быховец устроил в Париже какой-то публичный скандал. Ему предложили выехать в Россию. Некоторое время он отказывался выполнить это предписание под видом болезни. Когда же дальнейшая симуляция стала невозможной, - Быховец возбудил ходатайство о зачислении его на службу в польские легионы, формируемые французами.

Связь с организацией Ковальчика была утеряна вместе с Ковальчиком и ни Быховцу, ни Игнатьеву ее установить не удалось. Когда это стало ясным, штаб Западного фронта поручил Боцьковскому создать новую сеть. Последний уговорил поехать вместе с ним в Париж Тедеуша Опиолу - корреспондента газеты

"Газета Польска", профессора Львовского университета Грабского, сотрудника львовской газеты "Польское Слово", и некоего Козицкого. Кроме того, Грабский предложил для разведки "очень опытного, элегантного, ловкого человека, старого конспиратора Оссолинского".

Штаб Западного фронта по контр-разведывательным сообщениям от услуг Грабского, Оссолинского и Опиолы отказался. Таким образом, должны были поехать Боцьковский и Козицкий. Но поехали ли они - нам неизвестно.

Из доклада Игнатьева 2-го видно, что к июлю 1917 года за штабом Западного фронта числилось 11 организаций, руководившихся Игнатьевым из Парижа: "Гаврилова", "Африканская", "Моноло", "Линде", "Скандинавская", "Мавританская", "Большакова", "Штурмана", "Лермонтова", "Американская" и "Вилла Роде".

Организация "Гаврилова" с июля 1916 года по март 1917 года числилась за штабом Юго-западного фронта, а затем была передана штабу Западного фронта. Во главе этой организации, работавшей из Голландии, стояло "одно крупное лицо". Его ближайшим помощником и непосредственным руководителем организации был поставлен "вполне интеллигентный, очень способный молодой человек, прекрасно владевший многими языками". Эта организация вела "постоянное наблюдение за железнодорожными линиями Германии". Кроме того, она имела "объездных агентов, большею частью в Западной Пруссии, Курляндии, Литве и царстве Польском". Связь с Голландией поддерживалась посредством почты и кодированных телеграмм.

В общей сложности эта организация имела 9 резидентов и тратила в месяц около 30.000 франков. Проработала она под флагом штаба Западного фронта около 4-х месяцев, а затем случился провал, от которого спасся только руководитель.

"Африканская" организация была создана в январе 1917 года. Во главе ее "стояло лицо, прежде занимавшееся разведкой; лицо это опытное, имеет много связей, вполне интеллигентное, однако требующее непрестанного надзора за собой".

Этому "лицу" удалось организовать сеть резидентов в западной и восточной Германии и организовать на германо-

швейцарской границе приемный пункт для переноса донесений. Кроме того, его организация имела специальное наблюдение по Рейну, которое к концу 1917 года предполагалось, перенести на одну из линий, соединявших Берлин с Австрией.

Ей также был поручен опрос германских и австрийских дезертиров, попадавших в Швейцарию.

Организация эта, насчитывавшая в своем составе 14 агентов и тратившая в месяц до 15.000 фран. франков, так и не дала до Октябрьской революции ничего ценного.

Относительно, организации *"Маноло"* мы в делах штаба Западного фронта нашли очень мало сведений. Известно лишь, что эта организация состояла из 4-х агентов и тратила в месяц до 14.000 франц. франков.

Организацию *"Линде"* возглавлял прапорщик Арбатский, присланный штабом Западного фронта для этой цели в Швейцарию. Оттуда он должен был вести разведку на Германию. Сам *"Линде"*, долго раз'езжал под разными предлогами по Англии и Франции и лишь с большим трудом удалось водворить его в Швейцарию. Игнатьев дал ему для начала кое-кого из своих отдельно работавших агентов. В организации *"Линде"* числилось 6 агентов, из коих один, якобы, довольно прочно обосновался в Берлине и присылал оттуда сведения. Но уже в августе 1917 года Игнатьев писал, что "ввиду некоторых причин" работа организации приостановлена, причем организация по выяснении обстоятельств или будет ликвидирована, или реорганизована заново. Тратила эта организация 13.000 франц. франков в месяц.

Во главе *"Скандинавской"* организации стоял коммерсант, подданный одной нейтральной страны, имевший дела с Германией и свободно раз'езжавший по ней. По словам Игнатьева, этот коммерсант "имел знакомства и связи в Берлине в военных и парламентских сферах через своих соотечественников". Он давал ежемесячно сведения по военной статистике, формированиям и передвижению войск. Организация пыталась устроить наблюдательные пункты в восточной Пруссии на более важных узловых станциях, однако, из этого ничего не вышло из-за отсутствия прочной связи. По той же причине работа этой

организации вообще носила случайный характер. Тратила она в месяц до 4.000 франц. франков. В сентябре 1917 года "Скандинавская" организация была ликвидирована.

"Мавританская" организация была создана в первой половине 1917 года. Во главе ее стоял "журналист латинского происхождения, бывший офицер одного из нейтральных государств, человек прекрасно воспитанный, осторожный и умеющий входить в лучшее общество".

Он имел несколько сотрудников, "являвшихся компетентными в военных и политических делах". Эта организация, на которую Игнатъев возлагал большие надежды, не успела развиться до конца существования царской разведки. Тратила она в первое время по 8.000 франц. франков в месяц.

Во главе "Большаковской" организации стоял поляк, присланный штабом Западного фронта. Эта организация давала сведения по польскому вопросу, тратя в месяц около 3.000 франц. франков. Игнатъев характеризовал эту "организацию", состоявшую из одного человека, как "надежное лицо, ничем себя пока не проявившее".

Организация "*Штурмана*" возглавлялась неким Кобылковским, посланным в ноябре 1916 года штабом Западного фронта в Голландию для ведения разведки против Германии. Русское центральное военно-регистрационное бюро о Кобылковском дало следующий отзыв: "Он - выкрест из евреев, петроградской 2-й гильдии купеческий сын". Какой-то полковник Жихор на этой справке написал: "Немцы и мы после опыта с организацией Герца (Каца) отказываемся от евреев". В личном деле Кобылковского мы нашли сообщение полковника Тонких, что "Кобылковский имел сношения с бароном Грот Гусом, осужденным по делу Мясоедова".

Однако, несмотря на последний отзыв, Кобылковский был принят на службу и отправлен в Голландию, где он должен был связаться с официальным русским военным агентом. Но он, кроме того, связался и с Игнатьевым в Париже, в надежде получать деньги от обоих. Дело дошло до того, что штаб Западного фронта пригрозил ему "применить репрессивные меры по месту его

жительства", т. е. к семье Кобылковского. Но и эти угрозы не помогли.

Игнатьев в начале февраля 1917 года доносил в штаб Западного фронта, что "Кобылковский покамест, кроме глупостей, ничего не делает".

В конце февраля 1917 года Игнатьев писал, что Кобылковский "покамест выказал лишь отрицательные черты".

В начале же апреля 1917 года Игнатьев телеграфировал в штаб фронта: "...Я надеялся, что он (Кобылковский) послушается моих указаний. Теперь же вижу, что деятельность его вредна не только моим сотрудникам, но и полковнику Майеру. Я рискую, что он провалит крупное дело, а потому прошу через Майера убрать его возможно скорее во Францию. Прошу верить, что это не есть желание отделаться от нового человека, а решение обдуманное, вызываемое крайне серьезными причинами".

Кобылковский, тратя в месяц по 4.500 франц. франков, ровно никакой пользы не принес и был ликвидирован лишь в сентябре 1917 года.

В списках сети штаба Западного фронта числилась организация "*Лермонтова*". Однако, никаких данных об этой организации нам обнаружить не удалось. В смете отмечено, что она тратила по 2.000 франц. франков в месяц. Это дает основание предполагать, что никакой организации не было, а был лишь агент, которому поручалось создать организацию и которой он так и не создал.

"Американская" организация тоже, как организация, не существовала. Был лишь намечен руководитель; "почтенный, образованный и прекрасно воспитанный южно-американец". Он себе наметил помощника. У обоих "имелись знакомства и связи в Германии и поддержка в дипломатическом мире".

Тратили эти главари несуществующей организации по 7.000 франц. франков в месяц.

К этой "организации" Игнатьев пристегнул еще третьего под кличкой "вице-адмирал", "работавшего, - по словам Игнатьева, - безвозмездно, с которым, после его переезда в Польшу, связь еще не установлена".

Однако, через некоторое время Игнатъев получил от штаба фронта сообщение, что "известный вам агент "адмирал" во время пребывания в Берне задолжал различные суммы трем своим поставщикам и уехал из Швейцарии, не уплатив долгов, о чем нас уведомил военный агент в Швейцарии с просьбой нас уплатить, дабы избавить миссию от назойливых приставаний кредиторов..."

Это называется работать "безвозмездно".

Организация "*Вилла Роде*" состояла из одного голландского корреспондента Бредероде. В бытность его в Петрограде он подрабатывал в отделе печати министерства иностранных дел и прослыл за русофила. Эта "организация" тратила в месяц 3.600 франц. франков, ничего не дала и, наконец, была ликвидирована в сентябре 1917 года.

В Дании у штаба Западного фронта имелась единственная в 1916 году организация "Кривоноса". В конце 1916 года сам "Кривонос" умер и вся его организация разлетелась...

В Америке имелась "организация" "Домбровского", которая, не успев начать работу, была ликвидирована, как "неработоспособная".

Зарубежная агентурная сеть штаба Западного фронта весьма сильно страдала от германской контр-разведки. Так, например, в письме от 16/IV 1917 года Игнатъев писал: "Условия работы сейчас чрезвычайно затруднились. Достаточно тебе сказать, что за один 1917 год я потерял расстрелянными и повешенными 7 человек и все это были люди с положением... Про аресты же и говорить не стоит...".

Таковы были "организации" штаба Западного фронта и их руководители...

* * *

Агентурная деятельность штаба Юго-Западного фронта.

Полное представление об агентурной деятельности штаба этого фронта в первый год войны дает следующая схема (см. схему № 2).

К концу 1915 года работа сети, указанной на схеме, начала давать перебои, главным образом, по линии связи и штаб фронта решил создать новые агентурные организации и связаться с уцелевшими еще старыми в Швейцарии и Франции.

С этой целью в ноябре 1915 года во Францию был командирован ротмистр граф Игнатьев, до того руководивший агентурой Штаба фронта из Румынии на Австрию, уже упоминавшимся нами при разборе деятельности агентуры штаба Западного фронта.

Игнатьеву было поручено на первых порах использовать трех агентов, высланных раньше в Швейцарию, связи статского советника (Лебедева) и прежние связи Игнатьева в Австрии.

Генерал-квартирмейстер штаба фронта ген. Дитерихс обещал Игнатьеву отпускать в месяц не менее 50.000 руб. и даже 200.000 руб. "лишь бы добиться дела".

Игнатьев из боязни австро-германской контр-разведки решил ехать в Париж под чужой фамилией. Но когда он обратился в министерство иностранных дел с просьбой выдать ему курьерский лист на другое имя, директор канцелярии этого министерства барон Шиллинг отклонил его просьбу, "ссылаясь на неудобство посылать курьера не под своей фамилией".

Наконец, перед самым отъездом из Петрограда в Париж, Игнатьев получил телеграфное сообщение от штаба фронта, что в его распоряжение, вместо обещанных 60.000 руб., на первое время дается не более 25.000 руб. в месяц.

Прибыв в Париж 9/XII 1915 г., Игнатьев был представлен своим братом, официальным военным агентом в Париже, "всем чинам 2-го бюро французской главной квартиры, которые тут же обещали ему полное содействие и осветили положение в Швейцарии". Начальник "Service de Renseignement" военного министерства, а также и начальник 5-го бюро "Interallier" (Междусоюзническое бюро), тоже обещали свое содействие и поддержку. Но тут же французы выразили недоумение, "как один фронт мог командировать офицера, притом при отсутствии разведывательного органа от России во Франции".

Несмотря на наличие этого недоумения, французы все же решили помочь Игнатьеву, что, по всей вероятности, объяснялось

тем, что работа французской разведки в то время стояла также не на должной высоте. Французы командировали в распоряжение Игнатьева несколько своих офицеров по его выбору, организовали доставку донесений и почты Игнатьева из Швейцарии и Голландии, облегчили паспортные правила для агентов Игнатьева, которым нередко выдавались французские паспорта, в то время, как агенты эти не были французскими подданными; дали право Игнатьеву выдавать своим агентам специальные военные паспорта, "которые не только облегчали переход через границу, но при надобности давали возможность обратиться за содействием местных властей во Франции, Англии и Италии, а на последних возлагали обязанность под строжайшей ответственностью оказывать всякое содействие и передавать казенной корреспонденцией все передаваемые сведения"; организовали пропуск через швейцарскую границу агентов Игнатьева без предъявления ими каких бы то ни было документов. Французы взяли на себя также охрану агентов и организаций Игнатьева от австро-германского и швейцарского шпионажа. Кроме того, Игнатьев получил все французские разведывательные данные, как из 5-го бюро "Interallier", так и ежедневные разведывательные сводки французской главной квартиры¹.

Мы так подробно остановились на этих внешних условиях начала деятельности Игнатьева в Париже для того, чтобы показать, как благоприятно складывались обстоятельства для ее развития.

Всего в распоряжении Игнатьева было 8 организаций, частью созданных им непосредственно, частью перешедших к нему от других разведывательных органов. Ниже мы разберем каждую из этих организаций в отдельности.

¹По словам Игнатьева, во Франции в то время было очень много совершенно самостоятельных, друг от друга не зависевших, часто работавших вместе в одном районе отдельных служб разведки. Часть из них была подчинена военному министерству, часть - главной квартире, часть - французскому военному агенту в Швейцарии. Рядом с ним работало военное губернаторство Парижа и органы министерства внутренних дел, которые в лице специальных пограничных комиссаров имели самый прочный кадр весьма опытных агентов.

Из имевшихся у штаба фронта связей Игнатьеву удалось использовать лишь ст. совет. Лебедева. Агенты последнего "оказались на крупную работу совершенно неспособными". Румынские же связи штаба фронта Игнатьеву приказано было не трогать. В поисках людей Игнатьев направил свои взоры на проживавших в Швейцарии русских политических эмигрантов, но оказалось, что "все патриотически-настроенные из них вступили во французскую армию, а с оставшимися говорить о службе в русской разведке было нельзя".

Тогда Игнатьев обратился за помощью к некоему Г.¹, "прежде много работавшему по политическому розыску в Германии". Г. согласился поработать еще и привлек к этому делу какого-то В. М. Ввиду того, что Г. потерял свои связи в Германии, было решено создать для вербовки агентов в Швейцарии несколько совершенно самостоятельных, друг от друга независимых, центров. Все эти центры должны были связаться в пограничной зоне во Франции с центром, во главе которого должен был стать В. М. Организация имела во французской зоне Швейцарии приемный центр (дачу), в которой жили три французских офицера, командированные французским правительством в помощь Игнатьеву. На их обязанности лежал опрос агентов, перешифровка и проявление писем, подготовка новых агентов и держание связи с десятью рекрутерами (вербовщиками) в Швейцарии. Последние были разбиты на три группы и друг друга не знали. Для скорого и удобного сообщения с пограничной станцией во Франции имелся автомобиль.

Эта организация имела в разных городах Швейцарии от 15 до 20 почтовых ящиков, куда поступали письма из Германии и донесения агентов для передачи в "приемный центр".

Все вербовщики состояли на жаловании и получали премию за каждого отправленного агента: в месяц приблизительно отправлялось по 5-10 агентов, но 50% из них обычно пропадали.

Часть этих вербовщиков, ввиду занимавшегося ими обще-

¹Известный провокатор Гартинг-Ландезен (настоящая фамилия Абрам Гекельман).

ственного положения давала самостоятельные сведения.

Завербованные агенты после их инструктирования отправлялись в путешествие и сообщали сведения на условные адреса, откуда французские военные власти пересылали их Игнатьеву. Затем каждый агент еще дополнительно опрашивался доверенным лицом организации. По паспорту агента устанавливалось время его путешествия. "Главная цель, - писал Игнатьев, - поставленная мною при таком способе работы, была работа не с профессионалами, дабы избежать по возможности фабрикация сведений. Зато на практике явилась масса недоразумений: выяснилось, что неподготовленные к делу люди приезжали и привозили очень мало; чересчур рьяно принявшиеся за дело вербовщики арестовывались в Швейцарии; неорганизованность почтовых ящиков замедляла доставку сведений".

Лишь к маю 1916 года Игнатьеву, якобы, удалось наладить отправку агентов, организовать быструю доставку сведений и обеспечить приток свежих вербовщиков и агентов, что "позволяло выдержать этой организации неоднократные аресты в Австрии и Швейцарии без особого ущерба для дела".

Кроме того, Игнатьев предложил тому же Г. "найти связи с чешскими революционными кругами и постараться привлечь их к делу разведки; обследовать многочисленные польские организации в Швейцарии, стараясь через них найти ходы в Польше и Галиции" и привлечь к работе чинов швейцарского Генерального штаба.

Войти в сношения с главарями тайных чешских организаций Игнатьеву, якобы, удалось и они "с радостью согласились на совместную работу в пользу России". Однако, "благодаря господствовавшему в Богемии террору, полному разгрому чешских организаций в Швейцарии в конце 1915 года, работа их сильно затруднялась". В июне 1916 года Игнатьеву все же удалось отправить в Богемию несколько лиц, которые вошли в сношения с местными резидентами, но в августе того же года от них еще известий не было. "Приходя в отчаяние от невозможности нам помочь, - доносил Игнатьев штабу фронта, - главари этих организаций предприняли шаги в июле месяце к тому, чтобы

пропустить своих агентов и установить сношения через Голландию или Данию... При этом считаю долгом оговориться, что все эти люди работают почти безвозмездно, соглашаясь взять деньги лишь на покрытие своих расходов по поездкам".

К польским организациям подойти оказалось тоже не легко. Главная причина была в том, что "для России никто из них, за малыми исключениями, пальцем не двинет", - пояснял Игнатъев. Однако, несмотря на это, Игнатъеву, якобы, удалось найти одного австрофобствующего поляка, который, "пользуясь хорошими отношениями с главарями этого направления, имеет возможность принести известную пользу военной разведке".

В швейцарском Генеральном штабе был найден агент, оказавший "большие услуги как в деле контр-шпионажа, охраны наших агентов, так и в деле разведки".

Игнатъев также стремился пробраться к секретным документам представителей Австрии и Германии в Швейцарии, но безрезультатно.

Все эти разрозненные действия отдельных лиц Игнатъев назвал "организация № 1".

Во главе "организации № 2" стоял некий М., хорошо известный Игнатъеву по России. Этот М. приехал в Будапешт, где имел кое-какие связи. Оттуда он сообщил Игнатъеву, что ему легче поддерживать связь через Румынию, но, не сделав и этого, вернулся обратно в Париж. Тогда Игнатъев поручил ему связаться с одним знакомым ему лицом в Германии, "могущим оказать не-оценимые услуги". Но из этого тоже ничего не вышло и "организация № 2" была ликвидирована, а М. устроен в аппарате Игнатъева в качестве технического работника.

Во главе "организации № 3" был поставлен стат. советник Л-а. Он должен был завербовать профессора Лозаннского университета Р. Произведенное Игнатъевым обследование Р., якобы, установило неискренность последнего в заигрываниях с русской разведкой. Тогда Л. познакомил Игнатъева с крупным чиновником французской уголовной полиции В. Последний начал выжимать от Игнатъева деньги, говорил о существовании обширной сети, но никаких сведений не давал. В конце концов, В. был вынужден под

нажимом раскрыть свои карты. Оказалось, что вместо "обширной сети" он имел 2-3-х дельных сотрудников и 4-х агентов, совершенно неподготовленных, но имевших возможность ездить в Австрию. Игнатьев прибрал агентов к рукам и отправил их в Австрию. Вскоре один из них сообщил, что им найден осведомитель в австрийской главной квартире, но так ли это было - неизвестно.

Кроме того, ст. сов. Л. создал в Испании "центр" для вербовки новых агентов.

"Организацию № 4" возглавлял некий Ш. Его штаб-квартира была расположена в Швейцарии. Там он должен был войти в местные польские круги и постараться через них найти связи в Польше. Ш. давал обещания посадить своего резидента в Варшаве и Люблине. Однако, прошло несколько месяцев и "организация" Ш. ничего не дала. Штаб Юго-Западного фронта, по рекомендации которого Игнатьев связался с Ш., сообщил, что "Ш. должен был работать и для Северного фронта и что он считается уволенным Северным фронтом, ввиду неудовлетворительности его работы". Игнатьев, несмотря на это, не порвал с Ш., а признал, что штаб Северного фронта его поставил в невозможные условия работы. Так, например, ему было сперва "предложено посылать шифрованные телеграммы из Швейцарии в Псков"... Прошло еще несколько месяцев и Игнатьев также был вынужден признать Ш. неспособным к агентурной разведке и перевел его в Париж в качестве переводчика в своей канцелярии (Ш. знал пять языков).

Под № 5 у Игнатьева числилась печально знаменитая "Римская" организация, речь о которой будет идти ниже, при разборе агентуры ставки верховного главнокомандующего.

"Организацию № 6" возглавлял некий Р., по отзывам Игнатьева, - по своей прошлой деятельности весьма опытный в деле разведки, "человек вполне порядочный и верный". Ему Игнатьев поручил связаться с масонскими ложами, польскими, младотурецкими и болгарскими организациями. К началу 1916 года эта организация, однако, еще ничего не дала.

Во главе "организации № 7" Игнатьев поставил некоего серба, с которым он познакомился в Италии. Серб этот еще в

мирное время работал по разведке в Боснии и Герцеговине. Несмотря на свою службу в сербской армии, он все же согласился работать у Игнатьева. Однако, четырехмесячные попытки серба никаких результатов не дали.

“Организация № 8” возглавлялась русским офицером Л., находившимся в отставке по болезни. Ему было поручено войти в связь с кругами Ватикана и “одновременно организовать более сильные центры для рекрутирования (вербовки) в Испании”.

Для связи с некоторыми из перечисленных организаций Игнатьев приспособил некоего Воровского, посланного в Швейцарию в сентябре 1914 года штабом Юго-Западного фронта. Познакомившись с ним за границей, Игнатьев нашел, что В. “человек очень честный и порядочный, но крайне трусливый, неопытный и совершенно неспособный к активной и опасной деятельности организатора разведки”. Очевидно, поэтому-то Игнатьев и предложил ему организовать “целую сеть приемных и передаточных центров”.

Вот фактически все, что имела разведка штаба Юго-западного фронта.

Однако, “руководящая и объединяющая” деятельность Игнатьева работой для штаба Юго-Западного фронта далеко еще не исчерпывалась. Он являлся “спецом на все руки”, ведая также и контр-разведкой. Последняя к нему попала следующим образом.

Генеральный штаб во второй половине 1917 г. приказал ген. Занкевичу, находившемуся во Франции, создать организацию по контр-разведке. Последний передоверил это дело военному агенту в Париже, а тот - Игнатьеву 2-му. В августе 1917 года эта контр-разведывательная деятельность Игнатьева 2-го представлялась в следующем виде.

При Междусоюзническом бюро была заведена регистрация по русским данным лиц, так или иначе проходивших по делам Игнатьева. В основу этого была положена регистрация, заведенная с самого начала при одной из разведывательных организаций и служившая ранее для чисто разведывательных целей.

Кроме того, Игнатьев создал целых семь контр-разведыва-

тельных организаций.

1. "Организация № 100" состояла из "нескольких хорошо известных" Игнатьеву иностранцев в Швейцарии. Все они были связаны с одним пожилым французом, вполне надежным "большим патриотом, рекомендованным Игнатьеву с самой лучшей стороны". "Его база, - по словам Игнатьева, - организуется на французской границе, связь с сотрудниками он поддерживает лично и через небольшую сеть почтовых ящиков. С Парижем связь его идет через официальные средства, до телефона включительно".

Этой организации были поставлены следующие задачи:

- Проникновение в немецко-швейцарские пацифистские круги и установление их связи с центральными державами;
- Розыск центров, отправлявших агентов из Швейцарии в Россию, а равно из Швейцарии в союзные страны;
- Перехват телеграмм, как зашифрованных, так равно и кодированных, посылавшихся некоторыми центрами, ведущими пацифистскую и сепаратистскую пропаганду.

2. "Организация № 101". Игнатьев уговорил своего старого знакомого швейцарца, занимавшего крупное общественное положение и "весьма опытного в деле розыска" помочь ему "расследовать организацию, направлявшую пацифистскую пропаганду через круги бывших политических эмигрантов в Россию".

3. "Организация № 102". Игнатьеву, как он сам говорит, удалось сойтись с одним из русских бывших политических эмигрантов, "лицом вполне надежным и чрезвычайно опытным в розыске, имеющим большой круг сотрудников".

Игнатьев поясняет, что "согласие его на содействие самое широкое вполне обеспечено и группа эта, надо надеяться, начнет работать в самом непродолжительном времени над выяснением центров злостной пропаганды в наших поисках во Франции".

4. "Организация № 103". "Русский, вполне надежный, долго живший в Швейцарии, - пишет Игнатьев, - отправлен с задачей войти в круги интернационалистов, устанавливая по возможности связи русских кругов с немцами".

5. "Организация № 104". "Один из бывших эмигрантов направляется на днях для исследования и выяснения русских контр-революционных (дело происходит в 1917 году) кругов на юге Франции и установления их связей с германцами, если таковые имеются".

6. "Организация № 105". Агент западного фронта, работавший по разведке, был отправлен Игнатьевым с той же целью, как и № 104, в Швейцарию.

7. "Организация № 106". Игнатьев привлек двух бывших политических эмигрантов для выяснения работы немцев среди русских в Испании. Однако, главный агент сломал себе ногу и дело сорвалось.

Контр-разведывательная деятельность Игнатьева не успела достичь своего расцвета, так как Октябрьская революция положила ей конец...

На этом, можно сказать, и кончается агентурная деятельность Игнатьева для штабов фронтов.

О результатах его работы будет говориться ниже, в связи с его деятельностью, как руководителя агентуры штаба верховного главнокомандующего, к разбору которой мы сейчас и переходим.

Глава четвертая **Агентура штаба верховного главнокомандующего**

История возникновения агентуры Ставки. - "Междусоюзническое Бюро". - Положение и штаты русского отделения "Междусоюзнического Бюро". - Предложения начальника русского отделения. - Агентурная сеть Ставки во главе с начальником русского отделения "Междусоюзнического Бюро", полковником Игнатьевым 2-м. - Три агентурных организации со сметой в 273.000 фр. франков за пять месяцев. - Боязнь Ставки дать деньги Игнатьеву. - Обследование работы Игнатьева представителем Ставки при французской главной квартире ген. Палицыным. - Результаты обследования. - Обследование всей деятельности Игнатьева специальной комиссией Ставки. - Результаты обследования. - Оставление французами в нераспечатанных конвертах "за бесполезностью" материалов Игнатьева, посылавшихся им в главную французскую квартиру. - Конец деятельности Игнатьева. -

Агентура принца Ольденбургского. - Руководитель агентуры в Швейцарии. - Задачи агентуры - освещение вопроса о газах. - Ликвидация агентуры. - Долг в 40.000 фр. франков.

До начала 1916 года штаб верховного главнокомандующего не имел своей непосредственной агентурной сети, история возникновения которой вкратце такова.

В конце 1915 г. в Париже, при французском военном министерстве, было создано "Междусоюзническое Бюро" ("Bureau Interallie"). Назначением этого Бюро являлось совместное изучение и выработка общих мер борьбы с неприятельским шпионажем, контрабандой и пропагандой, а также централизация всех сведений о противнике, добывавшихся различными путями всеми союзными державами.

В состав этого Бюро сразу командировали своих представителей Генеральные штабы следующих стран: Франция - 5 офицеров; Англия - 3 офицера и одного гражданского чиновника, специалиста по экономическим, торговым и финансовым вопросам; Италия - 2 офицера и одного чиновника военной полиции; Бельгия - 3 офицера и Сербия - 1 офицера.

Русское командование в первое время имело в Бюро лишь своего "наблюдателя" в лице полковника Озобишина.

Под это Бюро французское военное министерство отделило целый особняк. В него были переведены все, имевшиеся у французов, сведения и материалы о странах противников; приведением этих материалов в систему занимался специальный штат опытных секретарей и делопроизводителей. С целью упрощения получения всяких справок, французское военное министерство пере-

¹В конце 1915 года французское военное министерство выделило все органы сбора сведений и образовало из них новое 5-ое бюро Ген. штаба, в которое вошли: 1) французское представительство в Междусоюзническом Бюро с общим архивом, 2) Секция разведки ("Section de renseignement"), ведавшая всей службой разведки в неприятельских и нейтральных странах; 3) Секция централизации сведений, ведавшая контрразведкой; 4) Секция контроля, ведавшая почтовой и телеграфной цензурой, контрабандой и всякими вопросами экономического характера; 5) Секция иностранной прессы, ведавшая изучением иностранной прессы. 2-ая и 3-ья секции до того входили в состав 2-го бюро Ген. штаба.

Во главе этого нового Бюро был поставлен подполковник Губэ, непосредственно подчиненный начальнику Генерального штаба.

вело свое 5-е бюро Ген. штаба¹ в дом, отведенный под Междусоюзническое бюро.

Междусоюзническое Бюро выработало программу-каталог, установило наиболее удобную форму регистрации сведений, получения справок, картотеку для подозреваемых в шпионаже лиц и пр. Общий архив Бюро, благодаря получению со всех сторон целых кип всевозможных материалов, скоро разросся до громадных размеров. Все эти материалы регистрировались и заносились в соответствующие рубрики каталога. Постепенно была установлена ежедневная раздача всем представителям в Бюро краткого указателя всего, поступившего за день, материала. Позднее каждому представителю выдавались копии с более интересных материалов, а также сводки и работы 5-го бюро по различным вопросам; наконец, с 3-го декабря 1915 года начал издаваться ежедневный бюллетень.

Междусоюзническое Бюро было построено по принципу органа совещательного и подготовительного и отнюдь не должно было играть роли решающего учреждения. Все его постановления и заключения выливались в форму проектов и пожеланий, представлявшихся на усмотрение всех союзных Ген. штабов, от которых и зависело их утверждение или отклонение.

Ставка долго не решалась на принятие активного участия в Междусоюзническом Бюро в Париже. Лишь в декабре 1916 года, т. е. ровно через год после его организации, начальник штаба Главковерха утвердил следующее "положение" и штаты отделения Междусоюзнического Бюро:

"1. Начальник отделения подчиняется непосредственно генерал-квартирмейстеру штаба Главковерха (Генкварверху).

2. Начальник отделения Междусоюзнического Бюро выполняет все обязанности, связанные с деятельностью этого Бюро во всех отношениях, представляя все получаемые в Бюро сведения и материалы, представляющие для нас интерес, в обработанном виде на русском языке, Генкварверху.

3. Кроме упомянутых обязанностей, начальник этого отделения является вместе с тем заведывающим всеми разведывательными организациями и отдельными агентами,

работающими во Франции, Италии, Швейцарии, Голландии и Испании для штабов нашей действующей армии, руководствуясь указаниями на данный предмет Генкварверха.

4. Штабы действующей армии, имеющие свои разведывательные организации и агентов в упомянутых государствах, по делам этих организаций и агентов сносятся с начальником упомянутого отделения непосредственно, причем шифр и условный адрес для этих сношений устанавливаются штабом Главковерха.

5. Начальник отделения при выполнении поручений штабов действующей армии сносится с этими штабами также непосредственно, запрашивая в необходимых случаях Генкварверха и донося ему периодически подробно обо всем, касающемся этой стороны своей деятельности.

6. Все, получаемые начальником отделения, как заведывающим разведывательной агентурой, сведения передаются по принадлежности через управление Генкварверха".

Штат отделения был утвержден в составе 5 человек.

Начальником русского отделения Междусоюзнического Бюро был назначен ротмистр граф Игнатъев, произведенный при этом в полковники. Этот Игнатъев в то время находился в Париже в качестве руководителя агентурой штаба Юго-Западного фронта.

С этого момента и началась непосредственная агентурная деятельность Ставки Главковерха. С этого же момента Игнатъев, как это видно из приведенного "положения" о начальнике русского отделения, был назначен руководителем "всеми разведывательными организациями и отдельными агентами, работавшими... для штабов действующей армии".

В своем первом же докладе генерал-квартирмейстеру Ставки Игнатъев предлагал ему несколько, с первого взгляда заманчивых комбинаций. Он указывал, что Ватикан хорошо осведомлен о делах Австрии и католической части Германии. С целью установить связь с кругами Ватикана, Игнатъев нашел одного русского офицера в отставке, "принявшего еще раньше католичество и находившегося прежде в тесных сношениях с кардиналом Рамполло". Лицо это было отправлено в Испанию с задачей - войти в придворные и католические круги этой страны.

Это ему, якобы, удалось, и он создал "три прочных центра для набора агентов". Кроме того, ему, якобы, удалось договориться "с испанским офицером, посылаемым королем для наведения справок о пленных в Германии".

"После долгих и тщательных розысков", Игнатьеву, якобы, удалось летом 1916 года "выяснить, что масонские организации Швейцарии тесно связаны с таковыми же организациями в Германии". Игнатьев, якобы, заполучил уже несколько агентов в ложах Франции и Швейцарии. Однако, он сам оговаривается, что "связи эти смогут дать много особенно ценного лишь в конце войны, как политические осведомители в Германии".

Наконец, Игнатьев обращал внимание Ставки на "Римскую" организацию (о ней мы уже говорили при разборе сети военного агента в Италии), от которой Ген. штаб отказался, как от слишком дорогой (100.000 ит. лир в месяц) и подозревавшейся в провокаторстве. Игнатьев ее прибрал после этого для штаба Юго-Западного фронта, а затем предложил Ставке, ибо, как писал Игнатьев "организация подготовила восемь новых центров для перехвата перевозок в Германии по линиям: Штаргард - Котбус - Герлиц и Тори - Лисса - Боньяин".

В заключение Игнатьев писал, что "если, будет признано желательным продолжать работу вышеуказанных организаций, то необходимо ассигнование кредитов до 1-го января 1917 года, т. е. на два месяца, в размере:

1. Организации "Католической".....7.000 руб.
2. Организации "Масонской".....5.000 "
3. Восьми центрам "Римской" организации.....17.000 "
4. Телеграфный кредит.....1.000 "
5. Аванс на организацию взрывов в Австрии..10.000 "

Ставка пошла на это, однако перевести деньги непосредственно Игнатьеву побоялась, а перевела их на имя ген. Палицына - начальника военной миссии русской Ставки при французском главнокомандовании.

Таким образом, было заложено начало агентурной деятельности Ставки.

27 декабря 1916 г. Игнатьев сообщил, что от "восьми центров "Римской" организации первые материалы можно ожидать лишь в первой половине января".

Одновременно Игнатьев доносил о новой организации, во главе которой был поставлен "некий Сватковский - представитель Петроградского Телеграфного Агентства в Швейцарии, - под псевдонимом "Шевалье". Он бывший сотрудник закрытой газеты "Русь", является негласным агентом нашего министерства иностранных дел в Швейцарии по вопросам националистическим. Некоторое время работал с чехами по военной разведке в связи с нашими военными агентами в Швейцарии и Италии. Теперь уже несколько месяцев работу по военной разведке он прекратил, ввиду провала чешской организации. Ко мне он обратился с предложением организовать сеть агентов, используя одно лицо, весьма влиятельное в австрийских и германских украинофильских кругах.

В виду некоторого поворота в украинофильских кругах в нашу пользу, а равно заманчивости использовать людей, нам преданных, в Галиции и Северной Венгрии и легкости полуофициальных сношений с ними, я решил испытать эту организацию и немедленно, воспользовавшись путешествием главного руководителя из Швейцарии в Германию и Австрию. Пока задача дана самая общая - выяснить людской запас и состав внутренних депо в Германии и Австрии и установить связь с имеющимися в Австрии лицами".

Ставка и эту организацию приняла под свой флаг.

Все эти организации за пять месяцев (декабрь 1916 г. - апрель 1917 г.) стоили Ставке 273.363 фран. франка.

Видимо, особого доверия к Игнатьеву Ставка не имела. Генерал-квартирмейстера Ставки ген. Пустовойтенко волновало положение дел у Игнатьева. От времени до времени он его об этом запрашивал, давая в то же время поручения ген. Палицыну "детально ознакомливаться с организацией Игнатьева" и т. д.

На один из таких запросов Игнатьев 2 марта 1917 года ответил, что положение "Римской" организации без изменений. Организация "Шевалье" - несколько расширилась и в первой

половине марта ожидается получение сведений из Галиции, Литвы и центральной Германии. За это время, якобы, удалось добиться от сотрудников, чтобы ими обращалось главное внимание на цели более военного характера.

"Организация "Испанская" - по словам Игнатьева, - была совершенно реорганизована, но работа ее все же оставалась неудовлетворительной, что Игнатьев объяснял "характером элементов, работавших в ней".

Как видим, за пять месяцев, как Ставка связалась с Игнатьевым, израсходовано было уже около 150.000 рублей, организации же его все организовывались и переорганизовывались, а результатов никаких не было.

13 марта 1917 года Ставка телеграфировала ген. Палицыну:

"Отсюда в высшей степени трудно дать определенные указания о размерах расходов, которые необходимы для получения нужных сведений. Прошу вас детально ознакомиться с организацией графа Игнатьева 2-го, разобраться, насколько необходимы и производительны расходы в настоящих размерах и не слишком ли широко ведется дело в том смысле, что переплачиваются излишние деньги..."

Генерал Палицын ответил:

"Ознакомился. Сумма общего годового расхода велика. Отвечают ли сведения размеру расходов - ответ может дать Ставка и фронты. В работе здешнего руководителя есть известная система, и скажу - творчество. Отчетность ведет сам. Уплата знает оправдательные документы. Знает все нити, потому обман, хотя и возможен, но незаметно от него произойти не может. К сожалению, в этом деле вообще сплошной обман. Если хотите дело вести далее, строго объедините в его руках и ваших. Не надо деятельности фронтов и Огенквара... "Шевалье", № 8 и "Римская" - еще не устроены и судить о них, поэтому нельзя. Теперь все дорого, конкуренция громадная и опасность работы тоже велика. Организации, кроме 1, 2 и 5 (первые две - фронтовые, последняя, "Римская" - Ставки), имеют случайный характер и все в совокупности не лишены известного загромождения, но выйти из этого сразу без опасения разрушить очень многое - нельзя. Если

доверяете здешнему руководителю, то сосредоточьте с 1-го мая у себя и у него все средства, расходуемые фронтами и тогда общее руководство будет возможно. Вы прислали деньги для организации "Гаврилова", а Западный фронт согласился взять ее на себя и, вероятно, тоже пришлет на это деньги. Определить сумму, которая ежемесячно должна отпускаться - не могу, ибо, прежде всего не знаю, что вам нужно и в каких размерах можете расходовать. Но думаю, что в течении нескольких месяцев деятель здесь может, получив от вас указания, постепенно сократить размеры расходов без ущерба для дела".

На это, ничего по существу не говорящую, телеграмму, 28 марта ответил ген. Лукомский, что "исполняющий должность Главковерха нашел невозможным сосредоточить руководство всем делом в Ставке".

26 апреля Игнатьев опять доносил о положении "организаций" Ставки. Он писал, что "Римская" организация "все еще оставалась без изменений, относительно же организации "Шевалье", хотя и ожидалось получение определенных сведений в половине марта, тем не менее все это затянулось. С одной стороны, полагаю, что эта задержка произошла из-за всяких непредвиденных мер, принимаемых неприятелем, а с другой, - опасаясь, что наше внутреннее положение (февральская революция) могло отразиться на политических взглядах и отношениях сотрудников".

В "Испанской" организации был "арестован около полутора месяцев тому назад один из важных звеньев для передачи. Пришлось всю ее заново реорганизовать и сейчас усиленно работаем над этим вопросом".

Как видим, еще и в конце апреля можно было сказать, что "воз и ныне там".

В то время между Ставкой и Ген. штабом была в полном разгаре переписка об объединении всей зарубежной агентурной разведки в Ген. штабе. Переписка эта началась в 1915 году и тянулась почти целых два года.

В своем последнем докладе (29 августа 1917 г.), до фактического перехода всей зарубежной агентурной разведки в

Ген. штаб, Игнатъев рисовал следующую картину - положения организаций Ставки:

«Во главе организации "Шевалье" стоит лицо, имеющее возможность использовать свои связи среди организаций отдельных национальностей, поддерживающих сношения с занятыми областями. Только в июне месяце должны были основаться резиденты в Австро-Венгрии, работавшие специально по военной разведке, сведений от которых еще не поступило. Остальные осведомители делают периодические поездки и, как активные политики, доставляют сведения по политическим вопросам, лишь отчасти касаясь военных вопросов". Но сам Игнатъев был вынужден сознаться, что организация лишь "к концу войны вероятно сможет принести большую пользу".

Организацию "Римскую" в конце концов и Ставка приказала ликвидировать как чересчур дорогую и..... подозревавшуюся в провокаторстве. Даже сам Игнатъев, знавший мнение Огенквара о ней и то, что ранее от ее услуг было приказано отказаться военному агенту в Риме, сейчас высказывал свои сомнения:

«...Мною неоднократно делались попытки проникнуть вглубь этой организации... Все эти попытки оканчивались неудачами...

"Организация эта, несмотря на всю ценность даваемых ею сведений и их правдоподобность, не раз подтвержденную событиями, лично у меня всегда вызывала некоторые сомнения исключительно потому, что, зная условия работы и технику дела, мне казалась подозрительной замечательная регулярность в "их получении, отсутствие арестов, провалов в Швейцарии - словом, доведенная до точности, почти механической. В моей, по крайней мере, практике это был случай совершенно исключительный. Несмотря на эти сомнения, несмотря на огромные средства, которые поглощает организация, - я считаю, что даваемые ею сведения при соответствующей обработке и проверкой другими организациями заслуживали полного доверия и не раз подтверждались событиями".

Далее Игнатъев высказывал предположение, что эта организация работала еще на другую страну, предположительно Румы-

нию.

Ставка, не говоря специально о результатах работы "Римской" организации, так оценивала сведения о перевозках:

"...В виду крайней трудности добывать достоверные сведения о перевозках, а с другой стороны - полной возможности для недобросовестных агентов посылать вымышленные сведения, казалось бы, желательным совсем отказаться от получения агентурным путем сведений о перевозках, которые в весьма редких случаях совпадают с действительностью, а если и оказываются верными, то обыкновенно уже раньше известны из данных нашей или союзной войсковой разведки"...

Как известно, "Римская" организация как раз занималась только доставкой сведений о перевозках.

Исходя из всех этих соображений Игнатьева и Ставки, мы склонны думать, что "Римская" организация состояла на службе германской контр-разведки. Сведения о перевозках войск, когда операция уже началась, вреда германским войскам причинить не могли. "Римская" же организация эти сведения давала без исключения только тогда, когда операция немцев уже была в разгаре.

Как бы то ни было, в конце концов эта злосчастная "Римская" организация, вводившая русскую разведку в течение трех почти лет в заблуждение и пожравшая около двух миллионов рублей, была ликвидирована в ноябре 1917 года.

За Ставкой числилась еще "Румынская" организация, возникшая в связи с "Африканской" организацией Западного фронта. Но еще в августе 1917 года работа этой организации находилась в стадии переговоров и сам Игнатьев не мог сказать, чем эти переговоры окончатся.

Имелась еще так называемая "Американская" организация, во главе которой стоял американский подданный, работавший "даром" в пользу русских. Во второй половине 1917 года он был зачислен капитаном американской армии и назначен в американское разведывательное отделение в Париже. В его распоряжении имелись два резидента, из коих один, якобы, служил в цирке в Берлине, другой - в Будапеште. Донесения

поступали два раза в месяц через американское консульство или через жену этого циркового артиста, служившую в Цюрихе.

Кроме этих агентов, был еще какой-то немец, имевший возможность давать хорошие сведения по занимаемому им в Германии положению (якобы, служил в разведывательном отделении штаба одной из германских армий), но действовавший очень осторожно. Эта организация, якобы, дала сведения о планах противника и о политическом положении Польши. Стоила она 6.000 франков в месяц.

Наконец, следует "организация № 11", целью которой Игнатъев ставил установление связи с нашими военнопленными в Германии, способствование им в побегах, осведомление их о всем делающемся в России и союзных странах, снабжение необходимыми инструкциями и припасами для саботажа (активной разведки) и добывания сведений". По словам Игнатъева, в этом деле работал один русский, бежавший из плена и оставивший некоторые связи в германских лагерях для военнопленных; до войны этот человек эмигрировал из России.

Вот и все, что имела Ставка по агентурной разведке. Игнатъев на содержание всех этих "организаций" Ставки истратил в 1917 г. 60.000 рублей...

Каковы же были результаты работы Игнатъева 2-го?

Этим вопросом в 1917 году начали интересоваться и Ставка, и Ген. штаб.

17 мая 1917 года Ставка телеграммой запросила все штабы фронтов, пользовавшихся услугами Игнатъева, считают ли они достаточно ценными сведения, получавшиеся от его организаций и признают ли "необходимым, или хотя бы желательным, продолжение работы этих организаций?"

Штабы Северного, Западного и Юго-Западного фронтов ответили, что работа организации Игнатъева их удовлетворяет и продолжение этой работы желательно. Правда, почти все они указали на чрезмерную дороговизну этих организаций и на то, что денежные отчеты Игнатъева за все время никем не проверялись. И действительно, если сопоставить доклады Игнатъева о работе его сети штабам фронтов, Ставке и Генеральному штабу, то бросается

в глаза, что одни и те же организации, только под другими номерами и названиями, фигурируют почти во всех докладах. Из докладов также видно, что на содержание одной и той же организации он требовал и получал деньги и от штабов фронтов, и от Ставки, а нередко и от Генерального штаба. Эти факты наводят на кое-какие размышления относительно денежной честности Игнатьева... Тратил же Игнатьев около четырех миллионов франков в год (1916 г.).

Относительно агентурной работы Игнатьева Ставка запросила также мнение своего представителя при французской главной квартире ген. Палицына. Последний ответил очень уклончиво. Ставка повторила свой запрос, указав, что она ожидает от агентуры Игнатьева сведений о перевозках, перегруппировках, сосредоточении, новых формированиях, средствах борьбы и о внутреннем положении Германии и Австрии. Дальше Ставка указывала на необходимость "совершенно отказаться от услуг лиц, не оправдывающих возложенного на них доверия и затраченных расходов, заменив их в случае необходимости новыми органами. Придерживаясь принципа строгой и разумной экономии, не следует в то же время останавливаться перед соответственным вознаграждением лиц, оказавших крупную услугу. Высылка ежемесячно определенной суммы дает повод предполагать, что в основание расходов положена выплата определенного вознаграждения лицам или организациям, между тем, как необходимо обусловить вознаграждение результатами выполнения поставленной задачи..."

Выждав некоторое время и не видя улучшения в агентурной деятельности Игнатьева, Ставка в августе 1917 года назначила комиссию из находившихся в Париже генералов для ревизии всей деятельности Игнатьева.

Результаты этой ревизии превзошли самые мрачные ожидания.

За время, с 1-го мая по август 1917 года Игнатьев послал в Россию 324 телеграфных донесений. Проверив их по существу, комиссия нашла:

Если даже отбросить в сторону количество донесений со своеобразной и непонятной квалификацией (бесполезные, несерьезные), и то мы имеем на лицо 50% дезинформационных сведений.

«...Обзор материалов дает тебе возможность самому разобраться в пользе этого учреждения, стоящего русской казне до или свыше 200.000 франков в месяц. По моему личному мнению, эту лавочку нужно или просто уничтожить за ненадобностью или переделать радикальнейшим образом. Дело такое серьезное, особенно при условии, что милейший Головань (военный агент в Швейцарии) совершенно не в состоянии дать какого-либо разведывательного размаха в Швейцарии. Между тем сотрудники в организации (центральной) Игнатьева 2-го - дети едва из пеленок, столь же подготовлены к специальной разведывательной работе, как я к службе инженера на заводе.

"Считаю лишь нужным, ввиду серьезности вопроса, отметить, что разведывательный материал этого бюро, посылаемый, между прочим, и в главную французскую квартиру, остается там, в нераспечатанных конвертах за бесполезностью..."

Опять поднялись прежние разговоры о необходимости объединения всей глубокой агентурной разведки в одних руках. Все вспомнили, что в высшей степени нелепо, когда штаб Западного фронта организует агентуру в Америке, штаб XI армии - в Канаде, когда из нейтральных стран ведут агентурную разведку штабы военных округов и армий (Одесского - из Парижа и Афин, Двинского - из Копенгагена, XI армии - из Парижа и т. д.). Но эти разговоры получили свое завершение уже тогда, когда в воздухе пахло Октябрьской революцией и окончанием войны...

*

*

*

Агентура принца Ольденбургского.

Как это ни странно, но так называемый "верховный начальник санитарной части" принц Ольденбургский тоже имел за рубежом свою агентурную разведку для освещения вопроса о... газах. Руководителем этой разведки в Швейцарии был ротмистр Скрыбин, имевший какую-то агентурную сеть, пожиравшую по 20.000 франков в месяц. Самое характерное, что ни Ставка, ни Ген. штаб даже о существовании этой агентуры принца Ольденбургского ничего не знали.

Когда после февральской революции почетную должность "верховного начальника санитарной части" упразднили, Скрыбин предлагал себя вместе со своей организацией и долгами (около 40.000 франков) в распоряжение Ставки. Последняя, а также и Ген. штаб отказались от услуг Скрыбина и его "сети".

Глава пятая

Зарубежная агентура штабов армий и военных округов

А. Разведка штабов армий. *Штаб I армии.* - Разведка против Германии и Австро-Венгрии из Скандинавии. - Неудача. - *Штаб II армии.* - Неудачная попытка вести из Парижа освещение Германии и Австро-Венгрии. - *Штаб III армии.* - Попытка вести освещение тылов германской и австрийской армии из Румынии. - *Штаб IV армии.* - Посылка агентов в Швейцарию. - *Штаб V армии.* - Агентура через

линию фронта. - *Штаб VII армии.* - Агентурная сеть в Румынии, Болгарии, Австро-Венгрии и Турции. - *Штаб XI армии.* - Агентура в Австро-Венгрии. - Помощь пр. Массарика. - Большие планы. - Неудачи. - Попытки осветить Италию, Швецию, Америку и Аргентину.

Б. Разведка штабов военных округов. *Штаб Одесского военного округа.* - Агентура в Турции, Румынии, Болгарии, Австро-Венгрии и Германии. - Руководитель агентуры в Данин. - Разложение сети. - Неверные сведения. - Нагоняй Ставки. - *Агентура Двинского военного округа.* - *Агентурная сеть Иркутского военного округа* - восемь агентов. Их работа. - *Агентурная сеть Заамурского округа пограничной стражи* - 21 агент. Одиннадцать китайских документов. - *Агентурная сеть Омского военного округа* - 38 агентов. - *Агентурная сеть Приамурского военного округа* - 31 агент. - Расходы.

а) Разведка штабов армий.

Штаб I армии в начале мая 1915 года командировал в Скандинавию поручика Фе с поручением - организовать агентурную сеть в Германии и Австро-Венгрии. Прождав до ноября того же года результатов работы Фе, штаб армии нашел их неудовлетворительными и отозвал его обратно. Этот первый неудачный опыт отбил у штаба армии охоту повторения.

Штаб II армии до начала 1916 года имел в Париже двух агентов - Иосифа Наимского и Сигизмунда Олеховского. Они имели поручение создать агентурную сеть в Германии и Австро-Венгрии. Когда штаб армии начал требовать от них работы, они пошли к Игнатьеву 2-му и уговорили взять их к себе. Игнатьев это с удовольствием сделал и добился через штаб Главверха распоряжения штабу II армии от этих агентов отказаться, так как "они приняты на службу Ставкой".

На этом и кончилась агентурная деятельность штаба II армии из нейтральных и союзных стран.

Штаб III армии в октябре 1915 года командировал двух агентов через Румынию в район: Брест-Литовск - Люблин - Ивангород - Краков - Тарнов - Ярослав - Холм, поддерживая с ними связь также через Румынию. Агенты вскоре вернулись из командировки и больше посланы не были.

Штаб IV армии в сентябре 1914 года послал в Швейцарию двух агентов, которые в начале 1915 года через Австро-Венгрию и Румынию вернулись обратно и больше посланы не были.

Штаб V армии глубокой агентурной разведкой через нейтральные и союзные страны совершенно не занимался, и все внимание уделял работе ближней агентурной разведке через линию фронта.

Штаб VII армии к концу 1915 года имел в Румынии, Болгарии, Австро-Венгрии и Турции весьма обширную агентурную сеть (около сотни агентов), руководившуюся через Румынию. Если верить утверждению генерал-квартирмейстера штаба армии, то он имел "несколько, особо секретных сотрудников, занимавших официальное положение в высших военных и дипломатических учреждениях указанных выше государств". Для поддержания связи с этими агентами штаб армии пользовался услугами официального русского военного агента в Румынии.

Генерал-квартирмейстер штаба этой армии утверждал, что за полтора года, якобы, имел место один лишь случай "принятия на службу агента, оказавшегося впоследствии недобросовестным".

Мы, во всяком случае, сильно сомневаемся в правдивости этих утверждений ген.-квартирмейстера, так как, по имеющимся данным, агентура штаба VII армии ничего ценного за все время своего существования не дала, а наравне со всей остальной агентурой русского военного ведомства участвовала в даче ложных сведений об австро-германских перегруппировках в 1915 году. Следовательно, можно предполагать, что посредники надували штаб армии, указывая на наличие у них крупных серьезных связей, в целях получить побольше денег. Этот наш вывод подтверждает еще и то обстоятельство, что, по словам самого же ген.-квартирмейстера штаба армии, - посредники "отказывались называть не только фамилии своих агентов, но даже их клички не сообщали штабу армии".

Штаб XI армии, имел большие планы по ведению агентурной разведки в Австро-Венгрии. Он связался с профессором Массариком, теперешним президентом

Чехословакии. Последний рекомендовал ему в качестве руководителей агентурной сети в Австро-Венгрии чехов Ванека и Новотного. Вначале оба они не очень охотно соглашались взяться за данные им поручения, но после того, как с ними побеседовал Массарик, они предложение приняли. Новотный, шофер по специальности, должен был поехать в Америку, а оттуда проехать в Австрию и поступить добровольцем в авиационный отряд, действовавший на фронте XI армии, и с аэроплана сбрасывать сведения об австрийской армии. Из этого заманчивого плана ничего не вышло: Новотный получил деньги, уехал и забыл про взятые на себя обязательства. Начальник разведывательного отделения штаба XI армии эту неудачу объяснял тем (4/V 1916 г.), что "...вследствие принятых нашим противником мер, связь профессора Массарика с Чехией в настоящее время значительно затруднилась, почему приходится искать новые способы связи посылаемых штабом XI армии, с лицами, работающими в пределах Австро-Венгрии".

Второй, рекомендованный Массариком агент - Ванек - об'ехал почти весь свет, за исключением Австро-Венгрии и Германии, и очутился в 1916 году в Италии. Там на него натолкнулся Игнатьев 2-й и "выяснил", что Ванек имел хорошие связи в Чехии и Вене, но никак не мог с ними связаться; связь со штабом XI армии также была им потеряна. Игнатьев взял Ванека к себе "до выяснения его положения в штабе XI армии". Последний ответил, что он отказывается от Ванека. Пока шли эти переговоры, Ванек обманул Игнатьева и перекочевал в Швейцарию к русскому военному агенту Голованю.

Тогда в это дело вмешался Генеральный штаб и выяснил следующее:

Штаб XI армии послал Ванека в Швейцарию, выдав ему 9.000 руб., и поручил ему организовать, помимо разведки в Австро-Венгрии, отделения в Италии, Швеции, Америке и Аргентине для освещения этих стран. Собранные всеми этими организациями сведения должны были доставляться в штаб Юго-Западного фронта через специально завербованных перебежчиков из австрийской армии. Руководства деятельностью Ванека со

стороны штаба XI армии никакого не было; со дня отъезда Ванек не получил ни одного указания, ни одного задания. Ген. штаб выяснил, что Ванек, якобы, имел в Австро-Венгрии пять постоянных корреспондентов и, кроме того, им было "подготовлено в Швейцарии, Италии и Швеции 17 человек для посылки в Австрию". Ген. штабу понравилась эта "организация" и в начале 1917 г. он забрал ее себе, приказав Ванеку прекратить работу в Америке и Аргентине, отказаться от посылки донесений посредством перебежчиков и обещал давать ему ежемесячно по 16.000 франков, при условии, если он каждый месяц будет высылать в Австрию по 5 новых агентов.

Этими двумя лицами, рекомендованными профессором Массариком, начались и кончились попытки штаба XI армии - "осветить весь земной шар".

б) Разведка штабов военных округов.

Почти такую же всеобъемлющую агентурную деятельность стремился вести штаб Одесского военного округа, имевший своих людей в Турции, Румынии, Болгарии, Австро-Венгрии и Германии. Один из руководителей агентуры округа - подполковник Андреев-Стерн находился в Дании. Он, якобы, в начале 1917 года имел девять агентов: Ковно - Варшава - Кенигсберг - Познань - Тори - Гамбург - Дюссельдорф - Дрезден - Кельн. Во второй половине 1917 года Стерну было приказано войти в непосредственное подчинение военного агента в Дании - Потоцкого, который, по ознакомлении с сетью, писал, что "первые сведения организации дали 30% правдоподобных и даже подтвержденных из других источников". Организация стоила в месяц 36.000 дат. крон.

Но уже в начале декабря 1917 года Потоцкий телеграфировал штабу Одесского военного округа:

"Ваши сети, в связи с положением в России и неуверенностью в сохранении тайны работы, - прекратили доставку донесений, о чем поставили в известность руководителя. Приняты меры для побуждения к присылке сведений".

Другой агент этого штаба округа, некий грек, явился в Париж к Игнатьеву и пред'явил газетную вырезку, в которой сообщалось о каких-то повешенных в Константинополе русских шпионах. Грек уверял, что он был руководителем агентуры штаба Одесского военного округа и что повешенные были его агентами. В ожидании ответа штаба округа Игнатьев приспособил грека у себя.

После этой неудачи штаб Одесского военного округа решил перенести центр тяжести своей ближневосточной агентуры в Париж. В конце 1916 года в Париж прибыл один из сотрудников штаба округа, присланный из Одессы, "имевший прежде большую организацию в Турции и работавший через Румынию", - как доносил Игнатьев в Ставку. Все попытки этого лица восстановить связь со своей организацией оказались безуспешными, пока, наконец, в марте 1917 года не выяснилось, что "приемный и передаточный центры провалились и казнены".

Штаб округа настаивал, чтобы это лицо начало дело сначала. Ему, в конце концов, удалось найти какого-то сотрудника, но чем это дело кончилось - нам неизвестно.

В августе 1917 года к Игнатьеву явился еще один сотрудник штаба Одесского военного округа, раньше работавший, как и первый, через Румынию. Он также имел задание - связаться через Швейцарию со старыми своими агентами, но это ему не удалось.

Таким образом, всей сети штаба Одесского военного округа тоже пришлось базироваться на представителях Ген. штаба в нейтральных и союзных странах.

Для характеристики работы агентурной сети штаба Одесского военного округа приведем одно из многочисленных его донесений (донесение от 17/I 1916 г.)¹:

По агентурным данным Одесского военного округа, полученным, якобы, из достоверного источника, против бессарабского фронта действуют три австро-германских армии..., всего 600-700 тысяч человек из них около 200.000 австрийцев, остальные германцы. Артиллерии 25-30 полков, кавалерии -

¹См. Мих. Лемке - 250 дней в царской ставке.

мало....".

Прочтя это донесение, начальник штаба Главковерха телеграфировал начальнику штаба Одесского военного округа.

"Благоволите относиться критически к получаемым вами агентурным сведениям, не давал ходу явно вздорным. Это вредно. Потребуйте от начальника разведывательного отделения исполнения обязанности не просто собирателя сведений, а офицера изучающего весь поступающий материал. Нужно уметь разбирать, сличать и оценивать".

Относительно штаба *Двинского* военного округа имеются сведения, что округ еще в 1916 г. имел агентуру, руководившуюся из нейтральных и союзных стран, но подробностей об этой агентуре мы не имеем.

Штабы дальневосточных военных округов продолжали заниматься агентурной разведкой и во время войны 1914-1918 гг.

Штаб *Иркутского* военного округа к началу войны имел 8 агентов-китайцев. 7 из них были размещены по более важным пунктам района, отведенного для разведки штабу округа, а восьмой находился при штабе старшим агентом для поручений. Благодаря огромному расстоянию и отсутствию правильной и регулярной связи, руководить агентами и наблюдать за их работой оказалось для штаба округа не под силу и поэтому было решено сократить агентурную сеть. Штаб уволил шесть агентов (из 8), но потом опять завербовал одного монгольского князька и одного монгольского чиновника, а также привлек к работе двух русских чиновников-бурят. К концу 1917 года в сети штаба округа оставалось всего пять агентов - по одному агенту в Хайларе и Урге и три осведомителя.

Штаб *Заамурского* округа пограничной стражи к началу 1917 года имел агентов-резидентов китайцев - 18, русских - 1 и, кроме того "для разведки о германцах" - одного китайца и одного русского. За 1916 год все эти агенты доставили "11 более важных китайских документов". Израсходовано за год 11.658 руб.

Омский военный округ к началу 1917 года имел 38 агентов.

Приамурский военный округ имел "14 агентов с 3-я подручными, 3-х секретных сотрудников и 11 доверенных лиц".

Расходы штабов военных округов на агентурную разведку в 1917 г. и потребности денег на 1918 г. видны из следующей таблицы:

Название округа	Отпущено в 1917 году (в руб.)	Требуется на 1918 год. (в руб.)
Туркестанский	22.500	127.100
Омский	3.000	33.700
Иркутский	9.400	43.590
Приамурский	28.000	92.000
Заамурский округ погран. стражи	12.000	50.000
Итого	74.960	346.590

Глава шестая

Объединение всей стратегической агентурной разведки в Генеральном штабе

Всеобщая работа по разведке и отсутствие сведений о противнике. - Несколько примеров. - Агенты русской разведки в нейтральных странах. - Отсутствие руководства, подбора, подготовки и контроля над агентами. - Несколько примеров. - Проекты объединения стратегической разведки в Ген. штабе. - Споры по этому вопросу между Ставкой и Ген. штабом. - Обвинения Ставкой Ген. штаба в отсутствии разведки. - Соглашение между ними и перевод стратегической разведки в Ген. штаб. - Создание новой "разведывательной части" в Ген. штабе. - Требования Ставки от стратегической разведки. - "Страусовская" политика ген. Гиссера и Рябикова. - Первые ляпсусы Ген. штаба.

Из описания русской стратегической агентурной разведки мы видели, что ею занимались совершенно самостоятельно и независимо друг от друга Ставка, Генеральный штаб, штабы всех

фронтов, штабы некоторых армий и военных округов, верховный начальник санитарной части и т. д. Но в конечном итоге в течение войны русские неоднократно жаловались на отсутствие достоверных сведений о противнике и его мероприятиях.

Приведем несколько примеров.

Ю. Н. Данилов пишет¹, что "к сожалению, по окончании германского наступления против I армии ген. Ренненкампа... разведка на Северо-Западном фронте не могла выяснить истинной группировки неприятельских сил".

В другом месте он говорит, что проверить сведения о появлении германских войск в различных пунктах к северу от Калиша и в Торнском районе (в ноябре 1914 года) и выяснить направления, по коим неприятель производил свое накапливание, - "представлялось крайне трудным... "При наличии таких шатких данных - почти в слепую - верховному командованию приходилось принять одно из двух решений"...

Тот же Данилов сообщает, что прибытие в Восточную Пруссию четырех германских корпусов и образование на северном участке германского фронта новой X армии (в 1914 году) "остались для штаба нашей X армии незамеченными". "Тем неожиданное оказалось наступление немцев, обнаруженное 7-го февраля (1915 г.) на Иоганисбургском направлении".

Бывший великий князь Андрей Владимирович² иронизирует в своем дневнике относительно русской осведомленности: "Из Риги-Шавельского района получено (апрель 1916 года) два достоверных донесения. Первое достоверное донесение утверждает, что там два германских корпуса. Второе достоверное донесение утверждает, что там ровно ничего нет".

В. Фукс в очерке операций Наревской (Самсоновской) армии писал³: "...Организованный шпионаж отсутствует... Разведки нет, - отсюда неправильное представление о группировке сил про-

¹См. Ген. Ю. Н. Данилов - Россия в мировой войне 1914-1918 гг., изд. Книгоиздательства "Слово", Берлин, 1924 г.

²См. "Дневник быв. вел. кн. Андрея Владимировича", изд. Госиздата, 1925 г.

³См. В. Фукс - Краткий очерк операции Наревской Самсоновской армии. "Восиный Сборник" О-ва ревнителей военных знаний, кн. IV, Белград, 1923 года.

тивника и ряд неожиданностей".

Наконец, начальник штаба Главковерха 13/X 1915 года телеграфировал¹ штабам всех фронтов, что "в данную минуту нам более чем когда-либо, важно знать действительную силу и распределение находящихся перед нами австро-германских войск, имея в виду вероятность и возможность более или менее ослабления их вследствие неудачи во Франции и нового предприятия против Сербии. Размеры ослабления и переброски вдоль нашего фронта остаются неизвестными; может случиться, что во многих местах мы стоим против обозначенного противника... До настоящего времени наша разведка не даст необходимых сведений..."

Отрицательные стороны такого хаоса в ведении разведки выявились почти с самого начала войны. Уже в 1915 году до Ставки начали доходить сведения о том, как ведут себя русские тайные агенты в нейтральных странах, что они из себя представляют и т. д. Получив такие сведения, Ставка запросила об этом мнение Генерального штаба и циркулярно написала штабам всех фронтов и армий (26/XI 1915 г.), что по ее сведениям в столицах центральных стран, - в Стокгольме, Копенгагене и Бухаресте - сосредоточилось большое число негласных агентов, "работающих совершенно независимо и вне всякой взаимной связи, хотя и преследующих зачастую один и те же задачи". Агенты эти "сплошь и рядом враждуют между собой, стараясь дискредитировать друг друга в глазах соответствующего начальства, и иногда стоят на службе у нескольких штабов одновременно".

Самый выбор агентов для отправки за границу производился "нередко совершенно случайно и о командируемом лице не собирались предварительно подробные сведения, почему часто принимались на службу лица, заведомо известные другому штабу или учреждению, как совершенно несоответственные".

Во избежание указанных дефектов, генерал-квартирмейстер Ставки высказывал намерение сосредоточить все сведения "о находившихся и находящихся за границей негласных агентах,

¹См. Мих. Лемке - 250 дней в царской ставке.

командированных разными войсковыми штабами", - у себя, с тем, чтобы в случаях надобности сдавать справки о намечаемых к подобному командированию лицах".

Генеральный штаб со своей стороны подтвердил указанные Ставкой дефекты в постановке агентурной разведки еще более убийственными фактами. Он указывал, что агенты часто вербовались из числа лиц, не заслуживавших доверия, и подтвердил это написанием случая провала Копенгагенской организации штаба Северо-Западного фронта, из 11 агентов которых немцы переманили к себе 9, что дало им возможность обнаружить и казнить в Варшаве восемь агентов русской агентурной разведки.

Генеральный штаб указывал, что глава этой самой организации, некий Герц, еще в 1912 году, состоя секретным сотрудником штаба Варшавского военного округа, оказался не заслуживающим доверия "вследствие склонности ко всем видам шантажа и мошенничества", как говорилось о нем в циркуляре департамента полиции розыскным органам.

Далее он указывал, "что другой агент одной из русских заграничных агентурных организаций, сын варшавского домовладельца, до поступления на службу по разведке занимался подделкой векселей, за что отбыл тюремное наказание. Третий агент, продавший немцам русскую агентурную организацию, занимался ранее контрабандой. Четвертый агент, состоя уже в составе разведывательной организации в Варшаве, торговал поддельным коньяком и т. д.

Генеральный Штаб писал, что из имеющегося у него материала видно, что существование при штабе Северного фронта школы разведчиков не являлось тайной для лиц, не имевших прямого отношения к разведке.

* * *

Между Ставкой и Генеральным штабом возникли резкие споры по поводу объединения стратегической разведки в Генеральном штабе... И обширная переписка...

"Подобные сведения, разумеется, убили в полевых штабах

всякую веру в возможность получения от военных агентов, сколько нибудь верных сведений и поэтому фронты вынуждены были посадить за границей в тылу неприятеля свою разведку. Достигнуто было это с большими трудностями и значительными денежными расходами. И в настоящее время заграничная разведка поставлена настолько прочно, что некоторые военные агенты пользуются сведениями, добываемыми фронтовой агентурой.

"Ввиду изложенного я, хотя и считаю, что вся заграничная разведка должна вестись исключительно Генеральным штабом и должна быть только продолжением деятельности той сети агентов, которую, несомненно, Ген. штаб наладил еще в мирное время, но думаю, что пока Ген. штаб не создаст своей агентуры и не выработает твердых оснований заграничной агентурной разведки и оснований надежного руководства и объединения его, до тех пор прекращать деятельность в этом отношении войсковых штабов совершенно невозможно, дабы не остаться совершенно без всякой разведки".

Начальник Ген. штаба не отрицал, что к моменту начала войны, "вследствие особо неблагоприятно сложившейся обстановки, может быть, в связи с некоторыми дефектами в самой организации дела, заграничная разведка во враждебных нам странах фактически прекратила свое существование, и военным агентам в нейтральных странах пришлось спешным порядком устраивать разведочную сеть из элементов, имевшихся под рукой. Естественно, что эта есть, составленная из случайных и неподготовленных людей, а в некоторых случаях не вполне благонадежных, руководимых только алчностью к деньгам, не могла дать вполне удовлетворительных результатов". (7/VI 1916 г., № 819).

Далее, Начальник Ген. штаба обещал дело агентурной разведки упорядочить и улучшить, и просил Ставку дать ему трех офицеров Ген. штаба для организации специальной разведывательной части.

Начальник штаба Главковерха ответил (18/VI 1916 г., № 3031), что трех офицеров дать он не может, а вместо этого предла-

гал упразднить тройную работу по обработке разведывательных сведений, проводившуюся в Ген. Штабе, Ставке и штабах фронтов. Смысл последнего предложения был таков, что Ген. штаб зря занимается обработкой получаемых сведений, ибо с этим делом хорошо справляется генерал-квартирмейстер Ставки. Таким образом, Ген. штабу отводились одни лишь посреднические функции между агентами разных войсковых штабов и Ставкой.

С июня по октябрь эта переписка замолкла с тем, чтобы в октябре 1916 года начаться опять.

Начальник Ген. штаба представил длинный доклад военному министру (1/X 1916 года, № 1503), в котором, между прочим, писал, что к 1 октября за границей находились и работали разведывательные организации Ген. штаба, штабов: Северного, Западного, Юго-Западного фронтов и штаба Одесского военного округа. Генеральный штаб писал, что ведет заграничную агентурную разведку почти исключительно через официальных военных агентов, которые, будучи обременены работой по военным заказам, не ведут планомерной и широкой заграничной разведки, ограничиваясь случайной агентурой.

Из этого заявления Начальника Ген. штаба ясно, что рассказ о создании агентурных организаций под флагом разных коммерческих фирм, который мы видели в его докладе на имя военного министра (от 26/I 1916 г., № 47543), - являлся сплошной ложью и очковтирательством.

Перечислив дальше все уже известные недуги русской агентурной разведки, начальник Ген. штаба писал:

"...Отношениями правительств и влиятельных общественных кругов в нейтральных странах к тем или иным из воюющих держав и характеризуется большая или меньшая степень свободы в деятельности разведывательных органов держав согласия и центральных держав.

"В Швеции и в Греции австро-германцы, опираясь на сочувствие правительств и общественных кругов, а в северо-восточной Швейцарии и в Америке, кроме того, и на широкую поддержку и симпатии родственного населения, приобрели полную свободу действий для широкой работы своих

разведывательных организаций, в то время как разведывательная деятельность держав Соглашения встречает там стеснения, особенно серьезные для нас в Швеции и в северо-восточной Швейцарии, в то время как в юго-западной, романской Швейцарии наибольшей свободой пользуются наши союзники.

"Настроение политических и общественных кругов Дании и Норвегии характеризуется большими симпатиями к державам Соглашения; однако, германское влияние в этих странах все же является значительным и в то время как Дания предоставляет почти полную свободу деятельности разведывательным организациям всех воюющих держав, правительство Норвегии стремится пресечь разведывательную деятельность одинаково всех воюющих государств, за исключением, повидимому, лишь Англии.

"Обстановка разведывательной деятельности в Голландии, повидимому, приближается к таковой в Дании, однако, с несколько большей свободой в деятельности германцев..."

В заключение начальник Ген. штаба предлагал новый план реорганизации всей агентурной службы:

"1. Создание в нейтральных странах ряда разведывательных центров в лице офицеров или особо доверенных лиц, как руководителей всех агентурных организаций, работающих в данной нейтральной стране или же в нескольких смежных нейтральных странах.

2. В силу условий стратегических и географических, а также и в силу условий той или иной свободы нашей разведывательной деятельности в различных нейтральных странах, полагалось бы желательным иметь, по меньшей мере, четыре разведывательных группы, а именно:

а) Северную группу, задачей которой явится сбор сведений в Германии и контр-разведка по отношению к последней в Дании и Швеции; базой этой группе должна служить, главным образом, Дания и отчасти Норвегия.

б) Западную группу, задачей которой явится сбор сведений в Германии и Австро-Венгрии, главным образом, разведывательного характера; главной базой западной группы может служить

Франция, вспомогательными же базами - юго-западная Швейцария и Голландия.

в) Южную группу, для разведки Австро-Венгрии, Болгарии и Турции с базой в Греции.

г) Американскую группу, задачей которой явится сбор сведений разведывательного и контр-разведывательного характера в отношении всех центральных держав.

3. Указанные выше разведывательные центры, в целях конспирации и большей свободы действий, должны быть организованы, казалось бы, независимо от военных агентов.

4. Разведывательные центры (группы) должны находиться в непосредственном подчинении Ген. штабу, от которого и получают задачи и указания через военных агентов; донесения же свои разведывательные группы должны посылать или через военных агентов или через дипломатические миссии.

5. На военных агентов должно быть возложено общее наблюдение за руководителями разведывательных групп и содействие в разведывательной работе.

6. Руководители разведывательных групп должны получить известную самостоятельность в пределах указаний и смет, полученных от Ген. штаба с одной стороны, с другой же стороны, как Ген. штаб, так и военные агенты, всеми средствами должны облегчать работу руководителей, оказывая им широкое содействие в подыскании агентов, в установлении связи и пр.

7. Руководители разведывательных групп должны быть твердо поставлены в нейтральных странах в отношении причин их пребывания в данной стране и рода их занятий, находясь в составе торговых фирм, газетных редакций и др. подобных предприятий.

8. Насажение в настоящее время резидентов в Германии и Австро-Венгрии представит, безусловно, значительные трудности, особенно в отношении связи с агентами и едва ли можно рассчитывать на развитие широкой сети агентов-резидентов на территории центральных держав.

Скорее и с меньшими трудностями представится возможность найти большее число разрядных агентов и организовать

также сбор сведений в пограничных полосах нейтральных стран, прилегающих к Германии и Австро-Венгрии.

9. В отношении вербовки агентов, казалось бы, наиболее желательным является использовать заграничные коммерческие и финансовые круги и их представителей, находящихся в России, редакции газет и их корреспондентов, а равно и наших коммерческих агентов, находящихся за границей и служащих наших сберегательных касс в Америке; небезрезультатно, казалось бы, можно было бы развить вербовку среди беженцев из наших губерний, занятых неприятелем, среди чешско-славянских организаций, находящихся у нас и за границей и, наконец, среди военнопленных славянской национальности".

Закончил свой доклад начальник Ген. штаба заявлением, что "в настоящее время, помимо разработки намеченных организаций северной и американской разведывательных групп, в Ген. штабе установлена связь с "Комитетом по ограничению снабжения и торговли с неприятелем", в смысле использования нами торговых фирм и русских торговых агентов за границей, приступлено к вербовке агентов среди беженцев из русских областей, занятых неприятелем и имеющих родственные и торговые связи в нейтральных странах, а также намечено использование чешско-славянских кругов, находящихся в России и в нейтральных странах".

Военный министр (Шувалов), прочитав этот доклад и план, написал: "Одобряю, Благодарю за доклад. Скорее за дело".

Однако, до "дела" было еще далеко. Этот доклад начальник Ген. штаба послал в Ставку, а последняя нашла нужным напомнить Ген. штабу несколько неприятных вещей, прежде чем дать свое согласие на проведение плана в жизнь.

Генерал-квартирмейстер Ставки в письме (15/X 1916 г., № 3203) на имя ген.-квартирмейстера Ген. штаба писал, что при изложении причин неудовлетворительности заграничной разведки, Ген. штабом было указано "на недостаточно широкую постановку центрального органа этого управления еще в мирное время и отсутствие организации разведывательных органов за границей, с чем согласиться нельзя", ибо Ген. штаб "ведает разведкой загра-

ницей в течении многих лет, имея в своем распоряжении всю сеть наших военных агентов и достаточно большие средства, следовательно, причины неуспешности скорее в неудовлетворительности самой постановки этого дела и ее организации и руководства, чем в недостаточности органов".

Ставка находила также, что изменение условий, указанных начальником Ген. штаба "в пунктах *а, б, в и г* его доклада, "всецело зависело от Ген. штаба и он имел полную возможность улучшить существующее положение - как, например, - устранить недостаточную объединенность между нашими дипломатическими, торговыми и военными органами заграницей". Такие же условия, как слабое развитие русской торговли, строгость охраны границ и цензуры в Германии и Австрии равно, как и более широко поставленная разведка и контр-разведка этих государств, по мнению Ставки, - "остаются, к сожалению, без изменения и к ним нужно лишь применить и избрать соответствующие приемы для борьбы".

Ставка еще раз заявляла, что для нее безразлично, кто и где будет объединять и кому будут непосредственно подчинены разведывательные центры. Для нее лишь было важно, чтобы они работали, давали сведения и оправдывали производимые на них денежные затраты.

Ставка находила несвоевременной организацию разведывательного центра в Америке, которая, по ее мнению, в то время имела для России второстепенное значение, равно, как и намерение Ген. штаба привлечь к разведке заграничные коммерческие и финансовые круги, редакции газет, корреспондентов и коммерческих агентов, ибо считала, что эти меры хороши "лишь при наличности прочно налаженной основы".

Исходя из этих соображений и учитывая "установившееся в армии недоверие к заграничной разведке Ген. штаба, оставившего армию с самого же начала войны без органов заграничной агентуры", а также то, что в сущности Ген. штаб и действующая армия преследовали различные задачи (последняя, по словам Ставки, интересовалась главным образом лишь тем, что делалось непосредственно на фронте противника, а Ген. штабу важно было

знать, что вообще делается в данном государстве), Ставка, не возражая против намерений Ген. штаба организовать агентурную разведку за границей, категорически заявляла, однако, что прежде, чем Генеральным штабом "не будет выработана программа работы, вполне гарантирующая получение вполне удовлетворительных сведений, необходимых штабу Главковерха, прежде чем не будет насаждена вполне подготовленная и обученная агентура", - работа органов агентуры Ген. штаба должна вестись отдельно от работы разведывательных органов действующей армии.

На этом вопрос об объединении заграничной агентурной разведки в Ген. штабе опять заглох до июня 1917 года.

В промежутке руководители центрального органа агентуры Ген. штаба пытались сговориться непосредственно с руководителями агентуры в штабах фронтов о передаче всей заграничной агентуры Ген. штабу. На такого рода комбинацию согласился лишь начальник разведывательного отделения штаба Северного фронта. Узнав об этом Ставка обрушилась на генерал-квартирмейстера штаба этого фронта и указала ему (14/X 1916 года, № 5332), что вопросы, касавшиеся передачи разведки штабов фронтов Ген. штабу могли "решаться не иначе, как по указаниям штаба Главковерха". Штаб фронта ответил, что никакого соглашения между Ген. штабом и начальником разведывательного отделения штаба фронта о передаче агентуры штаба фронта Ген. штабу не состоялось.

Генерал-квартирмейстер Ставки на этом ответе написал: "Нужно выяснить, где же правда?".

Но, пока Ставка "выясняла, где правда", Ген. штаб опять поднял вопрос о передаче ему всей агентуры за границей.

Начальник Ген. штаба написал (24/X 1917 г., № 28190) начальнику штаба Главковерха письмо, в котором, помимо уже известных мотивов за передачу всей заграничной агентуры Ген. штабу, выдвинул новый мотив: необходимость сохранить эту агентуру в период перемирия, демобилизации армии и в первый период после заключения мира.

К этому времени в личном составе Ставки произошли некоторые перемены и новый начальник штаба Ставки ответил,

что в принципе он согласен на передачу всей заграничной агентуры Ген. штабу. Для закрепления этого "принципиального согласия" в Ставку немедленно были командированы два генерала Гиссер и Рябиков.

После их возвращения Ген. штаб сообщил штабам фронтов о решенной передаче агентуры Ген. штабу и потребовал представления подробных сведений об агентуре каждого фронта.

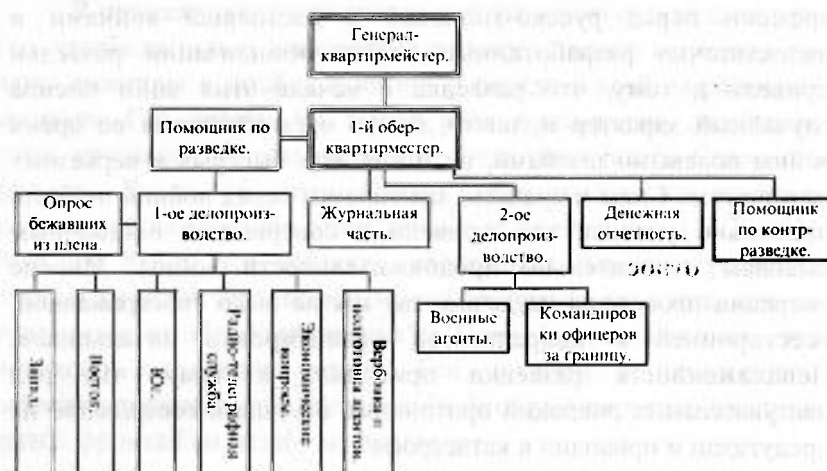
С другой стороны, в Ген. штабе немедленно приступили к организации особой разведывательной части. В представленном начальнику Ген. штаба докладе начальник "разведывательного делопроизводства" писал, что "неналаженность разведки мирного времени перед русско-японской и настоящей войнами и недостаточно разработанные планы мобилизации разведки привели к тому, что разведка в начале этих войн носила случайный характер и, почти заново организованная во время войны полевыми штабами, не могла дать быстрых и серьезных результатов. Силы и средства противника перед войной не были правильно учтены, что привело к совершенно ошибочным выводам относительно продолжительности войны. Многие операции проведены неудачно, так как не было своевременной, всесторонней и непредвзятой ориентировки начальников. Неналаженность разведки приводила к тому, что ряд наступательных операций противника, был нами совершенно не предугадан и приводил к катастрофе".

Авторы доклада находили необходимым немедленное создание в Ген. штабе специального центрального органа всей военной разведки, с внесением в него той организации, которая необходима и после окончания войны - в мирное время. Если же почему-либо не удалось бы сразу организовать центральный разведывательный аппарат, то они полагали совершенно необходимым немедленно создать хотя бы все намеченные ячейки разведывательной части, чтобы работа в них сразу стала на правильные начала и затем лишь развивалась и дополнялась с тем, чтобы вылиться в окончательную форму центрального разведывательного органа, удовлетворяющего, по возможности всем современным требованиям, предъявляемым к разведывательной

службе.

Исходя из этих соображений и для установления "единства взглядов на разведывательную службу, как военного, так и мирного времени", авторы доклада находили желательным еще до конца войны собрать съезд представителей разведывательных отделений Ставки, штабов фронтов и хотя бы некоторых штабов армий, а также представителей военных округов, ведущих разведку.

В заключение авторы доклада предложили следующую схему организации разведывательной части, которая и была утверждена начальником Ген. штаба:

я. Согласно приведенной схеме, работы разведывательной части распределялись следующим образом:

1. *Журнальная часть.* Журнал, вся текущая переписка общего характера.

2. *1-е делопроизводство (разведывательное):* организация разведки, оценка сведений и срочная обработка их; сообщение по принадлежности срочных сведений и составление во время войны ежедневных телеграфных сводок. Делопроизводство разбивалось на три части по странам: запад, восток и юг, во главе каждой - помощник делопроизводителя.

Вербовку агентов-резидентов, вербовщиков и агентов связи и их подготовку в специальных школах предполагалось поручить особому помощнику делопроизводителя 1-го делопроизводства.

Изучение иностранных государств в экономическом, промышленном и финансовом отношениях предполагалось поручить особому специалисту, понимавшему эти вопросы и получившему соответствующее образование.

В состав 1-го делопроизводства включалась также радиотелеграфная часть, задачей которой являлась радиотелеграфная слежка в разведывательных целях.

Для агентурного опроса бежавших из плена также создавалась специальная часть в 1-м делопроизводстве.

3. 2-е делопроизводство (военно-агентское). Было признано, что на должностях военных агентов за границей необходимо иметь людей, вполне подготовленных для этой роли по своим качествам; поэтому создавалась специальная часть для ведения списка кандидатов на должности военных агентов и сбора о них подробных сведений. Другая часть этого делопроизводства должна была вести учет офицеров, знавших иностранные языки, которых можно было, так или иначе, использовать по разведывательной службе. Кроме того, эта часть должна была вести заграничными командировками офицеров (с разведывательными целями, на маневры, для изучения языков и пр.), сношениями с союзными иностранными генеральными штабами, обменом сведений с ними и, наконец, заниматься составлением различного рода разведывательных инструкций.

Для ведения денежных дел и отчетности по всем секретным суммам на разведку и контр-разведку при обер-квартирмейстере должен был находиться ему непосредственно подчиненный офицер на правах помощника делопроизводителя.

Необходимо отметить, что по этой новой организации оценка и срочное использование агентурных сведений возлагались на 1-е делопроизводство, так как, - по словам авторов, - "только лица, организующие агентуру и ведающие ее органами, могут правильно оценивать поступающие от них сведения, учитывая надежность данного органа". Все добытые сведения

должны были передаваться для окончательной обработки и использования в статистическую часть 2-го обер-квартирмейстера.

Реорганизовав, таким образом, центральный орган разведки, Ген. штаб запросил Ставку - выяснение и освещение каких вопросов ее больше всего интересовало.

По мнению последней (18/VII 1917 г., № 4521), в отношении направления дальнейшей работы заграничной агентуры нужно было иметь в виду следующее.

Добывание достоверных сведений о перевозках крайне трудно и дает возможность недобросовестным агентам посылать вымышленные сведения, поэтому от сбора такого рода данных лучше отказаться, указывая лишь, в крайнем случае, в каком направлении в каждый данный период перевозки идут с большей или меньшей интенсивностью.

Нужно было ограничить требования о присылке агентами сведений о планах противников, так как все эти данные, почерпнутые из разных, якобы достоверных, источников, большей частью оказывались фантастическими и могли в лучшем случае служить лишь показателем того, какие слухи умышленно распространялись центральными державами.

Желательно было обратить больше внимания на получение сведений, по возможности документальных, об использовании людского запаса и о новых формированиях, производившихся внутри неприятельских стран и вообще налечь на документальную разведку, оплачивая добытые сведения пропорционально достоверности и ценности доставленных документов.

Ставку интересовали также сведения о центральных державах внутривнутриполитического и экономического характера.

Получив эти пожелания Ставки, Ген. штаб составил длинное циркулярное предписание всем своим официальным военным агентам, в котором подробно изложил, какие сведения необходимо собирать и доставлять.

Попутно требовалось доставлять сведения об организации и работе разведывательных органов иностранных государств.

Между прочим, в этом предписании дан был следующий

телеграфный адрес для посылки донесений шифром: "Петроград, Огенквар, Егорову" или "Павлову". Оказывается, что под "Егоровым" скрывался ген. Гиссер, а под "Павловым" - ген. Рябиков. Прямо, не верится, что в такой мелочи могла настолько проявиться тупость этих двух генералов генерального штаба, считавших себя "светилами" русской разведки. Ведь весь секрет был уже раскрыт тем, что телеграмма была адресована "Огенквару" (отдел генерал-квартирмейстера Генерального штаба) и что она подавалась на телеграф за подписью и печатью военного агента. Видимо, эти два генерала хотели кличками замаскировать свою службу в центральном органе русской разведки; весь вопрос только в том: от кого? Ведь всем, кому это было нужно, такая "страусовская" политика были известна.

Итак, почти два года тянулась переписка относительно объединения заграничной агентурной разведки в Ген. штабе и лишь к моменту выхода России из войны - это объединение произошло, за исключением штаба Кавказского фронта и Одесского военного округа, которым было разрешено продолжать работу по-прежнему самостоятельно.

Но не успел Ген. штаб как следует войти в курс дела принятой агентуры, как случился следующий казус. Штаб Западного фронта прислал генерал-квартирмейстеру Ген. штаба пакет для пересылки военному агенту в Дании. Этот пакет из русского Ген. штаба каким-то образом попал в датское министерство иностранных дел, а оттуда - в руки какого-то датского адмирала, который по пьяной лавочке об этом проболтался. Когда об этом узнал штаб Западного фронта, то опять поднялся вопрос чуть ли не об отстранении Ген. штаба от заграничной агентуры. Штаб Западного фронта прямо писал, что "повидимому, доставка корреспонденции нашим военным агентам за границей в военное время поставлена в Ген. штабе весьма неудовлетворительно" (13/XI 1917 г., № 610).

Глава седьмая

Активная разведка (диверсионная деятельность)

1916

Организация "революционного движения" в Турции. - "Агитация" против немцев и младотурок. - Сообщение штаба Одесского военного округа об убийстве его агентом Фарди нескольких немецких и турецких генералов и т. д. - Цена этих мнимых убийств - 86.000 руб. - Фарди - германский агент. - Проект капитана Брагина. - "Революционная пропаганда" в Германии. - 40 миллионов руб. - Отношение Ставки и Ген. штаба к проекту Брагина. - Предложение Ставки использовать военнопленных для диверсионной работы в Германии. - Порча глазков картофеля при его посадке, слишком глубокий посей свеклы, порча сельскохозяйственных и заводских машин, скота, повозок и т. д. - Донесение корнета Соломона и ген.-майора Зелинского из германского плена. - Группа пленных офицеров по взрывам германских снарядных заводов, по борьбе с германской пропагандой украинского движения и т. д. - Бегство корнета Соломона из плена. - Допрос. - "Весьма возможна рука германской разведки".

Говорить о серьезно поставленной активной русской разведке не приходится. Были лишь отдельные разрозненные попытки применить этот вид агентурной разведки. На более характерных и крупных попытках этого рода мы здесь вкратце остановимся.

По имеющимся документам известно, что штаб Одесского военного округа, якобы, по предложению штаба Главнокомандующего войсками Юго-Западного фронта, поручил в январе 1916 года своему секретному сотруднику Георгию Александровичу Фарди - приступить к организации в Турции "революционного движения, направленного главным образом против распоряжающихся ныне в стране германцев и поддерживающих их младотурок".

Этой организации была поставлена задача: "самая широкая пропаганда среди войск и мирного населения недоверия и ненависти к германцам и младотуркам и необходимости всеми средствами мешать продолжению войны, губительной для общих интересов населения".

В программу деятельности этой организации входило: "избиение германского офицерского состава и преданных германцам младотурок, взрывы мостов, линий железных дорог, тоннелей, складов огнестрельных припасов, поджоги провиантских и вещевых складов, препятствования своевременному подвозу огнестрельных и продовольственных припасов и т. д."

Начальник штаба округа ген.-лейтенант Маркс находил, что "для революционной пропаганды Турция представляла исключительно благоприятную почву. С одной стороны, среди высшей аристократии, среди офицеров, чиновников и вообще интеллигентского класса, имеется весьма много недовольных элементов, задетых в настоящую войну германо-младотурецким режимом и стремящихся в личных своих интересах к радикальному изменению существующего порядка. Особенно много недовольных существующим режимом при самом дворе, среди принцев крови и высших придворных чинов, вынужденных играть пассивную роль и во всем подчиняться захватившим власть германцам и младотуркам, бесцеремонно устранившим их от всякого влияния в государственных делах и нередко даже задевающим их самолюбие.

"С другой стороны, простой народ, глубоко невежественный, но фанатично-религиозный и, вследствие этого, слепо повиновющийся своим духовным вожакам, легко может быть распропагандирован в желательном направлении при содействии магометанского духовенства, среди которого много ярых противников младотурок и германцев.

"Революционному движению благоприятствует также резкое расовое различие среди магометанского населения Турции..."

Итак, по Марксу (Одесскому) выходило, что Турцию без особого труда можно было восстановить против Германии.

По словам того же Маркса, первый опыт такой организации в войну 1914-1918 годов был предпринят англичанами, использовавшими расовую ненависть арабов к туркам и организовавшими мощное восстание в Аравии.

Исходя из этого, Маркс решил, что штаб Одесского военного округа не хуже Англии и поручил Фарди начать "интенсивную пропаганду среди арабов в Константинополе,

Багдаде, Алеппо и других центрах, еще не затронутых английской пропагандой".

По словам Маркса, еще легче, чем среди арабов, можно было вызвать брожение среди курдов, для чего достаточно было, якобы, подкупить более влиятельных курдских вождей, - "мера, испытанная нашей дипломатией в прежние годы".

И вот, исходя из всех этих соображений и предпосылок, Маркс предложил своему агенту Фарди, якобы имевшему обширные знакомства и весьма влиятельные связи в стране, - приступить к делу. Кто такой был этот Фарди, мы не знаем. Сомневаемся, знал ли это также и Маркс. Но, во всяком случае, этот Фарди доносил Марксу, что он имеет через своих агентов доступ к высшим турецким придворным сферам, что он пошел в соглашение с некоторыми руссофильски настроенными принцами крови и сановниками и уговорился действовать с ними сообща с целью вызвать в стране революционное движение, направленное к ниспровержению германо-младотурецкого режима; что он решил "заагентурить" популярных среди солдат офицеров, представителей многочисленных духовных сект, представительниц Лиги эмансипации турецких женщин, якобы, пользовавшейся большим закулисным влиянием в высших сферах, что он заагентурил во многих пунктах высших полицейских чинов, а также чинов почты, телеграфа, телефонной сети и высших служащих железных дорог; что им устроена секретная типография, в которой уже печатаются прокламации и воззвания, причем одна из прокламаций, говорившая о предполагавшейся кощунственной отправке германцев в Мекку, якобы, была расклеена в Константинополе и пр. и пр.

Через некоторое время Фарди донес Марксу, что его организация убила фон-дер-Гольц-пашу, Абдул-пашу, фон-Мюнцнер-пашу, Ахмед-Заде-Селим-бея; совершила покушения на Энвер-пашу и Сандерс-пашу, устроила 15-го июня 1916 года массовое убийство германо-турецких офицеров в Сивасе и пр. и пр.

Фарди доносил, что революционная пропаганда велась его организацией, главным образом, на фронте в районах Эрзинджана, Гюмушхане, Байбурта и Сиваса и лишь благодаря ей русские войска имели успех на Кавказском фронте. Кроме того,

этой пропагандой, якобы, были вызваны беспорядки в прибрежных городах Эгейского моря, например, в Смирне, в районе Бруссы и др., куда германо-турки для водворения порядка вынуждены были послать значительное количество войск.

Эта столь "плодотворная работа" Фарди в течении пяти месяцев стоила русской казне 86.900 рублей. На расширение и продолжение этой деятельности Маркс требовал от Ставки 50.000 рублей.

Понятно, что Фарди никакой организации не имел, никого из указанных им лиц не убил, никакой пропаганды не вел, а состоял агентом германской контр-разведки, обманывавшей Маркса и выкачивавшей от него деньги.

Ставка это поняла сразу после первого же доклада Фарди и приказала все это дело прекратить.

Закончилось это громкое дело в сентябре 1917 года, когда военный агент в Копенгагене Потоцкий написал, что он "настаивает на уничтожении Фарди, выдавшего, находясь уже в России, туркам двух русских агентов в Константинополе". Тогда и Маркс на запрос Ставки ответил, что "Фарди израсходовал уйму денег и ничего толкового не дал".

Так кончилась попытка штаба Одесского военного округа организовать это своеобразное "революционное движение" в Турции...

Другая попытка заняться организацией аналогичного "революционного движения", но уже в Германии, была в конце 1916 года сделана переводчиком управления генерал-квартирмейстера при Ставке Главковерха капитаном Брагиным. Он представил по команде соответствующий доклад, в котором наметил четыре главнейших линии "революционной пропаганды" в Германии, а именно:

1. На почве ненависти к прусской гегемонии и политической розни составных элементов германской федерации.
2. На почве вечных противоречии интересов труда и капитала.
3. На почве военно-дипломатических неудач.
4. На почве продовольственных затруднений и кризисов.

Кроме этих главных и всеобщих поводов "к недовольству масс населения главного члена коалиции центральных держав", Брагин указывал еще на "недовольство поляков, сепаратистские стремления Чехии и Венгрии, ропот в Австрии и в австрийской армии против германского верховенства, революционные стремления Эльзас-Лотарингии, недовольство среди купеческого и портового населения Бремена и Гамбурга, много потерявшего, а частью и совершенно разоренного, благодаря отнятию у Германии колоний и заморских рынков, прекращению транзита и усилению роли Америки до подавляющих размеров в международной торговле".

Для использования этих "главных и второстепенных поводов" в целях "революционной" пропаганды и проникновения "этих идей в Германию", Брагин наметил следующие "пути и средства":

"1. Путь заграничной и подпольной печати.

2. Распространение манифестов и прокламаций не существующего в действительности "германского революционного комитета".

3. Пропаганда среди имеющихся у нас пленных германских и австрийских нижних чинов.

4. Непосредственная агитация на заводах и фабриках Германии, в особенности на тех из них, которые работают для военных целей.

5. Вступление в непосредственные сношения с революционными вожаками Германии от имени несуществующей "Лиги прекращения войны".

6. Учреждение международного банка для финансирования якобы пацифистского движения среди воюющих стран, а на самом деле, лишь среди населения одной центральной коалиции".

Для достижения этих целей Брагин считал необходимым "широко пользоваться деньгами, как орудием пропаганды и подкупа", привлечь к работе видных знатоков и специалистов в области знания политико-экономической жизни Германии "ценою каких бы то ни было усилий и затрат, как отечественных, так и иностранных, в особенности же английских и американских

экономистов". Из отечественных специалистов он считал необходимым привлечь "наиболее способных, находящихся на военной службе у нас и союзников". Русско-подданные, привлеченные к этому делу, должны были быть "православного вероисповедания, носящие еще до войны чисто-русские фамилии". Из нерусских Брагин рекомендовал "широко пользоваться услугами латышей и эстонцев, в некоторых случаях - поляков; мусульманами же следовало пользоваться лишь при возможности перенести пропаганду в пределы Турции. Евреи Брагина очень соблазняли своим "знанием немецкого языка и национальной склонностью к революционной пропаганде". Но он их боялся и ставил их использование в зависимость от "наличия неослабленного за ними надзора".

Брагин требовал для предлагаемого им предприятия "единства действий, сосредоточения в руках военного министра и согласуемого с общим ходом событий; абсолютную тайну и изолированность отдельных органов друг от друга, самостоятельность их работы, но полную осведомленность об их действиях центрального органа и полную их подчиненность этому органу; независимость органов агитации за границей от наших военных заграничных агентур, абсолютную неосведомленность последних о характере деятельности органов агитации и пропаганды".

Для проведения в жизнь этого "колоссального плана", Брагин предлагал создать при Главном управлении Генерального штаба "центральное агитационное бюро из десяти лиц" и заграничные агентуры этого бюро - в Швейцарии, Голландии, Дании и Америке.

Брагин, видимо, так глубоко верил в серьезность своего "плана", что не забыл уже заранее поставить задачи даже отдельным будущим агентам, например:

1. Сформировать революционный комитет в Эльзасе среди рабочих крупновских заводов.
2. Распространить определенное количество прокламаций или номеров подпольных изданий.
3. Произвести покушение на жизнь данного лица из числа администрации такого-то округа.

4. Сорганизовать стачку рабочих.

5. Повредить или взорвать такое-то правительственное сооружение в такой-то срок и т. д. и т. д.

На все это "дело" Брагин требовал в год только... сорок миллионов рублей.

Дело здесь, конечно, не в проекте и не в его авторе, ибо везде имеется достаточное количество не совсем нормальных людей, которые составляют и представляют всякие сногшибательные проекты и доклады. Дело в том, что высшие русские военные учреждения отнеслись серьезно к этому бреду, видимо, или помешанного, или же чисто авантюристически настроенного переводчика Брагина.

Ставка направила этот проект с благоприятным отзывом военному министру. Последний передал его начальнику Генерального штаба "по принадлежности". Начальник Ген. штаба отнесся к проекту со всей серьезностью, в принципе нашел его вполне приемлемым и решил поставить во главе этого дела самого Брагина, но лишь возражал против слишком, по его мнению, большой суммы расходов и против предоставления широкой инициативы и независимости руководителям этого дела.

В ответ на это начальник Ген. штаба получил от генерал-квартирмейстера Ставки (7/1 1917 г., № 102) сообщение, что "в виду того, что проект капитана Брагина не признано возможным провести жизнь на тех основаниях, каковые намечены его автором, названный обер-офицер отказался от предложенной командировки во Францию". В заключение указывалось, что другого офицера, могущего заменить Брагина, Ставка не имеет.

Начальник Генерального штаба ген. Аверьянов написал на этом сообщении: "Неужели нужно было выполнять все то, что нарисовала фантазия капитана Брагина"?

Так кончилась вторая попытка "делать революцию" в стане своих врагов...

Однако, этими двумя примерами еще не исчерпан список попыток военного ведомства царской России прибегнуть к услугам активной разведки.

Так, ген.-квартирмейстер при Ставке писал генерал-квар-

тирмейстеру Ген. штаба (30/I 1917 г., № 925), что в связи с широким использованием в Германии труда русских военнопленных в самых различных отраслях промышленности, возникает "мысль о вреде, который мог бы быть нанесен благосостоянию наших противников при умелой и незаметной на первый взгляд порче поручаемой пленным работы, как, например, уничтожение глазков картофеля при его посадке, слишком глубокий посев свеклы, порча сельскохозяйственных орудий, заводских машин, скота, повозок и т. п."

Автор этого предложения находил, что "осторожное распространение среди наших военнопленных изложенной мысли, казалось бы возможным поручить надежным агентам нашей заграничной сети. Попытка в этом отношении уже делается подведомственными полковнику графу Игнатьеву 2-му организациями".

Генеральному штабу эта "мысль" понравилась, и он немедленно по телеграфу отдал соответствующее распоряжение военным агентам в Париже, Копенгагене и Гааге.

О результатах, конечно, легко догадаться - их не было...

Генерал-квартирмейстер при Ставке в указанном выше отношении отмечал, что Игнатьев уже занялся этим делом. Это было очень сильно сказано, ибо фактически он ничего не сделал в этом направлении, а только писал в Ставку, что "в настоящее время иной раз поступают серьезные предложения по организации взрывов и поджогов складов и заводов противника. Не имея на эту цель специальных кредитов, приходилось работать совместно с союзниками, что крайне неудобно, ибо приходится раскрывать перед ними часть своей агентурной сети. Полагал бы полезным иметь под рукой специальный аванс, который мог бы расходоваться в небольшой мере при подготовке дела и оплачивать без задержки удавшееся предприятие".

Вот и все, что было сделано "организациями" Игнатьева. В докладах Игнатьева его многочисленным хозяевам мы не нашли указаний ни на одно удавшееся предприятие по активной разведке. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что им ничего в этой области сделано не было. Во всех этих докладах имеются ссылки на организации "по саботажу в Польше, по взрывам железных дорог и т. д.", но чтобы эти организации в действительности причинили какой-либо вред врагам России - об

этом нигде не говорится ни слова.

Имеются указания еще на одну попытку применения активной разведки против Германии.

Капитан в отставке Лосев, проживавший в Петрограде, доставил в конце 1916 г. в Ген. штаб донесение своего двоюродного брата корнета Соломона и генерал-майора Зелинского, находившихся в плену в Германии, в котором последний писал, что "под его руководством в Бишофсвердерском лагере военнопленных образовалась группа офицеров, организовавшая взрывы германских снарядных заводов, борьбу с германской пропагандой украинского движения среди русских нижних чинов и пр."

Согласно донесению Зелинского, организация эта действовала весьма успешно, "работая через германских нижних чинов-социалистов, охраняющих лагерь; причем этой организацией успешно выполнены уже взрывы и уничтожение двух германских снарядных заводов - в июле фабрика асфикционных снарядов в окрестностях Бауцена и большая германская фабрика снарядов у г. Битерфельда. На это дело сами пленные офицеры из своих средств израсходовали 3.500 рублей".

Когда Генеральный штаб не ответил на донесение этих новоявленных Мининых и Пожарских, корнет Соломон "бежал из плена" и заявился в Ген. штаб. Здесь его допросили. Выяснить ничего толкового не удалось, но создалось впечатление, что никакой организации Зелинский не имел и никаких взрывов ими не производилось. Тут еще попутно всплыло, что в 1912 г. капитан Лосев обвинялся в шпионаже в пользу Афганистана и, хотя достаточных улик не было, но все же со службы его уволили и осудили за растрату.

Из сопоставления разных фактов Ген. штаб пришел к заключению, что в деле Зелинского - Соломона - Лосева "весьма возможна рука германской разведки".

Известно также, что русское верховное командование долгое время не соглашалось на польские национальные формирования и советовало полякам "приносить нам пользу

¹См. ст. "Ставка и министерство иностранных дел". "Красный архив", том XXVI и XXVIII, 1928 г. Изд. ГИЗ.

иным способом, а именно, действуя на свой риск в тылу неприятеля, разрушая его сообщения и пр.¹. Однако, поляки на этот риск не пошли...

В конце 1915 г. кто-то из русских генералов представил в Ставку доклад о необходимости организовать в Болгарии дворцовый переворот с целью низложить Фердинанда и посадить на его место послушного русским царька. Этот проект в течении нескольких месяцев обсуждался в Ставке и в министерстве иностранных дел. В принципе проект возражений не встретил, однако его практическое проведение в жизнь сильно волновало министра иностранных дел и, в конце концов, от него отказались¹.

Вот, можно сказать, и все, что военное ведомство царской России пыталось предпринять по активной разведке во время войны 1914-18 гг.

Глава восьмая

Агитация и пропаганда

Отсутствие системы и планомерности. - Телеграфные агентства Ген. штаба в Копенгагене, Стокгольме и Бухаресте. - Их назначение. - Результаты. - Ликвидация. - Выпуск агитационно-пропагандистских брошюр и листовок. - Агитация против добровольной сдачи в плен и дезертирства. - Проект профессора Р. И. Венгловского. - Субсидирование корреспондентов газет нейтральных стран. - Инспирация прессы. - Фронтовые "Вестники". - Бюро печати при Ставке. - Агитационная литература вместе с хлебом.

Об этом средстве борьбы русский Ген. штаб, как это мы видели при рассмотрении его попыток активной разведки, имел довольно смутное представление и в большинстве случаев смешивал ее с активной разведкой, хотя когда-то русские довольно успешно применяли пропаганду.

Так, например, еще Александр I всеми способами стремился придать войне с Наполеоном не только всенародное, но еще и религиозное значение. Наряду с манифестами, исходившими от самого царя с целью поднять народный дух, духовенству офици-

¹См. И. М. Васильевский (Не-Буква) - Романовы. Том II, изд. 1924 г.

ально предписывалось внушать народным массам, что в войне с Францией - дело идет о Зените православной веры. С совершенно юмористической серьезностью святейший синод извещал, что Наполеон вошел в соглашение и состоит в союзе с "ненавистниками имени христианского и пособниками всякого нечестия, - иудеями", и даже, как, оказывается, задумал кощунственно похитить для собственного своего употребления "священное имя мессии". Но в то время даже и такая смешная наивно примитивная агитация имела свой успех и значение, ибо соответствовала духу времени и темноте народных масс.

Агитационно-пропагандистская деятельность велась и в последнюю войну, но велась весьма слабо и разрозненно, отдельными толчками и скачками, без системы и планомерности, не серьезно. Сейчас мы постараемся остановиться на отдельных, более крупных, попытках Ставки и Ген. штаба в области агитации и пропаганды.

В 1915 г. Генеральный штаб совместно со Ставкой создал в Бухаресте, Стокгольме и Копенгагене телеграфные агентства под названием "Нордзюд". Эти агентства должны были снабжать нейтральную прессу благожелательной для России информацией и, прикрываясь этим невинным названием, собирать сведения о Германии и Австрии и сообщать их Ген. штабу под видом агентских телеграмм. Здесь эти данные обрабатывались, редактировались и передавались в Ставку. Но так как офицер Владиславов, обрабатывавший эти сведения в Ген. штабе, состоял одновременно сотрудником кадетской газеты "Речь", то они попадали и в эту газету. Ставка к этим сведениям "Нордзюда" относилась весьма подозрительно, считая их или всем известными, или неверными.

Датский "Нордзюд" в начале февраля 1916 г. доносил, что его дела идут успешно, что за исключением двух газет, явно германофильских, все остальные получают и печатают его бюллетени, а это - 140 датских газет и журналов, из них 15 столичных и 125 провинциальных.

Шведский "Нордзюд" извещал, что его деятельность все развивается, что уже 30-40 провинциальных газет пользуются его

бюллетенями, что налажены отношения с телеграфным агентством "Пресс-Централет" и т. д.

Тратили эти "Нордзюды" в среднем по 5.000 руб. в месяц каждое. Результаты же их работы, несмотря на якобы "успешную" деятельность, этих расходов, - по словам их руководителей, - не оправдывали. В мае 1916 г. Ставка настояла на их ликвидации.

Таким образом, одна агитационно-пропагандистская затея, просуществовав около года, кончила свое существование.

Помимо этой затеи, Ставка от случая к случаю занималась выпуском агитационно-пропагандистских брошюр и прокламаций на разных языках.

В начале 1915 г. Ставка получила от военно-морского агента донесение о каких-то военных приготовлениях Швеции против России, о публичном предостерегающем выступлении Свена Гедина и т. д.

В ответ на все это, Ставка в мае 1915 г. издала на шведском языке брошюру "Ответ на слово предостережения Свена Гедина", в количестве 30.000 экземпляров.

В октябре 1915 г. инженер путей сообщения Николай Емельянов представил написанную им брошюру - "Существует ли русская опасность". Начальник штаба ген. Алексеев на объяснительной записке автора брошюры написал: "Брошюру изучить. Готов дать средства для отпечатания на шведском языке и широкого распространения, если она может рассеять страх и опасения шведов в отношении России". Отзыв об этой брошюре был отрицательный; ген. Алексеев первоначально отказался ее издать, но потом, когда ничего лучшего найти не смогли, брошюра была издана на шведском языке и распространена в Финляндии и Швеции.

В апреле 1915 г. штаб VI армии выпустил по приказанию Главковерха брошюру "Кайзер без маски" на русском, шведском и французском языках.

В том же году Ген. штаб выдал 1.000 рублей субсидии известному издателю В. А. Березовскому на издание на немецком языке брошюры "Воюющая Германия", которую имелось в виду распространить посредством продажи в нейтральных странах.

Позже Ставка сообщила Березовскому, что эта брошюра будет разбросана в Германии.

В конце 1915 г. Ген. штаб через посредство военного агента в Англии вел переговоры с английским издательством "Cassell" об уступке Ген. штабу права издания и продажи во всех странах, кроме Англии, агитационной брошюры против Германии. Издательство согласилось уступить эти права за 500 английских фунтов.

В зиму 1915-1916 гг. в русской армии усилилась добровольная сдача в плен. По этому поводу разными штабами было выпущено изрядное количество приказов и разъяснений, однако сдача в плен русских солдат продолжалась.

Тогда решили прибегнуть к агитации. Некий Навоев написал брошюру под названием - "Как живет наш пленный в Германии и Австро-Венгрии". Ставка издала эту брошюру в количестве 200.000 экземпляров для распространения среди войск, в надежде, что она поможет убедить солдат не сдаваться в плен.

Однако и это не помогло. В начале 1916 г. в Ставку поступили сведения, что находившиеся в германском плену уроженцы Саратовской губернии писали на родину письма о том, что в немецком плену им очень хорошо жилось. Начальник штаба Главковерха приказал: "Сообщать об этом сенатору Кривцову с просьбой начать распространение соответствующих брошюр в народе; обратиться к печати с просьбой помочь раскрыть народу правду и вести борьбу с провокацией; просить председателя государственной думы помочь путем думских речей разрушить хитро сплетенную паутину лжи для уловления наших дураков и написать обер-прокурору св. синода. Дело духовенства горячими проповедями говорить народу об этом: о позоре и грехе плена, о лжи, распускаемой немцами, сказать истинное слово".

Фронтовые штабы на это явление реагировали иначе. Так, например, в июне 1915 г. имел место случай добровольной сдачи в плен 219 солдат Гайворонского полка. В ответ на донесение об

¹См. "Журнал боевых действий 8-го арм. корпуса", кн. 3, 10/VI по 31/VII 1915 г.

этом, штаб армии отдал распоряжение "беспоощадно расстреливать всех, добровольно сдающихся в плен".

Ставка занималась не только выпуском брошюр, но издавала также воззвания и прокламации.

Так, председатель государственной думы Родзянко прислал в Ставку написанное неким Арди воззвание к болгарам и предлагал его распространить при помощи французских летчиков. Ген. Алексеев нашел мысль правильной, хотя "на богатые результаты рассчитывать нельзя" и предложил разработать порядок ее осуществления. Воззвание показали французскому генералу де-Лягиш, который тоже нашел "мысль правильной" и посоветовал телеграфировать текст воззвания русскому военному агенту во Франции с тем, чтобы тот договорился с французской главной квартирой относительно напечатания и распространения его при помощи аэропланов. Некоторое количество этого воззвания было напечатано в России и передано штабу Черноморского флота с получением разбросать листки с гидропланов.

В том же 1915 г. совет "Петроградского славянского благотворительного общества" представил в Ставку еще один проект прокламации - воззвания к болгарам. Проект был послан штабу VII-й армии, которому он не понравился и который сам составил прокламацию, подписанную "штаб русских войск". Ставка разрешила штабу VII-й армии выпустить распространить эту прокламацию в Болгарии "разными способами, частью через румын".

В конце 1915 года, в Ставке по рекомендации министра иностранных дел, появился корреспондент американской газеты "The Times" - Стенли Вашбурн со следующим "планом": создать такую организацию, чтобы доставлять ежедневно на передовые позиции последние военные новости, рисующие работу союзников, и разбрасывать с аэропланов и другими способами открытки с картин Верещагина и др. из эпохи 1812 года, чтобы "напугать германских солдат предстоящей зимней кампанией". Однако, когда в Станке захотели выслушать его "план", он начал расспрашивать о расположении русских войсковых частей, о прошедших и будущих планах кампании и т. д., вызвал этим

подозрение и на его "план" махнули рукой.

Мы считаем необходимым остановиться еще на одном "плане организации революционной пропаганды в Германии", представленном командующему войсками Московского военного округа в марте 1917 г. профессором Московского университета Р. И. Венгловским.

Суть этого "плана" заключалась в следующем. Венгловский, по его словам, с самого начала войны вел наблюдения за настроениями находящихся в Москве германских и австрийских пленных. В результате, после февральской революции эти наблюдения привели его к заключению, что военнопленные "горячо хотели бы, чтобы подобный переворот возможно скорее совершился и у них, чтобы это привело к давно желанному миру".

Это навело Венгловского на мысль о "необходимости немедленно же и в широком масштабе прибегнуть к грандиозной пропаганде революционных идей свержения правительств не только в неприятельских войсках, стоящих на фронте, но и в глубоком тылу". На эту пропаганду Венгловский возлагал большие надежды, считая, что она "поможет нам больше, чем самая большая стратегическая победа".

Для ведения этой пропаганды "в грандиозном масштабе" Венгловский предлагал создать комитет, в состав которого "входили бы люди соответствующих специальностей".

Комитет прежде всего должен был выпустить ряд воззваний, организовать доставку их "в громадном количестве во все уголки нашего фронта". Далее, в комитете должен был быть создан "секретный отдел", который организовал бы посылку в Австрию, Болгарию и Германию "самоотверженных лиц для пропаганды революционных идей во вражеском тылу". Комитет должен был уделить "исключительное внимание отправляемым на родину инвалидам и распропагандировать их так, чтобы они поскорее зажгли у себя дома пожар революции".

В заключение Венгловский просил поручить ему организацию этого комитета.

Командующий войсками в срочном порядке направил "план" Венгловского военному министру с просьбой разрешить

Венгловскому организовать в Москве этот комитет, как "в центральном месте, под моим руководством и наблюдением".

Военный министр одобрил этот "план" Венгловского и вызвал последнего в Петроград для личных переговоров.

Чем кончились эти переговоры, - нам неизвестно, но об этом комитете и о его работе в дальнейшем ничего слышно не было.

Несколько слов о попытке Ставки использовать для целой агитации иностранных военных корреспондентов и иностранную прессу. Находившиеся при Ставке корреспонденты нейтральных стран были поставлены в особое положение. Этой группе корреспондентов Ставка платила под разными благовидными предлогами до 20.000 руб. в год. Увидев возможность получать, таким образом, деньги, эти корреспонденты газет нейтральных стран потребовали еще 50.000 руб. на усиление состава корреспондентов и пр. расходы. Тогда Ставка дала им понять, что дело не в деньгах, а в том, как они будут писать о России; им было выдано еще 30.000 рублей.

Попадались газеты, которые не очень дорого ценили свои услуги в отношении царской России. Так, например, одна бухарестская газета просила дать ей единовременно 3.000 франков и, получив их, стала писать в пользу России и русского военного агента, которого раньше ругала.

Ставка, учитывая необходимость известного освещения определенных вопросов в печати, ежедневно посылала Генеральному штабу особые сообщения, которые ему надо было развивать и затем инспирировать печать. Вот пример такой инспирации.

27 июля 1915 года генерал-квартирмейстер Ставки ген. Ю. Н. Данилов писал начальнику Генерального штаба о том, что необходимо неофициальными статьями подготовить русское и заграничное общество к возможности оставления русскими войсками Варшавы и линии реки Вислы. "Против нас огромные силы, - писал Данилов, - почти вся австро-венгерская армия и 70 германских дивизий почти со всей германской кавалерией. Запас огнестрельных припасов у врага неистощим. В несколько часов

он выбрасывает по одному пункту много тысяч снарядов. Нашей основной линией обороны еще до войны была избрана линия среднего Немана и на юг до Бреста. Случайно армия оказалась сначала гораздо западнее, но теперь, когда противник собрался с силами, нам приходится стать в это положение".

Развитие этого лживого откровения начало появляться в разных русских газетах в начале августа 1915 года и, время от времени, в случае надобности повторялось на новый лад.

Для обработки в нужном направлении солдатских умов в действующей армии, каждый штаб фронта и штабы некоторых армий издавали свои "Вестники". Эти последние являлись чисто казенными изданиями со всеми присущими им отрицательными сторонами. Солдаты, конечно, их сообщениям не верили и "Вестники" эти поставленной цели не достигали. Наоборот, болтливость этих "Вестников" нередко переходила всякие границы и давала противнику великолепный ориентировочный материал.

С 1915 года Ставка стремилась создать свое "Бюро печати", которое должно было бы ответственным образом информировать как русскую, так и нейтральную и дружественную печать.

Мих. Лемке приводит любопытное "наставление" начальника этого "Бюро" - о чем и как должны писать газеты:

а) Начатая нами и не закончившаяся операция, по возможности должна обходиться молчанием, чтобы не обнаружить нашего плана.

б) Разгаданная нами операция врага не должна быть выяснена ему, чтобы обмануть противника своим неведением об его замысле.

в) Всякий наш неуспех в отражении удара - только в общих неясных выражениях.

г) Всякий наш успех должен быть сообщен вполне.

д) Наши потери и неудавшиеся операции и маневры обходить полным молчанием.

е) Когда мы бьем немцев - писать "германцев", а когда австрийцев - "противника".

ж) Фамилий нашего командного состава и названий частей

не упоминать.

з) Взятых нами пленных подсчитывать почаще, на разные даты, чтобы создавать иллюзию более значительного успеха.

и) Результаты действия неприятельских аэропланов обходить молчанием".

Освещению некоторых вопросов и фактов под углом зрения штаба Главковерха придавалось серьезное значение, имея в виду этим влиять на общественное мнение нейтральных стран, которое, в свою очередь, оказывало иногда значительное влияние на общественное мнение противника. В виду этого, русские газеты, пользовавшиеся услугами "Бюро", не могли отказываться от помещения подобных инспирированных статей. "Бюро" со своей стороны обязывалось не только указывать им в каждом отдельном случае степень недоверности освещения, но и каждый раз представлять достаточную мотивировку необходимости такой инспирации.

Но все же "Бюро" никак не удавалось наладить отношений с печатью и в конце 1915 года вся эта затея кончилась отказом русских газет от пользования услугами "Бюро".

Весьма своеобразные способы агитации и пропаганды применялись в местностях, занятых русскими войсками. Об одном таком способе рассказывает Л. Войтоловский¹. По его словам в начале 1915 года заведовавшему полевой хлебопекарней № 269, некоему Бобкову было поручено вести пропаганду среди населения занятого русскими кусочка Галиции. В качестве руководства по этой работе ему была дана брошюрка, составленная военнцензурным управлением генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, содержавшая в себе следующие главы: "Современная Галичина. Этнографическое и культурно-политическое состояние ее в связи с национально-общественными настроениями".

В этих "главах" содержались всевозможные жандармские поучения: как обращаться с завоеванным населением, кого считать друзьями и врагами России, как выведывать политичес-

¹См. Л. Войтовский - По следам войны. Походные записки 1914-1917 гг. I. Госиздат, 1925 г.

кие секреты, как подбрасывать прокламации и как их составлять, какие песни поют и как одеваются сторонники России и пр. и пр.

Особое внимание было уделено прокламациям, которые неизменно заканчивались призывом:

"..Кидай оружие и отдавайся православному воинству, которое примет тебя не як военного пленника, а як родного брата, вертаючого с неволи под стреху родной хаты. Кидай оружие, щобы в велику хвилю освобождения Галицкой Руси не лилась кровь брата от руки брата".

Распространение такого рода прокламаций Бобков должен был производить следующим образом. Население голодало. Старики и дети всегда собирались вокруг хлебопекарни и выпрашивали хлеб. И вот, Бобков вместе с ломтиком хлеба должен был давать им и эти прокламации.

Это - действительно исторический пример агитации.

Вот, можно сказать, почти все, что царское военное ведомство пыталось во время войны делать по внутренней и внешней агитации и пропаганде. Что все эти отдельные, разрозненные агитационно-пропагандистские наскоки цели не достигали и ожидаемых результатов не давали, об этом, конечно, говорить не приходится.

Глава девятая

"Центральное бюро экономической разведки"

- Инициатива газеты "Новое Время". - Проекты, совещания, обсуждения. - Громадное количество комитетов и комиссий - без единства действий. - Организации Бюро. - Его задачи. - Потерянный проект. - Новые проекты. - Отсутствие желающих взять бюро под свое руководство.

В начале 1917 года, по инициативе Оссендовского и Суворина (оба - столпы газеты "Новое Время"), Ставка Главковерха написала (7/1 1917 г., № 7412) начальнику Ген. штаба, что не мешало бы подумать о создании в военном ведомстве особого "центрального органа для сбора всех получавшихся различными ведом-

ствами сведений об экономической жизни наших противников" и для сообщения таковых русскому отделу Междусоюзнического бюро в Париже.

Начальник Ген. штаба согласился (21/I 1917 г., № 75) с необходимостью создания такого органа, но считал этот вопрос "до некоторой степени междуведомственным" и поэтому подлежавшим согласованию на междуведомственном совещании.

В конце января при Ген. штабе состоялось междуведомственное совещание. На нем выяснилось, что во Франции и Англии в составе военных министерств имелись особые органы, ведавшие сбором всех сведений об экономической жизни неприятельских государств, причем собранные сведения, после соответствующей обработки и систематизации, передавались в архив Междусоюзнического бюро для общего пользования всех союзников. В России такого объединяющего органа не было, хотя, как это видно из схемы № 3, экономическими вопросами войны занималось громадное количество разных комитетов и комиссий.

Все участники междуведомственного совещания признали необходимость создания центрального экономического бюро, предложив назвать его "Бюро экономической войны". Но когда дошли до вопроса - кому бюро подчинить, представитель "Особого совещания по обороне государства" заявил, что находит неудобным формирование бюро при "особом совещании", так как "учреждение это временное и не имеет прямого отношения к затронутому вопросу". Представитель "Комитета по ограничению торговли и снабжения неприятеля" заявил, что "комитет", будучи составлен "из представителей отдельных ведомств, имеющих определенное положение, не может взять на себя функции бюро, так как в этом случае он должен был бы подвернуться коренному изменению в смысле штатов и характера работы".

Таким образом, Ген. штаб волей неволей вынужден был взять организацию этого бюро на себя.

Из имеющегося проекта положения об этом бюро мы узнаем, что результаты своих работ оно должно было "безотлагательно сообщать заинтересованным ведомствам, как русским, так и союзным государствам".

Источники получения необходимых сведений намечались следующие: парижское междусоюзническое бюро, заграничные представительства и организации всех ведомств, военно-цензурные комиссии, работавшие как в районе действующей армии, так и в тылу, IV часть отдела генерал-квартирмейстера Ген. штаба, штабы фронтов и армий и все ведомства и учреждения, имевшие органы для экономической борьбы с противником. "Бюро" должно было непосредственно подчиняться генерал-квартирмейстеру Ген. штаба и быть включено в состав последнего. Оно должно было состоять из двух отделений.

1-е отделение - ведающее обработкой корреспонденции, задержанной военно-цензурными комиссиями, и выдержек из прессы враждебных государств.

2-е отделение - ведающее обработкой материала, получавшегося от заграничных органов заинтересованных ведомств, от штабов фронтов и армий и обработкой документов, касавшихся экономической жизни и захваченных русскими поисками.

Штат "бюро": начальник, два начальника отделений, три помощника последних и четыре писаря, всего десять человек.

Расходы по содержанию "бюро", впредь до ассигнования специальных сумм, предполагалось покрывать из секретных сумм Ген. штаба. Этот проект был представлен на утверждение военному министру (ген. Беляеву). Но последний в дни февральской революции сжег проект вместе с остальными бумагами.

4-го апреля 1917 года (№ 82) начальник Ген. штаба вторично представил этот проект новому военному министру на утверждение. Помощник последнего ген. Новицкий вместо утверждения ответил: "Я вообще сторонник того, чтобы каждый занимался своим делом и это - дело не наше, а министерства торговли и промышленности. Я не сочувствую учреждению этого бюро, у нас много и своего дела".

Итак, "бюро" это создано не было и только при формировании в Ген. штабе "разведывательной части", в ее состав было включено небольшое "экономическое отделение".

Глава десятая

Заключение

Основные ошибки и промахи царского Генерального штаба в организации и ведении агентурной разведки.

В этой главе мы не намерены давать подробно обоснованных выводов из всего обширного материала, приведенного в книге. Мы остановимся лишь на самых грубых и крупных ошибках и промахах Ген. штаба в области разведки.

Читателю, интересующемуся этой отраслью деятельности Генерального штаба, легко будет сделать на основании приведенного в книге материала целый ряд самостоятельных общих и практических выводов.

Во-первых, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в царской России на изучение своих соседей смотрели не как на дело общегосударственной важности, а как на *частное дело каждого отдельного ведомства*. Каждое отдельное ведомство собирало те сведения, которые его непосредственно интересовали. Сбор этих сведений производился самостоятельно и обособленно от других ведомств. Узаконенного, обязательного и регулярного обмена добытыми сведениями между ведомствами не было. Гражданские ведомства в своей разведывательной деятельности интересов военного ведомства (оборона страны) не учитывали и даже не допускали мысли, что военвед может интересоваться вопросами экономики, финансов, торговли и политики. В итоге - излишняя трата народных средств и сил при самых неудовлетворительных результатах; конкуренция, параллелизм в работе, споры и дразги как в центре, так и на местах. Следствием такого положения явилась доведенная до абсурда зависимость Ген. штаба в разведывательной работе от министерства иностранных дел, приведшая к тому, что последнее старалось всячески мешать разведывательной работе Ген. штаба, прикрываясь благородным предлогом сохранения добрососедских отношений с соседями.

Казалось бы, что если по тем или иным соображениям и

нельзя было объединить разведывательную деятельность (добывающую) всех ведомств в одном центральном разведывательном органе, непосредственно подчиненном главе правительства, то, во всяком случае, можно и необходимо было обязать все ведомства обмениваться добытыми сведениями и оказывать друг другу содействие. Но и этот паллиатив применен не был.

Децентрализация разведывательной деятельности военного ведомства, без единого твердого руководства, являлась весьма пагубным фактором в деле ведения разведки. Самостоятельная и независимая разведывательная деятельность разных управлений военного министерства и штабов военных округов не могла принести существенно пользы интересам военного ведомства в целом, ибо сбор сведений производился не по одному единому плану, не для одной общей цели. В результате - колоссальные затраты средств и сил, чрезмерное наводнение соседних стран агентами и дешифровка их перед иностранной контр-разведкой. Непростительной ошибкой Ген. штаба являлось разрешение его штабам военных округов заниматься агентурной разведкой в той форме, как они это делали. Нельзя, конечно, отрицать, что пограничные округа должны были заниматься изучением ближайших к ним пограничной полосы, но ни в коем случае нельзя было допускать, чтобы их агентурная сеть базировалась на русские официальные учреждения за границей (консульства, агентства и пр.). Штабам военных округов следовало бы вести разведку нелегально через границу имея главной задачей создание в мирное время такой агентурной сети, которая с началом войны могла бы обслуживать, хотя бы на первое время, штабы развертывавшихся полевых армий. Внутренним же военным округам в мирное время ни в коем случае не следовало бы заниматься агентурной разведкой.

Отсутствие специального оперативного разведывательного органа (добывающего) в Ген. штабе (до 1906 г.) вело к тому, что местные органы разведки оставались без руководства, вопросы организации и техники добывания сведений оставались без должной проработки.

Когда же этот орган был создан, он не уяснил своих функций и совершенно оторвался от органа, изучавшего и обрабатывавшего разведывательные данные (сам составлял задания, давал оценки присланным материалам и т. д.), забывая, что успешно составить задание и дать исчерпывающую и обоснованную оценку может лишь тот, кто изучает и обрабатывает материал. В конечном итоге получалось, что в большинстве случаев агенты и прочие местные органы разведки снабжались заданиями общего характера, которые руководящей директивой для этих органов служить не могли. А раз так, то понятно, что эти местные органы работали, как хотели и как умели, и собирали то, что случайно попадало им в руки, или в каждом отдельном случае обращались в Ген. штаб за указаниями.

Орган, обрабатывавший разведывательные материалы, загружался мелкой посторонней работой (переводы с иностранных языков материалов, никакого отношения к нему не имевших и пр.), почти ежедневно дергался требованиями разных справок и докладов. При таких условиях плановая работа, конечно, становилась невозможной. Неудивительно, что при такой постановке дела даже те скудные данные, которые имелись о соседях, оставались необработанными и, следовательно, неизвестными войскам.

Несерьезное отношение к подбору личного состава для центрального разведывательного органа, а также отсутствие соответствующих правовых, материальных и бытовых условий для их работы, вели к очень частой смене работников, тем самым, превращая центральный орган разведки в своего рода проходной двор. Говорить же о вреде частой смены работников разведки не приходится.

Подбор личного состава местных разведывательных органов, особенно *официальных военных агентов*, был поставлен в высшей степени плохо. В первоклассные страны, представлявшие наибольший интерес в разведывательном отношении, назначались гвардейские офицеры, крайне слабо подготовленные в военном отношении и не имевшие склонностей к агентурной работе. Их ценность для разведки, естественно, была крайне низкой.

Вопросы руководства официальными военными агентами в

Ген. штабе были проработаны крайне слабо. В некоторых вопросах (например, какие сведения собирать) военные агенты были предоставлены сами себе; в некоторых же вопросах опека Ген. штаба являлась в отношении деятельности военных агентов ненужным, связывающим тормазом.

Приказание официальным военным агентам *хранить деньги в иностранных банках* на свое имя вело к тому, что иностранная контр-разведка без особого труда могла определить агентурные возможности того или иного русского официального военного агента и принять необходимые меры для пресечения этой деятельности.

Существовавший *порядок пересылки секретной переписки официальным военным агентам и обратно по официальной почте* и на официальные адреса давал иностранной контр-разведке полную возможность быть в курсе этой переписки.

Указание Ген. штаба военным агентам *работать главным образом при посредстве шпионов-профессионалов* вело к тому, что военные агенты часто покупали за большие деньги фальшивые дезинформационные документы.

Не менее необдуманным и вредным являлось указание Ген. штаба военным агентам *базировать свою агентурную деятельность на лицах, предлагавших свои услуги по разведке*. Этот способ сбора сведений в большинстве случаев вел к провокации иностранной контр-разведки и направлял внимание разведки по ложному пути, давая взамен нужных сведений лишь те, которые предлагались такого рода агентами.

Никуда не годится та *штатно-тарифная* политика, которую Ген. штаб стремился провести в деле организации агентурной сети. Нельзя, посмотрев на потолок, утверждать, что в такой-то стране нужно столько-то агентов с таким-то окладом жалованья. Агентура - слишком живое дело для того, чтобы так бюрократически раз и навсегда определять ее организацию. В иностранных государствах этот вопрос принято обыкновенно разрешать при помощи следующего метода. Устанавливается, какие страны требуется изучить, что по ним уже имеется и чего недостает. В зависимости от количества и важности необходимых

сведений и местных условий каждой данной страны и размера общей, отпущенной на разведку, суммы, руководителю агентурой данной страны сообщается, что от него потребуется и на какую сумму денег он для выполнения этой задачи может рассчитывать (в богатых странах, не скупящихся на расходы для изучения своих соседей, сумма денег не указывается совершенно). Дело руководителя - иметь одного или двадцать агентов для выполнения возложенных на него задач. И это совершенно понятно, ибо руководитель может иметь одного крупного агента, скажем в Ген. штабе, имеющего возможность давать исчерпывающие данные по всем интересующим вопросам, или наоборот, такого агента руководителю заполучить не удалось, и он вынужден иметь в каждом отделе Ген. штаба или военного министерства по агенту. Поэтому попытки русского Ген. штаба создать какой-то определенный штат агентов для каждой страны являлись чем-то вроде детской игры.

Но самая непростительная ошибка Ген. штаба заключалась в том, что он в мирное время не подготовил агентурной сети на случай войны. Та агентурная сеть Ген. штаба, которую он пытался создать параллельно сети официальных военных агентов, строилась в самой своей основе неправильно. Ген. штаб называл эту сеть агентурной сетью военного времени, но сам всеми силами старался обосновать ее руководителей на каких-либо официальных амплуа в русском официальном учреждении за границей (посольство, консульство и т. д.). Нахождение руководителя сети военного времени в официальном учреждении вело лишь к тому, что при разрыве дипломатических отношений созданная агентурная сеть, если даже она и не была еще известна контр-разведке противника, оставалась без руководства и связи и теряла свое значение. В отдельных же, весьма редких, случаях Ген. штаб имел некоторых своих агентов вдали от русских официальных учреждений и поддерживал прямую связь с такими агентами посредством обыкновенной почты, причем в целях маскировки от глаз иностранной контр-разведки агентам советовалось писать свои письма и донесения... лимонной кислотой, т. е. средством, известным любому школьнику.

Надежды на официальных военных агентов, естественно, рухнули вместе с разрывом дипломатических отношений. Их перегруппировка по нейтральным странам, как это намечалось, также произведена не была. Вопросы связи, даже с официальными военными агентами в нейтральных странах, были проработаны в Ген. штабе "вне времени и пространства" и весьма гадательно, и с началом войны не могли быть проведены в жизнь.

Также не были решены и проработаны Ген. штабом в мирное время вопросы организации агентурной разведки, увязки ее деятельности с остальными видами разведки, распределение ролей и задач между разными органами, заготовка положений, наставлений, инструкций для разных органов разведки на военное время и т. д. - другими словами - *мобилизационный план разведки отсутствовал.*

В результате всех этих упущений Ген. штаба действующие войска остались в начале войны без необходимой информации о противнике и вынуждены были сами на скорую руку организовать агентурную разведку. *Отсутствие распределения ролей и задач между разными войсковыми штабами* и полное отсутствие руководства высших штабов над низшими привело к тому, что эти последние начали самостоятельно насаждать свою агентурную сеть на всем земном шаре (так, одна армия создавала агентурную сеть в Аргентине!). Взоры всех войсковых штабов, ведших агентурную разведку, устремились в нейтральные страны, из которых, казалось, легче всего было разведывать пр-ка. В нейтральных странах скопилось громадное количество руководителей и агентов разных штабов. Подбор этих руководителей в подавляющем большинстве случаев был крайне неудачен. К агентурной деятельности они подготовлены не были и на такую работу попали совершенно случайно, нередко по чисто шкурным соображениям (избежать фронта). Они были предоставлены самим себе и никакого наблюдения и контроля за ними со стороны пославших их не было. В результате руководители отдельных агентурных организаций и их агенты, посланные разными штабами в нейтральные страны, перезнакомились между собой, некоторые из них начали совместно фабриковать вымышленные сведения о противнике,

пьянствовать и дебоширить. Понятно, что в таких условиях они весьма скоро были расшифрованы неприятельской контрразведкой, которая их частью ликвидировала, частью перетянула на свою сторону, или снабжала их ложными сведениями. Связь со своими штабами эти агенты могли поддерживать или по обыкновенной почте или через официальных военных агентов, ибо других, более надежных, путей создано и указано им не было. Таким образом, расшифровывалось активное участие в агентурной работе официальных военных агентов, со всеми вытекавшими из этого последствиями.

Между тем, при правильной постановке разведки следовало бы строго разграничить роли и задачи между разными штабами. Всю оперативную разведку следовало бы возложить на штабы фронтов, армий и корпусов и вести ее исключительно через линию фронта, но ни в коем случае не через нейтральные страны. Стратегическая разведка - дело Ген. штаба. Он получает необходимые указания от Главнокомандования и ведет агентурную разведку через нейтральные страны. Главнокомандование непосредственно разведки не ведет, но руководит, направляет и увязывает разведывательную деятельность Ген. штаба, штабов фронтов и гражданских ведомств.

Лишь в самом конце войны это грубая, роковая для русской агентурной разведки, ошибка Ген штаба была исправлена и вся разведка через нейтральные страны была объединена в Ген. штабе.

Ведение агентурной разведки через линию фронта, особенно при позиционной войне, дело трудное, но все же возможное. Однако, вести разведку так, как пытались это делать русские войсковые штабы, - нельзя. Во-первых, агентурному аппарату со всеми агентами этой разведки следовало бы при уходе войсковой части не уходить вместе с ней, а остаться на месте и перейти в ведение сменяющей ее части, т. е. *разведку следовало бы сделать территориальной*. Это необходимо для того, чтобы руководители агентуры хорошо знали свой участок и местные условия, что имеет громадное значение для успешной работы. Агенты, завербованные из местного населения, также могут принести пользу только на участке, который они великолепно знают и

языком населения которого они владеют.

Во-вторых, *приемы вербовки, подготовки, оплаты и обращения с агентами*, практиковавшиеся русскими фронтовыми разведорганами, никуда не годились. При вербовке допускалась конкуренция между разными разведорганами, что являлось следствием отсутствия руководства высших штабов над низшими и отсутствия распределения между ними районов работы. Подготовка агентов в специальных школах вела к тому, что в случае перехода на сторону противника хотя бы одного из учеников такой школы, он выдавал противнику и всех остальных. В практике разведывательной деятельности речь может идти лишь о персональном инструктировании в изолированной обстановке каждого агента в отдельности.

Оплата агентов производилась в крайне мизерных размерах и после большого торга, причем за каждый полученный агентом рубль требовалась его расписка и т. д. Эти бюрократические приемы крайне вредно влияли на психологию как раз тех людей, которые на опасное дело разведки решались пойти, главным образом, из-за денег. Твердое месячное жалованье без премиальных за ценные материалы убивало в агентах всякую инициативу и стремление к лучшему выполнению задания. Мы, конечно, этим не хотим сказать, что агента нужно осыпать золотом и швыряться деньгами направо и налево. Цель наша подчеркнуть, что разведывательные органы царской России не умели использовать человеческую алчность к деньгам.

Презрительное, высокомерное отношение к агентам со стороны служащих (офицеров) разведывательных аппаратов, неподавание агентам руки, брезгливое отношение к их личным нуждам, издевательства со стороны войск (отправка в тыл с плакатом на груди и спине с надписью "шпион" и т. д.), избиения и пр. - вели к тому, что многие, более способные, агенты переходили к противнику и работали как двойники. Русская же разведка использовать с выгодой для себя агентов-двойников не умела, тогда как при умелом и умном подходе можно использовать с большой выгодой для дела и эти, хотя и нежелательные, элементы. Это положение вполне подтверждается опытом

РУКОВОДИТЕЛИ СПЕЦСЛУЖБ

Вальтер Николаи - руководитель германской разведки и контрразведки в период Первой мировой войны.

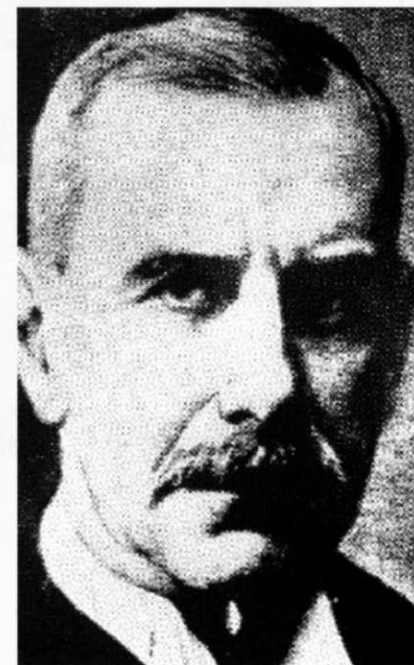
Вильгельм Канарис, военно-морской офицер и сотрудник немецкой разведки во время Первой мировой войны. Будущий глава Абвера (с 1/01/1935).

Мэнсфилд Камминг, глава SIS в 1909-1923 гг.

Вернон Келл, первый глава британской МИ-5.

Сэр Базил Томсон, директор Скотленд-Ярда.

РАЗВЕДЧИКИ И АГЕНТЫ

Аллен Даллес, резидент американской разведки в Берне
(фото 1917 г.). Будущий директор ЦРУ (1953-1962).

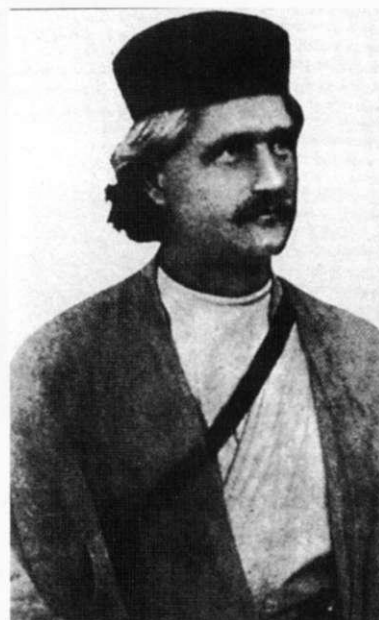
Томас Эдвард Лоуренс (Лоуренс Аравийский), легендарный британский разведчик (фото 1917 г.).

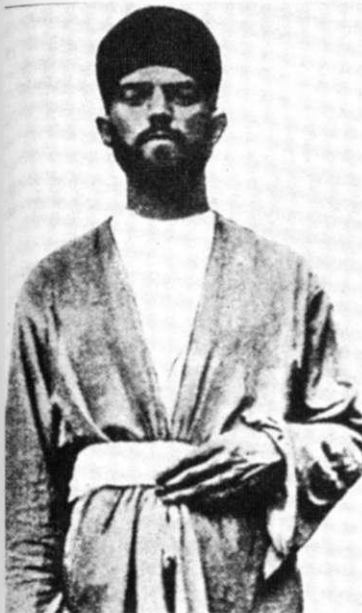
Томас Эдвард Лоуренс (Лоуренс Аравийский) в одежде бедуина в годы, когда он сражался на стороне эмира Фейзала Аравийского.

Генерал К. фон Шлейхер и Ф. фон Папен (руководитель агентурной сети германской разведки в Америке накануне Первой мировой войны).

Германский разведчик Васмус, одетый в одежды арабского шейха.

Отто фон Нидермайер в персидской одежде.

А. Парвус (Гельфанд) - агент германской разведки, соратник В. Ульянова (Ленина) и Лев Троцкий.

Легендарная Мата Хари.

Сидней Рейли (наст. имя Шлема Розенблюм), легендарный британский разведчик.

Швейцарский социал-демократ Фриц Платтен. Агент германской разведки, посредник в переговорах о проезде В. Ульянова (Ленина) через Германию.

Швейцарский социал-демократ Карл Моор (он же агент германской разведки "Байер").

Мария Шульц, двойной агент, заманившая Рейли в большевистскую Россию.

Я. С. Ганецкий (Фюрстенберг) - агент германской разведки, соратник В. Ульянова (Ленина).

Лариса Рейснер (революционер-большевик, выполняла разведывательные задания в Германии).

Марта Ришар - двойной агент.

Боло-паша, агент германской разведки, который хотел нейтрализовать французскую и итальянскую прессу и использовать газетные публикации в интересах Германии.).

Смерть шпиона - расстрел Боло-паши в Венсенских катакомбах 17 апреля 1918 г.

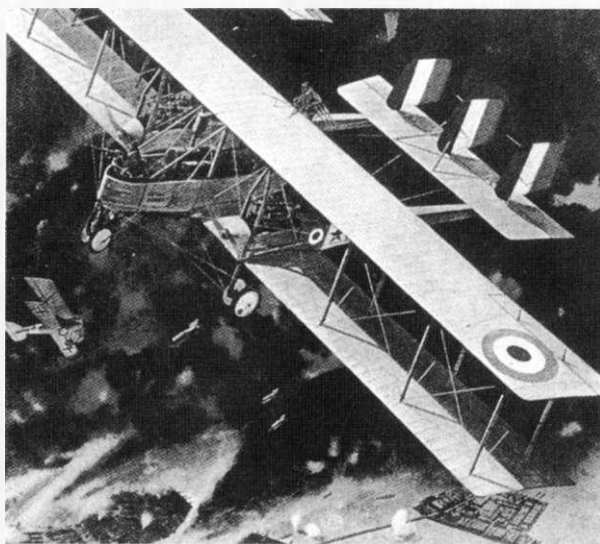

Анна Павлова, русская балерина, выполнявшая разведывательные задания.

Григорий Распутин в окружении царской челяди. Слева - князь Путятин, справа - полковник Ломан, комендант Царскосельского дворца.

ТЕХНИКА

Аэроплан времен Первой мировой войны, который перевозил разведчиков через линию фронта.

Немецкий солдат на передовой производит фотосъемку позиций противника.

Для передачи информации на передовой использовался телефон.

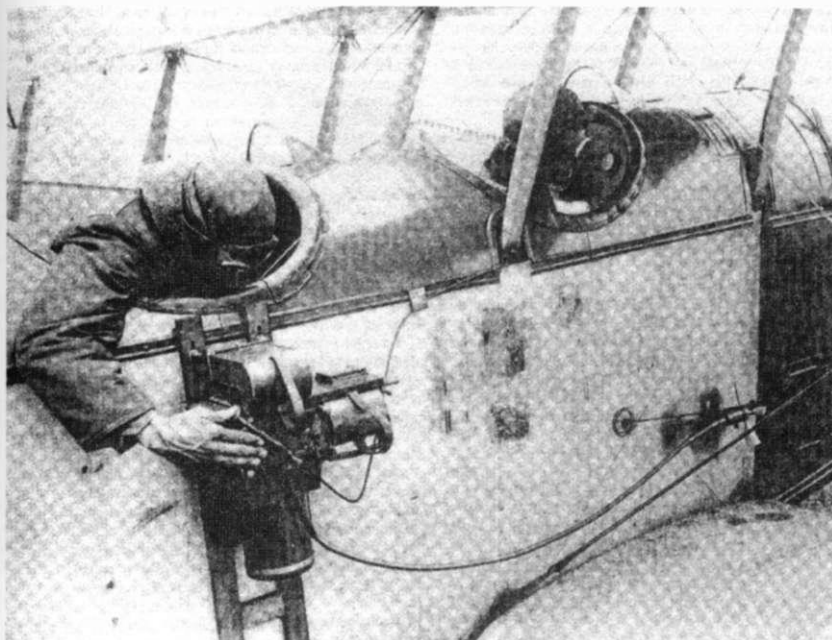
Почтовый голубь, переносивший фотоаппарат с автоматическим затвором, который снимал каждые две минуты по кадру.

Переход границы из Голландии в Бельгию. Для предотвращения перехода вражескими агентами, немцы поставили под напряжение весь участок этой границы. Но границу удавалось перейти с помощью специально приспособленной деревянной бочки.

Специально обученная собака для доставки донесений (контейнер с донесением крепился на ошейнике).

Английский летчик ведет аэрофотосъемку (Первая мировая война).

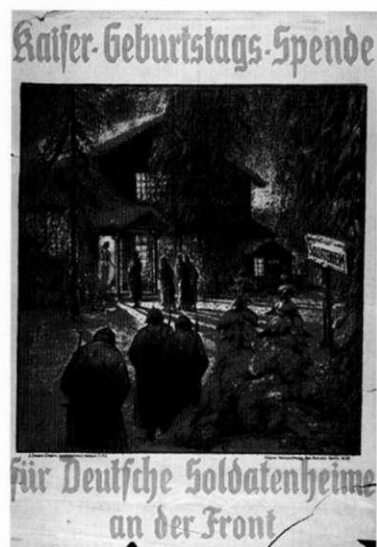

Два наблюдателя на английском воздушном шаре. Боевая задача: обнаружение целей на удерживаемой немцами территории.

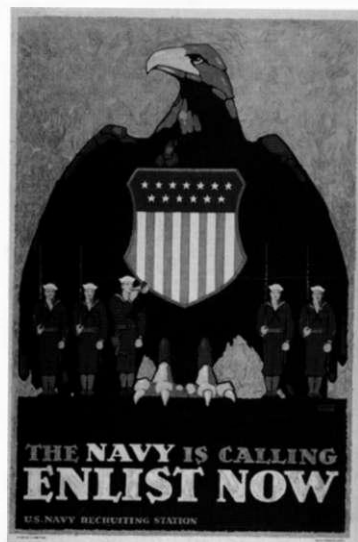
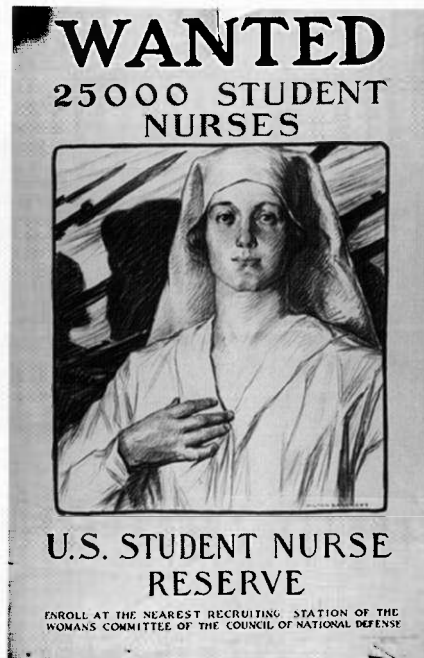
Английский танкист запускает почтового голубя с донесением.
(Северная Франция, 1918 г.)

ПРОПАГАНДА

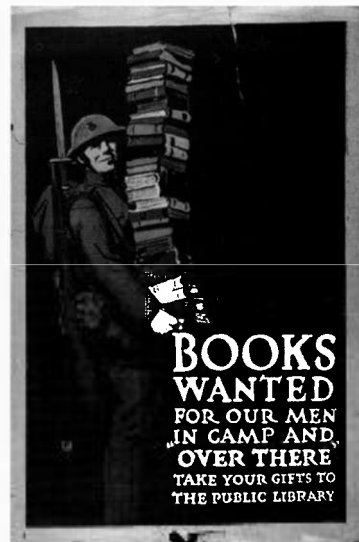
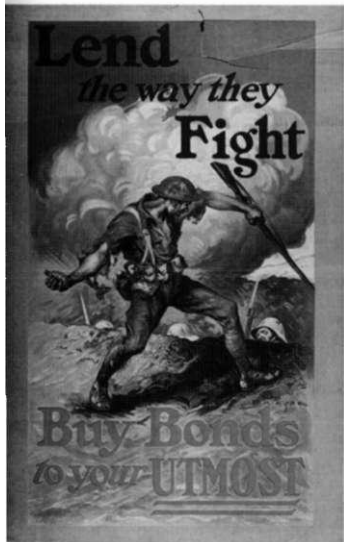

The
NATION'S FUND
FOR NURSES

A THANK-
OFFERING

FROM THE BRITISH
EMPIRE TO BRITISH
NURSES

Contributions will be
gratefully received by
the Honorary Treasurer
The Viscountess Cowdray
at 16, Carlton House Ter., S.W.1.
or 21, Old Bond Street, W.1

германской агентурной разведки во время войны 1914-18 гг.

Бросается в глаза, что русские фронтовые разведорганы главным образом базировались на агентах-ходаках и почти совершенно не пользовались агентами-резидентами, в то время, как последние особенно при позиционной войне и при хорошо налаженной связи, могли бы дать наиболее ценные сведения о противнике.

Царское военное ведомство, как мы видели, несколько раз делало робкие попытки вести активную (диверсионную) разведку. Этот вид агентурной разведки, или вернее - один из способов борьбы "малой войны", - при хорошей постановке и умелом направлении и руководстве может дать весьма ценные результаты. Однако русский Ген. штаб в мирное время над этим вопросом не подумал, как следует и, следовательно, в организационном отношении ничего не предпринял. Не удивительно поэтому, что когда он во время войны захотел в этом отношении кое-что предпринять, он попал в руки контр-разведки противника, которая весьма умело, использовала его неподготовленность и беспомощность.

Агитация и пропаганда, игравшие такую колоссальную роль во время войны 1914-18 гг., царским военным ведомством велись от случая к случаю, к тому же весьма неумело и несерьезно. Создается впечатление, что царское правительство в целом и военное ведомство в частности этому, весьма серьезному, средству борьбы должного значения не придавали.

Тоже самое нужно сказать и в отношении экономической борьбы с противником. Военное ведомство старалось от этого дела отойти по возможности дальше, не учитывая всей серьезности и важности успешной борьбы в этой области.

Итак, можно сказать, что в войну 1914-18 гг. печальные опыты прежних войн в отношении агентурной разведки повторились. Многие военные операции, хорошо подготовленные и продуманные во всех отношениях, в разведывательном отношении подготовлены не были. Даже во время войны, как мы видели, военные вершители судеб царской России в деле организации и руководства разведкой не сумели подняться выше мелких дрызг и

склок. Бесконечные планы, проекты, бесконечные споры и бесконечная критика друг друга и подсиживание, - вот сущность деятельности царских генштабистов в области агентурной разведки. Дальше этого дело не шло. Даже военная опасность не смогла прекратить этого, не только бесполезного, но и вредного переливания из пустого в порожнее. Среди громадного количества людей с высшим военным образованием, видимо, не нашлось человека, способного охватить и поставить дело агентурной разведки на должную высоту.

И если мы сравнительно подробно остановились на этой отрасли деятельности царского Генерального штаба, то, главным образом, для того, чтобы показать, - как не следует организовать и вести агентурную разведку.

ДЛЯ СЛУЖЕБНЫХ ЦЕЛЕЙ

Книга вторая

Германская агентурная разведка до и во время войны 1914-1918 гг.

ИЗДАНИЕ IV УПРАВЛЕНИЯ ШТАБА РАБ.-КР. КР. АРМИИ

ЧАСТЬ I**ГЕРМАНСКАЯ АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА ДО
ВОЙНЫ 1914-1918 гг.****Глава первая
Из истории германской агентурной разведки**

Осведомленность Фридриха II. - Расцвет агентурной разведки при Бисмарке и Мольтке. - Штибер и его система. - Германская агентура во Франции. - 15.000 тайных агентов. - Инсценировка покушения на Александра II. - Работа агентуры Штибера во время франко-прусской войны. - Ассигнования на разведку. - Агитация и пропаганда. - "Бюро печати". - Диверсионная сеть Штибера. - Германские агенты на французских жел. дорогах. - Двойное подданство.

Расцвет германской агентурной службы начался в эпоху короля Фридриха II. Последний придавал громадное значение агентурной службе и старался создать из нее прочную организацию, ввести ее в определенную систему. При нем мы видим агентурную службу, действовавшую не только во время войны, но и до войны, в мирное время. Благодаря такому способу действий, он был великолепно осведомлен о всем, происходившем у своих соседей - будущих противников.

То значение, какое Фридрих II придавал агентурной службе, выражено им в его знаменитой фразе: "Маршал де-Субиз требует, чтобы за ним следовало сто поваров; я же предпочитаю, чтобы передо мною шло сто шпионов".

Профессор-генерал Сухотин в своей книге - "Фридрих Великий" - рассказывает, что приготовления коалиции и намерения союзников были очень хорошо известны Фридриху через посредство шпионов, бывших не только при дворах враждебных государств, но и при главных квартирах неприятельских армий. Фридрих получал подробные сведения о дислокации австрийских армий и передвижениях прямо из личной канцелярии главнокомандующего ген. Брауна. Заведующий главным магазином австрийской армии тоже был подкуплен пруссаками.

Весьма секретные переговоры Австрии с Францией, имевшие место 14 ноября 1756 года, были известны Фридриху II через три недели.

Понятно, что таких результатов нельзя было добиться сразу, и что указанные агенты были завербованы пруссаками еще до начала военных действий.

В инструкции своим генералам Фридрих писал:

"Если бы всегда удавалось заранее узнавать намерения противника, можно было бы побеждать с худшей армией. Все генералы стараются приобрести это преимущество, но мало кто в этом преуспевает".

Служба агентурной разведки, достигшая блестящего расцвета при Фридрихе II и оказавшаяся затем в периоде упадка, приобретает вновь громадное значение и колоссальные размеры при Бисмарке и Мольтке, чему значительно способствовал выдвинувшийся в то время талантливый разведчик *Штибер*.

Перед намеченной войной с Австрией Бисмарк поручил начальнику тайной прусской полиции Штиберу организовать агентурную разведку в Богемии. Последний в основании своей организации положил покрытие Богемии сетью тайных немецких агентов, по преимуществу прусских подданных, отставных военных, коммерсантов и пр. С апреля 1864 года по май 1866 года Штибер лично обошел все важнейшие пункты Богемии под видом то фотографа, то продавца алебастровых статуэток, то предметов благочестия и порнографии. Он изучил настроение населения будущего театра военных действий и пристроил в нужных местах необходимое число своих тайных агентов.

Сведения, представленные Штибером Бисмарку, были весьма ценными и точными. В данном случае хорошо, систематически, планомерно и заблаговременно созданная организация агентурной разведки дала блестящие результаты и в громадной степени способствовала быстрому и победному окончанию кампании.

Даже скупой на похвалы Мольтке не удержался, чтобы не сказать Бисмарку "Молокосос Штибер или кто другой организовал эту важную службу, но она выполняется хорошо, хорошо и

хорошо".

Покончив с Австрией, Бисмарк решил разделаться и с другим соседом - Францией. Он поручил Штиберу организовать во Франции агентурную разведку, но уже в более широком масштабе. Штибер взялся и за это дело. За время своих четырех путешествий он ухитрился разместить до 15.000 своих тайных агентов в департаментах верхнего и нижнего Рейна, Мозеля, Вогезов, Юры, Ардэннов, Верхней Марны, Верхней Савойи, Дубеа, Сены и Уазы, Эльзаса и Лотарингии, т. е. именно по направлениям, намеченным германским командованием для вторжения во Францию. В числе этих агентов состояли: до 3.000 чел. прусских сельскохозяйственных рабочих, к которым французы относились весьма благожелательно, как к послушным и трезвым работникам; до 9.000 чел. немецкой женской прислуги, предназначенной преимущественно для обслуживания кафе, ресторанов, пивных и гостиниц; до 1.000 чел. отставных унтер-офицеров с маленьким начальным образованием, пристроенных в различные французские торговые и промышленные предприятия или путешествовавших под видом коммивояжеров или просто туристов, открыто именовавших себя пруссаками, люксембуржцами, саксонцами, баденцами и пр.; 46 молоденьких и хорошеньких пруссачек, размещенных по военным буфетам гарнизонов Восточной Франции. Кроме того, около 200 человек женской прислуги были размещены у адвокатов, врачей, чиновников, офицеров и пр., у которых немецкая прислуга была в большом спросе, т. к. независимо от своих хлопот по хозяйству и по уходу за детьми, она все время служила первым учителем немецкого языка для детей¹.

Вся эта громадная масса тайных агентов была сведена в стройную организацию, причем центральному разведывательному органу непосредственно подчинены были всего два доверенных лица, в подчинении которых в свою очередь находились четыре областных инспектора, имевших резиденции в Берлине, Лозанне и Женеве. Районы инспекторов разделялись на

¹См. Поль Лянуар. - "Немецкое шпионство во Франции". Изд. В. Березовского, 1910 г.

бригадные участки.

Для того, чтобы служба разведки не прерывалась после объявления войны, значительная часть агентов под разными предложениями должна была оставаться на своих местах и во время военных действий.

Штибера, однако, эта сеть тайных агентов не удовлетворяла. Ему она казалась слишком "редкой". По намеченному им плану, во Франции нужно было разместить не менее 35.000 тайных агентов, которые должны были покрыть все операционные пути из Бельгии и Берлина в Париж.

Помимо этой агентурной сети, немецкий Ген. штаб, в целях детального и компетентного изучения будущего театра военных действий, командировал во Францию целый ряд переодетых офицеров Генерального штаба.

Для успеха войны 1870 года и для обеспечения благожелательного нейтралитета со стороны России, Бисмарку надо было восстановить Александра II против Франции. С этой целью Бисмарк поручил Штиберу инсценировать покушение на Александра II во время пребывания последнего в Париже, учитывая заранее, что французский суд не приговорит виновного в покушении к смертной казни, а это, конечно, выроет пропасть между русским и французским правительствами. В то же время Штибер устроил так, что виновника покушения в последний момент задержали немецкие сыщики, а не французские.

Результаты оправдали ожидания Бисмарка: покушавшийся казнен не был и русское правительство не могло простить этого Франции.

К лету 1870 года, все планы Штибера, по всей вероятности, были проведены в жизнь, и сеть агентуры во Франции налажена. Война началась. Систематическая работа тайной агентуры продолжалась и во время войны. Во главе 3-го разведывательного бюро стоял майор Краузе, у которого сосредотачивались все сведения о противнике. В тесной связи с этим бюро работала "полевая полиция" со Штибером во главе, ведавшая специально вопросами тайной агентуры и борьбы со шпионажем противника. Как видим, в Германии уже тогда агентурная разведка и

контрразведка были объединены в одних руках.

Возглавляемой Штибером полевой полицией были поставлены следующие задачи:

Давать сведения:

- 1) о размещении, численности и передвижениях неприятельских частей;
- 2) о возрасте, характере и репутации каждого из начальников боевых единиц;
- 3) о том, что происходит, о настроении умов, о средствах тех областей, через которые предстояло проходить германской армии;
- 4) о лицах, проживающих в каждой из этих областей и могущих сообщать полезные сведения и т. д.

Организованная Штибером тайная разведка работала великолепно и в эту войну. Сам Штибер проявлял изумительную ловкость и находчивость. Для иллюстрации приведем следующий пример из походов Штибера.

Под самый конец войны Бисмарк поставил Штиберу довольно щекотливую задачу: достать во что бы то ни стало парижские газеты, находившиеся у французского уполномоченного для переговоров о сдаче Парижа Жюля Фавра, прибывшего для этой цели в Версаль. Штибер взял на себя роль лакея у Фавра и убрал из уборной всю бумагу. Понятно, что Фавр после этого вынужден был пользоваться бумагой из своих карманов и пустил в дело привезенные им из Парижа газеты. Штибер тщательно подобрал использованные Фавром газеты, вычистил их, склеил и представил Бисмарку...

Естественен вопрос, какими же суммами располагал Штибер для такой широкой агентурной деятельности?

В сентябре 1866 года его бюджет, назначенный правительством на "обеспечение государству полезных сведений", составлял 160.000 талеров, а в октябре того же года был увеличен до 350.000 талеров.

Широкое развитие агентуры перед войной 1870-1871 года и во время этой войны повело к увеличению бюджета "тайной

полицей" до 19.500.000 франков¹.

Такое сильное увеличение ассигнований на "обеспечение государству полезных сведений" объяснялось также и тем, что после войны 1870-1871 гг. Германия широко развернула во Франции политическую пропаганду. О размерах расходов на эту работу мы можем догадываться из следующей фразы одного видного германского администратора:

"Если бы они (французы) знали, во что обходится нам каждые четыре года их избирательная кампания"...

При Бисмарке в Германии было создано специальное "Бюро печати". В задачи этого "Бюро" входило помещение в самые различные, даже оппозиционные органы, "мыслей правительства". "Бюро печати" было разделено на иностранный и внутренний отделы. Иностранным отделом руководило министерство иностранных дел. Этот отдел имел своих агентов за границей. Их задачей было помещение в иностранных газетах нужных немцам статей и сведений, которые затем переводились и помещались в немецких газетах, как отзывы о Пруссии других народов, как мнение иностранцев о прусской политике и т. д.

Таким образом, убивались два зайца сразу: одновременно обрабатывалось и иностранное общественное мнение в желательном для Пруссии духе и общественное мнение собственного народа.

Внутренний отдел "Бюро печати" возглавляло министерство внутренних дел.

Прусские дипломаты за границей имели приказание поддерживать секретные отношения с заграничными корреспондентами "Бюро печати".

"Бюро печати" особенно интенсивно работало перед началом кампании 1870-1871 г., когда Бисмарк проводил свои планы за границей и внутри страны. Он по несколько раз выдавал крупные субсидии телеграфному агентству Гаваса. Тогда же одним из чиновников "Бюро печати" было основано еще ныне здравствующее телеграфное агентство Вольфа, работавшее в тесном контакте с агентами Гаваса и Рейтера.

¹Франк - 37 коп.

Но для Бисмарка и этого казалось мало. В 1870 году он организовал частное "Бюро печати", поставив во главе его журналиста доктора Буша. Во время войны 1870-1871 г. Бисмарк взял с собой в поход Буша, продолжавшего свою работу и во время войны...

Сплошь и рядом Бисмарк под различными псевдонимами посылал написанные им лично статьи во враждебные ему газеты. Не только редакторы не подозревали о сотрудничестве Бисмарка, - не знал этого и сам Вильгельм I.

После окончания войны Штибер продолжал оставаться во главе германской агентурной разведки. На основании опыта, полученного из деятельности этой службы во время войны с Францией в 1870-71 г., Штибер пришел к заключению, что ее можно усовершенствовать и расширить еще больше. Он поставил себе целью построить агентурную сеть, которая не только добывала бы сведения, необходимые для ведения войны, но была бы способной и к активным (диверсионным) действиям.

С 1880 года Штибер, по поручению германского Генерального штаба, принимается за насаждение во Франции специальной железнодорожной агентуры, дабы в момент мобилизации и сосредоточения войск начать разрушение железных дорог. Штибер возлагал большие надежды на удачное выполнение этого грандиозного замысла, ибо великолепно учитывал, какое громадное значение может иметь задержка хотя бы на несколько часов движения поездов в момент мобилизации.

К 1883 году довольно значительному количеству германских тайных агентов удалось устроиться на французских железных дорогах.

Но уже в феврале 1884 года французская контрразведка напала на след этой железнодорожной организации. Французы решили немедленно обезопасить себя от такого рода шпионских организаций тем, что предложили всем иностранцам, служившим на французских железных дорогах, принять французское подданство под страхом немедленного увольнения со службы.

В ответ на это распоряжение германское правительство ввело двойное подданство, т. е. разрешило германским подданным

принять французское подданство, оставляя их в то же время в германском подданстве.

Из 1.641 человека германско-подданных немцев, служивших на французских железных дорогах, только 182 человека отказались принять французское подданство и вернулись в Германию.

Когда Штибер по старости лет отошел от дела агентурной разведки, его заменили другие лица. Военная агентурная разведка была изъята из ведения тайной полиции и перешла в III отделение Большого Генерального штаба. Руководители службы агентурной разведки, заменившие Штибера, быть может, были менее талантливы, но деятельность этой службы продолжалась не ослабевавшим темпом до последних дней существования юнкерской Германии, при чем в систему и приемы германской агентурной разведки была внесены некоторые коррективы в сторону придания ей еще большей систематичности, непрерывности, массового характера и более полного и почти поголовного использования в целях разведки немцев, проживавших за границей.

Л. Г. Бабко, кандидат наук **Глава вторая**

Организационная структура германской агентурной службы

III-Б отдел Большого Генерального штаба. - Разведывательные отделения пограничных корпусов. - Разведывательные Бюро в других странах. - Система управления агентурной службой. - Подбор руководителей разведывательных Бюро за границей. - Контроль и инструктирование агентов. - Офицеры Генерального штаба в роли контролеров.

По имеющимся у нас данным, перед войной 1914-1918 гг. германская агентурная разведка представлялась в следующем виде.

Во главе всей разведывательной деятельности стоял III-Б отдел Большого Генерального штаба. Этот отдел делился на несколько бюро, каждое из которых ведало разведкой в нескольких соседних странах. При пограничных корпусах существовали местные разведывательные отделения, которые выполняли зада-

ния центрального отдела, организовали и руководили местной разведкой в отведенной им определенной приграничной зоне. Кроме того, в различных приграничных городах имелись специальные разведывательные бюро (например, в Кенигсберге, Познани, Меце, Страсбурге, Седане, Нанси, Больфоре, Гренобле, и др.). В Бельгии и Швейцарии существовали местные агентурные бюро, которые вели разведку в крупных государствах. Помимо этих местных разведывательных органов, III-Б отдел занимался разведкой также и непосредственно. Исполнителями на местах являлись секретные сотрудники и официальные военные атташе.

Вся обширная агентурная сеть управлялась по строгой иерархической системе. Разведываемые страны были разделены на инспекторские районы, с инспектором во главе. Районы инспекторов разделялись на бригадные участки. Для контроля инспекторов районов существовали специальные раз'ездные инспектора-контролеры.

Начальников агентурных бюро за границей руководители германской агентурной службы подбирали с особой тщательностью из среды лиц, вполне для этого дела подготовленных, любящих разведку и достигших виртуозности в технике этой работы.

Из особенно талантливых начальников бюро, ставших известными по разным шпионским процессам, можно назвать Ричарда Куер и Мюллера, бывших в Брюсселе, Вильда, Келлермана, Фоинси и др.

Начальники агентурных бюро вели весьма деятельную личную работу, об'езжая вверенные им районы под разными благовидными предлогами и пользуясь различными уловками. Так, например, упомянутый Куер в целях успешности вербовки нередко выдавал себя за агента французской контрразведки. Французский Генеральный штаб знал хорошо Куера, знал ему цену и неоднократно пытался подкупить его и переманить на свою сторону. Однако из этого ничего не вышло.

Вся система и вся сеть германской агентурной службы были построены с таким расчетом, чтобы иметь возможность перекрестного освещения каждого района, чтобы каждое сведение о каком-либо более или менее важном событии получалось из

нескольких разных, независимых и друг друга не знавших источников, чтобы провал одной агентурной ячейки не повлек бы за собой провала остальных.

Германская агентурная служба придавала особо важное значение контролю и наблюдению за отдельными агентами и агентурными ячейками в целом.

По германской системе контроль начинается с момента детального обследования и изучения лица, предложившего свои услуги агентуре и продолжался во все время службы агента.

За работой агентов, главным образом, в смысле ее результатов по существу, следили их непосредственные руководители. За работой же агентов на местах, за их поведением, знакомствами, активностью и т. д. наблюдали специальные агенты-контролеры. Эти последние подбирались с особой тщательностью из лиц интеллигентных, заслуживавших полного доверия и стоявших выше возможности быть втянутыми агентами в совместные сделки и шантаж. Контролеры под разными благовидными предлогами об'езжали порученных им наблюдению агентов, проверяя их присутствие на местах и работу.

Обычно встреча агента с контролером практиковалась на станциях железных дорог во время остановки поезда. Для этого агент предупреждался условной телеграммой о точном времени проезда контролера. Такого рода встречи были открыты французской контрразведкой в Лионе, Марселе, Тулоне и т. д., при чем было установлено, что среди контролеров были также и женщины.

Для проверки и инструктирования особо важных агентов и целых агентурных организаций нередко командировались офицеры Генерального штаба.

Такая система организации агентурной службы давала немцам возможность проверять и контролировать работу всей обширной агентурной сети, при чем расходы на такого рода дублирование сети и контроль окупались сторицею.

Глава третья Вербовка агентов

Непрерывная вербовка. - Без различия класса, пола, национальности и подданства. - Приемы вербовки: невинные объявления в газетах. - Улавливание нравственно неустойчивых офицеров и военных чиновников. - Роль женщин. - Использование дезертиров. - Переписка с писарями. - Вербовщики под маской профессора.

Секретных сотрудников германская агентурная разведка вербовала во всех слоях общества, начиная от больших бар, которые посещали салоны, ухаживали, при случае сводничали, ссужали деньги расточителям и пр., - до оборванцев и подонков общества, слонявшихся по кабачкам, вокруг казарм, арсеналов и т. д. Непрерывной вербовке все новых и новых агентов германская разведка придавала огромное значение, при чем агенты вербовались без различия национальности, подданства и пола.

В основу подбора агентов немцы клали следующие элементы:

1) материальную необеспеченность и материальные затруднения лиц, могущих быть полезными для службы агентурной разведки;

2) склонность к легкомысленной и разгульной жизни;

3) невысокие нравственные качества.

Приемы вербовки были весьма разнообразными. Не все они нам известны, но и то, что известно из этой области, указывает на большую изобретательность немецких разведчиков.

Вот несколько примеров.

Германская агентурная разведка пользовалась в деле вербовки газетными объявлениями. Так, например, в 1912 году в некоторых петербургских газетах было напечатано следующее объявление:

"15.000 рублей побочного годового дохода без капитала могут заработать гг. офицеры, чиновники в отставке, вообще все которые вращаются в высших кругах общества, в качестве

представителей одной заграничной художественной фирмы с местным складом.

Оферты с краткой биографией, референциями на немецком языке".

В конце объявления был указан адрес, куда должны были обращаться лица, желавшие иметь 15.000 р. годового дохода без капитала.

При расследовании приведенного объявления оказалось, что оно преследовало чисто шпионско-вербовочные цели. Автор же публикации экстренно выехал в неизвестном направлении будучи, очевидно, кем-то своевременно предупрежден о том, что за дело взялась контрразведка.

За несколько лет до начала войны 1914-1918 гг. в русских газетах появились ширококвотательные объявления какого-то бюро, предлагавшего выгодные занятия по сбору сведений различного характера в той числе и военного. Деятельность бюро заинтересовала контрразведку и истинная цель его - шпионаж - была установлена.

Бывали также и такого рода объявления:

"800 барышень и вдов с приданым до 200.000 руб. желают в скором времени выйти замуж. Женихи могут быть и без средств. Л. Шлезингер, Берлин, 18"

Или:

"Кто готов жениться на молодой, состоятельной русской, имеющей 65.000 руб. приданого наличными. Только лица с серьезными намерениями благоволят писать по адресу: Шлезингер, Берлин, 18".

Давались также объявления, предлагавшие места или вечерние занятия офицерам, чиновникам и писарям. По объявлениям требовались лица в качестве коммивояжеров, представителей разных фирм и т. д. Внушительный процент такого рода объявлений преследовал вербовочные цели для германской агентурной разведки.

Предлагавшим услуги по такого рода объявлениям обычно сообщалось, что число желающих получить работу или нажить капитал - очень велико, почему среди них приходится делать

выбор. Дабы судить о пригодности лица, требовалось представление приблизительно следующих сведений: полученное образование, состоит или состоял на военной службе и если да, то где именно. Если претендент находился в отставке, то требовалось сообщить: причину отставки, поддерживаются ли претендентом знакомства с прежними сослуживцами и имеются ли вообще связи среди военных, род службы в данный момент и имущественное положение.

Накануне войны 1914-1918 гг. во Франции был изобличен в шпионаже аббат Гертебу, соблазненный как раз таким германским объявлением. Он в иллюстрированном французском еженедельнике натолкнулся на объявление, сулившее целое состояние за необычайно легкую работу. Священник написал по указанному адресу и с обратной почтой получил письмо германского разведывательного бюро и деньги на поездку в Германию.

Вернувшись во Францию, Гертебу предложил начальнику железнодорожной станции Тибервилль воспользоваться секретным запечатанным приказом, с надписью "на случай мобилизации", предлагая за копию с него 500 франков.

Начальник станции сделал вид, что согласен, предупредил полицию и пригласил аббата придти за документом на вокзал; последний явился на вокзал с фотографическим аппаратом и был арестован.

Вербовщики германской агентурной разведки обязаны были также вести тщательное наблюдение за образом жизни офицеров и чиновников различных штабов и управлений других стран, отыскивая среди них таких, дела которых были запутаны и частная жизнь которых казалась сомнительной. Им вменялось в обязанность собирать точные сведения о жизни офицеров, об их состоянии и привычках, чтобы иметь в виду нуждавшихся в средствах и притом нравственно неустойчивых и опустившихся. Действуя на слабые стороны этих офицеров с помощью женщин или иными путями, вербовщики искусно сплетали паутину вокруг попавшей в их руки жертвы.

Лицу, во всех отношениях подходившему, сперва давалась легкая и хорошо оплачиваемая работа. Потом ему пред'являлись

требования вначале несколько непонятного характера, затем подозрительного, а затем уже явно шпионского. Постепенно, иногда даже незаметно для самого себя, такое лицо затягивалось в расставленные сети, из которых возврата уже не было.

При вербовке германская разведка нередко пользовалась услугами женщин. В таких случаях иногда практиковался следующий прием.

Намеченная жертва вовлекалась в среду, своим главным жизненным занятием считавшую кутежи и карты, в которой оценку людей друзья и женщины производили по толщине их бумажника. Здесь начинались близкие отношения с очаровательной женщиной, а новые "друзья" с большой готовностью открывали свои кошельки, рассчитывая получить "когда-нибудь, когда будут деньги".

Требования интересной соблазнительницы росли все более, а доставать деньги становилось между тем все труднее. Наконец, наступала критическая минута: любовница грозила уйти к другому, если в ее распоряжение не будет дана определенная сумма денег, одолжить которую можно было у одного из ее "поклонников". Последний обычно был готов исполнить, "такой пустяк", но взамен просил оказать ему также "пустяшную" услугу, - достать какие либо сведения военного характера, не имевшие серьезного значения, но потребные ему, как журналисту и т. д. Если дело велось с военным, то просился обычно приказ по части, не считавшийся по существовавшим понятиям секретом для широкой публики. Сделка заключалась, и роковой конец делался неизбежным.

Когда в дальнейшем, затянутый таким образом в паутину офицер отказывался доставать уже, безусловно, секретные сведения, то ссудивший его деньгами резко менял тактику: требовал немедленной уплаты денег по всем просроченным векселям, грозил донести начальству о неблагоприятных поступках, наконец, даже угрожал его жизни.

Именно таким путем стали агентами германской разведки французский лейтенант Ульмо, русский поручик Л., один из ад'ютантов штаба Варшавского военного округа и многие другие.

Германская разведка не упускала также случая заагентурить военных писарей и рядовых солдат, применяя следующий способ.

При царском режиме из русской армии не мало солдат по тем или иным причинам дезертировало за границу. Перейдя границу, они все попадали в германскую контрразведку. Там их самым подробным образом опрашивали, выясняли их связи и знакомства в русской армии и предлагали писать обыкновенные товарищеские письма этим знакомым. Кто-либо из чинов германской разведки в конце такого, письма делал приписку, вроде следующей, ставшей известной русской контрразведке:

"Николай Иванович. Я много хорошего о вас слышал от вашего товарища и мне бы хотелось с вами познакомиться и вас поздравить. Вашему товарищу живется очень хорошо.

С почтением Краузе".

В приписке ко второму письму уже говорилось:

"Ваш товарищ мне говорил, Николай Иванович, что вы нуждаетесь в деньгах. Если вы рассудительный человек, то можете зарабатывать тысячи. Присылайте какие-нибудь бумаги и будете иметь монету. Для ответа посылаю вам почтовые марки.

Ваш доброжелатель Краузе".

Потом уже следует самостоятельное письмо Краузе:

"Еще прошу, вас, Коля, с первым же письмом выслать или сообщать что-нибудь, чтобы начать дело, чтобы я мог выслать для вас монету. Вы еще писали насчет свидания. Это все может случиться. Почему не приехать за делом, которое вы приготовите раньше".

В дальнейших письмах Краузе уже выражает недовольство присланным, обещаясь впредь платить лишь за сведения военного характера, и просит не присылать "чепухи", добавляя, что в случае его упорства "о получении денег может как-нибудь узнать его начальство".

В другом случае старший писарь одного штаба неожиданно получил из Германии письмо со вложенными 25 рублями "на расходы" и с просьбой прислать по указанному адресу "всякую дрянь, бросаемую офицерами в корзины".

Известен также случай, когда в мае 1914 года некоторые

старшие врачи русской армии получили от "русского профессора" одного из германских университетов письма следующего содержания:

"Господину старшему врачу.

Уважаемый коллега!

За свое долголетнее пребывание за границей мне нередко приходилось слышать от немецких профессоров-клиницистов и старших врачей городских больниц, госпиталей и лазаретов, совершенно превратное мнение о постановке русского больничного дела. Здесь за границей очень мало знают Россию и поэтому неудивительно, что о нашей медицинской науке и постановке у нас врачебно-санитарного дела, как в казенных, так и в общественных учреждениях, здесь имеет поверхностное и неправильное представление.

Чтобы помочь немцам разобраться и познакомиться с медицинской стороной русской общественности, я из'явил согласие прочитывать посвященный этой теме доклад на предстоящем конгрессе "немецкого общества городской и общественной медицины", в члены правления которого я недавно избран.

Желая осветить этот вопрос в своем докладе возможно более всесторонне я, к сожалению, живя за границей, лишен всякого фактического материала, и это обстоятельство тем сильнее дает себя чувствовать, что большинство больниц России заслуживает должного внимания, благодаря своей образцовой, широко-гуманной постановке лечебного дела.

Поэтому обращаюсь к вам, многоуважаемый коллега, с покорнейшей просьбой сделать распоряжение о том, чтобы мне прислали имеющиеся у вас материалы и данные, относящиеся к истории развития больничного дела вообще и вверенного вам учреждения в частности.

В связи указанной целью меня особенно интересуют вопросы:

На сколько кроватей устроена ваша больница? и т. д..."
Затем следует еще девять вопросов, выяснявших вместимость и оборудование больниц, после чего прибавлено:

"Если в вашем распоряжении имеются годовые отчеты, докладные записки, сборники и другой печатный материал, а также планы и фотографические снимки вашей больницы, то я был бы очень благодарен за присылку их вместе с вашим любезным ответом на поставленные вопросы".

Когда же этим делом заинтересовалась контрразведка, то оказалось, что этот "профессор одного из германских университетов" никто иной, как офицер германской разведывательной службы, у которого в отчете оказался пробел о постановке врачебного дела в России...

Глава четвертая

Маскировка, подготовка, инструктирование и оплата агентов

Мнение германского министра о маскировке агентов. - Каждый агент должен иметь подходящее занятие и завоевать общественное расположение. - Рассказ П. Кропоткина. - Обучение агентов специального назначения. - Сохранение тайны находится в обратном отношении к числу лиц ее знающих. - Система оплаты агентов. - Размеры оплаты. - Инструкция по собиранию и доставления сведений. - Собирающие общие сведения и слухов. - Специальные собиратели базарных слухов. - Гибкость агентурной сети. - Расправа с агентами, вышедшими из повиновения.

Завербованным тем или иным способом агентам ставилось непременно условием, чтобы каждый из них прикрывался обязательно каким-либо благовидным занятием, позволявшим сказать, что он живет на добытые собственным трудом средства. Если кто-либо не мог самостоятельно создать себе такого положения, германская разведка помогала ему это сделать. Так, например, агент пристраивался к войсковой части, интересовавшейся разведку, под видом булочника, колбасника, фотографа и пр. Как только в часть приезжал какой-либо инспектирующий начальник, производилось какое-либо новое военное упражнение, поверочная мобилизация и пр., такого рода агент сразу все свое

внимание направлял на освещение этих событий. Стоя у своего лотка, он методично следил за всем. Другой агент в то же время помещался под благовидным предлогом где-либо у полотна железной дороги, усердно считая проходящие поезда; попивая пиво со стрелочниками и другими низшими агентами дороги и в дружественной беседе выяснял интересовавшие его разные технические вопросы.

Эти приемы маскировки германской агентурной службы обоснованы одним из бывш. германских министров внутренних дел - Путкаммером, в следующих словах:

"Надо требовать, как условие приема в постоянные шпионы, - обязательств для всех держать по их выбору какую-нибудь лавочку, по внешности вполне отвечающую торговым или другим потребностям той местности, куда каждый из них командирован на жительство.

Всякое такое дело, будь это какая-нибудь бухгалтерская или комиссионная контора по посредничеству или продаже земли, наконец, просто мелочная лавочка, кофейная, ресторан, гостиница или страховая контора... все это должно быть солидно и комфортабельно поставлено и обставлено.

Никогда не следует упускать из виду, что наши агенты всегда должны на месте своей деятельности внушать доверие всеми внешними признаками своей буржуазной жизни.

Они должны подкупать в свою пользу общественное мнение, оказывая услуги всякого рода центрам, группам и обществам, должны завоевать себе общественное расположение, дабы быть везде хорошо принятыми, быть у всех на виду и таким образом обо всем целесообразно осведомлять по службе".

П. Кропоткин² рассказывает следующий случай. Во время нахождения Кропоткина в одной французской деревне, туда явился веселый странствующий фотограф. Он завел дружбу со всеми, снимая всех даром и ему разрешили снять не только тюремный двор большого тюремного здания, но даже и камеры. Сделав все это, он отправился в город, тоже на восточной границе

¹См. Поль Лянуар. - "Немецкое шпионство во Франции". 1910 г.

²См. П. Кропоткин. - "Записки революционера". Том II. Изд. Политкаторжан

Франции. Здесь его арестовали и нашли на нем компрометирующие военные документы. Оказалось, что тюремное здание интересовало германский Генеральный штаб с точки зрения возможности использовать его в военное время под казармы или склады.

Деятельность агентов всегда сопряжена с громадным риском и для удачного выполнения поставленных задач от них, кроме наличия прирожденных способностей, требуется известная подготовка. Поэтому-то каждому вновь завербованному агенту руководители германской агентурной службой вначале ставили одну-две самостоятельных задачи, обычно не представлявшие больших затруднений при исполнении и, в случае обнаружения испытуемым лицом пригодности к агентурной работе, ему затем преподавались сведения в пределах, необходимых для его будущей работы и сообразно специальности, на которую его предназначили. Длительность подготовки и разнообразие преподаваемых сведений зависели от будущей специальности данного лица. Так, например, известный германский разведчик доктор Гревс рассказывает, что он "в течение пяти месяцев усердно проходил курс специального обучения. День за днем, неделя за неделей зубрил всевозможные предметы, необходимые для успешной работы в тайной агентуре. Главных предметов было четыре: топография, тригонометрия, морское строительство и черчение".

Выбор агентов на ответственные посты являлся делом весьма сложным. Прежде всего, от такого кандидата требовалось знание не менее двух иностранных языков. Это являлось общим правилом. Но в целях освещения чисто военных вопросов от агентов, кроме того, требовался целый ряд специальных познаний. Для приобретения этих специальных познаний агент проходил почти полный курс офицерской школы с той лишь разницей, что от офицера требовались знания только по своей специальности, а от агента познания универсальные, энциклопедические.

Чтобы работа агента была продуктивной, он должен был быть тонким наблюдателем, умеющим учитывать самые ничтож-

ные данные.

Некоторые категории агентов должны были знать в совершенстве фотографию, уметь определять расстояние, прочность устоев мостов с точки зрения условий данной почвы и сразу определять, сколько взрывчатого вещества нужно для разрушения данного моста. Положение такого агента осложнялось необходимостью не возбуждать в окружающих никаких подозрений, почему он должен был производить все оценки и строить выводы по глазомеру, чертить планы без инструментов, соблюдая возможную точность до ярда в длину и фута в высоту.

Конечно, такая техническая подготовка давалась не легко. Агент должен был уметь чертить на память планы любого укрепления, расставлять людей и орудия и избегать даже маленьких ошибок и неточностей, ибо с точки зрения его начальства, неточность была хуже полного незнания.

От агента по морским вопросам требовалось, кроме того, идеальное знание подробностей морского дела. Кроме береговых укреплений и доков, которые входили в сферу компетенции военного агента, морскому агенту предлагалось изучить все классы военных судов, топографию и тригонометрию, черчение и судостроение, все типы торпед, мин, подводных лодок и орудий, чтобы он сразу мог оценить силы противника.

Морского агента последовательно знакомили с конструкцией различных судов, крейсеров, броненосцев и мелких единиц боевого флота великих держав, требуя, чтобы он мог определять тип судна, как днем, так и ночью, даже по силуэтам. Агент должен был также знать формы и отличия чинов и морские сигналы.

Окончив этот теоретический курс, агент подвергался в портах Вильгельмсгафена и Киля практическим испытаниям по всем специальностям, по которым его "натаскивали".

Требовалось, чтобы каждый агент работал самостоятельно, сам вербовал себе помощников, агентов связи и пр., дабы в случае своего провала не погубить сообщников и не вводить в дело лишних людей, так как по любимому в германской разведке принципу Штибера, "сохранение тайны находится в обратном отношении к числу лиц ее знающих".

По окончании практической подготовки и испытаний с агентом обычно заключался контракт на несколько лет. Содержание таким агентам выплачивалось довольно значительное. Так, например, в 1909 году у одного германского агента, арестованного русской контрразведкой, было обнаружено 12 купонов от переводов из Германии на 1094 руб. 44 коп., полученных в период времени от 4 января по 20 марта того же года. Однако, весьма возможно, что агент сохранил не все купоны. Обычно, руководители германской разведки редко переводили агентам одинаковую сумму. В указанном выше случае мы имеем переводы на суммы: 66 руб. 89 коп.; 55 руб. 56 к.; 56 руб. 50 коп.; 125 руб. 86 коп.; 99 руб. 50 коп. и т. д. Ясно, что делалось это с целью замаскировать истинный источник получения агентом денег.

Вся обусловленная сумма платы редко выдавалась агенту на руки полностью. Обычно, при каждой выдаче известный процент удерживался и депонировался в банк на текущий счет агента. В случае измены или отказа агента работать согласно договора, он лишался этой удержанной суммы. В случае же провала или болезни агента - он и его семья получали из таким образом накопленной суммы пособия.

В инструкциях германской агентурной службы агентам давалась подробные указания как и что собирать и доставлять.

Вот несколько выдержек из инструкции, опубликованной в "Русском Инвалиде" за 1908 г. (№ 252):

"1. Агент обязан возможно чаще находиться в военном обществе, оказывая представителям последнего изысканную вежливость и внимание. Он должен стараться попасть в хорошие рестораны и кафе, где чаще всего собираются офицеры, незаметно прислушиваться к их разговорам, уметь оценить их. Остерегаться злоупотребления спиртными напитками и избегать ухаживания за женщинами. Сверх того агенту рекомендуется никоим образом не показывать ни имеющихся при нем денег, ни, тем более, писем. При себе иметь хорошие бинокль и компас.

2. Обратить особое внимание на местности, особенно вблизи укрепленных пунктов, а равно быть точно осведомленным

о времени смены часовых, которым, во всяком случае, избегать показываться, что весьма важно. На планах и фотографиях не забывать указать даты и сверх того фотографировать интересные предметы с разных сторон. Производить фотографирование два раза в год зимой и летом. При рекогносцировке укрепленного пункта агент должен стараться произвести с'емку с близлежащей возвышенности, будь это крыша, башня или дерево, при чем в последнем случае с'емщику рекомендуется запастись, подобно дровосекам и телеграфным рабочим, особого рода обувью. Для производства рекогносцировки агенту следует предварительно изучить местность, сверяя ее с картой, исправляя, если нужно, последнюю и записывая необходимые сведения на приложенный лист бумаги, на полях которого по порядку номеров и дат наклеиваются фотографии местных предметов, уже осмотренных.

3. Орудия следует фотографировать по возможности с близкого расстояния, и при том таким образом, чтобы каждый снимок вмещал бы в себе не более одного орудия с указанием его размеров и конструкции и с фотографическим снимком со слепка орудийного замка. Измерить расстояние между линией орудий и крепостной оградой. Отметить на плане и сфотографировать казематы, пороховые погреба, оборонительные казармы, интендантские склады, цейхгаузы, запасные пути, резервуары, помещения воздухоплавательных парков, телеграфные станции, направление обслуживающих данный пункт стратегических железных дорог, путей и т. д. Сверх того, агент должен стараться получить точные сведения о числе людей пехоты и артиллерии, как в самой крепости, так равно и на фронтах, отметить и перечислить число орудий (с указанием калибра), окон, отдушин, ворот и труб. Отметки датировать.

4. В случае помещения в современных изданиях, журналах или газетах каких-либо сведений о производстве на территории государства военно-инженерных работ, немедленно отмечать это в записной книжке. Не довольствуясь этим, следует уведомляться о положении указанного вопроса у разных лиц и учреждений, которые по роду их деятельности должны близко соприкасаться с подобного рода фактами, как-то: у интендантства, подрядчиков,

распорядителей работ и у перевозчиков, при чем стараться узнать, кому с торгов досталось производство работ, их смету, распределение и число нанятых рабочих. Убедиться в составе и качестве материалов и в соответствии их с требованиями военных инженеров.

...

7. Установить самым точным образом нахождение тех мест, которые отведены под жилые помещения, и обозначить на плане направление сточных вод.

8. В видах безопасности агенту вменяется в обязанность сжигать всю корреспонденцию, с содержанием которой он достаточно ознакомился, не исключая, и настоящей инструкции, если она освоена им в надлежащей степени. Он должен направлять все усилия для достижений поставленной ему цели, стараясь восторжествовать над препятствиями, которые неизбежно могут встретиться на его пути".

В дополнение к приведенной инструкции были даны и указания частного характера, как, например: "приближаясь к форту, следует идти обыкновенно ровным шагом, переводя пройденное пространство на время и выводя среднюю скорость; для отвлечения подозрений нужно принять беззаботный вид прогуливающего, считая мысленно в то же время шаги".

При разведывании железных дорог агентам указывалось на необходимость осведомляться об инструкциях, полученных машинистами и механиками дороги.

В системе германской агентурной разведки, особенно в последнее время, значительное место занимало также собирание общеизвестных сведений и слухов наравне с важными, так как, по словам фон-дер-Гольца, агентам "приходится искать крупинки золота в кучах навоза".

Собранные слухи проверялись или другими агентами или даже лицами, специально для этого командированными. С другой стороны, исполнение агентами простых задач давало руководителю возможность удостовериться в их пригодности к той или иной работе. Кроме того, моменты международных осложнений характеризуются именно тем, что в обществе

распространяется масса слухов, нередко весьма важных, почему донесения агентов в такое время часто передают факты, узнанные преимущественно из подслушанных разговоров.

Так, например, весной 1909 года, во время аннексии Боснии и Герцеговины, масса немецких агентов в погоне за слухами раз'езжала по русским железным дорогам, разгуливала по ресторанам и гостиницам, имея приказание "особенное внимание обратить на подслушивание разговоров офицеров и на все обстоятельства, которые могут относиться к войне".

Какое значение руководители германской разведки придавали собиранию такого рода слухов показывает, например, тот факт, что один из пойманных русской контрразведкой агентов должен был специально передавать собранные слухи условными телеграммами в Берлин.

Некоторые, очевидно, особо ценные агенты - собиратели слухов - за свои труды получали, сверх оплаты расходов по представленным счетам, по 10-15 рублей в сутки и особую плату за доставленный материал, что в общей сложности составляло свыше 500 рублей в месяц.

Германская агентурная сеть была насаждена с определенным расчетом и продуманностью.

Пограничные области соседних с Германией государств были покрыты непрерывной сетью германских агентов. В губернских городах обыкновенно проживало 3-4 местных агента. Города с меньшим населением и поселки в окружности 10-15 верстного района поручались наблюдению одного агента. Опираясь, на этот кадр агентов, германская агентурная разведка могла в нужную минуту поставить на военную ногу значительное количество своих работников.

Весною 1911 года, когда происходили некоторые изменения в дислокации русских пограничных войск, германские агенты систематически доносили о всем происходящем в штабы Кенисберга, Бреславля, Торна и Познани, при чем характерно, что мобилизация агентов для этой работы произошла еще до начала действительного передвижения русских войск. Об этом можно судить по следующему примеру.

1911 г. 10 апреля

Германский офицер из Торна, известный изобличенному русской контрразведкой германскому агенту Хвесюку под псевдонимом "Бреннер", посылая последнему 9 рублей на дорогу, писал:

"Прошу как можно скорее приехать ко мне. Я имею много работы; потребуется около 100 человек для работы. Приезжай за деньгами как можно скорее".

Ясно, что Хвесюк не был единственным агентом, который получил в этот момент такого рода вызов в Германию.

Какие меры принимала германская разведка для того, чтобы избавиться от своих же, ставших опасными, агентов, показывает следующий факт¹.

Один из германских агентов посланный за границу, вместо того, чтобы исполнить данное ему задание, занялся любовными делами. Никакие предупреждения и напоминания не помогали. Тогда был выслан известный дуэлист с приказанием - вызвать агента на дуэль. В результате агент под рыцарским предлогом был убит на дуэли...

Глава пятая

Командировка офицеров в соседние страны

Поездка офицеров Генерального штаба на рекогносцировки. - Тайная поездка ген. Мольтке во Францию. - Планомерность и систематичность такого рода командировок. - Командировки офицеров Ген. штаба под благовидными предлогами. - Любители фотографии и географии. - Похождения полковника Николаи.

Германская агентурная разведка не упускала также случая использовать в разведывательных целях командировки офицеров в соседние страны.

Перед австрийской компанией 1866 г. многие переодетые германские офицеры Генерального штаба рекогносцировали Богемию. Перед войной 1870-1871 г. офицеры-разведчики

¹См. "Паутина". "Система германского шпионажа". Изд. В. Португалова, Москва, 1915 г.

наводнили восточную Францию. Одни из них рекогносцировали крепости, другие под видом рыбной ловли исследовали реки и пр.¹ Сам Мольтке в 1868 году тайно посетил с разведывательными целями некоторые районы приграничной полосы. Негласное наблюдение, установленное французской контрразведкой, было в курсе характера работ Мольтке. В рапорте капитана Самуэля от 9/IV 1868 г. из Форбаха значилось: "С понедельника я следую за ген. Мольтке, который осматривает границу Франции и изучает позицию. В понедельник он был в Майнце. Во вторник прибыл в Биркенфельд и делал заметки о высоте близ руин старого замка. Переночевал в Саарбрюкене. Вчера был в Саарлуи. Сегодня, несмотря на плохую погоду, он выходил из кареты, чтобы осмотреть окружающие высоты с Водеванг и с Беруса²."

Германский Генеральный штаб организовывал эти секретные командировки офицеров вполне планомерно и систематично. В начале каждого года соответствующими отделами Генерального штаба составлялись проекты необходимых командировок, проводившиеся в жизнь по утверждению их начальником Генерального штаба.

Эти секретные командировки офицеров дополнялись заграничными командировками офицеров Генерального штаба под различными благовидными предлогами, например, для изучения языка, на маневры, лечиться, к родным, в качестве туриста, в отпуск и т. д. Можно сказать, что Германия к такого рода командировкам относилась весьма внимательно и серьезно, и без цели ни одному своему офицеру заграничной командировки не давала. Подбор офицеров для заграничных командировок проводился весьма тщательно, и сами командировки совершались по определенному плану и системе.

Вот несколько примеров.

В 1909 г. русская контрразведка установила, что командированный в Россию и Китай лейтенант 2-го Саксонского полка Эрих Баринг под предлогом охоты в Туркестане и Сибири занимался

¹См. "Etudes de guerre par general Levai. Tactique des renseignements 1881".

²См. Lieutenant A. Froment. - "L'espionnage militaire et les fonds secrets de la guerre en France et a l'etranger".

изучением русских границ с Персией и Монголией.

В апреле 1910 г. в Тифлис приехал отставной генерал-лейтенант германской службы фон-Гофмейстер, с рекомендательным письмом германского имперского канцлера на имя главнокомандующего войсками Кавказского военного округа и просил разрешения "осмотреть около Карса поля сражений русско-турецкой кампании и сфотографировать их". С Гофмейстером был слуга и переводчик. Слуга оказался полковником германской службы, а переводчик - турецким офицером. Настоящей целью их приезда была разведка Карской крепости. Одновременно с Гофмейстером из Турции в Каре прибыли три "любителя фотографии и географии": двое - Карл Линк и Освальд Хазен - австрийские офицеры, а третий - Гутберг - германский офицер.

В феврале 1912 г. в Вержболове был арестован немецкий пограничный комиссар Дресслер, прибывший на русскую территорию под предлогом служебных дел. На самом же деле он прибыл для переговоров о мобилизационном плане, выкраденном писарем из штаба Ковенской крепости и уже сфотографированном немцами в Эйдкунене. При посредниках этого дела, случайно арестованных в ночлежном доме во Владиславе, был обнаружен подлинник этого мобилизационного плана и письмо за подписью Дресслера.

Николай, бывший начальник Разведывательного Управления Штаба германского верховного командования в войну 1914-18 гг., пишет, что перед своим назначением в разведку он объездил некоторые страны, в частности Россию и Францию, с целью "ознакомиться на месте с театром своей будущей деятельности".

Глава шестая

Агентурная деятельность

официальных военных агентов

Легализация института военных агентов. - Агентурная работа германских военных агентов. - Провалы германских военных агентов во Франции и России. - Подбор военных агентов. - Германские взгляды на

¹См. Николай. - "Тайные силы".

обязанности военных агентов. - Изучение характеров лиц высшего состава соседей. - Гофман о Ренненкампе и Самсонове. - Мнение немцев о русской армии. - "Русские медленно запрягают, но еще медленнее едут".

До 1864 г. институт военных агентов при миссиях существовал неофициально. Институтом этим пользовались почти все страны, т. к. послы в то время состояли в большинстве случаев из лиц не военных и вследствие этого не могли доставлять нужных военному ведомству данных об армиях соседей. Все страны это, конечно, знали, и все пользовались услугами неофициальных военных агентов.

Наконец, в 1864 г. офицеры, состоявшие при дипломатических миссиях, были легализованы и получили название военных и морских уполномоченных. Они числились в составе дипломатического корпуса и пользовались всеми преимуществами, присвоенными последними за границей. Все страны в официальных инструкциях строго настрого запрещали военным агентам заниматься сбором сведений агентурным путем. Все данные, которые от них требовались, должны были добываться совершенно легальным, официальным путем. Однако, почти все государства снабжали своих военных еще и секретными инструкциями, согласно которых они не должны были пренебрегать никакими средствами, лишь бы достать нужные сведения.

И в этой области Германия шла во главе всех остальных государств. Вот несколько примеров.

Уже в 1867 г. стало известным, что прусский военный агент в Париже Гольц занимался тем, что через посредство немецких банкиров пересылал в Берлин тюки французских карт и доподлинно знал через подкупленных французских чиновников все, что творилось во французском военном мире. "Чего он не мог узнать в салонах", - говорит один французский писатель, - "где часто из хвастовства с несчастным легкомыслием разбалтывали самые сокровенные вещи, то доходило до него через тех личностей, которые проникали и проникают в наши дома, имея всегда ухо настороже, которые проникают в прессу, вмешиваются в наши

споры и агитируют против дипломатии".

В 1871 году германский военный агент в Париже, подполковник Вильон был уличен в руководстве германской шпионской организацией. Его перевели на ту же должность в Россию. Назначенный на его место в Париж майор Гюне продолжал дело своего предшественника. В 1887 году он был уличен в сношениях с чиновником французского военного министерства. Начальник французской контрразведки произвел негласный обыск в квартире Гюне и установил, что он, прикрываясь своей дипломатической неприкосновенностью, получал много весьма ценных сведений, от довольно высокопоставленных особ. Документы были сфотографированы, но французское правительство не посмело, однако, настоять на отзыве Гюне, а ограничилось тем, что возбудило вопрос об упразднении института военных агентов, что конечно, ни к чему не привело.

В 1896 году выяснилось, что во Франции в то время действовал не один германский военный агент Шварцкоппен, а целый своего рода "трест" военных агентов - Шварцкоппен, итальянский военный агент майор Паницарди и австрийский военный агент. Паницарди нередко являлся посредником между Шварцкоппеном и различными тайными агентами, а военный агент Австрии ездил в Швейцарию по шпионским делам Шварцкоппена.

Трио действовало бы, быть может, еще долгое время, если бы не неосторожность Шварцкоппена. Он слишком, видимо, верил в свою застрахованность от какой-либо измены и безгранично доверял всем, в том числе даже и низшим служащим посольства. Нашлась, однако, особа - горничная дочери посла Мюнстера, доставлявшая во французский Генеральный штаб бумажные отбросы из сорной корзины Шварцкоппена.

Даже в то время, когда Шварцкоппен производил дознание, чтобы установить, как французы узнали об его деятельности, в руки французского Генерального штаба попал список лиц, служивших германскими тайными агентами.

В июне 1930 г. во французской газете "Л-Эвр" были опубликованы "Записки полковника Шварцкоппена". В этих "Записках"

Шварцкоппен доказывает, что капитан французской службы Дрейфус был осужден за грехи французского офицера Генштаба Эстергази. Этот офицер 20 июля 1894 г. явился в германское посольство в Париже и предложил свои услуги по доставке секретных французских документов Шварцкоппену. Последний, якобы, вначале отклонил предложение Эстергази, но по приказанию из Берлина вынужден был в конце концов принять его предложение. Эстергази доставил Шварцкоппену несколько мобилизованных документов разных французских войсковых частей. Наконец, в сентябре 1894 г. он принес Шварцкоппену список секретных документов французского Генштаба, которые он может достать. Шварцкоппен в посольстве не оказался. Эстергази оставил пакет у привратницы. Последняя же, вместо вручения Шварцкоппену, доставила пакет во французскую контрразведку, так что Шварцкоппен увидел впервые этот список лишь два года спустя воспроизведенным на страницах "Матэн".

Специалисты французского Ген. штаба пришли к заключению, что список этот мог составить офицер Генштаба и артиллерист. Начали поиски этого офицера и остановились на Дрейфусе. Он был офицером Ген. штаба, артиллеристом, родом из Эльзаса, говорил по-немецки, кто-то видел его в сомнительных местах, знали его как любителя играть в карты и т. д. Наконец начальник IV отдела Ген. штаба, полковник Фабр "установил", что список написан рукой Дрейфуса.

Во время следствия, французская контрразведка перехватила пакет, посланный Шварцкоппеном итальянскому военному атташе Паницарди при следующей записке:

"Посылаю вам 12 планов Ниццы, которые мне передал для вас этот мерзавец Д.". *т.ч. отсылка*

Эта записка в деле Дрейфуса сыграла, чуть ли не роль главного доказательства его виновности. Контрразведка считала его за "мерзавца Д.". *т.ч. отсылка*

В своих "Записках" Шварцкоппен раскрывает этого Д. Это - некий Дюбуа, агент германской и итальянской разведок, начавший водить последние за нос и этим заслуживший у Шварцкоппена эпитет "мерзавец".

Германский посол доказывал французскому министру иностранных дел и даже президенту республики, что Дрейфус никогда агентом германской разведки не был. Однако, его словам никто не поверил.

В совещательной комнате, во время обсуждения приговора, членам военного суда контрразведкой была вручена дешифрованная телеграмма, якобы посланная итальянским военным атташе в Рим о том, что капитан Дрейфус арестован, и что нужно принять необходимые меры... Фактический же текст этой телеграммы был следующий:

"Если капитан Дрейфус не поддерживал с вами (Ген. штабом Италии) сношений, было бы хорошо дать официальное опровержение, чтобы избежать комментариев прессы".

Шварцкоппен и его начальство могли не допустить осуждения Дрейфуса, если бы они раскрыли Эстергази. Но на это они не пошли, а ограничивались лишь тем, что продолжали даже тогда, когда Дрейфус находился на Чертовом Острове, без всяких доказательств утверждать, что он невиновен. Но этого, как мы знаем, для французских подложных дел мастеров было недостаточно...

В 1890 г. в России был изобличен в шпионаже германский морской агент Прессен, "работавший" в сообществе с английским морским агентом Гербертом. Они успели купить за 1.500 рублей у русского капитана 2-го ранга Шмидта план минных заграждений и фортификаций Кронштадта.

Иоганн Шпис¹ рассказывает, что перед "Кильской неделей" в 1914 г. германскому морскому атташе в Голландии удалось достать копию документа, разоблачавшего шпионские намерения английского флота и заставившего немцев относиться весьма подозрительно к посещению английским флотом германских вод. Характерно, что с содержанием этого документа были ознакомлены офицеры германского флота.

Из этого сообщения можно сделать вывод, что германские морские атташе не отказывались и от сбора сведений контрразве-

¹См. Иоганн Шпис. - "Шесть лет под водой". Изд. Брокгауз-Ефрон, 1929 г.

дывательного характера.

Тот же Шпис рассказывает, что сведения о секретных русских военно-морских базах и фарватерах шхер Финского залива немцам удалось получить через финских лоцманов еще до войны 1914-1918 гг. и нанести на свои секретные военно-морские карты.

Этот факт показывает, что германский морской атташе не сидел в Петербурге зря...

Такого рода примеров, вопреки официальным заверениям немцев, можно привести множество. Однако, и приведенные факты дают нам право утверждать, что агентурная деятельность германских военных и морских агентов была включена в общую разведывательную систему.

Следует также отметить, что деятельность германских военных агентов по сбору сведений не исчерпывалась их агентурной, тайной деятельностью. Официальные легальные возможности давали им также много ценного и нужного материала для всестороннего изучения армий соседей.

Перед войной 1914-18 гг. Германия имела военных агентов в 14 государствах (в Швейцарии, Бельгии, Румынии, Америке, Австрии, Турции, Англии, Испании, Франции, Китае, России, Италии, Швеции, Японии). Все военные агенты были офицерами Генерального штаба. Подбором их руководил начальник Генерального штаба. Официальной задачей военных агентов было - войти в тесное соприкосновение с высшими военными начальниками в странах, где они находились. Они должны были лично знакомиться с выдающимися представителями страны, с целью узнать их взгляды на животрепещущие военные вопросы. Они должны были возможно чаще присутствовать на учениях войсковых частей и, вникая в их смысл, составлять себе действительную картину обучения и выносливости данной армии. Они должны были также зорко следить за военной литературой и регулярно доносить обо всем, достойном внимания.

Как мы видим, задачи военных агентов были довольно многообразными и сложными, и выполнение их во многом зависело от личного развития, опытности и любви к делу военных

агентов. Они своей официальной деятельностью должны были дополнять то, чего Генеральный штаб не мог узнать агентурным путем. Посредством изучения и сопоставления газетного, журнального и вообще литературного материала, со своими личными наблюдениями они должны были устанавливать, совпадает ли обучение войск с уставами и наставлениями. Последнее может показаться на первый взгляд странным и излишним, но немцы знали, что приказы на бумаге часто весьма существенно не согласуются с практическим обучением и состоянием войск в действительности. Тактика и обучение войск находятся в постоянном развитии и постепенно меняются. Уставы же меняются только в известные периоды. Военные агенты и должны были учитывать эту разницу.

Очень трудно даже и на основании секретных данных сделать правильную оценку внутреннего состояния и силы армии, ее духа и дисциплины. Такую оценку можно вывести лишь при долголетнем личном наблюдении. Это и должны были делать военные агенты, которых германский Генеральный штаб старался менять возможно реже.

В войне не малое значение имеет личный характер лиц командного состава, особенно высшего. Очень часто по характеру командира можно сделать выводы о будущем образе его действия и об управлении войсками. Так, например, человек, принимающий быстрые решения, отважный, предприимчивый, будет стараться решать задачи наступательно; другой, осторожный и рассудительный, будет более склонен к осторожным и подчас оборонительным действиям. Изучение характеров высшего командования страны также лежало на военных агентах. Немцы, по словам ген. Гофмана¹, кое-какие выводы в этой области и сделали. Гофман пишет: "Мне известно, что между ними обоими (Ренненкампом и Самсоновым) существовала личная неприязнь, начало которой относилось еще к битве под Ляояном: тогда Самсонов со своими казаками оборонял китайские угольные копи, но, несмотря на выдающуюся доблесть Сибирской казачьей

¹См. Ген. Гофман. - "Война упущенных возможностей".

дивизии, должен был их оставить, так как Ренненкампф со своим отрядом оставался на левом фланге русских в бездействии, вопреки повторным приказаниям. Я слышал со слов свидетелей о резком столкновении между обоими командирами после Ляоянского сражения на Мукденском вокзале".

Гофман и Людендорф из этого мелкого по существу факта сделали выводы, что, быть может, ген. Ренненкампф не окажет поддержки ген. Самсонову и в Восточной Пруссии. Как будто бы они не ошиблись...

По собранному, таким образом, данным личной характеристики противника немцы в 1913 году следующим образом судили о будущих действиях русской армии¹:

"...Передвижения русских войск совершаются теперь, как и раньше, крайне медленно. Быстрого использования благоприятного положения ожидать от русского командования так же трудно, как и быстрого и точного выполнения войсками предписанного приказом маневра. Для этого слишком велики препятствия со всех сторон при издании, передаче и выполнении приказов. Поэтому немецкое командование при столкновении с русскими будет иметь возможность осуществлять такие маневры, которых оно не позволило бы себе с другим, равным себе, противником"...

Правильность этого взгляда немцев в отношении русской армии подтвердилась хотя бы операцией Людендорфа, приведшей к поражению русских у Танненсберга.

После этой операции в русской армии ходило изречение, приписываемое Гинденбургу, что "русские медленно запрагают и еще медленнее едут".

Но, конечно, было бы ошибочным судить об армии противника на основании только личных качеств ее вождей и различных внешних признаков. Немцы это прекрасно учитывали. Они понимали, что армия не есть нечто самодовлеющее. Поэтому они всегда подчеркивали, что для того, чтобы понять армию, надо понять весь народ в целом. Армия соответствует национальным особенностям, народному характеру, всему историческому

¹См. Ганс Куль. - "Германский Ген. штаб. Его роль в подготовке и ведения мировой войны". Изд. ВВРС, 1922 г.

развитию, и то, что подходит для одной армии, не подходит для другой. Кто хочет детально и безошибочно судить о какой-либо армии, тот должен сначала изучить всю страну, весь народ. Задача эта нелегка. Поэтому-то немцы с особой тщательностью выбирали кандидатов на должности военных агентов, обращая серьезное внимание на их способности, необходимые для выполнения указанных выше задач.

Глава седьмая

Участие Вильгельма II в агентурной разведке

Активная форма этого участия. - Институт личных ад'ютантов. - Вильгельм о задачах личных ад'ютантов и военных атташе. - Наблюдатели Вильгельма в русской армии в войну 1904-1905 гг. - Информация данная Вильгельмом Николаю Романову во время войны 1904-1905 гг. - Совет Вильгельма. - Пушек в ход не пускать и обходиться с прожекторами. - Адмирал Рожественский, провокатор Гартинг-Ландезен и Вильгельм II. - Германский император не без удовольствия потирает себе руки.

Необходимо осветить роль Вильгельма II в германской агентурной службе.

Из опубликованной переписки¹ Вильгельма II с Николаем II видно, что первый не только давал директивы разведке, не только интересовался ее результатами, но и сам принимал активное участие в деле разведки, нередко сам инструктировал, давал задания и отправлял агентов, а также дезинформировал своих коллег - царей других стран, помещая с этой целью даже статьи в периодической печати (см. ниже). Вильгельм также принимал весьма деятельное участие в выручке уличенных агентов германской агентурной службы и указывал своим "коллегам" на их зарвавшихся агентов.

В октябре 1895 года Вильгельм пришел к заключению, что существующая в России германская агентурная сеть не дает полных данных о русских придворных настроениях. Он решил запол-

¹Переписка Вильгельма II с Николаем II. Госиздат, Москва 1923 г.

нить этот пробел следующим благовидным приемом. В письме к Николаю он пишет:

"Принимая во внимание наши близкие отношения и частый обмен письмами и сообщениями, чем постоянно и напрасно приводится в движение сложный механизм посольств, не хочешь ли ты возобновить старый обычай, соблюдавшийся нашими предками около ста лет, а именно - иметь каждому из нас при своем штабе личного ад'ютанта? Дела более интимного и частного характера могли бы идти, как и в прошлые времена, непосредственно через них, и отношения благодаря этому значительно упростились бы. Я бы с удовольствием принял в мой *maison militaire* кого-нибудь из лиц, которым ты действительно доверяешь, а ты не желаешь ли иметь Мольтку?"

Расчет Вильгельма был построен на том, что его "личный ад'ютант" по своим качествам гораздо больше принесет ему пользы, чем "личный ад'ютант" Николая - ему вреда. Вильгельм надеялся, что "личного ад'ютанта" Николая ему удастся прибрать, что называется, к рукам и, если не превратить в своего осведомителя, то поставить его в такие условия, что он сможет доносить Николаю лишь то, что желательно будет Вильгельму. На это указывает хотя бы выдвигавшаяся Вильгельмом кандидатура Мольтке. Ясно, что такой крупный спец предназначался не только для пересылки писем "интимного" характера:

Николай, конечно, принял предложение Вильгельма и обмен "личными ад'ютантами" состоялся. Интересно при этом привести характеристику, которой Вильгельм сопровождал назначение одного из этих личных ад'ютантов, назначенного в мае 1914 г., ген.-лейт. фон-Хелиуса.

По словам Вильгельма, последний "провел несколько лет в Риме в качестве военного атташе. Он замечательный музыкант и играет на рояли не хуже Рубинштейна, д'Альбера и других великих артистов, очень мил в обществе, весьма сдержан и вполне достоин доверия... Он бегло говорит по-французски, по-английски, по-итальянски и на древне-греческом языке, и является одним из самых близких моих друзей".

Как видно, рекомендация блестящая, и фон-Хелиус

накануне войны 1914-18 гг. ее вполне оправдал, давая Вильгельму весьма ценную информацию о русских мобилизованных мероприятиях.

В декабре 1905 г. Николай поднял вопрос о возобновлении, помимо указанных личных адъютантов, института военных атташе, который одно время между Россией и Германией отсутствовал. Вильгельм, конечно, с радостью на это предложение согласился. При этом он в своем ответе высказывал свой взгляд на обязанности "личных адъютантов" и военных атташе. Он писал:

"Что касается твоего вопроса о специально-военных атташе, кроме таковых *"a la suite"* (состоящих в свите), при наших с тобой особах, то я нахожу желательным создание этой должности. В старину всегда так бывало. *Личные* атташе оказываются в зависимости и трудном положении, если им приходится делать свое дело, находясь в то же время при штабе монархов. Им должна быть предоставлена *лишь одна эта честь*, и они обязаны только собирать и лойяльно передавать официальные военные или конфиденциальные информации, получаемые ими от государя или, с государева разрешения, от официальных властей. Они должны быть людьми безукоризненной репутации, на которых монархи могли бы безусловно полагаться, и должны пользоваться полнейшим доверием офицеров соответственных императорских главных квартир, при которых они состоят. Этим уже сказано, что у них не должно быть ничего общего с обычным "ремеслом" простого военного агента".

Не подлежит сомнению, что Вильгельм занимается здесь очковтирательством, желая отвлечь внимание от деятельности своего "личного адъютанта", кивком в сторону военного агента.

В начале русско-японской войны Вильгельм старался насадить по возможности больше своих людей у обоих противников. Как он это проделывал, показывает следующее.

В феврале 1904 г. он пишет Николаю:

"...Мне бы очень хотелось, чтобы с твоего разрешения принц из моего дома сопровождал твои войска в качестве наблюдателя для изучения военного искусства. Я бы выбрал принца Фр.-Леопольда, моего шурина. Он говорит по-русски и стремится

ехать. Пожалуйста, сообщи мне, может ли быть удовлетворена моя просьба".

Николай дважды ответил на эту просьбу согласием и дважды, под давлением военного ведомства, взял свое согласие обратно. Военное ведомство доказывало, что желание Леопольда поехать на Дальний Восток вызвано ничем иным, как необходимостью для Вильгельма иметь там своего высокопоставленного шпиона, который мог бы проникнуть и разузнать то, что простому шпиону недоступно и не по силам.

Наконец, терпение Вильгельма лопнуло, и в январе 1905 г. он в обидчивом тоне пишет Николаю:

"Наконец, позволь мне еще раз напомнить тебе о твоём дважды данном и дважды взятом обратно любезном обещании разрешить моему шурину Фридриху-Леопольду приехать в твою армию. Последний раз в июле все уже было устроено и готово, когда он опять получил отказ, что поставило его в очень неловкое положение по отношению к нашей армии и офицерам, так как он был, как мы говорили "blamiert" (посрамлен), особенно в виду того, что Карл Гогенцоллерн отправился в Японию; последнее произошло потому, что мы рассчитывали, что Фр.-Леопольд поедет в Мукден. Теперь на Фр.-Леопольда показывают пальцами и бедняга очень пал духом. Он купил себе платья и многое другое и вообще сделал все приготовления к отъезду; даже выучил ваш язык: человек он очень спокойный и генералам твоим ни в каком отношении помехой быть не может, а так как армия очень велика и сильна, то я полагаю, что поездка его вполне возможна"...

Николай не устоял, сдался на "просьбы" Вильгельма и дал Леопольду разрешение на поездку.

С началом русско-японской войны Вильгельм решил обезопасить себя со стороны России. Сделать это он стремился двояким способом. Первый - это оказывать поддержку всем, чем только можно, Японии, чтобы она смогла, возможно, больше крови спустить у России и вывести последнюю на несколько лет из ряда опасных для Германии империалистических государств. Второй способ - поссорить Россию с Англией и Францией, в на-

дежде расстроить Антанту.

Приемы, при помощи которых Вильгельм стремился достигнуть этих целей, принадлежат к категории агентурных и заслуживают быть отмеченными.

Еще в конце 1903 г., когда в воздухе уже запахло порохом, Вильгельм усиленно подогревает Николая и подталкивает к грядущей войне.

Так, 4/XII 1903 г., он пишет:

"Офицеры моих войск, находящихся в Китае, получили уже давно приказ хорошенько следить за отношениями между японскими и китайскими военными и наблюдать за все возрастающим влиянием японцев в китайской армии. Два дня тому назад получил донесение, что за твоей и моей спиной японцы тайно вооружают против нас китайцев, что они тайно обязались снабдить китайскую армию 20.000 новых магазинных ружей с патронами, 48-ю полевыми и 12-ю горными орудиями (скорострельными) со снарядами, при чем все должно быть поставлено до следующего лета. Китайские войска обучаются день и ночь и, как говорят люди, видевшие их в Пао-Тин-Фу, дело идет очень хорошо. Командуют японские офицеры-инструктора, число которых постоянно возрастает. Хорошие дела! Я полагаю, китайцам не следовало бы позволять иметь в своей армии японцев. Они, несомненно, пробуждают надежды в китайцах, разжигают их ненависть против белой расы вообще и создают серьезную опасность у тебя в тылу на случай, если бы тебе пришлось на том берегу противостоять каким-нибудь агрессивным действиям со стороны японцев".

Вывод: твой враг - Япония, усиливай войска на дальневосточной границе за счет границы западной...

В телеграмме от 7/1 1904 г. Вильгельм сообщает:

"...По частной информации из Генуи, два новых броненосных крейсера, купленные Японией, выходят завтра в Корею из Анеальдовских доков, с английскими офицерами и экипажем. Их отплытие в конце января есть утка, пущенная находящимся ныне в Генуе японским адмиралом Мутсу, чтобы ввести в заблуждение твою Средиземную эскадру из опасения, как бы

последняя не захватила эти два судна".

Цель Вильгельма, еще не уверенного окончательно в неизбежности войны, - спровоцировать Николая на захват этих крейсеров и тем самым приблизить начало войны.

В телеграмме от 9/1 1904 г. Вильгельм бьет в ту же точку:

"...Дальнейшая информация из частного и достоверного источника гласит следующее:

1. Британское правительство послало извещение крупной лондонской фирме, снабжающей углем твой флот, что воспрещается отпуск тебе угля.

2. Японский адмирал Мутсу, ныне в Генуе командующий двумя броненосными крейсерами, купленными у Аргентины, сказал при одном интервью, что Япония не покупала этих судов, а что их тайно купила Англия одновременно с двумя чилийскими кораблями, с целью не дать им попасть в руки русских, и не только поднесла их Японии, но снабдила английскими офицерами и матросами, которые при отъезде из Лондона были предметом демонстративных оваций.

3. В Чилийский парламент был внесен билль, уполномочивающий адмиралтейство продать Японии два броненосных крейсера, 7 минных крейсеров, 2 миноносца, 2 транспорта и несколько бронированных башен с пушками, построенных Грузоном (Магдебург), - вероятно для фортов или усиления обороны, для базы в Корее. Кажется, нет сомнения, что деньги так щедро расточаемые Японией, должны иметь источником "очень дружескую" услугу, т. к. японское казначейство не может дать в них отчета. Большие количества консервов в жестянках заказаны в Америке для японской армии и флота"...

В этой телеграмме Вильгельм уже начинает настраивать Николая против Англии. Его "агентурные данные" из "достоверного источника" показывают, что за спиной Японии стоит Англия, которая ее толкает на войну с Россией.

В письме от 9/1 1904 г. Вильгельм продолжает в прежнем духе:

"...Посылаю тебе экземпляр "Морского Обозрения" со статьей о "броненосных крейсерах", подписанной Л. Под этим

"Л" скрываюсь я сам, т. к. автор ее - я, но никто не подозревает об этом, кроме Тирпица. В качестве материала для моей статьи, написанной в ноябре, мне удалось получить интересные детали относительно "Ривардиа" и "Марено", строившихся для Аргентины. Теперь Англия подарила их Японии.

"Совершенно "секретно" проекты их были представлены мне, согласно непосредственному разрешению президента Аргентинской республики, и присланы мне Ансальдо. Так как суда эти могут представить для тебя некоторый интерес, то я посылаю тебе атлас для твоего личного пользования"...

Как видим, Вильгельму понадобилось написать статью, послать Николаю атлас для "личного пользования" и раскрыть свой высокопоставленный агентурный источник, лишь бы доказать, что война неизбежна и что за спиной Японии стоят Англия. Правда, в конце почти каждого своего письма он иезуитски "молит Всевышнего о даровании мира".

Обработка Николая в этом направлении продолжается все время.

Вильгельм подсчитывает и сравнивает русские и японские сухопутные и морские силы и при помощи изречений Наполеона доказывает, что Россия пока еще слишком мало и сухопутных, и морских сил перебросила на Дальний Восток, и что туда необходимо отправить и весь русский Балтийский флот.

В октябре 1904 г. Англия дала понять Германии, что последней, как стране нейтральной, не к лицу снабжать русский военный флот углем. Вильгельм этот намек англичан решил использовать против Англии и настроить против нее Николая. Последний, не долго думая, согласился с тем, что пора положить конец проискам Англии, а для этого самым подходящим признал рецепт Вильгельма, т. е. "чтобы Германия, Россия и Франция пришли к соглашению уничтожить англо-японское высокомерие и нахальство". Он предложил Вильгельму составить проект соответствующего договора.

Вильгельм поручение исполнил, но Николай уже остыл и подписание договора затягивалось. Тогда Вильгельм перешел к угрозам и заявил: "мне необходимо получить от тебя положитель-

ные гарантии в том, что ты будешь помогать мне в том случае, если Англия и Япония объявят мне войну из-за того, что Германия поставляет уголь русскому флоту. Если ты не можешь гарантировать мне, что в случае подобной войны ты будешь честно сражаться плечо к плечу со мной, то я, к сожалению, должен буду немедленно запретить германским пароходам поставлять уголь твоему флоту".

В ночь на 21 октября 1904 г. шедшая на Дальний Восток русская эскадра адмирала *Рожественского* обстреляла в Северном море, вблизи Доггер-Банка, гулльских рыбаков, приняв их за миноносцы японцев. Инцидент этот вызвал в Англии целую бурю негодования и едва не привел к войне с Россией. Кое-как дело удалось замять, и Россия откупилась тем, что уплатила Англии в возмещение убытков 60.000 англ. фун. стерлингов.

Вильгельм притворился в то время, что истинная подкладка этого инцидента ему неизвестна и советовал Николаю, "впредь в европейских водах пушек в ход не пускать, а обходиться с прожекторами".

Однако, если верить бывшему царскому министру иностранных дел *А. П. Извольскому*, то в самом создании инцидента адмирала *Рожественского* чувствуется рука Вильгельма.

Извольский пишет¹: "...Когда адмиралу *Рожественскому* было сообщено из Петрограда, что он ошибся, злосчастный адмирал заявил, что у него имеются несомненные доказательства, что он расстреливал именно японскую эскадру, а не рыбацьи шхуны.

Оказывается, что эти несомненные доказательства адмирал *Рожественский* получил от знаменитого провокатора *Гартинга-Ландезена*, на которого была возложена задача осведомителя *Рожественского* во время его плавания о местонахождении японской эскадры. Вера в показания этого провокатора была настолько сильна, что *Рожественский* верил ему больше, чем русскому министерству иностранных дел, получившему возможность убедиться, что *Рожественский* ошибся..."

¹См. А. Н. Извольский. - "Вспоминания". Изд. "Петроград". 1924 г.

Далее Извольский рассказывает, что Гартинг, бывший в то время начальником русской тайной полиции в Париже, несколько раз приезжал в Копенгаген, где Извольский состоял русским посланником, и сообщал ему о появлении японских истребителей в европейских водах.

Если с этими данными сопоставить методы работы германской разведки еще при Бисмарке и Штибере (организация покушения на Александра II в Париже), то едва ли мы ошибемся, предположив, что или Гартинг состоял одновременно на службе русской охраны и германской разведки и сознательно давал Рождественскому ложные сведения, или же что агенты, подставленные к Гартингу немецкой разведкой, сумели убедить последнего, что даваемые им сведения о присутствии японских военных кораблей в европейских водах соответствуют действительности.

Когда начали поговаривать о прекращении войны между Россией и Японией, Вильгельм никак не мог с этим примириться. Всякого рода "достоверными" сведениями, полученными по его словам, то от президента Америки Рузвельта, то от "немца, имевшего разговор с английским королем" и т. д., - он старался внушить Николаю, что Япония пойдет лишь на позорный для России мир, ибо такова воля Англии.

Когда же внутреннее положение России и положение на фронте настолько осложнились, что Николай вынужден был пропускать мимо ушей увещания Вильгельма и был готов к любому миру, - Вильгельм стал усиленно предлагать Николаю свои посреднические услуги в акте заключения мира.

По ходу событий из всех этих комбинаций Вильгельма ничего не вышло. Но он не падает духом. Учитывая реваншистские настроения русской правящей клики, Вильгельм, решает поддержать эти настроения, запугивая Николая "желтой опасностью".

В декабре 1907 г. он пишет Николаю: "...Один немецкий дворянин, только что вернувшийся из Мексики, доложил мне, что сам насчитал на плантациях Южной Мексики 10.000 японцев. Всех - в военных куртках с медными пуговицами. На закате, после работы они все собираются в роты

и отряды под командою сержантов и офицеров, переодетыми простыми земледельцами, и производят учения, упражняясь с деревянными палками; он это наблюдал весьма часто, когда они думали, что никто на них не обращает внимания. Это - японские запасные, тайно имеющие при себе оружие; они должны составить армейский корпус, предназначенный для захвата Панамского канала, чтобы прервать сообщение с Америкой... Вот моя тайная информация для тебя лично, чтобы ты успел сообразовать свои планы с положением вещей; информация эта верна и хороша, ведь ты хорошо знаешь, что я никогда не давал тебе неверных сведений. Самое главное зорко следить и быть ко всему подготовленным.

События могут разворачиваться медленно, но возможны инциденты, которые вызовут неожиданный и внезапный взрыв, прежде, нежели вопрос назреет, как это иногда бывает. Поучительно наблюдать, как хорошо японцы готовятся к возможным случайностям. Они действуют по всей Азии, тщательно подготавливая свои удары против белой расы вообще"...

Как бы в ответ, Николай в конце 1909 г. отдает распоряжение о перемещении 4-х армейских корпусов с германской границы. Вильгельм был от этого в восторге, ибо, ясно было, что его "верная" информация дала свои результаты.

Даже С. Ю. Витте¹ в мае 1904 года вынужден был сознаться, что: "...мы и теперь за любезности и дружбу германского императора заплатим большой счет... Я почитаю, что Германия во многом виновата, что направила все наши помыслы и силы на Дальний Восток, так что Россия во всех остальных насущных вопросах как бы осиротела. Я уверен, что наедине германский император не без удовольствия потирает себе руки".

Мы так подробно остановились на этих "агентурных похождениях" Вильгельма для того, чтобы показать, под каким высоким и внимательным покровительством в Германии находилась агентурная разведка всех видов, как и в каких целях, использовать полученные ею результаты...

¹См. ст. "Безобразовский кружок летом 1904 г.", напечатанную в журнале "Красный Архив", том XVII. Изд. Центрархивы, 1926 г.

Глава восьмая

Информационная роль германских подданных в соседних странах

Германские колонисты в России. - Система их расселения. - Говорите по-немецки за границей и не забывайте никогда, что вы немцы, ибо иначе германская империя никогда не осуществит своего мирового значения. - Берлинские учреждения поощрения "патриотических чувств". - Агитационная литература из Берлина. - Различные общества и союзы немецких колонистов. - Причастность колонистов к разведке. - "Королевские информаторы". - Германские подданные в Англии и Франции. - Арест в ноябре 1914 г. в Калэ 230 германских агентов.

Помимо созданной таким образом агентурной сети, являвшейся основой всей разведывательной работы и главной ее опорой, германская агентурная разведка не упускала ни одного случая для расширения, усиления и углубления своей осведомленности о своих соседях. Громадную услугу в этом отношении ей оказывали германские подданные, разбросанные по всему свету. Возьмем для примера хотя бы германских колонистов в России.

По данным 1904 года, в Привеленском крае было 500.000 немцев, т. е. 5% общей численности населения края, в Гродненской, Козенской и Виленской губерниях - 40.000, т. е. 2 % и Подольской - 15.000, т. е. 0,5 % населения. Всего же в России проживало около двух миллионов немцев.

Селились немцы-колонисты, не как-нибудь, а, повидимому, по строгому и заранее кем-то выработанному плану. Успешно замаскированная политика немцев расположила своих колонистов в Царстве Польском вдоль железных дорог, по побережью Вислы, по пути через Плоцк и Новогеоргиевск в Варшаву, опоясала своими "глазами и ушами" со всех сторон Ивангород. Затем немецкие колонисты захватили в свои руки все важнейшие пункты и военно-стратегические пути в Литве, Волыни и Подолии. Вдоль шоссе, на участке Киев - Брест-Литовск, вдоль Полесских и Юго-Западных железных дорог немецкие колонии образовали

непрерывную цепь. Вокруг Дубно расположилось нечто вроде сплошной немецкой области, заселенной немцами в количестве 307.000 человек. Вокруг ковенских фортов, в Ковенском и смежных с ним уездах жило до 15.000 немецких колонистов. Между отдельными фортами Ковенской крепости, лагерем и железнодорожным мостом на реке Немане находилось до десятка фабрик, принадлежавших немецким подданным. Земельные участки вокруг Ковно и его фортов были приобретены немцами. Об'яснить все это случайным явлением - дело довольно рискованное¹.

Немцы-поселенцы не ополячились и не обрусели даже в четвертом поколении. Они сохранили свой язык и обычаи.

И это неудивительно, ибо по словам И. И. Левина², даже такой осторожный немецкий исследователь, как фон-Вальтершаусен, не постеснялся провозгласить лозунг:

"Говорите по-немецки за границей и не забывайте никогда, что вы - немцы, ибо иначе - германская империя никогда не осуществит своего мирового значения".

Готовность немецких колонистов служить Германии и соблюдавшаяся ими дисциплина могли бы показаться изумительными, если бы не была известна необыкновенная деятельность некоторых берлинских учреждений. Для поощрения "патриотического чувства" Берлин денег никогда не жалел. Из года в год колонистам выдавалось по несколько десятков агитационных брошюр в громадном количестве экземпляров и оказывались всякие льготы при поездке на некоторое время в Германию. Им же высылались немецкие газеты и выдавались пособия из средств немецкого школьного союза. Немецкие учителя в случаях неурожая получали из Берлина пособия деньгами и зерном. Среди немцев-колонистов существовало много союзов и обществ,

¹Косвенное подтверждение этого положения мы находим в разоблачениях на берлинском процессе фальшивомонетчиков. Один из защитников обвинявшихся группу белогвардейцев Бер заявил, что ген. Гофман в 1926 г. участвовал в Лондоне на антисоветской конференции, где раз'яснил план действий и задачи Германии и соседних с СССР стран при нападении на последний. В частности, ген. Гофман заявил, что в этом нападении должны быть использованы против СССР немецкие элементы, т. е. колонисты, проживающие в СССР. (См. "Известия ЦИК СССР" № 36, от 6/II 1930 г.).

далеко не легальных, не только экономического, культурно-просветительного и спортивного характера, но и политических. Например, в Лодзи существовал целый ряд антипольских союзов, союз помощи немцам - германским подданным, певчие, гимнастические и стрелковые общества. "Стрелковое общество" можно сказать, являлось целым союзом обществ, состоявших из отрядов обмундированных, обученных и снабженных оружием стрелков.

Если не все эти колонисты, то часть их так или иначе являлась информаторами германской разведки, целой правильно организованной армией агентов, занимавших в России места управляющих, лесничих, надсмотрщиков, учителей, приказчиков, самостоятельных промышленников, торговцев и даже мастеровых и чернорабочих.

Каждый германский отставной офицер и унтер-офицер именовал себя "Königlicher Informater" (королевский информатор). По немецким понятиям это была очень почетная должность. Информатор считался совершенно частным лицом. Он совершенно не был обязан проникать в тайны другого государства, на территории которого жил, не должен был кого-либо подкупать или что-либо выведать. Он был лишь обязан, как верноподданный и бывший военный, смотреть и подмечать, что кругом него находится и происходит. Каждый такого рода информатор имел свой участок. Он должен был присматриваться к местным условиям и давать сведения, которых нельзя было почерпнуть из самых подробных карт. Информаторы время от времени вызывались в Германию для повторительных упражнений и в это

Знаменателен также следующий факт. В конце 1929 г. кулацкая часть немецких колонистов в СССР снялась с места и потянулась в Германию. Возникает вопрос следующего порядка. Раз Гофман в 1926 г. считал возможным ставить некоторую часть своей антисоветской ставки на немецких колонистов, то ясно, что он с ними имел какую-то связь, давал какие-то обещания и заручился их согласием - участвовать в этой аванюре. Повидимому, эта аванюра была также обусловлена какими-то сроками. Последние истекли, ген. Гофман умер, кулацкая часть колонистов потеряла последние надежды на получение обещанной манны небесной и на свержение Советской власти и сочла за благо во время убраться из страны Советов.

²См. И. И. Левин, приват-доцент Петроградского университета. - "Германские капиталисты в России.". Изд. 1918 г.

время сдавали отчеты по своим участкам. От них требовались детальные сведения о состоянии участков во все времена года, о населении, о том, где найти надежных людей, которые укажут запасы продовольствия, смогут служить ходоками, проводниками и пр. Обо всем этом информаторы должны были знать самые мелкие подробности.

Однако не одна Россия подвергалась такому усиленному вниманию германских поданных. Так, по словам Черчилля, в Англии дело обстояло в этом отношении не лучше. "С тех пор, как я принял портфель морского министра, - говорит Черчилль, - я все время и ежедневно видел доказательства и проявления самого энергичного шпионажа, производимого Германией в нашей стране. Громадное число тайных немецких агентов из года в год непрерывно и настойчиво работало над добыванием всевозможных сведений о британском флоте и об его организации. Но этого мало: кроме профессиональной разведки, каждый ничтожный лейтенантик Германии старался заслужить милость своего начальства тем, что брал отпуск, приезжал, в Англию и подробно сообщал потом обо всем, что он мог узнать и увидеть"

Особое внимание в Англии германская разведка уделяла флоту. Неудивительно поэтому, что ко времени объявления войны на службе английских торговых пароходов оказалось свыше 10.000 матросов, механиков, конторщиков и других служащих - германских и австрийских подданных.

Во Франции было почти аналогичное положение. Так, например, одна французская газета обращала внимание властей на тот факт, что "в парижских гостиницах находится на службе до 40.000 немцев в качестве кельнеров и служителей". Объяснить подобное явление простой случайностью - навряд ли можно", - отмечала газета.

1914-1918 гг. частично подтвердили подозрения: в ноябре 1914 года в одном лишь Калэ французской контрразведкой было арестовано 230 германских агентов, из коих большинство было расстреляно.

Глава девятая

Германские промышленные, торговые и финансовые предприятия за границей

Промышленно-статистический отдел германского Генерального штаба. - Коллекционные кредиты. - Особые услуги, оказываемые германскими промышленниками отечеству. - Главные задачи германских предпринимателей за границей: 1. осведомление о развитии производственных сил страны; 2. противодействие этому развитию и 3. агентурная разведка. - Система и приемы работы. - Случай с заказом на дирижабль. - Германское правительство запретило исполнить этот заказ. - Пример двойного подданства. - Награды и личные письма Вильгельма германским купцам. - Циркуляры германского правительства. - Совещание в Берлине. - Специальные кредиты банку "Дисконто-Гезельшафт". - Офицеры герм. Ген. штаба в торговых предприятиях. - "У фирмы Тильмане на Дальнем Востоке мы пользовались также часто гостеприимством, как и на берегах Невы". - Шпионская переписка под видом коммерческих дел. - Противодействие Германии созданию торгового форта в России. - Роль германских банков в агентурной разведке. - Связь между русскими и германскими торговыми обществами во время войны. - Страховые синдикаты. - Система перестрахований. - Перестрахование даже во время войны русских боевых судов и подвижных лодок в германских страховых обществах. - Планы русских военных заводов на экране в Германии. - "Особо важные услуги", оказывавшиеся обществами перестрахования германскому правительству.

Заслуживает также внимания деятельность германских промышленных и торговых предприятий, банков, страховых обществ и пр. за границей.

В девяностых годах при германском Генеральном штабе был учрежден особый промышленно-статистический отдел, во время войны возглавлявшийся проф. Отто Куном¹ Этот отдел ведал производительными силами Германии и других европейских

¹Данные об участии германских экономических, и финансовых предприятий в агентурной разведке мною частично взяты из докладной записки Б. А. Суворина и А. М. Оссендовского на имя русского верховного главнокомандующего в 1917 году, частично из материалов русской контрразведки.

стран, вел строгий учет механическим и живым силам в отечественной промышленности, содействовал возникновению и руководил развитием тех отраслей промышленности, которые считались необходимыми с точки зрения военных интересов.

Начиная с 1880 года, когда в рейхстаге прошли в полном объеме "колониационные кредиты", германское правительство оказывало самую широкую финансовую поддержку германским промышленным предприятиям, открывшимся в России, Англии, Франции и Америке. Этот период времени ознаменовался открытием целого ряда отделений электрического синдиката в Петрограде, Париже, Лондоне и других городах: агентур Круппа, Шпана, Стиннеса, Артура Коппеля, Тильанса, Всеобщей Компании электричества, Фридриха Байера и многих других. Трудно проследить за тем, какие инструкции от правительства получили германские промышленники, открывавшие свои предприятия в иностранных государствах, но некоторые указания на это можно найти в следующих данных.

Промышленно-статистический отдел германского Генерального штаба с 1903 года начал получать все отчеты зарубежных германских предприятий; в отделе существовал особый стол "сношений германских колониальных промышленных предприятий с туземными предприятиями", где подводились какие-то итоги этим сношениям.

С 1903 года германское правительство начало требовать от рейхстага вотирования кредитов на субсидирование германских промышленников за границей, мотивируя всякий раз свои требования "особыми услугами, оказываемыми германскими промышленниками за границей отечеству". В 1910 году депутат рейхстага Август Бебель жестоко возражал против ассигнования кредитов по ст. В за №№ 145; 273, 317 и 428 сметы военного министерства, указывая, что услуги промышленников, оплачиваемые по этой статье, неминуемо вызовут общеевропейский пожар, так как они являются нарушением законов иностранных государств и представляют прямую опасность для последних.

К этому времени в заграничной прессе начинают появляться отдельные статьи и заметки, предупреждавшие о грозящей

опасности со стороны германских предприятий. Так, во Франции Андрэ Барр указывал на стремление немцев брать на себя подряды в крепостных районах, в зоне военных сооружений и расквартирования войск, не считаясь с доходностью этих подрядов, при чем весьма часто германские предприниматели несли заведомо для себя крупные убытки.

Военный следователь в Шербурге Грюс обращал внимание французского правительства и общества на стратегический план расположения германских промышленных предприятий, указывая на то, что германские заводы, фабрики и рудники идут от Калэ на Дилль, Реймс и дальше - к восточной границе Франции, при чем такие районы, как округ Больших Корбейских мельниц (снабжавших Париж мукой), северо-западный и восточный горно-промышленные районы, находятся всецело в руках германских капиталистов. Мосты, арсеналы, военные заводы, верфи, важнейшие общественные сооружения даже в самом Париже находились под постоянной угрозой со стороны германских фабрик и заводов, расположившихся по соседству с ними.

В России не было произведено специального обследования, однако, преимущественное распространение германских предприятий в городах вдоль русской западной границы, а также в таких военных центрах, как Петербург, Москва, Киев, Одесса, Архангельск, Севастополь, Владивосток и др., - указывают на ту же закономерность, какая наблюдалась во Франции.

Главные задачи, поставленные германским промышленникам в России, Франции и Англии, были следующие: 1) осведомление о развитии производительных сил страны; 2) противодействие этому развитию и 3) агентурная разведка.

Осведомление о развитии производительных сил иностранных государств осуществлялось германскими промышленниками с большой легкостью, вследствие обычной близости этих промышленников к вопросам военных заказов и к тем отраслям добывающей и обрабатывающей промышленности, которые в большей или меньшей степени были связаны с обороной страны. Не было ни одной области промышленности в России, где бы германский капитал и руководящие им лица не играли бы

выдающейся роли. Особенное внимание немцев было обращено на электрическую, металлургическую и химическую промышленности, на добычу твердого и жидкого топлива и на лесную промышленность.

Дейтше-Банк с 1905 года отпускал различные суммы (в 1911 году - 11/2 миллиона марок) в виде беспроцентных ссуд крупнейшим германским заводчикам в России для организации "промышленно-торговых экспедиций". На эти средства были произведены, судя по брошюрам, изданным Берлинской и Гамбургской биржами, экономические исследования северного Урала, Эмбинского нефтеносного района, Закавказья, Тихоокеанского побережья - от залива Посьета до устья Амура, Архангельской и Вологодской губерний, Камчатки, Восточного Забайкалья, различных водопадов и пр.

Полный учет естественных богатств России и открывающихся перед ней возможностей германцы вели с большой тщательностью и по строгой системе, позволявшей отделить промышленные интересы от интересов военных.

В более серьезных русских предприятиях германцы имели под видом разных служащих своих агентов, изучавших развитие дела и за всем наблюдавших.

Известно, например, что германские инженеры, работавшие в каком-либо предприятии за границей, должны были ежегодно представлять подробные отчеты о деятельности этих предприятий. Отчеты эти посылались в Берлин, на Артиллерийскую ул., № 1, где они подвергались регистрации и обработке. Изучением этих отчетов перед войной руководил военный инженер ген. Беше, один из членов совета промышленно-статистического отдела Генерального штаба.

Указав отдельные пути осведомления германского правительства о состоянии и развитии русской добывающей и обрабатывающей промышленности, мы тем самым указывали и пути того противодействия, которое оказывалось германцами в вопросе развития русской промышленности, имевшей отношение к обороне. Германские промышленники и немцы-инженеры сразу или постепенно производили оборудование русских заводов,

фабрик и промыслов установками германского производства. Этим отчасти и объясняется беспомощность русской промышленности, проявившаяся в первые месяцы войны 1914-1918 гг. Запасных частей к германским машинам не оказалось, на рынке не было нужных станков для перехода промышленности на производство предметов, необходимых для военных целей, не было также необходимых материалов, ввоз которых в Россию находился почти исключительно в руках германских купцов и комиссионеров.

Глубокое и всестороннее внедрение германских капиталов, техники и промышленных деятелей в русскую промышленность, а также удобный для Германии торговый договор тормозил и развитие таких важных для России отраслей промышленности, как машиностроительная, металлургическая и химическая, судостроительная и пр. В этих областях Россия находилась в полной зависимости от Германии.

Так, например, по словам А. С. Лукомского¹, в Донецком бассейне во время войны, оказалось много или чисто немецких предприятий, или построенных на арендных условиях на земле, принадлежавшей немцам. "Оказалось, что нигде не установлено улавливателей каменно-угольных газов, а в арендных условиях имелись особые пункты, воспрещавшие установку этих приспособлений. Делалось это, конечно, с целью, насколько возможно, не допускать развития красочного производства в России, дабы не создать конкуренции Германии. Но допустимо считать, что здесь играли роль более дальновидные соображения - поставить Россию, в случае войны, перед невозможностью быстро наладить толуоловое производство".

Или вот другой пример. В конце 1915 года ген. Плеве писал начальнику штаба Главковерха², что "двойственную роль играют предприятия, организованные немцами в России под видом русских акционерных обществ". Среди них особенно выделились вредностью во всех отношениях общества по эксплуатации электричества: "Русское О-во Сименс и Гальске", "Русское О-во

¹См. Ген. А. С. Лукомской. - "Воспоминания", том I.

²См. Мих. Лемке. - "250 дней в царской ставке".

Сименс-Шуккерт", "Русское О-во всеобщей компании электричества" "Русское электрическое о-во 1888 года", "Русское о-во соединенных кабельных заводов" и пр.

"Служащий во "Всеобщей компании электричества" некто Гроб - писал Плеве, - сносится условными телеграммами через Швейцарию с заведомо подозрительной личностью Фегели в Берлине. В "Русское О-во Сименс-Шуккерт", служил германский офицер Фридрих Роде, который теперь состоит в одном из штабов германской армии. Роде неоднократно командировался в крупнейшие заводы, вырабатывающие предметы обороны, якобы, для установки машин".

Начальник штаба Главковерха направил это сообщение председателю совета министров, военному и морскому министрам с указанием, что "чем дольше будут существовать эти общества, тем будет хуже. Не взирая на то, что компания Зингер переделала себя на американский лад и нашла покровительство в совете министров, эта фирма - вреднейшее учреждение, приносящее и имеющее приносить много вреда. Борьба с этим должна быть самая решительная, иначе - будет плохо".

Но этой "борьбы", конечно, не было...

Во времена царствования Александра III был издан закон, запрещавший немцам, германским подданным, покупать землю и занимать должности фабричных директоров. Не владевшим польским и русским языками запрещалось занимать должности фабричных мастеров. Но немцы и здесь нашли выход, такой же, как и во Франции, - двойное подданство.

Как практически проводилось это двойное подданство, показывает следующий пример.

В начале 1915 года в Петрограде при обыске на квартире некоего Генриха Андрея Фишера были найдены следующий документы¹:

1) Телеграмма из Москвы в Коканд Фишеру от 3 июня 1911 года:

¹См. Мих. Лемке. - "250 дней в царской ставке". Госиздат, 1920 г., г. Ленинград.

"Должность оплачивается вознаграждением в несколько тысяч. Телеграфируйте, согласны ли перейти в русское подданство".

2) Письмо А. А. Фишера к брату Людвигу Фишеру на немецком языке:

"... Меня выбирают на днях директором пивоваренного завода "Соловьев и К^о" и мне для этого надо сделаться русским подданным. Поэтому похлопочи для меня следующие документы (время не терпит):

а) метрическое свидетельство или выпись о крещении, б) свидетельство об отбывании воинской повинности и в) еще документ (не знаю, как он называется), чтобы я снова мог бы без затруднений вернуться в германское подданство..."

3) Из письма Л. Фишера к А. А. Фишеру, от 27 сентября 1911 года, из Петербурга, по-немецки:

"...Вследствие твоего письма, посылаю ответ, вложив в него твою метрику, которую я приобрел из кирки. В консульстве мне сказали, что там не выдают особого удостоверения, чтобы вновь вступить в германское подданство; ты останешься германцем столько времени, сколько указано в матрикулах, хотя бы ты в промежуток времени был русским подданным, и ты можешь возобновить матрикулы, когда срок их истечет, еще на 10 лет. Поэтому для безопасности сними с них нотариальную копию, т. к. вероятно их у тебя отнимут, когда получишь русский паспорт. Воинское свидетельство ты из консульства получишь, а когда потребуется тебе новое, то тебе надо написать об этом самому не в консульство, а в комиссию округа 15-й пех. бригады и сослаться на прежнее свидетельство, которое помечено 26/X 1888 г."

Этот пример показывает, как просто решала Германия вопрос о двойном подданстве.

Германские торговые фирмы за границей не отставали от промышленных предприятий.

Начиная с 1906 года германское правительство начало принимать ряд мер для возможно большего привлечения симпатий и привязанностей заграничных германских купцов на сторону Германии, на защиту ее интересов. С этой целью многие герман-

ские купцы получили почетные, связанные с правом на получение разных отличий, должности по министерствам военному и иностранных дел. Ко многим из таких купцов сам Вильгельм и принц Генрих Прусский обратились с "милостивыми письмами". Так, например, в России можно указать на владельца торгового дома "Кунст и Альберс", Адольфа Даттана, получившего звание "почетного германского консула", портрет Вильгельма с собственноручной надписью и право считать принца Генриха Гогенцоллера восприемником при крещении своего сына Адольфа. Высокие отличия получили бр. Шпан, Вильгельм фон-Ратенау, директора русского отделения "Всеобщей компании электричества", представители заводов Круппа, Фарбверке и др.

Однако, не одна Россия находилась в таком положении. Интересный эпизод имел место в 1911 году во время натянутых отношений между Германией и Францией, из-за Марокко и Конго. В самом начале этого кризиса французское правительство обратилось к французской фирме "Клеман-Баярд" с заказом на один дирижабль. Так как у него уже имелось несколько дирижаблей той же системы, то одновременно оно заказало той же фирме запасные части к этим дирижаблям. Радиаторы к дирижаблям "Баярда" имелись германского производства.

Фирма запросила своего германского поставщика и получила ответ, что "германское правительство абсолютно запретило исполнить этот заказ".

В 1910 году французская контрразведка обнаружила, что в германской фирме под названием "Парижское общество Орэнштейн и Коппель", поставлявшей французскому морскому министерству выемные машины, служат под видом инженеров два германских офицера, занимающихся шпионажем. Офицеров этих выслали в Германию, а фирму французское военное ведомство вычеркнуло из списков своих поставщиков. Тогда один из участников этой фирмы, а именно - Артур Коппель, выделившись из нее и обосновавшись отдельно под своим собственным именем, стал поставщиком военного и морского министерств и начал получать от них значительные заказы. Через несколько лет министерства эти сменили свой гнев на милость в отношении

"Парижского О-ва Орэнштейн и Коппель", и Артур Коппель сразу же закрыл свою частную контору и опять вошел в состав указанной фирмы, захватившей в свои руки все заказы по постройке узкоколейных железных дорог.

В 1906 году все германские купцы были вызваны к местным германским консулам, и им были вручены циркуляры германского правительства, с предписанием сообщить ряд сведений о России, Франции и Англии. Один из таких циркуляров был найден при обыске в банкирском доме Аллара в Париже. О подобных циркулярах в 1906 году открыто говорили в германских кругах, мотивируя появление их желанием Германии подготовиться к пересмотру русско-германского торгового договора.

В 1908 году наиболее видные и влиятельные представители германской торговли в России и в других странах Антанты получили приглашение на чрезвычайно важное совещание, имевшее место в Берлине, в здании министерства иностранных дел. На этом совещании присутствовали Вильгельм и его брат принц Генрих.

Из России на совещание прибыли: из Петербурга - Шпан, из Владивостока - Даттан, из Франции - Аллар, Бауман и германский тайный советник Тиссен. Совещание это было созвано, по словам газеты "Новое время", - для "осведомления о политическом курсе Россия на Дальнем Востоке и Франции - на севере Африки..."

В ноябре 1913 года, т. е. за 8 месяцев до начала войны, германские консула в России - граф Лерхенфельдт и Миллер, советники германского и австро-венгерского посольств - фон-Люциус и граф Чернин, а также посетивший Маньчжурию германский посол в Пекине, - Гинце, - провели весьма обстоятельное исследование в некоторых пунктах России. Результаты его остались неизвестными, хотя имелись весьма веские доказательства того, что эти высокопоставленные германские агенты собирали новейшие сведения о запасах разных товаров в крупных городах России, о новых установках на заводах и фабриках, о состоянии железных дорог и пр.

Германские консулы ежегодно производили такую же работу в своем районе и отправляли эти сведения в военно-

статистический отдел Генерального штаба в Берлине. Один из таких консульских отчетов, предназначенный для Берлина, был обнаружен у германского генерального консула в Петербурге гр. Лерхенфельдта, уличенного накануне войны в явном шпионаже, в котором также принимал участие и которым руководил советник германского посольства в России барон Гельмут фон-Люциус.

Для насаждения возможно большего числа наблюдательных постов в виде германских торговых предприятий, банку "Дисконто-Гезелльшафт" еще в 1902 году был открыт в германском имперском банке специальный кредит, размеры которого неизвестны, но о существовании которого стало известно из данных, приведенных в гамбургской "Биржевой Газете", где были опубликованы списки предприятий, возникших на ссуды, выданные имперским банком. "Дисконто-Гезелльшафт", пользуясь упомянутым правительственным кредитом, предложил многим германским фирмам содействовать открытию мелких германских предприятий в районах их деятельности, для чего банк предоставлял в их распоряжение необходимые денежные средства.

Такое мероприятие германского правительства, осуществленное под видом ссудной операции частного коммерческого банка, каким являлся "Дисконто-Гезелльшафт" и вся тяготевавшая к нему группа германских банков, привело к возникновению в России огромного количества мелких германских магазинов, контор, гостиниц, складов различных товаров и пр. Не существовало почти ни одного крупного населенного пункта России, где бы не было германских торговых предприятий, германских гостиниц и ресторанов.

В торговых предприятиях указанной категории немцы видели могущественное орудие осведомления и наблюдения. Война 1914 года доказала, что в принадлежавших немцам гостиницах, расположенных в странах, воевавших с Германией, происходила весьма опасная и конспиративная шпионская работа.

7 апреля 1898 года был издан, а в 1903 и 1908 гг. повторен циркуляр германского Генерального штаба за № 2348, в котором германским фирмам предлагалось принять в число своих

служащих лиц, командируемых Генеральным штабом в Россию. В циркуляре № 2348-бис указывалось на необходимость уплаты командируемым Генеральным штабом лицам значительного содержания за счет последнего. И действительно, русская контрразведка отметила, что в 1903 году во многих германских торговых фирмах появились приказчики, конторщики и т. д., совершенно не знавшие русского языка и, казалось бы, совершенно бесполезные для фирм в качестве торговых служащих.

Произведенные в некоторых германских фирмах обыски показали, что эти приказчики, конторщики и пр. нередко занимали высокое служебное положение в военном и морском ведомствах Германии...

Для характеристики осведомленности немцев приведем следующий пример.

За несколько лет перед войной 1914-1918 гг. в одном немецком журнале был напечатан полностью весь секретный законопроект о русской малой судостроительной программе за два дня до его рассмотрения в закрытом заседании государственной думы. Морской министр, считал эту программу настолько секретной, что даже не роздал ее всем членам государственной думы.

Однако, это не должно казаться таким удивительным, если вспомнить, что в то время Путиловская судостроительная верфь находилась в полном ведении немцев, а именно, в руках гамбургской фирмы "Блюм и Фосс". Директора верфи - Орбановский, Бауер и Поль, начальники отделов: военного судостроения - Шиллинг, большой и малой судостроительных верфей - Реймер и Фент, эллингов - Летчер, их помощники, почти все чертежники (свыше 100 человек), большая часть коммерческого отдела, монтеры и пр. и пр., - были исключительно германские подданные.

К началу XX века германский флот подводными лодками не располагал, и, казалось, не особенно ими интересовался. Однако, в 1903 г., чертежи французской подводной лодки "Эгрегг" оказались у Круппа, который приобрел их у бывшего воспитанника французской инженерной школы.

Таким образом, первая германская подводная лодка "№ 1" - явилась точной копией французской подводной лодки.

Известны также случаи, когда германский Генеральный штаб создавал за границей предприятия специально для шпионских целей. Так, например, в 1909 году во французской прессе был поднят вопрос о германской фирме "Шиммельпфенг". Фирма эта занималась сбором и выдачей справок о французских коммерсантах, торговых домах, банках и т. д., что являлось, так сказать, официальной деятельностью этого учреждения. Закулисная же сторона его деятельности заключалась в сборе сведений об экономической мощи Франции, ее военной промышленности, армии и т. п. Учреждение это сумело так поставить работу, что французские власти, несмотря на целую кампанию в газетах, не могли ни к чему придраться и обнаружить что-либо преступное в его деятельности.

Аналогичное учреждение, под видом справочной и коммерческой конторы, существовало и в России.

"Чистка" германских фирм в начале войны показала, что в них скрывалось не мало германских офицеров. Вот несколько примеров: во главе "Русского О-ва электрических аккумуляторов Тюдор" стоял германский кавалерийский офицер Вейследе, директором акционерного о-ва варшавской фабрики ковров был германский офицер Корф. Можно назвать еще следующих лиц и предприятия: Гервагер - технический директор "О-ва соединенных кабельных заводов", Дик - собственник русского книжного т-ва "Деятель", Бонмюллер и Тайринг - заведывавшие торговыми агенствами т-ва "Культура", фон-Шенк - русский землевладелец и лесопромышленник, Глевене - инспектор страхового о-ва, лейтенант Тильманс - совладелец торгового дома "Е. И. Тильманс и К°", майор Эмиль Шпан - родной брат Шпана, владельца "Русского о-ва для изготовления снарядов и военных припасов", Клейн - управлявший фабрикой "Беккер и К°" в Белостоке и т. д., и т. д., - все они являлись германскими офицерами.

Проживая за границей в качестве служащих торговых и промышленных предприятий, германские офицеры заводили

знакомства в интересовавших их общественных кругах, и в большинстве случаев безнаказанно шпионили, сообщая добытые ими сведения под видом торговой переписки в Генеральный штаб.

Барон Теттау¹ рассказывает, что, когда он еще с одним германским офицером в начале русско-японской войны прибыли в Харбин, на вокзале их "приветствовал представитель немецкой фирмы "Тильманс" в Петербурге, у которой здесь, на Дальнем Востоке, мы пользовались так же часто гостеприимством, как и на берегах Невы".

Это заявление весьма показательно и доказывает лишний раз тесный контакт между германским военным ведомством и немецкими фирмами за границей.

Переписка между отдельными агентами внутри страны также маскировалась коммерческими делами. Вот образец такой переписки, ставший известным русской контрразведке:

"Любезный приятель! Прошу верить, что имею большие неприятности, не зная, что ответить покупателям и как объяснить задержку в исполнении заказа. Очень и очень прошу вас с'ездить на фабрику и обратиться к рекомендованному вам приказчику с просьбой приготовить товар как можно скорее. О цене все равно не постою, о чем я вам писал неоднократно, однако, желательно было бы посмотреть пробы..."

Известны также случаи, когда арестованные агенты германской разведки обращались за заступничеством к германским торговым фирмам, директора которых действительно пытались этого рода услуги им оказывать.

Вот для примера следующая телеграмма:

"Иоганну Х. Варшава, Маршалковская. Господин Иоганн идите сейчас к подполковнику жандармерии У. Скажите, что правда, что я брал для вашей фирмы гидравлические работы и имел намерение взять таковые в казармах. Ответ послать начальнику жандармерии в Н..."

Иоганн действительно послал в таком духе телеграмму от имени полковника жандармерии, но следственные власти

¹См. Барон Теттау - "Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками". Изд. В. Березовского 1907 год.

потребовали телеграммы от самого полковника...

Изобличенные в России германские агенты, как Гельвегер, Цукерман, Пашке, Берцио, Энгель, Штейнерт, капитан фон-Штюнцер и другие, - выдавали себя за коммерческих агентов разных германских торговых фирм и под их флагом действовали.

Важную роль в вопросах разведки и ослабления противника играет судоходство. Известно, также, что вопросы, как внутреннего каботажа, так и дальнего плавания, в смысле конкурирования на свободных морях, находились в России на крайне невысокой степени развития. То же наблюдалось и во Франции и даже в некоторых отраслях морской торговли в Англии, хотя в последних двух странах зависимость от германского торгового флота была выражена, конечно, несравненно слабее. Постройка судов в России стоила очень дорого, в то время, как в Германии они стоили сравнительно дешево. Развивая свой торговый флот для соревнования с Англией, Германия, естественно, была заинтересована и озабочена тем, чтобы не допустить создания в России собственного океанского торгового флота. С этой целью Германии удалось установить льготные для себя в этом отношении статьи торгового договора и провести на совещании банков в 1904 году гарантированный правительством ссудный капитал для германских арматоров в смысле поощрения отечественного судостроения, скупки иностранных пароходов и заарендования некоторых иностранных верфей.

Противодействуя возникновению в России "большого торгового флота", Германия, при посредстве некоторых банков, страховых обществ и крупных германских промышленников, старалась захватить в свои руки немногие из существовавших таких предприятий. Примерами могут служить - Восточно-Азиатское пароходство Кайзерлинга и Добровольный флот. Если первое предприятие попало в руки германских финансистов, то второму угрожала, непосредственная опасность со стороны германских агентов в случае каких-либо осложнений, а тем более войны. Как известно, погрузку угля на пароходы Добровольного флота во Владивостоке производил сахалинский углепромышленник Ренкевич. Этот контрагент являлся подстав-

ным лицом германского консула Адольфа Даттана, уличенного в шпионаже в 1914 году и фиктивно передавшего Ренкевичу свои угольные копи на Сахалине. Погрузку угля на пароходы Добровольного флота производил также швейцарский подданный Штауфахер, более 15 лет служивший в ликвидированном во время войны шпионском доме "Кунст и Альберс". Кроме того, контрагентом Добровольного флота был некто Горвиц, занимавшийся во время войны поставками в германскую армию, оккупировавшую Польшу.

В союзе с такими германскими транспортными и погрузочными обществами, как Гергардт и Гей, Книп и Вернер, бр. Нобель, Кунст и Альберс, Дитрих Гейдеман, Ферстер, Гейпнер и К°, Трансман, Шмит Штретер, Люче и многими другими, действовавшими в Архангельске и Владивостоке, даже во время войны немцы захватили в свои руки всю морскую торговлю и пользовались своим исключительно выгодным положением в интересах Германии. Особенно это сказалось во время войны, о чем будет речь ниже...

Германские банки также выполняли многочисленные поручения германского правительства, как шпионского, так и политического и экономического характера. Роль их в иностранных государствах не ограничивалась только кредитными операциями среди германских промышленников и коммерсантов, а выражалась также в участии германского капитала в банках той страны, на которую в тот момент было обращено внимание германского правительства.

В отношении России в этом направлении особенное значение имели: группа "Дейтш-Банка", состоявшая из 25 банков, обладавших по отчетам 1913 года - 1.077.000.000 марок, состоявшая из 15 банков группа "Дисконто-Гезелльшафт", располагавшая 718 миллионами марок, и небольшая (из 5 банков) группа Германского Торгово-промышленного банка, с капиталом в 270 мил. марок. Кроме этих групп в делах русских банков были заинтересованы отдельные банкирские дома, вроде бр. Гирш, Мендельсона, Варбурга, Иоганна Беренберга и др.

Группы Дейтш-банка и Германского Торгово-промышлен-

ного банка были дружественны с русскими банками: Петербургскими, Международным, Коммерческим Русским для внешней торговли, Азовско-Донским коммерческим и Коммерческим банком в Варшаве. Имена Мейера, Бинекена, Розенталя и Кронберга повторялись в списках учредителей почти всех русских банков. В составе правлений и советов русских банков было не мало германско-подданных. Нет никаких сомнений в том, что банки при постоянных и неизбежных сношениях со своими заграничными корреспондентами могли весьма легко исполнять различные, хорошо замаскированные поручения как чисто шпионского, так и политического характера.

В Ханаранде проживал специальный агент "Дейтш-Банка", некто Бельцер, а также целый ряд биржевых и банковских агентов, внимательно следивших за деятельностью русских банков, якобы, в целях ограждения интересов германских держателей акций русских банков.

Как это ни странно, даже во время войны связь между русскими и германскими банками поддерживалась через посредство банков нейтральных стран.

В начале войны как-то позабыли о возможности использования страховых обществ германской разведкой в шпионских целях и контрразведка Антанты лишь впоследствии случайно обратила внимание на деятельность этих обществ. Когда начали присматриваться к ней повнимательнее, то выяснилась, в частности по отношению к России, следующая картина.

Из задержанных цензурой в конца 1915 года отправлявшихся за границу (главным образом, в Швецию) бордеро русских страховых обществ выяснилось, что между русскими и германскими страховыми обществами продолжается самая тесная и регулярная связь. Была произведена выемка бухгалтерских книг и деловой переписки в целом ряде страховых контор в Петрограде (Русское общество перестрахования, Шварц, Брандт и К°, Фейгин и Тотин и пр.). При этом оказалось, что все страховые общества Европы, без различия их национальности, группировались как бы в несколько синдикатов, во главе которых стояли главным образом

германские общества и капиталы.

При такой постановке дела каждое русское страховое общество, не говоря уже о небольших конторах перестрахований, принимая известную страховку, не принимало на себя целиком ни его прибыли, ни риска, а перекладывало и то и другое на целый ряд обществ, состоявших в договорных отношениях с данным обществом. Конторы же перестрахований служили лишь комиссионерами страхового дела.

До войны во главе страховых синдикатов стояли главным образом германские фирмы, с коими русские фирмы были связаны договорами.

Во время же войны русские страховые фирмы продолжали вести свои операции на началах мирного времени, перестраховывая полученные страховки попрежнему в Германии, но не прямыми сношениями с последней, а через посредников в нейтральных странах.

Следствие обнаружило, что перестраховочная контора Шварц, Брандт и К^о перестраховывала за границей целый ряд русских боевых судов, миноносцев и подводных лодок, заложенных в течение войны, заводов и иных построек, работавших на оборону. По технике перестрахования, при передаче перестраховки, скажем, на заложенное боевое судно, в первом бордере за границу сообщались все данные о классе, назначении, тоннаже, месте его постройки и пр., пр. подробности. В последующих бордерах сообщались данные о ходе постройки. Последним же бордером, коим страховка прекращалась, естественно, указывалось о спуске судна на воду.

Германские общества перестрахования главным условием сношений со страховыми обществами ставали доставление им при полисах самых точных планов, чертежей, спецификаций и описаний земельных участков, построек, оборудования фабрик, пароходов и пр.

На основании этих сведений германская разведка знала будущие плацдармы, планы городов, отдельные важные в стратегическом отношении постройки, количество запасов продовольствия, степень оборудованности фабрик и заводов своих соседей,

район и характер пароходных грузов и пр. В Лейпциге профессор доктор Иоганн Карьерг читал в феврале 1915 года публичную лекцию, показывая на экране планы и чертежи Путиловского, Коломенского, Сормовского и других русских заводов, стремясь доказать, что русская промышленность не в состоянии поддерживать армию в смысле достаточного снабжения ее нужными предметами военного снаряжения.

Конечно, не одна Россия являлась полем для такого рода деятельности германских страховых обществ. Так, например, один японский автор¹ приводит следующий факт.

Накануне войны 1914-1918 гг. представитель германского страхового общества в Японии получил директиву германских военных властей выяснить финансовую мощь одного французского страхового общества в Японии. Посредством вторичного перестрахования от огня имущества этого общества, представитель германского страхового общества директиву выполнил.

Во Франции и Англии германская разведка во время войны извлекала при помощи страховых обществ еще и другую пользу, а именно: перед выходом в море все коммерческие суда этих стран страховали принятые грузы. Бордеро в срочном порядке попадали в руки германской разведки и давали возможность германским подводным лодкам подстергать и уничтожать эти суда.

В смете германского военного министерства среди субсидировавшихся правительством предприятий упоминались также и общества перестрахования, оказывавшие правительству "особо важные услуги".

См. также: Шпигельберг

Глава десятая

Услуги, оказывавшиеся "Коммиферейном" германской агентурной разведке и некоторые итоги германского шпионства в России

См. также: Шпигельберг

См. также: Шпигельберг

Союз приказчиков и коммивояжеров на содержании германского правительства. - Работа Союза и его членов во время войны. - Члены

¹См. японский журнал "Записки жандармского общества распространения знаний", за 1925 год.

Союза на нейтральных пароходах. - Работа Союза в Америке. - Интенсивность германского шпионажа накануне войны 1914-1918 гг. - Ликвидация шпионской организации в составе 5.000 человек. - Диверсионная группа. - Многочисленные артерии германской информации.

Весьма важные услуги германской разведке оказывал возникший в 1884 году в Гамбурге "Коммиферейн", т. е. "Союз приказчиков и коммивояжеров". Этот союз объединял почти всех приказчиков германско-подданных, разбросанных по всему миру. Согласно устава этого союза, все его члены ежегодно должны были посылать в Гамбургский центр доклады о том, что они видели и слышали. Начиная с 1902 г. германское правительство начало оказывать указанному союзу широкую финансовую поддержку через гамбургский банк "Макс Варбург и К°".

Союз имел возможность развить необычайно энергичную деятельность во всех странах и в его отчете, печатавшемся в 1915 году в гамбургских газетах, открыто говорилось, что агенты союза находились во всех странах и во всех без исключения портовых городах всего мира.

Деятельность этого союза шла параллельно деятельности "германского флотского союза", нашедшего в нем весьма деятельного помощника. Гамбургский союз, в лице своих представителей, - Бена и Шиммельцфенга, - принимал участие в совещании, созванном при германском Генеральном штабе в 1904 году, где была выработана подробная программа докладов, какие должны были представляться членами союза. Пользуясь крупными субсидиями правительства, союз отправлял своих членов в разные страны, и большинство брошюр информационного характера, выпущенных гамбургской биржей, были написаны путешествовавшими членами этого союза.

Гамбургский коммиферейн вел также переговоры с целым рядом нейтральных фирм о включении его членов в состав служащих этих фирм во Франции, Англии и России, а со второй половины 1916 года принял на себя поручение германского правительства ввести своих членов и других лиц, которых укажут германские власти, в состав команд нейтральных пароходов для

специальных целей.

Известно также, что члены коммиферейна, находившиеся в Америке, выполняли задания германской разведки по внесению беспорядка и замешательства при погрузке военного снаряжения для Антанты, что, как известно из практики Архангельского и Владивостокского портов, имело в некоторых случаях значительный успех.

Интенсивность германского шпионажа в России накануне войны характеризуют следующие данные царской контрразведки.

С сентября 1911 года (т. е. со дня перехода военной контрразведки в ведение Ген. штаба) по февраль 1913 года, всего было арестовано по обвинению в шпионаже 98 лиц, из коих: в 1911 году - 8, 1912 г. - 79, 1913 г. - 11 человек. Лица эти проходили по 75 отдельным шпионским делам.

Из них были присуждены к разным наказаниям - 11 чел., высланы за границу как порочные иностранцы - 7 чел., оправданы или вовсе не привлекались к ответственности за недостаточностью улик - 5 чел.; судьба остальных неизвестна.

За время с 1 января по 5 марта 1913 года по подозрению в военном шпионаже было арестовано 42 человека.

Необходимо также отметить ликвидацию в 1892 году в России весьма крупной австро-германской шпионской организации. Эта организация, состоявшая преимущественно из русско-подданных поляков, была раскинута по всей западной границе России, с опорными пунктами в Варшаве, Брест-Литовске, Радоме, Одессе и Киеве. Если верить жандармскому ген. Новицкому¹, то эта организация насчитывала в своем составе 5.000 человек. Из них 39 чел. были преданы военному суду; остальные 4.961 чел. подверглись административным взысканиям.

Во время следствия по этому делу было установлено, что поручиком 47-го пех. Украинского полка С. И. Квятковским были

¹См. Ген. В. Д. Новицкий. - "Из воспоминаний жандарма". Изд. "Прибой", 1929 г.

получены сведения о мобплане артиллерии Одесского военного округа и г. Брест-Литовска от писарей указанных управлений и переданы руководителям шпионской организации. Во главе варшавской шпионской группы стоял присяжный поверенный Доморацкий, имевший своих агентов по Юго-Западной железной дороге.

Этим агентам были поставлены следующие задачи: порча мостов, дорог, поджоги продовольственных складов, устройство крушений воинских поездов и т. д., т. е. работа чисто диверсионного характера. Одному из агентов за взрыв Киевского ж-д. моста через р. Днепр было обещано 25.000 руб.

Понятно, что диверсионная деятельность должна была начаться лишь со дня объявления мобилизации.

Эта обширная шпионская организация в большинстве своих звеньев фигурировала под австрийским флагом, однако, в ее составе были также отдельные звенья, связанные непосредственно с германской агентурной службой.

Цифра в 5.000 чел. была, конечно, сильно преувеличена русской охранкой (военная контрразведка в то время находилась в ее ведении). Видимо, наткнувшись на шпионскую организацию, состоявшую главным образом из поляков, царское правительство решило воспользоваться этим случаем для расправы с ненавистными ей поляками.

Но как бы то ни было, количественный состав этой организации и те задачи, которые ей ставились, указывают на широкий размах австро-германской агентурной службы.

По всем этим многочисленным артериям стекалась в германскую разведку всевозможная информация о соседях. Вся она сосредотачивалась в отделе иностранных армий Генерального штаба и распределялась по соответствующим отделениям, где все поступившие сведения изучались, проверялись, сопоставлялись, делались соответствующие выводы. Оттуда же агентура получала задания - дополнительно выяснить и осветить неясные вопросы...

ЧАСТЬ II**ГЕРМАНСКАЯ АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1914-1918 гг.****Глава первая
Организационная структура
агентурной службы военного времени**

Подготовка агентуры на военное время. - Агентурная сеть военного времени. - Распределение ролей. - Система и план. - Периодические проверки агентурной сети. - Двойные подданные. - Чувствительные удары. - Массовые репрессии против немцев в России, Англии и Франции. - Германская разведка знала все, что нужно было командованию в начале войны. - Благодарность п-ка штаба Главковерха офицерам разведки. - Организационная структура органов разведки. Обработка и распределение добытых сведений для военных целей. - Задачи III-Б отдела при Ставке Главковерха.

Работа германской агентурной разведки не ограничивалась разобранный нами в предыдущей главе деятельностью германской агентурной сети мирного времени. Нужно было готовиться к войне, обеспечить приток необходимых сведений во время войны. Это - самая главная и ответственная задача всякой разведки. Разведка, прекращающая свою деятельность с началом военных действий - нигде не годится. Немцы это правило великолепно усвоили с давних времен. Они также знали, что агентурная служба военного времени должна быть создана еще в мирное время, ибо только тогда можно надеяться на ее работоспособность.

Судя по имевшимся данным, вербовочная и организационная работа германской агентурной разведки в мирное время шла именно в двух направлениях - по линии обслуживания потребностей в информации мирного времени и по линии создания агентурной сети на случай войны.

Агентурная сеть военного времени создавалась из тщательно проверенных людей. Людям этим старались в мирное время

никаких серьезных и рискованных поручений не давать. Они числились как бы в резерве с тем, чтобы начать работать по первому условному сигналу. Время от времени они инструктировались и проверялись.

Эта сеть военного времени включала в себя агентов всех специальностей. Здесь были информаторы по мобилизации и сосредоточению, по военной технике, по военным заводам, по активной (диверсионной) разведке всех видов, по дезинформации, по сеянию слухов и паники, агенты связи, содержатели конспиративных квартир, проводники, вербовщики и пр. и пр. Каждому было назначено и указано его место и точно определены его обязанности. Были агенты, на обязанности которых лежало в мирное время наметить и подготовить объект вербовки с таким расчетом, чтобы по первому условному сигналу они могли быть вовлечены в агентурную работу.

Каждый работник агентурной сети мирного времени, начиная от официальных военных атташе и консулов и до последнего секретного сотрудника, имел точные указания, куда он должен в нужный момент переехать, как там обосноваться и что делать.

Агентам, которые должны были заботиться о непрерывности связи между сетью и ближайшим пунктом германской разведки, периодически напоминалось об их задачах. Так, в письме на имя германского агента В. Г., пойманного весной 1909 года русской контрразведкой, какой-то анонимный майор из Бреславля писал:

"...Заручитесь уверенностью, что работа на этом пути будет функционировать беспрепятственно. В этом я вижу вашу главную и заслуженную задачу..."

Учитывая возможность перерыва дипломатических сношений с Россией (аннексия Боснии и Герцеговины), тот же майор в другом письме дает наставления, как отправлять ему сведения:

"1. Если граница свободна, то письма направлять: а) в Бреславль, б) в Ченстохов, в) в г. Пичен, Верхняя Силезия, купцу Рудскому.

2. Если же граница будет закрыта, то нарочным до: а) Серадзя, б) Ново-Радомска, в) Петракова, а далее на повозке: в Грабов или через Верушев - в Вильгельмсбрюк или в Зависку, или в Гербы. Далее все донесения направлять в Бреславль..."

Еще задолго до войны германская разведывательная служба учла, что в случае войны с тем или иным государством, агенты германские подданные, как бы хорошо они замаскированы ни были, подвергнутся преследованиям - именно благодаря этому подданству. Была надежда, что все же можно будет работать при помощи так называемых "двойных подданных", что таковые хотя и будут взяты под подозрение, но притеснениям не подвергнутся.

Однако, несмотря на все предупредительные мероприятия, германская агентурная служба все же получила в начале войны целый ряд весьма чувствительных ударов именно по этой линии.

Во-первых, в России с самого начала войны последовали массовые аресты и высылки германских подданных и даже лиц с немецкими фамилиями, а также ликвидация, правда только частичная, германских торговых и промышленных предприятий.

Так, например, по словам М. Лемке¹, с 9/22 XI 1915. г. по 8/21 1916 года с одного Юго-Западного фронта было выслано в восточные губернии 40.833 немца-колониста и еще подлежало высылке 1.300 чел.; галичан было выслано в Астраханскую губернию - 1.903 чел. и подлежало еще высылке - 2.200 человек. Мы, конечно, далеки от мысли утверждать, что все эти десятки и тысячи людей были связаны с германской разведкой. Можно только удивляться, с какой легкостью русская контрразведка производила поголовное выселение немецких колонистов, не разбираясь, кто из них прав, кто виноват. Но не подлежит никакому сомнению, что некоторая их часть состояла на службе германской агентурной разведки.

От этих мероприятий низовой чернорабочий аппарат агентуры безусловно подвергся чувствительному удару.

В России немцы, занимавшие высокое общественное положение в верхах русского общества, в первое время уцелели от

¹См. Мих. Лемке. - "250 дней в царской ставке".

преследований русской контрразведки и продолжали свою работу, отчасти даже под высоким покровительством русского двора и некоторых членов правительства¹.

В Англии в первые недели войны было арестовано и заключено в концентрационные лагеря до 14.000 германских и австрийских подданных, в том числе около 10.000 матросов, механиков, конторщиков и прочих служащих в английских торговых пароходствах².

Во Франции дело состояло еще хуже. Французская контрразведка еще в мирное время нащупала некоторые звенья сети германской агентуры, но притворилась ничего не знающей. Она внимательно следила за работой германских агентов, но не трогала их. Как только наступил момент мобилизации, и германская агентурная сеть должна была стать на военную ногу и начать исполнение заданий ударного характера, французская контрразведка взялась за ее ликвидацию. По имеющимся сведениям, в первые месяцы войны французами было арестовано до 15.000 человек, заподозренных в шпионаже в пользу Германии³.

Германская агентура от этих массовых арестов пострадала весьма чувствительно, особенно в первое время войны. Лишь гибкость, жизненность и массовый характер организации германской агентуры дали ей возможность быстро оправиться от нанесенных ударов и выполнить возложенную на нее задачу.

¹А. Брусилов (Мои воспоминания. Изд. ГИЗ. 1929 г.) рассказывает о весьма интересном букете немцев, случайно или неслучайно существовавшем в Варшаве на высших военных и гражданских должностях. Он пишет: "Мой ближайший начальник, командующий войсками Варшавского военного округа, генерал-адъютант Скалон был и генералом-губернатором Привисленского края. Он был добрый и относительно честный человек, скорее царедворец, чем военный, немец до мозга костей. Соответственными были и все его симпатии. Он считал, что Россия должна быть в неразрывной дружбе с Германией, при чем был убежден, что она должна командовать Россией. Сообразно с этим он был в большой дружбе с немцами и в особенности с генеральным консулом в Варшаве бароном Брюком, от которого, как я слышал от многих, никаких секретов у него не было. Барон Брюк был большой патриот своего отечества и очень тонкий и умный дипломат.

Я считал эту дружбу неудобной в отношении России, тем более что Скалон, не скрывая говорил, что Германия должна повелевать Россией, мы же должны ее слушаться... Я знал, что война наша с Германией - не за горами и находил создавшуюся в Варшаве обстановку угрожающей, о чем и счел необходимым частным письмом сообщить военному министру Сухомлинову. Мое письмо, посланное по почте, попало в руки генерала Утгофа (начальника Варшавского жандармского управления)... Утгоф, тоже немец, прочтя мое письмо, сообщил его для сведения Скалону...

Николаи, бывший во время войны 1914-18 гг. начальником отдела III-Б штаба германского верховного командования, пишет¹:

"...Эпоха нарастающих кризисов была хорошей школой для молодой германской разведки. Австро-сербский кризис 1914 г. нашел в ней небольшую, но спаянную организацию, работавшую быстро и надежно. События, втайне совершавшиеся в России, были своевременно сообщены и подтверждены последующими событиями. Начальник Генерального штаба действующей армии выразил разведывательным офицерам в первом обращении к ним после начала войны - благодарность за успехи, достигнутые в период кризиса и мобилизации, тем более, что война вспыхнула внезапно"...

"...Ближайшей задачей было установление и выяснение неприятельского развертывания. И она также была выполнена. Перед началом операций было правильно определено как русское, так и французское развертывание. Этим, однако, были почти исчерпаны малые средства германской разведки. О событиях на левом фланге французской армии, повлиявших на исход Марнского сражения, она ничего не могла сообщить, ввиду их быстрого течения и дальности расстояния..."

Ген. Гофман говорит об этом более конкретно²:

"...Насколько я теперь помню, только один раз, в 1902 г. удалось нам купить весь план русского развертывания сил у

Сухомятинов мне ответил, что он совершенно разделяет мое мнение относительно Скалона и будет просить о моем назначении командиром XII армейского корпуса...

Не могу не отметить странного впечатления, которое производила на меня тогда варшавская высшая администрация. Везде стояли во главе немцы: генерал-губернатор Скалон, женатый на баронессе Корф, губернатор - ее родственник, барон Корф, помощник генерал-губернатора Эссен, начальник жандармского управления Уттоф, управляющий конторой государственного банка Тиздель, оберполициймейстер Мейер, президент города Миллер, прокурор палаты Гессе, управляющий контрольной палатой фон-Минцлов, вице-губернатор Грессер, прокурор суда Лейвин, штаб-офицеры при губернаторе Эгельстром и Фехтнер, начальник Привисленской ж. дороги Гескет и т. д. Букет на подбор..."

Характерно, что Брусилова на посту помощника командующего войсками Варшавского военного округа заменил опять-таки немец барон фон-Траубенберг.

¹См. А. С. Резанов. - "Немецкое шпионство". 3-е изд. Петроград, 1915 г.

²См. "Паутина". "Система германского шпионажа". Перев. М. Кугульского и Б. Лейковського. Изд. В. Португалова, Москва, 1915 г.

³См. В. Николаи. - "Германская разведка и контрразведка в мировой войне". Перев. и предисл. В. Ромма. Изд. Разведупр. Штаба Командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма, 1921 г.

⁴См. Ген. Гофман. - "Война упущенных возможностей". Госиздат, 1925 г.

одного полковника русского Ген. штаба. С этого времени - мы знали, - русский мобилизационный план был изменен, но как, - это долго было для нас неясным. В 1910 году, если не ошибаюсь, начальнику разведки штаба 1-го армейского корпуса в Кенигсберге, капитану Николаи, удалось добыть приказ о пограничном охранении, полученный одной из частей русской 26 дивизии в Ковно. Из приказа видно было, что русские из находящихся в их распоряжении войск в первую очередь разворачивали против нас две армии: так называемую виленскую армию и варшавскую..."

По словам же Ганса Куль¹ вооруженные силы Франции, "на основании собранных сведений, могли быть рассчитаны довольно точно".

Больше того, Гофман рассказывает², что занятие Льежа было заранее подготовлено и изучено.

Останавливаясь на битве у Танненберга, Гофман мимоходом отмечает, что победа была достигнута с небольшими силами, что у немцев был союзник, о котором Гофман в своем "Дневнике" обещает рассказать только после кампании и что немцы были прекрасно осведомлены обо всех намерениях противника.

Возможно, что Гофман имеет здесь в виду подслушивание русских радиопереговоров, а возможно и что-либо другое.

Как видим из приведенных данных, осведомленность немцев в начале войны о намерениях русских и их союзников не оставляла желать ничего лучшего.

Бывали, конечно, у германской агентурной службы и кое-какие разочарования, когда планы не сходились с действительностью или в них не была достаточно учтена воля противника.

Так, начальник германского Генерального штаба Мольтке препроводил 5/VIII 1914 г. канцлеру меморандум, в котором, между прочим, писал³, что "восстание в Польше подготовлено; оно падает на уготованную почву, так как уже сейчас наши войска

¹См. Ганс Куль. - "Германский Генеральный штаб. Его роль в подготовке и ведении мировой войны". Изд. ВВРС, 1922 г.

²См. Ген. М. Гофман. - "Записки и дневники 1914-1918 гг.". Изд. "Красная Газета", 1920 г.

³См. Б. Шапошников. - "Мозг армии". Кн. 3. ГИЗ, 1929 г.

встречаются в Польше почти как друзья. Так, например, в Влоцлавске они были встречены хлебом и солью". И дальше:

"...Восстание в Индии и Египте, а также на Кавказе, имеет, как я уже указал на это в своем письме от 2-го с. м. за № 1. Р, величайшую важность. Путем договора с Турцией министерство иностранных дел в состоянии будет осуществить эту идею и возбудить фанатизм ислама".

Однако, мы знаем, что дело шло не совсем так гладко: в Польше намеченного Мольтке восстания не было и "фанатизм ислама" возбудить также не удалось...

Как только сформировалась Ставка верховного главнокомандующего, в состав ее вошел почти весь Генеральный штаб мирного времени, в том числе и III-Б отдел Генерального штаба. В Берлине же остался заместитель начальника III-Б отдела с небольшим штатом сотрудников. Штат этот должен был поддерживать связь с другими ведомствами, получать от них сведения, добытые их агентурой за рубежом, передавать их в III-Б отдел Ставки главковерха, оказывать последнему всякого рода поддержку и помощь в ведении агентурной разведки, руководить контрразведкой в самой Германии, а также отчасти военным бюро прессы и военной цензурой, обрабатывать агентурными способами тыловые лагеря военнопленных и т. д., и т. д. Вся же агентурная сеть, созданная еще в мирное время, перешла под непосредственное руководство III-Б отдела Ставки главковерха. В процессе хода событий появились новые вспомогательные органы разведки местного значения. К штабам групп, фронтов, армий и штабам союзных армий были прикомандированы специальные офицеры от III-Б отдела штаба главковерха. Их задачей было вести агентурную разведку через линию фронта в масштабе соответствующего войскового соединения. В большинстве случаев эти офицеры-разведчики руководили работой всех видов разведывательной службы каждого данного штаба. Все добытые данные о противнике они докладывали по принадлежности начальнику штаба фронта, армии и т. д. и доносили непосредственно начальнику III-Б отдела штаба главковерха. Изучением и обработкой сведений о противнике, добытых

разведкой всех видов, занимался отдел иностранных неприятельских армий. По рассортировке и предварительном рассмотрении поступивших сведений этот отдел распределял их по следующим учреждениям:

- сведения; относившиеся к флоту - в разведывательный отдел морского штаба;

- сведения технического характера - в соответствующие учреждения;

- сведения политического характера - политическому отделу штаба главковерха для отзыва и передачи в министерство иностранных дел;

- сведения экономического характера - учрежденному в Берлине при тыловом Генеральном штабе обрабатывающему органу, связанному с заинтересованными экономическими учреждениями и обменивавшимся с ними сведениями.

Характерно, что III-Б отдел и отдел иностранных - неприятельских - армий подчинялись на одинаковых правах генерал-квартирмейстеру штаба главковерха. По словам Николаи, такие автономные взаимоотношения органа, добывавшего сведения (III-Б отдел), и органа, обрабатывавшего их (отдел иностранных армий), были вызваны стремлением избежать влияния добывавшего органа на их оценку и выводы по ним.

"Лишь в некоторых исключительных случаях" - пишет Николаи, - "начальник III-Б отдела сообщал отдельные донесения непосредственно начальнику оперативного отдела или начальнику Генерального штаба. В общем, отдел III-Б проявлял то или иное отношение к донесениям лишь постольку, поскольку его суждение о достоверности их могло быть ценным при их использовании".

К сожалению, Николаи ничего не говорит о том, насколько такой порядок и такая организация оказались практичными и пригодными в процессе работы.

По словам того же Николаи, в составе III-Б отдела находилось специальное, абсолютно замкнутое, отделение, возглавлявшееся особым офицером. Этот офицер поддерживал связь с теми органами и резидентурами, которые вели самую агентур-

ную разведку.

На третьем году войны выяснилось, что существовавшая организация разведки не вполне отвечает требованиям момента, что она становится неспособной давать ответы на все, поставленные ей, вопросы и что поэтому разведку нужно сделать еще более массовой, т. е. втянуть в нее слои населения, еще более широкие, чем до войны. С этой целью в 1916 году была создана разведывательная служба внутри самой Германии. В главных центрах страны офицеры этой службы связывались с теми кругами или лицами, которые также были заинтересованы в том, чтобы быть осведомленными о положении во вражеских странах, или с теми, относительно которых можно было предполагать, что у них имеется достоверная информация по этим вопросам. Этот источник, по словам Николаи, открыл разведке возможность совместной работы с хорошими знатоками неприятельских стран, и результаты этой работы встречали все растущее признание у заинтересованных государственных учреждений. Этим источникам ставились главным образом задачи политического и экономического характера.

III-Б отдел ведал также вопросами контрразведки, дезинформации, активной (диверсионной) разведки, военной цензурой, контролем въезда из-за рубежа и выезда за рубеж и во фронтовой район, военными атташе, военными корреспондентами, военными фотографами, художниками, киносъемками, агитацией и пропагандой.

21 IX 21

Глава вторая

Агентурная служба штабов фронтов и армий

Переправка агентов через линию фронта. - Ухудшение условий и запрещение этой переправки. - Узаконение двойников. - Обращение с агентами. - Кадры агентов. - Подготовка и обработка агентов. - Инструктор и учителя агентов. - 3-этажные инструкции двойникам, - правда, мнимая, правда, мнимая ложь. Пароли и опознавательные знаки. - "Шпиона по роже видеть" - определение русской контрразведки. - Подвижные и оседлые резиденты. - Приемы и способы связи с агентами. - Шпионо-

мания союзников, несколько курьезов. - Подвиг немецкой телефонистки. - Проект создания специальных судов по шпионским делам в России. - Агентурная работа подростков. - Агентурный опрос пленных. - Использование перебежчиков. - Использование захваченных неприятельских документов. - Охранение собственных документов и секретов. - Порядок хранения мобпланов в герм. Ген. штабе. - Офицеры, портфели и денщики. - Кара за разговор о делах службы с посторонними лицами. - Инструкция о сохранении секретов. - "Молчание сокращает войну". - Перехват и дешифровка неприятельских радиogramм. - "Игра с открытыми картами". - Преступная халатность русских штабов. - Неограниченная вера русских в проволочный телеграф. - Своеобразная борьба русских с болтливостью и разбазариванием секретов. - Германская агентура на Азиатских фронтах. - Англичане о работе германских агентов. - Работа Васмуса в Персии.

Выше мы уже указывали, что при каждом штабе фронта и армии находились представители III-Б отдела, задачей коих являлось ведение агентурной разведки через линии фронта и выполнение всех остальных функций III-Б отдела в соответствующем масштабе (фронта, армии), и по заданиям III-Б отдела штаба главковерха.

В первое время войны фронтовая агентурная разведка давала ценные результаты¹.

Со стабилизацией же линии фронта (зимой 1915-16 г.) произошел перелом. Несмотря на все усилия руководителей германской фронтовой агентуры, результаты становились все более и более незначительными и применение агентов, судя по приказу командования восточным фронтом (от 2/XI 1917 г.), делалась опасным для интересов германской же армии. Наконец, положение в этом отношении ухудшилось до того, что пришлось запретить посылку агентов через линию фронта. Руководители германской разведки видели причину этого в работе русской контрразведки, которая, по их мнению, была "организована на большие средства и в общих чертах соответствовала германской". Стеснительными для германской разведки, оказывается, явились

¹См. - "Инструкция офицерам разведывательной службы германской армии". Изд. Разведупр Штаба РККА, 1921 г., приложение № 7.

следующие мероприятия русской контрразведки:

"При всех штабах, начиная с полкового и выше, были учреждены полицейские команды, производился контроль железных и полевых дорог, а также постов, введена была система пропусков и паспортов, арестовывались все гражданские лица в зоне военных действий, не имевшие пропусков; чисто в русском духе производились обыски и аресты и выносились самые необоснованные приговоры".

По словам того же документа, все попытки начальника агентуры района 10-й армии - направлять в тыл русских армий надежных агентов, благодаря указанным мерам русской контрразведки, оканчивались неудачей и "напрасно стоили много денег и крови". Почти все агенты, посланные при таких условиях в тыл русских и возвратившиеся оттуда, могли быть изобличены, как двойники.

Эти обстоятельства навели руководителей германской разведки на мысль, что в армиях, ведущих позиционную войну, агентура возможна лишь посредством агентов-двойников. Опирируя агентами-двойниками можно было, с одной стороны, рассчитывать на возвращение большей части высланных агентов, а с другой стороны, такое - "узаконение" двойничества агентов, т. е. признание их работы на обе стороны, до известной степени предохраняло германскую разведку от возможности обмана со стороны агента, ибо агенту нечего было бояться кары в случае, если узнают о его двойничестве, и, следовательно, у него не было надобности сознательно врать.

Было учтено также то положение, что агент-двойник не опасен для того из своих хозяев, который сумеет его приручить, расположить к себе и завоевать его симпатии. Немцы знали, что русская разведка со своими агентами обращалась очень грубо, торговалась с ними из-за каждой копейки, на передовых линиях подвергали их избиениям и издевательствам, отправляя в тыл под конвоем с приколотыми плакатами "немецкий шпион"; офицеры, имевшие дело с агентами, считали их низшими существами, не подавали им руки, обращались с ними пренебрежительно, не входили в их нужды, не исполняли их даже самых мелких просьб

и т. д. Все это, конечно, оставляло определенный неприятный, отталкивающий осадок. Немцы это обстоятельство учли и использовали. В противоположность русской разведке руководители разведки германской обращались с агентами вежливо и ласково, расспрашивали в товарищеской дружеской беседе об их семейных делах, оказывали всяческие мелкие услуги и знаки внимания. Офицеры здоровались с агентами за руку, угощали их чаем и сигарами. С передовых линий агента сажали в закрытый автомобиль и при сопровождающем отправляли в тыл. В вежливом предоставлении агенту закрытой машины для переезда скрывалось не что иное, как желание скорее доставить агента на место и не дать ему возможности наблюдать по пути за жизнью германской армии. На месте каждому агенту отводилась отдельная комната, где под видом слуги, незаметно для агента, все время за ним наблюдал агент контрразведки и дипломатически устранял от него всякую возможность видеть и слышать что-либо, невыгодное для германской армии. Агенту выдавалась на содержание около 2-3 рублей в сутки. Кроме того, агенты часто угощались бесплатно вином, пивом и сигаретами.

Не только наблюдатель, но и учитель, и инструктор старались всячески угостить агента, завязать с ним близкие, дружеские отношения, а совместные товарищеские попойки еще более укрепляли эту дружбу.

Перед отправлением на разведку довольно часто устраивались нежные сцены прощания с агентом, пожелания всего наилучшего и скорейшего возвращения, при чем агента напутствовали и инструктор, и офицер.

При выдаче денег агенту немцы проявляли видимость особой небрежности к деньгам. Так, напр., лейтенант открывал ящик письменного стола, вынимал целую горсть кредиток и, не считая суммы, передавал их агенту, обещая при возвращении озолотить его, опять-таки суммы не называя. Такой прием довольно сильно влиял на агентов; многие из них были уверены, что при возвращении получат чуть ли не тысячи.

Интересно отметить, что с агентов никаких расписок и других оправдательных документов при денежных расчетах не

бралось.

Благодаря таким мерам и такому воздействию на психологию, немцам в большинстве случаев удавалось овладеть неустойчивой личностью агента и поработить его, и он появлялся в тылу противника уже в качестве убежденного германского шпиона, связанного с той стороной не только материальными выгодами, но и узами дружбы и симпатии.

Начальникам германской фронтовой агентуры были даны распоряжения бдительно следить за тем, чтобы агенты-двойники не могли причинить вреда германской армии. Им внушалось в обязанность наравне с вежливостью и дипломатической внимательностью относиться с недоверием к каждому агенту, ибо "обстоятельства иногда обращают самого честного и благонамеренного агента в предателя". Этим офицерам постоянно напоминалось, что агент-двойник может вредить германской армии тем, что: 1) может выдать противнику сведения о германской армии и организации агентуры; 2) может сообщить противнику, что немцам известно о нем и что неизвестно; 3) может давать неверные сведения об армии противника.

Германская разведка считала возможным, если и не устранить эту опасность, то, по крайней мере, ограничить ее следующими мерами:

1. Не менее, чем за две недели до командировки агента-двойника вполне изолировать его в особой секретной квартире (под наблюдением агента тайной полиции), отправить его на фронт в непроницаемых очках, или в автомобиле с заклеенными окнами, в сопровождении начальника агентуры.

2. Соблюдать осторожность при инструктировании и передаче заданий агентам-двойникам.

3. Во избежание получения ложных сведений сравнивать и сопоставлять получаемый материал с уже имеющимися сведениями.

В исключительных случаях германская разведка предоставляла своим агентам отпуска в тыл своего фронта, иногда до трех месяцев. При этом, по возвращении агента из отпуска, его, как правило, выдерживали определенное время на конспиративной

квартире, прежде чем отправить опять на работу. Это делалось для того, чтобы агент успел до известной степени позабыть все то, что видел и слышал в тылу, а также в расчете на то, что за этот период времени обстановка уже успеет измениться и тем самым агент лишится возможности разболтать противнику что-либо существенное.

При вербовке агентов рекомендовалось обращать внимание на то, чтобы агент имел близких родственников на германской стороне. Все эти родственники брались на учет и в случае измены или недобросовестности агента к ним применялись репрессивные меры.

В общем, кадры немецких агентов набирались главным образом из местного мужского населения.

Весьма редко попадались агенты немецкой национальности, хотя среди местного населения (Литва, Прибалтийский край, Польша, Эльзас-Лотарингия и т. д.) таковых имелось достаточно.

Летом и осенью 1915 года немцы в широких размерах пользовались также военнопленными, не только рядовыми солдатами и унтер-офицерами (последними в особенности), но и офицерами.

На разведку они отправлялись, понятно, в форме своей армии, под видом бежавших из плена.

Среди германских агентов часто попадались лица с уголовным прошлым, пониженной нравственности, заведомые авантюристы, пьяницы, воры-рецидивисты и т. д.

Среди городских жителей часто попадались фабрично-заводские рабочие, мастеровые, пекаря, парикмахеры, мелкие торговцы и торговые служащие, весьма часто ученики. Редко попадались люди интеллигентных профессий.

Агентами выбирались лица, хорошо знавшие язык той страны, в которую они направлялись. Знанию немецкого языка значение не придавалось и, по данным русской контрразведки, весьма часто попадались германские агенты, не понимавшие немецкого языка, но зато хорошо знавшие язык местного населения и, по возможности, язык неприятеля.

По возрасту чаще всего вербовались молодые люди до 18

лет, а также пожилые и старики, лет 55 и старше.

При каждом разведывательном бюро имелось по 2-3 вербовщика для работы в городе; для деревни имелись особые вербовщики.

Городские вербовщики состояли из молодых людей немецкой национальности; иногда это были унтер-офицеры германской армии, зачастую знавшие хорошо местный язык.

В каждом бюро, кроме того, имелся в качестве вербовщика среди сельского населения раз'езжавший по деревням торговец, имевший большое соприкосновение с крестьянством в силу своей профессии. Агенты из среды военнопленных вербовались немецкими унтер-офицерами, хорошо говорящими на родном языке пленного и иногда переодетыми в форму его армии. Иногда же эту роль исполнили военнопленные унтер-офицеры, перешедшие на сторону немцев.

В тюрьме среди пойманных, но не уличенных (не сознавшихся) агентов разведки противника, а также среди лиц, отбывших срок заключения за правонарушения (кражи, драки и т. п.) вербовкой занимались лица, бывшие до того агентами противника, перешедшие 2-3 раза фронт, передававшиеся затем немцам и исполнявшие у них роль контрразведчиков при бюро. Сюда назначались самые ловкие агенты, и, судя по тому, что число склоненных к шпионажу в пользу немцев было довольно велико, работали они успешно. Однако, из числа из'явивших согласие в агенты принималась весьма незначительная часть. Принятые проходили целую особую систему искусства и перевоспитания.

При вербовке излюбленным приемом немецкой разведки являлось прельщение крупной суммой денег, обещание крестьянину усадьбы и разных льгот его родным. Но помимо материального вознаграждения немцы непременно старались воспитать в нем убежденного германофила. Еще раз необходимо подчеркнуть, что при вербовке и работе с агентом немцы всячески избегали грубости и насилия, а наоборот старались привлечь гуманным, товарищеским обращением.

Уже в самом начале войны первые шаги завербованных агентов показали, что без основательной их подготовки они мало

пригодны к агентурной работе. Германская разведка взялась за подготовку агентов, при чем обучавшие должны были во время прохождения агентом курса обучения установить его благонадежность и преданность и постараться, чтобы агент подпал под их моральное влияние. Агенты, оказавшиеся во время такого испытания ненадежными, отправлялись в глубокий тыл и брались там на учет, как подозрительные.

Завербованных агентов немцы делили при содержании и обучении на три группы: 1) завербованные среди местного населения, 2) завербованные среди элементов, перешедших к немцам через фронт (сознавшие и не сознавшие агенты противника, беженцы, перебежчики и т. п.), и 3) завербованные среди военнопленных.

Эти три категории агентов-ходоков в первый период войны содержались порознь; агенты одной и той же категории зачастую помещались вместе в общих помещениях, вместе столовались и, обучались, так что друг друга видели и знали в лицо. Но уже с ноября 1915 года агенты всех категорий были размещены немцами по одиночке, и был проведен принцип строгого изолирования. Толчком к принятию такой меры послужил провал Шавельской шпионской организации, почти все ученики, которой были заблаговременно распознаны русской контрразведкой и уличены при прохождении фронта. Один из участников этой школы был командирован одной из русских шпионских организаций обратно к немцам и сообщил им относительно провала Шавельской организации.

Агенты второй из указанных выше категорий вначале содержались в тюрьмах в одиночных камерах, а затем переводились на частные квартиры, где жили в отдельных закрытых комнатах у учителя или инструктора. Агенты 3-й и 1-й категорий содержались на частных квартирах под негласным надзором.

Курс обучения был разделен на две части.

1. Преподавание сведений, необходимых для каждого разведчика.

2. Инструктирование в том, как объяснить на допросе свое

появление и пребывание в тылу противника.

Первой частью обучения ведал учитель, второй - инструктор.

Учитель обыкновенно назначался из немецких вахмистров, говоривших хорошо на языке той страны, в которую агент предназначался.

Преподавались следующие сведения:

1. Роды оружия армии противника (пехота, артиллерия, кавалерия, инженерные, воздухоплавательные, национальные и ополченские части), их отличительные наружные признаки: плечевые знаки, головные уборы, обмундирование, снаряжение, вооружение.

2. Организация войск: роты, батальоны, полки, дивизии, корпуса и армии.

3. Штабы, их расположение и организация.

4. Краткие сведения из инженерного и артиллерийского дела; виды полевых укреплений и искусственных препятствий, виды орудий и батарей, способы определения калибров (на глаз).

5. Пути сообщения и учет движения по ним.

6. Как вести агентурную разведку: практические советы, указания и разбор всяких способов получения сведений, разных признаков грядущих событий, перегруппировок войск и т. д.

Упомянутые сведения преподавались в более или менее полном или сокращенном виде, или даже с пропусками некоторых отделов, в зависимости от общего уровня развития агента и от сложности предполагавшейся задачи.

Обучение длилось 1-3 недели. По окончании обучения устраивались проверочные испытания, в которых участвовал, кроме учителя, офицер из бюро.

После того, как агент был признан усвоившим курс обучения, он переходил в ведение инструктора и поселялся зачастую в его же квартире.

Инструктором выбиралось лицо высокой интеллигентности, с широким образованием, со знанием не только языков, но также данного края и местных условий, знакомое с психологией личности и толпы. Инструктора присутствовали при допросах

всех вернувшихся или задержанных на передовой линии агентов своих или противника. В силу этого они всегда были в курсе дела в отношении всех тех условий, с которыми германскому агенту приходилось сталкиваться на стороне противника.

Задачей инструктора являлось:

1. Приготовить для агента такой рассказ, который по своей достоверности мог бы на допросе в неприятельском штабе отвлечь подозрение в причастности задержанного рассказчика (германского агента) к шпионажу.

2. Научить агента правдоподобно объяснить причины своего появления и пребывания на стороне противника.

3. Внушить самому агенту мнение о непогрешимости и идеальности преподанной ему инструкции, и о его неуязвимости на допросах в контрразведке противника, пока он смело и твердо держится своей инструкции.

Инструктор обычно начинал с того, что подробнейшим образом знакомился с биографией агента и ближайших членов его семейства, особенно подробно останавливаясь на событиях, предшествовавших занятию края неприятелем, и самом периоде занятия, поскольку эти события затрагивали агента и его близких.

На этой биографии, искусно мешая правду с вымыслом, строилась вся инструкция, которая могла быть усвоена без большого труда и в которой на случай допроса было почти все предусмотрено и почти на всякий вопрос уже подготовлен ответ. Рельефно и подробно очерченными и правдивыми местами достигалось, так сказать, авансом доверие в местах вымышленных, и не только неопытному человеку бывало крайне трудно, иногда невозможно, уличить агента, показывавшего то на допросе по инструкции, но хорошо инструктированного, особенно интеллигентного агента, не легко было уличить и напратиковавшемуся человеку.

Эта инструкция, в общем, строилась на следующих основаниях:

1. Вносился элемент правды, который разрабатывался особенно детально и точно и весьма искусно перемешивался с вымыслом.

2. Этот вымысел и должен был отвлечь от агента все подозрения в шпионаже или вранье.

3. Оба упомянутых пункта основывались и вытекали из биографии агента или определенного события и стояли в точной между собой хронологической связи.

4. Не агент приноравливался к инструкции, а инструкция во всех отношениях приспособлялась к агенту.

Хорошая инструкция, как своеобразная ювелирная работа, пестрила всевозможными мелкими и яркими узорами, подробно и детально разработанными, отшлифованными и подогнанными к целому, без малейшего нарушения где-либо естественной, логической и хронологической связи.

Особенное внимание в инструкции уделялось времени, проведенному агентом у немцев, и способу прохождения передовой линии (внедрение в пределы противника).

Детали инструкции внушались не только слуховой, но, при малейшей к тому возможности, и зрительной памятью. Так, например, если агенту было приказано говорить, что он работал в такой-то деревне, он отвозился в эту деревню в автомобиле, там ему показывалась не только топография и обстановка местности, но он знакомился с отдельными лицами из этой деревни и разговаривал с ними.

Каждая инструкция, помимо правдоподобности, заключала в себе данные, могущие натолкнуть противника на мысль предложить агенту поступить к нему на службу, и вернуться обратно к немцам. От этого агент вначале должен был притворно отказываться.

Ни одна инструкция не должна была походить на другую.

Инструкция должна была быть подробно разработана в пространстве и во времени, почему последние 1-2 месяца до перехода агентом линии она разрабатывалась (по карте) по дням, а последние дни еще подробнее.

В инструкцию вносились сведения боевого контрразведывательного характера правдивые и вымышленные, с целью введения противника в заблуждение.

Необходимо отметить, что агенты прибывали в тыл, напри-

мер, русских армий, чаще всего под видом всякого рода беженцев, окопных рабочих, перебежчиков и т. п., но изредка также и под видом германских шпионов, посланных якобы на разведку, но не желавших служить немцам из-за разных причин: (интригизм, обида, месть, свидание с родными, получение наследства и т. д.)

По ознакомлении с биографией агента, инструктор писал инструкцию № 1, являвшуюся для менее развитых агентов единственной.

По усвоении этой инструкции при помощи карт, альбомов, планов, фотографических снимков и т. п. офицером из бюро, совместно с инструктором, производилась проверка степени ее усвоения, при чем офицер внимательно проверял все детали инструкции по 2-верстной карте и др. данным и пособиям и обращал самое серьезное внимание на точность описания обстановки, топографии местности и наружности встречавшихся в инструкции лиц.

Если имелись основания для более сложного инструктирования, то по усвоении первой инструкции агенту передавалась вторая инструкция, а затем, при надобности, и третья, так называвшиеся "2-х и 3-этажные".

Заключались они в следующем:

1. Двойник должен был на допросе показывать инструкцию № 1 - инструктированное описание местностей и событий якобы, настоящих, действий происходивших со времени перехода линии противника до обратного к нему возвращения (т. е. все время пребывания у немцев). Агент ни в коем случае не должен был сознаваться в том, что сообщаемые им сведения внушены ему немцами. Это - так называемая "правда".

2. Инструкция № 2: такое же инструктированное описание, в отношении которого агент должен был сознаться, что показанное внушено ему немцами для скртия правды и для введения в заблуждение противника, но заявить при этом, что сознаваться в этом ему было строго запрещено.

Это - так называемая "мнимая правда".

3. Инструкция № 3: после показаний на допросе по инструкции № 2, когда противник по логике обратится к нему с

вопросом: "если в этом тебе запрещено сознаваться, то что же приказано нам показывать", - агент дает показания по 3-й инструкции. Это - также инструктированное описание местностей и событий, при чем агент должен заявить, что ему приказано было сообщить эти данные, как достоверные.

Это - так называемая "мнимая ложь".

Все эти три инструкции подробнейшим образом разрабатывались и во времени, и в пространстве, с соблюдением всех вышеупомянутых оснований инструкции, при чем каждая из них должна была резко отличаться одна от другой. Как видно, при последней 3-этажной системе инструктирования, "настоящая правда", ускользает от допрашивающего, человек мало опытный ничего не сможет вынести из допроса, а умный развитой агент легко сможет проскочить или не дать сведений "настоящей правды" даже и в том случае, если его допрашивает опытное лицо.

По усвоении инструкции с агента снималась фотография, дактилоскопический отпечаток пальцев и приводились некоторые антропометрические измерения; все это с подробным описанием внешности агента заносилось в особый журнал.

После всего этого агент препровождался на автомобиле на передовые позиции. По пути в некоторых местах агенту показывалась топография и обстановка местности, внушались сведения боевого или контрразведывательного характера (все это согласно инструкции) и затем уже агент пропусклся в сторону противника в пункте, заранее определенном инструкцией.

Агенты, предназначенные для активных (диверсионных) действий (взрывы, убийства и т. д.), изучали все, относившееся к этим действиям.

Дабы не снабжать противника нежелательными для немцев сведениями и не расшифровывать перед противником агентов-двойников, германская разведка сама исполняла все задания, полученные агентами от разведки противника. При этом, как общее правило, германская разведка давала разведке противника верные сведения о германской армии, не отвечая, однако, на все заданные вопросы, а лишь на более мелкие, общеизвестные, не представлявшие особого секрета. Делалось это с целью заинтере-

совать разведку противника данным агентом и поднять его авторитет и значение в глазах его начальства. Когда это бывало достигнуто, противник обращался с агентом уже гораздо свободнее и откровеннее, и агент, следовательно, имел больше возможности собирать сведения, интересовавшие германскую разведку.

С другой стороны, через агента, вошедшего в доверие к противнику, германская разведка имела возможность с большим успехом распространять дезинформационные данные о своей армии. Этим приемом она во время войны довольно широко и успешно пользовалась (более подробно об этом говорится ниже).

Выбор способа, которым германская разведка рекомендовала агенту пользоваться для обратного проникновения на немецкую сторону, зависел от биографических данных этого агента: некоторые агенты должны были проникнуть к своим родным, пожить там некоторое время, затем заручиться личными документами через волостные правления, беженские организации и т. д. Это делалось или путем кражи документов, или, что встречалось реже, агенты пользовались документами, подделанными немцами.

По "узаконении" своего пребывания, агент должен был поступить рабочим в окопы, дорожные и другие организации, открыть мелкую торговлю вблизи окопов, поступить добровольцем в войска, и т. п., а затем в удобный момент перейти передовую линию и заявить у немцев, что он такой-то агент, посланный туда-то и возвращается обратно оттуда-то.

Дававшиеся иногда агентам германской разведки пароли служили лишь для отвода глаз, чтобы агент верил в могущество германской организации, доходящее до того, что о нем (агенте) известно на всем фронте, и где бы он ни прошел германскую линию, его всюду примут как своего и не будут стрелять в него при прохождении проволочных заграждений.

Пароль, таким образом, являлся лишь одним из средств внушения, чтобы агент не боялся проходить обратно.

Слухи же о применении германской разведкой специальных паролей или опознавательных знаков для своих агентов давали

возможность водить за нос контрразведку противника, особенно, конечно, - русскую.

Вот пример, рассказанный *С. М. Устиновым* в его "Записках начальника контрразведки"¹:

..."Из Килии я приехал в Измаил, где во главе контрразведки уже стоял переведенный из Сулина капитан П. По сведениям агентуры, действительно через Дунай под видом беженцев из завоеванных немцами местностей в Измаил просачивалась масса шпионов и агитаторов. Воинские части задерживали в камышах Дуная всех без разбора и приводили к нему целыми партиями в 30-40 человек. Как разобрать в этой толпе, кто из них действительно беженец, кто шпион, - мне казалось совершенно невозможным. Но капитан П. был убежден, что нет ничего легче. "Шпиона по роже видать", уверял он меня. Рожа, конечно, рожей. Но какой-то агент, бывший пристав в Измаиле, разжалованный революцией (февральской), убедил его, что германцы своим шпионам для беспрепятственного их возвращения через фронт, ставят на зад-це особые клейма, которые он, якобы, сам видел у некоторых сознавшихся шпионов. Капитан П. поверил этой чепухе и потому смотрел не только рожу, но и зад-цу, отыскивая на ней эту своеобразную визу".

Однако, было бы ошибочно полагать, что германская фронтовая агентура пользовалась только агентами-двойниками и агентами-ходоками. Она имела также в ближайшем тылу противника подвижных и оседлых резидентов, собиравших нужные сведения и передававших их разными способами и приемами германской разведке.

Эти способы и приемы связи заслуживают быть здесь отмеченными.

Резиденты передавали собранные сведения посредством курьеров связи, отправлявшихся через линию фронта под видом агентов разведки противника, беженцев, перебежчиков, дезертиров и т. д., или посредством телефона, заранее протянутого и подготовленного к действию.

¹См. *С. М. Устинов*. - "Записки начальника контрразведки".

Срочные сведения передавались при помощи разных сигналов, например, - условными поворотами крыльев ветряных мельниц, своеобразной условной запашкой земли, условным расположением холста под видом сушки, развешиванием белья (все это видно с аэроплана), условной топкой печей, поджогами построек и разведением костров, при помощи почтовых голубей и собак (переноска сведений), разными световыми сигналами, в том числе и из дымовой трубы (видно с аэроплана, в то время, как с земли ничего не видно) и пр., и пр.

Контрразведка противника, конечно, постепенно узнавала все эти приемы связи, но они были, настолько близки к жизни и общеупотребительны в обычном обиходе, что трудно было в каждом отдельном случае установить, где кончается обычное их применение и где начинается применение в шпионских целях.

Во время войны распространялись самые чудовищные слухи и рассказы о германском шпионаже и его приемах. Все патриотически настроенные обыватели определенно страдали шпиономанией и в каждом непонятном им явлении видели козни германского шпионажа. Иногда, конечно, эти подозрения имели свое основание, иногда нет.

Вот несколько примеров из этой области¹.

В 1914 году, в период первого германского наступления и последовавшего за ним отступления на западном фронте, немцы оставили в тылу французов не малое количество своих агентов, которые должны были передавать собранные сведения посредством световой сигнализации. Способы этой сигнализации были самыми примитивными. Обычно, для сообщения о смене частей, расположении батарей, военных складов и т. д. агенты должны были пускать артиллерийские ракеты.

Так, во Фландрии, в середине 1915 г. один француз и два бельгийца (из них одна женщина) были захвачены тот момент когда они готовили к пуску ракеты, чтобы сообщить немцам о передвижении французских частей. Все трое были расстреляны.

¹Эти примеры мы берем из записок начальника контрразведки одной из французских армий Жана Т., напечатанных во французском журнале "Mercure de France", кн. октябрь - ноябрь 1923 г.

Солдат французской особой армии В. подавал немцам позади французских окопов сигналы карманным электрическим фонариком по азбуке Морзе. Преступника обнаружила военно-полицейская собака.

Известен также случай, когда пастух днем сигнализировал немцам о французских артиллерийских позициях. Для этого он становился на условном расстоянии от батареи, напр., - на 500 метров, - развешивал свой плащ и держал его в направлении огня батареи.

Световая сигнализация в таком виде применялась немцами до конца 1915 года, но продолжала держать французские войска в нервном напряжении в продолжении всей войны. Особенно это проявлялось при сменах, когда войска занимали неизвестные им позиции. Между тем такие подозрительные сигналы часто объяснялись какими-либо действиями самих же частей. Мало ориентированные солдаты принимали за сигнализацию неприятельских шпионов мерцание своих ламп в тылу, ракеты, применявшиеся для указания дороги бомбовозам (аэропланам) и т. д. Особенно силен был страх перед сигнализацией в частях, занимавших участки, вдавшиеся в расположение противника.

Начальство частей верило рассказам солдат и посылало длиннейшие рапорта в высшие штабы. Последние отправляли на места опытных агентов для выяснения и проверки этих сообщений. Такие проверки часто обнаруживали самые курьезные причины, вызвавшие сообщение о какой-то таинственной сигнализации.

Так, например, контрразведка одной из французских армии произвела расследование по рапорту начальника дивизии, входившей в состав этой армии. Начальник этой дивизии писал, что ночью, вслед за замеченными оптическими сигналами, следовала неприятельская бомбардировка в направлении сигнализации. Сапер-телеграфист, которому было поручено расшифровать сигналы, перехватил отрывки фраз: "вечер... сменяется... войско... и т. д.". Дело показалось серьезным. В следующую ночь, когда мигание огней появилось опять, весь район был оцеплен агентами полевой полиции, которые, держа револьверы наготове,

приблизились чуть ли не ползком к точке, из которой производилась сигнализация. Агенты, в конце концов, сошлись у передового перевязочного пункта, расположенного у края дороги, по которой проходили к позициям войска. Перевязочный пункт помещался в небольшом бараке, в стене которого в сторону противника было прорезано маленькое слуховое окошко на высоте головы человека. Внутри барака горела 16-свечная лампочка. Проходившие шеренги войск закрывали головами свет, в интервалах же между шеренгами этот огонек был виден на позициях. Так как интервалы между шеренгами были не одинаковы, то действительно получалось как-бы бесконечное количество точек и тире, что и дало возможность телеграфисту, не без помощи, конечно, фантазии, расшифровать целые фразы.

Другой рапорт сообщал о световых сигналах в районе монастыря Вестен (Бельгия) вблизи ветряной мельницы, крылья которой стояли неподвижными без дела. В различные часы ночи сигналы обозначались в виде вертикальных и горизонтальных линий. Наблюдение в течении нескольких ночей не дало никаких результатов. Сигналы продолжали показываться с интервалами в несколько часов. Посадили часового на дерево вблизи монастыря. Он ничего не заметил, но зато имел неосторожность выкурить за ночь несколько папирос, огонь которых был замечен немцами. На утро немецкая артиллерия взялась на монастырь и совершенно его разрушила. Происхождение же этих сигналов объяснялось следующим: бельгийские жандармы днем и ночью охраняли перекрестки дорог и у каждого проходившего или проезжавшего проверяли документы. Проезжавших ночью на автомобилях они останавливали фонарем, поднимая его вверх и опуская вниз. После проверки документов жандарм подавал сигнал тем же фонарем, но махая им горизонтально.

Вообще фронт и прифронтовая полоса были превращены в "святая святых", куда никто, особенно гражданские лица, какое бы общественное положение они ни занимали, не могли проникнуть без специального пропуска.

Когда быв. министр *Думерг*, получив разрешение выехать в Нанси, на могилу одного из своих сыновей, перешел пределы

указанного ему участка, он был немедленно отправлен назад без всяких церемоний¹.

В октябре 1915 г. по всей Франции были расклеены объявления, под названием: "Молчите, остерегайтесь: уши врага подслушивают вас". Аналогичные объявления время от времени возобновлялись с целью держать население в страхе перед "ушами врага".

С целью раздуть осведомленность французской контрразведки и внушить страх перед ней в войсках был распространен следующий анекдот про ген. *Жоффра*.

Жоффр, якобы, собрал офицеров своего штаба и заявил им, что между ними есть предатель, т. к. мнимые приказы, умышленно выпущенные генералом, дошли до неприятеля. *Жоффр* предложил предателю покончить с собою и дал 24 часа сроку. На другой день - новое собрание. Все офицеры налицо... Тогда *Жоффр* берет револьвер у одного жандармского офицера, проходит по рядам офицеров и убивает виновного ...

Можно привести бесконечное количество примеров французской шпиономании. Не подлежит, однако, сомнению, что в некоторых случаях сама германская агентурная служба старалась поддержать и разжечь этот страх перед германскими шпионами, направляя французскую контрразведку по ложному пути, с целью облегчить работу своих настоящих агентов.

За поимку или указание германского шпиона французы раздавали разные награды, чаще всего давали внеочередные отпуска на родину. Это натолкнуло немалое количество французских солдат на мысль симулировать разные приключения с германскими шпионами. Так, например, вестовой командира одной из французских батарей, прибежал к своему командиру с красными глазами, замазанным грязью и какой-то серой пылью и со стонами и ахами объяснял, что позади батареи он заметил какого-то типа, сигнализировавшего красным и синим фонарями в сторону противника. Когда он хотел его схватить, то последний бросил ему в глаза пригоршню размолотого перца. Контрразведка

¹См. М. Кордэ - "За кулисами войны". Изд. Госиздат, 1925 г.

кинулась было искать этого типа, но не нашла его. Тогда стали наводить справки у поваров батареи, - в целости ли у них запас перцу. Оказалось, что одного пакета не хватает. В конце концов, вестовой сознался, что он симулировал этот случай с целью получения внеочередного отпуска.

В России дело в этом отношении обстояло не лучше. Вот несколько примеров.

Сухомлинов¹ рассказывает, что неудачи закарпатской операции вызвали со стороны ген. Янушкевича (начальника штаба Главковерха) вопль об измене. Он писал Сухомлинову: "Сейчас узел событий на Карпатах. Надо успеть предупредить. Очень опасаясь, что и там есть свой Мясоедов. Так это чувствуется, что волосы дыбом становятся. Неужели Русь так опустилась? Впрочем, бог даст, справимся и с изменниками, хотя роль даже и заглазного палача не особенно приятна, но тут не до того..."

М. В. Родзянко² "вспоминает", как "офицеры, участники наступления (Брусиловского в Галиции), считали, что успеху операции помогло то обстоятельство, что Брусилов начал наступление на полтора суток раньше назначенного Ставкой срока: в армии ходили упорные слухи, что в Ставке существует шпионаж и что враг раньше нас осведомлен о всех наших передвижениях. К сожалению, многие факты подтверждали это подозрение..."

Как видим, Ставка делает кивок в сторону фронтов, фронты в сторону Ставки, подозревая друг друга в наличии измены...

Ю. Н. Данилов³ говорит, что "участники восточно-пруссского похода, свидетельствуют довольно единогласно о прекрасно организованном содействии местного немецкого населения своим войскам. Кроме вольных стрелков, шныряющих на своих мотоциклетах и велосипедах по всей стране и высматривающих

¹См. В. Сухомлинов - "Воспоминания". Изд. "Русского Универ. Издательства", Берлин, 1924 г.

²М. В. Родзянко. - "Государственная дума и февральская революция; напечатано в "Архиве русской революции", т. VI, Берлин.

³Ген. Ю. Н. Данилов. - "Россия в мировой войне". Изд. "Слово", Берлин. 1924 г.

наше расположение, население сигнализировало о наших передвижениях огнями, пожарами, пусканием в ход ветряных мельниц, колокольным звоном. Наши войска со всех сторон были окружены шпионами и соглядатаями, что, конечно, осложняло их боевую работу и облегчало ориентировку противника..."

Нельзя, конечно, отрицать, что во всех этих воплях имелаась некоторая доля правды, подтвержденной даже самими немцами. Так, например, ген. Гофман пишет, что "точные сведения о вступлении русских в Мемель получены были от одной телефонистки, некоей фрейлин Рештель. Она проявила больше мужества, чем ее сослуживцы мужского пола. Она продолжала разговаривать со мной вплоть до занятия почтамта русскими. Последними ее словами было: "Вот они поднимаются по лестнице..."

Но вместо того, чтобы серьезно бороться с шпионажем, русские предавались воплям, подозревали друг друга в измене и, наконец, один из великих князей предложил в августе 1914 года начальнику штаба главковерха создать специальные суды по шпионским делам и государственной измене, ибо "судьи, взятые из армии, совершенно не могут орудовать со сложным материалом косвенных улик, и оправдательные приговоры вызывали со стороны штаба главковерха ряд резких выговоров составу суда"¹.

Идея эта, якобы, очень понравилась Янушкевичу и военным юристам, и последние должны были составить соответствующий доклад по этому поводу.

Однако, суды эти созданы не были.

Или такой факт.

Штабом Минского военного округа в конце 1915 г. был отдал приказ задерживать и регистрировать "одиноких женщин, а сопротивляющихся подвергать телесному наказанию". Это дикое распоряжение было вызвано дошедшими до штаба округа сведениями, что на западе, якобы, организовано общество женщин, сочувствовавших Германии, с целью заражения люэсом

¹См. "Дневник быв. Великого князя Андрея Владимировича" Госиздат, 1925 г.

²См. "Красный архив", том XXXIII, 1929 г., ст. "Совещание губернаторов в 1916 г."

русских военнопленных¹.

Необходимо также отметить, что германская разведывательная служба вспомнила приемы Штибера и применяла их во время войны 1914-18 гг. Так, например, в июне 1915 года на фронте одной из русских армий был пойман 15-летний мальчик, сознавшийся, что немцами послано в тыл русских еще 10 таких же подростков с разведывательными заданиями¹. Не подлежит сомнению, что при тщательном подборе и подготовке подростков они в военное время могли бы легче всего проникнуть в тыл противника, более свободно чувствовать себя, вращаясь в солдатской среде и более легко собирать весьма ценные данные. То что приведенный факт был не единичным - показывает, что германская разведывательная служба пользовалась подростками в довольно широких размерах. Хотя мы и не имеем точных данных относительно результатов агентурной работы подростков, однако, можно предполагать, что некоторая польза от них была. Такие подростки обычно устраивались при разных штабах и обозах под тем или иным благовидным предлогом и завоевывали симпатии и доверие не только солдат, но даже и офицерства. Вращаясь среди военных, они подслушивали их разговоры и рассуждения о военных делах и передавали эти сведения, куда следует. Многие из них раз'езжали по железным дорогам в эшелонах под видом добровольцев и, пользуясь благосклонным отношением к ним солдат, легко извлекали нужные для их руководителей сведения, а в подходящих и удобных для этого случаях выкрадывали бумаги у зазевавшихся ординарцев и писарей.

Германская разведка возлагала на подростков также и функции диверсионной (активной) разведки, как-то: порчу телеграфных и телефонных проводов, развинчивание рельс, возбуждение паники и т. д.

Германская агентура пользовалась также стариками и калеками.

Так, напр., в конце сентября 1914 года в боях под местечком Пясечно и Домбровка имел место следующий случай.

¹См. "Журнал военных действий VIII-го арм. Корпуса", кн. 1, стр. 108, запись под 8/IV, 1915 г.

По занятии первым Сибирским стрелковым полком указанной деревни все население быстро покинуло деревню, вследствие сильного обстрела ее германцами. Осталась лишь одна старушка, временами выходившая из подвала в белом платье и чепчике и бродившая поблизости от русских резервов и окопавшихся цепей, довольно хорошо замаскированных. Каждый раз она бродила на разных участках. Спустя несколько минут после ее ухода в подвал, расположение резервов подвергалось сильному артиллерийскому обстрелу с весьма хорошим попаданием.

Кроме того, старики и калеки использовались в агентурных целях под видом беженцев, нищих, мелких торговцев, обслуживавших войсковые части и пр. и пр.

Самым надежным источником сведений о противнике для германской ближней разведки являлись перебежчики и пленные. С первого взгляда может показаться, что этот источник сведений никакого отношения к агентуре не имеет, что это - область чисто войсковой разведки. Раньше, быть может, с этим и можно было согласиться. Война же 1914-18 гг. показала, что это не совсем так. Особенно в первое время войны, когда ура-патриотическое настроение солдатских масс было неимоверно взвинчено, путем обычного допроса и опроса пленного можно было извлечь мало пользы. В моменты боевого затишья, когда расположенным в первой линии частям во что бы то ни стало требовались сведения о противнике, устраивалась целая охота "за языком", т. е. пленным. Но часто последний, будучи пойманным, отказывался отвечать на предлагаемые ему вопросы. Нужно было заставить пленного заговорить. Различные разведки разрешали этот вопрос по-разному. Некоторые, как, например, русская разведка, старались заставить пленного заговорить посредством грубого обращения, физического воздействия, мордобития, угроз и нередко - даже пыток (дня три кормили только селедкой и не давали воды). Но показания, выжатые из пленного таким путем, не всегда оказывались верными и удовлетворительными. Страны же с более гибким и жизненным аппаратом разведки (Германия и Франция) быстро учли это обстоятельство и изменили свою тактику по отношению к пленным. Немцы, напр., обращались с

пленными при допросах очень вежливо, угощали их чаем, сигарами и пр. и в частном разговоре старались незаметно для опрашиваемого выведать все необходимое. Однако, не всегда давал ожидаемые результаты и этот прием.

Тогда германская разведка начала применять агентурный опрос пленных. Заключался он в следующем. Как только пленные приходили на ближайший этап, их разделяли по чинам (на солдат и офицеров) и среди этих групп тайно помещались один-два агента разведки, подслушивавшие разговоры пленных и передававшие их куда следует. Понятно, что пленные, чувствуя себя наедине, без посторонних, откровенничали и делились своими впечатлениями о бое, о состоянии своей части, о положении дел в тылу, о потерях, о меткости артиллерийского огня противника и т. д.

В лагерях же военнопленных, помимо тайных агентов, устраивались секретные аппараты подслушивания, автоматически записывавшие все что говорилось в помещениях лагеря. При этом, в виду того, что поставить такого рода аппараты на весь лагерь было невозможно по техническим причинам, - ими снабжались определенные комнаты, в которых концентрировались пленные, представлявшие интерес для такого рода обработки. По имеющимся сведениям, этот способ опроса пленных давал очень хорошие результаты. Позднее эти способы и приемы были переняты разведками почти всех стран, участвовавших в войне.

Впрочем, применение немцами таких приемов опроса пленных по отношению к России, скоро стало излишним, так как уже в 1915 г. среди русской армии начали наблюдаться случаи массовой сдачи в плен. Понятно, что эти "добровольные" пленные выкладывали без всякого принуждения и применения хитростей все, что знали. Эти массовые сдачи в плен русское командование старалось прекратить артиллерийским огнем и полевыми судами, однако, положительных результатов в этом отношении достичь не удалось.

Такое же положение создалось и в австрийской армии.

Германская агентурная служба усиленно пользовалась также "институтом" перебежчиков. Здесь нужно различать пере-

бежчиков со стороны противника и своих перебежчиков к противнику. Как тех, так и других германская агентурная служба старалась использовать в агентурных целях. Перебежчиков со стороны врага она тщательно опрашивала и выкачивала из них все, что они знали. При этом известны случаи, когда германская разведка, при помощи специальных агентов в рядах противника, агитировала и подготавливала перебежчиков.

С другой стороны, германская агентурная служба довольно широко практиковала переправку своих агентов в тыл противника под видом перебежчиков, давая им задание по возможности скорее при помощи разных приемов освободиться от конвоиров, этапов и лагерей, обследовать определенный, заранее намеченный район и вернуться обратно.

Не подлежит сомнению, что и этот прием давал не плохие результаты.

Первыми расшифровали этот прием французы. Они предупредили о нем всех своих союзников. Такие предупреждения встречаются в приказах русского командования уже в начале 1916 года. Так, напр., 13 января 1916 г. командир VIII арм. корпуса получил из штаба армии следующее распоряжение¹.

"Ввиду имеющихся сведений, что противник под видом перебежчиков посылает к нам шпионов, приказано принять меры, чтобы эти перебежчики ничего не видели, проходя наш тыл".

18 января следует другое приказание:

"Приказано принять самые энергичные меры, дабы не давать возможности перебежчикам противника делать какие бы то ни было наблюдения в нашем тылу, ввиду продолжающих поступать сведений в применении противником перебежчиков в качестве тайных разведчиков".

Командир корпуса на это ответил, что распоряжения частям отданы, но что "лучшей мерой предупреждения такого рода шпионажа будет устранение возможности побега перебежчиков с этапов".

¹См. "Журнал военных действий VIII арм. корпуса", кн. 1 с I/I по I/IV 1916 г.

Это указание командира корпуса показывает, что перебежчики покорно доходили до тыловых этапов, все по дороге высматривали и примечали, а оттуда бежали обратно к своим.

6 февраля (1916 г.) командир VIII арм. корпуса сообщает войскам, что в 14-й дивизии имел место случай нападения австрийского перебежчика-серба на конвоировавшего его солдата.

Нельзя также не отметить деятельности германской фронтовой агентурной службы по сбору документов противника на полях сражений. Сбор этих документов и их тщательное и быстрое изучение всегда давали ценные результаты. Война 1914-18 гг. лишний раз подтвердила эту истину.

Людендорф в своих воспоминаниях¹, описывая операцию 1914 г., получившую название "сражение при Танненберге", пишет, что "на убитом или раненом русском офицере на поле сражения был найден приказ, который дал нам исключительно важные данные".

Германский же кронпринц² рассказывает, что блестящий поиск, произведенный 3/Ш 1917 г. к югу от Рипона 51 резервной дивизией, под руководством ген. Балка, дал немцам важную добычу: французское наставление, озаглавленное "Указания относительно цели, значений и условий общего наступления". Это наставление заключало данные большой важности.

По словам того же кронпринца, 5 апреля 1918 г. поиск, произведенный 10-й дивизией, дал в руки немцев приказ о наступлении 5-й франц. армии. Там были перечислены все войсковые единицы, которые должны были принять участие в атаке. Там же был указан фронт действия 5-й армии: Пруве-Провизо-Оменанкур. Кронпринц утверждает, что этот приказ вполне разъяснил немцам намерения противника.

Благодаря тому, что командир французского батальона, находясь в первой боевой линии, имел неосторожность взять в свою полевую сумку приказ с перечнем всех атакующих частей и с указанием пункта атаки - немцы имели возможность сосредото-

¹См. Людендорф. - "Мои воспоминания о войне 1914-18 гг.", том 1, стр. 73. Изд. ВВРС, 1923 г.

²См. "Мемуары германского кронпринца". Госиздат, 1923.

чить свои пехотные части и собрать на угрожаемом участке артиллерию.

Такие случаи, сыгравшие для немцев весьма важную роль, натолкнули германские разведывательные органы на мысль, с одной стороны, - обратить серьезное внимание на захват неприятельских документов, с другой - принять жесточайшие меры предосторожности по охранению своих документов от попадания в руки противника. К этому времени появляются первые приказы, инструкции, руководства и пр. с надписью (помимо "особо секретно") - "в окопы не брать". Во все войсковые части, до роты включительно, были назначены специальные офицеры, которым было поручено следить за сохранением военной тайны и пресекать всякие проявления ее нарушения. Эта мера проводилась настолько успешно, что *Людендорф* имел возможность публично заявить в своих "воспоминаниях", что "нам всегда удавалась внезапность, за исключением 15 июля 1918 года, но тогда мы сами облегчили ему (противнику) задачу раскрытия нашего плана". (Последнее утверждение не совсем соответствует действительности, т. к. план этот раскрыл французам германский перебежчик, и немцы навряд ли облегчили ему возможность осуществления этого побега).

Германское офицерство и вообще военнослужащие приучались к сохранению в секрете служебных тайн еще в мирное время; поэтому во время войны, при некотором нажиме и напоминании о необходимости крайней осторожности, этого было не трудно добиться.

В мирное время для более надежного обеспечения сохранности военных тайн и в целях устранения возможности измены, в Большом Генеральном штабе был введен следующий порядок. Все секретные документы хранились в несгораемых шкафах. Шкаф иначе не открывался, как в присутствии трех офицеров. Это делалось для того, чтобы, в случае, если один из офицеров задумал бы совершить измену, он не мог бы сделать этого без согласия остальных двух офицеров. Мобилизационные планы были запечатаны в конвертах, специально изготовленных для этой цели в экспедиции заготовления ценных бумаг. Эти конверты

запечатывались специальными печатями и покрывались (секретно) так называемым "шелковым порошком", дающим при прикосновении оттиски пальцев. Мобилизационный план в целом был известен только начальнику Генерального штаба и императору

Задачи для всех корпусов, запакованные так же тщательно, как и мобилизационный план, лежали готовыми в несгораемых шкафах. При объявлении мобилизации надежные офицеры, специально назначенные для этой цели, развозили пакеты по назначению.

Одно время Вильгельм II запретил офицерам ходить по улице с портфелями, считая, что это не соответствует достоинству офицера. После этого офицерские портфели, нередко набитые секретными документами, стали носить денщики этих офицеров. Французская разведка, узнав об этом, намеревалась подкупить одного из денщиков, с целью ознакомления с содержимым портфеля. Как только германская контрразведка разнюхала об этом намерении французов, немедленно же Вильгельмом было отдано распоряжение, категорически запрещающее носить документы домой и пользоваться ими вне служебных помещений.

За разговоры с посторонними о служебных делах военно-служащие беспощадно преследовались. Так, например, из донесений бывш. русского военного атташе в Германии - *Базарова* известен следующий факт.

Когда Вильгельм вступил на престол, он назначил ген.-от-кав. барона Биссинга командиром полка конной гвардии для того, чтобы подтянуть этот, сильно распушенный, полк. В этом полку служило много князей "императорской крови", между ними и брат императрицы. *Бисинг*, между прочим, запретил офицерам ездить в Берлин без его разрешения (полк стоял в Потсдаме).

Брат императрицы, получив однажды приглашение на высочайшую пирушку, отправился в Берлин без разрешения Биссинга, который тоже был на этой пирушке. Он сделал вид, что ничего не замечает, но, вернувшись в полк, посадил принца на двое суток под домашним арестом. Некоторое время спустя, при встрече с императрицей, последняя упрекнула *Биссинга* за

слишком строгое отношение к ее брату. Биссниг ответил, что так полагается по воинскому уставу, вернувшись же в полк, опять посадил принца под домашний арест, на этот раз за то, что тот "говорил о делах службы с посторонними лицами". Этот факт весьма показателен для германской военщины и существовавшего в ней отношения к сохранению в секрете служебных дел, даже не представлявших по существу секрета.

Эти же традиции поддерживались и во время войны, притом в еще более строгой форме и широких размерах. Агентурные отделения некоторых германских армий во время войны выпускали специальные листовки, в которых знакомили войска с приемами работы неприятельской разведки. Эта система, безусловно, давала хорошие результаты.

Время от времени германские военачальники всех степеней издавали специальные приказы о сохранении военной тайны. Вот образец такого приказа, изданного по XVIII германской армии в 1917 г.

"Строгие инструкции, касающиеся сохранения в тайне важных военных диспозиций, за последнее время неоднократно нарушались. Успех всех больших военных операций зависит от сохранения в тайне от неприятеля подготовки их. Неприятель должен быть в полном неведении относительно как места, так и цели операции. Поэтому сохранение тайны - есть долг каждого солдата и офицера, а также и всех других лиц, входящих в состав войсковых частей, независимо от того, находятся ли они в первой линии, в ближайшем тылу или в отпуску. Всякий, в письме или разговоре сообщающий о военных приготовлениях и раскрывающий их неосторожными действиями, преступен перед товарищами и отечеством".

Другую, такого же характера, германскую инструкцию от 1918 г., предназначенную для более широких масс военнослужащих, приводит майор Мабиль в статье: *La lutte contre les services des renseignements cunemis*. (Борьба с разведкой противника)¹.

В ней говорится:

¹См. "Revue Militaire France", № 28, 1923 г.

"Молчание сокращает войну, безрассудная болтовня ее продолжает. Наша победа, жизнь, благополучие и свобода бесчисленных тысяч товарищей, будущее нашего народа зависит от самого строгого сохранения секрета относительно наших боевых приготовлений. Врагу, хорошо осведомленному о нашем расположении и намерениях нашего командования будет не трудно помешать нашим успехам".

"Источники, из которых служба разведки получает данные, следующие:

- а) показания пленных,
- б) захваченные документы,
- в) неприятельские шпионы.

Необходимо, чтобы эти источники для врага иссякли.

1. Если ты имел несчастье попасть в плен, неужели ты захочешь стать отъявленным негодяем и дашь врагу сведения о расположении твоей части? Ведь это все равно, если б ты сказал убийце: "вот мой отец, стреляй в него".

Если ты хочешь быть солдатом в лучшем смысле этого слова, то совершенно отказывайся отвечать врагу на его вопросы.

Если у тебя недостает мужества и выдержки, тогда прикидывайся простаком, непонимающим, что от него хотят, или, еще лучше, говори, что ты только что выписался из госпиталя или возвратился из отпуска перед самым твоим пленением, и что, следовательно, ты ничего не знаешь. Не пытайся идти на хитрость с целью ввести противника в заблуждение ложными показаниями. Эта игра почти никогда не удается; при перекрестном допросе твоя болтовня тебя быстро разоблачит.

Избегай также говорить о положении на фронте с товарищами по несчастью - пленными: будьте, уверены, что вас подслушивают и вообще за вами следят. Если товарищи начинают болтать, скажи им, чтобы держали язык за зубами.

Если враг спросит тебя о положении внутри страны, скажи ему просто "ничего, там нам всего хватает" и ни слова больше.

2. Делай так, чтобы противник не мог захватить вместе с тобой документов, для чего не бери с собой в первую линию никаких записей, никаких журналов военных действий,

дневников, приказов и т. д.

3. Прежде, чем произнести какое-либо слово или написать что-либо, - помни о неприятельских шпионах. Можешь ли ты быть уверенным, в том, что около твоих друзей в Германии не вертятся шпионы, и что они не смогут выманить секретов, высказанных тобой в разговорах или письмах. Будь же осторожнее с твоими друзьями и родными в твоих разговорах, так же, как и в письмах. Молчание наиболее уместно во всех вещах, имеющих отношение к армии.

Один болтун иногда может причинить столько вреда, что целая армия потом не сможет исправить этого".

В начале 1916 г. в занятой немцами Либаве было развешено объявление коменданта города, запрещающее под страхом смертной казни расспрашивать солдат о военных передвижениях и действиях.

Приказ по 115 пех. германской дивизии от 10 июня 1918 г. также грозит жестокими карами тем, кто передает по телефону лишнее.

Весьма важным источником информации о противнике являлись шифрованные и нешифрованные радиogramмы. Перехватыванием этих радиogramм занимались радиостанции штабов армий и фронтов; дешифровкой их - агентурные отделения, которые имели в своем составе соответствующих специалистов. Перехват неприятельских радиogramм никаких особых трудностей не представлял. Трудность заключалась лишь в дешифровке радиogramм, составленных шифром. Однако, и это дело в немецкой разведке было поставлено образцово и велось довольно успешно.

Так, например, *Людендорф* в своих "воспоминаниях" пишет по поводу боевых действий в начале войны на русском фронте.

"...перехваченная радиogramма гласила, что русские предполагают отступать от Лодзи. Наше ликование было велико. Но, как выяснилось из второй перехваченной радиogramмы, сильная воля великого князя (Николая Николаевича) удержала корпуса на месте. Нас постигло тяжелое разочарование..."

"...русские войска, действовавшие на правом берегу Вислы,

за исключением частей у Млавы, получили приказ (по радио, конечно) - двигаться за Вислу. На наше счастье, этот приказ выполнялся весьма медленно, в противном случае положение ген. фон-Моргена стало бы более тяжелым" (стр. 88-89).

"...Из неприятельских радиogramм мы вдали от поля сражения в Познани узнали, как оптимистически русские оценивали положение, как они выдвигали требование решительных боевых действий и как торжествовали по поводу предстоящего взятия в плен целых германских армейских корпусов. Они уже готовили поезд для эвакуации пленных..." (стр. 89).

Как видим, *Людендорф* здесь очень туманно говорит о "перехваченных" русских радиogramмах и о той роли, которую они сыграли в победе *Людендорфа* под Танненбергом.

Бывший штаб-офицер для поручений штаба *Людендорфа* - генерал Гофман, говорит об этом более откровенно, заявляя¹, что, когда генерал *Самсонов* дал своей армии приказ о преследовании, русская радиостанция передала этот приказ в незашифрованном виде, и немцы перехватили его. Это был первый из ряда бесчисленных других приказов, передававшихся русскими в первое время с невероятным легкомыслием, сначала без шифра, потом зашифровано. Такое легкомыслие очень облегчало немцам ведение войны на востоке; иногда лишь благодаря ему им вообще возможно было вести операции. Шифрованные приказы не составляли для немцев затруднений. У себя в штабе они имели двух гениальных дешифровальщиков: им всякий раз быстро удавалось найти ключ к новому русскому шифру.

Нередко германское командование узнавало о событиях на фронте из русских радиogramм раньше и точнее, чем из донесений своих войск. *Гофман* приводит случай, когда утром 11 сентября (1914 г.) штаб германской армии получил донесение командира 11-го корпуса, сообщавшего, что корпус атакован превосходящими силами русских. Об этой атаке штаб армии уже знал из русской радиogramмы.

В другом месте Гофман говорит: "о главных русских силах

¹См. Ген. Гофман - "Война упущенных возможностей". Госиздат, 1925 г.

имелись сведения из нескольких перехваченных русских радиogramм, сообщавших о перемещении трех русских корпусов".

Сначала, по словам Гофмана, немцы ничего не знали о плане русского верховного главнокомандующего, но радиостанции отдельных русских корпусов продолжали сообщать каждая свою сводку, из которых видно было, что значительные русские силы передвигаются позади Вислы на север.

Тем временем также выяснилось, что предположение немцев о пределах русского продвижения от Варшавы оказалось правильным. Отойдя на 120 километров от ж. д., русские корпуса по радио доложили своему начальству о невозможности продолжать преследование.

По свидетельству Гофмана, это дало немцам возможность использовать несколько дней для перегруппировок перед новой операцией...

Далее Гофман сообщает, что командовавший под Лодзью русский ген. *Шейдеман* в подробных радио сообщал о своем отчаянном положении...

18-го ноября немцами было перехвачено одно русское радио, содержащее приказ к отступлению от Лодзи. Немцы немедленно дали войскам распоряжение о преследовании, но вышло иначе: русский верховный главнокомандующий отменил приказ и в свою очередь приказал армии *Шейдемана* держаться во что бы то ни стало...

Немцы не скрывают, что из отдельных перехваченных радио и агентских сообщений они знали в общих чертах о плане наступления русских против Восточной и Западной Пруссии. Позднейшие более точные сведения подтвердили намерение русских предпринять в начале 1915 года охватывающее наступление в Восточной Пруссии с юга.

Гофман утверждает, что неожиданным для немцев за всю войну было лишь одно русское нападение - на р. Аа зимой 1916-1917 г.; в остальном же сосредоточение русских войск для какой-либо цели всегда обнаруживалось по телеграммам штабных радиостанций, сообщавших при перемещениях новое местонахождение частей.

В "Дневнике" под 18/VIII 1915 года, Гофман отмечает, что в штабе Восточного фронта большая радость, ибо "дела с Новогеоргиевском пойдут быстро". Причиной этой радости была перехваченная радиogramма русского радиста из Новогеоргиевска, в которой он прощался со своей женой, ибо в ближайшее время собирался попасть в плен к немцам.

Как видим, эта, с первого взгляда невинная, радиogramма, дала немцам возможность сделать весьма существенные выводы.

Здесь необходимо отметить то халатное отношение к пользованию радио и проволочным телеграфом, какое существовало в русской армии и облегчало германской разведке проникновение в секреты русских. Так, например, сейчас уже точно установлено, что в 1914 году, во время операций русских армий в Восточной Пруссии, ряд весьма важных оперативных распоряжений высшего русского командования передавался по радиотелеграфу в незашифрованном виде, и, следовательно, телеграммы без труда читались противником.

Ген. Ю. Н. Данилов в своей книге (см. выше) по этому поводу говорит, что пользование полевым беспроволочным телеграфом было вообще для русских штабов делом совершенно новым и потому непривычным. Но он видел оправдание всей безалаберности в том, что "наши противники грешили тем же, и время от времени нам удавалось перехватывать их столь же откровенные донесения и распоряжения". Такая наивность вообще была свойственна высшему командному составу царской армии и влекла за собой тяжелые потери. Можно с уверенностью утверждать, что немцами без специальной цели ни одна директива не была дана по радио в незашифрованном виде. Так, во время разбираемой операции 1914 г. в Восточной Пруссии под Ангербургом, немцы дали в незашифрованном виде по радио приказ своему гвардейскому корпусу - ударить по правому флангу 1-й русской армии ген. *Ренненкампа*. *Ренненкампф* поверил этой немецкой радиogramме и бросил свои резервы на правый фланг. Немец же ударили по левому флангу армии *Ренненкампа* и

¹См. В. Латынин. - "Современный шпионаж и борьба с ним". Изд. ГВИЗ. Москва, 1925 г.

нанесли ей сильное поражение¹.

В. Флуг утверждает¹, что одной из причин бездействия *Ренненкампа* и ряда исходивших от него противоречивых распоряжений было то, что противник, путем ложных радиogramм, а также другими способами сумел ввести его в заблуждение относительно своих сил и намерений.

Интересно отметить, что в то время, как высшее русское командование не в состоянии было разгадать хитрости немцев, командиры корпусов ее разгадали и склонны были объяснить путанные и несоответствующие обстановке директивы *Ренненкампа* немецкой интригой. Тот же Флуг приводит следующий пример:

"...Командующий послал командиру III Сибирского корпуса телеграмму с приказанием приостановить наступление. Ген. *Радкевич*, только что опрокинувший противника у Новинки, объявил эту депешу подложной, подделанной неприятелем и сообщил в штаб армии с прибавлением, что продолжает начатое наступление".

Немец Вильгельм Фишер² рассказывает, что немцы, не зная, где расположена одна русская дивизия, запросили по радио русский штаб радиogramмой, зашифрованной русским шифром, и тотчас же получили желательный ответ.

Таким образом, факт чтения германцами шифрованных русских телеграмм можно считать вполне установленным. В этом нет ничего удивительного, ибо русские к шифрам относились в высшей степени халатно. Вот пример: 20-го мая 1916 года русский военный агент в Константинополе телеграфировал в Генштаб, что им "составлен шифр для сношений с Кавказским фронтом и штабом Одесского военного округа". Что такой "шифр" представлял для профессора-математика, - легко себе представить.

¹См. В. Флуг. - "X армия в сентябре 1914 г.", "Военный Сборник" О-ва ревнителей военных знаний, кн.5, 1924 г. Белград.

²См. Вильгельм Фишер. - "Шпионаж, шпионы и шпионки". Изд. 6-е Роберт Люти, Штуттгарт, 1919.

Небезынтересно отметить, что часть телеграмм, расшифрованных немцами, сами русские расшифровать не могли¹.

Остается невыясненным лишь факт второстепенного значения: имели ли немцы русские шифры, добытые ими еще в мирное время, или их специалисты раскрыли их в начале войны.

Знание немцами шифров своих противников не ограничивалось одной только Россией. Ген. Ю. Н. Данилов утверждает², что русскому министерству иностранных дел было доподлинно известно, что французский дипломатический шифр легко поддавался расшифровке и читался немцами.

Вильгельм же Фишер³ утверждает, что немцы знали также и английский радио-код, благодаря чему всегда были в курсе английских поисков "Гебена" и "Бреслау" в Средиземном море. Это и дало немцам возможность столько времени вводить англичан в заблуждение относительно операций этих кораблей.

Капитан Ф. Лукнер рассказывает⁴, что командный состав его каперского парусника "Морской Орел", оставшийся на остр. Монелине, перехватил своим радиоприемником массу шифрованных телеграмм к разным морским атташе, из которых он вывел заключение, что их командир взят в плен.

Из этого заявления можно понять, что при отправлении капитана Лукнера в каперское плавание он также был снабжен шифрами иностранных государств.

Точных данных о том, каким образом и какими путями германской разведке удавалось добывать шифры своих противников - мы не имеем. Немцы об этом молчат, если не считать случайного сообщения Гофмана о "двух гениях дешифровального дела" в штабе главнокомандующего германским

¹См. "Военный Сборник" О-ва ревнителей военных знаний, кн. 4, 1923 г. Белград. статья В. Фукса. "Краткий очерк операции Наревской (Самсоновской) армии.

²См. Ген. Ю. Н. Данилов. - "Россия в мировой войне 1914-1918 гг.". Изд. Книгоиздательства "Слово". Берлин, 1924 г.

³См. В. Фишер. - "Шпионаж, шпионы и шпионки". Изд. 6-е. Роберт Лютц, Штуттгарт, 1919.

⁴См. Капитан Ф. Лукнер. - "Зов моря". Изд. Брокгауз-Эфрон, 1926 г., г. Ленинград.

восточным фронтом.

Добраться до раскрытия шифра можно разными путями. Некоторые системы шифров поддаются дешифровке путем кропотливых математических исчислений, особенно в том случае, если в распоряжении имеется много зашифрованных телеграмм. Известно, что германская разведка применяла и этот способ проникновения в тайны шифрованной переписки своих противников и прибегала для этой цели к помощи выдающихся профессором-математиков.

Другой способ - это получить несколько телеграмм в расшифрованном и зашифрованном виде. Это сильно облегчает работу по раскрытию шифра.

Третий способ - получить сам шифр и ключ к нему. Достигнуть этого было довольно трудно, но возможно. Шифры по своей секретности приравнялись к мобилизационным планам и планам развертывания. Известны, однако, случаи, правда, весьма редкие, когда эти архисекретные планы добывались разведкой противника. Тоже самое было и с шифрами.

Вот что по этому поводу говорит, быв. царский цензор С. Майский¹.

"Шифровые коды, однако, приобретались не только с помощью служащих в посольствах, но и в Париже, и в Брюсселе, где у известных лиц имелась прямо открытая торговля иностранными кодами за определенную цену (совершенно одинаковую в обоих упомянутых городах), при чем коды, представлявшие меньше интереса, как, напр., греческий, испанский или болгарский, которые и достать было гораздо легче, ценились дешевле, тысячи в полторы-две, а такие как германский, японский или Северо-Американских Соединенных Штатов стоили по несколько десятков тысяч; цены на шифры остальных стран колебались между 5 и 15 тысячами. Этим торговцам кодами можно было дать заказ достать тот или иной новый код, и они выполняли все заказы в весьма непродолжительные сроки...."

Не подлежит, конечно, сомнению, что германская разведка

¹См. С. Майский. - "Черный кабинет". Из воспом. быв. цензора. Изд. "Былое", 1922 г.

знала о существовании таких "торговцев" и пользовалась их услугами.

Но, как бы то ни было, факт тот, что русское командование предоставляло немцам возможность проникнуть в его планы и, намерения и помимо шифровок.

Так, проволочный телеграф, особенно аппараты ЮЗА, русское командование почему-то считало совершенно надежными для передачи секретных телеграмм.

В "Дневнике" Мих. Лемке¹ мы находим следующие указания по этому вопросу:

"Сегодня (14.1.1916) видел документ, как раз рисующий отношение к делу нашего Генерального штаба, всюду ведающего службой связи... Помощник начальника Новогеоргиевской искровой станции штабс-капитан *Федоренко* донес 6/1 1916 г., что по аппарату Морзе передавались диспозиции по правительственной линии не шифрованными; протяжение самой линии было 80 верст. С появлением аппаратов Юза в штабах корпусов составилось мнение, что эти аппараты универсальны, совершенно не требуют шифрования и, благодаря скорости печатания, позволяют передавать депеши, не стесняясь количеством слов, и самого секретного характера".

"По Юзу передавалось без шифра буквально все, из армий в корпуса и из корпусов в армии. Если считать, что в 70-и корпусах стоит 70 аппаратов Юза и столько же в армиях - по приемке, то, вообще говоря, все сведения проходят приблизительно через 150 аппаратов; считая на каждом аппарате три смены юзистов и столько же смен контролеров, видно, что все сведения, передаваемые по аппарату Юза, прочитываются 1.000 чиновниками. Если только один среди этой тысячи будет шпионом, - а это явление нельзя считать невероятным т. к. противник и в мирное время среди них, вероятно, имел своих агентов, - то наличием такого юзиста при штабе корпуса можно объяснить то явление, что многие говорят "немцам все известно"...

В другом месте своего "Дневника" (запись от 14 марта

¹См. Мих. Лемке. - "250 дней в царской ставке".

1916 г.) Лемке приводит следующие цифровые данные о непрерывном росте работы проволочной телеграфной станции ставки главковерха:

10 марта 1915 г	140	депеш, или	14.240 слов
1 августа 1915 г	241	" "	26.325 "
1 октября 1915 г	309	" "	32.000 "
1 декабря 1915 г	334	" "	36.868 "
1 января 1916 г	321	" "	30.774 "
15 февраля 1916 г	442	" "	45.473 "
13 марта 1916 г	514	" "	52.814 "

При таком колоссальном росте количества депеш и слов, конечно, трудно было бы их зашифровать даже самым легким, не сложным шифром, ибо для этого необходимо было бы иметь целую армию шифровальщиков.

Характерен также в русских штабах порядок передачи адресату из аппаратной самых архи-секретных телеграмм.

По словам того же Лемке, на сев.-зап. фронте у ген. *Алексеева* было такое обыкновение: войсковые телеграммы доставлялись ему в портфеле, который приносил жандарм: ключи были в аппаратной телеграфа и у *Алексеева*; он открывал портфель и отсылал его обратно...

М. Лемке передает со слов почтово-телеграфных чиновников Ставки главковерха, что до назначения *Алексеева* начальником штаба главковерха, в телеграфной переписке между Ставкой и штабами фронтов шифр почти совсем не употреблялся. Все шло в открытую. Высшее русское командование имело привычку рассылать свои наисекретнейшие директивы циркулярно и с совершенно ненужными подробностями всем - и кому они нужны, и кому не нужны. Так, например, 21 сентября 1914 г. штаб Северозападного фронта отдал приказ-директиву за № 15, в которой указал не только общую обстановку и группировку русских войск на всем театре войны, но и дальнейшие намерения всей русской армии. Заметив свою оплошность, штаб в тот же день написал командующим армиями:

"Принимая во внимание, что сведения эти являются особенно секретными и представляют государственную тайну, главноко-

мандующий приказал вас уведомить, что сведения эти переданы вам единственно для вашего личного сведения, и никоим образом не могут быть включены в отдаваемые вами по армии приказы и вообще кому-нибудь сообщены"¹...-

К этому необходимо прибавить, что при всей этой безалаберности в русской армии существовала еще и неудержимая болтливость² всех военнослужащих, начиная от рядового солдата и кончая генералами. Болтливость и разглашение тайн приняли в русской армии такие размеры, что даже русские командные верхи вынуждены были об этом заговорить. Так, например, в марте 1916 г. начальник штаба главковерха отдает приказ, в котором, между прочим, говорит следующее:

"До настоящего времени меры борьбы с болтливостью чинов армий, вредящей тайне, решительных результатов не дали. По поступающим из многих источников сведениям, лица, принадлежащие к составу армий или учреждений, не соблюдают должной осторожности, в особенности в разговорах в общественных местах. Многое также свободно передается семьям, а оттуда очень быстро получает широкое распространение.

"Замечено, что эта преступная болтливость постепенно приобретает все большую и большую беззастенчивость, требующую применения действительных мер борьбы с этой опасностью..."

Эти "действительные меры" борьбы *Алексеев* видел в обращении "начальствующих лиц всех степеней к патриотическим чувствам вверенных им чинов и в напоминании им опасных последствий малейшей в указанном отношении неосторожности и нескромности".

В заключение *Алексеев* предлагал болтунов "подвергать взысканиям со всей строгостью законов, давая широкую огласку как обстоятельствам совершенного преступления, так и наложенным на него взысканиям, с упоминанием кем именно это преступ-

¹См. Латынин. - "Современный шпионаж и борьба с ним".

²Быть может, прав ген. М. Ю. Драгоманов, когда-то сказавший, что "в русской армии мало изменников, но много простодушных болтунов". Но эти болтуны подчас вреднее прямых изменников.

ление было совершено.

Эти "действительные меры борьбы", поскольку они должны были применяться к болтуну-офицеру, в жизнь, конечно, не проводились. Так, например, военная цензура установила, что полковник Черепанов в письмах к своей жене сообщал совершенно секретные сведения о расположении войск. Дело доходило даже до того, что им посылались условные (кодированные) телеграммы. Было произведено расследование, подтвердившее разглашение не только *служебных*, но и *военных тайн*, а полковник Черепанов получил за это всего лишь анонимный выговор в приказе по войскам фронта...

Понятно, что при такой постановке сохранения военных тайн и при таких мерах борьбы с их разглашателями - работа германской разведки была сильно облегчена.

Да и как можно было требовать молчания от простых смертных, когда сам Николай II почти в каждом письме сообщал своей жене наисекретнейшие данные, а та передавала их Распу-
тину¹.

Остается сказать еще о работе германской разведки на азиатских фронтах. Здесь разведка носила почти целиком фронтовой характер и велась исключительно фронтовым командованием.

Вообще, по отзывам англичан, германская разведывательная служба на азиатских театрах войны работала великолепно...

По словам капитана английской разведывательной службы Фердинанда Тохай², разведка на азиатских театрах войны "являлась своего рода спортом для нескольких ловких и отважных офицеров, которые изменяли свою наружность, чтобы пробираться за неприятельские линии и собирать там сведения". Для доставки документов и донесений из неприятельского тыла использовались бедуины, свободно раз'езжавшие по пустыне, пряча документы "в фалдах своих аббас".

Сплошной линии фронта на этих театрах войны (как, напр., в Палестине) не было. Фланги небольших участков фронта были

¹См. "Письма Александры Федоровны к Николаю II". Госиздат.

²См. его книгу "The Secret Corps".

свободны, и это давало возможность агентам обойти их беспрепятственно.

По словам того же *Тохай*, в Палестине особенно хорошо работал германский агент, немец *Прейссер*, много лет проживший там и великолепно знавший местные порядки, обычаи и язык. Этот *Прейссер*, переодетый бедуином, с загримированным в коричневый цвет лицом, по несколько раз проходил на осле английские линии и добирался до самого Суэцкого канала и даже до Каира. Главным центром шпионажа в этом последнем пункте являлся отель "*Shepherd*", где под вечер можно было встретить "весь цвет" Каира. Здесь были сестры милосердия, генералы, младшие офицеры, француженки, итальянки, англичанки, шотландцы, австрийцы, индусы, армяне, греки, турки и пр. и пр. Вся эта масса бездельников, конечно, в своих разговорах ничем не стеснялась и о сохранении какой-либо военной тайны в этом гнезде не могло быть и речи. Здесь то и "работал" упомянутый *Прейссер*.

Другим германским агентом являлся майор *Франкс*. Он провел большую часть своей жизни в английских колониях и мог великолепно выдавать себя за англичанина. Он широко пользовался этой возможностью, завел себе целую коллекцию английских офицерских мундиров и свободно разгуливал в них в тылу англичан.

Однажды, когда австралийские посты не захотели пропустить его одетого в мундир австралийского офицера, он приказал их сменить и посадить под арест.

В другой раз, переодетый полковником английской артиллерии, он явился в главный склад боевых припасов в Рафе и отрекомендовался представителем австралийской дивизии, присланным с фронта для проверки состояния содержимого склада.

Третий раз, незадолго до очередного английского наступления, он явился в английские линии под видом капитана Генерального штаба, произвел осмотр штаба бригады полевой артиллерии, заявив, что он прислан главной квартирой для сбора всех данных относительно заградительного огня, предполагавшегося в предстоящем наступлении. Ему были даны все требуемые

данные, без проверки его полномочий и личности. После отъезда Франкса из бригады выяснилось, что в данные ему сведения вкрались некоторые неточности. Бригада позвонила об этом по телефону в главную квартиру и только тогда выяснилось, что эти секретнейшие сведения были даны германскому агенту.

Последней "операцией" Франкса было следующее.

Когда англичане занимали участок Яффа - Иерусалим, в передовые линии явился офицер Генерального штаба, отрекомендовав себя инспектором, и обошел все войска, расположенные в передовой линии. Он подробно расспросил каждого командира батальона о полученных инструкциях на случай турецкого нападения, а затем незаметно ушел в турецкие окопы...

Этот Франке нагнал такой страх на английскую контрразведку, что она начала арестовывать чуть ли не всех английских офицеров, появлявшихся одиночным порядком в ближайшем тылу, подозревая в них легендарного германского разведчика.

В Персии и Месопотамии немцы в довольно широких размерах пользовались для диверсионных (активных) действий, а также и для разведки, услугами партизанских отрядов, состоявших из разных местных племен. Для того, чтобы вступить в переговоры с тем или иным племенем и не нарваться на провокацию, нужно было всегда быть в курсе настроений данного племени. И в этом отношении германская разведывательная служба держала в страхе своих противников. Так, например, в Месопотамии, ночью на палатку одного из английских штабов напала какая-то банда, забравшая все, даже туалетные принадлежности со столиков спящих офицеров. Последние вначале предполагали, что это дело рук обычных воров, и только когда выяснилось, что у генерала исчезла часть секретных документов, догадались, что здесь действовала разведка противника.

В Месопотамии и Персии почти за все время войны англичан держал в постоянном страхе германский агент *Васмус*. До какой степени он был страшен для англичан, показывает тот факт, что на всех двухнедельных английских разведывательных схемах расположения противника, неизменно через всю южную Персию красными буквами проходила надпись: "*Васмус*". Это

значило, что весь этот район находился под влиянием и фактическим управлением молодого германского консула *Васмуса*. Последний, в представлении англичан, был олицетворением ловкости, хитрости, выдержки и выразителем всей опасности германской системы "Drang nach Osten". Перед войной молодой *Васмус* занимал должность герм. консула в Бушире. Он часто устраивал банкеты и приемы, желая этим произвести впечатление на представителей местных персидских властей и вождей племен. Это ему удавалось.

В ноябре 1914 года англичане пытались его арестовать, но из этого ничего не вышло. *Тохай* сравнивает его с турецким "Гебен", говоря, что, "как "Гебен", он стал для нас (англичан) на все время войны постоянной угрозой, политической силой, с которой необходимо было считаться, человеком, который мог сделать неподвижными тысячи английских солдат".

Васмус говорил в совершенстве по-персидски и детально знал все обычаи и нравы края. Когда англичане начали за ним охотиться, он, забрав крупную сумму денег в германской золотой валюте, отправился в глубь страны, с целью удержать под своим влиянием Южную Персию, вести разведку и причинять "неприятности" англичанам. Сами англичане признаются, что "все это *Васмус* выполнил со сказочным успехом". Сперва на англичан напало одно племя, потом другое. В результате этих нападений, англичанам пришлось усилить свои войска в Персии.

В своей работе *Васмус* был подчинен *Лиману фон-Сандерсу* в Константинополе, сносился с ним и получил от него директивы. Связь с Константинополем действовала хорошо, и все добытые сведения доставлялись туда своевременно.

В Персии *Васмус* имел в своем распоряжении довольно широкую сеть агентов. Все они, за исключением двух немцев и одного швейцарца, были персы, - частью члены знатных персидских семей, а частью рыбаки Персидского залива, наблюдавшие за проходившими пароходами, возившими английские войска.

Агентурная сеть *Васмуса* работала настолько хорошо, что он был в курсе английских военных приготовлений в Индии и

знал дислокацию англичан, как в Месопотамии, так и на других азиатских фронтах. Для связи со своими агентами *Васмус* пользовался услугами капитанов крупных пароходов, курсировавших между Индией и Персией. В тех случаях, когда на пароходе не было "своего человека", германские агенты, находившиеся в Индии, пользовались иногда и следующим приемом пересылки, своих донесений *Васмусу*. Они грузили на пароходы разные товары, имевшие условное значение. Так, например, один ящик мыла обозначал, что из Индии отправлена во Францию одна бригада индийских войск.

Агенты *Васмуса* - туземцы, служившие в Персии в английских лагерях в офицерских казино и проч., немедленно доносили ему о каждом передвижении английских войск.

Васмус пытался также разложить английскую агентурную сеть в Персии. По данным английской контрразведки, он выделил для этой цели трех своих надежных агентов, раз'езжавших по Персии и склонявших английских агентов к переходу на сторону немцев. Один из этой тройки, *Бругман*, был впоследствии захвачен англичанами при следующих обстоятельствах.

Англичане узнали агентурным путем, что *Бругман*, переодетый персидским купцом, намеревается отправиться на пароходе в Афганистан для поднятия восстания против англичан на индийской границе. Экипаж парохода, на котором ехал *Бругман*, состоял одновременно на секретной службе и у англичан и у немцев. На берегу, где должен был высадиться *Бругман*, англичане устроили засаду. Несмотря на это, *Бругман*, пользуясь темнотой ночи, благополучно высадился, погрузил на ишака довольно внушительную сумму золотом и выбрался за линию английскою оцепления. Но англичане знали, что он должен остановиться у одного своего приятеля. Там он и был арестован.

Из страха перед деятельностью *Васмуса* англичане держали в Персидском заливе 4 военных судна, непрерывно патрулировавших и ловивших парусные суда, перевозившие боевые припасы для *Васмуса*. За его голову англичане обещали 50.000 фунтов стерлингов (около 500.000 рублей). Однако, среди друзей *Васмуса* не нашлось человека, который бы согласился предать его.

Васмус также пользовался авторитетом и у персидских властей, с которыми поддерживал тесный контакт. Для укрепления престижа Германии в глазах населения и местных властей, *Васмус* прибегал ко всевозможным уловкам и хитростям. Так, напр., в 1916 г., во время сражения на Сомме, он вывесил перед своим домом в Араме оперативную сводку, в которой сообщалось, что немцы высадились в Англии и убили короля Георга. Эта весть распространилась по всей Персии.

Когда *Васмусу* не хватало золотых денег, он выпускал бумажные. В конце концов, он ухитрился убедить персов платить ему по 300 рупий ежемесячной пенсии. Кроме того, персы его одевали, кормили, давали ему лошадей и пр. Необходимо отметить, что *Васмус* женился на дочери главы одного из племен. Это обстоятельство сильно облегчало его деятельность.

Иногда, когда *Васмус* попадал в тяжелое положение и когда местное население отказывалось поддержать его, он, пользуясь отсталостью и невежеством этого населения, устраивал фокусы, вроде следующего: он всовывал в песок кусок проволоки, созывал к этому месту как можно больше туземного населения и объяснял, что сейчас будет говорить с шахом, или султаном, по телефону, затем, взяв конец проволоки он начинал говорить по-персидски, или по-турецки, смотря по обстоятельствам: "Алло! Здесь нижайший подданный вашего величества, немец *Васмус*. Он целует подошвы ваших сандалий... Он находится сейчас в Аване. Начальники племен этой местности не хотят слушаться инструкций, данных вашим величеством..." и т. д.

Туземцы, слыша это, падали ниц... Тогда *Васмус* передавал им вымышленный приказ шаха или султана. Такого рода "приказы" немедленно выполнялись главарями племен.

Английская разведка знала все эти похождения *Васмуса*, но была бессильна что-либо с ним сделать; он был и оставался для нее неуловимым.

Глава третья

Германская глубокая (стратегическая) агентурная разведка

Руководители агентуры - военные атташе в центральных странах.
- Работа сети военного времени. - Сеть мирного времени. - Слабость германской морской разведки в России. - Разведка против России из Скандинавских стран и Китая. - 227 германских агентурных постов на русско-шведской границе. - Приемы агентурной работы из Швеции. Контакт между германским и шведским Ген. штабами. - Разоблачения шведского дипломата. - Участие шведских дипломатических учреждений в германской агентурной службе. - Германские агенты в русском посольстве в Швеции. - Агентурная работа из Дании на Россию. - Базы германских подводных лодок в Норвегии и их агентурное обслуживание. - Голландия, как центр герм. разведки против Франции и Англии. - Роль германских дипломатических, коммерческих и финансовых учреждений в агентуре. - Германская разведка и контрразведка в Швейцарии. - Ограбление австрийского консульства в Цюрихе. - Провал германской агентурной сети. - Германская агентура в Испании. - "Альфонс ХШ да сволоч" за союзников, остальная Испания - за Германию. - "Мадрид всегда давал нам очень верную информацию". - Германская агентурная работа в Греции. - Королева - осведомительница немцев. - Попытка союзников ликвидировать герм. агентурную сеть в Греции. - Работа немцев в Румынии. - "Румыны не нация, а профессия смычка и отмычки". - Агентурная разведка из Китая против Японии и России. - Диверсионный характер этой разведки. - Характер и направление агентурной разведки из Америки.

В нашем распоряжении не имеется, к сожалению, исчерпывающих данных об организации и технике германской глубокой агентурной разведки во время войны. Однако, те данные, которыми в этой области мы располагаем, дают все же возможность получить о ней некоторое, правда, неполное, представление.

Выше мы уже указывали, что глубокой агентурной разведкой занимался III-Б отдел штаба главкома. Разведка эта велась им через нейтральные страны посредством военных атташе, посольств, консульств и разных германских коммерческих и промышленных предприятий и специальных агентов.

Военные атташе в нейтральных странах являлись главными резидентами III-Б отдела. Им подчинялись все остальные, не имевшие каких-либо особых заданий и поручений от III-Б отдела, лица, замаскированные в перечисленных выше учреждениях и предприятиях.

Эти главные резиденты вербовали агентов среди граждан нейтральных стран и направляли их под всевозможными благовидными предложениями в воюющие страны.

Для ведения агентурной разведки всех видов Германия использовала преимущественно следующие нейтральные страны: Китай, Норвегию, Швецию, Данию, Голландию и Швейцарию, а также отчасти Мексику, Канаду, Аргентину и САСШ.

В общем следует сказать, что, по имеющимся сведениям, работа германской разведывательной службы во время войны должна быть разбита на две части: 1) на работу сети, наскоро созданной в начале войны, и 2) на работу сети, заложенной в стране еще в мирное время.

Организация, созданная в начале войны, наспех, зачастую из непроверенных людей, постоянно терпела поражения и давала в работе перебои. Особенно этим страдала германская военноморская агентурная разведка против России.

Несмотря на то, что из Германии исходило самое мелкое инструктирование, касавшееся агентов, условий их деятельности и пр., практическое выполнение всего этого лежало на лицах, которые часто вели дело далеко не безупречно и не с той энергией, которую мы видим в других сферах деятельности германской агентурной службы. Бывали случаи, что руководители отдельных организаций ссорились между собой, воровали казенные деньги, сведения принимали без проверки и т. д. Агенты были развращены несуразно высокой оплатой, выдававшейся за все сведения (верные и неверные).

Очевидно, германская разведка держалась того принципа, что лучше поверить неверному сведению, чем не поверить верному.

В общем, следует сказать, что, по имеющимся сведениям, германская морская разведка против России стояла, если судить

по результатам, далеко не на той высоте, какой можно было ожидать от нее, считаясь с затрачивавшимися немцами суммами, а также с числом и энергией отдельных участников организации. Это, однако, не значит, что германская морская агентура не имела ценных сведений о русском флоте. Вероятная причина этих недостатков заключалась в том, что немцы, повидимому, не придавали большого значения морскому шпионажу против России, как из-за вынужденной и явной пассивности русского флота, так и вследствие своих общих стратегических планов¹.

Главная работа германской агентурной разведки против России велась из Скандинавских стран и Китая, но, главным образом, из Швеции.

Германский военно-морской атташе в России *Фишер-Лос-сайн* переехал после разрыва дипломатических сношений в Швецию. Оттуда он должен был поддерживать связь и руководить германской агентурной сетью, созданной в России еще в мирное время, а также налаживать новые связи и изыскивать новые источники сведений. Помимо указанного, этот военный атташе, считавшийся хорошим знатоком русских военных и морских дел, должен был оценивать сведения, получавшиеся из России и от других источников.

Выбор *Швеции* в качестве центрального исходного пункта разведывательной работы всех видов против России можно объяснить следующими обстоятельствами: 1) шведские правительственные круги и высшее общество Швеции были расположены к Германии, - поэтому шведские военные власти и полиция смотрели сквозь пальцы на германскую разведывательную деятельность против России, 2) германо-шведская и русско-шведская границы были весьма удобны для поддержания сношений; в этом также не малое значение играла однородность населения приграничных районов обеих стран; 3) самый скорый

¹В начале 1915 года русский военный атташе в Италии установил, что первый секретарь русского посольства в Риме поддерживает связь с германским морским атташе. Более внимательное исследование этой связи показало, что это не просто знакомство дипломатов двух враждебных государств.

Первый секретарь русского посольства был уволен в отставку...

путь, связывавший во время войны Россию с Европой, проходил из России через Швецию, 4) за время войны между Швецией и Россией завязалось много торговых сношений, позволявших, прикрываясь флагом торговли, втиснуть агентов разведки среди коммерсантов; 5) через Швецию шли контрабандой в Россию некоторые товары из Германии (например, станки, медикаменты и пр.), причем, конечно, заинтересованные в получении таких необходимых предметов русские власти сознательно допускали некоторую связь с Германией, что учитывалось и использовалось германской разведкой; 6) наконец, в лице финских эмигрантов, особенно среди идейно настроенной против царской России финской молодежи, можно было всегда рассчитывать найти элемент, подходящий для вербовки агентов.

По данным царской контрразведки немцы и шведы производили взаимный обмен результатами своих разведок. Бросалось в глаза то обстоятельство, что шведская полиция, почти совершенно не реагируя на разведывательную работу немцев, ревниво не допускала в пределах Швеции работы русской и вообще союзной разведки, направленной против Германии. Агентов германской разведки шведские власти вылавливали лишь по настойчивым представлениям союзников, агентов же последних шведская полиция выслеживала и ликвидировала сама по своей инициативе и в кратчайший срок¹.

Кроме чисто разведывательных задач, германская агентура в Швеции занималась также и другими видами агентурной разведки против России, как, напр., пропагандой, агитацией и активной разведкой (об этом см. соответств. главы).

Для слежки за появлением английских и русских подводных лодок немцами была создана обширная сеть наблюдателей. Для

¹Еще до войны на конференциях начальников Генеральных штабов Франции и России последний из года в год доказывал, что Швеция вероятнее всего в случае войны выступит на стороне Германии. Представитель французского Ген. штаба указывал, что чем решительнее будут первые успехи союзников в начале войны, тем менее оснований ожидать присоединения Швеции к Германии. (см. "Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-14 гг. Сборник секретных дипломат. документов быв. императорского российского министерства иностранных дел. Изд. НКВД, 1922 г.

этой цели они вошли в соглашение с официальными учреждениями (лоцманскими, наблюдательными постами и т. д.), с рыбаками и пароходствами по всему побережью Швеции, Дании и Норвегии. Особенно бдительно они следили за датскими проливами, опасаясь усиления русского подводного флота английскими подводными лодками, прорвавшимися через датские проливы, и за районом от шведских портов по шведскому побережью к югу вдоль курсов шведских пароходов, перевозивших руду в Германию.

Велось также наблюдение за пароходами, выходившими из скандинавских портов в союзные страны; о выходе таких пароходов затем предупреждались немецкие подводные лодки, охотившиеся за этими пароходами.

Велся также и коммерческий шпионаж, с целью выяснения фирм, лиц и грузов в связи с отправлениями в союзные страны. Таких лиц (и такие фирмы) немцы старались использовать в своих шпионских целях. Грузы же, в случае важного их значения для союзников, они старались скупать, не стесняясь ценой. Для этих целей Германия пользовалась услугами своих банков и помощью гамбургского коммиферейна, шведских купцов, банковских деятелей и лиц самых различных профессий и общественного положения. Главные силы были мобилизованы для закупки и доставки в Германию шведских товаров, имевших важное значение для фронта и тыла, с целью противодействия таким же закупкам и заказам со стороны России, которая была вынуждена искать на скандинавском рынке металлы, станки, азотную кислоту, хлопок, и химические полуфабрикаты. В этом направлении и развивалось противодействие со стороны Германии, которая, с одной стороны покупала все то, что могло быть использовано русской военной промышленностью, а с другой, - при посредстве некоторых шведских фирм, принимавших близкое участие в политической и военной жизни Германии, - отправляло на шведский машинный рынок непрочные и устарелые механизмы и машины.

За тем, что покупалось и что требовалось Россией на шведском рынке внимательно следило особое бюро при германском

посольстве в Стокгольме. Для учета и осведомления о всевозможных проявлениях военной, экономической, общественной и политической жизни России, немцы создали вдоль всей русско-скандинавской границы целую цепь официальных, полуофициальных и тайных наблюдательных постов. По сведениям шведских источников, вдоль русско-шведской границы находилось 227 таких германских постов "различного наименования" и "различного назначения".

Это, так сказать, - деятельность германской агентурной разведки в самой Швеции. Но этим, она, конечно, не ограничивалась. Из Швеции велась военная разведка на Россию. Через Швецию шла отправка агентов в Россию, из Швеции ими руководили, в Швецию же они отправляли свои донесения.

В качестве агентов для разведки всех видов против России из Швеции, Германия пользовалась немцами, финнами, евреями и шведами.

Передача собранных сведений руководителям агентурных организаций производилась посредством специальных агентов связи (передатчиков), а также путем непосредственных встреч руководителя с агентами на конспиративных квартирах. Последнее у немецкой агентуры были устроены в пансионах, на дачах, в пивных.

Практиковались также почтовые и телеграфные сношения при помощи тайнописи и условных кодов (об этом речь будет ниже).

Сухопутной германской военной разведкой из Швеции против России одно время руководил капитан *Хэльдт*, именовавший себя гражданским инженером. Он, кроме того, занимался вербовкой финнов в германскую армию. Эту вербовку проводили при помощи агитации (для содействия освобождению Финляндии из под ига России), а иногда и обманным путем, заманивая на работы в Германию за высокую плату. Строгий и хорошо поставленный германский контроль на всех этапах следил за тем, чтобы завербованные доехали до Германии. Там же всем строптивым разъясняли, что они - русско-подданные, а потому, находясь в Германии, подлежат заключению в концентрационные

лагеря, в том случае, если не поступят добровольно в распоряжение военных властей для использования их при работах на оборону. Потом им объявляли, что они подлежат отправке в тыл, а затем отсылали на фронт в первые линии (под Двинском и Митавой), в 27-й егерский батальон, укомплектованный финнами.

Финнов же, безусловно преданных Германии, особенно предложивших услуги по своей инициативе, немцы, продержав некоторое время в лагерях и в армии, использовали для шпионской и вербовочной работы в Финляндии и для целей активной разведки (убийства, взрывы и пр.). Но, так как, по всей видимости, таких людей у немцев не хватало и, кроме того, они были нужны для поддержания германофильских настроений в общей массе финнов, собранных в лагерях и батальоне, - немцы стали предлагать шпионскую, вербовочную и активную деятельность вообще всем тем финнам, которые просились домой в отпуск. Однако, из довольно большого числа уезжавших лишь сравнительно немногие шли на это искренно, значительное же число пользовалось этим для того, чтобы легче вернуться домой и остаться там.

Выше мы уже указывали, что шведский Генеральный Штаб свою агентурную разведку против России вел в контакте с германской разведкой, с которой обменивался собранными сведениями.

Разведка шведов в России была довольно слабой. На местах ею руководили миссии и консульства, вернее лица, прикомандированные к ним под флагом коммерческих агентов. Пересылка собранных сведений производилась дипломатической почтой.

На тесный контакт германской разведывательной службы со шведскими правительственными учреждениями указывает следующий факт.

В начале 1925 года в шведской газете "Квальстиднинген" (см. № этой газеты от 18/IV 1925 г.) появилось письмо быв. шведского ген. консула в Мексике (до того он был секретарем шведских посольств в Японии и Китае), *Фолке Кронхольма*, в котором он пишет следующее:

"...Шведский министр иностранных дел во время войны

1914-18 гг. *К. А. Валленберг*, приказал мне и другим главам посольств передавать секретные германские телеграммы, зашифрованные непонятным для нас шифром"...

Это заявление делает понятным явление, над которым союзные контрразведки ломали головы все время войны и которого все же понять не могли. Во время войны по многим обстоятельствам можно было с уверенностью сделать вывод, что немцы узнавали о каком-либо событии в странах своих противников максимум через 24 часа, а о таких событиях, как напр., точные места попадания в Париже снарядов сверхдальнобойного орудия - через 2 часа¹. Контрразведки прилагали тогда все усилия к выяснению этой таинственной быстроты передачи сведений германской агентурной службой, однако, ни к какому правдоподобному выводу придти не могли, и самым энергичным образом продолжали разыскивать спрятанные германские радиостанции особой, до того неизвестной, конструкции.

Письмо *Кронхольма* раскрывает эту тайну...

Нет сомнения, что германская разведка еще задолго до войны договорилась со шведским и греческим дворами относительно использования дипломатических представительств этих стран за границей во время войны для поддержания связи со своей сетью, что и было ею блестяще проведено в жизнь и оказало ей существенную помощь.

Необходимо указать еще на следующие учреждения, работавшие для германской разведки в Швеции.

Одно из них - "Немецкое вспомогательное общество". Официальной целью этого о-ва являлось оказание всевозможной помощи и содействия немцам, находившимся в Германии и имевшим связи в России и Швеции. Фактически общество это являлось шпионской организацией германского верховного командования.

Другое такое же учреждение - "Немецкий клуб в Стокгольме" - служило удобным местом для встреч, передачи добытых материалов, обсуждения заданий и инструкций шпионского

¹См. *Николай*. - "Тайные силы".

характера.

Третье аналогичное учреждение - "Северное бюро путешествий" - являлось чисто шведским предприятием, имевшим свои отделения в России. Оно играло весьма видную вспомогательную роль для германской разведки, выполняя через посредство своих агентов поручения германских разведывательных пунктов в Швеции.

Имелись сведения, что германская разведка имела в русском посольстве в Стокгольме своих агентов, оказывавших ей ценные услуги. Имелись также агенты германской разведки и в польском отделе русского комитета в Стокгольме.

В Дании, по образцу Швеции, также находились германские разведывательные пункты, скрывавшиеся за вывеской германского посольства и консульств и имевшие свои разветвления почти во всех слоях общества. Однако, шпионаж непосредственно из Дании на Россию велся немцами не очень интенсивно, особенно по сравнению со шведским. Но, несмотря на это, Дания все же представляла для немцев некоторые выгоды в смысле разведывательной работы против России. Выгоды эти заключались в следующем:

1. Сравнительные симпатии русских к датчанам, как к народу, в массе враждебно настроенному против Германии.
2. Сношения с военнопленными через Данию.
3. Через Данию шел путь, по которому, несмотря на войну, поддерживались некоторые прямые сношения с Россией (вероятно, с ведома германских властей и при посредничестве шведских или датских организаций из России в Германию проезжали лица по коммерческим делам даже во время войны).

Однако, ввиду того, что Дания была не особенно удобна, как база для разведки против России, а, главным образом, из-за неимения в Дании того кадра, который мог бы работать в России почти незаметно в однородной с ним массе населения (как, напр., шведские агенты в Финляндии), - разведка из Дании велась немцами по другой системе. Агенты, отправлявшиеся из Дании, не обладая национальными преимуществами и связями агентов финнов и шведов, должны были прикрываться самыми правдопо-

добными коммерческими или какими-либо другими профессиональными целями.

Поэтому из Дании в качестве агентов германской разведки в Россию попадали большей частью коммерсанты и артисты (разных специальностей). Вербовка их при этом также производится главным образом из Швеции.

Сравнительная отдаленность Дании от России заставляла немцев ставить своей разведке из этой страны задания несрочного и неоперативного характера, а более общие, при чем на их выполнение агентам давался срок гораздо более длительный, чем из Швеции.

К делу шпионажа из Дании на союзные страны были привлечены также германские торговые и финансовые предприятия.

Шпионская деятельность немцев из Дании затруднялась еще тем, что датские власти не особенно дружелюбно были настроены по отношению к Германии и старались мешать и препятствовать шпионской деятельности немцев, в то же время содействуя и способствуя разведкам союзников.

В Норвегии руководство разведывательной деятельностью также было сосредоточено в германском посольстве и в консульствах. Германская разведка особенно бдительно следила за побережьем Норвегии, в особенности за Вардэ, - ближайшим к России портом, с целью быть осведомленными о проходе военных и торговых судов, совершавших рейсы между Архангельском и Мурманском, с одной стороны, и союзными портами - с другой.

В Бергене и Вардэ разведывательную службу для Германии вели под руководством барона Мирбаха клерки "Цюрихского банка для финансирования электрических предприятий", а также служащие банкирского дома "Иоганн Беренберг, Гейслер и К^о" в Гамбурге, представители которого совершали обширные кредитные операции в Норвегии.

Еще "Новое Время" писало, что барону Мирбаху, при помощи одного норвежского пароходовладельца удалось устроить на Медвежьем острове базу для германских подводных лодок и организовать удавшееся нападение на британский крейсер, везший в Россию лорда Китченера.

Из Голландии германская агентурная служба направляла свою работу главным образом против Франции и Англии. Как в Скандинавских странах, так и здесь, все нити по руководству агентурными организациями были сосредоточены в руках лиц, прикрывавшихся разными официальными должностями в германском посольстве и консульствах. Вспомогательную роль играли германские коммерческие и промышленные предприятия.

Голландией германская агентурная служба очень дорожила не только, как плацдармом для разведывательной работы против Англии и Франции, но и как пунктом, из которого можно было вести контрразведку против разведывательной работы указанных двух стран. Всю голландско-германскую границу немцы обнесли колючей проволокой, через которую время от времени пускался электрический ток весьма большой силы. Отрядам, охранявшим эту границу, ставились следующие задачи:

1. Не допускать передачи писем через границу.
2. Выявлять пункты световых сигналов и радиотелеграфных станций.
3. Пресекать перелет почтовых голубей.
4. Не допускать прокладки через границу подземных кабелей.
5. Не допускать переброски через границу небольших записок при помощи стрел, выпускавшихся из лука.
6. Следить за иностранными аэропланами.
7. Вылавливать дезертиров, переправлявшихся через границу (в обе стороны), и т. п.

Необходимо отметить, что отряды пограничной охраны имели в своем распоряжении еще и тайных агентов.

В среднем за месяц один пограничный отряд, состоявший приблизительно из 250 человек, и занимавший участок в 10 километров, задерживал около 100 человек при попытке нелегально перейти границу. Из этого числа около 25% приходилось на дезертиров, 25 % - гражданских лиц и 50% - подозрительных иностранцев. Электрическим током в среднем за месяц убивалось до 10 человек, в том числе и несколько солдат отряда, ибо никто, кроме командира, не знал, когда пустят ток.

В остальном работа германской агентурной службы в Голландии протекала приблизительно также, как и в Скандинавских странах.

Швейцария еще в мирное время считалась центром международного шпионажа. Население ее до известной степени уже было развращено возможностью легкого, на первый взгляд, заработка.

Из Швейцарии германская агентурная служба вела разведку всех видов против Франции, Италии и Англии и в общих чертах пользовалась теми же приемами, как и в Скандинавских странах.

Однако, работать здесь германской разведке было не везде одинаково легко. Население западной и южной частей Швейцарии симпатизировало странам Антанты, в северной же и восточной преобладала ориентация на Германию. Вербовочная деятельность германской разведки и производилась соответственно этому делению.

Само швейцарское правительство показывало вид, что оно одинаково усердно борется против нарушений своего нейтралитета, с чьей бы стороны они ни проявлялись. С самого начала войны в Швейцарии было издано несколько законов, имевших целью внушить воюющим, что швейцарское правительство не допустит такого нарушения. Так, например, 3 августа 1914 г. был издан декрет о мероприятиях в защиту страны и к поддержанию ее нейтралитета. За ним последовали распоряжения о карательных мерах против опубликования военных сведений. В 1917 г. появился новый декрет, который должен был защитить собственные военные секреты Швейцарии.

Однако, несмотря на официальные меры, швейцарские власти смотрели сквозь пальцы на деятельность агентов воюющих стран. Лишь в тех случаях, когда та или иная страна указывала швейцарским властям на деятельность агентов противника, власти принимали репрессивные меры. Такой возможностью парализовать разведывательную деятельность своих противников пользовались все воюющие страны, но особенно широко проводила это Германия, что служит доказательством хорошей постановки службы германской контрразведки в

Швейцарии. Германская контрразведка указала швейцарским властям на 14 французских шпионских организации и на 145 отдельных лиц; она скомпрометировала нескольких французских и английских военных атташе, консулов и других официальных лиц, вынужденных покинуть пределы Швейцарии. Под созданный таким образом шум германская разведка могла работать несколько свободнее.

Но и контрразведки Антанты, в свою очередь, не раз проваливали германских агентов в Швейцарии.

Известен, например, следующий случай, имевший место в феврале 1917 г. в Цюрихе.

Контрразведке Антанты стало известно, что германский и австрийский консула, ведущие разведку всех видов против Италии, хранили все секретные документы в особой бронированной кладовой в австрийском консульстве. Броня кладовой была сделана из хорошей стали. Для пущей важности немецкий и австрийский агенты распространили слух, что между двойными стенками кладовой пропущен удушливый газ. Контрразведка Антанты решила похитить документы из этой кладовой. Ее агенты вошли в связь со сторожами консульства, допустившими их к кладовой. С замков кладовой были сняты слепки и сделаны ключи. Но ключами открыть замка не удалось. Тогда на следующую ночь были пущены в ход все новейшие усовершенствованные воровские инструменты. Агенты, напуганные слухами о пущенном между стенами удушливом газе, в течение нескольких часов работали в противогазовых масках. Под утро кладовая была вскрыта, и все содержимое ее в нескольких чемоданах переправлено в Милан.

Добытые таким путем документы дали возможность раскрыть почти всю австро-германскую агентурную сеть в Италии. Они дали также возможность установить, что взрыв итальянского броненосца "Леонардо да Винчи" был делом рук германской агентурной службы. Среди довольно внушительного количества агентов был обнаружен известный германский прелат, тайный папский камерарий, которому итальянцы предложили покинуть пределы Италии.

В другой раз английская контрразведка устроила следующий фокус с германской шпионской организацией.

Случайно было обращено внимание на одного английского чиновника, который всеми правдами и неправдами старался перейти на службу в английское посольство в Швейцарии. Наблюдение за ним установило, что он ведет жизнь не по своим официальным доходам. Выяснились также и другие подробности, указывавшие на то, что чиновник этот связан с германской разведкой. Тогда ему предоставили в английском посольстве в Швейцарии ту должность, которой он так добивался. Там ему дали работу, тщательно подготовленную английской разведкой, т. е. пропускали через его руки разные фальшивые документы и ложные сведения. Чиновник аккуратно все это передавал германской разведке. Когда против чиновника было собрано достаточное количество изобличающего его материала, его арестовали. Но, вместо расстрела, ему предложили следующее: жизнь вы проиграли, вам грозит неминуемый расстрел. Однако, если вы желаете остаться в живых, поезжайте в Германию и выясните кое-какие интересующие Англию вопросы. Чиновник предложение принял и, пользуясь хорошей репутацией у немцев, до конца войны работал против Германии в пользу Англии.

В Испании германская разведывательная служба также имела свой наблюдательный пункт. Помимо обычной разведывательной деятельности, направленной против Франции и Англии, Германия здесь вела агитацию против этих же стран, а в некоторых испанских портах устроила базы для своих подводных лодок.

В Испании Германия встретила сильную поддержку со стороны испанской королевской четы, а особенно со стороны королевы.

Сам король Альфонс XIII от симпатий к Германии отрекся, заявив одному из союзных журналистов, что "в Испании за союзников лишь я да сволочь". Но что это было не совсем так, мы увидим из нижеприведенных фактов.

¹См. Юрий Соловьев. - "25 лет моей дипломатической службы 1893-1918 гг.". Изд. ГИЗ, 1928 г.

Случалось, что германские подводные лодки пускали ко дну испанские пароходы со всем их личным составом. Об этом испанская пресса не имела права писать. Когда же Англия, из-за недостатка тоннажа, не смогла приобрести в Испании обычного количества апельсинов, во всех газетах появились зажигательные статьи под заглавием: "Каким способом Англия хочет вызвать голод на нашем побережье". Германские подводные лодки встречали почти открытый прием в испанских портах, в то время, как союзникам чинились всевозможные препятствия при перевозке португальских войск во Францию и т. д.

По словам испанского писателя В. Бласко-Ибаньеса¹, "в течение трех лет германские подводные лодки самым циничным образом, на глазах всех испанских моряков, запасались всем необходимым в испанских портах. В устьях Эбры, около Тортозы, старые, почти совершенно заброшенные порты, в которые заходили только редкие рыбацьи лодки, служили убежищем подводным лодкам Германии. Один немец, барон де-Роланд, с полным бестыдством был занят в Барселоне снабжением подводных лодок бензином. Под его командой находилась банда злоумышленников на предмет терроризирования тех, кто попытался бы разоблачить его делишки. Полицейский комиссар по имени *Браво Портилло*, вслед затем убитый в Барселоне, имел в числе своих официальных занятий - задачу предупреждать барона о времени, в которое союзные корабли покидали порт. Барон, в свою очередь, предупреждал подводные лодки через свои посты беспроволочного телеграфа, функционировавшие совершенно свободно... Редко проходила неделя без того, чтобы они не пустили ко дну в испанских водах, на глазах сбегавшихся к берегу людей, торговые французские и английские корабли... Германские подводные лодки имели свою базу в небольших портах побережья и насчитывали в главнейших приморских городах многочисленных агентов, терпимых испанским правительством и поддерживавшихся низшим полицейским персоналом... Однажды на глазах у всех немцы неподалеку от входа в порт Валенсии начали уста-

¹См. В. Бласко-Ибаньес. - "Разоблаченный Альфонс XIII". Госиздат, 1925.

навливать нечто вроде плотов. "Это аппараты для изучения силы волн и для изучения возможности использовать их", - объясняли они.

Под предлогом проверки своих аппаратов они ежедневно грузились в принадлежавшие им моторные лодки. Надо ли говорить, что эти аппараты были просто-напросто бочками с бензином и служили для снабжения подводных лодок...".

Бывший австрийский министр *О. Чернин* в своих воспоминаниях сам сознается, что "Мадрид всегда давал очень верную информацию". Он говорит, что испанские офицеры, вернувшиеся из Англии в Испанию, рассказывали о положении в Англии, о царившем там настроении, о продовольственных затруднениях, расстройстве морского транспорта и т. д. Через тех же офицеров с испанских пароходов получалась информация и из Франции.

В Греции германская разведывательная служба также имела сильную поддержку в лице королевской четы, при чем особенно активной была, опять-таки королева, сестра Вильгельма II.

По словам Фердинанда Тохай¹, в 1915 году, когда войска Антанты высадились в Салониках, греческая королева создала целую шпионскую сеть, работавшую в пользу Германии. Войска Антанты не могли сделать ни одного шага без того, чтобы это не стало бы немедленно известным *Макензену*, командовавшему германско-болгарскими силами.

Из перехваченных германских документов союзники установили, что самую широкую разведывательную деятельность в Афинах вел германский военный атташе *Фалькенгаузен*, имевший тесную связь с греческим королевским двором. Было, например, установлено, что в то время, как ни один военный атташе, ни одной страны королем не принимался, *Фалькенгаузен* был принят четыре раза в течение трех дней и что свои донесения, зашифрованные греческим дипломатическим шифром, он передавал по радиотелеграфу в Софию.

Фалькенгаузен, в мундире греческого офицера, с фальшивы-

¹См. обо всем этом подробнее книгу: "Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны по секретным материалам б. министерства иностранных дел, с прилож. копий дипломатических документов". Изд. НКВД, Москва, 1922 г.

ми документами несколько раз посещал союзные войска. Собранные сведения передавались им королеве, которая в свою очередь передавала их *Макензену* по радио в зашифрованном виде.

Еженедельно греческие офицеры, пробираясь тайком через горы уносили рапорта своей королевы в Германию. Один раз, например, такой посланец нес целый комплект планов греческих бухт, могущих быть использованными под базы для германских подводных лодок.

В телеграмме, попавшей в руки контрразведки Антанты, в 1916 году, греческая королева писала Вильгельму:

"...Мне удалось возбудить в стране мирные настроения. Теперь осталось довести Грецию до военного выступления в пользу центральных держав. Нужно нанести удар в спину *Саррайля* в тот момент, когда немцы с болгарами будут атаковать его с фронта, и покончить с Салоникской экспедицией Антанты, когда твоя македонская армия будет достаточно сильна для перехода в наступление... Целую тебя. София".

Понятно, что Вильгельм по радиотелеграфу аккуратно отвечал на шифровки греческой королевы и давал ей свои советы и указания.

Для немцев работал также и греческий морской министр *Стратос*, которому было поручено устроить базы в греческих водах для германских подводных лодок.

В Салониках французский генерал *Саррайль* в декабре 1915 г. арестовал весь личный состав (60 человек) германского, австрийского и болгарского консульств. Все секретные архивы этих консульств попали в руки французов и раскрыли весьма широкую разведывательную деятельность названных консульств.

Посольства тех же стран в Афинах спаслись от такой участи лишь тем, что заблаговременно уничтожили свои секретные архивы, или тайком вывезли их в Монастырь.

Союзниками был также арестован со всеми секретными документами германский консульский агент на Крите. Эти документы дали возможность раскрыть всю германскую агентурную сеть в Греции и выяснить, что германская разведывательная

служба в Греции была поставлена на военную ногу еще в начале 1914 г., т. е. за несколько месяцев до начала мировой войны.

На основании полученных данных союзники в июне 1916 года предъявили греческому правительству список германских агентов, с советником германского посольства в Афинах, бароном Шенк, во главе, и требовали их немедленной высылки за пределы Греции. Греция была вынуждена это требование исполнить.

Депутат греческого парламента, *Калимасиотис* также состоял агентом германской агентурной службы, снабжал германские подводные лодки всем необходимым и подавал условленные сигналы. Когда его деятельность была раскрыта союзниками, немцы дали ему возможность скрыться.

Но, несмотря на удаление всех этих лиц, германская агентурная служба продолжала получать информацию о мероприятиях союзников в Греции. Информация эта исходила из греческих официальных сфер, сочувствовавших Германии, и передавалась греческими шифрами по греческому же радиотелеграфу прямо в столицы враждебных союзникам держав.

Это обстоятельство побудило союзников запретить греческому правительству посылку шифрованных телеграмм во враждебные союзникам страны, даже в адрес своих посольств и консульств, и ввести союзнический контроль над всеми средствами связи в Греции (радиотелеграф, телеграф, почта). Контролю союзников подвергалась также переписка представителей нейтральных стран в Греции. Была установлена союзническая цензура для греческой прессы.

Однако, несмотря на все эти репрессивные мероприятия, германская агентурная служба почти до самого конца войны сумела поддерживать приток информации из Греции.

В *Румынии*, до вступления ее в войну на стороне союзников, германская агентурная служба также имела свой прочный аппарат, занимавшийся деятельностью всех видов. Ясно, что и здесь руководящая головка этого аппарата была прикрыта флагом дипломатической неприкосновенности германского и австрийского посольства и консульств.

Здесь как в Испании и в Греции, германская агентурная служба, наравне с большим количеством мелких агентов и осведомителей, имела прочные интимные связи с румынским королевским дворцом и черпала информацию, что называется, из первоисточников. Германия была великолепно осведомлена о затеях и интригах союзников по отношению к Румынии и заблаговременно знала о приближавшемся и неизбежном выступлении Румынии против нее. Предотвратить это выступление она не могла, но, по мере возможности, старалась оттянуть наступление этого рокового момента. Она прекрасно знала, что "румыны - это даже не нация, а профессия смычка и отмычки"¹, что Румыния возглавлялась кликой взяточников и воров. Она знала, что лозунгом этой правящей клики было: "пользуйся случаем и бери, что плохо лежит" и "действуй всегда на стороне сильного и наверняка".

Поэтому-то часть агентурной деятельности Германии, как, впрочем, и всех остальных воюющих стран, была направлена на подкуп румынских газет, министров и членов парламента. Господствующая клика Румынии, таким образом, получала деньги от обоих воюющих лагерей и, в конце концов, сочла более выгодным выступить на стороне союзников.

Повторяю, Германия к такому результату была подготовлена заблаговременно своей агентурой, бывшей в курсе всей торгашеской работы Румынии. За время этой "торговли" германская разведка собирала информацию о румынской военной мощи, о настроениях населения и армии, и ждала момента, когда пригодятся эти данные.

Была также подготовлена сеть, посредством которой должна была продолжаться агентурная работа после начала военных действий. И нужно отдать справедливость германской агентурной службе, что все было великолепно предусмотрено и выполнено. В то время, как союзники, после вступления Румынии в войну, решили, что "мавр сделал свое дело, мавр может уйти", т. е. что правящая клика Румынии объявила войну и этим самым роль

¹См. "Стратегический очерк войны 1914-18 гг. Румынский фронт", сост. Ф. И. Васильев. Изд. ВВРС. Москва, 1922 г.

ее кончена, и нечего больше тратить на нее нужные для ведения войны деньги, - германская агентурная служба продолжала субсидировать эту клику и дальше. Немцы оказались здесь более дальновидными и лучше понимающими психологию этой клики.

Из Румынии Германия вела работу и против России. Работать здесь было нетрудно, а объектов для разведывательной работы на юге России было достаточно, особенно для диверсионной (активной) разведки (черноморский флот, николаевские судостроительные верфи, Донецкий угольный бассейн и пр.).

Разведывательная работа в Румынии была координирована между германским, австрийским и болгарским разведывательными органами. Главенствующую роль играла германская агентурная служба. У союзников же такая координация отсутствовала. Каждый из них работал на свой страх и риск. Не всегда даже производился обмен добытыми сведениями, не только разведывательного, но и контрразведывательного характера.

Так, напр., граф *Чернин*, бывший накануне вступления Румынии в войну австрийским послом в Бухаресте, рассказывает следующий случай¹.

"В октябре 1914 г. разыгрался весьма печальный для меня инцидент. Я ехал в автомобиле из Бухареста в Сина, и моя вализа, полная документов политического значения, не была, по ошибке слуги, положена внутрь автомобиля, а привязана сзади. По дороге она была отрезана и украдена. Я немедленно приложил все старания вернуть ее, но это удалось мне только спустя три недели и стоило мне больших денег. Ее нашли в амбаре одного крестьянина и из нее, повидимому, не пропало ничего, кроме папирос.

Но после занятия Бухареста нашими войсками в квартире *Бритиану* были найдены копии и фотографические снимки всех моих бумаг..."

По имеющимся косвенным данным, слуга *Чернина* "забыл" положить вализу внутрь автомобиля по распоряжению француз-

¹См. О. Чернин. - "В дни мировой войны". Воспоминания австрийского министра иностранных дел. Госиздат, 1923 г. Москва - Петроград.

ской контрразведки, которая этим и воспользовалась, представив также копии с некоторых документов румынам. Русским же копий с документов не дали и лишь ссылались на них при переговорах о румынских делах

Ясно, что и русские держались той же тактики в отношении своих союзников.

Из Китая германская агентурная служба занималась освещением Японии и русского Дальнего Востока. Больше всего внимания немцы уделяли здесь диверсионной (активной) и агитационно-пропагандистской работе против Японии и России, но об этом будем говорить подробнее ниже.

Информационная же работа германской агентурной службы из Китая ничем особенным не отличалась. Велась она, главным образом, посредством широкой сети немецких коммерческих предприятий, вербовавших в качестве своих сотрудников туземцев, которые имели доступ в пределы Японии и России. Для работы в России пользовались также германскими военнопленными и гражданскими пленными, передававшими собранные сведения через агентов связи в китайские центры германской агентурной службы.

Из Северо-Американских Соединенных Штатов германская агентурная служба следила, главным образом, за военными заказами своих противников и всячески мешала их выполнению и доставке. Информационная работа велась против Англии и отчасти против Франции и самой Америки.

Для информационной работы в Англии и Франции пользовались служащими торговых пароходов, поддерживавших связь с этими странами. Из Америки же, под видом американских граждан и граждан других нейтральных стран, направлялись агенты, главным образом, в Англию.

Когда Америка сама вступила в войну на стороне союзников, германская разведка в этой стране пришла в сильное расстройство и, как говорит сам *Николай*, - вынуждена была пользоваться почти исключительно добровольными услугами проживавших там немцев, считавших разведывательную работу своей национальной обязанностью.

Глава четвертая

Германская агентурная разведка во вражеских странах

Агентурная сеть в России, созданная еще в мирное время. - Благоприятные условия для агентурной работы. - Сотни казенных людей и ни одной крупной раскрытой агентурной организации. - Центр шпионажа - Петербург. - Роль Распутина в системе германской агентурной службы. - Распутин, чета Романовых, Сухомлиновы, Никитина, Штюрмер, Протопопов и др. и германская агентурная служба. - "Большое Северное Телеграфное Общество" (Датский Кабель) и германская разведка. - Германские сестры милосердия и мнение п-ка русского Ген. штаба Беляева о возможности шпионажа с их стороны. - Германские "тысячные номера" под высоким покровительством в России. - Работа германской агентуры в Ревеле. - Комендант Осовецкой крепости ген. Н. А. Бржозовский - германский агент мирного времени. - Отказ Бржозовского сдать Осовец немцам за 500.000 марок. - Шпионские организации в Туле и Одессе. - Планы Кронштадта - в салоне баронессы Штампель. - Роль женщин в германской агентурной службе. - Работа германской агентуры в Англии. - Система работы.

Сейчас, нам предстоит проследить работу германской агентурной службы непосредственно в странах своих противников и коснуться германской агентурной сети, заложенной в этих странах еще в мирное время.

В России, как будет видно из приведенных ниже фактов, германская агентурная служба имела крепкую, заблаговременно налаженную и подробно разработанную сеть.

Работой этой сети немцы очень дорожили. Ей давались задания, далеко выходявшие за пределы обычной разведки; немцы считали эту организацию слишком ценной для того, чтобы ею рисковать для мелкого шпионажа. Русской контрразведке так и не удалось добраться до этой организации, хотя не исключена возможность, что отдельные члены этой организации и попали в ее руки. Сама организация была построена так хорошо и разумно,

что провал отдельных членов опасностью всей организации в целом не угрожал.

Для поддержания с ней связи выделялись люди, завербованные уже в начале войны и поставленные в такие условия, что они даже при желании не могли проникнуть в организацию глубже и провалить ее. Они являлись лишь простыми передатчиками собранных этой организацией сведений, написанных весьма устойчивыми и неизвестными русской контрразведке тайнописями.

Организация эта делилась на две части: 1) сеть возможного театра военных действий и 2) сеть тыловая, раскинутая по всей территории России, с конспирацией в более важных пунктах и учреждениях.

Не нужно, конечно, доказывать, что в царской России почва для постройки немцами прочной и солидной сети была вполне благоприятна. Мы уже раньше указывали на громадное количество германских колонистов в приграничном районе, массу германских коммерческих и промышленных предприятий, на огромное число как всевозможных специалистов-немцев, разбросанных по разным, чисто русским, предприятиям, так и немцев, состоявших на русской государственной службе, на германофильство женской половины русского царского двора и своры, его окружавшей, и т. д., и т. д.

Правда, в начало войны, часть этих вольных и невольных сотрудников германской агентурной службы была арестована и размещена по концентрационным лагерям и в Сибири. Этим стройность организации агентурной сети была несколько нарушена. Однако, пострадала мелочь, а не крупные силы, которые были настолько хорошо замаскированы, что их репрессивные меры не коснулись. Действительно, за время войны русская контрразведка не раскрыла ни одной крупной организации германской разведки, хотя не одна сотня людей была перевешана. Это можно объяснить только хорошей маскировкой, хорошим руководством и хорошей работой самой организации.

Судя по имеющимся материалам, часть агентов германской агентурной службы, расположенных на территории вероятного театра военных действий, должна была при занятии их пункта

пребывания германскими войсками оставаться на месте; другая же часть должна была отступать вместе с русскими войсками. Это подтверждается тем обстоятельством, что некоторые лица, состоявшие в двойном подданстве и занимавшие на театре военных действий разные правительственные должности, оставались у немцев, другие же всеми силами старались эвакуироваться вместе с отступавшими русскими войсками, а когда это было совершенно невозможно, они, при помощи германских властей, симулировали побег из расположения германских войск, получали за это русские ордена, повышение по службе и продолжали свою разведывательную службу в пользу Германии. Особенно много такого рода случаев было в Прибалтийском крае и в Польше.

Центр глубокой германской разведывательной службы находился, несомненно, в Петербурге. Оттуда шли его разветвления по всем наиболее важным стратегическим пунктам России. В Петербурге германские информаторы имелись во всех учреждениях и кругах, более или менее важных в военном, политическом и экономическом отношениях. Сейчас уже не подлежит никакому сомнению, что германская агентурная служба имела весьма хорошие связи с русским царским двором и распутинской кликой. Эти круги являлись источниками самой достоверной всеобъемлющей и исчерпывающей информации. Спорным пока что остается лишь вопрос, был ли *Распутин* сознательным шпионом или невольным агентом германской агентурной службы.

Весьма возможно, что *Распутиным* пользовались для агентурных целей незаметно для него самого. Но нам кажется, что этот вопрос, ответ на который могут дать лишь дальнейшие исследования, существенной роли не играет. Факт тот, что германская агентурная служба блестяще использовала *Распутина* для своих весьма разнообразных целей.

Вот что пишет М. В. Родзянко о деятельности распутинского кружка¹:

"...Влияние *Распутина* и всего кружка, окружавшего императрицу, на Александру Федоровну, а через нее - на всю по-

¹См. "Архив русской революции", изданный И. В. Гессеном, 1922 г., том VI., М. В. Родзянко. "Государственная дума и февральская революция 1917 г."

литику верховной власти и правительства возросло до небывалых пределов.

"Я не обинуясь утверждаю, что кружок этот несомненно находился под воздействием нашего врага и служил интересам Германии...

"...Связь и аналогия стремлений настолько логически очевидны, что сомнений во взаимодействии германского штаба и распутинского кружка для меня, по крайней мере, нет: это не подлежит никакому сомнению".

Верховной же следственной комиссии временного правительства Родзянко заявил более категорически, что, по его мнению, "Распутин действовал сознательно для Берлина" и что к нему приезжали даже какие-то частные лица с заявлением о том, "что они знают, что через шведское посольство Распутину передаются большие деньги из-за границы. Эго я определенно помню... Я знаю факт, знаю, что Распутина окружали люди, которые, несомненно, имели связь с заграницей. Потом это подтвердилось...".

Что Германия пользовалась услугами шведских посольств в странах своих противников - это, как будто, факт установленный - и может явиться косвенным подтверждением заявления Родзянко.

И. В. Гессен, со слов царского министра внутренних дел А. Н. Хвостова. (февраль 1916 г.), идет еще дальше в обвинении *Распутина*. Он пишет²:

"...Я прежде не вмешивался в его (Распутина) поведение, но потом убедился, что он принадлежит к международной организации шпионажа, что его окружают лица, которые состоят у нас на учете и которые неизменно являются к нему, как только он вернется из Царского, и подробно у него все выпрашивают..."

Не верить этим утверждениям *Родзянко* и *Хвостова* мы оснований не имеем. Болтливость *Распутина* общеизвестна. Все

¹См. "Падение царского режима". По материалам чрезвычайной следственной комиссии временного правительства, т. I. Госиздат, 1925 г.

²См. то же издание, т. XII, заметка И. В. Гессена "Беседа с А. Н. Хвостовым в феврале 1916 г."

бывшие царские сатрапы, которым приходилось встречаться с *Распутиным*, передают, что он любил рассказывать все свои разговоры, имевшие место во дворце.

Больше того. В своих показаниях верховной следственной комиссии временного правительства Хвостов заявил, между прочим, следующее¹:

"...Распутин ездил в Царское и ему давал поручения Рубинштейн узнать о том, будет ли наступление или нет... При чем Рубинштейн объяснил близким, что это ему нужно для того - покупать ли в Минской губернии леса или нет...

"...Мне сообщили, что *Распутин* поехал с таким поручением. А когда приехал, то действительно он рассказывал, что он говорил в Царском Селе... *Распутин* рассказывал так... Надо сказать, что трезвый он ничего не рассказывал, но ему нужно было бутылку портвейна или мадеры, и тогда он рассказывал. Лица эти знали, как с ним поступать, привозили его в ресторан, вливали в него бутылку мадеры и он рассказывал, что он делал в Царском Селе.

"...Приезжаю я, - говорил *Распутин*, - в Царское. Вхожу. "Папаша" (Николай II) сидит грустный. Я его глажу по голове и говорю: чего грустишь? Он говорит: все мерзавцы кругом. Сапог нет, ружей нет, - наступать надо, а наступать нельзя... Когда же будешь наступать, спрашивает *Распутин*, - "Ружья будут только через два месяца: раньше не могу..."

Из опубликованной переписки Николая II с его женой² известно, что Николай писал ей о всех предстоящих операциях, перемещениях, о своих поездках и т. д. Александра Федоровна все эти сведения сообщала Распутину, и последний по телеграфу выражал Николаю свое "благословение" или осуждение. Однако, это показывает, насколько ценные сведения могла извлечь от Распутина германская агентурная служба.

Нам кажется, что германскую разведывательную службу не

¹См. "Падение царского режима". По материалам чрезвычайной следственной комиссии временного правительства, т. I. Госиздат, 1925 г.

²См. "Переписка Николая и Александры Романовых 1916-1917 г.", том V. Изд. Госиздат, 1927 г.

удовлетворяла одна только информационная роль *Распутина*. Через него она старалась иметь влияние и на русские стратегические шаги. Мы иначе не можем объяснить той настойчивости, с какой *Распутин* старался не допустить, а потом сорвать и приостановить "Брусиловское" успешное наступление на Юго-Западном фронте в 1916 году.

От этой нахальной настойчивости даже Николай приходил в ужас и умолял свою жену не рассказывать Распутину подробностей и намерений русской армии, а передавать ему только: "Папа приказал принять разумные меры".

Как известно, Брусилову было приказано приостановить начавшееся так успешно наступление, и этим австро-германцы на время были спасены.

Больше того, в своих показаниях, данных следственной комиссии временного правительства, бывший директор департамента полиции Белецкий говорит, между прочим, следующее:

"Поездки эти (Николая II на фронт. - К. З.) были обставлены так, что о них было известно в Германии; там знали маршруты царских поездов. Так, например, в ноябре, когда государь ехал с наследником на фронт, агентура. Западного фронта сообщила, что на участке за Бахмачем должна быть брошена бомба с германского аэроплана. Поезд шел со станции Сарны. Немецкий аэроплан шел навстречу. У них в распоряжении имелись, сведения о маршрутах царских поездов даже по часам, что я впоследствии проверил. Произошла случайность: у наследника случилось кровоизлияние из носа, и поезд, повернув назад, срочно отправился в Царское. Но в тот самый час, на этом пролете, с высоко стоящего немецкого аэроплана была действительно брошена бомба во вспомогательный поезд, который идет впереди царского...".

Итак, мы имеем указания, что в Германии были известны маршруты царских поездов.

Из писем А. Ф. Романовой к своему мужу мы также знаем, что эти маршруты она передавала Распутину...

В декабре 1924 года бывший русский жандармский генерал Комиссаров поместил в одной из американских газет сообщение, в котором утверждает, что германцы знали также маршрут

английского фельдмаршала Китченера, что дало им возможность взорвать английский крейсер, на котором Китченер ехал в Россию. При чем, по словам Комиссарова, маршрут этот немцам передал некий Шведов (псевдоним), специально ездивший для этой цели из Петрограда в Стокгольм к германскому посланнику фон-Люциусу. По возвращении в Петроград Шведов, якобы, был арестован, судим и повешен. В предательстве Китченера Комиссаров обвиняет, прежде всего, Распутина, А. Ф. Романову и Вырубову. (См. "Красную Газету", № 288, 17 декабря 1924 года).

Косвенным подтверждением слов Комиссарова может служить заявление Распутина после известий о гибели Китченера:

"Для нас хорошо, что Китченер погиб, так как позже он бы наделал России вреда, и это не жалко, что с ним погибли документы" (См. письмо. А. Ф. Романовой Николаю от 8 июня 1916 г.).

Помимо *Распутина* и его кружка при русском царском дворе имелась еще целая плеяда разных придворных дам и прочих прихлебателей, относившихся к Германии далеко не безразлично. Некоторые из них свои германофильские патриотические побуждения и порывы умели скрывать от окружающих, некоторые же проявляли их открыто; бывали случаи, когда даже Николай II бывал вынужден прибегнуть к крутым мерам по отношению к ним, напр., высылка придворной дамы *Васильчиковой*.

Относительно этой Васильчиковой Родзянко рассказывает следующее¹.

"...Ко всеобщему изумлению М. А. Васильчикова в декабре появилась в Петрограде. Ее встречал специальный посланный в Торнео на границе и в "Астории" для нее были приготовлены комнаты. Это рассказывал Сазонов, прибавивший, что, по его мнению, распоряжение было из Царского. Все знакомые Васильчиковой отворачивались от нее, не желали ее принимать, зато в Царское она ездила, была принята, что тщательно скрывалось. Когда вопрос о сепаратном мире в связи с ходившими слухами был поднят в бюджетной комиссии, министр внутренних дел

¹См. М. В. Родзянко. - "I Государственная дума и февральская революция", напечатана в "Архиве русской революции", том VI, 1922 г.

Хвостов заявил, что действительно кем-то эти слухи распространяются, что подобный вопрос не поднимался в правительственных кругах и что если бы это случилось - он ни на минуту не остался бы у власти.

После этого я счел нужным огласить в заседании письмо Васильчиковой и сообщил, что она находится в Петрограде. Хвостов, сильно смущенный, должен был сознаться, что она действительно жила в Петрограде, но уже выслана. После заседания частным образом Хвостов рассказал, что на следующий день после своего появления Васильчикова ездила в Царское Село (к кому он не упомянул) и что он лично делал у нее в "Астории" обыск и в числе отобранных бумаг нашел письмо к ней Франца-Иосифа и сведения, говорившие, что она была в Потсдаме у Вильгельма, получила наставления от Бетмана-Гольвега, как действовать в Петрограде, а перед тем гостила целый месяц у принца Госсенского и привезла от него письма обеим сестрам - императрице и в. к. Елизавете Федоровне..."

Кроме этих лиц, непосредственно окружавших двор, царский Петроград был переполнен всевозможными кружками и салонами, имевшими тесные и интимные связи с двором и влиятельными сферами. Эти кружки и салоны были хорошо осведомлены о самых секретных вещах и мероприятиях. Они обсуждали все получавшиеся ими данные, делились между собой сведениями и впечатлениями. В составе кружков и салонов находилось много лиц весьма сомнительной репутации в смысле причастности их к германской агентурной службе. Царская контрразведка была бессильна бороться с ними, ибо малейшая в этом направлении попытка встречала резкое противодействие со стороны правящих сфер.

Но германская агентурная служба не довольствовалась только сведениями из этих кругов, кружков и салонов. Она старалась опутать сетью своих агентов интересовавшие ее министерства и учреждения.

Та паутина, какой был опутан военный министр *Сухомлинов*, всем известна. Все эти *Альтишуллеры*, *Андронниковы*, *Мясоедовы* и пр., и пр., от которых у *Сухомлинова* секретов не было, не

покладая рук работали в пользу Германии¹. Сам Сухомлинов никогда не отличался пониманием необходимости хранить русские военные секреты. Так, например, еще до начала войны 1914-18 гг. Сухомлинов сам дал германскому военному агенту изобретенную русскими шашку дымовой завесы. Немцы это изобретение и применили в Восточной Пруссии в самом начале войны².

О том, как разные секреты русского военного ведомства еще до войны просачивались через Сухомлинова за границу, весьма красноречиво свидетельствует заявление ген. Иванова чрезвычайной следственной комиссии временного правительства³. По его словам, разведка штаба Киевского военного округа имела на полпути между Петербургом и Веной доступ к материалам австрийской разведки в России. Из этих материалов ген. Иванов узнавал о многих секретных распоряжениях русского военного министра (Сухомлинова) раньше, чем эти, распоряжения обычным путем доходили до штаба округа.

И это не было удивительным, если иметь в виду состав друзей и лиц, окружавших Сухомлинова.

Так, одним из близких друзей Сухомлинова являлся - некий Альтшуллер.

Альтшуллер - австрийский подданный, в конце 80-х годов прошлого столетия приехал в Киев и занялся мелкими подрядами и комиссионерством. Нажив большое состояние, он повел широкий образ жизни и втерся в киевское общество. Хорошей репутацией он, однако, в Киеве не пользовался. Частые отлучки в Вену и Берлин, близость с австро-венгерским консулом и орден Франца Иосифа, полученный *Альтшуллером* неизвестно за какие заслуги, дали основание контрразведке взять его под наблюдение, как вероятного шпиона. Разоблачению его, как такого, мешала, однако, его дружба с *Сухомлиновым*. Со всех сторон *Сухомлинову*,

¹См. Апушкин. - "Генерал от поражения Сухомлинов". Изд. "Былое", 1925 г.

²См. статью С. В. Завадского "На великом изломе". "Архив русской революции". Изд. Г. В. Гессена, т. II, Берлин, 1923.

³См. "Падение царского режима". По материалам чрезвычайной комиссии временного правительства, том V. Госиздат, 1926 г. стр.327-328.

указывали, что *Альтиуллер* подозревается в шпионаже. Но *Сухомлинов* остался глух ко всем этим предупреждениям.

Альтиуллер ездил вместе с *Сухомлиновым* за границу. В присутствии *Альтиуллера* просили не стесняться в разговорах, хотя бы речь касалась и военных тем. *Альтиуллеру* был открыт полный доступ в кабинет *Сухомлинова*, - и в Киеве, и в Петрограде, и он мог свободно рыться в бумагах военного министра.

Альтиуллер присутствовал при опытах сношений по радиотелеграфу, производившихся *Сухомлиновым*. Когда последний из Киева переехал в Петроград, *Альтиуллер* последовал за ним и открыл фиктивную контору "Южно-русского машиностроительного завода". Фиктивную потому, что денежных операций в ней не производилось, кассовые книги не велись, посетителей по делам завода не бывало. Зато контору посещали какие-то сомнительные личности, имелась в ней почтовая бумага "высокого качества" с австрийским государственным гербом, а в деловом кабинете *Альтиуллера* на письменном столе стоял портрет русского военного министра *Сухомлинова* с дружественной надписью...

В 1913 году *Альтиуллер* неожиданно стал ликвидировать свои дела в России и в марте 1914 г. уехал за границу, оставив в Петербурге двоих своих сыновей, о не высылке которых *Сухомлинов* усиленно хлопотал при начале войны.

Другим "другом" *Сухомлинова* был жандармский полковник *Мясоедов*. Существует мнение, поддерживаемое даже бывш. начальником германского разведывательного управления *Николаи*, что *Мясоедов* к германскому шпионажу причастен не был. Если даже поверить этому, то остается загадочным получение *Мясоедовым* германских орденов, приглашение его Вильгельмом на охоту, обеды, выражение "радости снова его видеть", поднятие бокала за здоровье *Мясоедова* и т. д. Ни за что таких "высоких милостей" и внимания простому пограничному жандармскому офицеру Вильгельм не оказывал бы.

Мясоедов был своим человеком в квартире *Сухомлинова* и в салоне его жены. Несмотря на все предупреждения, *Сухомлинов* устраивал *Мясоедова*, а когда последнего уже во время войны по

приговору военно-полевого суда повесили за шпионаж, Сухомлинов записал в своем дневнике: "Бог наказал этого негодяя за шантаж и всякие гадости, которые он пытался мне строить за то, что я его не поддержал".

Определенную роль австрийского шпиона при Сухомлинове играл втершийся в доверие последнего некий Гашкевич. Через Гашкевича *Альтиуллер* познакомился с артиллерийским капитаном Ивановым, который, по отзывам начальства, "всегда проявлял стремление участвовать в комиссиях и совещаниях секретного характера". По рекомендации *Альтиуллера* Иванову покровительствовал Сухомлинов.

Впоследствии, уже во время войны, Иванов и Гашкевич были осуждены и казнены за государственную измену...

Тот же Гашкевич через *Альтиуллера* познакомил Сухомлинова с подозрительной личностью - Василием *Думбадзе*, называвшим себя племянником известного ялтинского градоначальника.

Думбадзе выдал себя за ярого поклонника Сухомлинова и выразил желание написать биографию военного министра.

Сухомлинов был этим очень польщен и не задумываясь передал *Думбадзе* через *Гашкевича* перечень своих мероприятий по военному ведомству, с 1909 года по март 1914 г. По заключению главного управления Генерального штаба, этот перечень содержал данные секретного характера, которые могли служить к выявлению откровенных положений русского вероятного плана войны.

Больше того. Уже во время войны *Думбадзе* предложил *Сухомлинову* послать его в Германию, где он, прикинувшись врагом России, стремящимся освободить Кавказ от ига русских, выведает у германского правительства созданный последним план организации смуты на Кавказе и на других окраинах России. Несмотря на предупреждения контрразведки и начальника Генерального штаба, *Сухомлинов* получил разрешение Николая II и послал *Думбадзе* в Германию. Побывал ли *Думбадзе* в Германии - неизвестно. Меньше, чем через месяц он вернулся обратно (как раз в день отставки Сухомлинова), привез с собой значительную сумму денег и очень жиденький отчет о своей поездке. Отчет этот, рас-

смотренный в особой комиссии офицеров Генерального штаба, был признан неправдоподобным, а автор его объявлен - германским шпионом...

Сколько было еще германских агентов, окружавших *Сухомлинова* и имевших доступ в салон его жены, - об этом знает точно лишь германская агентурная служба.

Русская же контрразведка знала, что в его доме сходятся, помимо *Мясоедова*, нити 17 шпионских организаций¹.

Сухомлинов был до того крепко опутан шпионской паутиной, что после отставки и оставления казенной квартиры он счел возможным переехать в квартиру сожительницы сбежавшего австрийского шпиона *Бруно Валентини*².

Но не одного *Сухомлинова* "обрабатывала" германская разведывательная служба.

В начале 1915 года, в контрразведке имелись сведения, что германская разведка пытается обработать морского министра старика *Григоровича*. Она учла его слабость к молоденьким женщинам и подослала к нему женщину "в его духе". Узнав об истинной цели "любви" этой женщины, Григорович отказался от ее услуг.

Министерство внутренних дел также являлось объектом германской разведки. Так, например, известно, что *Штюрмер*, в бытность его министром внутренних дел "временно потерял" военные шифры. Через некоторое время эти шифры нашлись³. Это не должно казаться удивительным, так как, по словам того же *Селивачева*, "фрейлина *Никитина* роется в столе *Штюрмера* и читает находящиеся там бумаги".

Милюков же чрезвычайной комиссии врем. пр-ва рассказывал следующее о *Штюрмере* за время нахождения последнего во главе русского правительства⁴.

"...Бенкендорф, который беседовал со мною довольно

¹См. П. К. Курлов. - "Конец русского царизма". Госиздат, 1923 г.

²См. статью С. В. Завадского. - "На великом изломе". "Архив русской революции", т. II, Берлин. 1923.

³См. "Дневник ген. Б. И. Селивачева", помещенный в журн. "Красный Архив", т. II, 1925 г. Изд. Центроархив РСФСР.

откровенно, рассказывал, что появление Штюрмера испортило все его отношения, что он привык пользоваться доверием иностранцев, что всегда ему предупредительно сообщали всякие секретные сведения, а теперь он оказался в таком положении, что когда он приходит, то от него припрятывают в стол бумаги, чтобы не показывать, и что когда он, шокированный этой переменной, спросил о причине, то ему сказали: "Знаете, мы не уверены теперь, что самые большие секреты не проникнут к нашим врагам. Напротив, мы имеем признаки, что каким-то способом эти секреты становятся известными неприятелю со времени назначения Штюрмера". (Курсив мой. - К.З.)

Характеризуя русские придворные сферы, Милюков той же комиссии сообщил еще следующее:

"...Что меня еще укрепило в мыслях, что есть что-то таинственное в способе сношений с германцами - это прошлое Манасевича-Мануйлова, о котором мне сообщил Извольский. Это было во время бытности Извольского министром иностранных дел. К нему явился Пурталес (германский посол в России), очень смущенный, и заявил, что он попал в неприятную ситуацию... О которой Извольский знал раньше, именно о попытке подкупа одного из сотрудников "Нового Времени". При этом указывалась довольно солидная цифра, кажется, 800.000, которая была дана в распоряжение Пурталеса для этого подкупа. Посредником при этой операции взялся быть Манасевич, который сделал это предложение, как мне говорили, Пиленко, который резко отказался и прогнал его..."

Министра внутренних дел *Протопопова* "обрабатывал" некий "спирит" *Перен*, сумевший внушить *Протопопову* такое безграничное доверие, что последний хлопотал о разрешении ему въезда в Россию, в то время, как контрразведке было известно, что он сотрудник германской агентурной службы.

В конце 1914 г. контрразведка совершенно случайно напала на след германского агента полковника русской службы *Штауфа*, Артура Гуговича, занимавшего должность начальника шорного

¹См. "Падение царского режима". Том VI. Изд. Госиздата.

отделения дворцовых конюшен. Когда *Штауф* почувствовал, что его тайная деятельность раскрывается, или, вернее, близка к раскрытию, он притворился больным и лег в немецкий лазарет (в Петрограде), где и был *отравлен* таинственным образом, вероятно самими же германскими агентами, боявшимися с его стороны разглашения тайны.

Но исключена также возможность, что Александра Федоровна Романова непосредственно оказывала ценные услуги германской разведке. По крайней мере тот же Милюков заявил комиссии временного правительства следующие данные о ее сношениях с немцами:

"...Я разумею, конечно, личное влияние Александры Федоровны. Но знаю, что говорится о ее сношениях, допустим, что они были личного характера, это возможно, но что они были, это несомненно. Были лица, которые приезжали регулярно, говорилось, что это поездки за лекарствами, вероятно, были личные сношения с родственниками, были предлоги, были протекции, которые оказывались раненым и даже убитым на счет похорон их, была общая атмосфера сочувствия Германии... Я знал фамилию лица, которое ездило регулярно за границу за лекарствами... Был ряд маленьких случаев, которые показывают, что были симпатии, сочувствие и непосредственный контакт..."

Быть может, что со временем мы услышим более достоверные данные об этом "непосредственном контакте" и регулярных поездках за "лекарствами"...

Весьма деятельно "работали" в пользу немцев также всевозможные официальные и полуофициальные датские представители вокруг русских центральных военных учреждений. Была раскрыта шпионская деятельность двух датских телеграфных чиновников. Они были высланы из России, но это их не удовлетворило, и они, пользуясь связями датского двора с русским, попытались себя реабилитировать. Попытка, однако, успехом не увенчалась.

Но дело не в этих двух датских телеграфных чиновниках, случайно попавшихся. За их спиной германская разведка имела колоссальных размеров предприятие, дававшее ей неоценимой

важности документы и обеспечивавшее быструю телеграфную связь с резидентурами.

Дело в том, что с момента возникновения империалистической войны, Россия поддерживала связь со своими союзниками и нейтральными странами посредством телеграфа датской концессионной фирмы "Большое Северное телеграфное общество" ("Датский Кабель") в Петербурге. Линия связи этого общества проходила через следующие пункты: на запад - Петербург - Ньюстадт - Стокгольм - Фредерия - Ньюкестль; на восток - Петербург - Иркутск - Владивосток - Нагасаки - Шанхай, Иркутск - Кяхта - Пекин. С осени 1914 года была проложена вторая, русская правительственная линия, соединявшая Петербург с гор. Александровском (Мурманск) воздушной телеграфной линией, а дальше - телеграфными кабелями вдоль берега Кольского залива по Мурманскому берегу до норвежской границы и далее подводными кабелями до г. Питерхед на английском побережье.

Датский Кабель, как принадлежавший иностранной фирме, обсаживался почти исключительно иностранными подданными (датчанами). На это обстоятельство было обращено внимание надлежащих русских властей, допускавших возможность использования этого телеграфа германской разведкой. Этот вопрос являлся предметом специального обсуждения особой междоуведомственной комиссией, заседавшей 10 раз (с 22/XII 1914 г. по 23/I 1915 г.). В результате этих десяти заседаний, было решено заменить всех обслуживавших эти телеграфные линии чиновников - иностранно-подданных - русско-подданными. Однако, это решение не было сразу проведено в жизнь, а были лишь назначены особые контролеры, которые должны были смотреть за действиями и работой датских чиновников на кабельной станции в Петербурге. Необходимо отметить, что датчане распоряжались бесконтрольно также и в Финляндии на трансляциях кабельной линии Ньюстадт - Мариенгам (на Аландских островах).

Настояния председателя петроградской военно-цензурной комиссии ген. Адабаша о замене датских чиновников, обслуживавших Датский Кабель на русской территории, русскими - успехом не увенчались.

Тогда ген. Адабаш, по собственному почину и под своей личной ответственностью, осуществил 14 июня 1916 года удаление с Датского Кабеля иностранных подданных и замену их русскими служащими. Вслед за этим, 18 июня 1916 г., русскими служащими было обнаружено "случайное" соединение германской телеграфной сети с аппаратами датской кабельной станции, и при отчетливой работе аппаратов было принято 14 телеграмм (в том числе и шифрованные) из Берлина и Штетина.

Таким образом, русскими служащими с полной очевидностью, уже на третий день работы была фактически доказана возможность по техническим условиям устройства кабелей и воздушных линий "ДК" непосредственных телеграфных сношений России с Германией и возможность перехвата всех депеш, передававшихся по ДК.

Лучшие русские механики, однако, не могли дать технического объяснения подобному соединению. Из сношения ген. Адабаша (от 20/VI 1916 года за № 3990) на имя начальника штаба Петроградского военного округа следует, что ДК обслуживался сложными аппаратами системы Уитстона, переделанными и усовершенствованными датчанами до неузнаваемости и малоизвестными русским техникам. В своем сношении ген. Адабаш не исключал возможности заранее обдуманых способов для соединения Петрограда с Берлином при помощи неисследованных еще манипуляций с приборами и проводами по условным сигналам.

После этих печальных событий, ставших известными только к концу второго года войны, русское правительство распорядилось передавать все особой государственной и военной важности телеграммы через кабель Петроград - Александровск - Питерхед.

Разумеется, смена обслуживавшего персонала не осталась тайной для Германии. Вскоре после этого стала наблюдаться хроническая порча воздушных линий ДК, проходивших через нейтральные страны, и воздушных линий Петроград - Александровск и, наконец, 15 сентября 1916 года сгорела кабельная станция в Александровске, являвшаяся начальным пунктом

единственного непосредственного телеграфного сообщения России с Англией по русско-английскому кабелю. Причины пожара установлены не были, однако, не трудно догадаться в чем тут было дело и чьих рук была эта работа. Таким образом, в столь серьезный период войны, Россия оказалась лишенной важнейшего в стратегическом отношении телеграфного сообщения со своими союзниками.

Кабельная станция в Александровске, при энергичном содействии англичан, была восстановлена только в ноябре месяце 1916 г.

Необходимо также отметить, что до момента установления факта телеграфной связи Петрограда с Германией и, наоборот, ДК не подвергался порче со стороны германской разведки, хотя это и возможно было сделать, а наоборот, зачастую, при случайных порчах, кабель негласно исправлялся немцами.

Очевидно, германская разведка еще в мирное время вошла в контакт с "Большим Северным телеграфным обществом", прекрасно учитывая те выгоды, которые могло дать такого рода бесконтрольное пользование этой важной телеграфной линией, особенно, если иметь возможность разбираться в шифрах своих противников. С другой стороны, для поддержания сношений со своими резидентурами такая связь являлась самой идеальной.

Немцы не пропускали также случаев использовать в агентурных целях поездки в неприятельские страны краснокрестных комиссий.

При такого рода поездках по России германских сестер милосердия, раз'езжавших по лагерям военнопленных, сопровождали уполномоченные датского Красного Креста. Ко всей этой компании были приставлены русские офицеры, которым было поручено следить за тем, чтобы эти представители Красного Креста не занимались шпионажем. Вскоре выяснилось, однако, что, несмотря на наблюдение, германские сестры все же ухитрялись заниматься шпионажем и вступали в тайные сношения с подозрительными лицами. Контрразведка пыталась было помешать этой деятельности германских сестер, но натолкнулась на "непреодолимые препятствия". Так,

например, однажды, при отъезде сестер в Германию, на пограничной станции их хотели обыскать. Тотчас это стало известно жене Николая II, и последняя приказала отменить обыск. Глава русского Красного Креста барон *Мейендорф*, заявил, что "Красный Крест" стоит вне политики и поэтому его представителей нельзя подозревать в шпионаже". Впоследствии, впрочем, он отказался от этой точки зрения¹. *Иванов*

Характерен взгляд начальника русского Генерального штаба *Беляев* на возможность шпионажа со стороны германских сестер милосердия. На допросе в верховной следственной комиссии временного правительства он заявил следующее²:

"...Германская шпионская сеть так умно и расчетливо раскинута, что она достигает чрезвычайных целей, и поэтому для них этот шпионаж сестер милосердия есть номер тысячный какой-нибудь, сравнительно со средствами, которыми они располагают... Я лично, как начальник Ген. штаба, который более или менее знаком с порядками организации немцами шпионажа, придерживаюсь мнения, что сколько-нибудь серьезно шпионить германские сестры не могли..." *Вяткевич*

Беляев - прав. В системе германской агентурной службы сестры милосердия являлись номером тысячным, если не десятитысячным. Однако, это не значит, что с этим тысячным номером не нужно было вести борьбы. *Беляев* же создал лишь видимость этой борьбы. Он приставил к германским сестрам милосердия русских офицеров, задачей которых было не давать сестрам возможности заниматься шпионажем. Но что это были за офицеры? Разные прапорщики запаса, весьма галантные, вылощенные, умевшие вести себя "в приличном обществе", целовать дамам ручки и ухаживать, но совершенно незнакомые с методами и приемами работы разведки и контрразведки. Один из них, прапорщик запаса, пожилой, сильно контуженный и впадавший в состояние прострации, сознав свою беспомощность в борьбе с ловкостью шпионской работы сестер,

¹ ² См. Показания ген. *Беляева*, напечатанные в сборнике "Падение царского режима". По материалам чрезвычайной комиссии временного правительства. т. II. Госиздат, 1925 г.

зимой 1915-1916 г. в Иркутске привлек себе в помощь жандармского офицера. Последний под видом вора забрался в помещение сестры, где обнаружил чемодан с двойным дном, нашел в нем русские бумажные деньги на большую сумму и письма на имя одного русского ученого, жившего в то время в Сибири, а также на имя одного крупного военного. Жандармский офицер сообщил результаты осмотра своему начальству и просил разрешения произвести у сестер обыск и выемку документов. Вместо разрешения он получил по телеграфу сообщение, что "сестра является племянницей фрейлины ее величества и стоит выше всяких подозрений", а вслед за тем жандармского офицера перевели в крепостной дивизион и через три месяца совсем уволили со службы.

Этот факт показывает, что и "тысячные номера" германской агентуры находились в России под "высоким покровительством" и могли приносить своей родине существенную пользу...

Известны еще следующие факты о работе германской агентурной службы в русских военных портах.

Железнодорожная ветка, связывавшая Балтийский порт с Ревелем, проходила по самому берегу залива (вернее бухты). В глубине бухты находилась лютеранская церковь, так называемая "Матиас Кирхе". Пастором в этой кирке был некто фон-Б., часто фигурировавший в делах русской контрразведки и известный, как человек, весьма недоброжелательно настроенный в отношении русских войск. С другой стороны, с территорией Балтпорта граничили владения фон-К., также числившегося на учете контрразведки.

Осенью 1916 года артиллерии Балтпорта было приказано погрузиться в вагоны для следования к новому месту назначения. Погрузка происходила на виду у местных жителей и в частности, в присутствии помещика фон-К. Вечером, в день отъезда артиллерии, 10 германских миноносцев, пользуясь фонарем, зажженным неизвестно кем на дамбе порта, и огоньком "Матиас Кирхе", обозначавшим курс, - вошли внутрь залива, развернулись и открыли сильный огонь по Балтпорту, при чем первые же снаряды разрушили телефонную станцию службы связи южного

района Балтийского моря, конюшни эскадрона, склады минных заграждений и гостиницу "Роггервик" - казармы эскадрона.

На то, что миноносцы были уверены в своей безнаказанности, - указывает дистанция, на которую они подошли к берегу - 15-20 саженей.

Второй случай. В сведениях русской контрразведки стало упоминаться имя некоего *Карлсона*, - местного жителя, который, якобы, производил какие-то наблюдения в минной гавани Ровеля, где кроме миноносцев был сосредоточен русский подводный флот, а также прибывшие в Ревель английские подводные лодки. Наблюдение установило, что *Карлсон* вербовал себе помощниц среди проституток, при чем исключительно тех, которые имели знакомства среди матросов-подводников. Помощницы эти должны были сообщить *Карлсону* о времени выхода в море русского подводного флота. Помимо того, *Карлсон*, в компании с неким *Шиллингом*, организовал нечто в роде игорного дома для служащих крепости и подрядчиков (сухопутная часть крепости еще только строилась и потому там было много инженеров, хозяйственников и подрядчиков). Вся эта публика собиралась в притоне *Карлсона*. Когда у них в случае проигрыша не хватало денег для расплаты, в качестве залога фигурировали чертежи и планы отдельных частей крепости. Благодаря неумелому подходу к этому делу русской контрразведки, против *Карлсона* и К° не удалось добыть ничего конкретного и они были высланы... в Петроград.

Вообще в этом районе Балтийского моря весьма чувствовалась интенсивная работа германской агентуры. Укажем на пропажу у дежурного офицера матки подводных лодок "Оланда" - радиотелеграфного кода подводной лодки "Белуга", на пропажу чертежей подводной лодки "Змея" и т. д.¹. Однако, раскрыть эти организации русской контрразведке не удалось.

По словам Дм. Малинина², в 1915 году германские аэропланы в Рижском заливе ежедневно делали налеты на канонерскую

¹См. Г. Графт. - "На Новике". (Балт. флот в войну и революцию). Мюнхен, 1922 г.

²См. Д. Малинин. - "Боевая служба канонерских лодок по опыту "Грозящего". Морской сборник, № 9, 1924.

лодку "Грозный". В сентябре на канлодке были установлены два зенитных орудия. "В день их установки атаки прекратились. Здесь также сказался хорошо поставленный шпионаж немцев".

Германская агентура имела свою раскинутую сеть во всех более важных в военном, политическом и экономическом отношениях пунктах как внутри России, так и на фронтах, причем в этой сети участвовали лица, занимавшие нередко высокие посты в царской России.

Полковник В. Николаи в своей книге "Тайные силы" рассказывает следующий факт.

"...Когда германские войска находились перед крепостью, с командующим которой были в мирное время завязаны связи, то легко напрашивалась мысль потребовать у него сдачи крепости. Задачу взял на себя один разведывательный офицер, его знакомый. Командующий отказался. Когда крепость была долгое время спустя взята силой оружия, нашли приказ по войскам, хваливший и награждавший этого самого офицера за храбрую защиту".

Имеющиеся в литературе другие данные дают возможность расшифровать этого командовавшего крепостью офицера, равно как и подход к нему германской агентуры.

К. Буняковский¹ рассказывает следующее: "10 февраля (1915 г.) впереди крепости (Осовец. - К. 3.) был захвачен переодетый в штатское платье немецкий солдат, долго живший в России и по мобилизации призванный в 147 эрзац-резервный батальон, вызванный в начале февраля в Лык в разведывательное бюро армейского штаба, где ему было предложено всеми средствами постараться добиться свидания с комендантом и предложить ему 500.000 марок за сдачу крепости. Он заявил, что командующий осадным корпусом, в случае отказа приказал пригрозить, что иначе в трехдневный срок сметет с лица земли такой "курятник", каким, по его мнению, являлся Осовец".

Мих. Лемке² этот случай излагает в несколько иной, более правдоподобной редакции:

¹См. В. Буняковский. - "Краткий очерк обороны крепости Осовца в 1915 г.". "Военный Сборник О-ва ревнителей военных знаний", кн. 5., 1924 г. Белград.

²См. Мих. Лемке. - "250 дней в царской ставке". (25 сент. 1915 г. - 2 июля 1916 г.). Госиздат, 1920 г.

"...Интересная деталь для характеристики коменданта Осовецкой крепости *И. А. Бржозовского*. В феврале к нему явился в качестве парламентаря прусский офицер и заявил, что, так как крепость будет взята во всяком случае, то за немедленную сдачу немцы предлагают коменданту 500.000 марок, что равняется просто части экономии на стоимости еще не выпущенных снарядов. Офицер очень рекомендовал *Бржозовскому* принять предложение - ведь все равно крепость никак не выдержит больше 48 часов. "Останьтесь у нас 48 часов, - отвечал *Бржозовский*, - и если крепость не будет взята вашими избавителями, вы будете повешены, а если будет взята - расстреляны".

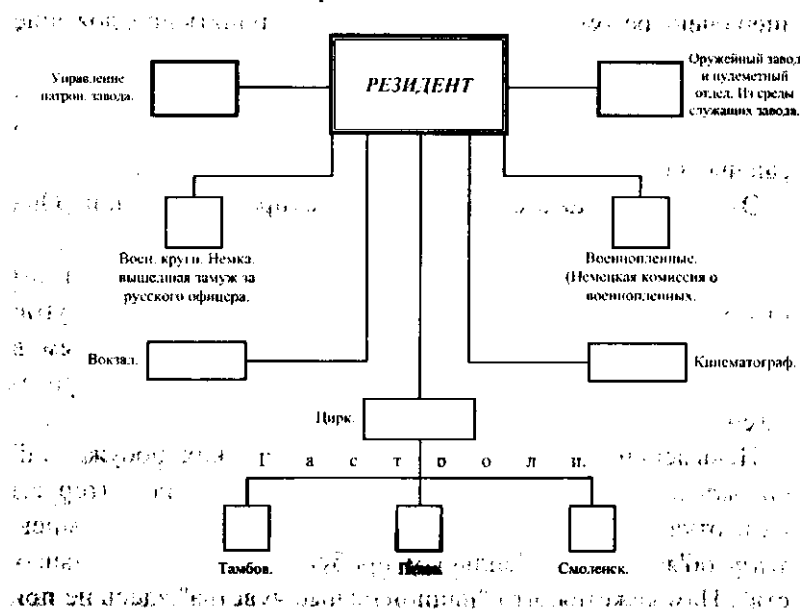
Эта версия кажется нам наиболее правдоподобной. Она сходится также с изложением этого случая у *Николаи*.

Ясно, что германская агентура никогда не связала бы простого солдата с таким высокопоставленным агентом. С другой стороны, она не рискнула бы послать офицера переодетым в штатское, ибо это грозило бы ему неизбежной гибелью и провалом агента.

Невыясненным остается вопрос - из каких побуждений *Бржозовский*, продававший еще в мирное время интересы России, отказался исполнить требование своих хозяев-немцев. *Николаи* объясняет это "сильным пробуждением национальных чувств". Нам кажется, что "национальные чувства" здесь не при чем. Сообщение *Буняковского* показывает, что посланный германской разведкой офицер не совсем тактично выполнил возложенную на него задачу, разболтав о ней на передовых линиях. Если бы *Бржозовский* принял предложение при таких условиях - скандал и гибель его были бы неизбежны. Отказавшись же от такого предложения, он мог рассчитывать на повышение, награды и всяческие милости со стороны русского верховного командования, что в действительности и было. Обычная же месть со стороны германской разведки, т. е. раскрытие его прежней работы против России, - ему была не страшна, ибо при наличии отказа сдать крепость он легко мог объяснить все обвинения, как германские инсинуации за его стойкую защиту крепости. Германская агентура прекрасно учла

это обстоятельство и даже не пыталась мстить Бржозовскому, примирившись с тем, что один из высокопоставленных агентов ускользнул из под ее подчинения...

Уже при Советской власти в г. Туле была раскрыта германская шпионская организация, работавшая там во время войны. Вот схема этой организации:

Тула со своими оружейными заводами действительно представляла для немцев громадный интерес. Из схемы, однако, видно, что германская агентура не удовлетворялась работой в одной Туле, а пользовалась ею, как плацдармом для работы и в Тамбове, и в Пензе, и в Смоленске. Для этой цели очень подходящими оказались цирковые артисты, свободно раз'езжавшие по разным городам.

В приведенной схеме указаны вокзал и кинематограф. Наблюдатель в первом пункте мог давать очень ценные сведения о передвижении войск и перевозке вооружения. Кинематограф же служил весьма удобным пунктом связи между отдельными агентами и руководителем сети - резидентом.

В Одессе германской разведкой также велась большая и

весьма интенсивная работа, руководившаяся из Румынии. Здесь немцы, главным образом, интересовались передвижением русских войск и вопросами снабжения снарядами русской артиллерии. Агентурная работа агентов, находившихся на русской территории, маскировалась различным образом. Так, в Одессе проживала некая Фишман, обрусевшая немка, прикрывавшаяся посещением госпиталей в качестве дамы-благотворительницы.

Другая часть этой одесской организации маскировала свою агентурную деятельность покупкой и продажей свинины, разъезжая под этим предлогом по периферии.

В результате неосторожности некоторых членов этой организации, забывших уничтожить черновики своих зашифрованных донесений и небрежно просушивавших написанное на промокающей бумаге, - вся организация, в количестве 17 человек, была арестована¹.

В прифронтовой полосе германская агентура обращала особое внимание на использование в своих целях женщин.

Необходимо оговориться, что все вообще разведки западно-европейских стран довольно широко пользовались для целей шпионажа услугами женщин, в особенности артисток². Так, напр., в начале 1916 г. французов очень волновал вопрос об отношении Испании к Марокко. Они опасались, что Испания, воспользовавшись затруднениями французов на германском фронте, попытается захватить Марокко. Известной артистке М. было поручено отправиться в Мадрид, втереться в высший свет и выяснить планы испанской политики. Официальной целью своего пребывания

¹См. П. П. Заварзин. - "Работа тайной полиции". Изд. Автор, Париж. 1924 г.

²Полковник Тибен, бывший начальник австрийской контрразведки во время войны 1914-1918 гг., в журнале "Пейес Винер Журналь" (ноябрь 1928 г.) рассказывает, что во главе шпионских организаций союзников, действовавших в Германии стоял особый тайный институт, находившийся в одной из нейтральных стран и получивший кличку "Шпионской биржи". За хорошие сведения он платил огромные деньги. Наилучшими "силами" этого института были женщины: француженки, англичанки, немки, русские. Тибен утверждает, что лично ему известно около тысячи таких шпионок.

По сведениям Тибена среди этой тысячи шпионок было: великих княгинь - 2, принцесс, герцогинь, маркиз - 14, графинь, баронесс, и других аристократок - 47, жен министров, посланников, видных дипломатов и политиков - 168 и т. д.

Между прочим, в августе 1929 г. европейскую прессу обошло сообщение, что английское правительство отказало в разрешении на везд графине Зельме Лощек, якобы, во время войны 1914-1918 гг. работавшей в германской агентуре и не раз побывавшей с самыми опасными поручениями во Франции, Англии, и России.

ния в Мадриде она выставила следующую историю: к немцам попал в плен молодой английский певец, выступавший до войны вместе с М. Последняя, якобы, желая освободить его из плена, втянула в это дело многих видных испанцев, включая и самого короля Альфонса. Последний предпринял специальные шаги перед Вильгельмом, и англичанин был освобожден.

Эта затея дала М. возможность втереться в дворцовые круги Испании и точно установить, что Испания сохранит свой нейтралитет до конца.

Но особенно широко в целях агентурной службы пользовалась услугами женщин германская разведка. Достаточно отметить, что за время войны 1914-1918 гг. одна лишь французская контрразведка изобличила в шпионаже в пользу Германии и расстреляла 81 женщину разных профессий; среди них, между прочим, была и известная голландская танцовщица Мата Хари¹.

Подбор женщин-агентов производился весьма тщательно. Требовалась красота, ловкость, ум, умение заставить влюбиться в себя, способность к интригам и пр. Такие женщины всеми силами старались устраиваться под благовидными предложениями в отелях, обслуживавших военных. В Варшаве, напр., таким отелем являлся "Бристоль". В нем останавливались военные, ведущие между собой в разгаре кутежа разговоры на злободневные военные темы. В этом отеле жила некоторое время сестра милосердия, красавица-полька. Она пользовалась всеобщим вниманием окружавшего ее офицерства. Но она пускалась в любовные интриги только с теми офицерами, относительно которых знала, что они хорошо осведомлены в военных вопросах. Обычно она так начинала плести свою паутину вокруг намеченной жертвы: "Я

¹Немцы, между прочим, отрицают причастность Мата Хари к их агентурной организации и утверждают, что она пала жертвой французской шпиономании. Обвинительный акт, а также целая литература, существующая об этой женщине, не дает оснований не верить немцам. В судьбе Мата Хари весьма темную роль сыграли французская и английская контрразведки. Такое впечатление создается из всех литературных трудов о Мата Хари.

Краткое изложение дела Мата Хари интересующиеся могут найти в брошюре Б. С. Утевского. - "Преступления и преступники Западной Европы" Изд. НКВД РСФСР, 1929 г.

тебя люблю. Я хочу знать, кто ты, где спишь, где воюешь, чтобы каждый раз, думая о тебе, я могла бы представить, что нахожусь с тобой". "Ты должен мне все подробно рассказать и объяснить"... Когда жертва начинала уже откровенничать, сестра милосердия вытаскивала карту крупного масштаба и начинала задавать вопросы, требуя объяснений по карте.

Позднее было установлено, что, когда этой сестре нужны были сведения по артиллерии, ее сердце сразу начинало пылать страстью к артиллеристам и т. д.

Деятельность этой сестры была раскрыта следующим образом: она начала подговаривать одного из своих поклонников сдать при первой же возможности немцам и передать им ее рапорта. Офицер донес об этом по начальству, и "сестра" была арестована и расстреляна...

В Петрограде очагом такого рода шпионажа являлась гостиница "Астория".

Интересно отметить, что среди многочисленных лиц, состоявших на учете русской контрразведки, в службе немцам как будто бы не без основания подозревались: посол России в Румынии Козелл-Поклевский и член русской чрезвычайной комиссии по расследованию германских зверств профессор Лозаннского университета Рейс. Однако, ни того, ни другого не удалось привлечь к ответственности из-за их высоких связей.

Также, как видно, не без оснований русская контрразведка подозревала в шпионаже в пользу Германии следующих лиц: горного инженера Генриха Антоновича Кольберга, быв. действительного тайного советника, председателя правления Бокко-Хрустальных угольных и антрацитовых копий и члена военно-промышленного комитета, и Анну Эрнестовну фон-Гротгус, баронессу Штампель. У последней часто происходили журфиксы, на которых бывало много немецкой аристократии, офицерства и видных политических и военных деятелей. Штампель своим приемом и обхождением очаровывала гостей и умела из разговоров с нужными лицами извлечь не мало серьезных сведений по государственной обороне. Бывали случаи, что в ее руках оставались и секретные документы. Так, строитель Крон-

штадтской крепости ген. Шишкин весной 1917 года побывал в гостях у Штмпель и на два дня "забыл" в ее салоне свой портфель с планами Кронштадтской крепости. В шпионаже подозревался также личный секретарь Горемыкина - статский советник Евгений Николаевич барон фон-Шелькинг. Подозревался в работе в пользу немцев и бывший председатель "Об-ва борьбы с немецким засильем" - Арсений Николаевич Вознесенский. Этот Вознесенский, якобы, так подбирал деятелей этого об-ва, что не могло быть и речи об интенсивной борьбе с немецким засильем.

Подозревались в шпионской деятельности в пользу Германии и целые германские фирмы, как, например, "Гуго Стинес", "Островский и Сиракузов", "Гергард и Гей", "Книпп и Вернер", "Фридрих Гансон и К°", "Русско-Финляндская экспедиционная контора" и многие другие.

Однако, все эти лица и фирмы имели крупные связи в верхах русского общества и при дворе, так что контрразведке оставалось только наблюдать за их деятельностью, заносить все поступавшие о них сведения в картотеку и на этом успокаиваться...

Интересный случай германского шпионажа рассказывает быв. помощник начальника русского "Черного кабинета" Николай Шадык, в австрийском журнале "Нейес Винер Журналь".

Он пишет, что его вызвал на фронт командир корпуса ген. Хвостов и заявил: "Это совершенно непереносимо. Что бы я ни предпринял, всякий раз немцы знают об этом, и все пропадает даром. Повидимому, они знают во всех деталях мои самые секретные планы. Надо найти шпиона".

При этом ген. Хвостов утверждал, что офицеры его штаба - начальник штаба, адъютант и др., - лица ему "хорошо известные", которым он может доверять "также, как самому себе".

На вопрос - кто из этих офицеров наиболее добросовестный, аккуратен и деятелен, Хвостов ответил: "Мой адъютант, поручик барон Вальде".

После этого разговора не прошло и двух недель, как корпус Хвостова был атакован и разбит вдребезги на Стоходе, как раз в том месте, где меньше всего можно было ожидать нападения.

Слежка за поручиком Вальде установила, что он часто писал одному инженеру в Харьков. Свои письма он пересылал вместе со служебными бумагами. Письма писались химическими чернилами. В момент ареста указанный инженер застрелился. Вальде арестовали, и он сознался, что служил немцам из патриотических побуждений.

Здесь кстати отметить, что даже при Советской власти германская агентурная служба старалась использовать своих прежних агентов. Так, Влад Бонч-Бруевич в ст. "В дни Брестского мира" (см. "Вечерняя Москва", Бонч-Бруевич, № 53, от 5/III 1929 г.) рассказывает, как случайно был раскрыт германский агент капитан русской службы Шнеур, втершийся в состав нашей первой мирной делегации. К нашему счастью, Шнеур еще не успел приступить к работе в делегации, когда раскрылась его служба в германской разведке.

Рассмотрим теперь работу германской агентуры в Англии. Фердинанд *Тохай* (см. выше) капитан английской разведывательной службы кое-что рассказывает о деятельности германской агентурной службы в Англии и вообще на Западном фронте войны 1914-1918 гг.

По мнению *Тохай*, германская агентурная служба на Западе в своей основе опиралась лишь на людскую алчность и испорченность. Англия была наводнена германскими шпионами, но какими? Прислуга гостиниц и кафе, гувернантки, подмастерья и подручные в парикмахерских, подданные нейтральных государств, германские и австрийские артистки, кабарежные певцы и "рыцари промысла".

Держать такого рода низкопробную и пеструю публику в повиновении и заставлять работать - было делом не легким. Однако, немцы и с этой задачей справлялись, в некоторых случаях применяя сведушую тактику:

"Если вы не будете присылать нам лучшей информации, то мы не остановимся перед сообщением англичанам, что вы - шпион", - писала германская разведка своему агенту в Лондоне.

Немцы ежемесячно удерживали часть жалованья агентов. Это заставляло агента работать, ибо в противном случае он терял

право на получение своих сбережений. С другой стороны, в случае болезни агента, провала его и проч., германская агентура не должна была тратить на него казенных денег, а расплачиваться сбережениями самого же потерпевшего агента.

В Англии у германской агентуры были, конечно, агенты и высшей марки, как, напр., некоторые члены английского парламента.

По словам *Тохай*, германский шпионаж большой опасности для Англии не представлял, хотя бы потому, что немцу трудно скрыть свою национальность, ибо слишком характерен его акцент, его голова, его наружный вид вообще. По мнению англичан, немец большой тяжелодум, без достаточной наблюдательности и инициативы, способный действовать лишь по приказу и по шаблону.

Эта английская характеристика немцев, конечно, сильно преувеличена и не совсем соответствует действительности, кое-что, однако же, подмечено довольно правильно.

В день объявления войны в Англии было арестовано двадцать наиболее деятельных германских агентов, около 200 агентов взято под наблюдение контрразведки и 9.000 германских подданных были интернированы. Этими мерами *Тохай* объясняет благополучный исход английской мобилизации, отсутствие взрывов мостов, заводов, железных дорог и проч.

Разведка немцев против Англии в первое время войны направлялась, главным образом, из нейтральных стран, при чем немцами применялся, такой прием: наравне с действительными агентами, ловкими и уверенными работниками, германцы посылали в данную страну один или два комплекта, так называемых "подставных" агентов, - неумелых и наивных людей, которые сразу попадали под наблюдение английской контрразведки. Этим достигалась та цель, что англичане, убежденные в том, что германские агенты находятся у них в руках и на учете, ослабляли наблюдение и настоящие агенты могли свободнее развивать свою работу. Впоследствии англичане раскрыли этот прием германской агентуры и стали применять его сами.

В Лондоне работа английской контрразведки против гер-

манского шпионажа была поставлена следующим образом: город был разделен на известное количество контрольных участков; во главе каждого участка стоял опытный контрразведывальный офицер, имевший в своем распоряжении известное количество обученных агентов, которые, в свою очередь, пользовались услугами определенных гражданских лиц - так называемых "указателей" или "наводчиков".

Начальник контрольного участка должен был поставить работу наблюдения так, чтобы никто не мог появиться в пределы его участка незамеченным, и чтобы жизнь каждого из жителей участка была ему известна со всеми подробностями. Гражданские же "указатели" имели своей задачей - наблюдать и доносить о своих соседях.

Вся почтовая корреспонденция подвергалась самому тщательному просмотру и химической проверки в специальных лабораториях при почтовых учреждениях.

Все эти меры дали английской контрразведке возможность не раз проникнуть в тайны германской агентурной службы.

Так, например, один раз химическая экспертиза проявила на одной, адресованной в Голландию, газете написанный химическими чернилами № 201. Было установлено, что под этим номером проживает в одном из предместий Лондона купец Г., родом из Скандинавии. За ним, как за нейтральным лицом, еще раньше было установлено наблюдение, и было выяснено, что он получил из Голландии довольно значительные суммы денег от одного торгового дома. Однако, тогда его оставили в покое. На этот же раз Г. было предложено объяснить происхождение и назначение этих денег. Он сознался, что деньги получал для одного из своих приятелей, датчанина Миллера, коммивояжера одной голландской фирмы. Из дальнейшего следствия выяснилось, что *Миллер* разъезжал по Англии, собирал сведения, и эти сведения, соответствующим кодом, в виде условных объявлений, помещал в английских газетах, а последние пересылал в Голландию. Иногда же он кое-что приписывал к объявлениям химическими чернилами; последнее его и погубило. Состав химических чернил и условный код газетных объявлений был раскрыт английской контрразведкой,

а Миллер был арестован и расстрелян.

После этого случая английская контрразведка сама начала посылать немцам по перехваченным таким образом связям информацию от имени Миллера. Игра эта тянулась несколько месяцев и дала английской контрразведке 400 фунтов стерлингов, пока, наконец, из Голландии не пришло следующее сообщение:

"После целого ряда ложных сведений, присланных вами, которые ввели нас в грубое заблуждение, вы больше на службе у нас не состоите..."

В другой, раз английская контрразведка выследила и арестовала другого голландского купца, состоявшего германским агентом и поддерживавшего связь через Швецию. Он выдал свою сообщницу, оказавшуюся известной артисткой. Чтобы иметь документальные данные против артистки, контрразведка поместила в конспиративной квартире, где купец встречался с артисткой и куда она доставляла ему свои рапорта, - приемный аппарат, записывавший все их разговоры.

Глава пятая

Способы и техника связи германской агентурной службы

Роль шведских посольств и консульств в системе связи германской агентурной службы. - Поразительная осведомленность немцев. - Специальные коды. - Служащие "Международного общества спальных вагонов". - Объявления в газетах. - Газетные опечатки. - Наклейка почтовых марок на письмах. - Цвет открыток, конвертов и сорта бумаги. - Тайнопись. - Применение аэропланов для доставки агентов в тыл противника и обратно. - Почтовые голуби.

Говоря о германской разведывательной деятельности из Швеции на Россию, мы уже указывали на пересылку шведским посольством и консульствами германских разведывательных телеграмм, зашифрованных германским шифром. Надо полагать, что подобную услугу шведы оказывали немецкой разведке и в других, кроме России, странах. Такой способ связи имел колос-

сальное значение для германской разведывательной службы и давал ей возможность почти всегда быть в курсе всех событий в странах своих противников. Все данные говорят за то, что шведские заграничные учреждения передавали шифровки агентов германской разведывательной службы вне всякой очереди и в весьма срочном порядке.

Известны случаи, когда германское командование узнавало распоряжения русского верховного командования на несколько дней раньше, чем русские войска, которым это распоряжение направлялось для исполнения.

"Многое, что говорилось и делалось в центральных управлениях в Петрограде", - пишет *А. С. Лукомский*¹, - "и многие распоряжения высших штабов доходили до немцев скорей, чем до русских войск, до которых они относились.

"Известны случаи, когда на германских позициях выставлялись плакаты, в которых сообщалось о предстоящем передвижении частей, стоявших перед немцами. И действительно, через день-два такое распоряжение получалось.

"Впоследствии выяснилось, что германцы действительно были хорошо осведомлены не только о том, что делается у нас на фронте, но и в глубоком тылу".

Со шведскими заграничными учреждениями германская разведка связывала лишь вполне надежных агентов и целые агентурные организации. Весьма вероятно, что шведские дипломатические учреждения за границей использовались для пересылки письменных донесений агентов в шведской дипломатической почте, так же, как и для пересылки агентам денег и заданий германской разведывательной службы.

Также весьма вероятно, что при шведских дипломатических учреждениях за границей находились под видом сотрудников представители германской разведывательной службы, ведавшие всей техникой связи.

Есть основания предполагать, что такую услугу Германии оказывали и греческие официальные учреждения в России и

¹См. ген. А. С. Лукомский. - "Воспоминания", т. I. Изд. К-ва Отто Кирхнер и К-о. Берлин, 1922.

союзных странах, - греческие посольства и консульства пересылали в своей дипломатической почте особо секретные материалы германской разведки.

С агентами менее верными и надежными или еще недостаточно проверенными, связь поддерживалась другими весьма разнообразными способами. Контрразведке союзников и русской удалось раскрыть часть этих приемов и способов. На них мы сейчас и остановимся.

В начале 1916 г. французский морской атташе в России сообщил русскому Генеральному штабу о следующем способе связи германской разведывательной службы, ставшем известным французской контрразведке, и относившемся к передвижениям Балтийского флота.

Названия различных русских военных судов писались одно за другим в порядке, данном в "Deutsche Flottenbuch" на расстоянии 1/2 сантиметра друг от друга. Этот ключ прикладывался к почтовой открытке, и агенты ставили карандашом маленькие точки в месте, совпадавшем с названием определенного корабля, указывая этим, что данный корабль находится в месте, откуда послана открытка.

Если точка находилась слева, - судно стояло в самом порту; если она была справа, - судно было в море или на рейде.

Два последних деления были предназначены для миноносцев и подводных лодок.

Таким образом, агенту нужно было только помнить названия судов по порядку и соблюдать расстояние в 1/2 сантиметра, чтобы иметь возможность, не перевоза ни малейшего компрометирующего клочка бумаги и не возбуждая подозрений, ежедневно осведомлять Стокгольмский центр о передвижениях русского флота.

Кроме того, для сношений со своими шведскими пунктами, агенты германской разведывательной службы применяли следующие приемы и способы.

Они посылали написанные по специальному коду письма на условные адреса, главным образом, на адреса торговых фирм, транспортных контор и частных лиц, которые передавали их

далее в руки заинтересованных лиц, или, переложив в другой конверт, пересылали в Германию по обычной почте. Для этой цели германской разведывательной службой было создано в Копенгагене специальное бюро, носившее имя "Хофман, Банг и Гутар".

Для этой цели использовался также целый ряд шведских, датских и норвежских торговых фирм.

Помимо писем, в те же адреса посылали условные кодированные телеграммы.

Использовались также для пересылки секретных документов разные служащие коммерческих пароходов.

Для перевозки донесений и документального материала из воюющих стран в нейтральные, германская агентурная служба пользовалась услугами проводников "международного общества спальных вагонов" и матросов торговых и пассажирских пароходов.

В русской цензуре почтовой корреспонденции германская разведывательная служба имела своих агентов. Как только какой-либо условный адрес становился известным русской контрразведке, моментально германская разведывательная служба получала предупреждение. Как известно, русская контрразведка время от времени передавала в цензуру списки заподозренных адресов. Эти списки агентов сейчас же становились известными немцам, и те меняли передатчиков.

Вначале германской разведкой применялись коды, основанные на условных выражениях, взятых из обихода.

Вот для примера одно из таких донесений:

"Дорогой Костя! План удался, и тетя на брак согласилась. Конечно, перевозки вещей не избежать, но я достал справки: все обойдется не дороже 500 руб.; передам подробности лично. Опущу это письмо на вокзале и во вторник получишь его не позже 5 часов дня. Целую тебя. Твой Андрей".

Если же на этот чисто обывательский текст положить карточку с соответствующими прорезами, то получается следующий текст:

"План перевозки достал. Обойдется 500 руб. Передам лично

на вокзале во вторник 5 часов".

Затем немцы перешли на коммерческие термины с употреблением цифр, но когда цензура перестала пропускать письма и телеграммы с цифрами, условная роль последних отпала.

Для сношений по телеграфу агенты германской разведывательной службы старались вербовать курьеров или других служащих какой-либо торговой фирмы или технического предприятия, преимущественно из числа известных на русском телеграфе, как постоянно приносивших деловые телеграммы. При содействии таких лиц агенты отправляли свои кодированные телеграммы заодно с чисто деловыми телеграммами фирмы. Первое время в русской цензуре специалистов коммерсантов и техников не имелось, и поэтому эти телеграммы раскрывать было нелегко, даже такие, в которых агенты "покупали" или "продавали" или "высылали" технические предметы, не принятых в обиходе размеров или по неправдоподобным ценам.

Для ускорения передачи того или иного сообщения, германские агенты нередко применяли смешанные приемы связи. Так, например, из Петрограда передавали сообщение до возможно ближайшего к границе пункта по телеграфу, далее сообщение шло ручной почтой, а затем в Швеции снова по телефону или телеграфу передавалось из какого-либо шведского города прямо в Германию.

Более же надежные, проверенные и важные агенты пользовались, как мы рассказывали выше, Датским Кабелем для передачи своих донесений непосредственно из Петрограда в Берлин. В конце 1916 г. немцы лишились этой быстрой и удобной линии связи.

Известно также, что германская разведывательная служба пользовалась для передачи сведений газетными объявлениями. В заранее условленных газетах помещались условные кодированные объявления. Абонентом такой газеты состоял агент связи в каком-либо шведском пограничном пункте. Получив газету, он расшифровывал объявление и по телефону передавал его в Стокгольм. Для этой цели германская разведывательная служба поль-

зовалась главным образом газетой "Новое Время". Этот же прием немцы практиковали и на западе.

Одно время во французских газетах, в связи с французским отступлением, начали появляться объявления, по которым разыскивались родственники, например:

"Поль и его семья из Эперней просят сообщить о себе г-жу Х из Варен, репатрированную 25 октября. Писать 34, ул. и т. д."

В расшифрованном виде это объявление имело следующее содержание:

"34 пех. дивизия, укомплектованная и вооруженная, в полном составе 25 сего месяца покинула Эперней и направилась через Сент-Менегульд в Варен".

В "Таймсе" однажды обратило на себя внимание английской контрразведки объявление о продаже собаки. В действительности же в нем сообщалось о переброске дивизии из Салоник в Египет.

В 1916 году во французской армии весьма широкие размеры приняло так называемое "крестничество". Заключалось оно в том, что солдаты посредством объявлений в газетах искали себе "крестных матерей", оказывавших им "моральную и материальную поддержку". С другой стороны, женщины отыскивали себе "крестников" среди солдат также посредством объявлений в газетах. Германская агентурная служба моментально применилась к создавшимся условиям и начала пользоваться такого рода объявлениями в своих целях. Посредством их передавались не только донесения, но и производился сбор необходимых сведений и вербовка агентов.

Практиковалась также ссылка на газетные объявления в телеграммах. Делалось это, примерно, следующим образом. В газете появлялось объявление о смерти Антона Андреевича Андреева. Агент, имея три адреса передатчиков и каждый раз варьируя адрес, текст и подпись, мог послать телеграмму по каждому адресу 125 способами, а на три адреса - 375, что представляет уже код для 375 донесений заранее условленного текста.

Кроме того, в распоряжении агентов были еще следующие приемы связи:

- Путем опечаток в газетах. Для этого подкупался набор-

щик, набравший как бы по ошибке среди текста ряд букв или цифр, имевших условное значение.

- Путем отметок букв в газетах. Условленная заранее статья (напр., иностранный отдел, театральная рецензия в определенной газете) снабжалась проколами или черточками под буквами, при чем эти буквы составляли или прямо секретный текст, или кодированное донесение. Газета посылалась за границу или непосредственно агентом или же он входил в соглашение с лицом, выдавшим рассылкой данной газеты.

- Путем присылки в редакцию газеты писем для напечатания. Эти письма составляли кодированную передачу какого-либо сведения..

- Путем наложения почтовой марки на письме. Различно наложенная марка давала 128 разных донесений по коду.

- Путем текста, мелко написанного под маркой.

- Путем сообщения метеорологических данных, биржевых или рыночных цен и т. д., при чем данные эти всегда соответствовали действительности, а кодирование донесений достигалось расположением этих данных в определенном порядке.

- Путем пометок на тюках товаров, отправлявшихся за границу другими лицами, непричастными к делу шпионажа.

- Путем записывания донесения на боковой стороне колоды карт, подобранной в известном порядке. После написания колода тасовалась.

- Знаками на белье, под видом пометок, обычно ставящихся прачками.

- Расположением в бумажнике бумажных денег по порядку и ценности. Это - так называемый "короткий код".

- Узелками на нитках или шпагате, которыми обвязывались свертки. Расстояние между узелками представляло кодированное донесение. Применялись и кисточки у турецких фесок, состоявшие из ниток разной длины с узелками.

- Помещением донесения в тюбики с краской, зубной пастой и т. д. Краска или паста из нового тюбика немного выдавливалась, в тюбик вдвигалось свернутое в тоненькую трубочку

донесение, и тюбик надавливался снова, чтобы краска закрыла входное отверстие тюбика.

- Путем фиктивных счетов и записей расходов. Записанные расходы в действительности представляли собой зашифрованные донесения.

- Отметками в каталогах предметов, якобы выбранных для покупки.

- Записыванием донесений на этикетках разных флаконов, бутылок и туалетных принадлежностей, при чем этикетки после этого снова наклеивались на прежнее место.

- Вышиванием узоров на материи, столовом белье и т. п. Число и расположение стежков составляли код или шифр.

- набросками узоров, якобы для вышивок, просто рисунками пером, где черточки, помещенные в определенном направлении, имели значение по азбуке Морзе.

- Помещением донесений, свернутых в тонкую трубочку, в папиросы.

- Путем прикрепления клочка газеты, с отмеченными буквами, внизу к подножке почтового вагона, шедшего к границе.

- Помещением донесений в тросточки, имевшие внутри пустое пространство, в зонтики, вечные перья, карандаши, в хлеб, колбасу, фрукты и т. п. (Женщины перевозили иногда донесения в прическе, в корсете вместо вынутых пластинок, в месячных повязках, в половых органах и т. п.).

- Пометками на ногтях рук или ног.

- Записыванием текста на внутренней стороне спичечных коробок, которые для этого разламывались, а потом снова склеивались, или же под отклеенной для этой цели этикеткой спичечной коробки.

- Булавочными проколами по трафаретке в носовых платках и белье.

- Путем проколов в распоротых для этого мягких или крахмальных воротничках или манжетах.

- Путем подклеивания донесений в переплет книг.

- Коллекцией почтовых марок, подбор, расположение и цена которых составляли шифр.

- Соответственно подобранными коллекциями образцов.
- Путем проглатывания бумажки, заключенной в маленький капсюль, не поддающийся действию желудочных кислот.
- Надрезами на краях письма. Так, напр., надрезы или надрывы на 4 сторонах листа обозначали направление части войск, уходящей из данного места; количество войск указывалось число надрезов, черточек, точек и т. д.
- Мелко написанные бумажки клались на конверт и заливались сургучной печатью.
- Цветом открытки, конверта и сортом бумаги, имевшими условное значение. Напр., красный конверт обозначал начало отправки войск, зеленый отмену этой отправки и т. д.
- Открытками с видами городов, домов и т. д. с отметками крестиками и стрелками, якобы дома, где живет посылающий открытку, а на самом же деле с отметками по специальному трафарету.
- Подчеркиванием и оттеснением по азбуке Морзе рисунка на открытках с видами.
- Применением нарочно испорченной пишущей машинки, в которой некоторые буквы писались немного выше или ниже нормальной строчки. Такой текст производил впечатление текста, написанного на обыкновенной разработанной машинке, а между тем, число букв, выходящих из общего уровня, в каждой строчке имело значение числового шифра. Такое же значение имело в других случаях расстояние таких букв от краев бумаги; или же расстояние таких букв одной от другой имело значение по азбуке Морзе.
- Применением для шифровых записей каталогов нот или граммофонных пластинок. В таких каталогах обычно против каждого названия имеется свой номер, при чем число таких номеров очень значительно. Эти номера и служили в качестве шифра.
- Записыванием, якобы, рукописных нот на нотной бумаге. Ноты имели значение по азбуке Морзе и другим кодам.
- Записями кривых температур больного.
- Отправлением за границу человека, обладавшего данны-

ми, которые соответствовали коду. Так, например, количество имевшихся при нем денег, костюмов, сорт материи, цвет ее, количество воротников, платков, число чемоданов и свертков, приметы, возраст и т. п., - все это, вместе взятое, давало тысячу возможностей для применения условного кода. Иногда этот человек и не знал, что он является "живым кодом".

Можно было бы привести бесконечное количество таких примеров. Изобретательность немцев в этом отношении была безгранична и проявлялась в самых различных и неожиданных областях. Так, в Париже во время войны была арестована немка, переписывавшаяся со своей подругой в Голландии. В своих письмах немка эта с восторгом описывала всевозможные эпизоды из жизни разных птиц. Расследование установило, что таким способом она пересылала сообщения о результатах бомбардировки Парижа германскими цеппелинами¹.

Во время войны английской контрразведке удалось совершенно случайно натолкнуться на такой прием германских разведчиков.

Два офицера германского флота пробрались под видом торговцев сигарами в Англию. Оба они пользовались иллюстрированными каталогами сигар, как условным кодом, по которому пять сортов сигар, соответствовали пяти типам военных судов. Так, например, очень толстые сигары соответствовали броненосцам, толстые и средние - разным крейсерам, мелкие - истребителям и миноносцам, самые тонкие - подводным лодкам. Оба офицера порознь об'езжали Англию и о всем виденном сообщали в Голландию по телеграфу следующим образом:

"Гарвич. Прошу прислать 1200 гаванна № 2, 600 № 3 и 2000 пол-Корана. Это обозначало:

- "В порту теперь находятся: 12 броненосных крейсеров, 6 легких крейсеров и 20 подводных лодок"

На западном фронте во время войны не было никакой возможности послать по почте письмо из прифронтовой полосы без цензуры. Достаточно же было малейшего подозрения со

¹См. Ферд. Тохай. - "The Secret Corps".

стороны цензуры, чтобы письмо было направлено в лабораторию и, таким образом, агент мог провалиться. Нельзя было также перевозить при себе письма из прифронтовой полосы в тыл, ибо проезжавшие обыскивались самым тщательным образом. Лишь офицеры не подвергались обыску. Этим обстоятельством пользовалась германская агентурная служба. Французская контрразведка знает много случаев, когда разные молодые женщины под всевозможными предлогами просили уезжавших с фронта в Париж офицеров довести до Парижа их письма и опустить в почтовый ящик. (Письма, адресованные в Париж и опущенные там же в ящик, как местные, цензуре не подвергались). Есть данные, что в этом отношении "прекрасный пол" пользовался большой услужливостью со стороны французских офицеров. Так, например, известен случай, когда один английский офицер привез из Италии в Париж в своем автомобиле американскую артистку, подозревавшуюся французской и английской контрразведками в шпионаже и высланную перед этим из Франции.

Особое место в приемах связи германской разведывательной службы занимала тайнопись.

В первое время войны немцы применяли примитивные химические тайнописи (слюна, вода, сухое перо, лимонный и луковый сок и т. д.), поручая такие способы сообщения неиспытанным и непроверенным агентам, и тем, которых они по тем или иным соображениям находили необходимым провалить. Проверенные и ценные агенты снабжались более сложными химическими средствами, основанными на сложных химических составах, действовавших или в качестве чернил, или в качестве проявителя. Эти смеси составлялись и изучались в германских научных лабораториях профессорами-химиками. Имея возможность привлечь к этому делу высококвалифицированных специалистов, германская разведывательная служба извлекла из этого сотрудничества большую пользу, хотя, с другой стороны, оторванность этих ученых от практической разведывательной работы нередко мешала возможности применения самых ценных их изобретений. Так, например, профессором Гаусманом был изобретен химический состав для тайнописи. Его нужно было

перевозить при помощи пропитывания им белья. На белье же должна была вестись запись донесения. Оказалось, однако, что такая тайная запись не выносит прикосновения тела. Поэтому идея иметь при себе скрытое донесение и средство для писания и проявления в таком, невинном, обиходном предмете, как носовой платок - оказалась непригодной.

А между тем, целый ряд агентов германской разведывательной службы был специально обучен употреблению этой тайнописи, причем руководители некоторых агентурных организаций даже командировались специально для ее изучения в Берлин.

Больше того, несмотря на указанные недостатки изобретенного Гаусманом состава, германская разведывательная служба продолжала им пользоваться, чем и погубила часть своих агентов. Так, например, французская контрразведка после долгого наблюдения установила, что часть багажа заподозренных лиц (белье, и, главным образом, носовые платки) тщательно оберегалась их владельцами. Наконец в июле 1917 г. один из таких платков был перехвачен французской контрразведкой. Исследование платка было поручено парижской лаборатории судебной экспертизы. В результате трехмесячных опытов, по словам директора парижской лаборатории судебной экспертизы, был раскрыт, не только данный химический состав для тайнописи, но и проявитель к нему. Благодаря этому открытию, французской контрразведке удалось раскрыть и арестовать около 10 агентов германской разведывательной службы.

Для тайнописи применялись также составы металлических или органических солей. Против действия йода, нагревания и т. д. эти составы обеспечивались погружением в аммиачный раствор и проявлялись только определенным химическим реактивом. Однако и эти составы были раскрыты французскими химиками.

Составы тайнописи перевозились и хранились в кусках туалетного мыла, в разных водах и проч.

Французской контрразведке стал известен также состав тайнописи, который германские агенты перевозили и хранили в носках и шнурках от ботинок. В этом составе было обнаружено присутствие органических частей серебра. Состав этот был на-

столько силен, что достаточно было наличия его в носке в количестве нескольких миллиграммов, чтобы при погружении носка в стакан воды получилась готовая жидкость для писания.

Проявитель этой тайнописи был основан на электрохимическом процессе. Письмо, написанное этим составом, погружалось в раствор другого металла, электротипно действовавшего на первый, благодаря чему написанное становилось видимым.

Обычно, сверх писем, написанных тайнописью, писалось простым карандашом или простыми чернилами письмо частного или коммерческого характера и самого невинного содержания.

Также писались тайнописью донесения на чистых местах газет и журналов, особенно на цензурных "плешах".

Парижская лаборатория судебной экспертизы за время войны подвергла исследованию 1652 письма и документа, написанных тайнописью, и 263 предмета, пропитанных разными химическими составами.

За время войны стало также известно, что германская разведывательная служба имеет химический состав, которым можно писать на теле человека. Поэтому французская контрразведка очень тщательно занималась исследованием кожи людей, проезжавших границу и вообще заподозренных в шпионаже. На этой почве случилось много комичных сцен. Так, например, один раз на границе вышел казус с молодой французской артисткой. В ожидании своей очереди быть осмотренной она воспользовалась вагонной уборной. Когда же ее начали осматривать, на известной части ее тела оказались какие-то неясные знаки. Начатое проявление известными реактивами никаких результатов не дало. Сама же она клялась, что ни к какой тайнописи отношения не имеет. В конце концов, выяснилось, что, войдя в уборную, она подложила на сиденье бумажку, исписанную копировальными чернилами. Они-то и оставили отпечаток.

В другой раз была задержана уже настоящая агентка германской разведывательной службы, у которой на спине было написано копировальным карандашом целое донесение. Написанное было закрыто толстым слоем пудры.

Для поддержания связи и перевозки агентов германская

агентурная служба пользовалась иногда подводными лодками. Особенно удачно этот способ применялся по отношению к Англии и Франции. С этой целью было выбрано несколько укромных пунктов, куда подводные лодки могли ночью незаметно приставать, передавать задания и получать донесения. Ясно, что такой способ связи был весьма дорог и рискован. Но немцы твердо помнили, что в агентурной разведке от хорошо налаженной связи зависит очень и очень многое, и средств на организацию связи не жалели.

Крупную роль в германской системе связи играл также аэроплан. Хотя французы и стремятся оспаривать у немцев первенство применения аэроплана в агентурной разведке, мы склонны все же утверждать, что первенство этого "изобретения" принадлежит немцам.

Суть применения аэроплана в агентурной разведке заключалась в следующем.

В первое время агент сажался на аэроплан, отвозился в определенный, заранее намеченный пункт и там высаживался. Такому агенту - "воздушному ходоку" - давался строго установленный срок на выполнение задания, - от 3 до 6 суток. В определенный день и в заранее условленный пункт аэроплан прилетал за агентом и увозил его обратно. В некоторых же случаях агент должен был самостоятельно пробираться обратно через линию фронта или через нейтральные страны.

Однако посадка в неприятельском тылу представляла большой риск как для аппарата и летчика, так и для агента. Вследствие этого начали применять спуск агента с аэроплана на парашюте. Этот способ был хорош тем, что в случае неудачи погибал лишь один агент. Доставленный, таким образом, в неприятельский тыл агент должен был посылать свои донесения с почтовыми голубями, которых он имел при себе. Сам же он, по выполнении задания, должен был возвращаться через линию фронта или через нейтральные страны.

Практика показала, что и этот способ имел свои плохие стороны. Во-первых, оказалось, что даже самые храбрые агенты теряли храбрость в тот момент, когда нужно было выпрыгивать из

аппарата, и никак не могли решиться на прыжок. Во-вторых, если агент и решил прыгнуть, ветер относил его в сторону на довольно большое расстояние, что иногда было по тем или другим причинам неудобным.

В-третьих, полет на парашюте легко мог быть замечен противником, хотя обычно полет проходилась на заре, когда еще все спали.

Немцы нашли способ устранения первого и самого главного дефекта тем, что на дне фюзеляжа аппарата делался люк, который открывался летчиком при помощи соответствующей кнопки. Таким образом, летчик, приблизившись к пункту высадки агента, раскрывал люк и агент, сам того не ожидая, летел вниз на парашюте.

Аэропланы применялись немцами также и для следующих целей: наблюдатель брал с собой небольшой парашют с прикрепленной к нему корзинкой с несколькими почтовыми голубями. Парашют этот выпускался на неприятельской территории. В корзине имелись соответствующие инструкции, задания и некоторая сумма денег. По мысли немцев человек, нашедший парашют, должен был, в том случае, конечно, если он являлся германофилом, выполнить задание и с почтовыми голубями отправить его по назначению. Понятно, что такой способ применялся лишь в тех районах неприятельского тыла, где население в своей массе симпатизировало немцам.

Не малое место в средствах связи германской агентурной разведки занимали упомянутые в связи с аэропланами почтовые голуби, несмотря даже на то, что с началом войны они во всех странах были у частных лиц конфискованы.

Германская разведка придавала большое значение почтовым голубям в системе связи. В руки русской контрразведки еще задолго до войны попадали германские почтари с голубеграммами. С этим велась борьба, и разведение, хранение и содержание голубей почтовой породы было запрещено.

Однако, начальники русских крепостных военно-голубиных станций при осмотре частных голубятен в Варшавском военном округе с 1902 по 1907 гг. обнаружили присутствие весьма значи-

тельного количества почтовых голубей, несомненно, поддерживавших связь с германскими и австрийскими военными голубятнями.

За период времени с 1900 по 1910 гг. русскими властями было задержано до 200 австро-германских почтарей. Число это является ничтожным по сравнению со всем количеством почтарей, разведенных германской разведкой в пограничных русских губерниях, тем более, что немцы считали пригодными к дрессировке и голубей смешанных пород, а не только чистокровных почтарей.

В начале войны начальник жандармского управления в Радоме обратил внимание на поляка, "большого любителя голубей вообще". За ним установили слежку, произвели обыск, однако, ничего компрометирующего найти не могли, ибо голуби оказались самых обычных пород. Тогда к поляку подослали агента жандармского управления, сумевшего втереться в его доверие и устроиться у него в качестве дворника и для ухода за голубями. Нескольких голубей поляка подменили почтовыми голубями, полученными из Ивангородской крепости. Через несколько дней Ивангородские голуби прилетели к себе и принесли от поляка шифрованные письма, адресованные немцам¹.

На этом мы заканчиваем рассмотрение приемов и способов связи германской разведки. Приведенные примеры показывают, что и здесь немцы главное внимание обращали на изобретательность и применение в каждой данной обстановке соответствующих ей методов и на изысканье все новых и новых способов связи. Германская разведка, прекрасно учитывала, что связь в агентурной разведке - один из самых важных элементов.

Глава шестая

Активная (диверсионная) разведка

Курсы руководителей диверсионных групп. - Диверсионная группа финнов. - Взрывчатые вещества в виде плотничьего карандаша. - Взрывы складов в Силастуне и обозов с боевыми припасами. - Охота за

¹См. С. Р. Минцлов. - "Транезундская эпопея". Дневник, Берлин.

"Новиком". - Взрывы в Казани, на Малой Охте (Петербург), пожар на заводе Вестингауза. - Взрыв русского дредноута "Императрица Мария" и итальянского дредноута "Леонардо да Винчи". - Механические взрыватели. - Раскрытие итальянской организацией "Сицилийская Маффия" германской тайной организации по взрыву кораблей. - Взрыв в Белом море парохода "Барон Дризен". - Охота за Николаем Романовым во время его поездок по фронту. - Как немцы продавали русским оружие. - Универсальная германская диверсионная организация в Китае. - Диверсионная деятельность немцев в Америке. - Каперство. - Сын Вильгельма во главе диверсионной группы во Франции. - Уничтожение американских военных складов во Франции. - Машинки для взрывания поездов. - Бактериологическая война. - Отравление колодцев было запрещено. - Распространение сапа и сибирской язвы.

С начала войны германская агентурная разведка начала деятельно готовиться к активным (диверсионным) действиям. В Германии были открыты специальные курсы по подготовке местных руководителей групп активной разведки всех специальностей. Здесь обучали бомбометанию, подрывному делу, поджогам, отравлению и пр., и пр.

Одной из первых, таким образом, подготовленных организаций, русская контрразведка, отметила организацию финнов. В Стокгольме, в меблированных комнатах некоей Густавсон и в отелях "Хорн" и "Кронпринц" германским агентом Хельдтом было организовано с помощью натурализованного немца Эриксона особое бюро финнов. Деятельность этого бюро охватывала следующие функции: террористическая организация, пропаганда и агитация против русских в Финляндии, и, наконец, организация побегов военнопленных немцев.

Члены этого бюро, работая среди финского населения по организации взрывов и агитации в пользу Германии, часто посещали Ханаранду и другие пограничные города северной части Финляндии, вербуя себе новых сотрудников, обучая их и поручая им совершение террористических актов.

В самой Финляндии также были созданы террористические группы, получавшие задания от Стокгольмского центра.

Было установлено, что барон Розен руководил группой по

совершению взрывов по линии гужевого транспорта Финляндия-Норвегия, а также деятельностью, направленной к повреждению этого транспорта другими способами, например, отравлением лошадей и пр.

Когда в декабре 1916 г. норвежская полиция арестовала на границе с Россией вышеупомянутого барона Розена (быв. офицер шведской лейб-гвардии), пастора Вестенсона, инженера Графа, конторщика почтовой конной станции Стеркю и немца Муберга, то при них нашли 10 пачек взрывчатого вещества в виде плотничьего карандаша и трубочки с бациллами сапа.

Ожидалось также прибытие в Россию для производства взрывов некоего профессора Воссе, но прибыл он или нет, - русской контрразведке установить не удалось.

Финн Пекко-Линдберг вместе с финном Суви взорвали склады в Силастуне. Финн Роландер взорвал обоз боевых припасов, перевозившихся из норвежского порта Нарвик в Рованиemi, за то был награжден германским железным крестом. Финн Савпора был командирован в Лапландию для взрывов по пути следования английских транспортов. Финну Танденфельдту было поручено взорвать корабль "Полтава", но он был арестован со всеми взрывчатыми веществами.

В 1915 году русский флот мог еще проявлять некоторую активность, выразившуюся в постановке у германских берегов минных заграждений и в поисках, выходивших из района обычных передвижений русского флота. В то же время материальные средства русского флота были весьма ограничены и недостаточны, особенно в отношении миноносцев, из которых в полном порядке и с удовлетворительной скоростью хода был всего лишь "Новик". Остальные, расшатанные непрерывной дозорной службой и с чрезвычайно упавшей к этому времени скоростью хода, совершенно не могли нести функций, могущих быть возложенными на современные миноносцы.

Германская разведка это обстоятельство учла. Началась охота за "Новиком". За удачно устроенный вывод из строя "Новика", что предполагалось сделать путем взрыва, немцы обещали своим агентам выдать 50.000 рублей. За подрыв других крупных

судов немцы также обещали довольно крупные премии.

Л. Войтоловский¹ рассказывает, как во время отступления русских в 1914 году им "всем хорошо было известно и без пояснений, что спешат перейти через Вислок и Сан, ибо кто-то неведомый взрывает мосты. И чем погода ужаснее, тем легче это удается противнику. Холод сгоняет караульных к кострам. И тогда внезапно, неизвестно кто бросает пироксилиновую шашку, динамитный патрон, и мост взлетает на воздух..."

А. Н. Хвостов² рассказывает, что в бытность его министром внутренних дел, его внимание обратила на себя немецкая ячейка в Харькове. "В виде примера, - пишет Хвостов, - укажу на харьковский химический завод, изготавливавший жидкость для противогазных масок. По получении такого рода противогазных масок на фронте выяснилось, что они от газов не предохраняют и люди мрут. Так погибло сперва тысячи две солдат, потом тысяч пять-шесть.

Тогда спохватились, и удалось через принца Ольденбургского настоять на расследовании этого дела. С этой целью остановили в пути поезд, шедший с масками на фронт, исследовали содержание противогазовой жидкости и выяснили, что состав ее был вдвое слабее, чем полагалось. Стали расследовать дело на заводе, директором которого оказался немец. Показания очень интересны; он написал, что он офицер ландштурма и что "русские свиньи должны были дойти до совершенного идиотизма, думая, что немецкий офицер мог поступить иначе", т. е. не помогать Германии в этой войне, даже находясь в России.

Вообще, говоря о работе германской активной разведки в России, необходимо отметить благоприятную для этой работы обстановку, какая имелаась в то время налицо в царской России.

Вот что рассказывает об этом в своих воспоминаниях быв. председатель государственной думы М. В. Родзянко.

"...Порядки ведомства (артиллерийского) бросались в глаза даже обывателям: патронный завод на Литейном совершенно не

¹См. Л. Войтоловский. - "По следам войны". Походные записки 1914-1918 гг., Госиздат 1925 г.

²См. А. Н. Хвостов. - "Из воспоминаний". "Голос Минувшего" № 2, 1923 г.

охранялся, то же было и на других заводах, а взрыв на пороховом заводе окончательно вселил недоверие к лицам, стоявшим во главе ведомства. Во главе многих казенных заводов все еще сидели германские подданные, которых, благодаря покровительству министра Маклакова, некоторых великих княгинь и клики придворных, - нельзя было выслать. Измена чувствовалась во всем, и ничем иным нельзя было объяснить невероятные события, происходящие у всех на глазах..."

В начале июня 1917 года германской активной разведкой был произведен взрыв в Казани, где погибло много снарядов и новых пулеметов.

Примерно в то же время, на Малой Охте в Петербурге, сгорели дотла четыре завода, с громадными запасами снарядов; сгорел также огромный завод Вестингауза, изготавливавший шрапнели и снаряды.

В тот же приблизительно период времени германская активная разведка занималась организацией уничтожения рудников и заводов Донецкого бассейна и подготавливала взрыв мостов на Днепре и Волге.

Известен также следующий случай применения немцами активных действий по отношению к России, рассказанный ими самими. Вот что пишет "Националь Цейтунг" в номере от 21 октября 1916 года:

"Поручик *Кассель*, высаженный с аэроплана на неприятельской территории сержант-майором *Виндиш* (юго-восточное Ровно) и взятый обратно через сутки аэропланом, в течение этого времени взорвал в нескольких местах железнодорожную линию Ровно-Броды". (Выдержки из официальных сообщений главной квартиры от 4/X 1916 г.)¹

На Белом море был взорван грузовой пароход "Барон Дризен", при чем в организации этого взрыва подозревался прапорщик русской службы Миленберг - начальник разгрузочной команды в Архангельске.

7 октября 1916 года, в 6 час. 10 мин., на Севастопольском

¹См. И. Валентэй. - "Тайны воздушной войны". Изд. "Военный Вестник". Москва, 1924.

рейде от неизвестной причины начались последовательные взрывы на флагманском корабле командующего Черноморским флотом, дредноуте "Императрица Мария". Взрывы продолжались 50 минут и кончились лишь тогда, когда обломки корабля лежали на дне моря.

Над причинами гибели "Марии" еще до сих пор любители заниматься разгадкой загадок ломают головы. Однако сказать, что эта загадка разгадана - пока еще нельзя. Немцы могли бы об этом многое порассказать, но они предпочитают молчать.

Несмотря на отсутствие достоверных данных о причинах гибели "Марии", мы считаем не лишними интереса некоторые факты, опубликованные в 1929 году в зарубежной прессе быв. капитаном 2-го ранга русского флота А. Лукиным.

Необходимо отметить, что комиссия под председательством быв. товарища морского министра, вице-адмирала Муравьева установила, что "Мария" погибла не "естественной смертью" (подводные лодки, самовозгорание пороха и т. п.).

Исследования А. Лукина идут в другом направлении - он ищет причину гибели "Марии", итальянского дредноута "Леонардо да Винчи" и других погибших от неизвестных причин кораблей союзников - в германской диверсионной деятельности.

Летом 1917 г. русская агентура доставила в морской Генеральный штаб несколько небольших металлических трубочек. По слухам, найдены они были среди аксессуаров маникюра и кружев шелкового белья одной прибывшей из-за границы дамочки. Миниатюрные трубочки были направлены в лабораторию и оказались тончайше выделанными из латуни механическими взрывателями.

Отпечатанные с них фотографии, секретнейшим порядком, через специальных офицеров, были разосланы в штабы союзного флота. Тогда же выяснилось, что точь в точь такие же трубки были найдены на таинственно взорвавшемся итальянском дредноуте "Леонардо да Винчи". Одна не взорвавшаяся была найдена в матросской бескозырке, в бомбовом погребе...

По словам капитана 2-го ранга итальянского флота Луиджи ди Самбуи, следствие с несомненностью установило существова-

ние некоей тайной организации по взрыву кораблей. Нити ее вели к швейцарской границе. Но там ее след терялся. Все попытки обнаружить его за пределами этой границы остались безуспешными. Тогда решено было обратиться к могущественнейшей воровской организации "Сицилийской Маффии". Эта организация послала в Швейцарию "боевую дружину" из опытных и решительнейших итальянских воров.

Прошло не мало времени, пока "дружина", путем колоссальных затрат средств и энергии, наконец, нашла след. Он вел в Берн, в подземелье одного богатого особняка. Тут и находилось главное хранилище штаба этой таинственной организации - забронированная, герметически закрытая камера, наполненная удушливыми газами. В ней - сейф с ценностями и трубочками.

После длительного наблюдения и подготовки "дружина" ночью прорезала броневую плиту. В противогазах проникла в камеру, за невозможностью захватить сейф, взорвала его. В нем оказался целый склад трубочек. Никаких документов, однако, найдено не было.

Приблизительно за год до описанных событий и за четыре месяца до гибели "Марии", в Севастополь прибыл морской атташе одной нейтральной державы. К нему был прикомандирован старший офицер подводной лодки "Тюлень" лейтенант Чириков. В штабе командующего флотом Чирикову дали ознакомиться с несколькими документами, относившимися к указанному морскому атташе. В одном из этих документов британское адмиралтейство просило русский штаб, в случае посещения этим атташе Севастополя, отнюдь не показывать ему тех технических приспособлений, которые английский флот доверительно передал для использования русскому (сетевое траление, средства борьбы с подводными лодками и др.). В другом документе штаб Кавказской армии характеризовал этого атташе нейтральной державы, как "любопытно-зоркого и ловкого человека, умело и хитро преследовавшего свои цели при расспросах о действиях и расположении наших войск" и подчеркивал то впечатление недоброжелательства и задней мысли, которое атташе оставил по себе.

Наконец, третий документ - из русского морского Генерального штаба, - в котором категорически запрещалось показывать агенту подводный заградитель "Краб", - в то время наимогущественнейший в мире тип заградителя.

Наконец, этот атташе прибыл. Во-первых, он отказался остановиться в отведенных ему комнатах в морском собрании, а предпочел гостиницу Кист. Поехав с визитом к командующему Черноморским флотом, этот атташе симулировал обморок с целью добиться того, чтобы его на некоторое время оставили одного в гостинице. Он заявил Чирикову, что чувствует себя плохо и по приезде в гостиницу сейчас же ляжет в постель. Когда же Чириков, вопреки приказанию, через три часа зашел в номер атташе, последний сидел за письменным столом. На столе лежали прикрытые папкой бумаги и раскрытая книга гравюр и чертежей судов иностранных флотов. Оказалось, что здоровье атташе в полном порядке. Он с места в карьер начал расспрашивать Чирикова о "Крабе". Во время разговора вошел грум и доложил: "Те двое людей, которые спрашивали вас, - ушли". Когда же Чириков потом спросил швейцара гостиницы и грума об этих "двух людях", оба ответили, что они ничего не знают и никого не видали. Было ясно, что и швейцар и грум - люди атташе. Наконец, после соответствующего нажима, грум заявил, что атташе спрашивали каких-то двое в рабочей одежде.

Этот атташе пробыл в Севастополе дня три и уехал в Ялту.

Наконец, в июле 1916 года имел место следующий случай. Командующий Черноморским флотом адмирал Эбергард получил следующую записку:

"Мы тебя знаем и верим тебе, но если ты хочешь преуспевать, должен подчиниться нашей воле. Григорий Распутин".

Эбергард отослал эту записку обратно.

Через некоторое время новая записка:

"Посылаем тебе наше благословение - образок. Ты же, в знак подчинения нашей воле, должен жениться на нашей племяннице, ныне проживающей в Севастополе (приложен адрес). Григорий Распутин".

В ответ на эту записку, Эбергард приказал племяннице Рас-

путина покинуть в 24 часа Севастополь, а через несколько дней сам вынужден был покинуть пост командующего Черноморским флотом.

Необходимо также отметить, что как только "Мария" появлялась на рейде, сейчас же к ней приставали баржи с заводскими "кладовками" и рабочими, производившими на корабле разные работы.

А. Лукин, учитывая все эти факты и связывая их между собою, приходит к заключению, что гибель "Марии" - результат германской диверсионной работы. Работа эта была проделана организацией, в составе которой каким-то звеном был и морской атташе, и Распутин, и заводские баржи, и "кладовки", и, наконец, латунные трубочки - механические взрыватели. Мы не беремся утверждать, что это именно так и было, однако, не видим и невозможности существования такой организации...

Во время поездки Николая Романова по Западному фронту германская разведка выслала несколько групп своих агентов для его уничтожения. Одна из групп должна была выяснить, как велика охрана и свита и какие войсковые части он будет смотреть. Другой группе было поручено взорвать поезд Романова и мосты у ст. Замирье и Столбцы. Последняя группа была снабжена бомбами по 20 фун. каждая, пироксилиновыми шашками и пилами для порчи телеграфной линии.

Но, благодаря тому, что обе группы были составлены из лиц, обучавшихся в количестве 21 человека в Люблинской школе агентов, нашелся предатель, который всех их выдал русской контрразведке.

В 1917 году в Петроград были командированы германской разведкой Брендель Альберт и Рей Иосиф для взрыва петроградского арсенала. Эта попытка успехом не увенчалась.

В том же 1917 г. прибыл из Германии в Петроград некий Тарас Иванович Крегер с поручением ликвидировать Керенского, английского посла Бьюкенена и Милюкова.

Имелись также данные, что немцами подготавливалось восстание в Финляндии.

Любопытно, что в июльские дни 1917 года на Хитровом

рынке (Москва) были обнаружены подозрительные субъекты, раздававшие оружие и призывавшие к погромам магазинов и винных складов.

А. Н. Вознесенский¹ утверждает, что было установлено, что эти лица никакого отношения к политике не имели, а, "повидимому, работали по найму от агентов австро-германского штаба".

Интересен также следующий прием германской диверсионной деятельности². В Ставку русского главноверха поступило предложение на заказ винтовок в Америке. Предложение это исходило от трех русских подданных, из коих один принадлежал к старинной русской княжеской фамилии. Тройка эта указала заводы, на которых немедленно могло быть установлено производство винтовок для России на весьма выгодных и, как будто бы, надежных условиях.

Для проверки был запрошен представитель русского артиллерийского управления военного министерства России в Вашингтоне. Тот ответил, что заводы эти не оборудованы и что заказы в срок выполнить они не смогут. Тройка в ответ на это представила телеграмму из Америки, опровергавшую сведения представителя артуправления. Тогда был запрошен начальник русского органа снабжения в Лондоне. Он также ответил, что, по имеющимся об этих заводах сведениям, они не в состоянии выполнить заказа.

Тройка подняла целую бурю вокруг этого вопроса и поставила на ноги всех, до Николая II включительно. Тогда Ставка запросила мнение французского и английского военных министерств. Последние ответили:

"...Эти господа (тройка) просто комиссионеры, которым обещан известный процент, если заказ будет дан. Они сами (тройка) введены в заблуждение относительно солидности этого предложения. В действительности это предложение на поставку винтовок делается через германских агентов. Оно составлено хорошо, и если основательно не разобраться, это должно внушить

¹См. А. Н. Вознесенский. - "Москва в 1917 году". Изд. ГИЗ, 1928 г.

²См. Ген. А. С. Лукомский. - "Воспоминания", т. I. Изд. К-ва Отто Кирхьер и К-о. Берлин, 1922.

полное доверие. Если же заказ будет дан, то ружейный завод будет действительно оборудован, русское военное министерство успокоится на том, что заказ дан, но он никогда не будет выполнен..."

Однако германская разведка на этом не успокоилась. Вот еще пара примеров из деятельности немцев в этой области, имеющих, правда, как и предыдущий, сильный дезинформационный оттенок. Примеры эти рассказаны А. Барт¹:

"Не веря больше официальным данным, которыми располагало по этому поводу артиллерийское управление, и тем, что поступали теперь в Генеральный штаб от военных агентов, генерал Беляев решил обратиться к источникам неофициальным.

Один из подобных источников дал ему понять, что имеется возможность приобрести до 200.000 ружей системы Маузера, обеспеченных достаточным количеством патронов... в Ирландии, в Ульстере, у тамошних революционных организаций, которые во время войны, якобы, решили прекратить революционную борьбу с правительством Соединенного Королевства и которые охотно продадут эти ружья нуждающейся в них России. Но, добавляя информировавший Беляева источник, надо, конечно, не пожалеть денег. Нужна сумма, которая могла бы заинтересовать революционеров, дав им возможность хорошо заработать на этой продаже для усиления фонда революционной борьбы.

И ген. Беляев был настолько наивен, что поверил и пошел на эту удочку. Он обратился к английскому военному агенту, состоявшему при главной квартире наших армий, прося его содействия в деле приобретения нами этих ружей, и одновременно послал грозный выговор нашему военному агенту в Англии, обвиняя последнего в неумении собрать исчерпывающие данные по вопросу о ружьях, с предписанием немедленно же войти в самое тесное соприкосновение с ирландскими революционерами по вопросу приобретения у них ружей. Когда об этой истории узнали англичане, хохоту было без конца!..."

Но едва ли не самая позорная история впереди.

¹См. его статью - "На фронте артиллерийского снабжения". - "Былое", № 6 (34), 1925 г.

... "Из каких-то сомнительных источников Беляев получил сведения, что в одной из южно-американских республик, не то в Бразилии, не то в Аргентине, можно приобрести чуть ли не пол-миллиона ружей, с колоссальным количеством патронов к ним.

... Однако ставилось маленькое условие. Так как республика эта объявила о своем нейтралитете, то, естественно, она не может продать ружей открыто. Необходимо проделать самую передачу ружей от продавца к покупателю чрезвычайно скрытно, чтобы она не сделалась международным достоянием.

Условились сделать так. В определенный день наш пароход должен был подойти к назначенному месту в океане, недалеко от берегов данной республики, и здесь должна была произойти перегрузка ружей.

... Несмотря на сильный недостаток, который мы ощущали в то время в тоннаже, с работы снят был один из пароходов Добровольного флота, который и отправили в назначенное для свидания место.

... Прошло что-то около 8 месяцев... и пароход возвратился ни с чем. Он месяца два безрезультатно ждал в открытом океане подхода к его борту какого-то таинственного доброжелателя, который должен был погрузить на него сотни тысяч ружей и великое множество патронов, но так ничего и не дождался..."

По мнению англичан, которым сделалась известна и эта история, русское военное ведомство опять попало на удочку германской разведки, ибо немцы отлично были осведомлены о том, что Россия ощущает сильнейший недостаток в морских транспортных средствах и достигли поставленной себе цели - ослабили Россию на долгие 8 месяцев одним из крупных пароходов Добровольного флота...

В *Китае* германская диверсионная служба, направленная против России и Японии, возглавлялась германским посольством и велась при помощи консульств и громадного количества немецких коммерческих предприятий.

Здесь немцы вели чрезвычайно разнообразную работу. Так, на границе с Россией германо-китайские агенты занимались усиленной скупкой золота, чему способствовала его низкая цена,

установленная русским министерством финансов.

Германские офицеры, прибывшие из Америки, а также успевшие скрыться из взятого японцами Цин-Дао, проникли в Монголию и занялись антирусской пропагандой. В Монголии немцы устроили пункты для скупки золота, тайно увозимого из Западной Сибири и с Алтая, и для организации помощи при побегах германских и австрийских офицеров из русского плена.

В 1917 г. русской контрразведкой была раскрыта германская организация, имевшая своей целью взрыв пароходов Добровольного флота во Владивостоке, а также мостов и полотна Сибирской железной дороги. Следствием было установлено, что в этой организации участвовало шанхайское отделение торгового дома *"Шухардт и Шютте"* и *Карл Альберс*, живший некоторое время в пределах Приамурского генерал-губернаторства.

Германские фирмы в Китае: *"Карлович"*, *"Арнольд Карберг"*, *"Элерс"*, *"Сименс"*, *"Гутенбок"*, *"Немецкий Азиатский банк"* и др., в лице своих служащих занимались разведкой и агитацией под руководством германского посольства в Пекине. Эти германские наблюдательные посты вывозили также золото в Америку, где оно поступало на счет германского правительства.

Кроме того, немцы создали в Китае целый ряд организаций, в задачу коих входило вести среди населения Маньчжурии, Монголии, Сибири и Приамурья агитацию и пропаганду против России и Японии и заниматься активной разведкой, главным образом, против России. До чего основательно и фундаментально создавались такого рода организации, видно хотя бы из того, что некоторые из них имели даже писанные инструкции.

В нашем распоряжении имеется инструкция (план действий) одной такой организации, под названием *"Гун-Вей-Туань"* (Общество нерушимой охраны), созданной в начале 1914 года германским консульством в Мукдене.

В пояснительной записке к этой инструкции говорится следующее:

"...Всем известны давнишние истинно дружественные отношения, существующие между Германией и Китаем. Всем известна лояльность германских купцов, соблюдающих сущест-

вующие в Китае законы и добрые и справедливые отношения к китайскому населению. Со времени вторжения русских в Маньчжурию и занятия японцами Ляодунского полуострова и попрания русскими и японцами прав китайских властей, Германия не может оставаться в стороне. Япония, воспользовавшись кровавой войной в Европе, а также нейтралитетом и неподготовленностью Китая, послала сухопутные и морские войска для осады Цин-Дао. Но не это для нас важно. Важно то, что Китай лишился доброго соседа в этом пункте - Германии. Помимо этого Япония предъявила Китаю еще целый ряд дерзких требований. Если Япония получит в Маньчжурии новые права, Россия и без предъявления требований, естественно, приобретает такие же. Вожделения России и Японии очевидны и направлены к уничтожению Китая.

"Но среди четырехсотмиллионного населения найдется много сильных и достойных сынов его..."

"Неужели же вы будете способны перенести вечный позор?"

"Если Китай пожелает организовать свои живые силы для отпора своим врагам, Германия не пожалеет материальных средств на расходы и на содержание личного состава, лишь бы поддержать Китай и помочь ему в затруднении. С этой целью германское правительство приказало своему посланнику в Пекине назначить хорошо знакомого с делами Китая - г-на Му Линь-цзинь во главе организации - "Гун-Вей-Туань", задача которой - оказать поддержку Китаю.

"Впоследствии каждый из членов организации получит должное вознаграждение. Теперь же настал момент, когда решается судьба государства, и все должны приложить максимум усилий, дабы помочь ему..."

Но самое интересное и пикантное изложено в "инструкции начальнику организации" немцу Мулину.

"...Главной целью организации является поддержка Восточной Азии, объединение китайцев и удаление из пределов Китая русского и японского влияния.

"Центральный орган организации "Гунь-Вей-Туань" находится к Мукдене.

"Организация ведет свои дела с полным доверием и доброжелательством, с непреклонной уверенностью достичь своей цели.

"В первую очередь организация приступает к изданию на китайском языке своей газеты в Маньчжурии, которая должна освещать все темные стороны деятельности и политики России и Японии.

"Одной из главных целей организации, является - причинить возможно больше вреда России, пользуясь тем, что она занята в Европе.

"Китайцы - наши единомышленники, по окончании дела будут предоставлены через начальника организации и посланника к высоким наградам или к награждению орденами.

"Кроме того, начальник организации, убедившись в размере понесенных членами организации трудов и достигнутой пользы для дела, возместит все понесенные расходы и сверх того выдаст еще денежное вознаграждение".

"Организация поручила г-ну *Чун Си-фану*, управляющему угольными копями в Буэнь-си-ху (Вой-си-ху) действовать против Японии посредством распространения разных вредных для Японии слухов и толков среди китайского населения и призыва к бойкоту японских товаров.

"Организация поручила корейцам *Ци-ю* и *Ли Ко-цекин*, как хорошо владеющим русским языком, заняться интригами против России, сея недоверие между русскими и японцами во Владивостоке, Хабаровске и вообще в пределах русского Дальнего Востока. Для этой цели предполагается во Владивостоке начать издание небольшого журнала на корейском языке.

"Организация поручила управляющему фирмой Де-Шен-Бучусу-Ан *Чжан Цзи-си* войти в связь с проживающими в крае китайцами и находящимися на русской службе переводчиками с целью наносить всевозможный вред русским.

"Организация командировала агитаторов в северную и южную Маньчжурию и во внутреннюю и внешнюю Монголию, главным образом, в те районы, откуда вывозится скот и зерновые продукты, для распространения сведений о нейтралитете Китая, о

недопустимости торговли с русскими и вывоза товаров в Россию, дабы из-за незначительных выгод не испортить государственных дел Китая.

"Организация командировала в Монголию для агитации против России китайцев бывших преподавателей монгольского языка в Мукдене. Они должны доказывать монголам опасность сближения с Россией и стараться сблизить монголов с Китаем.

"Если найдутся монголы, пожелавшие присоединиться к нашей организации, вы должны образовать монгольское отделение этой организации с целью нанесения вреда русским интересам. Монголы, имеющие возможность нанести материальный вред русским предприятиям, получают хорошее вознаграждение.

"Под видом Дэ-Цзи-Ян-Хуан в Харбине устраиваются два представителя организации (Лю Цзи-фын и Дун Лань-тин).

"Им, под видом скупки для своей фирмы кож, мехов и пр., поручено готовить взрывы мостов и полотна и других важных железнодорожных сооружений, имеющих военное значение, а также уничтожение интендантских складов, складов боевых припасов и т. д.

"Харбин для русских имеет особо важное значение, поэтому уничтожение какого-либо военного объекта русских в этом пункте наведет на русских панику.

"Со вскрытием рек представители Дэ-Цзи должны купить значительное количество торговых джонок и посредством их заложить мины или применить другие средства для взрыва мостов.

"Агенты Дэ-Цзи должны посредством подкупа китайских служащих проникнуть в управление Китайско-Восточной жел. дороги и в штаб Заамурского округа пограничной стражи с целью организовать поджог в их зданиях. За исполнение этого поручения будет выдано щедрое вознаграждение.

"Организация приглашает хорошо знакомого с русскими делами китайца *Чжан Хо-сан*, который посредством крупных сумм должен подкупать русских чиновников для причинения вреда русским правительственным учреждениям и лицам, а также для причинения вреда русской военной организации в различных

пунктах. За хорошие результаты обещано не только щедрое вознаграждение, но и почетные награды от германского правительства.

"Взрывчатые вещества, необходимые для выполнения вышеуказанных заданий, будут доставлены особыми лицами, указания о коих будут даны в Чан-Чуне, в фирмах *Да-Фин-Янь-Хан* и *Хой-Цзи-Ян-Хань*.

"Организация вошла в связь также и с главарями хунхузов *Гай Сань-Шен-Кун* и *Дэ Тянь-Ся-Хао* и др., которым поручается собрать своих товарищей для организации ограбления станций и поселков и разрушения военных учреждений России.

"Владивосток является важнейшим русским портом - главной базой на Дальнем Востоке. Поэтому нанесение повреждений этому порту ослабит военную мощь России.

"Организация командировала во Владивосток двух шаньдунцев - *Цзинь Вань-и* и *Хэ Минь-цзюнь* с поручением разбросать в порту мины. Разброска мин должна производиться из лодок, перевозящих пищевые продукты: мины будут доставлены организацией".

К вышеуказанной "инструкции" были приложены весьма интересные "правила вознаграждения за службу в организации". Вот наиболее интересные положения этих правил:

"Наивысшим подвигом признается успешное доказанное выполнение поставленной задачи, соединенное с самопожертвованием. К таковым относятся: уничтожение интендантских складов, казарм, арсеналов, военного судна, железнодорожного моста. Помимо представления такого лица начальником организации к почетной награде через германского посланника в Пекине, ему же на месте выдается денежное вознаграждение от 30.000 и более марок.

"Высшим подвигом признается успешное выполнение поставленной задачи, но повлекшее поранения исполнителя. В этом случае совершивший подвиг, помимо представления его к Почетной награде германского правительства, - получает вознаграждение в размере не менее 10.000 марок.

"Тот, кто обезвредит важного русского генерала, воспользо-

вавшись для этого услугами другого русского гражданина, получает от начальника организации 5.000 марок.

"Тот, кто образует отделение организации для успешного достижения намеченной цели, получает, помимо возмещения расходов, от 2.000 и более марок.

"За успешное ведение агитации, помимо возмещения расходов, получают 2.000 марок.

"Доставивший секретные сведения о русских и японских войсках, а также сведения о перевозке боеприпасов и пр. получает вознаграждение от 4.000 и более марок".

Как видим, эта "организация" являлась универсальным предприятием германской разведывательной службы. Она занималась всеми видами разведки: агитацией, пропагандой, шпионажем и активной разведкой.

Русской контрразведке были известны 24 члена этой организации. По тем же сведениям, 1 марта 1915 г., один из членов организации *Лю Цзы-фынь*, которому было поручено взрыв мостов, писал начальнику организации, что реки на Дальнем Востоке скоро вскроются, ввиду чего следует поспешить с приготовлениями к взрыву мостов. Он предлагал нанять до 20 лодок, с двумя-тремя рабочими на каждой, и открыть перевоз у моста с одного берега на другой. Таким образом, он предполагал обмануть бдительность охраны и произвести взрыв моста. На дальнейшую организацию он требовал отпуска дополнительных сумм, ибо выданные ему 5.000 руб. были им уже израсходованы.

В качестве руководителей и инструкторов в такого рода организациях участвовали немцы.

Так, например, было установлено, что упомянутый выше *Альберс* Карл Фердинанд, корабельный маклер из Гамбурга, брат доктора берлинского университета и совладельца фирмы "*Кунст и Алберс*" во Владивостоке, принимал участие в неудачной попытке взрыва союзных пароходов в Шанхае и мостов на Уссурийской, Китайско-Восточной и Сибирской железных

¹Цитируемые выше сведения были доставлены в марте 1915 г. помощником русского военного атташе в Китае (в Мукдене), - подполковником Блонским.

дорогах. Когда эта попытка потерпела неудачу, *Альберс* перекочевал в Швецию, откуда занимался разведкой против России.

В Сибирь, с целью взрыва железнодорожных мостов, был командирован финн *Лембум*, произведший перед тем взрыв на фабрике "*Сименс и Шуккерт*" в Петербурге.

На Дальний Восток был командирован также финн *Неконен*, взорвавший там пароход "*Маньчжурия*".

Такого рода примеров можно было бы привести довольно большое количество.

Вся деятельность германской разведывательной службы на Дальнем Востоке, руководившаяся и направлявшаяся из центра в Китае, носила преимущественно диверсионный характер.

То же самое можно сказать и относительно Америки и ее колоний, с той лишь разницей, что там деятельность германской разведывательной службы носила почти исключительно диверсионный характер. В Америке она направлялась в сторону внесения перебоев в производство и доставку боеприпасов, заказывавшихся союзниками на американских заводах. Также велась соответствующая агитация и пропаганда против союзников с целью подтолкнуть Америку на выступление на стороне Германии или, в крайнем случае, с целью удержать ее нейтральной.

С первого же дня войны Германия прекрасно учла все значение Америки и главным образом ее промышленности для воюющих стран. В помощь своим дипломатическим представителям Германия командировала в Америку таких опытных агентов, как д-р *Альберт*, *фон-Паунен*, *Бой-Эд*, *Фой* и др.

Такое внимание Германии к Америке было вызвано обилием военных заказов для союзных армий, принятых американскими фабриками и заводами. Вначале Германия не отставала в этом отношении от своих противников. Но уже на четвертом месяце войны она вынуждена была признать, что из-за бдительного наблюдения английского флота за морскими путями, получить что-либо существенное из Америки ей не удастся. После же поражения германской крейсерской эскадры у Фальклэндских островов и у м. Йорк прекратились и случайные доставки грузов непосредственно из Америки в Германию или же через нейтраль-

ные порты Европы.

Тогда германское военное командование поставило себе определенную задачу - всеми мерами вредить тем американским заводам и пароходам, которые приняли от союзников заказы на производство и доставку боеприпасов в Европу и во Владивосток.

План действий в этом направлении был разработан в мае 1915 года, после чего немцы начали проводить его в жизнь.

Всей этой деятельностью германской диверсионной службы в Америке руководили германские военный и морской атташе, при деятельном участии германского посла.

Прежде всего, начались взрывы и пожары на химических заводах и фабриках взрывчатых веществ обществ "Этна", "Хойст и Деррик К°", и общества "Дюнон". Взрывы эти были организованы Генрихом фон-Коольбергеном, фон-Бринксом, Эдмундом Кайзером и кроатом Михайлом Беговичем. Обстоятельства, вызвавшие эти взрывы, были известны следственным властям Америки, но следствие не получило дальнейшего движения вероятно ввиду отсутствия жалоб со стороны потерпевших.

Затем был произведен ряд покушений на металлургические заводы Америки, где, между прочим, был взорван и подожжен сталелитейный завод в Вифлееме, принадлежавший Стальному Тресту.

В январе 1917 г. был организован громадный взрыв на амунитионном заводе "Канэдиен Кар'энд Фаундро Компани". Завод вместе с несколькими миллионами готовых снарядов был буквально снесен с лица земли. Между прочим, этот завод исполнял главным образом заказы русского артиллерийского ведомства.

Такой же участи подверглось еще несколько десятков разных американских заводов.

Одновременно с этим германская разведывательная служба деятельно работала по уничтожению транспорта Америки, перевозившего заказы союзников.

Командированный в 1915 году из Киля лейтенант-инженер Роберт Фой развил свою деятельность в Мексиканском заливе и Карибском море, а его помощник Макс Брейтунг на Калифорнийском побережье. Они заарендовали целый ряд торговых паро-

ходов и моторных лодок, вооружили их 4-дюймовыми орудиями и начали нападения на грузовые суда, везшие в Европу боевые припасы для держав четверного согласия. Несколько таких нападений удались, но вскоре, вследствие протеста английского посланника, Америка была вынуждена активно вмешаться и прекратить эту деятельность германской разведки.

После неудачи этой попытки, агенты германской диверсионной службы при помощи служащих банка "Кин, Лебс и К°", фирм: "Шухард и Шютте", и "Альберт Пумп Компания" - начали деятельность другого рода. Они вошли в сношения с погрузочными и транспортными предприятиями, совершавшими портовые формальности и погрузку грузов для союзников. Здесь, при помощи подкупа, им удавалось внести большой беспорядок и замешательство в дело погрузки военных заказов для союзников. Так, например, в Архангельск и Владивосток приходили орудия, а замки к ним прибывали через несколько недель. Прибывали ящики с тринитротолуолом, а ключи к секретным замкам этих ящиков прибывали через несколько месяцев. Бывали случаи, когда в пути "терялись" те части посылавшихся подводных лодок, без которых эти лодки не были пригодны к употреблению, и т. д., и т. д.

Имели место также случаи подкупа агентами германской диверсионной службы капитанов некоторых американских и других нейтральных судов, перевозивших заказы союзников. На этих пароходах помещались адские машинки и они взрывались тогда, когда вся команда, недалеко от порта назначения, переходила на шлюпки. Так, между прочим, погиб пароход у входа в Белое море, при чем некоторое время он шел без команды с закрепленным рулем.

Гибель пароходов при такого рода обстоятельствах было легко объяснить налетом германских подводных лодок.

Помимо этого, немцы снаряжали в Германии специальные пароходы и парусники и под центральными флагами высылали их на каперство (ловлю и уничтожение торговых пароходов своих противников').

¹Интересующихся подробностями такого рода германских походов отсылаем к книгам капитана Ф. Лукнера - "Зов моря", Старко - "Морской чорт".

В 1929 г. европейскую прессу обошло сообщение о высылке из Франции англичанина Ольстейра Кроулей за то, что он во время войны состоял агентом германской агентурной службы в Америке. В газетах же печатались объяснения Кроулей, в которых он не скрывал работы с немцами. Он указывал, что организовывал потопление американских судов германскими подводными лодками, помещал в американской прессе антибританские статьи, предлагая "обратить Англию в германскую колонию" и т. д. Однако, Кроулей утверждает, что все это он делал, якобы, по поручению начальника английской контрразведки в Америке капитана Гаунтона.

Была также произведена попытка разрушить Канадскую железную дорогу, по которой шла часть грузов, предназначенных для России.

Кроме того, германская диверсионная служба, с целью вызвать панику и беспорядки, пыталась взорвать чикагские скотобойни, снабжавшие мясом все рабочее население Чикаго, Милвоки, Питтсбурга и Буффало.

В 1917 г. была раскрыта деятельность германского посланника в Аргентине графа Люксбурга, направленная к "бесследному" потоплению подводными лодками пароходов, грузы которых направлялись в страны Антанты. Продовольственный вопрос в Англии стоял весьма остро, и опасность, которой подвергались, благодаря деятельности Люксбурга, шедшие в Англию из портов аргентинской "житницы" хлебные грузы, была чрезвычайно серьезна.

После раскрытия этой деятельности Люксбурга, Антанта добилась его удаления из Аргентины¹.

Такова вкратце деятельность германской агентурной службы в Америке. Понятно, что попутно она также учитывала политические настроения Америки и ее военные мероприятия.

Но, обращая внимание на Америку, как на главную поставщицу боеприпасов и других военных материалов для союзников,

¹См. К. Д. Набаков - "Испытания дипломата". Стокгольм, изд. "Северные огни", 1921 г.

Германия очень внимательно следила за военными заказами своих врагов и в других странах и всячески старалась мешать и там выполнению этих заказов.

Упомянувшийся уже выше *В. Бласко-Ибаньес* рассказывает следующее:

"...В то же самое время испанские промышленники, фабриковавшие военное снаряжение для союзников, подвергали себя величайшим опасностям. Больше всего работали для французской армии в Барселоне; там изготовлялись отдельные части оружия, сапоги, ткани и пр., и пр.

Немцы, в целях устрашения фабрикантов, работавших на Францию, организовали войско бандитов, имевших своей задачей бросание бомб в заводы и, если возможно, убийство хозяев... Главой банды был некий барон *де-Кениг*, бывший лакей гостиницы, выдвинувшийся при помощи убийств. Банда "барона" *Кенига* обвиняла анархистов и террористов в преступлениях, ею самою совершенных. Таким образом, он убил г. *Борре*, промышленника и одновременно профессора каталонского университета, восторженного сторонника союзников, мастерские которого работали на французскую армию...

"Полицейский комиссар *Браво Портилло* действовал заодно с "бароном" *Кенигом*, что обеспечивало последнему полную безнаказанность. Сверх, того, полицейский доставлял своему сообщнику всевозможные сведения..."

Еще один очень характерный прием германской диверсионной деятельности известен со слов самих же немцев¹.

Я говорю об их попытке оказать поддержку оружием ирландским синн-фейнерам. В виду большого интереса, который представляет собой организация и техника этого дела, я позволю себе несколько подробнее остановиться на рассказе автора книги - капитана парохода, везшего оружие.

Он следующим образом описывает техническую сторону этого смелого и рискованного предприятия:

¹См. Капитан Карл Шпиндлер. - "Таинственный корабль". Плавание "Либава" в связи с революцией в Ирландии. Авториз. перевод с немецкого В. Изд-во Ольга Дьякова и К-о. Берлин.

"...21 марта 1916 года наша флотилия получила поручение выделить команду в составе одного офицера, пяти унтер-офицеров и 16 матросов для специального предприятия, о значении и цели которого, по военным соображениям, пока не было сделано ни малейшего намека. Было только приказано всемерно торопиться".

Попытки *Шиндлера*, назначенного начальником этой экспедиции, узнать какие-либо подробности предстоящего предприятия - успехом не увенчались. Единственно, что ему удалось узнать, - это то, что "предприятие" будет совершенно секретным, что участниками его могут быть только неженатые, что для участников устанавливается определенный предельный возраст и, наконец, что при выборе не имеющим родственников отдается предпочтение":

Ни родственники, ни товарищи не должны были знать что-либо об этом предприятии.

"Каждое необдуманное слово, подхваченное шпионами, могло повредить успеху предприятия и нам самим стоять жизни. Было условлено, что родственникам, после нашего ухода, будет сообщено, что мы находимся в специальной командировке и дадим им знать о себе через год".

Пароход, предназначенный для этого секретного предприятия, назывался "Либава". Он требовал некоторого ремонта. Для этих работ было назначено несколько тщательно проверенных судовых рабочих. Кроме этих рабочих никто не смел входить на судно или сходить с него. Даже офицерам высших чинов вход был запрещен. Все предметы вооружения и снабжения, предназначенные для "Либавы", принимались командой на берегу. Таким образом, было сделано все возможное для того, чтобы сохранить тайну.

"Предприятие наше становилось с каждым часом все таинственнее. Один из наших грузовых люков был наглухо закрыт, и никто из экипажа, даже я сам, не смели, в этот люк спускаться.

"В нескольких местах парохода были большие железные задвижные двери, которые вели в известные помещения, вернее говоря, - должны были вести туда, потому что если кто-либо эти

двери сдвигал, то неожиданно оказывалась черная стена... Самое замечательное, однако, происходило в одном из жилых помещений, где рабочие старались устроить под подушками дивана вход в одно из нижних отделений парохода. Диван этот был в два метра длины и около 70 сантиметров ширины. Если снимали подушку, то диван представлялся в виде простого деревянного ящика, в котором с каждой стороны были вделаны выемные крышки. Под крышками лежало грязное белье, а если и его удалить, то опять оказывалась выемная часть доски, под которой был как раз такого же размера вырез в палубном железе. Все эти отверстия были такого размера, сквозь которые может пролезть человек и, что самое важное, найти их могли только посвященные. Под каждым отверстием был подвешен трап таким образом, что если сверху посмотреть вниз в темное помещение, то заметить трап было невозможно; но вместе с тем очень легко и быстро можно было в случае надобности его приспособить для пользования. Под железной палубой висели карманные электрические фонарики, так размещенные, чтобы их всегда удобно было достать на ощупь рукой..."

Когда, все эти приготовления подошли к концу, *Шпиндлер* был вызван в Берлин, где ему, наконец, сказали, в чем именно состоитготавливаемое предприятие.

Оказалось, что в Германии находился вождь ирландских синн-фейнеров, *Роджер Коземент*, который считал, что война как раз создала подходящие условия для освобождения Ирландии из-под власти Англии. Такого же мнения держалась ирландская республиканская партия, имевшая свои главные силы в Америке. Последняя предложила германскому послу в Вашингтоне, графу *Бернсдорфу*, послать в Ирландию германский отряд, который совместно с ирландцами покончил бы там с англичанами. Это предложение Германия нашла неприемлемым и согласилась лишь на посылку парохода с оружием.

Коземент и два его спутника выехали в Ирландию на германской подводной лодке. Последних двух подводная лодка должна была доставить на "Либаву" в бухте Тарлээ. В этой же бухте *Коземент* должен был дать *Шпиндлеру* указания, где и когда

произвести выгрузку парохода.

После выяснения всех этих подробностей и выработки плана, "Либава" начала лихорадочно готовиться к отплытию.

Товарные поезда с боевыми запасами и с грузом оружия уже в течение нескольких дней стояли на запасных путях различных станций центральной Германии, при чем станционная администрация ничего не знала о их дальнейшем назначении. Одновременно с выходом "Либавы" из Вильгельмгафена в Любек, все поезда были двинуты туда же, и началась погрузка. Ящики с оружием, погружавшиеся на самое дно парохода, не имели никаких надписей и знаков, указывавших, что в них находилось оружие. Они были помечены обычными красными и черными грузовыми марками, а портом назначения были указаны Генуя-Неаполь.

В Любеке *Шпиндлер* распространил слух, что пароход идет в Либаву и рассчитывает там принять войска, предназначенные поддержать восстание в Финляндии.

Ввиду того, что "Либава" должна была идти под флагом торгового норвежского судна, на пароход был водворен разнообразный, чисто норвежский инвентарь, по возможности с крупно напечатанными названиями фирм, норвежские книги и даже последние номера, издававшихся в Христиании газет.

Все сколько-нибудь подозрительные вещи были припрятаны в тайном помещении под названием "со входом через грязное белье". Это помещение должно было скрыть все снабжение немецкого производства, необходимое во время плавания, и которое должно было быть скрыто от посторонних глаз. Сюда относились: форменная одежда всей команды, оружие, подрывные патроны, ручные гранаты, все германские навигационные инструменты, книги, морские карты, флаги, (также и многочисленные флаги иностранных наций, которые могли понадобиться). Пароход был снабжен всем необходимым на 6 месяцев, углем на 45 дней. Разнообразие и богатство снабжения парохода, удивительно умело подобранное, объяснялось отчасти тем, что пароходу было необходимо иметь большое число предметов употребления, - начиная от компаса и кончая последней коробкой сардинок, - в двойном, а иногда и в тройном комплекте: немецкого производ-

ства, английского и, самое главное - норвежского. В случае осмотра судна, каждая мельчайшая вещь немецкого происхождения, даже пуговица от брюк с немецким клеймом, могла бы провалить все предприятие. На палубе стояла своеобразной постройки норвежская рыбацкая лодка: ручное оружие и всякого рода инструменты, электрические карманные фонарики, перевязочные средства, богатый набор флагов, краски, кисти и парусина, чтобы в любой момент изменить внешний вид судна, дерево и цемент для разных назначений, постельное белье, каютные занавески и посуда, - словом все было типа обычно принятого на норвежских судах. Была и пара военных флагов и вымпелов. Все ящики, бочки и жестянки от консервов с норвежскими надписями были размещены в таких местах, где они бросались в глаза.

Снабжение документами также было очень удачно. Кроме германских документов, которые могли понадобиться при обращении к своим консулам в нейтральных странах, на пароходе была богатая коллекция норвежских судовых и машинных журналов, всяких бланков, грузовых документов и т. п. Было еще несколько писем, частью от воображаемого арматора из Бергена, из которых одно было особенно интересно: в этом письме капитана просили перед уходом из Христиании срочно принять доставленную дополнительно партию леса для копей в Кардифе, так как арматор рассчитывал сделать очень выгодную операцию на этом ценном для Англии грузе. Воображаемый арматор настоятельно просил капитана парохода, в противность английским предписаниям, не идти обычным пароходным путем, но располагать курс плавания вне его, в свободных водах, так как "германские подводные лодки в последнее время опять стали так ужасно хозяйничать на пароходных путях". Это письмо, в случае чего, должно было помочь капитану "Либавы" объяснить необычайный путь плавания.

Пароход на виду у всех был загружен мясом, купальными ваннами, эмалированной посудой в ящиках, деревянными дверями, оконными рамами и другими, подобного же рода, предметами, помеченными марками "Генуя-Неаполь". Только этот показательный груз и был помечен в судовых документах.

Во время погрузки свободная часть команды работала над тем, чтобы пароход принял вид самого обычного грузовика неважного качества. Повсюду появились пятна непокрытого сурика. Судно нарочно загрязнялось. Название "Либава" было снова закрашено.

"В последнюю минуту на пароход была доставлена большая собака, породы "лучше не спрашивай", ибо таков уж обычай всякого грузовика".

Наконец пароход тронулся. Команда не была посвящена в суть предприятия. По выходе из порта, каждому матросу была дана норвежская фамилия и норвежское же судовое звание, произношению коих матросы должны были научиться. Для того, чтобы они лучше усвоили свои фамилии, место и дату рождения и другие подробности, подобранные по индивидуальности каждого, им были розданы соответствующие расчетные книжки и свидетельства. Штурмана и машинисты вместо расчетных книжек получили патенты и удостоверения. Вспомогательный крейсер "Либава" окончательно был переименован в грузовое норвежское паровое судно "Ауд".

Пламя свечи для затемнения бумаги, немного пыли, растертой рукой на бумаге, несколько масляных и жировых пятен, перегибание и комканье бумаги по несколько раз, бросание книг с силой на палубу и т. п., - вот те приемы, при помощи которых все предметы частого употребления были приведены в необходимый ветхий вид.

Команда получила приказание не бриться и не умываться. У кого борода росла слабо, - мазали лицо машинным маслом и угольной пылью.

По каютам были расставлены бутылки с виски для угощения могущих появиться английских контролеров. Для них же были приготовлены и припрятаны безвредный сонные средства, действующие, однако, верно и на продолжительное время. Средства эти, в случае надобности, должны были служить приправой к кушаньям и напиткам.

По каютам и палубе были разбросаны всевозможные норвежские инструкции и правила, календари, газеты, журналы и т. п.

Все белье, фарфор, стекло, серебро и цинковая и никелевая посуда с надписью: "Vieson Line", которые после тщательного осмотра еще нашлись на пароходе, - полетели за борт. У команды нашлось еще много мелочи с германским фабричным клеймом, как, напр., кольца, украшенные железными крестами, или надписью: "Я отдал золото взамен железа". Все эти мелочи были отобраны и запрятаны в "волшебном ящике".

Дальнейшая необходимая мера заключалась в изучении и проверке судовых расписаний. Под названием "расписание" на судах понимается распределение экипажа по разным судовым обязанностям, как, например, в случае пожара, падения человека за борт и т. д. Для "Ауда" имело главное значение, кроме обычных расписаний, еще всякие расписания на случай разных тревог. От правильного функционирования этих последних на "Ауде" зависел, если не весь успех предприятия, то, по крайней мере, значительная его часть.

Расписанию "Ауда" по случаю тревог сводилось к следующему.

Как только покажется какое-нибудь подозрительное судно, все инструменты германского происхождения, как бинокли, секстанты, карты, лагбухи и пр. должны были моментально исчезнуть, и на их месте появиться предметы норвежского производства, притом так, чтобы все они были особенно на виду. По первому знаку, при тревоге, все подозрительные предметы должны были переключаться в большой мешок, который для этой цели был подвешен на мостках. Один из матросов должен был с быстротой молнии доставить мешок в каюту, где стоял уже кок, готовый его принять и озаботиться дальнейшей доставкой его к тайному помещению. Там, у трапа уже было дело буфетчика скрыть его окончательно. Вся эта операция выполнялась меньше, чем в две минуты.

В то время как проделывался этот фокус, на палубе и в машине все приводилось в боевую готовность. Один из матросов, *Матисен*, знавший немного по-датски и по типу напоминавший скандинава, становился к штурвалу на мостике, чтобы в случае надобности поменяться ролями с вахтенным помощником капита-

на. В штурманской рубке для этой цели висел полный костюм штурмана. На одного из кочегаров было возложено поручение возможно свободнее сидеть на люке носового трюма, с видимым удовольствием покуривать свою трубочку и играть с собакой так, чтобы она погромче лаяла. Весь остальной экипаж, за исключением вахтенных машинистов и кочегаров, должен был быстро и незаметно спуститься под палубу, лечь на койки и представиться спящими.

На тот случай, если на судно появится уже призовая команда, и корабль необходимо будет взорвать, - были установлены особые сигналы, передававшие команду либо тихим голосом, от одного к другому, либо по переговорной трубе машинного телеграфа.

Слово "Tysks" обозначало "внимание! приготовить военный флаг, форменную одежду и оружие". Дальнейшее приказание зависело каждый раз от условий данного момента. Фраза "Педерсен должен явиться к капитану" обозначала: - "приготовиться к взрыву". "Ударник на место". Трижды переведенная на "стоп" стрелка машинного телеграфа обозначала "взрывать".

Благодаря бдительности, хитрости и ловкости в пути "Ауд" благополучно вошел в бухту "Тарлээ" в точно назначенное время. Ирландцев там не оказалось, ибо Коземент был арестован англичанами. "Ауд" решил выбраться обратно, но был пойман англичанами, приказавшими ему следовать в порт Квинстоун, где он и был взорван своей командой поперек фарватера. Команда вся спаслась и была взята англичанами в плен.

Характерно то, что англичане знали заблаговременно об этой затее Германии, знали даже самые мелкие подробности этого плана. Как раз перед самым выходом "Ауда" в плавание, у одного из секретарей германского посольства в Вашингтоне были украдены в подземной железной дороге документы, касавшиеся германских секретных планов в отношении Ирландии. Содержание этих документов стало известным англичанам. И, несмотря на это, "Ауд", много раз останавливавшийся в пути англичанами, выполнил свое поручение, достигнув бухты Тарлээ.

Руссель¹ рассказывает весьма интересный факт из деятельности германской диверсионной разведки, направленной против американцев после их появления в рядах противников Германии. При этом самое интересное заключается в том, что Вильгельм не задумался даже пожертвовать для этого дела своим младшим сыном Иоахимом.

В начале июня 1918 года были обнаружены попытки к поджогам американских складов горючего во Франции, при чем в большинстве своем виновники поджогов были задержаны. В конце того же месяца в порту Ла-Рошель, где находилось 75% горючего американской армии в течение восьми ночей подряд от неизвестной причины вспыхивали пожары. Виновников найти не удавалось. Американская военная полиция обратилась за помощью к военной контрразведке. Надо заметить, что в этом городе находился лагерь военнопленных с 3000 немцев, на которых и пало подозрение. Были приняты строгие меры надзора при допуске пленных на работы: на складах были скрытно помещены агенты контрразведки, но, несмотря на это, поджоги продолжались, нанося союзникам колоссальные убытки.

Американская контрразведка с большими предосторожностями посадила в лагерь военнопленных трех своих лучших агентов, выяснивших следующее.

При лагере военнопленных находился некто Фрейтаг, принадлежавший к составу Шведского Красного Креста, посланного по просьбе германского правительства для оказания необходимой медицинской помощи германским пленным. Фрейтаг, по всем данным, был хорошо воспитанным молодым человеком, довольно прилично, хотя и с небольшим иностранным акцентом, говорившим по-английски. Мало заботясь о своем здоровье, он все свои силы отдавал на служение военнопленным. Союзное командование вполне доверяло Фрейтагу, разрешив ему свободное передвижение по городу для закупки необходимых медикаментов, которыми он снабжал немцев для борьбы с паразитами.

Наблюдения мнимых пленных (агентов контрразведки) показали, что из всей массы военнопленных Фрейтаг ведет особен-

¹См. "True adventures of the secret service by maior C. E. Russel".

но часто беседы лишь с тремя немцами, что у этой тройки весьма часто пропадают мундиры, и что всегда после пропажи мундиров возникают пожары.

Фрейтаг заболел и к нему были приставлены как доктор, так и сиделка из числа лиц, вполне преданных союзникам. Доктор объявил Фрейтагу, что он должен оставаться в постели не менее 1 1/2 месяцев и отказаться от приема посетителей. Последней мерой надеялись вынудить Фрейтага передавать кое-какие поручения сиделке. Однако, эти меры никаких результатов не дали. Тогда контрразведка отправила сиделку в лагерь от имени Фрейтага сообщить, что он болен и поручает сиделке оказывать им возможную помощь.

Спустя некоторое время, к сиделке подошел один из указанной выше тройки военнопленных и попросил ее передать Фрейтагу, что те две кислоты, которые он получил от него раньше для уничтожения паразитов, не обладают достаточно сильным действием и что он просит Фрейтага прислать ему немного большую порцию этих кислот.

Фрейтаг в свою очередь попросил передать этому военнопленному, чтобы тот не употреблял этих кислот до тех пор, пока Фрейтаг их сам лично не испытает.

Получив эти данные о кислотах, начальник американской контрразведки установил, что они при соединении дают пламя. Практически поджоги при помощи этих кислот проводились следующим образом. Фрейтаг покупал кислоты. Одну из них он давал всем военнопленным для стирки верхнего платья в целях уничтожения паразитов. Вторую же кислоту в небольшом пузырьке он давал одному из трех посвященных в это дело военнопленных. Последний, по окончании работы в складе, оставлял свой мундир, пропитанный кислотой, назовем № 1 и в кармане этого мундира пузырек с кислотой № 2, заткнутый бумажной пробкой. Спустя некоторое время кислота № 2 раз'едала бумажную пробку и соединялась с кислотой № 1, что давало в результате - пламя и пожар...

После выздоровления Фрейтага накрыли с поличным во время испытаний этих кислот. На допросах он держал себя весь-

ма гордо, не отвечая ни на какие вопросы. Лишь на замечание начальника контрразведки, что он будет повешен, Фрейтаг ответил, что имеет право быть расстрелянным.

Германское правительство, узнав об аресте Фрейтага, предложило обменять его на большое количество союзных военнопленных. Американцы вначале отказали в этом. Путем весьма сложной разработки контрразведке удалось установить, что Фрейтаг никто иной, как младший сын Вильгельма - Иоахим. В конце концов, он был выслан в Германию, где по какому-то поводу офицеры обвинили его в измене и он застрелился...

Командовавший во время войны германскими вооруженными силами в Восточной Африке полковник Леттов-Форбек¹ рассказывает следующий случай из активной деятельности своей разведки:

"...Наша техника также не оставалась без дела. Ловкие фейерверкеры и оружейные мастера непрерывно изготавливали, совместно с заводскими инженерами, аппараты, годные для порчи железных дорог. Некоторые из этих механизмов взрывались в зависимости от того, как они были установлены, или сразу, или же после того, как по ним проехало определенное число осей. При помощи последнего устройства мы рассчитывали на разрушение паровозов, так как англичане, в виде мер охраны, ставили перед ним один или два вагона, нагруженные песком. В качестве взрывчатого материала на плантациях имелся в большом количестве динамит, но гораздо более действительными оказались захваченные при Танге подрывные патроны..."

Капитан германского каперского парусника "Морской Орел" Ф. Лукнер² рассказывает случай, когда пленные немцы в Девенпорте умудрились испортить электрические зажигательные провода подводных мин, после того, как те были освидетельствованы и приняты комиссией".

Перейдем теперь к рассмотрению другой области диверсионной работы немцев - так называемой "бактериологической вой-

¹См. Леттов-Форбек. - "Мои воспоминания о Восточной Африке". Изд. "Восточный вестник", 1927 г.

²См. Ф. Лукнер. - "Зов моря".

ны".

Генерал *Людендорф* в своих "Воспоминаниях" пишет:

"...Фронт кронпринца Рупрехта разработал план, в виде дневника работ по эвакуации и разрушению, рассчитанный на пять недель и получивший условное название - "Альберих"... Суть заключалась в том, чтобы избежать сражения. Затем надо было стремиться спасти материальную часть, поскольку она не была безвозвратно израсходована на укрепления, военное сырье, и, наконец, следовало разрушить пути сообщения, селения и колодцы... *отравление колодцев было воспрещено* (курсив мой. - К.З.)".

Эта фраза показывает, что раз *Людендорф* находил нужным запретить в данном случае отравление колодцев, то, видимо, имели место и другие случаи когда, отравление колодцев считалось обязательным для германской армии. Наличие таких случаев подтверждается фактами. Вот несколько примеров из области отравляющей деятельности германской разведывательной службы.

Француз *де-Флер* выпустил книгу под названием "На путях войны". В главе этой книги "Изнанка одного посольства" он пишет следующее об отравляющих мероприятиях Германии, проводившихся ею в Румынии в 1916 г.:

"...14 августа 1916 г., в день объявления Румынией войны Австрии, германский консул в Кронштадте *де-Брассо* отправил дипломатической почтой в Бухарест посылку, состоявшую из нескольких ящиков и небольшой коробки. Посылка имела следующую наружную надпись на немецком языке: "Совершенно секретно. Держать стоя. Для *М. Костова*. *А. М. Самаржиева* - полковника и военного атташе королевской болгарской миссии в Бухаресте".

Под первой оболочкой посылки находилась вторая, имевшая следующую надпись: "Совершенно секретно. Для *А. М. фон-Гаммерштейна* - полковника и военного атташе германского посольства".

М. Костов передал посылку в германскую миссию, где она была помещена в подвал.

Вскоре после этого началась война между Румынией и

Германией.

Защита интересов немцев, а также помещение и архивы германского посольства в Румынии были переданы на хранение посольству тогда еще нейтральной Америки.

Перед отъездом из Бухареста, советник германского посольства приказал указанную выше посылку зарыть в землю. Ящики были зарыты в одном углу посольского сада, а коробка в другом.

Румынская полиция разнюхала это дело. После долгих дипломатических переговоров с американским посольством, последнее согласилось на обыск во владениях бывшего германского посольства в Румынии. Обыск производился в присутствии представителей Американского посольства и двух служащих германского посольства, оставленных для охраны имущества этого посольства.

Ящики и коробка были вырыты. В ящиках оказалось: 50 минных патронов, по одному кило каждый и 50 кусков бикфордова шнура. Мины были начинены тринитротоллуеном.

В коробке оказались маленькие деревянные футлярчики, содержавшие каждый по стеклянному пузырьку, наполненному желтоватой жидкостью.

Кроме того, в коробке оказалась препроводительная на немецком языке бумажка, написанная на машинке и содержащая следующее:

"При сем один пузырек для лошадей и четыре для рогатого скота. Употреблять, как условлено. Одного пузырька достаточно для 200 голов. Стараться, по возможности, влить прямо в рот. При невозможности же этого вмешать в пищу. Просьба возможно скорее уведомить о результатах. Желательно было бы на один день присутствие Д. К. (Костова)"...

Анализ содержимого указанных пузырьков установил в одном из них культуру сапа, в остальных - культуру сибирской язвы.

Их назначение пояснений не требует"...

Другой аналогичный случай.

В марте 1917 г. французская главная квартира предупрежда-

ла свои войска о следующем¹:

"Во фронтовой зоне был задержан германский агент. При нем обнаружены подозрительные предметы. Агент сознался, что ему поручено вызвать эпидемию сапа среди конского состава французской кавалерии.

"Предметы, найденные, при агенте состояли из:

1. Металлической трубки, содержавшей в себе стеклянный пузырек удлиненной формы. Пузырек оказался наполненным культурой сапа. Металлическая трубка в свою очередь была заключена в деревянном ящике.

2. Кисточки, помещенной на конце железной проволоки, свернутой в другом конце двумя кольцами для пальцев.

Агенту было поручено поливать этой жидкостью фураж, предназначенный для немедленной дачи лошадям, или кисточкой мазать ноздри лошадей, но при этом стараться поцарапать их"...

В апреле 1917 г. французская главная квартира опять предупредила свои войска об обнаружении в нескольких пунктах германских агентов, намеревавшихся заражать сапом конский состав французской армии. Немцы категорически отрицают эти обвинения...

Мы не сомневаемся, что этими примерами далеко не исчерпывается диверсионная деятельность германской разведки. Однако, их достаточно, чтобы показать, какую кипучую работу развивали немцы в этом направлении, не жалея ни людей, ни денег...

Глава седьмая

Агитация и пропаганда

"Победа слов и мыслей". - Организационная структура агитации и пропаганды. - 27 самостоятельных бюро или ведомств, занимавшихся пропагандой. Материал для пропаганды. - Ложь, прикрытая лозунгом

¹См. доклад, читанный доктором Жорж, медицинским инспектором французской армии, в областной офицерской школе 20-го арм. корпуса 16 февраля 1922 г. "Бактериология, как орудие войны". Изд. Берже-Левро, Панси-Париж-Страсбург.

"гром победы раздавайся". - Католическая пропаганда Эрибергера. - "Гражданская и военная" пропаганда. - Людендорф о германской пропаганде. - Военный отдел пропаганды при министерстве иностранных дел. - Несколько примеров германской пропаганды.

Вопрос о германской пропаганде во время мировой войны занимает в германской послевоенной литературе довольно видное место. Этим вопросом усиленно пользуются бывш. германские военные верхи, как доказательством неспособности и неумения германского правительства вести войну. *Людендорф*¹ обвиняет правительство, *Эрибергер* же², наоборот, обвиняет военное командование.

Немецкий доктор *Штерн-Рубарт*, в своей книге "Пропаганда, как политический инструмент", делает следующий вывод: "...в Германии сложилось убеждение, что поражение ее должно быть объяснено не военным превосходством врага, а победой слов и мыслей".

Мысль эту можно понять трояко.

Выходит, как будто бы, что у немцев эти "слова и мысли" среди боевых средств отсутствовали, или были, но немцы не сумели применить их в борьбе и извлечь из них возможную пользу, или же "слова и мысли" их противников оказались примененными в борьбе с большей пользой и искусством с более сильно действующими.

Посмотрим теперь, как было поставлено у немцев дело пропаганды, как и кем она велась и какие результаты дала на деле.

С первого взгляда может показаться, что пропаганда не имеет никакого отношения к разбираемому нами вопросу агентурной разведки. В действительности же это не так, по крайней мере, в отношении Германии, где во время войны пропаганда по военной линии была сосредоточена в органах разведки.

В мирное время руководство заграничной пропагандой

¹См. Людендорф. - "Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. Т. I. Изд. ВВРС.

²См. М. Эрибергер. - "Германия и Антанта". Воспом. бывш. германского министра финансов. Госиздат, 1923.

принадлежало министерству иностранных дел, где этим делом ведал специальный отдел печати. Этот отдел тратил тот секретный "фонд рептилий", какой ежегодно отпускался в распоряжение министерства иностранных дел. Кроме того, отделы печати имелись в морском министерстве и в прусском министерстве внутренних дел.

Все эти отделы печати, однородные по своим целям и задачам, работали вразброд и независимо друг от друга.

Отдел печати министерства иностранных дел имел при германских дипломатических учреждениях за границей своих представителей, занимавшихся обработкой общественного мнения, при помощи подкупа: газет, влиятельных писателей, общественных деятелей, телеграфных агентств, путем выпуска книг, журналов и соответственно подобранной и подтасованной информации.

С начала войны эти организации германской пропаганды продолжали свою работу. Так, известен случай, когда уже в начале войны пропаганда министерства иностранных дел в Румынии вылилась в довольно странную форму. По поводу этого русский посланник в Бельгии, в телеграмме от 20/XI 1914 г. сообщил следующее¹:

"...На немецкую пропаганду германский посланник в Бухаресте тратит большие деньги. Не будучи в состоянии подкупать зажиточные классы, он закупает у земледельцев продукты по высоким ценам и тем старается приобрести их расположение. Во всяком случае, Бушу (посланнику. - К. З.) удалось добиться того, что в народе все более и более замечается возрастающее равнодушие к тем обязательствам настоящей кампании, которые еще так недавно вызывали восторг населения".

Отдел печати морского министерства вел за границей аналогичную работу через морских агентов и через отделения "Союза укрепления германского флота".

Но, в общем, все эти организации оказались неприспособленными для выполнения задач военного времени. Со стороны

¹См. Центрархив. "Царская Россия в мировой войне", т. I. Госизд. 1925.

германских доброжелателей за границей посыпались требования - усилить пропаганду, главным образом, в нейтральных странах. В Германии возник целый ряд "частных бюро пропаганды", выкинувших лозунг: "Правду для заграницы". Эта "германская правда" и посыпалась в дружественные Германии и нейтральные страны в виде целых тюков соответствующих немецких газет. До чего грандиозен был этот поток "германской правды", показывает то обстоятельство, что вскоре видные общественные деятели нейтральных стран начали просить избавить их от получения десятков экземпляров одного и того же номера одной и той же немецкой газеты. Характерно, что газеты вроде "Deutsche Tageszeitung", "Post", "Tagliche Rundschau" и др., отстаивавшие самую резкую антидатскую политику в северном Шлезвиге, - в громадном количестве посылались именно в Данию.

По подсчетам *Эрицбергера*, уже в октябре 1914 года в Германии занималось заграничной пропагандой не менее 27 самостоятельных бюро или ведомств. Все они работали совершенно самостоятельно, на собственный страх и риск, без единой руководящей идеи.

Не удивительно, поэтому, что, когда в начале войны большое количество американских граждан пожелало вернуться на родину, немцы при всем желании не могли их снабдить соответствующе подобранным материалом о роли Германии в мировой войне. *Эрицбергеру*, совместно с другими немецкими политиками, пришлось по предложению представителя отдела печати морского министерства проделать эту работу в 48 часов.

Наконец, при министерстве иностранных дел было создано Центральное бюро для пропагандистской работы за границей. Во главе его встал барон *фон-Мумм*. В этом Центральном бюро было сосредоточено издание пропагандистских брошюр, книг, иллюстрированных журналов и т. д. Это бюро пропаганды просуществовало до 1917 года, когда, по настоянию генерала, *Людendorфа*, оно было расформировано, и взамен его было создано новое учреждение пропаганды, но уже под эгидой военного управления.

Существовавшее до 1917 года Центральное бюро пропаганды занималось главным образом пропагандой на религиозной

почве. К этому делу было привлечено несколько выдающихся и преданных Германии католических ксендзов и лютеранских пасторов. Эти "святые отцы" занялись распространением "германской правды" посредством агентских телеграмм, передовых статей, интервью, корреспонденции и писем, помещавшихся в подкупленных газетах, при помощи брошюр, книг, иллюстрированных журналов, докладов, лекций, проповедей, кинематографов, театров и т. д., и т. д.

В качестве подсобного материала для этой пропагандистской деятельности пользовались объявлениями в газетах Антанты. По словам *Эрцбергера*, хотя в газетных объявлениях союзников тоже затушевывали истинное положение стран Антанты, но не лгали. В отделе объявлений газет Антанты германские пропагандисты обнаруживали неприкрашенные потребности и запасы товаров, цены на масло - в парижских газетах, на одежду и проч. - в лондонских. *Эрцбергер* говорит, что эти данные всегда были для него "надежнейшим барометром для действия наших (т. е. немецких) подводных лодок".

- "Отдел объявлений", - пишет Эрцбергер, - "был для меня почти неистощимым источником политических оценок и являлся обычно более важным, чем весь политический отдел подцензурной прессы".

Ценным материалом для германской агитации и пропаганды служили также официальные и полуофициальные письма разных должностных лиц Антанты, нередко попадавшие в руки германской разведки.

Так, быв. английский посол в России *Джордж Бьюкенен* рассказывает¹, что он старался сохранить в строжайшей тайне свою телеграмму, посланную им в 1916 году Николаю II с просьбой не снимать с должности министра иностранных дел Сазонова. Однако один из английских почтовых мешков попал в руки немцев. Найденная в этом мешке переписка как раз дала немцам богатейший материал для разоблачений роли Бьюкенена в России.

В 1917 году немцы даже выпустили специальную листовку,

¹См. Сэр Джордж Бьюкенен. - "Моя миссия в России". Воспоминания дипломата. Том II. Изд. "Обелиск". Берлин, 1924 г.

целиком посвященную Бьюкенену. Эта листовка разбрасывалась с аэропланов в распоряжение русских войск на Юго-Западном фронте. В ней говорилось, что, хотя русские избавились от Николая Романова, но английский посол все еще сидит царем в Петрограде, и внушает свои желания русскому правительству. Покуда он будет царствовать в России и пить русскую кровь, русские никогда не получат ни мира, ни свободы.

Эрицбергер утверждает, что в течении 1914-15 года германские военные власти чрезвычайно слабо сознавали необходимость соответственного информирования зарубежных стран и, ссылаясь на возможность шпионажа, упорно противились попыткам Эрицбергера устроить поездку нейтральных журналистов по германскому фронту. Когда же, в конце концов, удалось добиться разрешения на такую поездку для итальянских журналистов, - военные встретили их чрезвычайно холодно, а сопровождавший их германский офицер публично назвал журналистов шпионами, и заявил, что "славный немецкий меч стоит больше, чем весь этот трезвон". Немецкие генералы отказали в интервью итальянским журналистам. Германский же офицер запаса, помогавший организовать эту поездку, был арестован по какому-то ничтожному поводу. Шпиономания пустила вообще такие глубокие корни в германских военных кругах, что они боялись даже допустить в сентябре 1914 г. посещение своей главной квартиры американским президентом Рузвельтом.

Вообще, германское военное ведомство держалось того мнения, что за границу можно и нужно пускать всякую ложь, прикрашивая ее лозунгом "гром победы раздавайся". Приведем, со слов Эрицбергера, несколько примеров.

Ежедневные военные сводки были наполнены сообщениями исключительно о германских победах. Такие ложные по существу донесения, были одинаково опасны и внутри и вне страны. Германская общественность справедливо спрашивала, почему же нет мира, когда каждый день одерживают победы? Цензура не разрешала писать о страданиях немецкого народа от недоедания и голода. Немецкие врачи и ученые должны были писать и писали, что для немца очень полезно и здорово, если он ест меньше, чем

до войны. Составлялись обширные статистические таблицы минимума того, чем может прожить человек. Этим хотели доказать за границей, что запасы жизненных средств и предметов первой необходимости в Германии настолько велики, что она никогда не сможет погибнуть из-за их недостатка. Но сторонники такого метода пропаганды не подумали, что за границей легко можно было узнать немецкое меню, немецкие пайки, что в нейтральные страны выезжало много немцев, говоривших в отелях: "наконец-то можно поесть, как следует!".

Официальные и неофициальные германские телеграфные агентства допускали целый ряд необъяснимых промахов, вызывавших насмешки за границей. Так, например, в декабре 1916 года по всему свету была разослана германская агентская телеграмма, сообщавшая, что кайзер приказал, по случаю занятия Бухареста, вывесить флаги и салютовать победу. Нейтральное общественное мнение сделало из этого вывод: "значит, даже на праздник победы немцев сгоняют по команде".

Бывали попытки создавать с пропагандистскими целями свои газеты за границей, или же подкупать уже существующие, но дело не всегда шло успешно. Так, однажды, руководители германской "штатской" пропаганды решили подкупить одну французскую газету. Через подставных лиц было уплачено 10 миллионов франков. Однако газета эта не изменила своего отношения к Германии. Потерпев несколько неудач такого рода, Эрцбергеровское центральное бюро пропаганды отказалось от этих попыток и сосредоточило свое главное внимание на обработке католиков нейтральных стран.

2 сентября 1914 года конклаву римским кардиналом был вручен "меморандум немецких католиков о мировой войне", составленный в соответствующем духе. В начале 1915 г. французские католические кардиналы и епископы ответили на этот меморандум книгой: "La guerre allemande et le catholicisme", содержащей жестокую отповедь немцам вообще и немецким католикам в частности.

В мае 1915 г. центральное бюро пропаганды создало - "деловой комитет немецких католиков", от имени которого был

выпущен на 7 языках ответ на книгу французских католиков.

В этот "деловой комитет" вошло много видных германских профессоров, занимавшихся выпуском книг, журналов и сборников в пропагандистских целях. В феврале 1917 г. этим "деловым комитетом" был созван в Швейцарии "католико-политико-социальный всемирный конгресс", на котором руководящую роль старалось играть Эрцбергеровское центральное бюро пропаганды. В ноябре 1917 г. состоялась аналогичная конференция, а весной 1916 г. в Люцерне состоялся международный конгресс католических и христианских социальных организации работников и работниц.

Вся эта "католическая пропаганда" и кипучая деятельность Эрцбергера и его бюро пропаганды обошлись Германии около 12 миллионов марок, но, несмотря на это, не дала ощутительных результатов.

Помимо пропагандистской деятельности всех этих "бюро" и министерства иностранных дел, вело пропаганду и военное командование. Первое время пропаганда эта носила характер чисто военный, но постепенно перешла и в область политическую.

Военное руководство германской печатью было возложено на начальника разведывательного отдела главной квартиры полковника *Николаи*; он руководил и военной цензурой. В его задачу входило наблюдение за настроениями внутри страны и армии и соответствующая их обработка, руководство прессой и ориентировка ее в военных вопросах. Перечисленным задача *Николаи*, еще не исчерпывалась: он должен был также руководить пропагандистской деятельностью германских военных атташе в нейтральных и дружественных Германии странах.

Людендорф находил такую организацию и ведение пропаганды неправильными. Он хотел поставить ее по английской системе, т. е. создать специальный центральный орган, который взял бы на себя руководство пропагандой внутри страны и вне ее. С этой целью он в декабре 1916 г. представил имперскому канцлеру проект, по которому при последнем должен был быть создан центральный орган пропаганды. Руководство пропагандой со

стороны министерства иностранных дел *Людендорф* находил неудачной идеей, ибо, таким образом, министерство иностранных дел получало влияние на внутреннюю политику.

По мнению *Людендорфа*, решающее руководство пропагандой должно было исходить только от имперского канцлера, у которого, согласно конституции, сходились все политические пружины и который должен был устанавливать между ними равновесие.

Конкретно план работы центрального органа пропаганды по *Людендорфу* сводился к следующему: руководство всеми гражданскими властями, компетентными в деле прессы; дружная совместная работа этого органа с управлением печати военного времени и отделом прессы морского штаба; ограничение функций отдела прессы министерства иностранных дел одними вопросами внешней политики, взамен чего углубление его работы во вражеских, нейтральных и союзных газетах и, наконец, защита экономических интересов прессы и содействие ей со стороны центрального органа. Во главе этого центрального органа пропаганды нужно было поставить авторитетное лицо, непосредственно подчиненное императору и канцлеру.

По мысли *Людендорфа*, единое руководство прессой дало бы возможность "воскресить решительное настроение германского народа". К прессе предполагалось присоединить "свободное слово" государственных деятелей и руководящих умов и устную агитацию. "Ежедневно надо было указать каждому немцу, что для Германии значит поражение. Картины и фильмы должны были проповедовать то же самое. Изображение грозящих опасностей подействовало бы иначе, чем мысли о всяких военных прибылях, чем разговоры и писания о соглашательском мире"...

Как видим, это - целая программа подчинения "слов и мыслей" целям войны.

Канцлер, однако, этот проект отверг.

Тогда *Людендорф* предложил своему разведывательному отделу заняться этими вопросами самостоятельно. Последний связался с газетами через управление печати военного времени. Управление это было образовано в октябре 1915 г. из отделений, возникших с началом войны и занимавшихся цензурой герман-

ских и заграничных газет. В 1917 году к этому управлению присоединилась еще организация отечественного преподавания. В управление были включены для связи представители важнейших гражданских учреждений.

Наряду с этим управлением продолжал существовать также и отдел печати морского министерства.

Людендорф утверждает, что указанное управление воздерживалось от всякого политического воздействия на германскую прессу.

Однако, несколькими строками ниже, он заявляет, что:

"Имевшие место два раза в неделю совещания с членами берлинской и представленной в Берлине провинциальной прессы, в которых, кроме управления печати военного времени, принимали участие представители морского штаба и всех ведомств, удовлетворяли потребностям лишь части печати. В виду этого в различных частях империи время от времени представители имперских учреждений делали доклады представителям провинциальной печати".

Как видим, Людендорф сам опровергает свое предыдущее заявление и раскрывает, что фактически вся германская печать была зажата в кулак управления печати военного времени.

При штабах фронтов, групп и армии были созданы отделения этого управления. Эти отделения снабжали соответствующим материалом фронтовые, армейские и местные газеты. Кроме того, они снабжали остальную германскую печать описанием "особенно геройских подвигов отдельных офицеров и солдат на фронте".

Управление печати военного времени издавало газеты в оккупированных немцами областях, в лагерях военнопленных и выпускало специальные газеты для распространения среди войск противника.

Но захват в свои руки германской печати не удовлетворял Людендорфа. Он хотел захватить в свои руки также и руководство пропагандой в нейтральных странах. Он полагал, что "хорошо поставленная пропаганда должна далеко обгонять развитие политических событий, расчищать дорогу для политики и подготавливать общественное мнение незаметно для него самого. Прежде

чем политические намерения превратятся в действие, надо убедить мир в их необходимости и моральной оправданности, и цель, поставленная пропагандой, должна явиться естественным психологическим выводом".

Людендорф упрекает германское правительство, что по отношению к пропаганде оно стояло в нерешительном раздумье, что оно не понимало сущности пропаганды, что оно отказывалось от нее потому, что считало ее слишком базарно-крикливой. По словам *Людендорфа*, не было создано и необходимых предпосылок для этой пропаганды: не было мировой телеграфной агентуры с собственной сетью кабелей и радиостанций, не было руководящей газеты с сильной национальной основой и т. д.

Конечно, эти утверждения *Людендорфа* далеко не соответствовали действительности; имевшиеся в этой области недостатки сильно им преувеличены и извращены с целью скомпрометировать правительство и доказать его неспособность для того, чтобы военное командование могло захватить всю пропаганду в свои руки.

Когда имперский канцлер отказался принять представленный *Людендорфом* проект организации центрального органа пропаганды, последний повел атаку на министерство иностранных дел и добился создания при нем военного отдела пропаганды.

Кроме того, министерство иностранных дел обещало создать для экономической и политической пропаганды отделы, подобно военному. Все эти три отдела должны были, по директивам министерства иностранных дел, "вести широкую и активную пропаганду, переходящую против пропаганды Антанты и не ограничивающуюся, как прежде, слабым отпариванием неприятельской лжи".

Эти отделы были созданы, но, по словам *Людендорфа*, "политическая и экономическая пропаганда министерства иностранных дел ограничивалась работой в прессе и изданием брошюр. Большей частью эта работа выливалась лишь в воздействие на газеты путем опровержений и объяснений политических событий и использования неприятельских промахов".

Во главе военного отдела пропаганды министерства

и иностранных дел был поставлен полковник *фон-Гефтен*. Он был подчинен верховному командованию, но финансировался, главным образом, министерством иностранных дел, которое за это получило право совместного обсуждения и установления основных директив. Но министерство иностранных дел этим "правом", якобы, не пользовалось, и верховное командование осталось полным хозяином военного отдела пропаганды.

Полковник *Гефтен* постепенно создал громадную пропагандистскую организацию, раскинувшую свои щупальца по нейтральным, дружественным и воевавшим с Германией странам.

В нейтральных странах он укреплялся при помощи "слов и иллюстраций", а главным образом, - кино-фильм.

Устной пропаганде придавалось большое значение. Передача новостей из уст в уста - самое опасное, а поэтому, и самое лучшее средство пропаганды, ибо таким путем распространяется очень быстро известная мысль и как бы висит в воздухе, а источник ее всегда остается неизвестным.

Пропаганду при помощи иллюстраций и кино-фильм облегчило создание специального графического отделения и управления плакатов и кино-фильм, превратившееся в дальнейшем во "Всеобщее Акционерное О-во кино-фильм". По словам *Людендорфа*, картина и кинофильма, а также графическое изображение в форме плаката действовали настойчивое и резче, чем письменное слово, а потому сильнее влияли на массы.

Большое значение придавалось также и художественной пропаганде.

Наряду с этим, шла печатная пропаганда при помощи телеграмм, радио и корреспонденции, пропаганда брошюрами и докладами, а также работа через бюро нейтральных военных корреспондентов.

Во враждебную Германию печать нейтральных стран полковник *Гефтен* пытался пробраться путем быстрой передачи информации.

При германских посольствах в нейтральных и союзных странах, а также в оккупированных областях на востоке (Россия) были созданы "военные заграничные бюро", обрабатывавшие и

распространявшие полученные из центра материалы в духе, соответствовавшем особенностям каждой данной страны. "Военные заграничные бюро" должны были вести свою пропагандистскую работу в полном контакте с послом.

Английский посол в Париже лорд Берти приводит в своей книжке¹ следующие слова юрисконсульты американского государственного департамента, мистера Каудерта, о пропаганде немцев в Америке:

"Немцы, среди которых насчитывается около 4.000.000 натурализованных американских граждан, обрабатывают против нас (англичан) американцев германского происхождения, непримиримых ирландцев, хлопководов и лиц, связанных с хлопчатобумажной промышленностью..."

В другом месте своего дневника тот же Берти передает свою беседу с испанским послом в Париже - Дель-Муни, который, якобы, заявил следующее:

"...Германия ведет в Испании активную политику против Франции и Англии, она тратит много денег и привлекла на свою сторону священников и клерикальную партию. Она проповедует, что страна, не имеющая идеалов, неизбежно гибнет. Испания должна иметь идеалы и справедливое честолюбие, но на ее пути стоят Франция и Англия...Эта германская кампания, по мнению Дель-Муни", представляет большую опасность для дела Антанты..."

В Швеции пропаганда и агитация велась посредством соответствующих брошюр и подкупа шведских газет. Покупалась целая газета со всеми ее сотрудниками. Такая поголовная "покупка" гарантировала направление газеты, выгодное для немцев. В Дании, напротив, немцами применялась лишь система субсидирования некоторых газет, за что последние должны были время от времени помещать выгодные для немцев сведения в своих передовицах, или вывешивать в окнах редакций сообщения германской главной квартиры, хотя бы в остальных своих статьях газета и не носила германофильского характера.

¹См. Лорд Берти. - "За кулисами Антанты". Дневник британского посла в Париже 1914-1918 гг. Госиздат.

Целям пропаганды служили так же, как я раньше указывал, приглашения на свой фронт виднейших журналистов нейтральных стран, субсидии книгоиздательствам и писателям (напр., Свен Гедин), широкое распространение немецких иллюстрированных журналов и книг (в Стокгольме немцы заключили соответствующий договор с некоторыми лучшими книжными магазинами, выставлявшими в своих витринах книги исключительно по указаниям немцев). Всякий невыгодный для Германии слух, всякое сообщение союзников, которое можно было, по неопределенности или неимению нейтральных свидетелей, опровергнуть, моментально, не дожидаясь директив из Берлина, опровергалось немецкими органами на местах.

В Швеции агитацией в печати руководило бюро *Бьернсона*, получавшее значительную денежную субсидию от отдела печати германского министерства иностранных дел и руководившееся тайным советником *Гамманом*. Инспирировавшееся при посредстве бюро *Вольф* корреспондентское бюро *Бьернсона* наводило иностранную прессу лживыми известиями, целью которых было понижение настроения и симпатий нейтральных стран в отношении держав четвертого согласия. Бюллетени этого бюро просматривались лично германским посланником в Стокгольме. Среди редакторов бюро был некий *Торбек*, уличенный в шпионаже в окрестностях крепости Лилль за два года до начала войны.

Агитацию против держав согласия вели также особые эмиссары, командированные пангерманскими организациями. Среди них особенно выделились 2 бывших профессора: проф. рижского политехникума *Вильгельм Оствальд* и проф. Юрьевского университета *Карл Эттинген*. Эти лица раз'езжали по Швеции и читали публичные лекции, направленные против России. С такими же лекциями раз'езжал по шведским городам студент Петроградского университета и сын русского действительного статского советника *Аксель Рипке*.

Военный агент в Дании в конце 1915 г. сообщил в Ген. штаб, что для пропаганды среди украинцев в Германии было образовано специальное общество "Свободная Украина" во главе с отставным немецким генералом.

Однако, несмотря на такую разнообразную и широкую пропагандистскую деятельность, *Людендорф* утверждает, что германская пропаганда с трудом удерживала свои позиции. Немцам, якобы, не удалось существенно повлиять на нации, враждебные Германии. Воинственные правительства этих стран, якобы, заглушали там всякие зарождавшиеся чувства мягкости и слабости, всякий намек на мысль о мире, в особенности о "согласительском мире".

В нейтральных и союзных странах также, якобы, не было достигнуто ничего существенного.

Людендорф стремился вовлечь в пропагандистскую работу германских государственных деятелей. По его мнению, директор английского департамента пропаганды лорд *Нортклиф* был прав, утверждая, что "речь английского государственного деятеля приносит Англии 20.000 фунтов; 50.000 фунтов, если немцы перепечатают ее, и 100.000 фунтов, если они на нее не ответят".

Однако и в этом отношении немцам не удалось сделать ничего существенного; по мнению *Людендорфа*, здесь необходима была работа имперского учреждения, обладавшего особым авторитетом.

В августе 1918 г. такое имперское учреждение пропаганды было, наконец, создано, но уже было поздно, и оно не смогло изменить создавшегося положения.

"Армия, - говорит *Людендорф*, - не нашла себе союзника в лице сильной, идущей из глубины страны, пропаганды. Одерживая победы на полях сражений, Германия оказалась бессильной в борьбе с психикой неприятельских народов".

Пропагандистская деятельность германского военного командования, проводившаяся через военный отдел министерства иностранных дел, не ограничивалась нейтральными, дружественными и враждебными Германии странами. Пропаганда велась также через линию фронта непосредственно среди неприятельских войск. На фронте же представители военного отдела министерства иностранных дел собирали и подбирали нужный пропагандистский материал.

Имеющаяся в нашем распоряжении инструкция "для офи-

церов связи военного отдела министерства иностранных дел на фронте" показывает, что этот отдел находился в очень тесной связи с разведывательным управлением и, в некоторых случаях, его деятельность попадала под контроль этого управления.

Так, офицеры связи военного отдела министерства иностранных дел могли попасть на фронт только с разрешения начальника разведывательного управления штаба верховного командования.

Отправлявшихся на фронт офицеров инструктировал начальник В. О. М. И. Д. (воен. отдел м-ва ин. дел) и начальник агентурного отделения.

По прибытии на фронт офицеры связи немедленно должны были явиться к начальнику агентуры штаба армии и поступить в его подчинение. Начальники же агентуры штаба были обязаны предоставлять офицерам связи и их вспомогательному персоналу средства передвижения, квартиры и питание. Задача офицеров связи заключалась в сборе и представлении в В. О. М. И. Д. материалов, пригодных для пропаганды за границей. Они должны были обращать особое внимание на быстрое составление и передачу этих материалов по назначению.

При этом они должны были обращать внимание на сбор материалов по следующим вопросам: время, цели и масштаб наступательных операций, как германских, так и операций противника, количество действующих войск, достигнутые ими результаты, потери противника военнопленными, действие артиллерии при подготовке и в бою, газовые атаки, действие мин, деятельность летчиков, описание места боя, погоды, показания пленных, выдержки из найденных писем и документов, описание войск, принимавших участия в бою и т. д., и т. д.

Материалы, собранные на фронте офицерами связи В. О. М. И. Д., подвергались цензуре начальника агентуры, который докладывал свое заключение командованию, и лишь после одобрения последнего материалы пересылались по почте или по телеграфу представителю В. О. М. И. Д. при главной квартире. Последний представлял их на утверждение начальника разведывательного управления и только после этого они отправлялись в Берлин для

использования.

В такой же зависимости от начальников агентуры штабов войск находились и представители кино-отделений,

При пропаганде через линию фронта применялись все те приемы, что и в нейтральных странах, плюс еще соответствующие листовки, плакаты (выставлявшиеся в окопах) и т. д.

Пропаганда на фронтах была строго централизована в руках штаба верховного главнокомандующего. Фронтовое командование этим было недовольно, ибо за разрешенном выпустить листовку нужно было обращаться к верховному главнокомандованию. *Гофман*, например, находил, что пропаганда в России ведется неправильно. В конце концов, в июле 1918 г., верховное главнокомандование поручило это дело штабу главнокомандующего Восточным фронтом.

Сообщая об этом в своем "Дневнике", *Гофман* добавляет: "Если бы у меня был мой бывший офицер для информации, майор Гей, я мог бы очень легко справиться с этим делом, но теперь вместо него назначен принц Георг Баварский, так что мне придется самому все делать".

Можно было поражаться тому упорству, с каким немцы вели пропаганду среди армий своих противников. Вся пропаганда направлялась на разложение неприятельских армий. Немцы очень тщательно учитывали самые мелкие факты, события и случаи в стане своих врагов, ловко и искусно обрабатывали их и тем или иным способом преподносили армиям своих противников.

Уже в 1915 году в неприятельских армиях начали появляться германские прокламации, газеты и брошюры на соответствующие темы и на соответствующем языке. В них обсуждались самые животрепещущие и злободневные вопросы, волновавшие умы неприятельских армий. Так, например, с января 1915 года на русском фронте начали разбрасываться такие, обращенные к русским солдатам прокламации:

"Солдаты! В самые трудные минуты своей жизни обращается к вам, солдатам, ваш царь.

Возникла сия несчастная война против воли моей: она вызвана интригами великого князя Николая Николаевича и его

сторонников, желающего устранить меня, дабы ему самому занять престол. Ни под каким видом я не согласился бы на объявление войны, зная наперед ее печальный для матушки-России исход: но коварный "мой родственник и вероломные генералы мешают мне в употреблении данной мне богом власти, и, опасаясь за свою жизнь, я принужден выполнить все то, что они требуют от меня.

Солдаты! Отказывайтесь повиноваться вашим вероломным генералам, обращайтесь оружие на всех, кто угрожает, жизни и свободе вашего царя, безопасности и прочности дорогой родины.

Несчастный ваш царь Николай"

Характерно, что приблизительно около этого времени начался также поход против Николая Николаевича со стороны Александры Федоровны и Распутина. При чем характерно также то, что эта германская прокламация выдвигает против Николая Николаевича как раз те обвинения, какие находим мы и в той кампании, которую вела против него А. Ф. Романова совместно с Распутиным.

В марте 1916 года германские цеппелины разбрасывали над русскими окопами карикатуру, изображавшую Вильгельма, опиравшегося на германский народ, и Николая Романова, опиравшегося на половой орган *Распутина*. Нечего и говорить, что такие и подобные им карикатуры производили большое впечатление на русскую солдатскую массу.

В газетах и прокламациях германской пропаганды затрагивались и разбирались вопросы, о которых русский солдат мог только тайно думать. В них открыто говорилось о насилиях жандармов и полицейских над семьей солдата, об изменах офицеров, о розгах, о взяточничестве, подкупе и воровстве интендантов, о ничтожестве русского царя и его двора, о недостатке патронов и снарядов и т. п. В выставлявшихся из германских окопов плакатах сообщались политические новости из тыла, воспевались и раздувались успехи германских армий и т. д. Понятно, что все это оставляло определенный отпечаток на настроении неприятельских солдат и склоняло их к соответствующим выводам. Бунты, вспыхнувшие в некоторых частях русской армии, приписывались

властями влиянию немецкой пропагандистской работы.

В журнале военных действий 8-го арм. корпуса от 4 января 1915 г. говорится, что "командующий армией приказал принять меры против пропаганды, путем прокламаций среди нижних чинов".

В конце 1915 года командующий Западным фронтом ген. Иванов доносил в ставку, что, благодаря массе прокламаций с обещанием возвращения на родину и получения немецкого пайка, "усилилось до угрожающих размеров перебегание от нас к неприятелю евреев и поляков не только с передовых позиций, но и из тыловых учреждений".

Ставка решила парировать этот прием немцев переводом евреев и поляков со всего Западного фронта на Кавказский фронт.

По словам ген. Лукомского, "осенью 1916 года в некоторых корпусах, бывших на фронте, были открыты случаи пропаганды против командного состава и за прекращение войны; было несколько случаев неисполнения отдельными ротами и батальонами боевых приказов".

"...В связи с данными об усилении пропаганды за прекращение войны, которая, по имевшимся сведениям, велась главным образом германскими шпионскими организациями, начальник штаба главноверха, ген. Алексеев, еще летом 1916 года испрашивал "высочайшего соизволения" на предоставление ему права производить необходимые расследования не только в районе, подведомственном ставке, но и в глубоком тылу, где, по положению, действовали органы, подведомственные министрам. Основание для подобной просьбы послужили следующие мотивы.

Некоторые дела о шпионаже, возникшие на фронте, указывали на непосредственную их связь с деятельностью шпионских организаций в глубоком тылу.

Кроме того, по сведениям, имевшимся у ген. Алексеева, в тылу начала развиваться преступная деятельность спекулянтов, работавших явно во вред армии. Были даже сведения, что некоторые спекулянты находились в связи с германскими агентами..."

Ген. Ю. Н. Данилов рассказывает, что "с целью увеличения шансов на успех, наши противники с некоторых пор стали рас-

пространять в обширных размерах среди наших войск и населения района военных действий разного рода воззвания и обращения, призывавшие к прекращению борьбы и к миру. Прием разложения противной стороны, путем лицемерной пропаганды, видимо, начинал приобретать у них все большие права гражданства. В данный период времени, с особым рвением, его стали применять австрийцы, не гнушавшиеся распространения среди наших войск прокламаций, якобы, исходивших от имени государя императора, мирным начинаниям которого, якобы, ставятся, преграды... Впоследствии подобного рода воззвания стали пересылаться в Россию через нейтральные страны, под видом пачек с фотографической бумагой, шоколадных плиток и пр."

По словам М. Лемке, в немецкой книге П. Рорбаха "Россия и мы" указано, что в приказе по 113-му пех. полку за № 363 от 10/23 декабря 1914 года было предписано зверское обращение с местными жителями.

Оказалось, что телеграмма начальника штаба Северо-западного фронта командующему X армией действительно приказывала принять к точному исполнению требование главковерха - при наступлении гнать перед собой жителей мужского пола рабочего возраста, начиная с 10 лет".

Немцы это возмутительное распоряжение русского главковерха великолепно использовали в целях агитации...

Германская пропаганда среди вражеских армий не ограничивалась лишь одной печатной агитацией. Через специальные пропагандистские курсы пропускались солдаты и офицеры, знавшие язык противника и предназначавшиеся по окончании курсов для пропагандистской работы среди солдат противника. Попытки к "братанию" со стороны немцев известны еще с 1915 г. В 1916-1917 г. этот прием немцев принял колоссальные размеры. Германские батальоны имели каждый свои определенные функции: одни должны были во время братания заниматься шпионажем в широком смысле этого слова; другие - агитировать за окончание войны; третьи - пропагандировать миролюбие и непобедимость Германии; четвертые - демонстрировать великолепие экономического положения Германии посредством раздачи шоколада, сигар и

т. п.; пятое - рассказывать о темных делишках русских властей и т. д.

Ген. Гофман не скрывает, что в 1917 г. немцы использовали "братание" в целях агитации и пропаганды. В своем "Дневнике" он пишет (29/V 1917 г.), что немецкая пропаганда на фронте дала им возможность добраться до штаба русской армии. Командующий одной из русских северных армий ген. Драгомиров был вынужден под давлением солдат разрешить нескольким германским офицерам явиться к нему. Гофман этот случай использовал следующим образом. Драгомирову было послано письмо за подписью принца Баварского, в получении которого Драгомиров расписался, но ответа не дал. Тогда Гофман приказал напечатать это письмо отдельной листовкой с пояснением, что цель этого письма - попытка договориться с Россией о мире, приложил факсимиле расписки Драгомирова в получении письма и распространил его среди русской армии.

Легко себе представить, какое впечатление произвела эта листовка на русскую солдатскую массу...

К концу 1917 года немцы начали открывать между своими и русскими окопами лавочки, продавая русским солдатам всякую ерунду и в то же время пропагандируя бесцельность войны со стороны русских.

Ген. Б. И. Селивачев¹ отмечает, что 3/16 марта 1917 года в штабе 14-го Финляндского стр. полка оказался плакат, вывешенный ночью немцами и снятый русскими разведчиками, в котором сообщалось о вспыхнувшей в Петрограде революции со всеми подробностями.

30/III-14/IV 1917 года, по словам того же Селивачева, немцы старательно пускали шары с прокламациями, в которых указывалось на речь в рейхстаге Бетмана-Гольвега о том, что Германия не ведет завоевательной политики.

Тот же ген. Гофман рассказывает в своем "Дневнике" под 15/III 1917 года, что, узнав о февральской революции, но не имея пока что подробностей этого важного события, он распорядился

¹См. "Из дневника ген. М. И. Селивачева", "Красный Архив", том II/IX, 1925 год.

напечатать воззвание на русском языке, чтобы "раз'яснить русским солдатам, находившимся в окопах, смысл всех этих волнений". "Иначе эти бедняги ничего не будут знать, а это было бы жалко", - заканчивает Гофман.

Не избежала германской пропаганды также и Румыния. 16 августа Румыния объявила войну Турции, а 18 августа - Германии и Болгарии. Немцы, совместно со своими союзниками, успешно ударили по румынам. И уже в декабре 1916 года русская ставка констатировала¹:

"...Моральное состояние румынской армии, отведенной в тыл, находится в полном разложении. Усилилась пропаганда, сводящаяся к тому, чтобы убедить офицерские круги в бесполезности дальнейшей борьбы и в опасности со стороны России, которая не возвратит Румынии Молдавию, что Россия не желает образования великой Румынии. Распропагандированные офицеры в свою очередь ведут пропаганду среди солдат. В числе их адмирал Негреску".

В феврале 1917 года на совещании послов союзных держав в Яссах, английский полковник Гриффис докладывал о положении в Румынии следующее:

"Деятельность железных дорог совершенно парализована. Для ее оживления абсолютно никаких мер не принимается. Солдаты, брошенные на железнодорожных линиях, умирают в вагонах с голода. Санитарные поезда брошены на произвол судьбы. Раненые гибнут без пищи и от заражения крови. Для продвижения санитарного поезда на 50 километров требуется 10 дней. Транспорты с ранеными оставались на дорогах, вследствие падежа лошадей. Тиф господствует повсеместно. Рядом с этим, префекты живут в роскоши, почему их лояльность может быть заподозрена. Никто не преследует шпионов противника..."

Немцы этой отчаянной обстановкой пользовались в целях пропаганды.

22 февраля 1917 г. ген. Сахаров сообщал ген. Алексееву, что к нему со всех сторон поступают донесения и предупреждения об

¹См. "Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Румынский фронт", составил Ф. И. Васильев. Изд. ВВРС, Москва, 1922 г.

усиливающейся германофильской пропаганде в населении и в румынских войсках, особенно среди офицерского состава. Один из начальников дивизии - полковник Струза перешел к противнику и издал "манифест", которым приглашал войска взять пример с его поступка, совершенного им ради спасения отечества, и извещал, что он приступил к организации стотысячной армии из плененных румын, с которой двинется на малодушных, глупых и бесчестных румын, не понимающих настоящих замыслов русских.

20 марта ген. Сахаров уже доносил, что "по агентурным сведениям подчеркивается постепенное усиление господства, враждебного к русским отношения Румынии. Такое явление наблюдается не только в разных слоях румынского общества, но и в кабинете румынского правительства, и даже в рядах войск, где рельефно появились следы планомерной и массовой агитации в пользу Германии. Дисциплина заметно пала: совершенно открыто солдаты заявляют, что офицеры - изменники и не только сами добровольно сдавались в плен, но подговаривали к тому и подчиненных... В обществе и правительстве усилились колебания, и открыто высказывалось, насколько ошибочным оказался союз Румынии с Россией...".

Как видим, германская агентурная служба в Румынии сделала свое дело с очень хорошим успехом...

Можно привести еще такой, весьма характерный, пример германской пропаганды.

В сентябре 1917 года в Турине (Италия) вспыхнули крупные волнения. Во время их подавления было убито много гражданских лиц, среди которых было не мало женщин и детей. Германская агентурная служба достала фамилии и адреса потерпевших. Все эти подробности они напечатали в специальной прокламации, которую затем их аэропланы разбросали над занятыми IV Туринским корпусом итальянскими позициями под Кабаретто. В прокламации они, между прочим, писали:

"...Дома убивают ваших жен и детей. Вот их фамилии (следовал подробный перечень лиц, погибших во время подавления волнений). Зачем же нам воевать на чужой земле, когда вас предают дома..." и т. д.

На солдат IV Туринского корпуса эти прокламация произвела колоссальное впечатление: почти весь корпус сдался в плен немцам, или разбежался¹.

В конце 1915 года русское министерство внутренних дел имело сведения, что немцы ведут против России весьма деятельную агитацию среди мусульман, проживающих в России. Среди мусульман Кавказа были отмечены попытки производить денежные сборы на военные нужды Турции. В Туркестане даже были образованы тайные комитеты с целью агитации за восстание против России. Эти комитеты пытались подстрекать афганское правительство к выступлению против России.

Мих. Лемке говорит, что эти сведения до известной степени соответствовали действительности. По его словам, "немцы очень заняты противорусской пропагандой среди магометан и украинцев. С этой целью они создали у себя особые лагеря для наших военнопленных, где и обрабатывали их всякими способами, включительно до голодовок и побоев протестующих..."

В самом начале войны Германия возлагала большие надежды на восстание в Ирландии. Вот одна из германских прокламаций, обращенная к ирландцам:

"Ирландцы-глупцы!

Разве вы забыли, что ваш единственный враг - Англия?

Разве вы забыли ваши обиды, что готовы теперь проливать свою кровь за Англию?

Разве вы потеряли ваш разум, что верите в нелепые лживые известия, опубликованные в газетах относительно Германии?

Разве вы забыли, как англичане обошлись с бурами?

Разве вы забыли манчестерские муки?

Разве вы забыли зверские избиения?

Разве вы забыли, что будущее в ваших руках?

Разве вы забыли, что затруднения Англии - удобный случай для Ирландии?

Боже, храни Ирландию!"².

Когда Германии стало очевидно выступление Турции на ее

¹См. Фердинанд Тохай. - "The Secret Corps".

²См. "Паутина". - "Система германского шпионажа". Изд. В. Португалова. Москва, 1915 г.

стороне, она взялась за организацию соответствующей пропаганды из Турции на азиатских театрах войны. В этом совершенно откровенно сознается *Эрих фон-Фалькенгайн*¹. Он пишет:

"... Одновременно же была организована в широком разма-
ре пропаганда на Кавказе, в Персии, а также через Афганистан по
направлению к Индии. Ей помогал призыв к "священной войне",
провозглашенный турецким султаном в качестве халифа. Что эти
шаги, при слабости сил Турции и трудности переброски Германии
в столь далекие страны, - могли дать лишь ограниченные резуль-
таты, - в этом отдавался ясный отчет. И все же признавалась, без-
условно, необходимым принимать и вести дальнейшую пропаган-
ду уже для того, чтобы предупредить опасности, которые могла
создать Англия, вступив на тот же путь, но только в противо-
положном направлении."

Она располагала на Востоке глубоко вкоренившимся стра-
хом перед британским могуществом, превосходными средствами,
большой свободой передвижений. И все же смелая и упорная
маленькая работа таких людей, как Нодермейер, Гентых и др.,
могла посеять семя, которое при благоприятном исходе войны
дало бы стократные плоды..."

Приведенных фактов, нам кажется, достаточно для того,
чтобы прийти к заключению, что немцы придавали пропаганде
громадное значение, а в некоторых случаях возлагали на нее даже
преувеличенные надежды. Если это дело в истекшую войну у
немцев шло не совсем гладко, если отдельные ведомства не могли
распределить свои функции и поле деятельности, то это, можно
сказать, являлось почти общим явлением и сводилось к вопросу
об управлении государством во время войны².

Однако, факт тот, что Германия прилагала все усилия к

¹См. его книгу: "Верховное командование 1914-1918 гг. в его важнейших
решениях". Перевод с нем. А. Е. Снесарева. Изд. ВВРС, Москва.

²Интересующихся вопросами агитации и пропаганды в войну 1914-
1918 гг. и желающих ознакомиться с этими вопросами более подробно мы от-
сылаем к книгам: Т. Ф. Блументаля - "Буржуазная политработа в мировую вой-
ну". Изд. ГИЗ 1928; Геральд Ласвель - "Техника пропаганды в мировой войне".
ГИЗ. 1929 г. и К. Стюарт - "Тайны дома Крю" "Английская пропаганда в миро-
вую войну 1914-1918 гг.". Изд. ГИЗ, 1928 г.

тому, чтобы использовать в целях победы все средства, в том числе и пропаганду. И нужно признать, что, несмотря на все недостатки, германская пропаганда свои результаты, и результаты положительные, немцам дала...

Глава восьмая

Дезинформация

Германское определение задач и целей дезинформации. - Дезинформационная "записка о распределении германских вооруженных сил в случае войны". - Проверка русским Генеральным штабом подлинности "записки". - Расхождение мнений. - Ручательство ген. Борисова за ее подлинность. - Мнение французского генерала и правительства в деле дезинформации. - Неудачи герм. дезинформационной деятельности. - Французский Ген. штаб - жертва герм. дезинформации. - Дезинформация во время войны 1914-18 гг. - Германская установка: "введение противника в стратегическое или тактическое заблуждение" и контрразведка. - Дезинформация - средство, способствующее ведению войны. - Распространение ложных слухов. - Промахи русских, поверивших герм. дезинформации.

Еще задолго до войны 1914-1918 гг. дезинформация в системе германской развед. службы занимала довольно видное и почетное место.

В 1908 году германским Генеральным штабом была выпущена секретная инструкция¹, в которой следующим образом определялись задачи дезинформации:

"...1. Узнать исходный пункт зарубежной агентурной разведки и ее доверенных лиц;

2. Принять меры наблюдения за их деятельностью и для отыскания их связей;

3. Выяснить те вопросы, ответы на которые желали иметь соответствующие иностранные разведывательные органы;

4. Снабжать иностранных разведчиков фальшивыми документами и

¹См. Der militärische Nachrichtendienst und die Bekämpfung der Spionage in Frankreich 1908 geheim.

5. Выявлять агентов иностранной агентурной разведки..."

В том же 1908 году германская разведывательная служба решилась на крупный шаг, выходящий за пределы приведенной выше инструкции, на продажу русской разведке "документа" большой стратегической важности не только для России, но и для ее союзницы - Франции.

Документ этот назывался: "Записка о распределении германских вооруженных сил в случае войны. № 269, 1908 г."¹ и состоял из следующих частей:

Предисловие.

Введение.

Развертывание.

Начало войны.

Франция:

Рейнская армия.

Мозельская армия.

Саарская армия.

Рурская армия.

Военный флот.

Англия:

Ведерская армия.

Россия:

Одерская армия.

Висленская армия.

Мемельская армия.

Заключение.

Введение к этому "документу" написало весьма странным стилем, стилем прокламации. Так как такого рода документы доступны только военным верхам, то получается впечатление, что Вильгельм решил их с'агитировать, что, конечно, весьма сомнительно и навряд-ли когда-либо немцы в своих официальных настоящих совершенно секретных документах допускали такого рода "беллетристику".

Вот некоторые выдержки из "Введения" этого "документа":

¹Цитаты мы приводим в переводе русского Ген. штаба.

"...Сильно шумят и волнуются политические противники нашего отечества, объединенного оружием и кровью; глубоко огорчает наших противников расцвет нашей мирной деятельности, которая, с благословением божьим, осчастлививает немецкие города и веси богатыми успехами в жизни и торговле. Завистью и ненавистью хотят осквернить наше святое святых, честь Германии, и обратить немецкие поля в пустыни. Все это хорошо известно каждому немцу, и в тот день, когда мы придем к убеждению, что сохранение мира более несовместно с нашей честью... в тот день пять миллионов немецких воинов возьмутся за оружие и последуют "призыву нашего верховного вождя - императора и короля: с ним победить или умереть..."

В таком же духе написана глава "Развертывание:

"Развертывание германских армий должно поразить Европу своей силой (?! - К. З.), которая еще до первого выстрела покажет противнику, на что он может решиться и что он может потерять, если захочет выиграть..."

В главе "Россия", между прочим, дается довольно интересная характеристика русской армии:

"...Указания русско-японской войны дают нашим полководцам ясные советы и позволяют нам спокойно выжидать подхода русской армии. Русский солдат уже не тот, внушающий страх, противник, каким он был сто лет тому назад. Будучи в религиозном отношении суеверным, он опустил в нравственном отношении своей жизни. Он возьмется за оружие против Германии с такой же неохотой, как он шел сражаться в Маньчжурию, почти исключительно по принуждению, он не понимает необходимости борьбы с Германией, пока в своем отечестве он является ничем в политическом смысле.

....Разведывательные и подготовительные работы привели к результату, что мы имеем сплошную цепь русско-подданных постоянно оплачиваемых агентов, которая протягивается от границы через Варшаву - Белосток - Гродно - Вильно - Динабург (Двинск) - Ригу до Ревеля и которая, в случае войны, при помощи условных торговых телеграмм и писем, адресованных нашим пограничным агентам, будет сообщать нам о каждом передвиже-

нии русских войск..."

Подписан "документ" начальником большого Генерального штаба генералом-от-инфантерии Ф. Мольтке.

Далее следует приписка и подпись самого Вильгельма:

"Настоящее, по моим приказам составленное, распределение немецких сухопутных и морских вооруженных сил мною утверждается, и большой Генеральный штаб, военное министерство, морское министерство и мой военный кабинет уполномочиваются внести необходимые изменения в существующие планы".

Мы уже указывали, что стиль и дух этого "документа" какие-то странные, непривычные в официальных совершенно секретных серьезных документах. Указание на агентурную сеть против России с подробностями о подданстве агентов и способах связи с ними в случае войны, - по нашему мнению, являются явными доказательствами того, что "документ" ложный.

Самая суть этого документа - общее количество выставляемых в случае войны Германией войск, - как будто бы была близка к истине. Но иначе это и не могло быть, ибо в противном случае противник, сопоставляя разные официальные статистические данные, легко установил бы дезинформационную суть "документа". Что противник начнет проверку "документа" именно с цифр, - германская разведка прекрасно учла, ибо в данном случае это одна из важнейших возможностей установить истину. Как мы ниже увидим, русский Генеральный штаб именно с этого и начал.

Интересно проследить, каким образом "документ" попал в руки русского Ген. штаба.

Немцы подослали своего агента с этим "документом" к русскому военному атташе в Берлине. Агент согласился оставить "документ" на очень короткий срок, но все же вполне достаточный для того, чтобы отвезти "документ" в Петербург и сфотографировать. Так и было сделано. "Документ" в подлиннике был привезен в Петербург, за ночь сфотографирован в топографическом отделе Ген штаба, и подлинник отправлен обратно в Берлин.

Агент объяснил наличие "документа" в его руках тем, что на с'езде корпусных командиров, созванном с целью охладить воинственный пыл Франции, Вильгельм роздал его корпусным коман-

дирам и инспекторам, а от одного из них "документ" попал на некоторое время в руки агента.

Русский военный атташе сторговался с агентом следующим образом: за "документ" уплачивается 25.000 рублей, из коих 10.000 руб. должны быть уплачены по доставке "документа" в Петербург, а остальные 15.000 руб. - по возвращении документа в Берлин. Видимо, военный атташе боялся провокации со стороны агента и поэтому распределил таким образом уплату денег, полагая, что, не получив всей суммы, агент на провокацию не пойдет.

Ознакомившись с "документом", начальник русского. Ген. штаба ген. Палицын признал его ложным и категорически отказал в уплате агенту остальных 15.000 рублей. Агент начал писать слезные письма и требовать денег. Тогда, по настоянию ген.-квартирмейстера, - ген. Алексеева и 2-го обер-квартирмейстера - ген. Борисова, доказавших, что несоблюдение обещаний и неточность в отношении агентов пагубны в деле разведки, ген. Палицын согласился уплатить еще 3.000 рублей¹.

Проверка "документа" производилась следующим образом.

Во-первых, кинулись в министерство иностранных дел и установили по находившимся там документам, что подписи Вильгельма и Мольтке на купленном "документе" - настоящие.

Во-вторых, ген. Борисов засадил капитана Златолинского на три месяца за разные германские статистические сборники и установил лишь следующую незначительную разницу в общей численности германской армии:

По подсчету кап. Златолинского к 1 января 1909 года в германской армии должно было состоять на действительной военной службе 521.000 чел. и в запасе 4.869.200 чел., а всего 5.390.200 чел.

В купленном "документе" было всего показано 5.088.350 чел., но "бойцов с оружием". А поэтому ген. Борисов

¹Сам. ген. Палицын в письме от 24/III 1917 г. на имя ген. Клембовского пишет, что за этот "документ" с него требовали 200.000 герм. марок, но что он дал только 2.000 марок. Это не верно, ген. Палицын считал почему-то нужным соврать Клембовскому.

предполагал, что разница в 301.850 чел. является вполне понятной, тем более, что 5.088.850 чел. показаны к сентябрю 1908 года, а 5.390.200 чел. - к 1 января 1909 года.

Таким образом, два возможных приема проверки как будто бы подтвердили подлинность "документа".

Но ген. Борисов на этом не успокоился. Он обратил также внимание на форму, стиль и дух "документа" и нашел, что "...он (документ) очень интересен для нас. За подлинность его, по моему мнению, можно ручаться. Составлен он очень серьезно и с истинным воинским взглядом и воодушевлением, к сожалению, не принятым в наших сухих, формальных официальных распоряжениях..."

Наконец, "документ" с большой помпой преподнесли французам, как своим будущим союзникам. Французы посмотрели, почитали и заявили, что "документ" этот - подложный.

Тогда ген. Борисов решился на следующую "хитрость". Он под видом разбора книги ген. Фалькенгаузена написал статью, используя для этого данные "документа", и поместил ее под названием "По стратегии" в "Русском Инвалиде" (от 28/1 1909 г. № 22) в надежде, что немцы какой-либо неосторожностью выдадут себя. Тило фон-Трот статью Борисова перевел на немецкий язык и под заглавием "Русское суждение о книге Фалькегнаузена "Нынешняя большая война" напечатал ее 18 марта 1909 г. в журнале "Militär Vochenblatt" без каких-либо замечаний, вопросительных знаков и комментариев.

Значит - эта хитрость ген. Борисова не удалась.

Однако, ген. Борисов как будто бы укрепился в своем мнении о подлинности документа. Он написал доклад начальнику Ген. штаба и предложил переделать план завертывания русской армии в том направлении, чтобы всю русскую армию сосредоточить на австро-венгерской границе, оставив на германской границе не более 3-х корпусов. Характерно, что ген. Палицын и ген. Алексеев в принципе не возражали против предложения Борисова, но решили отложить это до составления нового расписания...

Сейчас посмотрим, в чем же заключалась "соль" этого ложного документа.

Согласно ложному плану, на второй день по объявлении войны, германский верховный главнокомандующий прибывает в главную квартиру - в Страсбург, т. е. на левый фланг германской армии. Фактически же, по окончании развертывания главных сил, германская главная квартира была переведена из Берлина в Кобленц, т. е. на правый фланг германских армий, совершавших поход через Бельгию.

Согласно ложному плану: на правом фланге развертывается 2 армии или 43% всех войск, фактически же там были развернуты 4 армии или 57% всех войск; на французской границе по ложному плану развертывается 2 армии или 53% всех войск, фактически же там были развернуты 3 армии или 43% всех войск. При этом общая численность развертываемых Германией по ложному плану войск была увеличена на 285.000 человек. (См. приложение № 1).

Таким образом, немцами в ложном плане проводилась мысль, что их левый фланг является доминирующим в начале операции и что главный их удар будет нанесен на линии французских крепостей, не исключая, однако, в дальнейшем возможности, когда нейтралитет Бельгии будет нарушен Францией и Англией - двинуть 400.000 армию через Бельгию.

Выше мы говорили, что французский Ген. штаб признал вышеуказанный документ ложным. Однако, если посмотреть на французское развертывание в войну 1914-1918 гг., то приходится предположить, что они в действительности поверили этому документу, ибо все внимание французов было приковано к германскому левому флангу, что полностью соответствовало идее, проведенной в германском ложном документе. Таким образом, можно сказать, что немцы своей цели достигли.

Насколько важное значение Германия придавала внедрению идей этого ложного документа в мозги своих противников, показывает тот факт, что она с этой целью заставляла врать своих официальных политических деятелей. Быв. германский министр финансов Эрцбергер¹ приводит следующие слова Бисмарка: "В Англии считают, что франко-германские границы недоступны для

¹См. Эрцбергер. - "Германия и Антанта". Воспоминания. Госиздат, 1923.

нападения и что, следовательно, германский Ген. штаб должен рассчитывать на прорыв через Бельгию. Мы не думаем, чтобы английские журналисты, как бы они ни были проницательны, сумели так легко проникнуть в мысли германского Генерального штаба. Но они, во всяком случае, ошибаются, думая, что в Германии правительство подчиняется взглядам Генерального штаба, а не наоборот. И так же, как бельгийский нейтралитет, Германия никогда не нарушит и швейцарский нейтралитет".

Дальше Эрцбергер рассказывает, как в 1913 году, во время обсуждения в закрытом заседании рейхстага военного законопроекта, зашла также речь о бельгийском нейтралитете. По словам Эрцбергера, "Статс-секретарь фон-Ягов заявил самым определенным образом, что Германия не нарушит нейтралитет Бельгии, что бы ни случилось. Военный министр фон-Геринген на вопрос о том, разделяет ли армия этот взгляд, уверял, что Германия до тех пор будет уважать нейтралитет Бельгии, пока с ним будут считаться противники. Когда затем, в конце лета 1913 года, завязались международные дебаты о бельгийском нейтралитете, я (Эрцбергер) сделал решительное заявление одному высокому бельгийскому чиновнику в Меце, что Германия отнюдь не думает о походе через Бельгию, так как верил словам наших общественных деятелей..."

Как видим, ввали все, лишь бы добиться цели, лишь бы уверить Францию, что Германия будет вести войну именно так, как это изложено в ложном плане развертывания.

Однако было бы ошибочно думать, что продажей этого "документа" ограничилась дезинформационная деятельность германской разведки в мирное время. Работа эта, как можно предполагать, велась систематически по определенному плану и весьма широко.

Так, например, в 1911 году жертвой германской дезинформационной деятельности пал французский Ген. штаб. Он в Цюрихе нарвался на германскую контору, во главе которой стоял некий Платтер, продававший ложные германские документы. "Документы" оказались настолько хорошо сфабрикованными, что французский Ген. штаб закуpal их в течении целого года, ухлопал уйму

денег и лишь потом случайно узнал, что закупленные им "документы" являются фальшивыми, дезинформационными.

В. Фишер рассказывает, как некий Эрзам, никогда не бывший военным, по печатным изданиям германского Ген. штаба составлял в течение 1910-1912 гг. разные секретные документы, якобы принадлежавшие германскому Ген. штабу и продавал их английским и французским агентам за большие деньги. Так, например, за сфабрикованный им план развертывания германской армии в случае войны против Франции и России (не тот, о котором шла речь раньше) он получил 18.000 франков и т. д.

Было бы наивно думать, что совершенно штатский человек по официальным не секретным источникам мог бы составить такой важности документы и так хорошо, что офицеры Ген. штаба могли их принять за настоящие. Несомненно, что за спиной этого "сверх таланта" Эрзама стояла германская разведывательная служба.

Приведенные в первой части нашего труда выписки из писем Вильгельма к Николаю Романову также весьма показательны и доказывают, что даже сам Вильгельм не брезговал заниматься дезинформированием своих коронованных коллег.

В конце 1912 года германская дезинформационная деятельность несколько расстроилась. Дело в том, что немцы так широко и неосторожно начали вести эту работу, так увлеклись ею, что Антанта насторожилась и сразу в нескольких местах раскрыла посредников германской разведывательной службы по продаже дезинформационных документов.

Началась война. И вместе с ней началась новая дезинформационная деятельность германской разведывательной службы, применительно к новым, военным обстоятельствам.

Немцы сами не скрывают того, что во время войны 1914-1918 гг. они хорошо поработали по дезинформации своих противников. Из "Инструкции офицерам разведывательной службы германской армии", видно, что дезинформирование противника, было введено в систему.

¹См. "Инструкция офицерам разведывательной службы германской армии". Издание Разведупра Штаба РККА, 1921 г.

... "...Могут быть такие случаи, - говорит инструкция, - когда тенденциозными известиями военного характера желательно ввести противника в стратегическое или тактическое заблуждение. Разрешение на составление и распространение соответствующих материалов в таких случаях зависит от командования армией, а в особо важных случаях - от верховного командования. Введение противника в заблуждение вымышленными разговорами в окопах допускается лишь при очень небольшом расстоянии от противника. Если при штабах армий находятся офицеры по борьбе с нарушением военной тайны, то упомянутое возлагается на них..."

Как видим из этой выдержки, введение противника в заблуждение лежало на обязанности германской разведывательной службы, и характер дезинформации определялся как "введение противника в стратегическое или тактическое заблуждение."

Бывший во время войны начальником разведывательного отдела германской главной квартиры полковник Николай в своей книге "Тайные силы" рассказывает еще об одной задаче, которая ставилась дезинформации, а именно - задаче контрразведывательной, при чем сообщает кое-что о технике этой работы:

"...германская разведка не была заинтересована в ограничении массового характера разведки противника. Наоборот, она старалась еще больше усилить этот избыток разведки и даже допускала поступление к неприятелю, по установленным уже путям, таких сведений, которые, очевидно, не должны были быть правильными, но которые иногда, а именно в тех случаях, когда имелись основания предполагать, что противник этим соображениям не поверит, - бывали и верными. В виду громадного количества попавших в немецкие руки шпионов, найти подходящее орудие для этого обмана не было трудно. Будучи набраны без разбора, неприятельские шпионы не относились серьезно к своей задаче и охотно соглашались работать в качестве двойников".

Для того, чтобы многочисленные неизвестные германской контрразведке агенты противника автоматически получали ложные сведения и для того, чтобы подобные же показания давали и германские пленные, среди войсковых частей, в оккупированных

областях, внутри Германии и в нейтральных странах в особо важных случаях намеренно распространялись ложные сведения, которые должны были поступать к противнику.

Николаи признает, что "...такое введение неприятеля в заблуждение было трудной и важной отраслью работы. Оно было строго сконцентрировано в руках разведывательного отдела верховного командования; всем же подчиненным учреждениям самостоятельное распространение ложных сведений было запрещено, ибо беспорядочное пользование таковыми могло повлечь за собой непоправимые последствия. Взяв в руки систематический обман неприятельской разведки, германская разведка одновременно, по возможности, защищала себя от подобных же попыток противника..."

В другом своем труде¹, вышедшем раньше, Николаи говорит, что при распространении среди населения ложных сведений, которые автоматически должны были быть подхвачены агентами разведки противника, эти сведения, по своему оперативному содержанию, должны были конкретно отвечать на вопросы где, когда и как.

Николаи утверждает, что для германского военного командования дезинформация была не только одним из средств контрразведки, но и средством, способствовавшим ведению войны.

Из этих кратких, осторожных и довольно путанных и противоречивых "откровений" Николаи мы все же видим тот широкий масштаб и систему, которые применялись германской разведывательной службой в деле дезинформации.

Николаи не говорит о результатах этой работы, но зато об этом говорят кое-что другие германские авторы.

Например, Людендорф в своих "Воспоминаниях", говоря о сражении при Танненберге, пишет:

"...Наши разведывательные органы здесь хорошо поработали над распространением ложных слухов и по контрразведке. Ни

¹См. В. Николаи - "Германская разведка и контрразведка в мировой войне". Изд. Разведупра при штабе командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма.

русским, ни Антанте не удалось получить сведений об означенных движениях".

В другом месте тех же "Воспоминаний", говоря об отступлении 17-го марта 1917 года на так называемые позиции "Альбериха", Людендорф пишет:

"...Одновременно подполковник Николаи получил указание ввести неприятеля в заблуждение сообщением ему ложных данных. Подполковник Николаи и полковник фон-Гефтен должны были соответственно повлиять на германскую и центральную прессу, чтобы произведенное впечатление не нарушилось... Неприятель стремился раздуть наше отступление в крупный успех. Но в печати нами была произведена столь действительная и искусная подготовка, что это ему не удалось... Благодаря слухам, которые мы распространили, противник не сумел помешать нашим работам по эвакуации и разрушению..."

Более или менее систематическая дезинформационная работа немцами велась из Дании, где для этого была подходящая почва. С началом войны столица Дании - Копенгаген сделался ареной деятельности очень многих шпионских организаций, работавших против Германии, (одна Россия имела там 6 таких организаций, пользовавшихся негласной поддержкой датчан).

Сколоченные наспех, руководившиеся лицами совершенно некомпетентными или мало опытными, или же просто авантюристами, - эти организации скоро становились известными германской контрразведке. Высылка агентов этих шпионских организаций из Дании всегда происходила по требованию немцев, при чем последние прибегали к этому способу борьбы с неприятельской разведкой лишь тогда, когда данная организация или агент становились для них опасными и не поддавались обработке в желательном немцам направлении. Но весьма часто такая обработка применялась немцами с успехами и вела к обезвреживанию агентов, а иногда - даже к полному их порабощению.

Германская разведывательная деятельность в Дании, вылившаяся в силу указанных обстоятельств в форму контрразведывательную, старалась переманить к себе агентов союзников, контролируя, таким образом, сведения, которые эти агенты продолжали

давать своим руководителям. Немцы не только допускали это (конечно, если эти сведения не являлись вредными для них), но и сами снабжали агентов сведениями своей фабрикации, подчас даже верными для того, чтобы данный агент мог войти в полное доверие своих руководителей с тем, чтобы обмануть его в важный и нужный момент или получить от него что-либо ценное для немцев.

Насколько удачно немцы дезинформировали именно русскую разведку, показывают следующие факты.

Среди агентурной сети русского военного агента в Италии полковника Ген. штаба Энкеля работала, под названием "римской", целая разведывательная организация, состоявшая главным образом из сокращенных по случаю войны служащих Международного общества спальных вагонов. Эта организация в течение 1 1/2 лет давала Энকেлю сведения о германских и австрийских воинских перевозках, получив за это время около 2.000.000 итальянских лир. В конце же концов выяснилось, что эта организация одновременно состояла на службе германской разведки и продавала русским фабриковавшиеся немцами сведения.

Русский полковник Брендель, в своих лекциях о службе Генерального штаба, читанных в 1916 году, рассказывает о последствиях этой работы таких "римских" разведывательных организаций. Он говорит, что в течение более года, почти без перерыва, агентура почти всех русских штабов указывала на происходившие будто-бы крупные перевозки сил противника, преимущественно германских, в сторону Буковины, юго-восточной Галиции и Трансильвании - с целью вторжения в Бессарабию и выхода в тыл русским юго-западным армиям.

Русское командование поверило этим сведениям, и вот какие получились, по словам Бренделя, последствия:

"1. Поспешный, не вызванный обстоятельствами, отход нашего XXX корпуса в январе 1916 года.

2. Переброска нашей IX армии с фронта Лиды в Буковину и Карпаты, послужившая началом чрезмерного ослабления фронта р. Пилица - Карпаты.

3. Переброска в самый разгар нашей карпатской операции

одного из наших корпусов с Ужоского направления на фронт нашей XI армии между тем, как по обстоятельствам дела было бы правильнее усиливать пробивающую путь к Ужгороду VIII армию за счет IX-й. Ослабление сил VIII армии было одной из причин неудачи нашей карпатской операции.

4. Истолкование верных сведений англо-французской агентуры о переброске германских корпусов с французского фронта в Карпаты в смысле сосредоточения их не за фронтом Дуная, а в лесистых Карпатах.

5. Провал нашего наступления на Стрине в декабре 1915 года, т. к. большая часть тяжелой артиллерии и значительная часть войск были назначены для нашей буковинской "демонстрации", имевшей вероятно целью помешать активным против нас действиям или переброске на Бучанское направление скрывавшихся в Буковине германских сил.

Позднее, конечно, выяснилось, что все эти сведения базировались на слухах, намеренно распространенных германской разведывательной службой с целью ввести русских в заблуждение.

Перед Верденской операцией немцы посредством ложных сообщений в своей и нейтральной прессе и перебежчиков отвлекли внимание противника от своих действительных намерений, направив его на Ипр. Союзники, видимо, поверили и ждали удара на Ипре, начавшуюся же немецкую Верденскую операцию считали демонстрацией. Об этом писали и французские газеты.

В дезинформировании противников о своих воинских перевозках немцы также проявляли большую изобретательность и находчивость. Так, например, на другой день после битвы под Лаос (осень 1915 г.) английские воздушные наблюдатели донесли, что ими насчитано до 25 эшелонов, подошедших в ближайший тыл германских позиции. Англичане подсчитали (25 эшелонов, в каждом около 800 человек), что немцы перебросили целую дивизию. В действительности же, все эти эшелоны были совершенно пустыми и передвигались в дезинформационных целях, ибо в тот момент немцы не имели поблизости достаточного количества войск для отражения английского наступления.

Оказалось, что для англичан достаточно было увидеть 25 пустых эшелонов, чтобы их оперативный план был изменен.

Спустя два года немцы под Камбрэ сделали вид, что повторяют такого рода "инсценировку" при помощи большого количества грузовых автомобилей, двигавшихся к участку 3-й английской дивизии и учтенных английскими наблюдателями. Начальник дивизии донес своему начальству о замеченном передвижении немцев и требовал поддержки. Ему ответили, что это - обыкновенная германская хитрость и что грузовики пусты. На сей раз, однако, грузовики пустыми не были, и англичане опять попались на удочку немцев, сделав из своего опыта под Лаос обратный вывод¹. В данном случае, как видим, психологический момент сыграл решающую роль.

На этом мы заканчиваем описание дезинформационной деятельности германской разведывательной службы. Приведенные выше примеры и факты этой ее деятельности показывают, что указанный вид агентурной работы был обдуман и испробован еще в мирное время. Его применение было сконцентрировано в одном определенном центре. В нужный момент нажимались пружинки и по всем линиям наносились удары в одну определенную точку.

Только при такой постановке дела, нам кажется, немцы могли достигнуть тех результатов, которых они достигли, и заявление Николаи о том, что их дезинформационная работа являлась не только одним из средств контрразведки, но и средством, способствовавшим ведению войны, - вполне соответствует действительности.

1. См. Фердинанд Тохай. - "The Secret Corps".

Глава девятая

Заключение

Если сравнивать организацию, систему и приемы работы германской агентурной разведки с русской, то нужно признать, что обе они являются образцом - показателем - первая того, как нужно организовывать и вести агентурную разведку, вторая же -

¹См. Фердинанд Тохай. - "The Secret Corps".

как не нужно этого делать.

В результате нашего исследования мы пришли к заключению, что германская агентурная служба является одной из лучше организованных, лучше работавших и дававших лучшие результаты.

Во первых, необходимо отметить ее *разумную централизацию*. Как мы видели, все ведомственные агентурные службы Германии работали для одной общей цели, в одном общем направлении, по одному общему плану, друг с другом не конкурируя, не мешая, наоборот, - всемерно помогая, и дополняя друг друга.

Централизация руководства и работы агентурной службы в Германии была проведена и в мирное время, и во время войны. Роль и место всех разведорганов, всех их отдельных звеньев были строго распределены не только на бумаге, но и на деле. В результате такого метода организации и работы получалась колоссальная экономия в силах и средствах, и работа агентурной сети давала хорошие результаты. Агентурные организации и отдельные агенты становились неуловимыми для контрразведки соседей и противников, ибо была соблюдена скрытность. Такая система обеспечивала также руководство и наблюдение за работой и поведением агентурных организаций и отдельных агентов. Каждая агентурная организация и каждый отдельный агент получали определенные задачи по своим способностям и возможностям. Здесь мы не встречаем явлений, которые наблюдались в русской разведке, когда агент делал то, что ему хотелось, доставал те сведения или освещал тот вопрос, который он считал почему-либо нужным и более выгодным для себя освещать.

Заслуживает внимания также построение германской агентурной сети. Мы привели множество фактов, указывающих на массовость германской агентурной сети, на наличие множества артерий, по которым стекалась разнообразная всеобъемлющая информация о соседях и противниках. Германская агентурная служба с поразительной четкостью и систематичностью умела управлять и руководить этой колоссальных размеров армией вольных и невольных осведомителей, состоявших из людей всех клас-

сов, профессий и национальностей. Задача эта нелегка и требует весьма гибкого и четко работающего высокоавторитетного руководящего аппарата. Видимо, германская агентурная служба такой аппарат имела.

От построения агентурной сети зависит в значительной степени также ее живучесть. Отказать в наличии и этого качества у германской агентурной сети нельзя. Естественно, что и германская агентурная сеть получила не мало чувствительных ударов со стороны контрразведки своих противников. Однако, она очень быстро и сравнительно безболезненно переносила все эти удары и потрясения. И это явление мы склонны объяснить теми разумными принципами, которые были заложены в основу организации германской агентурной службы.

Приведенные нами факты со всей убедительностью указывают на наличие у германской агентурной службы весьма тщательно разработанного и вполне реального мобилизационного плана агентурной сети на случай войны. Этот мобилизационный план был проведен в жизнь накануне войны. Только этим и можно объяснить, что германские армии с самого начала войны были великолепно осведомлены о своих противниках, в то время как эти последние начали войну и проводили первые операции без необходимых сведений о германской армии.

Нельзя обойти также молчанием существовавшие в Германии взгляды на работника агентурной разведки. Служба в агентурной разведке считалась почетной со всеми вытекающими из этого последствиями. Агенты не считались какими-то низшими, грязными существами, подонками общества, как это было в русской разведке. Соответственно с этим мы видим весьма корректное обращение с агентами, товарищеское и внимательное отношение к ним и к их личным нуждам и просьбам. Не замечалось также крохоборства в денежных расчетах с агентами. Агенту всегда внушалась мысль, что до тех пор, пока он честно исполняет возложенные на него обязанности, какая бы беда с ним ни случилась, он всегда может рассчитывать на всемерную помощь и поддержку со стороны даже самого высокого начальства. И такого рода обещания германская агентурная служба всячески старалась вы-

полнять¹.

С агентами же, не выполнившими возложенных на них обязанностей, изменниками и перебежчиками германская агентурная служба поступала самым беспощадным образом, применяя к ним самые жестокие кары, до выдачи контрразведке противника и убийства включительно. Этим, по всей вероятности, и можно отчасти объяснить сравнительно небольшое количество измен, имевших место в германской агентурной службе. В этом же отчасти нужно искать объяснение и сравнительно плодотворной работе двойников, из которых германская агентурная служба извлекала не мало хороших результатов в то время, как агентура противников Германии имела от них больше вреда, чем пользы.

Наконец, следует отметить германскую систему вербовки и подготовки агентов. Разница здесь между русской и германской системами была та, что русская ожидала пока ей кто-нибудь предложит свои услуги по разведке, германская же - сама искала подходящих объектов для этой цели. Русская разведка считала специальную подготовку агентов для работы в мирное время совершенно не нужной, германская же - наоборот, придавала ей большое значение. При чем характер этой подготовки зависел от двух обстоятельств - от поставленной агенту задачи и от той роли, которую агент намеревался играть при ее выполнении. Подготовка агентов проводилась изолированно и скорее всего носила характер тщательного индивидуального инструктажа.

Даже во время войны, в фронтовых условиях, мы почти не видим у германской агентурной службы группового обучения агентов, за исключением случаев, когда выполнение одной и той же задачи требовало совместной работы целой группы агентов. В

¹В 1929 г. в Берлине начался процесс поддельщиков наших червонцев. Главный из фальшивомонетчиков русский белогвардеец Карумидзе, оказывается, когда-то во время империалистической войны состоял агентом германской агентурной службы. Несмотря на то, что этот по существу мелкий агент, сторицею оплаченный за свои прежние услуги, влез не в очень то приятную для теперешних германских властей историю, республиканское министерство иностранных дел сочло возможным выдать ему документ, подтверждающий его службу в разведывательной службе монархической Германии. Защитник Карумидзе козырял этим документом на открытом заседании суда (см. "Изв. ЦИК", № 23, от 23 января 1930 г.).

тех же отдельных случаях, когда агентурные службы некоторых германских армий пытались делать отступления от этого разумного правила, они жестоко за это расплачивались провалами целых групп агентов.

Постановка германской агентурной службой задач агентам заслуживает особого внимания. Каждой агентурной организации, каждому отдельному агенту ставилась точная и определенная задача, точно рассчитанная во времени и пространстве. Увиливания от выполнения данной задачи ни в коем случае не допускалось.

На первый взгляд кажется, что соблюсти это, весьма необходимое условие, крайне легко. На самом же деле весьма немногие начальники тех или иных звеньев разведывательных организаций с большим трудом смогли настоять на проведении этого условия в жизнь. Здесь надо иметь в виду, что агент, нередко даже против своего желания, попав в тяжелую обстановку, видит и слышит все, что угодно, но только не то, что приказано. Подавляющее же большинство агентов стремится идти по линии наименьшего сопротивления, и если идти на поводу у агентов, то легко можно прийти примерно до результатов работы русской агентурной службы, когда агентура не давала того, что ей приказано было давать, а давала то, что хотела или что ей легче доставалось.

Весьма важным вопросом в агентурной службе является, кроме постановки задач той или иной агентурной организации или отдельному агенту, обработка и систематизация добытых материалов и доведение их до учреждений и лиц, коим эти данные нужны. Мы уже указывали, что обработкой разведывательных данных в германском Ген. штабе ведал особый орган - отдел иностранных армий, подчиненный генерал-квартирмейстеру на равных правах с III-Б отделом - органом, добывающим сведения. Отдел иностранных армий разрабатывал задания для III-Б отдела. В мирное время последний получал задания на год, в начале года. III-Б отдел полученные задания подвергал распределению по странам и по исполнителям - агентурным организациям. Мы считаем, что такая система - одна из лучших. Ее преимущества, по нашему мнению, заключаются в следующем. Во-первых, лучше всего разработать задание агентуре может обрабатывающий ор-

ган, ибо он и только он может знать и знает, какие вопросы по той или иной стране освещены достаточно и какие требуют дополнительного освещения.

Во-вторых, независимое, неподчиненное положение этих двух органов уменьшает возможности пристрастного отношения к добытым материалам и дает возможность взаимного контроля результатов работы. Ни для кого не секрет, что обрабатывающий орган лучше всего может судить о качестве результатов работы как добывающего органа, так, следовательно, и всей агентурной сети.

Наконец, остается вопрос о распространении добытых агентурой сведений о соседях или противниках. И это дело, оказывается, в германской армии было поставлено образцово. Мы знаем, что русский Ген. штаб с этим делом никак не мог справиться и иногда даже самые ценные сведения или доходили до войск с запозданием или совсем не доходили. В германской же армии такого рода явления почти не имели места, ибо этого не допускала существовавшая в ней система использования материалов агентуры.

Диверсионная деятельность германской агентурной службы заслуживает особого внимания. Мы знаем лишь часть результатов этой деятельности, но не знаем ее организации. Приведенные нами отдельные факты диверсионной деятельности могут создать ложное впечатление, что эта работа не имела системы, организации и плана. Это, однако, не так, ибо без наличия этих элементов германская агентурная служба не могла бы добиться таких результатов. Ярким примером тому служат неудачные диверсионные попытки русской агентурной службы.

Особо в общей цепи диверсионной деятельности германской агентурной службы стоит вопрос о так называемой "бактериологической войне". Правда, германские деятели отрицают применение этого вида диверсии, однако, поскольку приведенные нами факты до сих пор более или менее убедительно ими не опровергнуты, мы не имеем оснований вычеркивать "бактериологическую войну" из актива германской агентурной службы.

Нельзя обойти молчанием также дезинформационную

деятельность германской агентурной службы. Этот вид агентурной деятельности немцами был хорошо продуман, проработан и испытан еще в мирное время. Дезинформационной работе были поставлены определенные задачи и на нее возлагались большие надежды. Соответственно с этим была создана организация и разработан план действий. Мы видим, что и в этой области германская агентурная служба с поставленными задачами справилась.

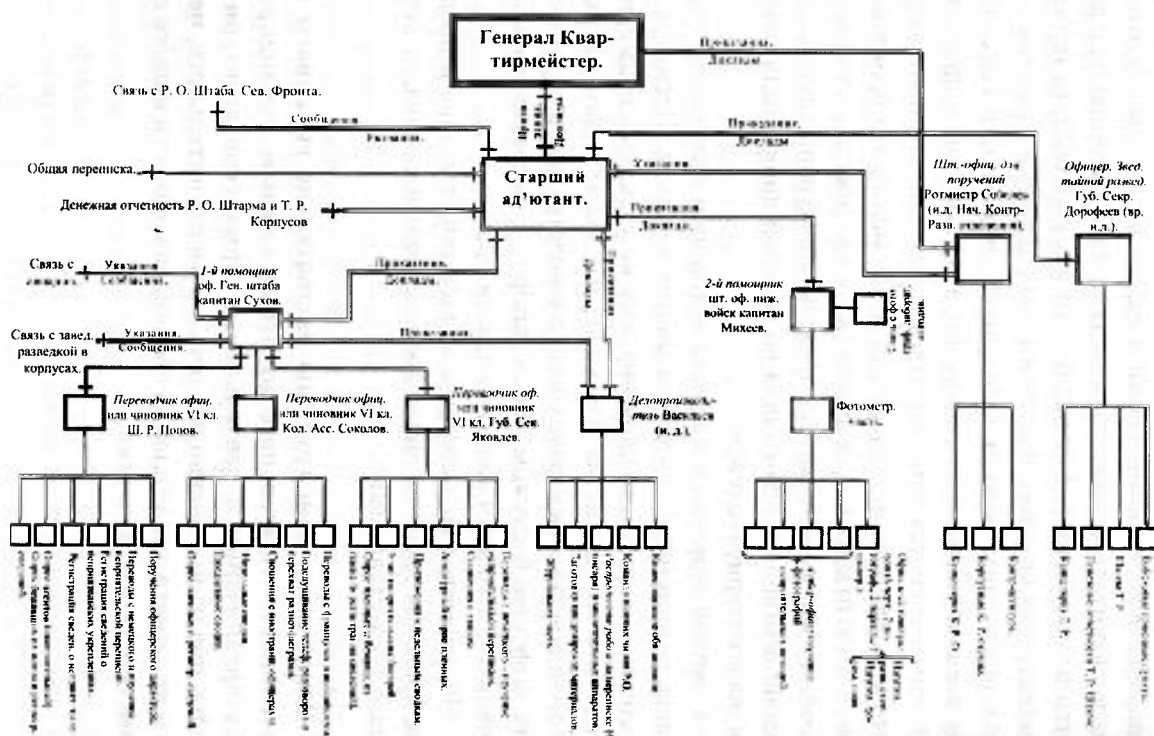
Единственная область агентурной деятельности Германии, где не все шло гладко и благополучно, это - агитация и пропаганда. В этом сознаются сами германские деятели, это признают и разные иностранные исследователи. Быть может, это произошло потому, что агитация и пропаганда (хотя это тоже средство ведения войны) все же выходит за пределы агентурной службы, а в Германии агитация и пропаганда по военной линии были возложены, на агентурную службу.

С другой стороны, в вопросах агитации и пропаганды сталкивались разноречивые интересы многих ведомств. Несмотря на все усилия военного командования, ему не удавалось примирить и объединить эти ведомства. Здесь впервые мы не видим в Германии того единства и централизации руководства, как в других областях агентурной службы. Здесь разброд и несогласованность ударов по противникам видны на каждом шагу.

Но, несмотря на указанные недостатки, агитация и пропаганда, проводившиеся по линии военного командования, не оставались безрезультатными.

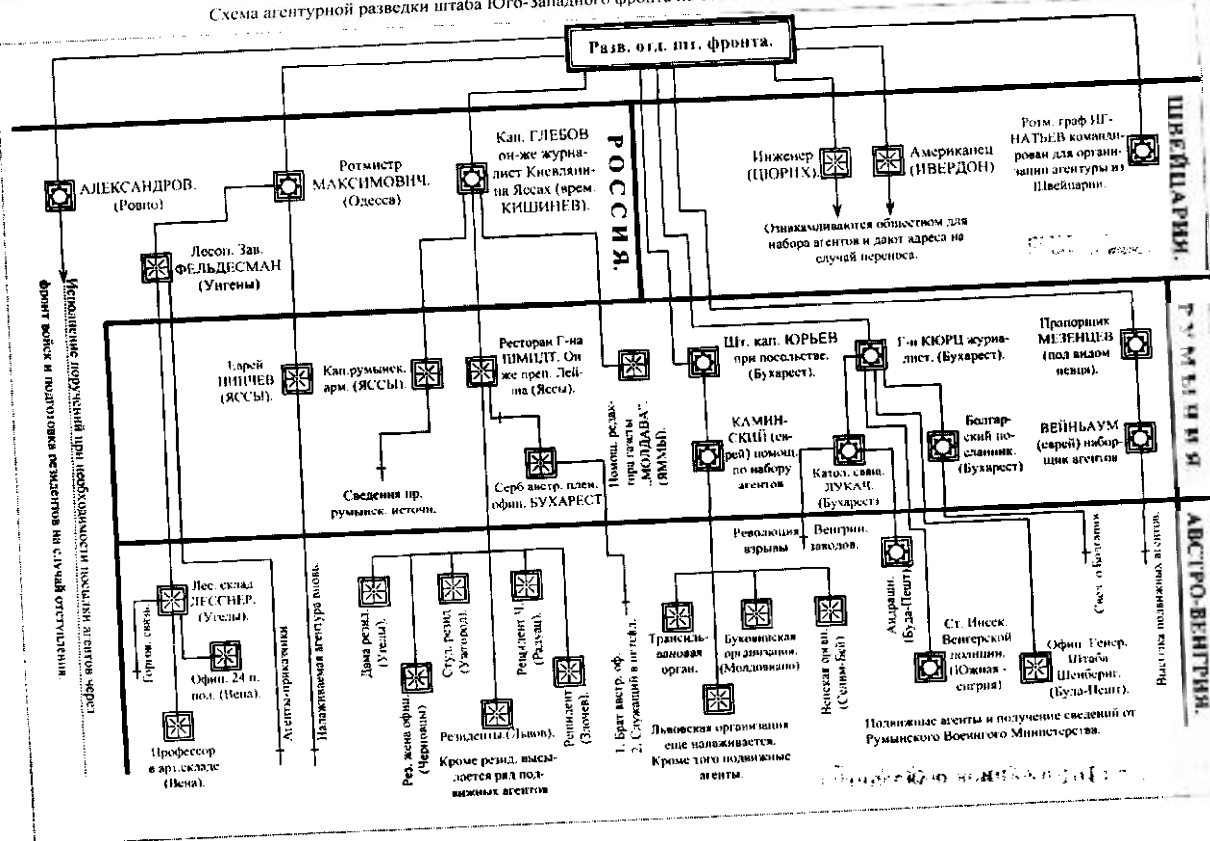
Заканчивая наш труд, мы настоятельно указываем на желательность тщательного изучения каждым командиром РККА организации и деятельности германской агентурной службы, ибо из них можно извлечь много поучительного, ценного и полезного для усиления обороноспособности нашего социалистического отечества.

Схема работы Разведывательного Отдела Штаба 5 армии

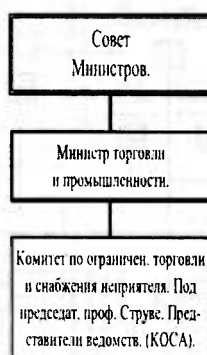
Агентурная разведка
Приложение 1

Схема агентурной разведки штаба Юго-Западного фронта по состоянию к 25-го ноября 1915 г.

Агентурная разведка
Приложение 2

Схема взаимоотношений различных органов России, ведших «экономическую войну» в 1914 – 1917 гг.

ЛЕКСИКА РАЗВЕДКИ *

АГЕНТ

Лицо, не являющееся штатным сотрудником разведывательной службы, но действующее по заданиям этой службы. Агенту поручают добывание (или помощь в добывании) разведывательной или контрразведывательной информации. Его также могут задействовать в различных разведывательных операциях.

В русской лексике понятие *агент* применительно к иностранцу, привлекаемому к сотрудничеству с разведкой, появляется в начале XIX века. В секретном дополнении к "Учреждению для управления Большой действующей армией" ("Образование высшей воинской полиции", 27/I-1812 г.) давалась классификация агентов и указывалось, что агенты всех категорий "высшей воинской полиции" должны были допускаться к работе после принятия присяги по прилагаемой форме.

АГЕНТ ВЛИЯНИЯ

Лицо, используемое для оказания тайного влияния на государственных чиновников, средства массовой информации или активную часть населения в интересах и для достижения целей, преследуемых иностранной державой.

АГЕНТ-ГРУППОВОД

Агент, который отвечает перед разведывательной службой за деятельность остальных агентов, то есть выполняет роль куратора.

АГЕНТ-ДЕЗИНФОРМАТОР

Агент разведки, перед которым стоят задачи не по сбору информации, а по введению в заблуждение разведывательной или контрразведывательной службы иностранной державы.

АГЕНТ, ЗАВЕРБОВАННЫЙ ПОД "ЧУЖИМ ФЛАГОМ"

Лицо, которое передает секретную информацию не зная о том, что ее конечный получатель является сотрудником разведки, или не догадываясь о национальной принадлежности этой разведки.

АГЕНТ-КОНТРОЛЕР

Специальный агент, наблюдавший за работой агентов на местах, а также за их поведением, знакомствами, активностью и т. д.

В немецкой разведывательной службе агенты-контролеры подбирались с особой тщательностью из лиц заслуживающих полного доверия и стоящих выше возможности быть втянутыми агентами в совместные сделки и шантаж.

Контроль, по германской системе, начинается с момента детального обследования и изучения лица, намеченного к вербовке (или предложившего свои услуги спецслужбе), и продолжается на протяжении всего времени нахождения агента в агентурной сети.

Агенты-контролеры под разными благовидными предложениями объезжали порученных их наблюдению агентов, проверяя их присутствие на местах и работу.

В качестве агентов-контролеров служили и женщины.

АГЕНТ-НЕЛЕГАЛ

Агент, который действует, как правило, под началом не-легального резидента и сам работает под чужими документами.

АГЕНТ-ОСВЕДОМИТЕЛЬ

Термин применявшийся к определенной категории агентов во время Первой мировой войны, но не закрепившийся в разведывательной терминологии.

АГЕНТ-ПРОВОКАТОР

Агент, подталкивающий отдельных лиц или целые группы (которые уже находятся на подозрении у контрразведки или полиции противника) на совершение противозаконных актов с целью их дискредитации.

АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА

I) Вид разведки, при котором сбор информации осуществляется людьми (агентурой) и, как правило, на территории иностранного государства.

II) Разведка, проводимая тайными агентами в мирное и в военное время с целью получения секретных данных о вооружённых силах, военном потенциале и других сведений, составляющих государственную и военную тайну страны, против которой ведётся разведка.

АГЕНТУРНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Сведения, добытые тайно (негласно) агентурным путем.

АГЕНТУРНАЯ СЕТЬ

I) Группа агентов, связанных между собой и подчиняющихся агенту-групповоду, который в свою очередь, подотчетен сотруднику разведки (резиденту) той державы, на которую работает сеть.

II) Группа агентов или нелегалов, которых объединяет одно задание, одна цель и которые находятся на связи у одного человека, куратора или резидента. В каждой агентурной сети может существовать несколько ячеек, обособленных одна от другой. Такое дробление необходимо для того, чтобы провал одного агента или одной ячейки не привел к провалу всей агентуры.

В "Основных положениях для организации и ведения разведки штабами пограничных округов" от 7 ноября 1912 года отмечалось:

"Главным орудием разведки как в мирное, так и в военное время должна служить правильно и систематично организованная агентурная сеть. Последняя по характеру своей деятельности может быть подразделена на агентуру двух типов:

- 1) внутреннюю, имеющую главным назначением сбор документальных данных в центральных и местных военных управлениях...
- 2) внешнюю, имеющую прямую задачу сбор необходимых сведений путем непосредственного наблюдения".

АТТАШЕ

Военные или морские атташе - офицеры армии или флота, направляющиеся на работу в столицы иностранных держав для обеспечения связи с местными вооруженными силами, сбора информации из открытых источников и, если предоставляется возможность, добывания засекреченных сведений.

Первой страной, включившей в состав своих дипломатических делегаций офицеров с целью сбора иностранной военной информации, судя по всему, была Франция. Первые ее атташе разъезжали по европейским столицам еще в XVIII веке. В начале 19-го столетия Наполеон Бонапарт поддержал и продолжил эту практику.

В 1889 году Конгресс Соединенных Штатов одобрил назначение первых американских военных атташе, прибывших в пять главных европейских столиц: Берлин, Вену, Париж, Лондон и Санкт-Петербург.

Первые морские атташе отправились из Франции в Лондон в 1860 году. Несколько европейских морских атташе прибыли в Соединенные Штаты после окончания гражданской войны в Америке, когда наметился определенный прорыв в области военного судостроения, оснащенности кораблей новым вооружением и разработкой новых типов корабельных силовых установок.

Первым американским военно-морским офицером, официально назначенным на должность атташе, был капитан 3-го ранга Фрэнсис М. Рэмси, направленный в 1872 году в Европу для изучения характеристик иностранной морской артиллерии. А спустя десять лет капитан 1-го ранга Роберт У. Шульфельдт по просьбе госдепартамента был аккредитован при американской миссии в Пекине.

Первым морским атташе США, назначенным Управлением морской разведки, был капитан-лейтенант Френк Чэдвик, который в 1882 году был послан на работу в Лондон.

По сложившейся традиции, к атташе относятся как к представителям дипломатических служб своих стран, хотя в действительности они не являются дипломатами.

В России таких офицеров было принято называть военными агентами.

БОЕВАЯ РАЗВЕДКА (Тактическая разведка)

Разведка, которая ведется с целью сбора сведений о непосредственном противнике, погодных условиях и характере местности, где предстоят боевые действия. Эти сведения необходимы командиру при планировании и проведении тактической военной операции.

БОЕВОЕ РАСПИСАНИЕ (БР)

Разведывательные данные о наименовании, силе, командном составе и дислокации войск противника.

"БУМЕРАНГ"

Дезинформация, подготовленная разведслужбой одной страны с целью введения в заблуждение населения другой страны, которая возвращается в исходное государство, действуя уже против населения и даже государственных структур этого государства.

ВОЕННЫЙ АГЕНТ

В 60-х годах XIX века происходит международно-правовое оформление постоянных военно-дипломатических представителей при посольствах и миссиях. Однако к этому времени отсутствует единообразная терминология в наименовании таких представителей. В европейских странах их называли *атташе* (от французского *attache* - буквально "прикрепленный").

В России название *военный агент* впервые встречается во второй половине XIX века. В 1865 году "для собирания сведений об иностранных армиях" привлекаются военные агенты, имеющие в следующих столицах: Париже, Вене, Берлине, Флоренции, Лондоне, Константинополе. В своей деятельности они должны были руководствоваться "высочайше утвержденным Проектом общих статей Инструкции агентам, посылаемым за границу" (10/VI-1856 г.)

Термин **военный атташе** приходит в лексику русской разведки на смену понятию **военный агент** только в 1920 году.

ВОЕННО-МОРСКОЙ АГЕНТ

В 1856 году по предложению Великого князя Константина Николаевича на пост представителя морского министерства при посольствах в Париже и Лондоне назначен вице-адмирал Е. В. Путятин. В последующем такие представители станут называться **военно-морскими агентами**.

Термин **военно-морской атташе** приходит в лексику русской разведки на смену понятию **военно-морской агент** только в 1930 году.

"ВОРОН"

Агент разведки (мужчина), прибегающий к соблазнению женщин (или мужчин) с целью их последующей вербовки и вовлечения в шпионскую деятельность.

ВРЕМЕННЫЙ ПОМОЩНИК

Лицо, привлекаемое лишь один раз или время от времени к участию в разведывательной (контрразведывательной) операции. Обычно это "маленький человек", который порой не подозревает о том, что его используют.

ДВОЙНОЙ АГЕНТ

Агент, используемый в оперативных целях одновременно двумя или больше разведслужбами и снабжающий одну из них информацией об остальных или каждую информацией о каждой. Агент может оказаться в таком положении как намеренно, так и невольно.

О своей работе в качестве агента-двойника французской контрразведки во время Первой мировой войны прекрасно рассказывала Марта Рише (агентурный псевдоним "Жаворонок"; в Абвере - "С-32"):

"...Быть разведчиком - это значит прежде всего служить. Секретная служба выполняется в полной тайне, ее солдаты погибают молча, как будто проваливаясь в люк. Это значит -

служить начальникам, задача которых состоит в том, чтобы вам не доверять. Ужасное ремесло. Недоверие обволакивает вас со всех сторон. Ваша же задача состоит в том, чтобы заставить противника поверить тому, что вы предаете свою родину. Но противник колеблется: не является ли эта предательница разведчиком-двойником?... Те, кто вас послал, тоже сомневаются... Таким образом, агент, который служит своей родине в качестве агента-двойника, испытывает одну из самых жестоких пыток, какую только можно вообразить: он находится между двух огней, которые иногда могут превратиться и в огонь ружейного залпа.

Я испытала это мучение. Я, быть может, и отказалась бы от поручений, которые возложил на меня 5-й отдел, если бы имела понятие о том, какой ценой оплачиваются не только поражения, но и успехи".

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ

I) Фабрикация и распространение ложных, вводящих в заблуждение сведений с целью причинения того или иного ущерба противнику.

II) Меры, принимаемые с тем, чтобы ввести противника в заблуждение. Цель достигается при помощи манипулирования имеющимися данными, их искажения или подделки, что приводит к формированию у врага превратного представления о том или ином событии или операции.

ДЕЛО

Разведывательная операция во всей своей целостности или подборка относящихся к ней материалов и документов.

ЗАКРЫТЫЕ СВЕДЕНИЯ

Информация, распространение и ознакомление с которой происходит в соответствии со специальными правилами.

ЗАПАСНАЯ ЯВКА

Заранее обговоренное время и место тайной встречи, которое используется в том случае, если в обычном месте встреча по каким-либо причинам не состоялась.

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

Район или местность, куда нелегко проникнуть и где трудно организовать сбор разведывательных данных.

ИНФИЛЬТРАЦИЯ (Внедрение)

Процесс проникновения агента разведки на территорию вражеского государства или во вражескую организацию. В первом случае внедрение может быть как открытым (когда агент располагает легальным прикрытием и на законных основаниях приезжает в страну) так и тайным (когда он нелегально пересекает границу по суше, по воздуху или по воде).

ИНФОРМАТОР

Лицо вольно или невольно снабжающее разведывательную службу информацией.

ИНФОРМАЦИЯ ИЗ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ

Сведения, собираемые из открытых, доступных широкой общественности источников информации, как, например, газеты, журналы, радио.

ИНФОРМАЦИЯ, ПОЛУЧАЕМАЯ РАЗВЕДСЛУЖБАМИ

Информация, необходимая для работы и принятия решений высшим политическим руководством страны. Одним из требований к такой информации является возможность на основе ее прогнозировать и предвидеть развитие событий. Поэтому особое внимание уделяется обнаружению признаков только что имевших место событий и предвестников тех, которые должны произойти.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОЦЕНКА

Документ, в котором либо анализируется существующее в

данный момент положение, либо делается прогноз о развитии событий в будущем.

ИСТОЧНИК

Любой источник информации - живой или технический - имеющийся в распоряжении разведывательной операции или службы безопасности (контрразведки) и используемый в оперативных целях.

КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА

Внешне самый обычный жилой дом (или квартира), который однако, содержится на средства разведывательной службы (или организации) и используется в оперативных целях (например, для тайных встреч, явок, допросов агентов и информаторов или укрывания перебежчика).

КОНСПИРАТИВНЫЙ АДРЕС

Адрес, на который приходит почта (вид связи может быть и каким-нибудь другим) и ждет своего получателя. Письмо (посылка) адресуется лицу, проживающему по этому адресу, но получателем его является сотрудник или агент разведки.

В русской военной разведке в первом десятилетии XX века адрес для переписки назывался условный адрес.

КОНСПИРАЦИЯ

Методы, применяемые нелегальной организацией для сохранения в тайне ее деятельности.

КОНТРРАЗВЕДКА

Работа по срыву покушений, шпионажа, диверсионной и подрывной деятельности иностранных разведывательных служб.

КОНТРШПИОНАЖ

Работа контрразведки по недопущению попадания секретных материалов в руки представителей иностранных разведывательных служб.

КОРРЕСПОНДЕНТ

Специально подобранное среди иностранцев лицо, письменно сообщающее адресатам, которые организуют и ведут разведку, сведения, представляющие для последних интерес. Характер сообщаемых сведений мог быть как "открытый", так и "закрытый".

КРИПТОГРАММА

Зашифрованное или закодированное сообщение.

КРИПТОГРАФИЯ

Тайнопись, система изменения письма с целью сделать текст непонятным для непосвященных лиц.

КРИПТОНИМ

Псевдоним агента или кодовое наименование операции (программы), присваивающееся в целях обеспечения безопасности.

КУРАТОР

Сотрудник разведки, привлеченное к сотрудничеству лицо или агент-групповод, который непосредственно руководит работой одного или нескольких агентов.

КУРЬЕР

Лицо для разъездов со специальными поручениями.

В русском языке впервые появляется в 1701 году и имеет первоначальное значение - "голец". В разведывательной терминологии XX века приобрело вышеуказанное значение.

ЛАЗУТЧИК

1) Военнослужащий, который, действуя тайным образом или под ложными предлогами, собирается или старается собрать сведения в районе действий неприятеля с намерением передать таковые своему начальству. Принадлежность к войску отличает лазутчика от шпиона.

В лексике русской разведки понятие лазутчик появилось в начале XVII века. В наказе вяземским воеводам (1621 г.) читаем:

"Да боярину ж и воеводам, князю Алексею Юрьевичу Сицкому да Григорью Валугеву выбрать в Вязьме из стрельцов, и из казаков, и из посадских людей, и из пашенных крестьян лазутчиков добрых людей и разумных и привести их к крестному целованию на том, что им государю служить, в литовские города лучить ходить и вестей всяких проведывать подлинно..."

Впервые официальные документы, которые содержали классификацию лиц, используемых в разведывательных целях и рекомендации по работе с ними (обязательные к исполнению) появились с подписанием Александром I трех секретных дополнений к "Учреждению для управления Большой действующей армией": "Образование высшей воинской полиции", "Инструкция директору высшей воинской полиции", "Инструкция Начальнику Главного штаба по управлению высшей воинской полиции".

В 1914 году "Военная энциклопедия" окончательно определила, кого следует относить к лазутчикам.

II) Разведчики, придававшиеся римским легионам во времена царствования Гая Юлия Цезаря (100-44 гг. до нашей эры). Каждому легиону численностью примерно в 1000 человек полагалось по два разведчика.

Учреждение института лазутчиков в древнем Риме является собой один из первых в истории человечества примеров работы военной разведки. Во времена Цезаря военное искусство было уже развито в достаточной степени, чтобы военачальники понимали всю необходимость разведки противника.

ЛЕГАЛЬНЫЙ РАЗВЕДЧИК

Сотрудник разведки, который едет за рубеж как официальный представитель своей страны, то есть имеет легальное прикрытие сотрудника дипломатической или торговой миссии.

ЛЕГЕНДА (Биография)

Вымышленная биография (и имя), которую сотрудник разведки (нелегал) выдает за свою в целях конспирации. Подкрепля-

ется поддельными или чужими документами.

"ЛОВЛЯ НА ЖИВЦА" ("Медовая ловушка")

Использование сексуально привлекательных мужчин и женщин в операциях вербовки.

МНИМЫЙ АГЕНТ

Вымышленный, несуществующий в природе тайный агент, используемый обычно при фабрикации дезинформации (например, на него могут ссылаться как на источник "разведданных").

НАБЛЮДЕНИЕ

Непрерывное слежение за определенным объектом, участком местности, а также за конкретными людьми (наружное наблюдение) при помощи различных средств и способов сбора информации.

НАВОДЧИК

Лицо, которое указывает сотруднику разведки на человека как на потенциального агента. После этого сотрудник разведки проводит оперативную разработку кандидата и приступает к вербовке. Сам наводчик редко когда выполняет какие-либо другие функции, кроме вышеуказанной.

НАДЕЖНЫЙ ИСТОЧНИК

Стандартный, активно используемый источник разведывательной информации, надежность которого не нуждается в проверке.

"НАЖИВКА"

Женщина-агент, которую задействуют главным образом в операциях "ловли на живца" для получения интересующей информации от вербуемого, создания условий для его шантажа или компрометации.

НЕЛЕГАЛЬНАЯ РЕЗИДЕНТУРА

Группа агентов, подчиняющихся нелегальному резиденту и занимающаяся сбором разведывательной информации.

ОДИНОЧКА

Разведывательная операция, проводимая одним сотрудником или агентом разведки. Это может быть сбор информации, работа с агентурой, курьерская миссия и т. д.

ОПЕРАТИВНАЯ ИГРА

Передача ложной информации врагу (и получение в ответ точных сведений) сотрудником разведки, который выдает себя за вражеского агента, или самим пленным и перевербованным агентом.

ОПЕРАТИВНАЯ ОБСТАНОВКА

Условия, в которых спецслужбам приходится действовать и решать поставленные перед ними задачи. Оперативная обстановка во многом обуславливает и методы их работы, и способы достижения намеченных целей.

ОПЕРАТИВНАЯ ПРОВЕРКА

Тщательная проверка личности на предмет ее честности и благонадежности.

ОПЕРАТИВНЫЕ РАЗВЕДДАННЫЕ

Разведывательные сведения, которые влияют на планирование операций на региональных театрах военных действий (во время войны) или просто в тех или иных уголках мира (в мирное время).

ОТЗЫВ

Название условного слова или фразы в ответ на пароль, применяемых для опознания своих людей (на военной службе или в условиях конспирации).

ОЦЕНКА

Анализ надежности и ценности информации или разведывательных данных, или вывод, сделанный на основе такого анализа.

ОЦЕНКА ПОЛУЧАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Анализ всей имеющейся разведывательной информации применительно к конкретной ситуации или условиям с целью выявления всех оставшихся в распоряжении противника действий и определения его дальнейших шагов.

ПАРОЛЬ

Название условного слова или фразы, применяемых для опознания своих людей (на военной службе или в условиях конспирации).

ПЕРЕБЕЖЧИК

Лицо, отрекающееся от своей страны (и, как правило, покидающее ее), которое может быть использовано другой страной в качестве источника ценной информации.

ПЕРЕВЕРБОВАННЫЙ ДВОЙНОЙ АГЕНТ

Двойной агент, чья двуличность разоблачена спецслужбой, против которой он работает и которого эта спецслужба использует (вольно или невольно для него, с его добровольного согласия или под принуждением) для ведения оперативной игры против его прежних хозяев.

ПЕРЕВЕРБОВКА

Процесс превращения вражеского агента в двойника. Осуществляется обычно под принуждением. Шантаж и компрометация (особенно на почве секса) также помогают в перевербовке. Но иногда сотрудник контрразведки может просто убедить вражеского агента работать на него, и тот работает, руководствуясь патристическими, альтруистическими или, наконец, меркантильными соображениями.

ПОДРЫВНАЯ ПРОПАГАНДА ("Черная пропаганда")

Пропаганда, которая в действительности ведется не из того источника, который официально указывается.

ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ БЕСЕДЫ

Выуживание разведывательных сведений у человека или группы людей в обычном разговоре или беседе. Причем тот, кто это делает, не раскрывает собеседнику (собеседникам) своих намерений и целей.

"ПРИКОРМКА"

Разведывательные сведения, намеренно передаваемые в руки вражеской спецслужбе через агента или переведованного агента. Информация должна быть достаточно качественной, чтобы убедить противника в ее подлинности и, следовательно, пробудить у него желание к продолжению сотрудничества с передавшим ее агентом. Вместе с тем материал не должен содержать сведений, разглашение которых может нанести ущерб стороне, его подготовившей.

ПРИКРЫТИЕ

Защитная маскировка, применяемая по отношению к людям, организации или объекту в целях сокрытия факта их тайной деятельности или назначения, истинных целей, мотивов, источников финансирования и тех, кто за ними стоит.

ПРИСЯГА ДЛЯ АГЕНТОВ (Подписка о сотрудничестве)

Письменное обязательство агента о согласии сотрудничать с разведывательной службой (или контрразведкой) и не разглашать сведения, ставшие ему известными в процессе сотрудничества и выполнения заданий.

В том или ином виде практически все разведслужбы практикуют отбор подписки о сотрудничестве при вербовке агентуры.

В качестве примера можно привести "Присягу для агентов", утвержденную секретным дополнением к "Учрежде-

нию для управления Большой действующей армией" ("Образование высшей воинской полиции", 27/I-1812 г.):

"Присяга для агентов.

Я обещаю и клянусь пред Всемогущим Богом и Святым Его Евангелием, что все поручения и повеления, которые я получу от своего начальства, буду исполнять верно и честно по лучшему разумению моему и совести, что за всеми явными и тайными врагами государства, кои учинятся виновными в речах и поступках или окажутся подозрительными, буду тщательно наблюдать, объявлять об оных и доносить, как и где бы я ни нашел их; равномерно не буду внимать внушениям личной ненависти, не буду никого обвинять или клеветать по вражде или по другому какому-либо противозаконному поводу, и все, что на меня возложится или что я узнаю, буду хранить в тайне и не открою или не обнаружу ничего перед кем, уже бы это был ближайший мой родственник, благодетель или друг.

Все сие выполнить обязуюсь и клянусь столь истинно, как желал я. Да поможет мне Господь Бог, в сей равно и в будущей моей жизни.

Если же окажусь преступником против сей клятвы, да подвергнусь без суда и добровольно строжайшему наказанию, яко клятвопреступник.

Во уверение чего и подписуюсь".

С принятием присяги агент брал на себя обязательства перед Богом и Государством, на службе у которого он состоял.

Накануне Первой мировой войны (в 1913 г.) Регистрационное отделение Огеньквара ГУГШ отбирало от завербованных агентов подписку по следующей форме:

"Я, нижеподписавшийся, поступаю на службу в Регистрационное отделение, даю настоящую подписку в том, что я обязуюсь ни в каких случаях, ни при каких условиях, никому, даже близким родным, не обнаруживать, что я состою на означенной службе, при этом мне объяснено, что всякое оглашение дел и личного состава названного правительственного учреждения явится действием не только противогосударственным, но и преступным".

ПРОВЕРКА ОТ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ

Меры, предпринимаемые с целью установления факта слежки.

ПРОВОКАЦИЯ

Акция, предпринимаемая с тем, чтобы побудить (подтолкнуть) отдельного человека, организацию, разведывательную службу или правительство страны на совершение действий, способных причинить вред им самим. Агент-provokator, как правило, прибегает в этих целях к распространению ложных сведений, дезинформации.

ПРОПАГАНДА

Планомерное использование любого средства общения для воздействия с определенной целью на ум, чувства и поведение данной группы людей.

Поль Лайнбарджер, известный американский теоретик пропаганды, разделял пропаганду на три вида:

Белая пропаганда ведется от имени официального источника, обычно от имени правительства или одного из его органов, включая военное командование различных инстанций. Этот тип пропаганды непосредственно связан с ведением открытых операций психологической войны.

Серая пропаганда не указывает определенного источника.

Черная пропаганда скрывает свой подлинный источник. Этот тип пропаганды связан с завуалированными операциями психологической войны.

П. Лайнбарджер также отмечал, что: "Специальные операции, или черная пропаганда, имели большое значение. Однако оценить их труднее, чем открытую пропаганду. Для этого пока все еще нет ни аналитических, ни исторических данных".

Весьма интересна оценка роли пропаганды данная генералом Людендорфом, который полагал, что "...хорошо поставленная пропаганда должна далеко обгонять развитие политических событий, расчищать дорогу для политики и подготавливать общественное мнение незаметно для него самого. Прежде чем поли-

тические намерения превратятся в действие, надо убедить мир в их необходимости и моральной оправданности, и цель, поставленная пропагандой, должна явиться естественным психологическим выводом".

ПСЕВДОНИМ

Кличка или символическое обозначение, которое присваивается разведчику или агенту в целях обеспечения безопасности его переписки или переговоров с руководящим центром (на случай перехвата сообщений врагом).

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

I) Координация и использование всех средств, включая моральные и физические (исключая военные операции регулярной армии, но используя их психологические результаты), при помощи которых уничтожается воля врага к победе, подрываются его политические и экономические возможности для этого; враг лишается поддержки, помощи и симпатий его союзников и нейтралов или предотвращается получение им такой поддержки, помощи или симпатий; создается, поддерживается или увеличивается воля к победе собственного народа и его союзников; приобретает, поддерживается и увеличивается поддержка, помощь и симпатии нейтралов.

II) Планомерное использование пропаганды и родственных ей информационных мероприятий с целью повлиять на мнения, чувства, отношения и поведения групп иностранцев враждебных и других стран таким образом, чтобы содействовать осуществлению целей национальной политики или военных целей.

РАЗВЕДКА ВОЕННАЯ

(определение по словарю Брокгауза, 1899 г.).

Разведка (военная) - сбор сведений о неприятеле, его силах, средствах, намерениях, готовности к бою. Р. производится не только в военное время, но и в мирное. В мирное время Р. имеет целью возможно точное ознакомление с соседними государствами, с состоянием их вооруженных сил и путей сообщения,

особенно в пограничной полосе, с проектируемой ими системой обороны, с мобилизационными планами и т. д. Средствами для этого служат содержание в постоянной готовности карт и статистических данных и организация официальной и тайной военной агентуры. Каждое государство имеет во многих других государствах и миссиях официальных военных и морских агентов из офицеров сухопутного и морского ведомства. Все поступающие от них сведения сосредоточиваются в особых разведочных бюро Генерального штаба. В России делом Р. в мирное время ведал канцелярия Военно-ученого комитета Главного штаба. В военное время средства Р. гораздо более разнообразны (шпионы, опрос местных жителей, перебежчиков, пленных и, наконец, рекогносцировки или Р., совершаемые самими войсками). [...] Путем обыкновенных рекогносцировок поддерживается непрерывное наблюдение за противником. Исполняется это передовыми войсками, преимущественно кавалерией, высылающей небольшие летучие разъезды разведчиков. Разведчики выбираются из лучших, наиболее сметливых и расторопных наездников, подготовляемых к делу еще в мирное время. В России полагается разведчиков по 12 нижних чинов в каждом эскадроне; для обучения они сводятся в особые команды. Усиленные рекогносцировки производятся отрядами из двух или трех родов оружия непосредственно перед боем с целью немедленно воспользоваться добытыми сведениями. [...] В виду того, что противник старается скрывать свои силы, расположение и намерения, судить о всем этом при рекогносцировках приходится в большинстве случаев на основании косвенных признаков, называемых военными приметами. Военные приметы бесконечно разнообразны (густота и направление пыли, цвет мундиров, номера на пуговицах, степень изнурения отсталых неприятельских солдат, состояние и число трупов палых лошадей, брошенные повозки, длина позиции, исправление неприятелем дорог, разрушение мостов и т. п.

РАЗВЕДКА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЛ

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Осмысленные сведения, основанные на собранных, оцененных и истолкованных фактах, изложенных таким образом, что

ясно видно их значение для решения какой-либо конкретной задачи текущей политики.

РЕЗИДЕНТ

I) Тайный агент, постоянно проживающий в иностранном государстве, причем именно в том районе, который представляет интерес для разведки.

II) Руководитель агентурной сети или группы за рубежом.

РЕКОГНОСЦИРОВКА

Визуальное изучение противника и местности в районе предстоящих боевых действий для получения данных и принятия решений; в мирное время - при подготовке учений.

СВЯЗНИК

Третий человек (посредник), деятельность которого направлена на сокрытие контактов между двумя другими людьми, как правило, между агентом разведки и его куратором, которым не следует встречаться, так как кто-то из них может находиться под наблюдением.

СЕКС (использование секса разведслужбами)

С библейских времен и по настоящее время секс использовался и используется в оперативных целях, во-первых, как способ выуживания секретной информации у ничего не подозревающих людей, и, во-вторых, как инструмент шантажа (как правило, в операциях вербовки).

СИМПАТИЧЕСКИЕ ЧЕРНИЛА

Жидкость, которая не оставляет никакого видимого следа на бумаге, но которую можно обнаружить при помощи нагревания или химической реакции.

Агентами разведки употреблялись различные сорта невидимых чернил, и нижеприведенный список далеко не исчерпывает всех видов этих чернил:

- Раствор свинцового сахара в чистой воде не оставляет следа на бумаге, когда он высыхает, но под влиянием тепла буквы становятся черными.

- Азотнокислая медь при том же способе расшифровки дает красные буквы.

- Буквы, написанные азотнокислым никелем, при нагревании становятся зелеными.

- Бромистая медь употребляется особенно часто, так как следы ее легко обнаруживаются при нагревании и исчезают при охлаждении.

- Следы рисовой воды на бумаге невидимы, но йодовая реакция делает их синими.

- Серная кислота или купорос, разведенные в воде, если писать острым концом стального пера, дают прекрасные невидимые чернила, которые при нагревании становятся неизгладимо черными.

- Соком луковицы или репы также можно писать невидимые письма, которые под действием тепла становятся ярко-коричневыми.

- Молоко и лимонный сок являются хорошими симпатическими чернилами, но ими нельзя писать на глазированной бумаге, которая является одним из средств для проявления этих невидимых чернил.

Во время Первой мировой войны немецкая разведка также применяла в качестве с. ч. раствор колларгола. Письма, написанные колларголом, проявлялись в специальном растворе, который уничтожал обыкновенные чернила и проявлял написанное колларголом.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА

Вид разведки, которая ведется с целью сбора сведений, необходимых при формировании политики и военном планировании на национальном и международном уровне.

ТАЙНИК

Заранее обусловленное секретное место, предназначенное для тайной закладки и изъятия сообщений и денег без очной

встречи сторон (агент и сотрудник разведки приходят к тайнику в разное время).

ТАЙНИКОВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Действие по закладке материала в тайное место (тайник) с тем, чтобы его мог изъять агент или резидент. Связь через тайник является одной из форм безличной связи.

ТРОЙНОЙ АГЕНТ

Агент, используемый тремя разведывательными службами, но который (вольно или невольно) фактически выступает в роли двойного агента, удерживая важную информацию от двух спецслужб по наущению и в пользу третьей.

ЧЕРНЫЙ КАБИНЕТ

Название тайной французской службы, созданной для перлюстрации корреспонденции.

Считается, что этой практике было положено начало еще в 1590 году, когда король Генрих IV учредил в стране почту. Государственные чиновники регулярно вскрывали чужие письма, прочитывали их и вновь запечатывали.

В 1789 году французские революционеры открыто высказывались за запрет "черных кабинетов", но, в свою очередь, породили так называемые комитеты наблюдения, которые занимались по сути тем же самым: вскрывали почту как откровенных роялистов, так и лиц, только подозреваемых в симпатиях к монархии.

Традиция "черных кабинетов" пережила не только наполеоновскую эпоху, но и продолжалась в XX веке.

В 1912 году блестящий американский криптолог Герберт О. Ярдли создал американскую дешифровальную службу, известную как Криптографическое бюро или 8-й отдел военной разведки. Однако через некоторое время госсекретарь США Генри Л. Стимсон распорядился ее закрыть. "Джентльмены не читают чужих писем", - считал он.

"ЧИСТЫЙ"

Термин, который применяется по отношению к агенту, разведывательному материалу или объекту - например, конспиративному адресу или конспиративной квартире, - которые еще ни разу не использовались в оперативных целях и о существовании которых, следовательно, скорее всего не знает вражеская спецслужба.

ШПИОНАЖ

Передача, похищение или собирание с целью передачи иностранному государству или его агентуре сведений, составляющих государственную или военную тайну.

Русский термин происходит от нем. Spion - шпион, родственного глаголу spähen - выслеживать (на франц. espionage, от espion - шпион).

ШПИОН

Лицо, занимающееся шпионажем, тайный агент иностранного государства.

Определение шпион изначально содержало в себе резко отрицательные характеристики лица, занимающегося этим ремеслом, как низкой, продажной личности. Данная оценка объяснялась, по-видимому, тем, что в XVIII - начале XIX века под шпионами понимали еще и тех, кто доносил на своих сограждан.

ЯВКА

Конспиративная встреча по заранее оговоренному адресу, по которому проживают или работают особо доверенные лица. Для каждой явки обязательно устанавливаются пароль и отзыв, действующие определенное время.

ЯЧЕЙКА

Низшее и самое незаменимое звено в структуре любой агентурной сети.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев М. Лексика русской разведки (исторический обзор). - М.: Междунар. отношения, 1996.
- Бояджи Э. История шпионажа. В 2-х тт. Т. 1 / Пер. с итал. Л. Кориной. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
- В. Н. Клембовский. Тайные разведки (Военное шпионство). СПб., 1911.
- Военная энциклопедия. Т. 14. СПб, 1914.
- Всемирная история шпионажа / Авт.-сост. М. И. Умнов. - М.: Олимп; ООО "Фирма "Издательство АСТ", 2000;
- Гилсен В. М. Германская военная разведка против России // Новая и новейшая история. - 1991. - № 2.
- Лайнбарджер П. Психологическая война. - М.: Воен. Изд. Мин. обороны СССР, 1962.
- М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1986.
- Николай В. Тайные силы. (Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время). Изд. Разведупра Штаба РККА, 1925 г.
- Плэтт В. Информационная работа стратегической разведки. - М.: Изд-во ИЛ, 1958.
- Полмар Н, Аллен Т.Б. Энциклопедия шпионажа / Пер. с англ. В. Смирнова. - М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.
- Рингельн Ф. Секретная война 1914-1918. Записки немецкого шпиона. - М.: Воениздат, 1943.
- Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Вып II-III. М., 1992.
- Словарь иностранных слов. М., 1979.
- Советский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб: Т.1: 1870-1939 / Пер. с фр. А. Чекмарева; Предисл. П. Пайоля. - М.: ТЕРРА, 1997. - (Секретные миссии).
- Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Эфрона. СПб., 1899.

* Приложение подготовил В. Федько.

Приложение 5

В своем исследовании К. К. Звонарев дал весьма нелестную характеристику деятельности братьев Игнатьевых в сфере разведывательной деятельности. Насколько эта оценка обоснована, судить, - опираясь только на его мнение, - трудно.

Алексей Игнатьев в широко известных в СССР мемуарах "50 лет в строю" почти не касался своей деятельности на фронтах тайной войны, а младший брат Павел Игнатьев не оставил мемуаров в привычном значении этого слова. Его супруга, графиня Игнатьева, по праву пекущаяся о доброй памяти¹ своего мужа, благоговейно собрала его разрозненные заметки, дневниковые записи и, с помощью Эжена Юнга, бывшего вице-резидента Франции в Тонкине и близкого друга Павла Игнатьева, издала их на французском языке в 1933 г.

Предлагаемые читателям четыре документа² из секретных архивов разведслужб Франции и Италии, касающиеся деятельности А. А. и П. А. Игнатьевых, дают представление об обстановке, в которой им приходилось работать.

Донесение 2-го бюро французского Генерального штаба

с компрометирующими материалами
на братьев А. А. и П. А. Игнатьевых³

Секретно
Военное министерство
Штаб армии
2-е бюро -1

Секция разведывательных данных

Французская республика
Париж, 25 сентября 1917 г.

Донесение

В продолжение донесения 23 сентября и с теми же оговор-

¹П. А. Игнатьев умер в декабре 1930 г.

²Документы цитируются по: Граф П. Игнатьев. Моя миссия в Париже. - М.: "Гейтэрум", 1999.

³ЦХИДК Ф. 7. Оп. 1. Л. 455-455 об., 456, 457-457 об. Копия.

ками начальник службы разведки имеет честь сообщить новые сведения о деятельности обоих полковников Игнатьевых. Сведения были получены из новых, совершенно разных источников и, кажется, подтверждают первоначальную информацию или, по крайней мере, перекрывают ее.

1. Уже примерно год подполковник Игнатьев, после того как ввез на нашу территорию через пограничный пункт Дивонн некую личность германской национальности, обратился в Службу контрразведки с просьбой арестовать сию личность и отдать под суд за незаконное проникновение на французскую территорию. После замечаний, сделанных начальником Службы контрразведки, начальник Российской разведслужбы попросил установить плотное наружное наблюдение за своим агентом, которого он вызвал в Париж. У Службы общей безопасности была запрошена слежка за объектом. Едва только слежка была установлена, как оказалось, что русский агент был арестован в момент, когда он пытался проникнуть в Елисейский дворец, чтобы попросить Президента защитить его от угрожающей ему опасности. Он тот же час был помещен в психиатрическую лечебницу.

Однако по сведениям, полученным от другого агента из русской службы, этот тип не был сумасшедшим, но оставил в Швейцарии документы весьма компрометирующего для Российской разведслужбы характера. Впоследствии эти бумаги были похищены у его жены агентом Каблуковским¹, о котором идет речь в нашей ноте от 23 сентября.

Каблуковский вручил эти бумаги резиденту русской разведки в Швейцарии г-ну Хартингу, о котором были получены

¹Кобылковский Григорий (Густав) Григорьевич. При рождении крещен в протестантскую веру; в 1916 г. vykрестился в православную веру. Посланный в Голландию штабом Западного фронта не оправдал возлагаемых на него надежд и был отозван в Париж, где граф Игнатьев 2-й предложил ему возвратиться в Россию. Кобылковский отказался и стал шантажировать Игнатьева, заявляя, что он в "курсе того факта, что полковник граф Игнатьев 2-й является посредником во время своих служебных поездок в Швейцарию еще при старом режиме между Двором Вильгельма II и в целом Германским двором и Императрицей Александрой Федоровной в вопросах заключения сепаратного мира...". В августе 1917 г., по информации 2-го бюро, Кобылковский выехал в Швейцарию, где проживал под фальшивым именем. С сентября 1917 года на службе в русской разведке не состоит.

весьма негативные сведения от наших многочисленных агентов, причем таким образом, что посредник ничего об этом не знал, что позволяет ему до сих пор требовать от российской разведки 5000 франков ежемесячного жалования.

2. Николай Раффалович, директор Русско-Азиатского банка, действительно является банкиром группы Игнатьева. Его восьмилетняя дочь провела в германском пансионате два года после начала войны. Она недавно въехала во Францию, проведя некоторое время в Швейцарии, хотя ее отец утверждает, что она находилась там с самого начала войны.

Раффалович заменил на посту директора Русско-Азиатского банка своего друга Ради́на, о котором неизвестно, почему он не въехал во Францию в начале войны, и который является любовником г-жи Берлинер.

3. По поводу сообщений о некоторых участниках Межсоюзнической конференции, недавно состоявшейся в Париже, один из источников разведки сообщает, что нынешний российский поверенный в делах Севастополю получил полный отчет конференции и что он является неразлучным другом Раффаловича. Генерал Кочубей дал честное слово, что сообщил из этого отчета только фрагмент, направленный в Петроград телеграфом одним из секретарей полковника Игнатьева.

4. Некому типу по имени Ричард якобы поручено сделать выплаты Российской разведки в Швейцарии. Эти выплаты, вместо того, чтобы сообщить о них шифротелеграммой непосредственно из Франции, будут переданы в цифрах заместителю военно-морского атташе в Риме барону Врангелю или Врангену, который, в свою очередь, передаст их по телеграфу в Швейцарию. По сведениям, полученным от одной из союзнических разведслужб, Игнатьев накануне своей недавней поездки в Швейцарию последовал в Рим, где встречался с этим заместителем военно-морского атташе.

5. Генерал Панчулидзе, уезжающий завтра в Петроград, везет с собой документы, подтверждающие, что братья Игнатьевы заключили на рынке договоры под большие комиссионные в свою пользу. Он не смог доказать факт измены, о которой ему якобы

сообщили некоторые русские деятели.

6. Полковник Игнатъев якобы будет обрадован новостью о назначении Маклакова на пост Российского посла в Париже. Маклаков якобы действительно был любовником Трухановой.

7. В прошлую субботу в 11.50 вечера Комитет российских офицеров и солдат в Париже якобы решил создать Совет во Франции. На этом собрании, на котором присутствовали некоторые русские офицеры, прибывшие из Куртини, позиция солдат была скорее положительной, однако поведение присутствовавших офицеров их настолько возбудило, что под громкие крики было решено создать совет солдат и рабочих во Франции. Он будет учрежден менее чем через две недели. Генерал Занкевич якобы будет отдан под суд.

Следует отметить, что это собрание имеет у своих истоков комитет, созданный при сочувствии полковника Игнатъева из 25 русских солдат, служащих в его канцелярии. Эти показания лишь сходятся с новостью, недавно поступившей в разведслужбу, о том, что в октябре во Франции будет иметь место значительный подъем рабочего движения, спровоцированный русскими агитаторами.

8. Наконец, один из информаторов разведслужбы, который два месяца назад предоставил замечательный доклад о положении в России, сообщил под самым большим секретом своему начальнику, что менее чем через две недели в России состоится величайший заговор, более значительный, чем заговор генерала Корнилова, к которому в настоящее время якобы примкнули все казаки. Во главе заговора якобы будет стоять князь, не принадлежащий к Дому Романовых. Информатор разведслужбы дал понять, что если заговор не удастся в течение месяца, то Чернов, который является настоящим руководителем Советов, свергнет Керенского и подпишет с Германией сепаратный мир, вероятно, после того, как немцы, благодаря дезертирству на Балтийском флоте или благодаря его уничтожению, овладеют Кронштадтом.

К сему прилагается записка о г-же Левиц фон Менар, любовнице Игнатъева, которую он взял во вторую поездку под видом своей жены.

Левиц фон Менар (Мария Андреевна) проживает в собственной квартире полковника графа Павла Игнатьева 2-го. Г-жа Левиц фон Менар, урожденная Истомина¹, чем объясняется заимствование этого имени полковником Павлом Игнатьевым во время его прибытия во Францию и первых поездок в Швейцарию. Муж указанной дамы, полковник Левиц фон Менар, русский жандармский офицер, служил в начале войны в жандармском отделении в Вирбалене (Вержболово) одновременно с полковниками: Веденяпинным, который покончил жизнь самоубийством в Петрограде сразу после объявления войны, и Мясоедовым, арестованным и казненным за шпионаж (дело Мясоедова-Сухомлинова).

Следы полковника Левиц фон Менара теряются после вступления немцев в Варшаву, где в это время он работал в жандармском управлении. Дружба, связывающая мадам Левиц фон Менар с весьма известной посредницей Эстер (дело Гурко-Лидваль), возникла с первых дней появления мадам Левиц фон Менар в Петрограде.

Полковник Павел Игнатьев якобы ездил в Монте-Карло в сопровождении этих двух дам в марте 1916 г. В настоящее время он находится в Швейцарии, сопровождаемый в этой поездке мадам Левиц фон Менар.

**Письмо полковника М. Бранкаччо,
начальника секретной службы Италии,
руководителю 2-го бюро Генерального штаба французских
армий о деятельности сотрудников П. Л. Игнатьева
в его стране²**

Информационная служба
Верховного командования
Парижский центр
Париж, 23/10/917

№ 1556/B
Весьма секретно

¹Возможно это неточность, поскольку в предисловии к мемуарам П. Игнатьева, вышедшим в Париже в 1933 г., указывается: урожденная Венгловская.

²ЦХИДК Ф. 7. Оп. 1. Д. 1041. Л. 419-421. Подлинник.

Г-ну: Начальнику 2-го бюро подполковнику Губэ

В течение июня месяца с. г. мое внимание привлекали русские военнослужащие, которые в весьма большом количестве выезжали в Италию. Среди них было много высших офицеров и даже генералов, которые заявляли, что едут в различные итальянские города с заданиями, характер которых не уточнялся. Вследствие этого я был вынужден создать службу, чтобы выяснить все, связанное с этими офицерами, и в результате проведенного расследования были собраны сведения о русской деятельности во Франции и Италии, на которые я в общих интересах обращаю Ваше внимание.

Очевидно, что во Франции и Италии действует широкая русская царистская организация, имеющая ответвления в нейтральных странах, целью которой является:

- восстановить в России монархический режим с помощью Германии;
- с этой целью поощрять действия Германии, способствуя победе наших противников.

Для поощрения германской деятельности в ход пускаются два главных средства: отправка ей разведывательных сведений обо всем, что делают союзники, и подготовка внутренних беспорядков в союзных странах.

Русская организация якобы базируется на нескольких самых важных лицах, которые ее возглавляют: на полковнике Павле Игнатеве, Великой Герцогине Анастасии Мекленбургской, лейтенанте Перникове. Каждое из этих лиц имеет специальное задание. Однако нельзя исключить, что в ходе расследования возникнут новые лица.

Павел Игнатьев и без того достаточно известен, чтобы его описывать. Поэтому ограничусь тем, что приведу в отношении него простую деталь, которая, однако, может оказаться полезной. В расследовании, которое я приказал провести, я заметил, что все русские, которые сосредоточиваются вокруг организации и о которых я Вам говорю, живут на первом этаже в квартирах, имеющих независимый от консьержа вход. Полковник Игнатьев,

который некоторое время проживал по адресу: ул. Фэзандри, 27, в настоящее время живет также в квартире на первом этаже в доме 66 на авеню Иены (1-я дверь налево под сводом), которая была ему уступлена женой его двоюродного брата баронессой Врангель, урожденной герцогиней Сассо-Руффо, итальянкой по национальности из рода Бурбонов, находящейся в настоящее время в Италии.

Великая Герцогиня Анастасия также является весьма заметной фигурой. Ее жизнь якобы делится между распутством и интригами. Она проживает в Париже и на Ривьере. В Париже она имеет квартиру в первом этаже дома № 51 на авеню Бюжо (первая дверь налево при входе), которую она снимает уже 11 лет и где имеет телефон № Пасси 2235, по которому часто звонит полковнику Игнатьеву. Эти апартаменты на авеню Бюжо обычно охраняются горничной-француженкой, которая носит титул "гувернантки".

На Ривьере Великая Герцогиня владеет небольшой виллой в Эзе (вилла Фантазия), которую она построила семь лет назад, и большой виллой в Каннах (вилла Вандан), а в последние время - также меблированной квартирой в Монте-Карло. Сопровождающая ее прислуга, как правило, из итальянцев. Кроме того, Великая Герцогиня имеет квартиру в Женеве по ул. Республики, в которой проживают ее слуги из немцев.

Обычно Великая Герцогиня имеет дома любовника, которому дает титул секретаря. Эту должность в настоящее время занимает некий г-н Жан, бывший крупье из Монте-Карло, сын торговли овощами.

Во время пребывания в Париже ее посещают многочисленные лица, причем большей частью по ночам, которые приезжают с большими предосторожностями, чтобы не дать себя опознать. Прочитав, что мне удалось разузнать.

Молодой человек 16-17 лет - Алексей Моро, которого Великая Герцогиня называет своим крестником, на самом деле якобы является сыном герцогини и некого Пальтова, который приживает на авеню Бюжо, 22 (куда продолжает поступать корреспонденция). До последнего времени Моро проживал на небольшой

изолированной вилле в Сен-Клу с акушеркой, мадам Моро, которая также называется "гувернанткой", доверенной женщиной герцогини. Месяц тому назад юный Моро был помещен в Большой колледж Нормандии в Клере (департамент Нижняя Сена), а мадам Моро - в свою деревню Апуаньи (деп. Сонна). Пальтов, который в начале войны сбежал в Россию, в настоящее время находится в Лозанне и поддерживает постоянную переписку с Великой Герцогиней.

Некий доктор Метцгер, владеющий большой виллой (бульвар Соссе, 45, Нейи) имеет квартиру на первом этаже по адресу: авеню д'Антен, 18. Метцгер - немец, натурализовавшийся в Голландии, женатый на немке, его отец был придворным врачом в Германии. До войны он принимал большое количество немцев, среди которых - Принца Саксонского. В его салоне - даже в настоящее время - висят портреты членов Германской императорской фамилии. В начале войны он сбежал на автомобиле в Дьепп, там сел на корабль, идущий в Голландию, из Голландии перебрался в Германию, оставаясь в ней почти год. Возвратившись затем в Париж, он предоставил себя в распоряжение муниципалитета г. Нейи для бесплатного лечения больных и выступил с громкими заверениями в преданности Франции. Французская полиция начала расследование на его счет, он был об этом проинформирован и добился вмешательства сенатора, который был ему обязан, поскольку, когда указанный сенатор разводился с женой, Метцгер его госпитализировал в Голландии. Поэтому следствие было приостановлено.

Первый этаж по авеню д'Антен служит доктору клиникой: его специальностью является массаж. Здесь он принимает людей всякого рода. Он не вносит квартплаты, говоря, что с началом войны лишился клиентуры. В последнее время он дал строгие указания не сообщать никаких сведений на свой счет.

Лейтенант Перников, являющийся кассиром этой группы, молодой человек 22 лет, который был доверенным шофером царя. Проходит по картотеке, как отбывающий военную обязанность в бюро на ул. Пьера Шарона, 59, но на самом деле он целыми днями ездит на автомобиле, у которого, как замечали, часто меняет

номера. Постоянно носит при себе около ста тысяч франков и широко ссужает деньгами некоторых русских офицеров, отдельные из которых часто получают суммы, достигающие 10 000 франков. Перников ведет весьма таинственный образ жизни и скрывается даже от своих коллег. Весьма часто меняет местожительство. Мне удалось уточнить, что он проживал в доме 9 или 11 по ул. Боккадер, затем в отеле Мирабо; в настоящее время живет в квартире на первом этаже в доме № 10 по ул. Вашингтона, с которой съезжает в конце этого месяца. Одна деталь: он постоянно отказывается подписывать контракт по найму помещения, говоря, что это не принято в России. О Перникове мне сообщили как о весьма опасном типе, по уму и цинизму не уступающему полковнику Игнатьеву. Он постоянно ходит к полковнику для получения приказов.

Я совершенно сознательно описал главных персонажей, входящих в основную часть русской организации; а теперь еще два слова о том, как действует эта организация. Ее мозгом является полковник Игнатьев, кассиром - Перников, почтовым ящиком и объединительным знаменем - Великая Герцогиня (условное имя которой "графиня Венденская" излишне напоминать).

Разведывательные сведения, передаваемые в Германию, якобы поступают к Великой Герцогине, которая располагает двумя каналами связи. Первая - русской дипломатической вализой и вализой Датского двора, из которой члены семьи Великой Герцогини - ее дочери, как мне говорили, - передают корреспонденцию в Берлин. Другой путь - через Швейцарию - якобы поручен Пальтову; однако я не знаю, как письма поступают в Женеву. Сбор информации в основном производится полковником Игнатьевым, который пользуется для этого своими официальными связями и, как мне говорят, широко использует приглашения на обеды с обильными возлияниями со стороны французских офицеров.

Организация царской реакции является весьма сложной и перемешана с организациями революционеров в союзных странах; у меня до сих пор об этом только самые общие сведения. Согласно недавно поступившей информации из двух независимых источников, они якобы обсудят и примут важные решения на

этот счет на своего рода съезде, который должен состояться в конце текущего месяца и на котором ожидается присутствие двух Великих князей и одного представителя остзейских баронов, прибывающего из Германии. Сведения об этом съезде некоторое время были весьма противоречивыми, что наводило на мысль о том, что меня хотят сбить со следа. В настоящее время вот какие уточнения я получил, Съезд должен состояться в замке Шомон на Луаре (деп. Луара и район Блуа) у князя Брольи по случаю женитьбы одного из его сыновей. Великая Герцогиня, которая якобы является другом семьи, добилась, чтобы в высшем обществе широко были разосланы приглашения. Заинтересованные лица соберутся, таким образом, без ведома Брольи. Для поездки в Шомон Великая Герцогиня проследует сначала в Женеву, затем в Париж, где она приказала своей горничной, мадам Моро, и маникюрше (в отношении которой я приказал начать расследование) ожидать ее 28 числа текущего месяца. Во время пребывания в Париже намечена ее встреча с полковником Игнатьевым.

Я продолжу сбор сведений в отношении этой русской акции, о которой незамедлительно Вас проинформирую.

Полковник Н. Бранкаччо

**Из служебной записки Сюртэ Женераль
(национальная безопасность) со сведениями
о результатах проверки благонадежности
итальянца Витербо Макса-Фортюне
и графов генерала А. А. Игнатьева и его брата
полковника П. А. Игнатьева¹**

Р/1. 108 Париж, 3 сентября 1918 г.

...I. Витербо Макс-Фортюне, родился 8 мая 1882 г. в Александрии (Италия). Сын Давида Витербо и Регины Суарес, натурализовавшийся во Франции 10 августа 1904 года.

Женат, детей не имеет, женился в Париже 5 ноября 1913 г. на некой Крюэр Марии-Луизе, с которой в настоящее время разведен.

Во Франции в течение примерно 8 лет проживал поочередно по следующим адресам: ул. Ришелье, 112, проезд Оперы, 9, ул. Рише, 26 и одновременно авеню Ньель, 96, ул. Роше, 64.

Сын бывшего посредника торговли мануфактурой, Макс Витербо всегда занимался театром. Он был поочередно генеральным секретарем театра "Матюрен", директором "Современного театра" и "Сирены".

В качестве театрального хроникера сотрудничал с "Либерте", "Жиль Блазом", "Пресс", "Парижским криком".

Примерно к 1910 году организовал более чем легкий орган печати "Конец века", на страницах которого широко занимался шантажом великосветских кругов, однако это издание просуществовало недолго.

Через несколько месяцев после объявления войны, пытаясь воспользоваться обстоятельствами, стал выпускать "Исторический журнал", который просуществовал два месяца.

В конце 1914 г. основал "Театр Альберта 1-го" и стал его директором, однако этот театр вынужден был закрыться в марте 1918 г. из-за плохого руководства им со стороны Витербо и был сдан в подаренду английской компании "ИМКА".

Он якобы также сдал в подаренду "Сирену", расположенную на ул. Монмартр, 167, некоему г-ну Уэллу.

Наконец, в ноябре прошлого года он купил за 500 франков "Пролазу", газету шантажистского толка, которая в принципе должна выходить дважды в месяц, однако на самом деле выходит от случая к случаю.

Витербо входит в "Ассоциацию спортивных журналистов" и является объектом постоянных жалоб в свой адрес по следующим мотивам: шантаж, побои и ранения, разврат; однако ему все-

ЦХИДК Ф. 1. Оп. 27. Д. 11214. Л. 5-9. Копия.

По всей вероятности, записка была составлена в сентябре 1917 г. См. "Донесение 2-го бюро французского Ген. штаба с компрометирующими материалами на братьев А. А. и П. А. Игнатьевых."

гда удавалось уходить от Исправительного суда.

С моральной точки зрения Витербо не пользуется уважением среди журналистов и в театральном мире.

Был мобилизован в качестве штабного писаря, получил назначение в Бюро по переписке с оккупированными странами по адресу: Ганноверская ул., 6. В апреле с. г. демобилизовался.

В настоящее время редактор газеты "Пари-Миди". Пишет также для газеты "Пэи", дебютировав в рубрике "Слухи", только что поменял ее на должность заведующего информационным агентством.

Совокупность сведений, собранных на Витербо по различным адресам, по которым он проходит, не позволяет установить, что он поддерживает связи с графами Игнатьевыми.

Те же расследования, проводившиеся по месту жительства последних, также результатов не дали.

О Витербо говорят, что он закоренелый бабник, живущий на содержании женщин, среди которых всегда находит жертвы.

Витербо по следственным делам не проходит.

2. Граф Павел Игнатьев, полковник Русской армии. Руководитель Русской военной миссии и Директор Русской секции при Межсоюзническом бюро; проживал по авеню Иены, 66 с 1 июля 1916 г. по 1 января 1918 г. в апартаментах, снимаемых его двоюродной сестрой графиней Врангель, урожденной Сюссо-Риффо, женой Военно-морского атташе России при Итальянском правительстве. Он проживал по этому адресу вместе с Марией Шостовой, женой Истомина, родившейся 10 октября 1884 г. в Петрограде, муж которой был жандармским полковником в России.

Граф Игнатьев выдавал Истому за свою жену и даже пользовался ее именем при поездках за границу.

Он давал понять, что был секретным агентом России в Германии в 1913-1914 и 15 годах. С уверенностью можно сказать, что он находился в Германии в течение трех лет под именем Бориса Стомина. Он был, впрочем, назначен под этим именем в Русское военное бюро, расположенное на авеню Элизе Реклю. 14, где должен встречаться со своим братом генералом Алексеем Игнатьевым.

В июле и августе 1914 г. он дважды в месяц приезжал в Париж; затем был здесь в декабре 1914 г. и апреле 1915 (по два-три дня каждый раз). Принимал многочисленных гостей на авеню Элизе Реклю. В декабре 1915 г. он прибыл в Париж с любовницей и назначен своим братом в Межсоюзническое бюро под именем капитана Истомина.

Отбыв в Россию с любовницей в сентябре 1916 г., возвратился в январе 1917 г. в чине полковника. В июне 1917 г. вновь возвратился в Россию под именем Павла Истомина, журналиста, родившегося в Петрограде 1 января 1878 г., затем в сентябре 1917 г. выехал в Швейцарию. С января 1917 г. является Руководителем Русской военной миссии, расположенной по Любекской улице в д. 21, одновременно продолжая руководить Русской секцией при Межсоюзническом бюро, находящемся на авеню Марсо в доме номер 30.

В январе 1918 г. Павел Игнатьев окончательно съехал с квартиры в д. 66 по улице Иены и переехал вместе с любовницей в д. 14 на ул. Петrarки, из которого выбыл в марте с. г., как говорят, в департамент Ньевр.

3. Генерал граф Алексей Игнатьев, произведенный в генералы Керенским, является Русским военным атташе в Париже, командор ордена Почетного легиона, 40 лет; женат, детей не имеет.

В 1914 г. он повстречал танцовщицу Наташу Труханову, которая стала его любовницей. С этой поры он расстался со своей женой, которая уехала из Парижа в Петроград 25 июня 1914 г. Генерал переехал со своей любовницей, ставшей его женой, в квартиру, снятую на его имя в д. 19 на набережной Бурбон, ежегодная квартплата за которую составляет 3600 франков.

Супружеская чета живет скромно и почти никого не принимает.

Труханова ведет уединенный образ жизни. Идет слух, что она поддерживала отношения с Матой Хари и якобы принимала участие в интригах своих соотечественников и офицеров Русской миссии против немцев. Граф Алексей, также занимавшийся этим делом, пытался закупить в 1915 году, перед вступлением в войну Италии, 500 000 винтовок и 3 миллиона патронов на имя Ришара

Витоло. Итальянское правительство запретило их вывоз, и сделка лопнула.

Оба Игнатьевых якобы поддерживают отношения с Великой Герцогиней Мекленбургской, матерью кронпринца, которая ведет скандальный образ жизни.

Они также поддерживают отношения с бароном Розеном, проживающим в д. 8 по Спасской улице в Петрограде, известным своими прогерманскими взглядами. Этот старый дипломат, принадлежащий к т. н. касте остзейских баронов, был одним из главных среди тех, кому удалось наводнить двор царя и насадить свою точку зрения в пользу русско-германского союза.

Максималисты с энтузиазмом воспроизвели послания барона Розена, поскольку этот дипломат старого режима одобрял идею сепаратного мира.

Братья Игнатьевы вызвали недовольство у некоторых русских офицеров из-за их поведения и политики, которую они проводили в Париже.

Так, в ходе обеда в сентябре с. г.¹ у лейтенанта Перникова (ул. Боккадор, 9), некий офицер по фамилии Кульнев сказал братьям Игнатьевым, что "он не понимает, почему Союзники все еще терпят их деятельность и даже само присутствие в Париже". Обращаясь к полковнику Павлу со словами: "Ваше гнусное ремесло вызывает у меня отвращение", он оказал: "Я информирую Керенского о Вашем поведении". Кульнев, кажется, является бывшим адъютантом Керенского... Трудно составить категорическое мнение относительно братьев Игнатьевых, образ жизни которых является темным в некотором отношении, которые являются объектом обвинений со стороны их окружения, однако никаких официальных улик против них до сих пор не было представлено.

**Сообщения руководителя Русской миссии в
Межсоюзническую секцию со сведениями о Жаке Диккере,
подозреваемом в дружбе с В. И. Лениным**

Межсоюзническая секция
№ 1359

Русская миссия
Париж, 25 августа 1917 г.

**Нота
для Французской миссии**

Русская миссия имеет честь обратить внимание на некоего Диккера Жака, русского по национальности, но, вероятно, натурализованного русского подданного, проживающего по адресу: ул. Суисс, 22 в Пленпале (кантон Женева).

Диккер входит в женеvский Революционный комитет и является Директором Русского юридического бюро (ул. Великих философов, 5) в Женеве.

Убежденный пацифист и видный германофил, друг Ленина, он хранит средства, предназначенные для оплаты расходов по проезду в Россию ленинцев, поляков и румын, которые направляются в Петроград, чтобы там проповедовать мир. Диккер несколько раз получал деньги из Банка Розенберга в Цюрихе.

Подлежит включению в список подозрительных лиц.

Руководитель Русской миссии
полковник граф Игнатъев 2-й

Сообщено в:

МИД

МВД

Службу безопасности

Центральную службу разведки

ЦХИДК Ф. 7. Оп. 2. Д. 627. Л. 41. Подлинник

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ *

Книга первая

1. Архивные материалы царской разведки и контр-разведки.
2. С. Майский - "Черный кабинет". Изд. "Былое", 1922 г.
3. А. А. Половцев - "Дневник". "Красный Архив", том IV.
4. Азиат - "Русские шпионы в Германии". Изд. Ф. Готтгейнера, Берлин, 1904 г.
5. А. В. Богданович - "Дневник. Три последних самодержца". Изд. Л. Д. Френкеля. Москва, 1924 г.
6. "Переписка Вильгельма II с Николаем II". ГИЗ, 1923 г.
7. М. Грулев - "Злобы дня в жизни армии". Брест-Литовск, 1911 г.
8. Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб, 1910 г., том I и II.
9. А. А. Поливанов - "Мемуары". Изд. ВВРС, том I, 1924 г.
10. "Инструкция военным агентам". Изд. 1880 г.
11. Материалы военно-ученого архива Главного штаба. Отечественная война, том I и II.
12. В. Сухомлинов - "Воспоминания". Изд. "Русское универсальное издательство", Берлин, 1924 г.
13. Чернозубов, полковник ген. штаба. - "Служба генерального штаба. Разведывательные органы армии. 1. Служба в военное время". Изд. В. Березовского, 1901 г.
14. Е. И. Мартынов - "Воспоминания о японской войне командира пехотного полка". Г. Плоцк, 1910 г.
15. Е. И. Мартынов, ген. штаба ген.-майор. - "Из печального опыта русско-японской войны". Изд. в Петербурге, 1906 г.
16. А. Н. Куропаткин - "Воспоминания". "Красный архив", т. V.
17. А.Н. Куропаткин - "Отчет главнокомандующего русскими войсками во время русско-японской войны".

18. А. Н. Куропаткин - "Записки о русско-японской войне. Итоги войны". Изд. 2-е. Берлин, 1911 г.
19. "Боевая работа русской армии в войну 1904-1905 гг.". Часть I. Изд. князя Абамелек-Лазарева, 1912 г.
20. Ген. А. С. Лукомский - "Воспоминания". Том 1. Изд. кн-ва Отто Кирхнера и К°, Берлин, 1922 г.
21. Ген. А. С. Лукомский - "Воспоминания". Том 2. Изд. кн-ва Отто Кирхнера и К°, Берлин, 1911 г.
22. Барон Врангель - "Воспоминания (от крепостного права до большевиков)". Изд. "Слово", Берлин, 1924 г.
23. "Положение о полевом управлении войск в военное время". Изд. 1890 г.
24. А. Свечин - "В восточном отряде". Варшава, 1908 г.
25. А. Свечин - "Тактические уроки русско-японской войны". Изд. Офицерской Стрелк. школы, 1910 г.
26. Л. Н. Соболев - "Куропаткинская стратегия". СПб, 1910 г.
27. А. А. Рябинин - "На войне в 1904-1905 гг.". Из записок офицера действующей армии. Одесса, 1909 г.
28. А. Филатьев, ген. штаба полковник - "Полевое управление войск. Наше "Положение" 1890 г. и применение его в войну 1904-1905 гг.". Изд. 1912 г.
29. Мих. Лемке - "250 дней в царской ставке". ГИЗ, 1920 г.
30. А. П. Извольский - "Воспоминания". Изд. "Петроград", 1924 г.
31. К. Бецкий и П. Павлов - "Русский Рокамболь. - Приключения Манасевича-Мануйлова". Изд. "Былое", Ленинград, 1925 г.
32. Эгон Эрвин Киш - "Падение полковника австрийского генерального штаба Редля". (на немецком языке).
33. "Падение царского режима". По материалам Чрезвычайной Следств. Комиссии Временного Правительства. Том VI. (Показания ген. Иванова).
34. Ген. Ю. Н. Данилов - "Россия в мировой войне 1914-1915 гг.". Изд. Кн-ва "Слово", Берлин, 1924 г.
35. Зайончковский - "Подготовка России к мировой войне (планы войны)". Изд. ГВИЗ, 1926 г.

36. И. М. Васильевский (Не-Буква) - "Романовы". Том II. Изд. 1924 г.
37. Л. Войтоловский - "По следам войны". Походные записки 1914-1917 гг. I. Госиздат, 1925 г.
38. "Дневник бывш. вел. кн. Андрея Владимировича". Госиздат, 1925 г.
39. В. Фукс - "Краткий очерк операции Наревской (Самсоновской) армии". "Военный Сборник" О-ва ревнителей военных знаний, кн. IV. Белград, 1923 г.
40. "Пособие для следователей, составленное офицерами австро-венгерской контр-разведывательной службы - Алонсом Поберингом, фон-Иоковским и Ф. Норденом".

Книга вторая

1. Архивные материалы царской разведки и контрразведки.
2. Проф. ген. Сухотин - "Фридрих Великий".
3. В. Клембовский - "Тайные разведки". СПб, 1911 г.
4. В. Николаи - "Тайные силы". Изд. Разведупр'а Штаба РККА, 1925 г.
5. В. Николаи - "Германская разведка и контрразведка в мировой войне". Перев. и предисл. В. Ромма. Изд. Разведупр'а Штаба Командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма, 1921 г.
6. Ген. Гофман - "Война упущенных возможностей". Госиздат, 1925 г.
7. Ген. Гофман - "Записки и дневники 1914-1918 гг.". Изд. "Красная Газета", 1929 г.
8. Ганс Куль - "Германский Генеральный штаб. Его роль в подготовке и ведении мировой войны". Изд. ВВРС, 1922 г.
9. "Переписка Вильгельма II с Николаем II". ГИЗ, 1923 г.
10. А. П. Извольский - "Воспоминания". Изд. "Петроград", 1924 г.
11. Журнал "Красный Архив". Томы: II, XVII, XX XXXIII. Изд. Центрархива.

12. Мих. Лемке - "250 дней в парской ставке". (25 сент. 1915 г. - 2 июля 1916 г.). ГИЗ, 1920 г.

13. "Записки Жандармского Общества Распространения Знаний" - японский журнал, 1925 г.

14. А. С. Резанов - "Немецкое шпионство". - 3-е изд. 1915 г.

15. "Паутина". "Система германского шпионажа". Перев. М. Кугульского и Б. Лейковского. Изд. В. Португалова, Москва, 1915 г.

16. "Инструкция офицерам разведывательной службы германской армии". Изд. Разведупр'а Штаба РККА, 1921 г.

17. С. М. Устинов - "Записки начальника контрразведки".

18. М. Кордэ - "За кулисами войны". ГИЗ, 1925 г.

19. "Журнал военных действий VIII арм. корпуса", 1915 и 1916 гг.

20. Людендорф - "Мои воспоминания о войне 1914-1917 гг.". Том I и II. Изд. ВВРС, 1923 г.

21. "Мемуары германского кронпринца". ГИЗ, 1923 г.

22. Дюпон - "Высшее германское командование". Изд. ВВРС, 1923 г.

23. Ген. Ю. Н. Данилов - "Россия в мировой войне". Изд. "Слово" Берлин, 1924 г.

24. "Военный Сборник", изд. О-ва ревнителей военных знаний. Белград, 1923-1924 гг. Кн IV и V.

25. Капитан Ф. Лукнер - "Зов моря". Изд. Брокгауз-Эфрон, г. Ленинград, 1926 г.

26. С. Майский - "Черный кабинет". Из воспоминаний бывшего цензора. Изд. "Белое", 1922 г.

27. В. Латынин - "Современный шпионаж и борьба с ним". Изд. ГВИЗ, Москва, 1925 г.

28. "Письма Александры Федоровны к Николаю II", том I-V.

29. В. Бласков-Ибаньес - "Разоблаченный Альфонс XIII". ГИЗ, 1925 г.

30. О. Чернин - "В дни мировой войны". Воспоминания австрийского министра иностранных дел. ГИЗ, 1923 г. Москва-Петроград.

31. "Архив русской революции", изд. И. В. Гессена. Берлин, тома II, VI, XII.

32. "Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов быв. императорского русского мин-ства иностранных дел. Изд. НКВД, 1922 г.

33. "Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны по секретным материалам б. министерства иностранных дел с прилож. копий дипломатических документов". Изд. НКВД, Москва, 1922 г.

34. "Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Румынский фронт". Составил Ф. И. Васильев. Изд. ВВРС, Москва, 1922 г.

35. "Падение царского режима". По материалам чрезвычайной следственной комиссии временного правительства. ГИЗ, т. т. I, II, V, VI, VII, XII.

36. Апушкин - "Генерал от поражений Сухомлинов". Изд. "Былое", 1925 г.

37. П. К. Курлов - "Конец русского царизма". ГИЗ, 1923 г.

38. Г. Граф - "На Новике" (Балтийский флот в войну и революцию). Мюнхен, 1922 г.

39. П. П. Заварзин - "Работа тайной полиции". Изд. автора, Париж, 1924 г.

40. Ген. А. С. Лукомский - "Воспоминания". Т. I. Изд. Отто Кирхнер и Ко. 1922 г.

41. С. Р. Минцлов - "Трапезундская эпопея". Дневник. Сибирское книгоиздательство, Берлин.

42. Жорж - "Бактериология, как орудие войны". Изд. Берже-Левро, Нанси-Париж-Страсбург.

43. "Былое", журнал, № 6 (34), 1925 г.

44. И. Валентэй - "Тайны воздушной войны". Изд. "Военный Вестник". Москва, 1924 г.

45. Кап. Карл Шпиндлер - "Таинственный корабль". Плавание "Либава" в связи с революцией в Ирландии. Изд. Ольги Дьяковой и Ко, Берлин.

46. Леттов-Форбек - "Мои воспоминания о Восточной Африке". Изд. "Военный Вестник", 1927 г.

47. М. Эрцбергер - "Германия и Антанта". Воспом. бывш. германского министра финансов. ГИЗ, 1923 г.
48. "Царская Россия в мировой войне". Том I. Центрархив, изд. ГИЗ, 1925 г.
49. Лорд Берти - "За кулисами Антанты". Дневник Британского посла в Париже 1914-1919 гг. Госиздат, 1925 г.
50. Эрих фон Фалькенгайн - "Верховное командование 1914-1918 гг. в его важнейших решениях". Изд. ВВРС. Москва.
51. Старко - "Морской Чорт", ГИЗ.
52. И. И. Левин, приват-доцент Петроградского университета. - "Германские капиталы в России". Изд. 1918 г.
53. Барон Теттау - "Восемнадцать месяцев в Маньчурии с русскими войсками". Изд. В. Березовского, 1907 г.
54. "Дневник быв. великого кн. Андрея Владимировича". Госиздат, 1925 г.
55. "Морской Сборник" № 9, 1925 г.
56. Л. Войтоловский - "По следам войны". Походные записки 1914-1917 гг. ГИЗ, 1925 г.
57. Поль Лянуар - "Немецкое шпионство во Франции". Изд. В. Березовского, 1910 г.
58. П. Кропоткин - "Записки революционера". Том II. Изд. О-ва Политкаторжан, 1929 г.
59. Иоганн Шпис - "Шесть лет под водой". Изд. Брокгауз-Эфрон, 1919 г.
60. А. Брусилов - "Мои воспоминания". Изд. ГИЗ, 1929 г.
61. Ген. В. Д. Новицкий - "Из воспоминаний жандарма". Изд. "Прибой" 1919 г.
62. Б. Шапошников - "Мозг армии". Кн. 3. ГИЗ, 1929 г.
63. В. Сухомлинов - "Воспоминания". Изд. "Русского Универсальн. Из-ства", Берлин, 1924 г.
64. Юрий Соловьев - "25 лет моей дипломатической службы, 1893-1918 гг.". Изд. ГИЗ, 1928 г.
65. Б. С. Утевский - "Преступления и преступники Западной Европы". Изд. НКВД РСФСР, 1929 г.
66. А. Н. Вознесенский - "Москва в 1917 г.". Изд. ГИЗ, 1928 г.

67. К. Д. Набаков - "Испытания дипломата". Стокгольм, изд. "Северные огни", 1921 г.
68. Сэр Джордж Бьюкенен - "Моя миссия в России". Воспоминания дипломата. Том II. Изд. "Обелиск", Берлин, 1924 г.
69. Ф. Блументаль - "Буржуазная политработа в мировую войну". Изд. ГИЗ, 1928 г.
70. Герольд Ласвель - "Техника пропаганды в мировой войне". ГИЗ, 1929 г.
71. Де Флер - "На путях войны".
72. К. Стюарт - "Тайны дома Крю". "Английская пропаганда в мировую войну 1914-18 гг.". Изд. ГИЗ, 1928 г.
73. "Переписка Николая и Александры Романовых 1916-1917 г.", том V. ГИЗ, 1927 г.
74. А. Н. Хвостов. - "Из воспоминаний". "Голос Минувшего" № 2, 1923 г.
75. М. В. Родзянко. - "Государственная дума и февральская революция". "Архив русской революции", т. VI, Берлин.
76. В. Флуг. - "X армия в сентябре 1914 г.". "Военный Сборник" О-ва ревнителей военных знаний, кн. 5, 1924 г., Белград.
77. Etudes de guerre par general Leval. Tactique des renseignements 1881 g.
78. Lieutenant A. Froment. Espionnage militaire et des fonds secrets de la guerre en France et a L'etranger.
79. Журнал "Mercure de France" окт. - ноябрь 1923 г.
80. "Revue Militaire Francaise" № 28, 1923 г.
81. Фердинанд Тохай - "The Secret Corps".
82. "The adventures of the secret service" by major C. E. Russel.
83. Der militärische Nachrichtendienst und die Bekämpfung der Spionage in Frankreich 1908 Geheim.
84. Willhelm Fiseher. - Spionage, Spione, und Spioninnen. Stuttgart. 1919 g.

* Список использованных источников выверен и дополнен по ссылкам в оригинальных текстах 1-го и 2-го томов исследования.

Содержание

Обращение к читателям.....	3
----------------------------	---

Книга первая

Русская агентурная разведка всех видов
до и во время войны 1914-1918 гг.

**ЧАСТЬ I. Русская агентурная разведка до русско-японской
войны 1904-1905 гг.**

Глава первая

Агентурная разведка разных ведомств.....	10
--	----

Министерство иностранных дел. Платная агентура. - Послы и консулы. - Рассылка агентурных материалов. - Дипломатические курьеры. - Случай с графом Игнатьевым. - "Черные кабинеты". - Работа русского "черного кабинета". - Покупка шифров и кодов. - Дипломатические разговоры.

Министерство внутренних дел. Департамент полиции. - Интерес к революционным организациям. - Совместная работа полиции буржуазных стран. - Военная контр-разведка. - На что тратились деньги в департаменте полиции.

Министерство двора. Дворцовая агентура. - Система работы, - не деньгами, а подарками и орденами. - Личные ад'ютанты царей. - Определение их задач Вильгельмом II и назначения. Министерство финансов, торговли и промышленности. Интересующие их вопросы. - Способы получения сведений.

Глава вторая

Взаимоотношения ведомств, ведших агентурную разведку.....	19
---	----

Отсутствие объединения разведывательной деятельности разных ведомств. - Преимущественное положение министерства иностранных дел. - Вражда министерства иностранных дел с военным ведомством и трогательное единение и согласие с министерством внутренних дел. - Обсуждение вопросов военной разведки министрами: военным, иностранных дел и внутренних дел. - Протокол совещания забыт его участниками. - Министерство иностранных дел продолжает издеваться над военным ведомством. - Проекты организации агентурной разведки в Германии и Австро-Венгрии.

Глава третья

Агентура военного ведомства.....	26
----------------------------------	----

Органы агентурной разведки и их штаты в военном ведомстве. - Отсутствие объединения разведывательной деятельности разных учреждений военного ведомства. - Результаты несогласованности и необъединенности в деле разведки, провалы агентов.

Глава четвертая

Официальные военные агенты (атташе)..... 30

Узаконение института военных атташе. - Агентурная работа русского полковника Чернышева. - Запрещение военным агентам заниматься агентурной разведкой. - Подбор военных агентов и его результаты. - Оценка японской армии русским военным агентом, ген. Куропаткиным и ген. Ивановым. - Посылка во главе русской эскадры во Францию адмирала, не знавшего французского языка и мотивы этой посылки. - Взаимоотношения военных агентов с послами. - Оценка германской армии русским послом Шуваловым. - Отпуск средств военным агентам на агентурную работу.

Глава пятая

Тайные военные агенты..... 36

Агенты при посольствах и консульствах. - Процедура оформления назначения тайного военного агента. - Маскировка тайных агентов. - Забота министерства иностранных дел о сохранении "добрососедских отношений" с иностранными государствами в ущерб разведке.

Глава шестая

Командировки офицеров в соседние страны..... 40

Благовидные предлоги этих командировок. - Командировки офицеров за границу в разведывательных целях многими управлениями военного ведомства и штабами военных округов. - Отсутствие обмена результатами этих командировок. - Насыщение пограничной полосы командированными и, как результат этого, - провалы. - Провал двух русских офицеров на торжествах открытия Кильского канала и вмешательство в это дело Вильгельма II.

Глава седьмая

Отчетные отделения штабов военных округов..... 42

Назначение отчетных отделений - изучение вероятных противников. - Способы сбора сведений. - Результаты работы отчетных отделений за 1903-1904 гг. - Ограбление отчетным отделением Киевского военного округа штаба австрийской дивизии, спровоцированного австрийцами с целью заставить русских поверить дезинформационным документам.

Глава восьмая История создания и развития **Расходы на агентурную разведку.....** 49

Ассигнования на агентурную разведку до русско-японской войны. - Распределение ассигнованных сумм. - Расходование денег не по прямому назначению, несмотря на мизерность ассигнований.

ЧАСТЬ II. Русская агентурная разведка во время русско-японской войны.

Глава первая Организационные мероприятия и источники сведений **Организационные мероприятия и источники сведений....** 52

Сведения о японской армии, дававшиеся Главным штабом частям, уезжавшим на театр военных действий. - Организация разведки на театре военных действий. - Нежизненность этой организации. Отсутствие сведений о противнике. - Рухнувшие надежды на кавалерию. - Безрезультатная работа войсковой разведки.

Глава вторая **Агентурная разведка штабов армий.....** 64

Организация и работа агентурной разведки штаба III армии. - Вербовка, подготовка, отправка и оплата агентов. - Количество отправленных и возвратившихся агентов. - Ценность доставленных сведений. - Расходы. - Агентурная деятельность штаба I армии.

Глава третья **Агентурная разведка штабов корпусов.....** 75

Стихийная организация агентурной разведки. - Сверху никаких указаний, никаких инструкций. - Изобретательность некоторых корпусов. - Руководители агентурной разведки корпусов. - Приемы работы. - Количество агентов. - Расходы. - Изобретательность агентов-китайцев. - Результаты.

Глава четвертая**Агентурная разведка военного комиссара, его помощников, начальника транспортов штаба главнокомандующего, подрядчика Громова и штаба начальника тыла..... 87**

Задачи военного комиссара и его помощников в мирное время. - Их бездействие. - Незнание административного деления Мукденской провинции. - Отсутствие верных топографических карт. - Агентурная деятельность военного комиссара. - Вербовка и подготовка агентов. - Школа для подготовки агентов. - Оторванность агентурной деятельности военного комиссара от действующих войск. - Результаты. - Агентурная деятельность начальника транспортов и подрядчика Громова. - Ликвидация этой деятельности в июле 1905 г. и создание разведывательного отделения при штабе главнокомандующего. - Назначение начальником разведывательного отделения быв. начальника транспортов ген. Ухач-Огоровича.

Глава пятая**Агентура Главного штаба..... 91**

Запоздалое задание военным агентам заняться разведкой против Японии. - Ассигнование средств. - Результаты. - Тайный агент на заводах Круппа. - Его информация. - Вмешательство Вильгельма. - Агентурная охрана эскадры Рождественского. - Провокационные сообщения известного провокатора Гартинга-Ландезена и Гульский инцидент.

Глава шестая**Военная агентура департамента полиции..... 95**

Задания Морского министерства по агентурной охране эскадры Рождественского и поручение их выполнения Мануйлову. - Сведения Мануйлова. - Оценка работы Мануйлова департаментом полиции.

Глава седьмая**Заключение..... 96**

Отсутствие достоверных сведений о японской армии. - 25% прибавка. - Мнение "эксперта" о японской армии и его постепенное изменение. - Признания Куропаткина. - "Важная причина неудач - малая осведомленность о противнике".

ЧАСТЬ III. Русская агентурная разведка с 1906 г. по 1914 год.**Глава первая****Планы реорганизации агентурной разведки..... 98**

Приказ о новой организации центрального органа разведки. - Критика прежней организации разведки - доклады Никольского, Михельсона и др. - Попытка министерства иностранных дел забрать агентурную разведку в Азии в свои руки. - Сведения о постановке агентурной разведки в иностранных государствах - доклад военного атташе в Турции полк. Хольмсена. - Расчет и дислокация тайных агентов. - Идея реванша и попытка Ген. штаба объединить агентуру всех ведомств на Дальнем Востоке. - Проект Лехмусара о поддержке революционного движения в Корее против Японии. - Отчет о результатах агентурной работы в 1907 году.

Глава вторая**Отпуски денежных сумм на агентурную разведку..... 115**

Увеличение ассигнований после русско-японской войны. - Распределение ассигнованных сумм. - Переход военной контр-разведки в ведение Ген. штаба.

Глава третья**Руководящие указания и мероприятия Ген. штаба в отношении официальных военных агентов (атташе)..... 120**

Разбивка всех государств земного шара на 4 разряда. - Жалование военным агентам и прочие расходы. - Под'отчетные суммы на агентурные расходы. - Совещание по выработке заданий для военных агентов. - Спор Ген. штаба с некоторыми Главными управлениями военного министерства о праве последних на самостоятельный сбор необходимых им сведений. - Срочное задание военному агенту в Париже - выяснить пригонку ружья у французского барабанщика. - Покупка документов в пределах сметы Ген. штаба "с высочайшего соизволения". - Взгляды Начальника Ген. штаба на приемы и способы работы военных агентов. - Положение о порядке ассигнования, расходования и отчетности по суммам, отпускавшимся Ген. штабу на секретные расходы. Попытки улучшить качественный состав военных агентов. - Четыре требования. - Вопросы связи с военными агентами в мирное

время. - Казенные пакеты военных агентов и русская таможня и цензура. - Раз'яснения Ген. штаба о "прикосновенности" квартир военных агентов. - Осведомитель германской контр-разведки в русском посольстве в Берлине. - Порядок хранения секретных документов. - Нижние чины полевой жандармерии в роли личных слуг военных агентов. - Взаимоотношения военных агентов с послами и консулами. - Запрещение военным агентам выступать в прессе без разрешения Ген. штаба. - Попытка Ген. штаба дать оценку донесениям военных агентов. - Указания Ген. штаба военным агентам - пользоваться не мелкими агентами, а крупными. - Просьба к военному агенту в Австро-Венгрии - помочь Ген. штабу создать свою агентурную сеть. - Ген. штаб и шпионы-профессионалы. - Регистрационные карточки тайных агентов, скомпрометировавших себя. - Новая инструкция военным агентам и лицам, их заменявшим.

Глава четвертая

Агентурная работа официальных военных агентов..... 154

Работа военного агента в Японии. - Присылка газетных сведений под видом агентурных. - Трудности агентурной работы в Японии. - Работа военного агента в Китае. - Нелады военного агента с его помощниками. - Отсутствие агентуры у военного агента в Америке. - Любезность американского военного министерства. - План Владивостокской крепости в американском военном министерстве. - Агентурная сеть военного агента в Лондоне. - Официальное запрещение заниматься агентурной разведкой и неофициальное требование давать секретные данные о германской армии. - Содействие другим разведывательным органам. - "Весенние ласточки". - Провал полковника Базарова в 1914 г. - Арест секретаря военного агента. - Дезинформация военного агента немецкой контр-разведки. - Затруднительное положение военного агента в Вене. - Разведка посредством бинокля. - Вербовка агентов для Ген. штаба. - Агенты Ген. Штаба. - Покупка планов австрийских крепостей. - Как русский Ген. штаб погубил своих агентов - австрийских полковников Редля и Яндржека. - Военный агент в Италии.

Глава пятая**Агентурная разведка штабов Дальневосточных военных округов..... 174**

Обследование агентурной разведки представителем Ген. штаба. - Работа Иркутского военного округа. - Агентурная работа Заамурского округа пограничной стражи. - Министерство финансов против агентурной разведки пограничной стражи. - Освещение хунхузов. - Офицерские раз'езды. - Полевые поездки офицеров на территорию Китая. - Платные и бесплатные агенты. - Расходование денег не по прямому назначению. - Непосредственная агентура начальника штаба округа и исчезновение 13.000 рублей. - Агентурная разведка штаба Омского военного округа. - Пассивность русских консулов.

Глава шестая**Агентура Ген. Штаба на Дальнем Востоке..... 181**

Консул в Цицикаре и его агентурная сеть. - Кяхтинский пограничный комиссар. - Недоверие к нему министерства иностранных дел. - Агентура Ладыгина и Попова. - Консул в Гирине и его агентурная сеть. - Агентура Бирюкова в Корее. - Выводы представителя Ген. штаба.

Глава седьмая**Агентура штабов военных округов Европейской России, ближнего и среднего Востока..... 188**

Агентурная разведка Виленского округа. - Тайные агенты при консульствах. - Покупка документов. - "Сборники сведений о Германии". - Агентурная деятельность Варшавского военного округа. - 120 секретных германских и австрийских документов. - "Военное дело за границей". - Агентура Киевского военного округа. - Доступ к австрийской дипломатической почте. - Агентура Одесского военного округа. - Слухи о румынской мобилизации. - Агентура на Балканском полуострове. - Тяготение к официальным военным агентам. - Агентурная деятельность Кавказского военного округа. - Самостоятельность этого округа. - "Высочайшее соизволение". - Столкновения с Ген. штабом. - Район разведки. - Ложные сведения о готовившемся турецком нападении. - Новое

"наступление" Ген. штаба и победа штаба Кавказского военного округа. - Агентура Туркестанского военного округа. - Жалобы на закрытие доступа в Афганистан. - Отсутствие агентов. - Источники информации. - Совет министра иностранных дел. - Расходы на разведку. - Критика Ген. штаба.

Глава восьмая

Подготовка агентуры к войне..... 203

А. На Западе: План "или, или..." - Главная база - официальные военные агенты. - Несколько вариантов схемы связи с официальными военными агентами. - Несоответствие ни одного из них действительности. - Отсутствие мобплана агентурной сети.

Б. На Дальнем Востоке: План организации агентурной разведки. - Штаты и тарифы агентурной сети мирного и военного времен. - "С предметом доклада я был совершенно незнаком..." - Беспечность Ген. штаба. - Австрийский план войны в русском Ген. штабе. - Его несоответствие действительности в 1914 г.

ЧАСТЬ IV. Русская агентурная разведка во время войны 1914 - 1918 гг.

Глава первая

Фронтовая (оперативная) агентурная разведка армий..... 219

Отсутствие указаний и инструкций свыше. - Вместо определенной системы - изобретательность низовых начальников разведки. - Агентурная разведка V армии - ее организация, вербовка, подготовка, отправка и оплата агентов. - Количество агентов. - Качество доставленных сведений. - Расходы. - Трудности разведки. - Конкуренция между штабами армий при вербовке агентов. - Издевательство над агентами.

Глава вторая

Агентура Ген. штаба в начале войны..... 230

Отсутствие в начале войны агентуры Ген. штаба. - Игра в счастье. - Циркулярное задание всем военным агентам. - Удача военного агента в Италии. - История повторяется. - Мероприятия по созданию агентуры в нейтральных странах. - Основная база - официальные военные агенты.

. - Агентурная сеть военного агента в Италии. - Расходы. - Результаты. - Агитация и пропаганда военного агента. - Подкуп итальянских общественных деятелей и редакторов газет. - Агентура военного агента в Румынии. - Количество агентов. - Расходы. - Результаты. - Столкновения с послом. - Агентурная сеть военного агента в Сербии. - Неудачи. - Исчезновение всех агентов. - Нежелание военного агента заниматься разведкой. - Передача денег сербскому командованию взамен разведывательных сведений. - Агентурные попытки военного агента в Греции. - Экономия выше всего. - Агентурная сеть военного агента в Бельгии и Нидерландах. - Предписание Ген. штаба сократить сеть. - Главные объекты агентуры - железнодорожные узлы. - Пенсии семьям погибших агентов. - Агентурная деятельность военного агента в Болгарии. - Агентурная сеть из 48 агентов разного назначения. - Расходы. - Результаты. - Агентурная сеть военного агента в Швейцарии. - Помощники из России. - Организация прапорщика Ленкшевича ("Брут"). - Первоисточник лжи о подкупе В. И. Ленина немцами. - Расходы. - Результаты. - Агентурная деятельность военного агента в Дании. - Предписания Ген. штаба. - Организация сети. - Методы работы. - Агитация и пропаганда. - Посреднические функции. - Неудачи и сомнения военного агента. - Расходы. - Результаты. - Подозрения англичан в шпионаже военного агента Потоцкого в пользу Германии и странная позиция Ген. штаба в этом вопросе. - Агентурная деятельность военного агента в Швеции и Норвегии. - Отсутствие системы. - Работа от случая к случаю. - Покупка сведений у секретарей русского консульства. - Нежелание военного агента заниматься разведкой. - Расходы. - Результаты. - Агентурная деятельность военного агента во Франции. - Единственный случай. - Выдача пособий "заблудившимся" агентам русской разведки. - Агентурная деятельность военного агента в Англии. - Покупка случайных сведений. - Посреднические функции между английским и русским Ген. штабами. - Турецкие шифры у англичан. - Работа англичан над раскрытием германских шифров. - Агентурная сеть военного агента в Америке - 140 человек - Слабые результаты работы. - Заигрывание с американским Ген. штабом. - Агентурная сеть военного агента в Японии - один раз'ездной агент. - Обследование агентурной работы

специальной комиссией Ген. штаба. - Запутанность денежных дел военного агента. - Агентурная сеть военного агента в Китае. - Путешествующие агенты. - Отсутствие сведений. - Работа негласного агента Ген. штаба в Цицикаре. - Агентурная сеть офицера (на правах военного агента) в Хорасане. - Специальные задания по Афганистану. - Сотрудничество с английской разведкой. - Агентурные организации, непосредственно подчиненные Ген. штабу. - Организация полковника Раш в Дании. - Жалобы Раш на неудачи и большие расходы. - Попытки Ген. штаба создать такие же организации в других нейтральных странах.

Глава третья

Зарубежная агентурная разведка штабов фронтов..... 266

Ст. 117 положения о полевом управлении войск в военное время. - Организация разведки через нейтральные страны. - Помощь Ген. штаба в получении паспортов, валюты и получении права пересылки телеграмм и писем через военных агентов. - Агентурная деятельность штаба Северного фронта. - Разложение целой группы агентов. - Предложение русскими агентами своих услуг Германии. - Жалобы одного из агентов Керенскому. - Агентурная деятельность штаба Западного фронта. - Работа через Данию, Швецию, Голландию и Швейцарию. - Русские офицеры во главе агентурных организаций. - Корреспондент "Курьера Поранного" - агент русской разведки. - Войцех Корфанти, Сигизмунд, Марьян и Владислав Сейды - агенты царской разведки. - 11 агентурных организаций. - Агентурная организация в Америке. - Характеристика работы всех этих организаций и их руководителей. - Агентурная деятельность штаба Юго-западного фронта. - Агентурная сеть в первый год войны (схема). - Специальное агентурное бюро в Париже. - Недоумение французов. - Восемь агентурных организаций со старыми охранниками во главе. - Результаты работы этих организаций. - Контр-разведывательная работа бюро. - Семь контрразведывательных организаций.

Глава четвертая

Агентура штаба верховного главнокомандующего..... 288

История возникновения агентуры Ставки. - "Междусоюзническое Бюро". - Положение и штаты русского отделения "Междусоюзнического Бюро". - Предложения начальника русского отделения. - Агентурная сеть Ставки во главе с начальником русского отделения "Междусоюзнического Бюро", полковником Игнатьевым 2-м. - Три агентурных организации со сметой в 273.000 фр. франков за пять месяцев. - Боязнь Ставки дать деньги Игнатьеву. - Обследование работы Игнатьева представителем Ставки при французской главной квартире ген. Палицыным. - Результаты обследования. - Обследование всей деятельности Игнатьева специальной комиссией Ставки. - Результаты обследования. - Оставление французами в нераспечатанных конвертах "за бесполезностью" материалов Игнатьева, посылавшихся им в главную французскую квартиру. - Конец деятельности Игнатьева. - Агентура принца Ольденбургского. - Руководитель агентуры в Швейцарии. - Задачи агентуры - освещение вопроса о газах. - Ликвидация агентуры. - Долг в 40.000 фр. франков.

Глава пятая

Зарубежная агентура штабов армий и военных округов... 301

А. Разведка штабов армий. Штаб I армии. - Разведка против Германии и Австро-Венгрии из Скандинавии. - Неудача. - Штаб II армии. - Неудачная попытка вести из Парижа освещение Германии и Австро-Венгрии. - Штаб III армии. - Попытка вести освещение тылов германской и австрийской армии из Румынии. - Штаб IV армии. - Посылка агентов в Швейцарию. - Штаб V армии. - Агентура через линию фронта. - Штаб VII армии. - Агентурная сеть в Румынии, Болгарии, Австро-Венгрии и Турции. - Штаб XI армии. - Агентура в Австро-Венгрии. - Помощь пр. Массарика. - Большие планы. - Неудачи. - Попытки осветить Италию, Швецию, Америку и Аргентину.

Б. Разведка штабов военных округов. Штаб Одесского военного округа. - Агентура в Турции, Румынии, Болгарии, Австро-Венгрии и Германии. - Руководитель агентуры в Данин. - Разложение сети. - Неверные сведения. - Нагоняй Ставки. - Агентура Двинского военного округа. - Агентурная сеть Иркутского военного округа - восемь агентов. Их работа. - Агентурная сеть Заамурского округа пограничной

стражи - 21 агент. Одиннадцать китайских документов. -
 Агентурная сеть Омского военного округа - 38 агентов. -
 Агентурная сеть Приамурского военного округа - 31 агент. -
 Расходы.

Глава шестая

Об'единение всей стратегической агентурной разведки в Генеральном штабе..... 308

Всеобщая работа по разведке и отсутствие сведений о про-
 тивнике. - Несколько примеров. - Агенты русской разведки в
 нейтральных странах. - Отсутствие руководства, подбора,
 подготовки и контроля над агентами. - Несколько примеров.
 - Проекты об'единения стратегической разведки в Ген. шта-
 бе. - Споры по этому вопросу между Ставкой и Ген. штабом.
 - Обвинения Ставкой Ген. штаба в отсутствии разведки. -
 Соглашение между ними и перевод стратегической разведки
 в Ген. штаб. - Создание новой "разведывательной части" в
 Ген. штабе. - Требования Ставки от стратегической разведки.
 - "Страусовская" политика ген. Гиссера и Рябикова. - Первые
 ляпсусы Ген. штаба.

Глава седьмая

Активная разведка (диверсионная деятельность)..... 324

Организация "революционного движения" в Турции. -
 "Агитация" против немцев и младотурок. - Сообщение шта-
 ба Одесского военного округа об убийстве его агентом Фар-
 ди нескольких немецких и турецких генералов и т. д. - Цена
 этих мнимых убийств - 86.000 руб. - Фарди - германский
 агент. - Проект капитана Брагина. - "Революционная пропа-
 ганда" в Германии. - 40 миллионов руб. - Отношение Став-
 ки и Ген. штаба к проекту Брагина. - Предложение Ставки
 использовать военнопленных для диверсионной работы в
 Германии. - Порча глазков картофеля при его посадке, слиш-
 ком глубокий посей свеклы, порча сельскохозяйственных и
 заводских машин, скота, повозок и т. д. - Донесение корнета
 Соломона и ген.-майора Зелинского из германского плена. -
 Группа пленных офицеров по взрывам германских снаряд-
 ных заводов, по борьбе с германской пропагандой украин-
 ского движения и т. д. - Бегство корнета Соломона из плена.
 - Допрос. - "Весьма возможна рука германской разведки".

Глава восьмая**Агитация и пропаганда..... 333**

Отсутствие системы и планомерности. - Телеграфные агентства Ген. штаба в Копенгагене, Стокгольме и Бухаресте. - Их назначение. - Результаты. - Ликвидация. - Выпуск агитационно-пропагандистских брошюр и листовок. - Агитация против добровольной сдачи в плен и дезертирства. - Проект профессора Р. И. Венгловского. - Субсидирование корреспондентов газет нейтральных стран. - Инспирация прессы. - Фронтовые "Вестники". - Бюро печати при Ставке. - Агитационная литература вместе с хлебом.

Глава девятая**"Центральное бюро экономической разведки"..... 342**

Инициатива газеты "Новое Время". - Проекты, совещания, обсуждения. - Громадное количество комитетов и комиссий - без единства действий. - Организация Бюро. - Его задачи. - Потерянный проект. - Новые проекты. - Отсутствие желающих взять бюро под свое руководство.

Глава десятая**Заключение..... 345**

Основные ошибки и промахи царского Генерального штаба в организации и ведении агентурной разведки.

Книга вторая.**Германская агентурная разведка до и во время войны 1914-1918 гг.****ЧАСТЬ I. Германская агентурная разведка до войны 1914-1918 гг.****Глава первая****Из истории германской агентурной разведки..... 356**

Осведомленность Фридриха П. - Расцвет агентурной разведки при Бисмарке и Мольтке. - Штибер и его система. - Германская агентура во Франции. - 15.000 тайных агентов. - Инсценировка покушения на Александра II. - Работа агентуры Штибера во время франко-прусской войны. - Ассигнования на разведку. - Агитация и пропаганда. - "Бюро печати". - Диверсионная сеть Штибера. - Германские агенты на французских жел. дорогах. - Двойное подданство.

Глава вторая**Организационная структура германской агентурной службы..... 363**

III-Б отдел Большого Генерального штаба. - Разведывательные отделения пограничных корпусов. - Разведывательные Бюро в других странах. - Система управления агентурной службой. - Подбор руководителей разведывательных Бюро за границей. - Контроль и инструктирование агентов. - Офицеры Генерального штаба в роли контролеров.

Глава третья**Вербовка агентов..... 366**

Непрерывная вербовка. - Без различия класса, пола, национальности и подданства. - Приемы вербовки: невинные объявления в газетах. - Улавливание нравственно неустойчивых офицеров и военных чиновников. - Роль женщин. - Использование дезертиров. - Переписка с писарями. - Вербовщики под маской профессора.

Глава четвертая**Маскировка, подготовка, инструктирование и оплата агентов..... 372**

Мнение германского министра о маскировке агентов. - Каждый агент должен иметь подходящее занятие и завоевать общественное расположение. - Рассказ П. Кропоткина. - Обучение агентов специального назначения. - Сохранение тайны находится в обратном отношении к числу лиц ее знающих. - Система оплаты агентов. - Размеры оплаты. - Инструкция по собиранию и доставления сведений. - Собирающие общеизвестных сведений и слухов. - Специальные собиратели базарных слухов. - Гибкость агентурной сети. - Расправа с агентами, вышедшими из повиновения.

Глава пятая**Командировка офицеров в соседние страны..... 380**

Поездка офицеров Генерального штаба на рекогносцировки. - Тайная поездка ген. Мольтке во Францию. - Планомерность и систематичность такого рода командировок. - Командировки офицеров Ген. штаба под благовидными предлогами. - Любители фотографии и географии. - Похождения полковника Николаи.

Глава шестая**Агентурная деятельность официальных военных агентов..... 382**

Легализация института военных агентов. - Агентурная работа германских военных агентов. - Провалы германских военных агентов во Франции и России. - Подбор военных агентов. - Германские взгляды на обязанности военных агентов. - Изучение характеров лиц высшего комсостава соседей. - Гофман о Ренненкампе и Самсонове. - Мнение немцев о русской армии. - "Русские медленно запрягают, но еще медленнее едут".

Глава седьмая**Участие Вильгельма II в агентурной разведке..... 390**

Активная форма этого участия. - Институт личных адъютантов. - Вильгельм о задачах личных адъютантов и военных атташе. - Наблюдатели Вильгельма в русской армии в войну 1904-1905 гг. - Информация данная Вильгельмом Николаю Романову во время войны 1904-1905 гг. - Совет Вильгельма. - Пушек в ход не пускать и обходиться с прожекторами. - Адмирал Рожественский провокатор Гартинг-Ландезен и Вильгельм II. - Германский император не без удовольствия потирает себе руки.

Глава восьмая**Информационная роль германских подданных в соседних странах..... 400**

Германские колонисты в России. - Система их расселения. - Говорите по-немецки за границей и не забывайте никогда, что вы немцы, ибо иначе германская империя никогда не осуществит своего мирового значения. - Берлинские учреждения поощрения "патриотических чувств". - Агитационная литература из Берлина. - Различные общества и союзы немецких колонистов. - Причастность колонистов к разведке. - "Королевские информаторы". - Германские подданные в Англии и Франции. - Арест в ноябре 1914 г. в Калэ 230 германских агентов.

Глава девятая**Германские промышленные, торговые и финансовые предприятия за границей..... 404**

Промышленно-статистический отдел германского Генерального штаба. - Коллекционные кредиты. - Особые услуги, оказываемые германскими промышленниками отечеству. - Главные задачи германских предпринимателей за границей: 1. осведомление о развитии производственных сил страны; 2. противодействие этому развитию и 3. агентурная разведка. - Система и приемы работы. - Случай с заказом на дирижабль. - Германское правительство запретило исполнить этот заказ. - Пример двойного подданства. - Награды и личные письма Вильгельма германским купцам. - Циркуляры германского правительства. - Совещание в Берлине. - Специальные кредиты банку "Дисконто-Гезельшафт". - Офицеры герм. Ген. штаба в торговых предприятиях. - "У фирмы Тильмане на Дальнем Востоке мы пользовались также часто гостеприимством, как и на берегах Невы". - Шпионская переписка под видом коммерческих дел. - Противодействие Германии созданию торгового форта в России. - Роль германских банков в агентурной разведке. - Связь между русскими и германскими торговыми обществами во время войны. - Страховые синдикаты. - Система перестрахований. - Перестрахование даже во время войны русских боевых судов и подвижных лодок в германских страховых обществах. - Планы русских военных заводов на экране в Германии. - "Особо важные услуги", оказывавшиеся обществами перестрахования германскому правительству.

Глава десятая

Услуги, оказывавшиеся "Коммиферейном" германской агентурной разведке и некоторые итоги германского шпионства в России.....

421

Союз приказчиков и коммивояжеров на содержании германского правительства. - Работа Союза и его членов во время войны. - Члены Союза на нейтральных пароходах. - Работа Союза в Америке. - Интенсивность германского шпионажа накануне войны 1914-1918 гг. - Ликвидация шпионской организации в составе 5.000 человек. - Диверсионная группа. - Многочисленные артерии германской информации.

ЧАСТЬ II. Германская агентурная разведка во время войны 1914-1918 гг.**Глава первая****Организационная структура агентурной службы военного времени..... 425**

Подготовка агентуры на военное время. - Агентурная сеть военного времени. - Распределение ролей. - Система и план. - Периодические проверки агентурной сети. - Двойные подданные. - Чувствительные удары. - Массовые репрессии против немцев в России, Англии и Франции. - Германская разведка знала все, что нужно было командованию в начале войны. - Благодарность п-ка штаба Главковерха офицерам разведки. - Организационная структура органов разведки. - Обработка и распределение добытых сведений для военных целей. - Задачи III-Б отдела при Ставке Главковерха.

Глава вторая**Агентурная служба штабов фронтов и армий..... 433**

Переправка агентов через линию фронта. - Ухудшение условий и запрещение этой переправки. - Узаконение двойников. - Обращение с агентами. - Кадры агентов. - Подготовка и обработка агентов. - Инструктора и учителя агентов. - 3-этажные инструкции двойникам, - правда, мнимая, правда, мнимая ложь. Пароли и опознавательные знаки. - "Шпиона по роже видеть" - определение русской контрразведки. - Подвижные и оседлые резиденты. - Приемы и способы связи с агентами. - Шпиономания союзников, несколько курьезов. - Подвиг немецкой телефонистки. - Проект создания специальных судов по шпионским делам в России. - Агентурная работа подростков. - Агентурный опрос пленных. - Использование перебежчиков. - Использование захваченных неприятельских документов. - Охранение собственных документов и секретов. - Порядок хранения мобпланов в герм. Ген. штабе. - Офицеры, портфели и денщики. - Кара за разговор о делах службы с посторонними лицами. - Инструкция о сохранении секретов. - "Молчание сокращает войну". - Перехват и дешифровка неприятельских радиogramм. - "Игра с открытыми картами". - Преступная халатность русских штабов. - Неограниченная вера русских в проволочной телеграф.

- Своеобразная борьба русских с болтливостью и разбазариванием секретов. - Германская агентура на Азиатских фронтах. - Англичане о работе германских агентов. - Работа Васмуса в Персии.

Глава третья

Германская глубокая (стратегическая) агентурная разведка..... 479

Руководители агентуры - военные атташе в центральных странах. - Работа сети военного времени. - Сеть мирного времени. - Слабость германской морской разведки в России. - Разведка против России из Скандинавских стран и Китая. - 227 германских агентурных постов на русско-шведской границе. - Приемы агентурной работы из Швеции. Контакт между германским и шведским Ген. штабами. - Разоблачения шведского дипломата. - Участие шведских дипломатических учреждений в германской агентурной службе. - Германские агенты в русском посольстве в Швеции. - Агентурная работа из Дании на Россию. - Базы германских подводных лодок в Норвегии и их агентурное обслуживание. - Голландия, как центр герм. разведки против Франции и Англии. - Роль германских дипломатических, коммерческих и финансовых учреждений в агентуре. - Германская разведка и контрразведка в Швейцарии. - Ограбление австрийского консульства в Цюрихе. - Провал германской агентурной сети. - Германская агентура в Испании. - "Альфонс XIII за сволочь" - за союзников, остальная Испания - за Германию. - "Мадрид всегда давал нам очень верную информацию". - Германская агентурная работа в Греции. - Королева - осведомительница немцев. - Попытка союзников ликвидировать герм. агентурную сеть в Греции. - Работа немцев в Румынии. - "Румыны не нация, а профессия смычка и отмычки". - Агентурная разведка из Китая против Японии и России. - Диверсионный характер этой разведки. - Характер и направление агентурной разведки из Америки.

Глава четвертая

Германская агентурная разведка во вражеских странах... 500

Агентурная сеть в России, созданная еще в мирное время. - Благоприятные условия для агентурной работы.

- Сотни казенных людей и ни одной крупной раскрытой агентурной организации. - Центр шпионажа - Петербург. - Роль Распутина в системе германской агентурной службы. - Распутин, чета Романовых, Сухомлиновы, Никитина, Штюрмер, Протопопов и др. и германская агентурная служба. - "Большое Северное Телеграфное Общество" (Датский Кабель) и германская разведка. - Германские сестры милосердия и мнение п-ка русского Ген. штаба Беляева о возможности шпионажа с их стороны. - Германские "тысячные номера" под высоким покровительством в России. - Работа германской агентуры в Ревеле. - Комендант Осовецкой крепости ген. Н. А. Бржозовский - германский агент мирного времени. - Отказ Бржозовского сдать Осовец немцам за 500.000 марок. - Шпионские организации в Туле и Одессе. - Планы Кронштадта - в салоне баронессы Штампель. - Роль женщин в германской агентурной службе. - Работа германской агентуры в Англии. - Система работы.

Глава пятая

Способы и техника связи германской агентурной службы.....

530

Роль шведских посольств и консульств в системе связи германской агентурной службы. - Поразительная осведомленность немцев. - Специальные коды. - Служащие "Международного общества спальных вагонов". - Объявления в газетах. - Газетные опечатки. - Наклейка почтовых марок на письмах. - Цвет открыток, конвертов и сорта бумаги. - Тайнопись. - Применение аэропланов для доставки агентов в тыл противника и обратно. - Почтовые голуби.

Глава шестая

Активная (диверсионная) разведка.....

545

Курсы руководителей диверсионных групп. - Диверсионная группа финнов. - Взрывчатые вещества в виде плотничьего карандаша. - Взрывы складов в Силастуне и обозов с боевыми припасами. - Охота за "Новиком". - Взрывы в Казани, на Малой Охте (Петербург), пожар на заводе Вестингауза. - Взрыв русского дредноута "Императрица Мария" и итальянского дредноута "Леонардо да Винчи". - Механические взрыватели. - Раскрытие итальянской организацией "Сицилийская Мафия" германской тайной организации по взрыву кораб-

лей. - Взрыв в Белом море парохода "Барон Дризен". - Охота за Николаем Романовым во время его поездок по фронту. - Как немцы продавали русским оружие. - Универсальная германская диверсионная организация в Китае. - Диверсионная деятельность немцев в Америке. - Каперство. - Сын Вильгельма во главе диверсионной группы во Франции. - Уничтожение американских военных складов во Франции. - Машины для взрывания поездов. - Бактериологическая война. - Отравление колодцев было запрещено. - Распространение сапа и сибирской язвы.

Глава седьмая

Агитация и пропаганда..... 580
 "Победа слов и мыслей". - Организационная структура агитации и пропаганды. - 27 самостоятельных бюро или ведомств, занимавшихся пропагандой. Материал для пропаганды. - Ложь, прикрытая лозунгом "гром победы раздавайся". - Католическая пропаганда Эрцбергера. - "Гражданская и военная" пропаганда. - Людендорф о германской пропаганде. - Военный отдел пропаганды при министерстве иностранных дел. - Несколько примеров германской пропаганды.

Глава восьмая

Дезинформация..... 605
 Германское определение задач и целей дезинформации. - Дезинформационная "записка о распределении германских вооруженных сил в случае войны". - Проверка русским Генеральным штабом подлинности "записки". - Расхождение мнений. - Ручательство ген. Борисова за ее подлинность. - Мнение французского генерала и правительства в деле дезинформации. - Неудачи герм. дезинформационной деятельности. - Французский Ген. штаб - жертва герм. дезинформации. - Дезинформация во время войны 1914-18 гг. - Германская установка: "введение противника в стратегическое или тактическое заблуждение" и контрразведка. - Дезинформация - средство, способствующее ведению войны. - Распространение ложных слухов. - Промахи русских, поверивших герм. дезинформации.

Глава девятая

Заключение..... 619

Приложения:

№ 1.

Схема работы Разведывательного Отдела Штаба 5 армии..... 626

№ 2.

Схема агентурной разведки штаба Юго-Западного фронта по состоянию к 25-го ноября 1915 г..... 627

№ 3.

Схема взаимоотношений различных органов России, ведших "экономическую войну" в 1914-1917 гг..... 628

№ 4.

Лексика разведки..... 629

№ 5.

Документы из секретных архивов разведслужб Франции и Италии, касающиеся деятельности А. А. и П. А. Игнатьевых в Париже..... 653

Список источников..... 668**От редакции:**

Издание подготовлено по книгам К. К. Звонарева (наст. фам. Зайгзне К. К.):

- **Агентурная разведка. Том I.** Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914-1918 гг. *Издание IV Управления Штаба Раб.-Кр. Кр. Армии, Москва, 1929 г.*

- **Агентурная разведка. Том II.** Германская агентурная разведка до и во время войны 1914-1918 гг. *Издание IV Управления Штаба Раб.-Кр. Кр. Армии, Москва, 1931 г.*

Готовя издание к публикации, мы сочли возможным, не вмешиваясь в текст, исправить грамматические ошибки, допущенные наборщиками в оригинальных книгах; привести к единообразию написание воинских званий и названий воинских учреждений; выверить по ссылкам и дополнить списки использованной литературы. Также в "Приложения" добавлены разделы: "Лексика разведки" (терминология спецслужб) и архивные документы разведслужб, касающиеся деятельности А. А. и П. А. Игнатьевых в Париже.

По вопросу приобретения книги
обращаться по адресу:

**ЗАО Издательский дом
"Княгиня Ольга",**

ул. Павловская, 18, офис 1000, г. Киев, 01054

тел.: (044) 494-18-77, (044) 494-18-78,

факс (044) 494-18-79

E-mail: olga@brama-group.com

К. К. Звонарев

АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА

Русская агентурная разведка всех видов

до и во время войны 1914-1918 гг.

Германская агентурная разведка

до и во время войны 1914-1918 гг.

Ответственный за выпуск В. В. Юрченко

Редактор В. Ф. Федько

Сдано в производство и подписано в печать 4.04.2005 г.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Условн. печ. лист. 41,85.

Заказ № 5-126.

ОАО "Белоцерковская книжная фабрика",
ул. Леся Курбаса, 4, г. Белая Церковь, 09117